

НОВАЯ МИРА

Земля

НОВАЯ
МИРА

8

1954

1954

НОВОЫИ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXX

№ 8

Август, 1954 г.

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
С. ЗАЛЫГИН — Весной нынешнего года, очерки	3
СТЕПАН ЩИПАЧЕВ — Вот она, деревня Щипачи... Стихи	56
А. БЕК, Н. ЛОЙКО — Молодые люди, роман. Продолжение	57
Н. ПЕРЕВАЛОВ — Четыре стихотворения	125
МАТЕЙ СЛОМЧИНСКИЙ — Рассказ о непослушном сыне. Перевод с польского Валериана Арцимовича	123

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

ИВАН ЗЫКОВ — В лесном краю	144
----------------------------	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Инженер Б. АБРАМОВ — Энергия великих рек	183
--	-----

ПРОБЛЕМЫ НАУКИ

Кандидат химических наук А. НЕСМЕЯНОВ — Метод меченых атомов	195
--	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

О советском фольклоре	203
В. ЧИЧЕРОВ — Проблемы изучения советского народного поэтического творчества	
А. НЕЧАЕВ, Н. РЫБАКОВА — О пользе критики и о вреде нигилизма	
Л. ПЕРЩЕТСКАЯ — Фольклор советского времени	
С. ВАСИЛЕНКО — За передовую науку о народном поэтическом творчестве	
ОТ РЕДАКЦИИ	

КНИЖНО-ЖУРНАЛЬНОЕ ОБЗОРЕНИЕ

<i>Литература и искусство</i>	241
И. Зайцев. Повесть о Прскофии Нектове. — Е. Городецкая. «Дорога в жизнь». — Дм. Брудный. Киргизский театр. — А. Штейн. Драматургия Пушкина. — И. Липпай. Венгерская художественная проза. — Ю. Гаврилов «Избранное» Сватоплука Чеха.	

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

Стр.

Политика и наука

262

Кандидат исторических наук **Е. Черняк**. Исторические корни англо-американских противоречий. — Доктор географических наук **В. Покшишевский**. Неизбежные спутники капитализма. — Кандидат экономических наук **А. Шарков**. Бедствия трудящихся Японии. — Кандидат исторических наук **М. Соловьёв**. К истории древней Руси. — **М. Дурденевская**. Первый русский геолог. — Кандидат исторических наук **С. Шмидт**. Интересное исследование.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

284

С. ЗАЛЫГИН

★

ВЕСНОЙ НЫНЕШНЕГО ГОДА

Очерки

Весной нынешнего года редакция командировала меня в Юдинский район. Я должен был давать информацию в газету о подготовке к посевной в этом районе.

Юдинск — небольшой городок на высоком правом берегу могучей сибирской реки, в нём всего два-три десятка кирпичных домов, все остальные постройки — из добротного, кондового леса.

Центр города — около самой реки; здесь раскинулась широкая площадь, а на площади возвышается старинная каланча. Человек на каланче всегда смотрит только в одну сторону — на юг — и видит перед собой весь город, — с другой стороны площадь обрывается высоким яром, под которым летом изредка проплывают пароходы, сторонясь крутого берега, а зимой по гладкой синеватой поверхности скованной льдом реки торопливо бегут в тайгу автомашины, медленно ползут тракторы с тяжёлыми вoзaми. Тайга начинается сразу за рекой, поднимается по взгорью и уходит вдаль, насколько хватает глаз...

Приехав в Юдинск, я зашёл в райком и рассказал секретарю Арсению Петровичу Фоминых о поручении, которое должен был выполнить в районе.

Уже немолодой, но очень подвижный, живой, Арсений Петрович даже привстал за столом, когда рассматривал меня, как будто соображая, чего можно ему ждать от корреспондента.

Должно быть не сделав никаких выводов и попрежнему вопросительно поглядывая на меня, Фоминых спросил:

— Вам, конечно, нужно поехать в какую-нибудь МТС?

— Конечно, — согласился я.

— Так! — кивнул он. — В какую? Если вы хотите нам помочь, подтянуть отстающих деловой, принципиальной критикой — это одно. Если, наоборот, хотите показать положительный пример в порядке обмена передовым опытом — это другое.

Я ответил, что не имею определённых намерений на этот счёт. Для меня интересна любая МТС.

Фоминых встал из-за стола, прошёлся по кабинету, закурил и, остановившись посередине кабинета, сказал:

— Так и поезжайте в любую! В какую МТС будет попутчик, в ту и поезжайте!

Пожалуй, это было самое правильное решение вопроса, и я уже считал, что разговор наш окончен, как вдруг Фоминых заговорил снова:

— Ну, предположим, вы поедете в Зареченскую МТС. Места там красивые, тайга. Сумкин — директор не так чтобы очень сильный, но давний работник. Хозяйство знает. Людей тоже. Можно поехать к Сумкину, отчего же... Впрочем, у нас тут рядом с городом — Краснен-

ская станция. Там директор Краев. Славный товарищ. Новый. Приехал из города по призыву партии. Опыт, конечно, ещё невелик, но мы ему помогаем. И нужно прямо сказать — много помогаем... Вот это интересный материал для газеты. Право, поезжайте к Краеву. Только должен предупредить — колхозы в зоне Красненской МТС послабее...

— А много у вас сильных колхозов?

— Как же, есть... В Буяновской МТС. Да вот ваша газета писала о колхозе «Большая Поляна». Замечательная у них звероводческая ферма. Серебристые лисицы. Вы не бывали на таких фермах? Стоит посмотреть. Директор в Буяновке — Башлаков. Около года работает. Не совсем уравновешенный товарищ, нет подхода к людям. Ну вот, скажем, к тому же Паустову — председателю «Большой Поляны». Человек поднял колхоз, сделал миллионером, люди ему благодарны, а директор не даёт ему покоя. Не спору — в «Поляне» много недостатков, но надо же председателя поддерживать, если есть и успехи. В нынешней обстановке должен быть контакт между председателем колхоза и директором МТС. Так? Если такого контакта нет, добра не ждите. Так?

— А кто же там зональным секретарём?

— Поздняков... Уже пожилой человек. Башлаков слишком молод, а Поздняков староват. Тоже нет настоящей сработанности. — Секретарь подумал и ещё раз подтвердил: — Зажимает старика директор. Ему бы всё только по-своему. Но, в общем, не хочу сказать плохого — директор перспективный. Мы его должны воспитывать!.. Итак, лучше к Сумкину или к Краеву. Хотя можно и к Башлакову... Отчего же? Конечно, можно.

И тут я подумал, что поеду в Буяновскую МТС, к Башлакову.

Не знаю, почему я так решил, у меня не было никаких оснований для этого, но мне показалось, будто за словами Арсения Петровича о том, что молодого директора МТС нужно ещё много воспитывать, кроются сложные отношения между секретарём райкома и ещё не известным мне Башлаковым.

И то, что о Буяновской МТС Фоминых говорил более подробно, чем о двух других, показалось мне тоже чем-то примечательным.

Я попрощался с Фоминых и вышел из кабинета. Девушка в приёмной быстро соединила меня с Буяновской МТС, и я услышал грубый, отрывистый голос:

— Кто там меня спрашивает? Я Башлаков!

Я объяснил, что хочу приехать в Буяновскую МТС.

— Что ж, приезжайте! — ответил он. — Дорога к нам никому не заказана. Да вам, наверно, транспорт нужен? Нужен? Ну вот, так бы и сказали. Организуем! У меня в городе ходит один драндулет. Он сейчас в сельхозснабе должен быть. Вы позвоните в сельхозснаб, скажите, что я велел за вами заехать. Понятно?

«Драндулет», действительно, оказался в сельхозснабе и уже через час заехал за мной к гостинице. Это был страшно потрёпанный грузовик «ЗИС», и я спросил шофёра, почему он ещё ходит, когда его давно пора сдать в металлолом.

— Утиль на колёсах! — согласился шофёр улыбаясь. — А только Назар Матвеевич, директор, сказал: «Пускай ходит, пока не дадут новый. Ещё своим ходом должен в утильсырьё прийти». Вот и ездим, хотя уже два раза списанные. Как автоинспектор к нам в МТС, так я в кусты угоняю машину, чтобы с глаз долой, а потом обратно ездим. Что ты с ней сделаешь, ежели она ещё ходит?

В Буяновку мы приехали в конце рабочего дня.

Я зашёл в небольшой домик конторы МТС и постучался в кабинет директора, но мне не ответили. Заглянул — никого нет. Решив подождать Башлакова, я принялся рассматривать несложное убранство кабинета.

В простенках между окнами висели листы картона с засушенными болотными растениями, на стене слева от стола — диаграммы выработки на один условный трактор за последние несколько лет, в углу на столике лежали подшивки газет и блестели два телефона: один чёрный, другой коричневый.

На массивном и немного старомодном письменном столе, который на своём веку перевидал, наверно, не один десяток хозяев, не было ни одной бумаги, только под стеклом лежал табель-календарь, какие-то таблицы и несколько любительских фотографий.

Ждать пришлось недолго: дверь распахнулась, и передо мной появилась огромная, полный человек. Сбросив с головы мохнатую шапку с распущенными в разные стороны ушами, он обнажил яркую, рыжую голову, и лицо его сразу как будто ещё пополнило, а маленькие серьёзные глазки уставились на меня вопросительно. Не снимая кожаного пальто, он протянул руку.

— Башлаков... Значит, это вы звонили? Ну что, наш экипаж всё-таки довёз вас?

Я тоже отрекомендовался и ответил, что машина дошла без приключений.

Башлаков снял пальто и громко засмеялся.

— А хорош «шкелет»! Ведь хорош? Я на нём и начальство вожу, особенно которое из областного управления. Пусть чувствуют. Они за нами шесть машин числят. Числят — и баста! Записано: в Буяновской МТС машины есть. А то, что эти машины ещё до моего прихода сюда раскомплектованы и списаны, это никого не касается. Канцелярию, батенька мой, не так-то просто повернуть наоборот. Ну, а вы надолго к нам? Охотитесь?

Я не понял и переспросил.

— Охотник, спрашиваю?

— Так, немного...

— Ну, это значит совсем не охотник. А я вот люблю это дело. Только заниматься тоже некогда. За зиму стрельнул двух волчишек, да и то по случаю, сами подвернулись, по собственной глупости. А настоящей охоты, чтобы с азартом, с собаками, — нет, не было. Некогда!

Помолчав, он вдруг заговорил о другом:

— Чёрт подери! Жеребчишку чуть не загнали сегодня. Понимаете, молодой ещё жеребчик, а сегодня на нём в соседний район на лесоучасток экспедитор махнул. Потом я смотрю после обеда — почему это экспедитор по усадьбе ходит? Вызвал, спрашиваю: «Ты почему вернулся?» — «Как чего? Сделал всё, как надо, и вернулся!» И, представьте, ещё улыбается! Я на конюшню бегом. Конечно, жеребчик весь в мыле, дрожит. Я на экспедитора: «Ты в своём уме — так гнать трёхлетнего коня?» — «А чего его гнать?» — отвечает. — Его только сдерживай, сам идёт!» Вот хозяин — раз идёт, значит нечего беречь! Вы лошадой любите?

— Люблю, но мало в них понимаю...

— Значит, не любите? А я вам скажу, батенька мой, на машине или на мотоцикле — это, конечно, хорошо. Но лучше нет — на коне! В кошовочке и чтобы сбруя блестела! Одну ногу выкинешь, сам набок клопнишься, чтобы дорогу лучше видеть, снег в лицо... Сибирская езда! Уважаю!

— Вам бы надо быть директором конесовхоза! — заметил я.

— А я бы пошёл! — согласился он серьёзно. — А что? Кончил бы заочно коневодческий институт и пошёл бы!

Потом я спросил Башлакова, какие перемены происходят в работе МТС за последнее время.

Он уселся в кресло за свой письменный стол, подумал, стукнул ладонью о ладонь и заговорил:

— А вот какие. Сегодня из области мне звонят и требуют, как отстающему, сообщить о подготовке семенного материала. Раньше — что вы! — я бы из кожи лез, чтобы к отчётному числу выгнать показатель. А теперь спокойно им объясняю: «Пятьдесят процентов!» — «Как пятьдесят? Куда вы смотрите?! Сев на носу! Не знаете, что весна наступает?» Я говорю: «Не шумите. Не потому пятьдесят, что ничего не делаем, а потому, что организуем вторую и третью очистку и хотим иметь семена выше, чем по кондиции. Вот!» Мне отвечают: «А знаете, что вы в областной сводке на десятом месте сзади?» Тут я рассердился, ответил им насчёт этого самого десятого места и говорю: «Вы что хотите, чтобы я на иголках сидел и «ура» кричал? Не выйдет! Одна очистка ничего не даёт, и, поскольку есть задача получить качество выше кондиции, ради сводки одну очистку показывать не буду. Я кончил!» А почему такой разговор возможен? Стали смотреть на вещи реальнее. Дело давай, не разговор! Результат давай — урожай! А как ты его добывать будешь — твоё дело, на это тебе больше прав дано. Больше прав дано директору, меньше его бумагой, сводкой мучают... Всему судья — дело. Как сделал, чего добился, так о тебе и судят. И ты так же подходишь к людям. Тут уж горлохвату, крикунишке пролаза нет. Тут мы и вашего брата, который всё пишет да пишет, тоже зажмём, кстати говоря! Пиши, но меру знай, пиши о деле, как оно есть, помогай, а не запутывай. А то похоже было, иной корреспондент пишет, вроде бы тоже свой показатель выгоняет... Да что говорить! — неожиданно закончил он. — Что о деле говорить? Его нужно видеть своими глазами, в руках подержать! — Он потряс своими большими руками, потом помолчал и спросил: — Вам квартиру организовать? Могу помочь... У нас у монтера домик новый поставлен, жильё что надо, а он квартиранта возьмёт с удовольствием...

Так состоялось моё знакомство с Башлаковым.

Я жил в Буяновке, несколько раз на день заходил к нему в МТС. Башлаков беседовал непринуждённо, но как-то так, что я всегда чувствовал: он здесь — хозяин, а я — гость... Он не заводил при мне разговоры о делах МТС, а когда я спрашивал, как готовятся колхозы к посевной, как работает тракторный парк, он отвечал: «Работаем! Поглядите сами!»

Но я всё-таки ждал какого-нибудь случая, который помог бы мне узнать Башлакова ближе.

И в самом деле, вскоре мне привелось быть свидетелем одного откровенного разговора.

Разговор с Пислегиным

Я был в кабинете Назара Матвеевича, когда к нему вошёл Пислегин.

— Ого! — удивился Башлаков. — Какими-такими судьбами? — И, не дожидаясь ответа, пригласил: — Садись, гостем будешь!

Пислегин поздоровался с директором, прищурился, глядя на меня и вспоминая, где он меня видел, а потом сказал:

— Корреспондент? Узнаю... Ну что ж, разговор у нас будет с Башлаковым, как бы это сказать, серьёзный разговор. Без стеснения. Скрывать нечего, могу говорить и при посторонних людях...

Я знал немного Пислегина, он был человеком довольно известным в нашей области. Известность у него особая...

На юге, в степях, ещё в тридцатом году была организована Веселовская МТС. Пислегин забил первый кол на площадке этой первой в области МТС и с тех пор бесменно был её директором. Сам он выходец отсюда, из северных районов, но давно жил на юге.

А это разные страны — юг и север нашей области.

Разница примерно такая же, как между побережьем Белого моря и Чёрного или как между пасмурной Голландией и солнечными плоскогорьями Испании, только там одна климатическая зона отделена от другой тысячей километров, несколькими государствами, у нас же, в континентальной Сибири, между тайгой и болотами с одной стороны и безводными степями — с другой лежит средняя полоса всего в какую-нибудь сотню километров, на протяжении которой болота смешались со знойной степью.

Общими же для нашего юга и севера являются зимние морозы. Если бы не это обстоятельство, у нас на юге выращивали бы и виноград, и хлопчатник, и, чего доброго, апельсины.

Вот и специалисты сельского хозяйства, и партийные, и советские работники делятся у нас на южан и северян.

Хозяйство, почвы, условия работы, даже люди — разные на юге и на севере. На севере — урожай, на юге — засуха; на севере вода затапливает сенокосы, на юге часто озечке напиток негде; на севере — лесозаготовки, на юге вместо заборов — канавы да земляные валы, а дома редко-редко встретишь деревянные, всё больше мазанки; на севере больше всего исконных сибиряков, встречаются и татарские деревни, на юге целые районы заселены переселенцами с Украины и много казахов.

Пислегин давно уже стал степняком, и появление его здесь, на севере, в то время как в степях нынче поднимают полмиллиона гектаров новых земель, — это не просто желание прогуляться. Если бы он не собирался поговорить о чём-то серьёзно с Башлаковым, тогда зачем бы его занесло в Буяновку? Тем более, что, судя по всему, они хотя и знакомы, но не близко.

Значит, у Пислегина есть причина и, надо думать, серьёзная. Можно даже сказать больше: Пислегина сняли с работы. То, что Пислегина давным-давно уже следовало снять, было ясно для всех, кто знал его, хотя никто не отрицал за ним огромного опыта работы.

Пислегин пригонял в степь со станции железной дороги первые тракторы. Вместе с водителем он сидел на машине, прокладывающей первую борозду, и видел, как толпы босых ребятишек неслись по этой борозде, как крестились женщины и старики.

Сколько крутых поворотов в своей жизни испытал старый директор, скольких перевидал секретарей райкома и обкома, сколько техники разных марок прошло через его руки, сколько директив он выполнял, сколько раз перестраивался, признавал ошибки, выходил сухим из воды, сколько получал взысканий и поощрений — никто не мог бы всего этого подсчитать!

В начале своей деятельности он работал так, как только мог, как позволяли ему силы и знания. Сил у него было много, знаний не хватало, но в то время не очень-то многие директора МТС и совхозов обладали большими знаниями, и он, человек решительный, хитрый, умеющий и приказывать и слушать, неплохо вёл сложное дело. Веселовская МТС, организованная раньше всех других в области, так и шла первой по всем сводкам. Конечно, дело было не только в Пислегине. Долгое время работал секретарём райкома человек очень толковый, авторитетный, известный в Сибири, он поддерживал, поправлял Пислегина.

И Пислегин был членом пленума обкома, ездил в Москву на совещания передовиков, то и дело выступал в областной газете...

А теперь совсем иное имя у человека.

Теперь только и разговоров о том, как Пислегин «торгнул» горючим, да так оформил бумаги, что все об этом знают и никто не может придраться, как он ушёл от очередного выговора на бюро, как обошёл банк, обманул кого-то в сельхознабе.

Каким образом произошла эта перемена в человеке — кто знает!.. Рассказывают, что увлёкся он этими коммерческими операциями во время войны. В других МТС тракторный парк тогда изнашивался, даже сокращался, — в Веселовской МТС, у Пислегина, рос. МТС, особенно степные, страдали из-за того, что ветшали постройки, требовали капитального ремонта, а строительных материалов не было, — Пислегин строился. Кончилась война, стали осматриваться, подсчитывать, кому и сколько нужно дать средств на восстановление, на новое строительство, — Пислегин опять получил больше всех: у него оказались выведенными кирпичные стены новых мастерских, заложен фундамент конторы, выкопаны ямы для посадки деревьев и кое-где даже посажены сосны, привезённые в степь из северных районов... Дело начато, надо кончить, надо дать для этого деньги Пислегиину. Дали. А соседние МТС, в которых протекали крыши, ещё год простояли под этими крышами.

Далеко в степи видно Веселовскую МТС!

Мне приходилось бывать в тех местах, и я помню, как блестит на ярком солнце оцинкованное железо кровель станции, помню стройные рядки молодых сосенок вдоль зелёного штакетника ограды, проходную, в которой сидит сторож со сказочной бородой, а самое главное — отдельное здание, в котором стоит огромный станок, — Пислегин привёз его, толком никто не знает откуда, на шестнадцати парах рабочих волов.

В МТС этот станок не нужен, но иногда за добрую сотню километров сюда привозят из депо на машинах колёсные пары, и Пислегин говорит:

— По бедности паровозишки ремонтирую...

Разговор между Назаром Матвеевичем и Пислегиным идёт непринуждённый. Назар Матвеевич рассказывает о своей работе и ещё охотнее слушает старого, выдавшего виды хозяйственника, то и дело замечая:

— Каков ты злодей, Федотыч! А!

Они обмениваются мнениями об областных руководителях, и Назар Матвеевич спрашивает:

— Как ты думаешь, Федотыч, Колесникова скоро выгонят?

Колесников — один из заместителей начальника областного управления сельского хозяйства, и я знаю, за что его не любят в МТС и в колхозах, — за грубость.

— Не скоро выгонят, — утверждает Пислегин. — Выгонят, но не так скоро.

— Почему ты так думаешь? Исправится?

— Нет, не в том дело. Агроном он никудышный, это правда, а механизацию знает. Это раз. А во-вторых: горло у него, как выхлопная труба. Такой уж человек, что ему доказывать никак нельзя. Ты ему объясняешь, а он тебе из выхлопа в физиомордию раз — и оглушил. И получается — там, где разумный человек ничего не докажет, этот безо всяких доказательств своё гнёт. А ты знаешь, я его раз шибанул из МТС. Только один на один.

— Как так?

— А вот так. Он приехал и поднял шум у меня в кабинете. Это не так, то плохо, все мы тут бездельники, и всё такое прочее. Слушал я, слушал — всё! — лопнула моя чашка терпения! Подошёл к нему и так тихо... — Пислегин наклоняется к Назару Матвеевичу и приносит полный голос: — «Ты! Замолчи! Замолчи, говорю! Испугать хочешь? Врёшь, не испугаешь!» — Широкое лицо Пислегина вдруг краснеет, становится отчаянно смелым, и он, хватая Назара Матвеевича за пиджак, говорит ему в лицо: — «Врёшь! Я на Колчака с вилами ходил, не боялся, а тебя, такого, не побоюсь и совсем! Виноват — суди, снимай, а кричать не смей! Не позволю! Сейчас соберу с усадьбы народ и сам облаю тебя так — на всю область!»

— А он что?

— Опешил и сел. Сидит, молчит. Тогда я так нежно его по плечу, а потом и говорю: «Вот что, дорогой! Поезжай-ка ты сейчас в поле, к тракторам, посмотри на полевые работы, успокойся, а завтра мы с тобой все дела по-спокойному обговорим!» Он уехал и не приезжал.

— Силён злодей Федотыч! — усмехается Назар Матвеевич и вдруг, хитро улыбнувшись, спрашивает: — А скажи, ведь не за то место он тебя взял? Если бы он взял тебя в оборот за торговлишку, ты бы промолчал. Так ведь?

— Кто его знает... Нет, не промолчал бы... Как хочешь, а кто ему дал такое право на меня, старика, на партизана, кричать?

— У него-то таких прав нет. Это верно. Только он-то ведь знал, что и ты свои права с этой торговлей, с коммерцией, растерял...

— Ну, а с этой стороны у меня в то время в области надёжная под-держка была...

— Вот видишь, как дело-то, значит, обстояло. Нет, так, парень, нельзя, — решает Назар Матвеевич. — Надо не один на один, а в открытую, чтобы все видели твои действия да ещё и поддержали бы тебя. Я сделал так. Есть у меня тракторист добрый, бригадир Строков. Не столько он водитель, сколько ремонтник. Я бы его вообще в мастерские давно уж поставил — упирается, говорит: без полевой работы нет тракториста. Понятно тебе, что правильный тракторист? Понятно. И вот прослышали о нём в управлении и вызывают в область, а оттуда хотят направить в отстающую по ремонту МТС для обмена опытом. Опять же дело доброе. Так. Вызвал Колесников Строкова и два дня его в приёмной держит. Всё не может принять. Занят. Бумаги. Тогда Строков оставляет у секретарши записку: «Товарищ Колесников! Дальнейшее пребывание в вашей приёмной считаю вредным для производства!» — и едет домой. Теперь Колесников приезжает сюда, Строков работает уже в поле. Он к нему и вот — как с тобой — начинает своим выхлопом глушить Строкова. И мелкая, мол, пахота, и из радиатора капает, и сиденье на тракторе грязное — он, видишь ли, запачкался. Строков слушает молча, трактористы тоже слушают, потом бригадир я должен был показать пример поддержки и дисциплины. А не знаете вы, около какой беды ходили!» Сел на мотоцикл и уехал... Это дело произошло без меня, мне рассказали, я проверил и на одном совещании в области, вот как тебе сейчас, выложил всю эту историю. И, конечно, воспитательную работу принародно провёл с Колесниковым: дескать, когда же, товарищ Колесников, вы нормально научитесь разговаривать с людьми? Это ведь необходимо для руководителя, как вы сами-то думаете? Он выслушал — и ни слова. А пока я Колесникову внушал, знаешь, о себе подумал. Вернулся из области домой, да на мотоцикл, да в бригаду Строкова. Проверил всё у него, посмотрел, для порядку пожурил, потом говорю: «Вот что, Строков. Ты и дальше, кто бы к тебе ни приехал, давай в том же духе, держи курс на достоинство тракториста!»

Потом Назар Матвеевич спрашивает:

— Скажи, Федотыч, — правда, что ты своей почкой спекулируешь?

— Враки! — отмахивается Пислегин.

— А ты расскажи!

— Да что рассказывать? Почка у меня одна, другая давно вырезанная. — Он вдруг оживляется. — Из-за этого, знаешь, в организме человека есть такое вещество...

— Ты по существу, — перебивает Назар Матвеевич. — Медицина здесь ни при чём, особенно для меня. По мне хоть почка, хоть селезёнка — я на этот счёт понятия не имею!

Не очень охотно, но всё-таки Пислегин начинает рассказывать «по существу».

Дело, оказывается, в том, что у него единственная почка больна. Каждые шесть или даже четыре часа ему нужен укол, и он делает это сам, без помощи врача. У него всегда с собой шприц и лекарство, делает он уколы где придётся: дома, в поле, иногда в машине, приходилось даже зимой в кошовке. Если укола не сделать во-время, через час человек лежит, у него состояние тяжелобольного.

Я смотрю на Пислегина с удивлением. Я знаю наши сибирские дороги и бураны, имею представление о работе директора МТС. С такой болезнью Пислегину лежать бы в больнице или выйти на пенсию и жить в городе, поблизости от поликлиники, а он с утра до ночи на работе, мотается по степным дорогам, ездит куда-то в Казахстан, организует, как он сам говорит, «взаимопоощрения».

Я готов простить ему многое.

Но потом выясняется, что и свою болезнь не раз и не два Пислегин использовал так: вызовут его на бюро, чтобы дать крепкое взыскание за эти самые взаимопоощрения, а он не сделает себе очередного укола, и вопрос снимается с повестки дня ввиду того, что Пислегин тяжело болен. Несколько раз он откладывал таким образом судебные заседания по предъявляемым к нему искам, а если дело отложено, есть время для того, чтобы кое-что «замять».

— Ч-чёрт! — удивляется Назар Матвеевич. — Это, парень, ты переплюнул самого себя! Надо же подумать, а? Ну, дальше? Ещё расскажи!

Пислегин вполне искренен, он ничего не скрывает, рассказывает о тайной свиноферме в степях Казахстана, о рыболовецкой бригаде на каком-то далёком озере, выручка от которой шла на строительство МТС и на покупку горючего для тракторов. Эти тракторы давно уже были списаны, на балансе МТС не числились и работали где-то на стороне.

Вместе с тем Пислегин рассказывает, а Назар Матвеевич жадно слушает о работе лучших трактористов, о том, как в Веселовской МТС реставрировали некоторые детали, как там полностью собрали несколько тракторных двигателей в резерв и в горячее время уборки или посевной в течение суток заменяли двигатель на выбывшем из строя тракторе.

Потом Пислегин замолкает, как бы предупреждая, что сейчас начнётся тот разговор, ради которого он приехал в Буяновку. Видно, что Пислегин думает, думает напряжённо. Глаза у него сощурены, одна рука заткнута за пояс гимнастёрки, другая лежит на столе.

— Теперь дальше, — говорит он медленно. — Ты знаешь, Матвеевич, что сейчас на юге делается? Эшелоны автомашин идут на целину, люди, техника. И по нашей грани и в Казахстане — везде кипит! Это здесь, у вас, тишина и спокойствие. Трактористы сколько уже лет на своих машинах, директор не только каждого из них знает — ребятишек у каждого по пальцам перечтёт. Дороги проторены. Посевная начнётся, Башлаков на свой «газик» — и по бригадам. А бригады — как часы. Ты же их завёл, отрегулировал. Неполадки, конечно, будут, но пустячные, говорю — машина заведена, отрегулирована.

— Не так! — утверждает Башлаков. — Насчёт чёткости в работе — добиваемся! А насчёт того, что север — это место тихое, не так! Ты слышал — я нынче полевые работы начал за месяц до срока: массовая вывозка перегнойа на поля? А слышал, что в нашей МТС безо всяких особых планов за два года поднято из-под болот пять тысяч новых земель, а на этот год мы уже план получили ещё на пять? Начало! На будущий год дадут технику — и зашумим! Осматывать, корчевать, осваивать! Я ещё потягаюсь на этот счёт с югом, дай срок!

Пислегин не выражает ни малейшего недовольства тем, что мысль, которую он начал высказывать Назару Матвеевичу, прервана. Наоборот, он спрашивает Башлакова о подробностях всех этих дел, даёт советы.

Седой, рыхлый, кажется уже одряхлевший, он вдруг въедается в хозяйственные дела, и видно, какая у него хватка на этот счёт. Он соображает, словно речь идёт о наряде на завтрашний день, как избежать холостых прогонов тракторов, как использовать выкорчеванный лес, куда в области и в Москве лучше всего толкнуться с докладными, чтобы «подбросили» побольше техники, чтобы в конце концов работы было как можно больше, чтобы задачи были труднее, чтобы Буяновская МТС была в новом деле впереди. В первый раз за весь вечер он встаёт из-за стола, торопливо ходит по комнате из угла в угол, и его тонкий голосок уже не режет слух, потому что говорит он умно, дельно. А потом вдруг останавливается резко, будто споткнувшись:

— А меня, Назар, выгнали из степи. В такое время — выгнали! Сколько мог бы ещё поработать, сколько сработано уже, — не посмотрели, выгнали... Началось с того, что в мою МТС — ни гвоздя. Ну, то есть давали помаленьку, но я так не привык. Говорят: «У тебя хозяйство налажено, надо помочь другим».

— То есть давали, но не больше, чем другим? — поправляет Назар Матвеевич.

Пислегин теперь уже не слушает собеседника и продолжает:

— И другие МТС начали обходить меня. Проектируют постройки почище моих. Шефов к ним из города прикрепили таких, что те на свой счёт мастерские строят. А я не могу, чтобы у других было больше. Не дают — я изыскиваю. У нас ведь как бывало? Нет — значит, изыскивай, выходи из положения! Я изыскивал, выходил не один год. Получалось. Если чего не хватает — денег ли, горючего, — из-под земли, но достану! Всё выкопаю, бывало... Хвалили: это, дескать, инициатива! Учитесь у Пислегина! А я масштабов не боялся: степи широкие, масштабы сами напрашиваются. Сибирь! Планета! На мелочи, на пятачки не разменивался. Никто не скажет, будто Пислегин пороса на куря менял! Зачем? Мелочное дело — уголовное дело. Законы не любят, когда их по мелочному случаю обходят! И я на своём стоял. Не дают — изыскиваю. А стало не получаться. Раньше мне запросто было скомбинировать, теперь не выходит, хоть убей. Друзей снимали, которые сами ушли. Финансовая дисциплина, сам знаешь! Одним словом, не выходит, погорел. По-го-рел... Сам знаешь, с Пислегиным такая штука должна была случиться. Вот и случилось. Теперь я к тебе, Назар...

Башлаков посмотрел на Пислегина выжидающе, сказал:

— Давай, давай, объясняй!..

— Поработать хочу, Назар! Покуда почка моя обеспечена правильным техуходом, я ещё могу!

— Час добрый, Семён Федотыч!

Пислегин, прислонившись к печке и сложив руки на груди, говорит: — У тебя хочу поработать. Завхозом, диспетчером, каким-никаким механиком... В области, в кадрах дело будет обеспечено. Это точно. Позвони в райком: беру Пислегина — и всё! С тобой считаются. Ну скажи, Матвеевич, работать я могу?

— Можешь...

— Хочу?

— Хочешь...

— Значит, всё! Комбинировал, свиную ферму завёл — мало ли ещё что? Не для себя. Для своей МТС. Умру — она стоять будет, голубушка, в степи. Спросят: «Кто строил?» — «Пислегин строил!» За счёт

ли свиной фермы или ещё как — вопрос второстепенный, никто об этом не спросит! А вот мастерская стоит, паровозы можно ремонтировать — это факт! Сосны стоят в степи, веточками покачивают — факт! — На минуту Пислегин замолкает, закрыв глаза, как будто слушает шелест сосен в степи. Потом продолжает: — Почему я к тебе пришёл? Объясню. Давно замечаю тебя на совещаниях... Тебе какой годочек?

— Тридцать три...

— Вижу — силён Башлаков. Молод, а силён! Чалдон! Газетку читаешь — прёт Буяновская МТС всё в гору. И как? Не ищет обходов, не комбинировать — на прямую! Башлакова начальство хвалит, а он что? А он критикует! Ты знаешь ли, что это дело самое серьёзное? Когда тебя ругают, а ты отругиваешься критикой — это одно. Когда тебя хвалят, а ты в ответ критику, требования — это другое! И не просто взлягивает — критикует! Башлакова — в управление, в аппарат, а он там года не просидел и обратно в МТС: канцелярский климат не подходит. Так вот, скажу: чувствую — мне на старости лет надо около Башлакова поработать. Вернулся на север. В родной дом. Отсюда начал, здесь и кончу... Здешний я, соседнего, Суминского района... Эх, как бы я тебе помог, как помог! Дай мне дело! — Пислегин вытер пот с лысеющей головы, тяжело вздохнул и ещё сказал: — Дело дай! — и ничего просительного, униженного не было в его позе, он требовал работу. — Мы с тобой, Назарыч, ещё передовую в области Димитриевскую МТС загоним!

— А силёнки есть у тебя, Семён Федотыч! Есть силёнки! — ответил Башлаков. — Верю, надо тебе поработать, не хочешь ты на учёт в собес становиться. Только вот — зачем ты ко мне пришёл? Договориться? И получается, ты Веселовскую МТС своей считал, а Буяновскую за мной числишь! Смотришь так: директор — хозяин, договорился с ним, и дело сделано! И вот мне видать теперь, как ты далеко зашёл, Семён Федотыч. А почему ты не пошёл в райком, не объяснил там своё положение? Или ты не знаешь, кто кадрами ведаёт? Вроде маленькая разница, куда сперва пойти — в райком или к директору МТС. А я, к примеру, из того вижу, что у Пислегина заход, замашка осталась прежняя. Получится так: мы с тобой договорились, ты в Буяновке работаешь. Завтра ты делаешь не так, как надо. Я тебе — замечание. А ты? Ты скажешь: «Друг любезный, зачем же ты меня брал к себе?» Мне нужно будет на тебя найти силу. Куда мне идти? В райком. А там? Там скажут: «Ты же сам его к себе взял!» Другое дело, когда из райкома мне позвонят и скажут: «Возьми, Башлаков, Пислегина на перевоспитание. Вот тебе наше задание — взять и жать на него как следует!» А ты хочешь в ответе быть передо мной, а не перед райкомом. Это — раз...

— Так... Ну, а ещё?

— Ещё — хочешь не хочешь, Семён Федотыч, а должен ты понять, что списанный ты человек. Был ты первый директор первой в области МТС. Человек заслуженный. Партизан. Работал много, честно. Тебе почёт, уважение. Правильно! Но только сделал ты первую махинацию, как тогда же, с первого же раза, знал: эта штука до добра не доведёт.

Пислегин неопределённо пожимает плечами, но Назар Матвеевич и не требует от него признания.

— Так! — уверенно кивает он, оправляя на лбу рыжий чуб. — Точно: знал! Знал, но не справился с собой. То есть начал с того времени вроде бы уже и не по-настоящему жить, а так — существовать. Государственного ума не хватило. Своей есть, а государственного маловато. Пока ты строился в степи один, чужие фонды отхватывал — ты выше всех был мастак. Всем трудно, а тебе легко. Когда все МТС начали строиться, всем легче — тебе труднее. Деньги, средства — что закон сохранения

энергии: в одном месте их больше, значит в другом — меньше. А тебе один закон: мне и опять же мне. Государственные дела стали бы вроде одно, а Веселовская МТС — другое. Когда взяли задачу — восстановить сельское хозяйство после войны, ты уже в передовиках не ходил. Когда сентябрьский Пленум стал людей подымать, ты уже назад сдал... А тут вскоре февральско-мартовский Пленум, и, видать, ты был запланирован на списание. Ты говоришь, тебя за перерасход средств убрали? За нарушение лимитов? Нет, парень! Если это дело ты недалёко завёл, тебя бы поругали, а если далеко — посадили бы! И получается, что, кроме почки, тебе ещё и сюда, — Башлаков показал на голову, — сюда впрыскивание требуется...

— Давай! Давай впрыскивай! — усмехнулся Пислегин. — Зло берёт слушать тебя, ну, затем и приехал. Вали!

— Ты депутатом областного Совета был?

— Был...

— Депутатом районного Совета был?

— Был...

— И членом пленума райкома?

— Был и членом бюро...

— Дальше я сам скажу. Дисциплина у тебя в МТС тоже была, председатели колхозов — тоже было — уважали тебя. Знаю: было это всё! А теперь? Вот где ты потерял себя! Мастерские сгрозил, сосны в степи насадил, а доверие потерял! Как так? Выходит, ты всё это делал не столько для людей, сколько для себя. Выходит, безразлично, как ты всего этого достиг и какой ты сам есть человек! Теперь ты меня спросишь: «Хорошо. Так. Потерял доверие в своём районе, где двадцать три года руководил МТС. Признаю. Потому и пришёл в другое место, хочу здесь хотя бы часть того доверия получить, которое запросто дома растерял. Кто меня этого права может лишить?» Так?

— Это точно. Скажу ещё: пришёл Пислегин к Башлакову, а Башлаков свой авторитет высоко ставит, очень крепко о нём заботится!

— Заботится, не спорю! — кивнул Башлаков.

— Бойтся за своё имя!

— Ага, бойтся! — снова подтвердил Башлаков. — Я, парень, трудно переношу, когда меня вслух хвалят. Особенно на собрании иной раз, знаешь, как бывает: не за то хвалят, что ты хорошо сделал, а за то, что у других хуже. Пот с меня льётся в такое время — мало того, что рубаха мокрая. — в сапогах хлюпает! А вот что обо мне говорят на работе, дома ли, или вот после того, как я продувание мозгов трактористу сделаю, — так что он говорит после, это нужно не то чтобы знать — догадываться. Всем мил не будешь — дело известное. В этом вопросе так надо разобраться: кому я добра не желаю, тот пусть как хочет, так обо мне и думает. Другой раз, чем хуже такой обо мне думает, тем мне аж приятнее: задору больше! Но таких немного, по пальцам сочту! А что хорошо обо мне думают — то потерять боюсь. Смотрю на тебя — ты этого не боялся. Вот теперь я подошёл к тому, отчего я тебя в МТС боюсь брать...

— Впрыскивай! — снова подтвердил Пислегин, отвечая на вопросительный взгляд собеседника и снова вытирая пот с лица.

— А вот, чтобы доходчиво... Я ещё в Опаринской МТС работал, и агроном у меня был — оба молодые, холостяки ходим. Иной раз вечеринка какая — пойдём вместе с ним. У него, у бабника, получается так: хоть тебе сто, хоть тысяча честных женщин, среди них есть одна т а к а я — и он её увидит. Как он её увидит среди всех, как они друг друга поймут — кто его знает?.. Представь, на работе — такая же история. Приезжаю я в город, в районные организации, в область ли. Что

мне положено — деньги, запчасти, машины, стройматериалы — вынь да положи! Дают. Башлаков — скандальный парень, не дать, задержать — будет жаловаться, добиваться.

— А если можно взять больше, чем положено, берёшь?

— Беру! Только так — если знаю, что могу кому угодно после сказать: «Взял!» — тогда беру. И разговор у меня, хоть в банке, хоть в гутапе, хоть в сельхозснабе — везде одинаковый, свой. Как говорю, так и понимай. И вот, если сидит где такой делец, пройдоха, я его не вижу и не понимаю! Теперь появляется в Буяновской МТС Пислегин. Как ты будешь говорить, какие слова — не знаю. Только знаю: в городе ли, у себя ли в МТС, в колхозах — все эти люди на тебя выйдут. На твой запах выйдут. Вы друг друга с первого взгляда почувете. И скажу прямо: нет у меня надежды, что по-другому ты сможешь. Не верю этому! Такое моё мнение по этому вопросу, парень...

Пислегин сел за стол, сам налил себе стакан воды, не отрываясь, выпил. Придвинув стакан вплотную к графину, сказал:

— Мнение для меня важное. Всё высказал?

— Всё.

— Так... Говоришь ясно. Свет когда гасишь?

— Да уж скоро выключат... Задержался машинист на локомотиве сегодня: вчера внушение ему делал.

— Покуда светло, мне бы уколоться. Мала штука — почка, а лекарства на неё извёл — цистерну!

— Иди в комнату к агроному, — указал Назар Матвеевич. — Там тепло, светло, мухи не кусают и никого нет.

Вернувшись через несколько минут, Пислегин спросил Назара Матвеевича:

— Переправишь меня в Юдинск?

— Когда тебе?

— Да хоть сейчас...

— Могу. Бухгалтер в банк едет на моём газике.

Вскоре за окном заворчал «газик».

— Ты что же, в райком сейчас? — спросил Башлаков.

— Туда! — кивнул Пислегин.

— Будешь там — не забудь сказать о нашем разговоре. Мне ведь сообщат, вот, дескать, Пислегин у нас в районе, а я что же — не промолчу ведь, что мы с тобой уже виделись.

Пислегин молча кивнул.

— А почку свою береги, пригодится!

— Пригодится...

Через окно я видел, как Пислегин пожал руку Назару Матвеевичу, подошёл к машине и деловито стукнул ногой по колёсам — хорошо ли держат воздух. Заглянул назад — на месте ли лопата. Потом заговорил с бухгалтером — должно быть, объяснял ему, что на заднем сиденье трудно ехать с больной почкой.

Бухгалтер уступил ему переднее сиденье.

Пислегин уселся, тронул шофёра за плечо, махнул рукой Назару Матвеевичу.

Когда начинается посевная?

На столе у директора Буяновской МТС среди десятка других директив и распоряжений, полученных на неделе, лежит одно краткое распоряжение.

Эту бумажку Назар Матвеевич читал уже несколько раз.

Бумага простая: областное управление сельского хозяйства предлагает всем МТС немедленно выделить по три трактора для вывозки

перегоня на поля; предлагается для этой работы выделить лучших трактористов, обеспечить за тракторами уход, чтобы ни в коем случае машины не выбыли из строя во время посевной. Всё это — «под личную ответственность» директора.

Подписана бумага заместителем начальника областного управления Колесниковым. Разослана всем МТС области 9 апреля.

Через десять — двенадцать дней в южных районах области начнётся сев, в северных — дней через пятнадцать — двадцать. Не очень-то много вывезешь за такой срок тремя тракторами!

Время сейчас для транспорта самое неудобное: на санях не поедешь — снег сходит, а тракторных тележек в области нет — это всем известно. Чем это объяснить, кстати говоря, что наша промышленность не выпускает тележек в достаточном количестве? Не тем ли, что на трактор установился взгляд как на машину, которая передвигает только полевые орудия: плуги, сеялки, бороны, комбайны?

А если вместе с тракторами в МТС будут поступать транспортные тележки, грейдеры и скреперы, кочкорезы и болотные плуги, тогда насколько полнее будут использованы шестьдесят — восемьдесят лошадиных сил тракторного двигателя! Если, конечно, трактор во-время отремонтирован и правильно эксплуатируется.

Так или иначе, но тележек в области нет.

И директива эта написана ради директивы. Понимать её следует так: поскольку об урожае нужно заботиться, постольку поля следует удобрять. Поскольку приближается посевная, постольку пусть никому не вздумается использовать тракторный парк уже сейчас. Сейчас — три трактора на борьбу за урожай. Не больше.

Может быть, в области настолько плохо обстоит дело с ремонтом тракторов, что такая директива появилась на свет, как говорят, «от плохой жизни»?

Сообщения областной газеты говорят, что только отдельные МТС не справились с этой задачей.

Зато есть другие примеры.

Передовая в области МТС — Димитриевская — потому и стала передовой, что каждый трактор, вышедший из ремонта, она немедленно включает в работу, а ремонт заканчивает в феврале — начале марта.

Этот опыт широко известен.

Но, глядя на директиву из областного управления, начинаешь понимать, сколько усилий и сколько смелости потребовалось от руководителей и всего коллектива Димитриевской МТС, чтобы перешагнуть через этот установившийся взгляд, будто трактор — сезонная машина в сельском хозяйстве, предназначенная только для определённых операций.

Димитриевцы вышли победителями. Победителей не судят. Теперь о них рассказано в специальной брошюре. Они отмечены приказами и наградами. А самое главное, к чему стремились димитриевцы, ради чего о них говорят и пишут, — самое главное не делается: их опыт не находит распространения хотя бы в одной нашей области, хотя бы в одном районе, даже в соседней МТС.

Директиву о трёх тракторах, которые должны быть выделены на вывозку перегноя, получил, конечно, и директор Димитриевской МТС. У него, наверно, станет горько на душе — его опыт, видимо, никого и ничему не научил, даже областное управление.

Он попросту отбросит эту директиву в сторону. Ведь в его МТС не три, а все тракторы давно уже заняты на работах.

У Башлакова же нет ещё выдающихся успехов, и он не может вот так же запросто расправиться с бумажкой.

Я смотрю на его молодожавое розовое лицо, на то, как он тербит рыжий чуб, и пытаюсь понять, о чём он думает сейчас...

Ведь получается так, что сводка Буяновской МТС о завершении ремонта тракторов никого не убедила в том, что машины действительно могут выполнять любую работу. Попросту это — недоверие к нему и к тем руководителям МТС, которые тоже давно уже завершили ремонт.

У Башлакова не с 9 апреля, а с первых чисел марта и не три, а более тридцати тракторов возят навоз.

Случись что-либо с несколькими машинами в посевную, ему из управления скажут: «Это результат нарушения наших указаний».

Директива станет известна в районе, да и председателям колхозов. Не таким это было лёгким делом — развернуть широко работы по вывозке навоза, кое-кто сопротивлялся, и вот сейчас распоряжение управления даёт таким людям возможность сказать: «Почему Башлаков нарушает указания вышестоящих организаций?»

Башлаков — крестьянин, земледелец. Огромный, грубоватый, упорный сибиряк. Видал я, как он ходит по оттаявшим пятнам зяби, становится на колени и загребает землю в горсть, чтобы рассмотреть, много ли сохранилось сорняков; как он встаёт, не отряхая с колен землю, переходит на поле озими и огромной рукой осторожненько выдёргивает всходы ржи — как-то перезимовала, голубушка?

Зона Буяновской МТС протянулась вдоль тихой речки Шои, и Башлаков утверждает, что «шоинские каральки»¹ славились в Сибири ещё сто лет тому назад и что «дай срок — каральки наши ещё прогремят по белу свету!»

Может быть, он видит сейчас многие-многое гектары хлеба, такого хлеба, урожайность которого на добрый десяток центнеров выше плановой?

Может быть, представляет свою МТС участницей Сельскохозяйственной выставки?

Может быть...

Вовсе не обязательно совершенно точно знать, что думает товарищ, чтобы волноваться вместе с ним. По этому же поводу у вас просто возникнут свои собственные мысли...

У каждого из нас есть свой любимый поэт и, часто, свой любимый учёный. Совершенно не обязательно это должен быть самый выдающийся, самый признанный поэт и самый крупный учёный. Ведь «мой любимый» — это вовсе не значит: самый великий.

Для меня «моим» учёным является Александр Иванович Воейков... Посмотрите в томе восьмом Большой Советской Энциклопедии портрет этого человека — в очках, с огромным лбом и марксовой бородой. Он умер в 1916 году.

Путешественник, географ, антрополог, основоположник русской климатологии, он напечатал около двух тысяч работ по самым различным вопросам. Его «Климаты земного шара, в особенности России» были блестящим началом русской климатологии, а работы по климатам Северной Америки и до сих пор являются самым серьёзным руководством в Западном полушарии.

Это он сказал первым: «Реки есть продукт климата» — и наука о поверхностных водах приобрела надёжную точку опоры.

Он открыл на нашей сибирской территории воздушный хребет высокого давления — «ось большого материка Воейкова», — который, перемещаясь, способствует то увлажнению, то наступлению засух в Западной Сибири.

¹ Каральки — калачи.

Как путешественник он очень напоминает Миклухо-Маклая: такая же была к нему любовь индейцев, негров, так же просто он находил с ними общий язык, как Миклухо-Маклай с полинезийцами. У него была русская широта взглядов, и в этом отношении он невольно напоминает Менделеева.

Насколько я составил себе о нём представление, он, действительно, обладал почти всеми чудачествами, которые часто приписываются старым профессорам. Он имел феноменальную память, за три-четыре месяца полностью овладевал тем или иным языком, — в то же время был страшно рассеян, всю жизнь оставался холостяком и бессребренником... Его социальные взгляды сводились к тому, что в правительстве его времени было «слишком мало государственных умов», но своими научными исследованиями он поставил себя в ряды тех учёных, которые по существу неукоснительно подтверждали открытия Маркса и Ленина.

Ошибки его забудутся, а достижения будут ещё долгие годы служить свою службу.

В наше время другой выдающийся советский учёный, Л. С. Берг, в сборнике «Всесоюзное географическое общество за сто лет» говорил о Воейкове:

«Ещё раз нужно повторить, что этот гениальный человек до сих пор не оценён у нас по достоинству. Но чем дальше вглубь истории уходит от нас его жизненный путь, тем более высоко мы начинаем оценивать всё, что сделал Воейков».

И вот я перелистываю свою записную книжку, и там, среди цифр о заселении Сибири, приведённых Воейковым ещё в 1906 году, записаны его же слова: «Человек пользуется землёй двояким образом: 1) не возвращая взятого, или с н и м а я с л и в к и... и 2) возвращая взятое, так, чтобы плодородие земли постоянно поддерживалось».

В общих выражениях можно заметить, что англичане держатся первой системы, а китайцы — второй. У последних возвращение земле взятого из неё обращается в нравственную обязанность.

В чистом виде хищническая система снятия сливок практикуется в степях Америки и Австралии...»

Сибирское земледелие в прошлом имело тенденцию развиваться по пути «снятия сливок».

Если бы не Октябрьская революция, мы имели бы сейчас сыпучие пески в сибирских степях и выжженные болота на севере. Варварская «огневая культура» болот, запрещённая у нас законом, стала бы здесь излюбленным способом. То обстоятельство, что земли в Сибири принадлежали «кабинету его величества», только усугубило бы дело.

Кулаки стали бы арендаторами и к арендованной земле относились бы ещё более хищнически, чем к своей.

Можно не сомневаться в способностях на этот счёт сибирского кулака — самого размашистого, самого охочего до привольной жизни. За полвека он ограбил бы природу Сибири, преобразил бы её по своему образу и подобию.

Нас миновала эта трагическая судьба — революция навсегда вырвала землю из частных рук.

А всё ли мы делаем сейчас для своей земли, для сказочно плодородных сибирских чернозёмов, для удивительных болот на севере, которые уже через год-два после осушения способны принести огромные урожаи не только трав, но и льна и зерновых культур?

Нет, мы ещё далеко не полностью возвращаем старопахотным угодьям то, что берём от них. Вносим удобрения, но мало — нужно гораздо больше.

Прежде всего не возвращается навоз, перегной.

В южных, безлесных районах навоз шёл на кизяк, частью на выделку самана, а в северных, лесных — навоз накапливался, но не вывозился на поля. Ещё занимались этим крестьяне новосельческих, обычно небольших деревень, пришедшие в Сибирь из тех мест, где землю привыкли ценить и ухаживать за нею. В любом же «коренном», старожильческом селе вы увидите «по задам», на огородах, вблизи ферм, а то и в самом центре залежи перегноя, накопившегося десятилетиями. Их тут так и называют, эти залежи: бурфы, курганы, сопки.

В Хакасии, так там в прошлом, при единоличном хозяйстве, все жилые и надворные постройки даже переносились с места на место по мере того, как они погужались в перегной.

Вот и в самой Буяновке и в окружающих деревнях по Шое лежат сотни тысяч тонн ценнейшего удобрения, и только в нынешнем году впервые организована вывозка его на поля повсеместно — в каждом колхозе, в каждой полеводческой бригаде.

Башлаков берёт трубку внутреннего телефона и просит: «Позднякова дайте!»

— Поздняков?! Здравствуй. Слушай, зайди ко мне, а если занят, скажи, когда к тебе прийти.

Через несколько минут приходит Поздняков, секретарь райкома по зоне Буяновской МТС. Он высокий, почти в рост с Башлаковым, но очень худощав и морщинист. Почему-то, глядя на него, думаешь, что выглядит он старше своих лет: на вид за пятьдесят.

Он снимает пальто и кепку, оставляет их на круглой вешалке у двери кабинета, на ходу протягивает длинную руку директору МТС.

— Какие новости?

Башлаков передаёт ему бумагу о трёх тракторах.

Поздняков быстро читает.

— Ну? Какое впечатление она на тебя производит?

— Лично на меня — никакого! — Секретарь усаживается в кресло и, слегка наклонив голову, немножко сбоку словно рассматривает Назара Матвеевича. — Значит, так. Ты попрежнему действуй с механизаторами. А я займусь этим вопросом в колхозах. В «Большой Поляне» Паустов определённо скажет: «Хватит! Это выдумка МТС!» Надо будет мне поработать с Паустовым.

— И в райкоме, Николай Иванович, тебе придётся разговаривать?

— Придётся! Не знаю, как поведёт себя Красненская МТС, а в Зареченской Сумкин под нажимом начал вывозку и сейчас торжествует — эта карта ему в масть...

Поздняков, поговорив ещё о текущих делах, уходит. Назар Матвеевич пишет на директиве «В дело» и тоже собирается ехать в отстающую тракторную бригаду.

Прощаясь, Поздняков спрашивает директора:

— Так ты будешь вручать переходящее знамя за вывозку перегноя?

— Буду. Как решили.

Эти два человека — секретарь и директор — всегда коротко и немногосложно разговаривают между собой.

Сначала, при первых встречах, мне показалось, что Поздняков вообще не влияет на ход дела в самой МТС, тем более, что он почти всё время проводит в колхозах.

Работать секретарю рядом с Башлаковым нелегко — Назар Матвеевич словно заслоняет своей огромной фигурой каждого, кто стоит с ним рядом.

Но вот припоминается недавний совет МТС, на котором мне пришлось быть.

Башлаков был тогда в ударе.

Председатели колхозов выступали и поругивали тракторные бригады. Вы думаете, Башлаков защищал своих трактористов? Нет! Лишь только раздавались замечания в адрес механизаторов, как он привставал на стуле и громогласно требовал:

— Мало! Мало замечаний! Давай ещё!

Он тут же назначал меры взыскания и поощрения, откуда-то из глубины зала вызывал на трибуну тракториста, разморозившего радиатор, и с ехидством, которое заставляло весь зал насторожиться, говорил ему:

— Товарищ Никитин, поделись опытом, будь добр!

Когда на трибуну выходил механизатор, добившийся успеха, Назар Матвеевич предупреждал его:

— Прошу, обращайтесь персонально к товарищу Ухову!

И даже не зная положения дела, можно было сразу догадаться, что Ухов сильно отстаёт и, наверно, ищет всяческие объяснения своему отставанию.

Из реплик Башлакова можно было узнать многое: о том, например, что председатель колхоза «Большая Поляна» вот уже месяц ждёт «бомбёжки», — какая-то городская организация пообещала ему взорвать замёрзшие груды навоза, а пока он ждал, бригадир Мохов поднял навоз болотным плугом; о том, что этой весной средний заработок тракториста будет составлять рублей сто — сто пятьдесят в смену; что трактористы Горчаков, Никитин и ещё кто-то уже прошли «продувание мозгов» и что им предстоит ещё какая-то «добавка»; что учреждается с завтрашнего дня доска аварийщиков с фотографиями искалеченных машин и их водителей.

Башлакова слушали, боясь проронить хоть одну его замечание, и нужно было видеть, как вспыхивали и, казалось, переставали дышать здоровенные парни, многие из которых провели всю войну в танках, когда Назар Матвеевич бросал им колкий и ехидный укор, как эти люди скромно опускали глаза и по-детски смущались, когда он хвалил кого-то: «Давай, давай так! Час добрый!»

Видно было, что Назар Матвеевич здесь свой человек. Как будто взяли самого толкового, самого весёлого и в то же время злого, самого сильного тракториста из всех здесь присутствующих и поручили ему провести совет МТС. Такого не околпачишь, не собьёшь с толку! Чёрта с два! Вот он сидит, рыжий, громогласный, и если он слушает чьё-то выступление — все его слушают внимательно, а если заговорил с кем-то — то ли с агрономом, который сидит справа от него, то ли с главным инженером, сидящим слева, — выступающему в пору «закругляться» на полслово: нет больше у слушателей внимания.

Покуда шёл совет, местный, Буяновский колхоз возил навоз...

Время от времени слышался грохот трактора — он проходил как раз под окнами клуба.

И каждый, кто был на совете, считал:

— Второй рейс... Третий... Четвёртый...

А тот, кто хорошо слышал, мог уловить гул ещё одного трактора, который возил навоз в другую сторону.

Башлаков тоже считал рейсы, это все заметили, а потом, как будто ненароком, проговорил:

— Сделали шесть рейсов. Шестьдесят тонн перегноя. На три гектара. Ну что же, центнеров сорок дополнительно получат зерна!

Он сказал это тихо, как будто для себя...

Потом был поставлен вопрос: сколько тракторов каждой бригаде включать в эту работу по вывозке перегноя? В одну смену работать или в две?

Вот когда пришло время задуматься бригадирам!

Ещё года два назад тракторы в ожидании посевной после ремонта стояли чуть ли не под пломбами, чтобы до посева никто не вздумал использовать машины.

Так готовились к посевной.

Не нужно быть ни агрономом, ни механизатором, чтобы представить себе картину, знакомую каждому, кто бывал в поле весной.

Бывает так... Яркое весеннее солнце обильно обдаёт пашню теплом, и земля, влажная, темнотёрная, как будто без сожаления, расточительно отдаёт и отдаёт влагу. Вы даже видите, как испаряется эта влага: над землёй клубится лёгкий пар. И вот уже гребни пашни из чёрных становятся серыми, пепельными, и кажется, что из чернозёмной пашня становится песчаной...

Земля пахнет... Именно в эти краткие весенние дни она пахнет не травкой, не пылью, не застоявшейся осенней сыростью — весной земля пахнет своим собственным спелым запахом. Земля поспела, так говорят крестьяне. Всё спеет осенью — хлеб, фрукты, травы. Земля спеет весной.

Сеять, сеять! Дорог каждый день, каждый час. Трава по обочинам дороги уже позеленела и словно торжествует над хлебными зёрнами, застывшими в ящиках сеялок.

Сеялки стоят неподвижно, их три в сцепе. На дороге лежат наполовину опорожненные мешки с зерном. Люди ходят по пашне, лежат на мешках, смотрят в небо и куда-то вдаль по дороге, туда, где едва заметной точкой двигается трактор соседней бригады... А свой трактор, впряжённый в сеялки, уже давно стоит.

Грязный, вспотевший, под трактором возится водитель, что-то такое крутит, ругается, — оказывается, у него утащили самый необходимый ключ, на ремонте поставили сработавшую деталь, ещё не учли каких-то его требований. Рядом, на промасленной тряпичке, блестит на солнце эта злополучная деталь и ещё какие-то гайки, винтики, ключи.

В каждую машину, которая пылит по дороге, все всматриваются с надеждой: может быть, это передвижная мастерская и в ней всеми сейчас любимый, для всех дорогой и желанный разъездной механик?

Если телеграфный провод гудит над головой — кажется, это директор МТС уже узнал о простом трактора и разносит бригадира.

А если легковая машина проходит где-то стороной, она обязательно свернёт сюда... Из машины выйдет кто-нибудь — райкомовский или райисполкомовский работник, а то и представитель области — и начнёт спрашивать, соблазновать, сердиться, возмущаться, как будто благодаря всему этому саврасый, верхом на котором в МТС ускакал сменщик незадачливого тракториста, побежит быстрее, а кладовщик в своём складе скорее найдёт необходимую деталь, а разъездной механик окажется на месте и, сидя в кабине за рулём, будет размышлять: куда бы ему теперь поехать?!

А земля не ждёт, клубится влагой...

Это называется простое трактора в посевную. Есть над чем подумать, когда решается вопрос, сколько тракторов следует включить в работу по вывозке перегноя.

Наступил черёд выступить Позднякову. До сих пор он незаметно сидел на углу стола. Теперь встал, выпрямился и не торопясь подошёл к трибуне...

— Как будем поступать? Какую установку дадим бригадирам? — спросил он. Никто не отвечал, и Поздняков, как будто считая необходимым пояснить свой вопрос, продолжал: — Можно ведь включить все тракторы, а можно все беречь до посевной? Так вот, бригады, по-моему, не получают плана по вывозке перегноя. Каждый бригадир включит столько

машина, сколько считает нужным. Хорошо подготовился к посевной, надеется на своих людей — будет возить перегной в две смены, получит урожай. Плохо подготовился, не надеется на свою бригаду — меньше будет возить. Вот мы и увидим теперь, кто и как осуществляет решения сентябрьского Пленума и февральско-мартовского тоже... Ещё хочу дополнить Назара Матвеевича... — И Поздняков привёл такие цифры: если местный, Буяновский колхоз на всей площади под зерновыми культурами в восемьсот гектаров внесёт перегной из расчёта хотя бы по двадцати тонн на гектар, он получит, по опыту прошлых лет, дополнительно восемь тысяч центнеров зерна. Это столько же, сколько дадут шестьсот гектаров при условии получения плановой урожайности.

— Что выгоднее — от начала до конца возделывать шестьсот гектаров или внести местные удобрения на восемьсот? — Постояв и как будто сам подумав, что выгоднее, Поздняков ответил сам себе: — А мы не будем так ставить вопрос. Можно поднять шестьсот гектаров новых земель из-под болот — поднимем. Можно удобрить восемьсот гектаров старопашотных — удобрим... Теперь, когда заработок механизаторов зависит от урожайности, как они решат? Как поступят? Посмотрим...

Дальше Поздняков заговорил о профсоюзной работе: теперь ведь все трактористы — члены профсоюза.

— Вот как... Триста представителей нашего славного рабочего класса в восьми колхозах зоны Буяновской МТС. А когда в этих сёлах проходила коллективизация — многие помнят это время, — когда коренным образом преобразалась наша деревня, всё сельское хозяйство и весь уклад жизни нашей сибирской деревни, тогда рабочих здесь не было совсем ни одного, а коммунистов — не то пять, не то шесть человек. Вот и судите, есть ли у нас сейчас силы, чтобы выполнить решения партии — сентябрьского и февральско-мартовского Пленумов?

Он опять помолчал, словно подумал, нужно ли что-то ещё добавить к этим фактам, и, решив, что не нужно, продолжал:

— Говорим о посевной. Одни говорят — нужно к посевной готовиться. Другие — вот и товарищ Башлаков — утверждают: посевная уже началась! Кто прав? Когда начинается посевная? Я думаю, тогда, когда начинается настоящее напряжение. Когда каждый из нас это напряжение чувствует, переживает. Если так, у нас посевная ещё не началась...

Он сел, а на его место встал Башлаков и, выставив вперёд огромные руки, красный в лучах света, падающих через окно, заявил:

— Обещаю: будет напряжение! Для всех — для тех, кто его ждёт, и для тех, кто его боится! Будет!

Ему хлопали. Это были первые аплодисменты в течение всего совета. Он обещал людям большие трудности, бессонные ночи, взыскания за промахи, но в конце концов — успех, и его горячо приветствовали.

Приветствовали даже те, кого он только что ругал, упрекал грубовато и ехидно.

Но я подумал тогда: были бы эти приветствия или нет, если бы не выступал Поздняков?

Всё это произошло ещё до получения директивы о трёх тракторах.

Бригады

Бригады соревнуются — кто больше вывезет перегной на поля.

Две бригады — Андрея Мохова и Ивана Еремеева — впереди.

Мохов работает в МТС со времени её организации, а всего на тракторе — двадцать лет.

Его бригада обслуживает колхоз «Большая Поляна», расположенный на стыке трёх районов, где начинается нехоженое и немеряное болото Чуяны.

Человек это рассудительный. В МТС он всегда приезжает хорошо одетым, чисто выбритым, заходит к главному инженеру, перелистывает технические журналы и задаёт инженеру вопросы, записанные в маленькую книжку, которую он носит в кармане синей гимнастёрки.

Ещё до войны Мохов участвовал на Сельскохозяйственной выставке и очень любит об этом рассказывать. В районной и даже в областной газете он опубликовал несколько статей: «Как мы готовимся к посевной кампании», «Обеспечим уборку урожая в срок и без потерь», «Советы бригадира тракторной бригады».

В его бригаде трактористы тоже пожилые, за исключением сына — Мохова-младшего, недавно демобилизовавшегося из армии. Шума и ругани в этой бригаде нет, в присутствии посторонних официальные разговоры ведутся на «вы».

Порядок в бригаде был всегда. А что крылось за этим порядком? Колхоз «Большая Поляна», несмотря на хорошие земли, из года в год получал низкие урожаи всех культур.

Трактористы, не надеясь на резкий перелом в делах колхоза, не принимали в них никакого участия, хотя и числились колхозниками, получали гарантийный минимум деньгами и зерном и к большему не стремились.

Так и получалось: бригада передовая, колхоз по доходам богатый, за счёт хорошей звероводческой фермы серебристых лисиц, а урожай из года в год ниже среднего по зоне МТС. И не случайно ни в одной из своих статей и выступлений Мохов никогда не упоминал: а какой же урожай был собран с полей, которые он обрабатывал?

Но так или иначе, а бригадир много лет был тем непременным передовиком, который обязательно должен фигурировать в отчётах директора МТС, секретаря райкома, а иногда и в выступлениях областных руководящих товарищей. Был «показатель» — выработка в гектарах мягкой пахоты на условный трактор, самая высокая не только по МТС и по району, но в некоторые годы и по всей группе северных районов.

С южанами Мохов никогда не соревновался и обосновывал это солидно: во-первых, на юге области, в степях, массивы крупные и, значит, простора технике больше; во-вторых, сезон полевых работ там продолжительнее — начинается на полторы, а то и две недели раньше, а кончается на неделю позже.

Эта точка зрения стала в области общепризнанной, официальной, опыт моховской бригады подкреплял её.

Когда на пленумах обкома и совещаниях передовиков южане приводили цифры по выработке передовых бригад, северяне говорили:

— Прибавьте нашему Мохову две-три летние недели, и он будет впереди всех!

Так как никто не мог прибавить этих двух-трёх недель, возражать было трудно.

Зато бригада экономно расходовала горючее, обеспечивала хорошую сохранность машин, регулярно проводила читки газет и вообще слыла культурной. Хорошее знание техники служило Мохову не для того, чтобы больше и лучше сделать, а прежде всего, чтобы легче сделать.

Районное начальство поддерживало бригаду. Несколько раз в год из райкома спрашивали директора МТС Кружилина, который занимал эту должность до Башлакова:

— Ну, как там наш передовик Андрей Иванович? Что? Не очень?! Помочь надо, помочь... Поддержать. Скоро областное совещание — надо же нам кого-то показать.

И у Мохова сложился свой стиль отношений с директором МТС, с районными работниками.

Он никогда не спорил ни на собраниях, ни в поле, какие бы замечания ему ни делались. Он говорил только: «Учтём», «Хорошо, подумаем», «Эта мысль», а потом уже, в конце разговора, спрашивал: «Мне бы нужно поговорить с вами о текущих делах. Вот и по этим вопросам надо бы обговорить в спокойной обстановке. Когда бы мне к вам заехать?»

В назначенное время Мохов приходил в кабинет к руководящему товарищу, вынимал свою записную книжечку...

— Вот вы говорили прошлый раз, что не так нужно было расставить тракторы. А если подумать...

И Мохов обстоятельно доказывал, что тракторы были расставлены у него правильно.

Так он выкладывал одно за другим свои соображения, а потом заводил разговор о нуждах бригады.

И в моховскую бригаду чаще, чем в другие, поступали новые тракторы, а старые первыми выходили из ремонта. У Мохова даже и на руках оказывались кое-какие дефицитные части, и он сдержанно, не очень злоупотребляя, но всё-таки пользовался тем, что называется особым положением: мог на недельку отлучиться в соседний район к родственникам, перевезти приятелю сруб для нового дома, кладовщику колхоза «плеснуть» по дружбе несколько ведёрок горючего.

Ему сошло бы с рук и ещё многое, и другой на его месте, возможно, вконец бы избаловался.

И, может быть, Мохов тоже совсем бы зазнался и получал бы от Кружилина одни только новые тракторы, но была причина, которая сдерживала его...

Работала у него два сезона прицепщицей молодая и бесшабашная девчонка Анютка. Он относится к ней по-отечески, ставил к самым выдержанным трактористам и любил слушать, как Анютка горланит частушки, а иногда запекает и настоящие песни, которых она знала множество.

Потом Анютка почему-то не захотела к Мохову в бригаду — мало ли какие соображения могут быть у неё!

Но однажды Мохов услышал, как ночью на мосту через Шою, где часто собиралась молодёжь, Анютка задорно, скороговоркой пела:

Ах, Мохов, Мохов, попроси
К тебе прицепщиком пойти —
Я скажу тебе: «Мерси,
Подхалима поищи!»

Перед отправкой тракторов в бригады с усадьбы МТС Мохов должен был тщательно следить, чтобы с его машин не сняли какую-нибудь деталь. Многие считали это дело незачётным: Мохову всё равно дадут, у Мохова есть запас.

Мохов никогда не жаловался на другие бригады и никогда не затевал с ними ссор, хотя мог рассчитывать на поддержку начальства. Больше того, он никогда и никому не отказывал в помощи: у него проходили стажировку начинающие трактористы, он готовил их очень добросовестно. Если в рейсе случалась поломка чужой машины, он сразу же посылал на помощь своих людей, иногда и буксир. К Мохову приезжали поучиться уходу за тракторами из других МТС, даже из других районов.

Из соседних районов приезжали, а бригады своей же, Буяновской МТС никогда у него не были, опыта его работы не знали и не хотели знать. Учиться у Мохова — вот это считалось зазорным, потому что самого его не любили, и даже действительные заслуги и достижения мо-

ховской бригады — всё объявлялось «блатом», всех моховцев звали «подсевалами» и выскочками.

И не случайно у него были всё одни только старички: молодёжь, едва подучившись, уходила в другие бригады, которые и работали хуже и зарабатывали меньше. А у старичков не было настоящего огонька: дороже всего им был порядок.

Больше того, работала какая-нибудь бригада плохо, и тотчас появлялся слух, что это из-за Мохова: заведующий мастерской, дескать, снял новые детали с тракторов этой бригады и отдал их Мохову. Отстающих бригад иной раз было пять, шесть и больше — всё равно виноват Мохов.

Старому бригадиру было далеко не безразлично, как относятся к нему люди. Трудно жилось ему... Он бы и рад был отказаться от своих привилегий, да не знал, как это сделать: все уже привыкли к этому — он сам, директор МТС Кружилин, заведующий мастерской, кладовщики... Он понимал, что если бы вдруг стал отказываться от новых тракторов, от первоочередного ремонта, это ничуть не изменило бы к нему отношения других бригад. Он мог теперь стать благороднее всех тех, кто его не любил и даже презирал, — всё равно никто этого не заметил бы...

Мог быть ещё один выход: добиться действительных успехов, чтобы они далеко перекрыли в общем не такие уж большие поблажки. Но для этого Мохов не чувствовал возможностей: не хотели его старики подлинного напряжения, да и про себя он не знал, способен ли он на это.

И вот пришёл в МТС новый директор, Башлаков, и отношения у него с Моховым сложились сразу же очень крутые.

Осенью, в последние дни уборки, Мохов отлучился из бригады. Хотел всего на денёк, а получилось больше. В Юдинск приехал двоюродный брат Мохова, лётчик в орденах, и встреча затянулась.

На третий день отсутствия Мохова в бригаде встал трактор — накануне тракторист ушёл к тяжело больной жене, а утром заболел сменщик.

Как раз приехал Башлаков, увидел неподвижный трактор и комбайн, узнал, в чём дело, и послал одного прицепщика за тем трактористом, который ушёл к больной жене, другого — за Моховым в Юдинск.

Мохов вернулся через час, разминувшись с посыльным, сам сел на трактор, отработал всю смену и ещё прихватил несколько часов, а потом решил поехать в МТС к Башлакову.

Он ехал в тарантасе, усталый после тяжёлой работы и встречи с братом, и размышлял: не свернуть ли ему сначала в Юдинск? В городе он мог покаяться перед кем-нибудь из районных руководителей, заручиться их поддержкой, может быть даже кто-нибудь подтвердит, будто встретил Мохова в Юдинске и там задержал его.

Он знал, что прежний директор вообще не наказал бы его, а увидев простаивающий трактор в бригаде передовика, наверно, попросту не подъехал бы к нему. Это стало бы известно другим бригадам, и все ещё раз убедились бы, что Мохову всё можно, ему всё простится... А Мохов не хотел такого.

Он давно уже искал случая поругаться то ли с инженером, который приглашает его к себе в кабинет всякий раз, как встретит на усадьбе МТС, то ли с кладовщиком, который позволяет ему самому выбирать детали: «Передовику не жаль! Выбирай!»

О Кружилине, прежнем директоре, Мохов один знал, что тот его боится, даже заискивает перед ним, и чем дальше, тем это становилось неприятнее бригадиру, попросту противно.

Пришёл новый директор — молодой, горячий, который в сыновья годится Мохову, и Мохов с огромным внутренним облегчением встретил эту перемену. Он теперь будет заходить к новому директору не чаще,

а может быть реже, чем другие бригаиры, будет наравне с другими получать новые машины и ремонтировать старые. Ничего не останется от прежних отношений с директором, которые сам он создал и от которых сам не мог уйти. И он решил поступить так, как поступил бы на его месте каждый: явиться к Башлакову, рассказать всё, как было, и получить взыскание. Дадут выговор — Башлаков, видно, кругой парень! — может быть даже из заработка вычтут за простой трактора и комбайна, пусть хоть тысячу рублей, пусть! Пусть появится приказ, все будут говорить: «Ага! Отошло житьё Мохову! Будет работать наравне со всеми! Посмотрим, что он запоёт теперь, как себя покажет!» — и никто не будет знать, что именно этого и ждёт Мохов. Вот тогда он, действительно, начнёт себя показывать, тогда никто из трактористов его бригады не скажет ему: «Поезжай, Андрей Иванович, в МТС, достань мне на машину новое зажигание!» Каждому будет ясно, что он не может теперь этого сделать.

Ещё и сейчас, когда Мохов вспоминает тот осенний день, он говорит так, как будто дело происходило вот только что:

— Еду берегом... Листья-то уже опали, тихо так кругом. Иней на землю тоже пал, блестит. И на Шое забереги уже светятся... А я еду и всё говорю про себя: «Да пропади они пропадом! Пропади они пропадом!» Потом спрашиваю себя: «Да что пропади-то?» — «А пропади эти заслуги, — отвечаю сам себе, — ежели только они незаслуженные». Переодвик я был, то есть чего добился, то всё моё, моей бригады, человеком был от всей души настоящим. А как про меня частушки начали складывать — не заметил, как это произошло! Приеду, думаю, сейчас в МТС, этот рыжий чёрт продерёт меня с песком, я расскажу всё, как было, напомним, что почти две смены сам на тракторе отработал, что показатели наши выше, чем во всех других бригадах. Он мне вкатит выговор, напишет приказ. Того и надо! И хорошо! Начну работать по-другому!

Мохов въехал на усадьбу МТС, привязал лошадь к коновязи и, войдя в контору, подумал: «Может быть, уже есть приказ?»

Приказ, действительно, был, висел в коридоре на доске. В нём говорилось, что Мохов, как злостный прогульщик, отстраняется от руководства бригадой и вообще от работы на тракторах и переводится в мастерскую ремонтным рабочим, что с него взыскивается стоимость простоя трактора и комбайна и расходы посылке нарочного в Юдинск тоже относятся на его счёт.

Мохов прочёл раз, другой — и никак не мог поверить, что это о нём. Никогда в жизни он не получал взысканий в приказе. Он вышел на крыльцо и видел, как в дверях мастерской появился Башлаков. Директор на минуту снял фуражку, провёл рукой по голове. Он прошёл стороной мимо конторы, приложив руку к козырьку, посмотрел против солнца — кто это там в рабочее время неподвижно торчит на крыльце, и, узнав Мохова, небрежно кивнул ему, а потом сел в «газик» и уехал.

Мохов, не покормив лошадь, погнал в Юдинск. Там он ходил в райком, в райисполком — жаловался, требовал, уговаривал.

Кое-где Мохову обещали помочь, позвонить Башлакову, но объясняли:

— Случись это дело с тобой раньше, было бы легко помочь. Сводки с твоими показателями на стол — и вопрос решился бы. Теперь эти самые сводки не очень в силе. Башлаков знает, что делает...

Мохов вернулся домой, писал на Башлакова одну жалобу за другой, и, кто знает, может быть поэтому появилась вскоре комиссия по проверке работы нового директора. Комиссия пробыла два дня и уехала, даже не вызвав Мохова для разговора.

Мохову было известно, что директору в самом деле звонили из района, на что он отвечал каждый раз:

— Чем больше будет о Мохове пресльбы и разговоров, тем для него хуже.

Даже бригадир Еремеев — самый злостный ненавистник Мохова — и тот, наверно, не желал ему такого наказания. Никто над ним не смеялся, никто не подтрунивал, но от этого было не легче...

Теперь, когда Мохов бывал дома, он вечерами подолгу перелистывал альбом, в который были вклеены вырезки из газет с его статьями, статьи, написанные о нём корреспондентами, вырезки с заголовками «Доска почёта», «Передовые тракторные бригады», где жирным шрифтом была напечатана и его фамилия, перечитывал письма знатных трактористов, с которыми он был в переписке... Никогда все эти вырезки и письма не были ему так дороги, как сейчас, и никогда они не имели так мало значения...

После работы или в обеденный перерыв Мохов уходил в тот угол усадьбы МТС, где лежали старые, разбитые машины... Примостившись на сиденье, он рассматривал заржавленные остовы тракторов, сработанные валы и оси, и вдруг ему начинало казаться, что все эти машины оживают, двигаются, грохочут и он, Мохов, управляет ими...

Ремонт в мастерских зимой шёл быстро, зимой началась обкатка тракторов. Хотя этим делом должен был заниматься каждый бригадир, помимо бригадиров обкатка поручалась ещё и Мохову.

Он заводил машину, включал скорости, разворачивал её вправо и влево, подцеплял сани с большим грузом и буксировал их... Здесь Мохов оказался непревзойдённым мастером — по движению трактора, по тому, как слушается он рычагов управления, по шумам и звукам Мохов улавливал самые небольшие неполадки и возвращал тракторы в мастерскую. Заведующий мастерской неистовствовал, бригадиры наперебой старались подсунуть Мохову свои машины... А ему каждый раз хотелось включить предельную скорость, дать полный газ и умчаться на грохочущем тракторе в «Большую Поляну», к своей бригаде...

Бывало прежде, и он поругивал свою специальность за то, что и грязно, и тяжело, и много ответственности, но никогда он не думал даже, что так тяжело ему будет со всем этим расстаться.

Осенью вышло постановление о дальнейшем улучшении работы МТС.

Никто так подробно не изучал его, как Мохов. Всё менялось теперь! Трактористы включались в штаты МТС, прицепщики были сезонными рабочими, зарплата резко повышалась и зависела от урожайности. Мохову казалось, что никто так хорошо не понимал значения всего этого, как он. Вот то самое, чем можно раскатать стариков его бригады, поднять их и показать всем, что значит настоящая работа!

Мохов иногда несколько раз на день решался идти к Башлакову — просить перевода в другую МТС, собирался писать об этом в район, в область, но знал, что на его заявлении Башлаков может наложить резолюцию: «Мохов — бывший знатный бригадир, а потом злостный прогульщик и дезертир уборочной кампании — может убраться на все четыре стороны», — и это удерживало его от всяких попыток изменить своё положение.

Бывали минуты, когда всеми силами своей души он ненавидел этого молодого рыжего парня. Но всё-таки сильнее всего оказывалась уверенность, что рано или поздно, а Башлаков сам позовёт его к себе в кабинет... Не могла такая жизнь продолжаться вечно!.. Ведь до сих пор в бригаде Мохова не было бригадира — дела вёл там его помощник.

Однако попросту, ни с того ни с сего, Башлаков этого не сделает. Должен быть какой-то случай. Или это будет начало посевной, или ещё что-то...

И вот один раз, к концу обеденного перерыва, когда рабочие были на местах, но не запустили ещё станки, в мастерскую вошёл Башлаков. Он часто бывал здесь именно в это время, после обеда, и никто не обратил особого внимания на это посещение, только Мохов почему-то сразу решил:

«Сейчас!»

И Башлаков, верно, поговорив с одним и с другим, подошёл к Мохову, вынул из кармана газету с материалами всесоюзного совещания работников МТС и механизаторов и спросил:

— Читал?

— Приходилось,— ответил Мохов.

— Давно?

— Давно читал, как только вышло. Ну, и недавно обратно читал...

— Прочувствовал? Для себя лично?

— Для всех написано... Все прочувствовали...

— Я же не у всех спрашиваю,— сказал Башлаков, свёртывая газету.

— Понял...— сказал Мохов очень тихо и стукнул молотком по зубилу.

— Завтра поезжай домой, отрегулируй в бригаде дела.

Башлаков ушёл, соседи у станков заговорили:

— Давай, Мохов! Давнёшь теперь!

— Соскучились без тебя твои старики?

— Сын ведь, сказывают, у тебя вернулся из армии — тоже в бригаде.

Правильно говорят?

И даже та озорная девчонка, Анютка, которая когда-то работала у Мохова прицепщицей, потом пела про него частушки, а теперь стажировалась в мастерских на токаря, даже она, пробегая мимо, сказала:

— Что, Мохов, последний день в мастерских, значит?

Теперь уже забылось всё это происшествие, во всяком случае никто не напоминает о нём Мохову. Его бригада возит перегной. Она занималась этим делом ещё в прошлом году, правда немного, но достаточно для того, чтобы увидеть, какой будет результат.

Пока председатель колхоза Паустов договаривался с какой-то юдинской организацией, чтобы взорвали бугор смёрзшегося перегноя, Мохов начал распахивать этот бугор болотным плугом и на другой же день сообщил по радио на перекличке: «Получилось!»

Когда спустя несколько дней Башлаков спрашивал бригады, как они применяют опыт Мохова, оказалось, что применяют все, а Еремеев даже пустил в ход два плуга.

— Откуда у тебя два плуга? — спросил Назар Матвеевич.

— Да так, достал... Из соседней МТС ребята дали, — ответил Еремеев.

Мохов вместо одних саней подцепил к трактору двое; Еремеев стал возить на трёх: с грузом ему было ехать под уклон.

Мохов сделал в настиле саней легко открывающееся отверстие, чтобы сани проще разгружались на ходу; Еремеев сделал отверстия ещё и в бортах.

Что бы ни предпринимал Мохов, Еремеев повторял то же самое, иногда даже с большим успехом...

Бригада Еремеева часто выходила на одно из первых мест в МТС, то на посевной, то на уборочной, часто грозима отнять первенство у Мохова и раньше, но обычно неожиданно отставала. Трактористы в этой бригаде, как говорит о них Мохов, каждый со своим норовом и не нашли ещё «своей зацепки». В моховской бригаде такой «зацепкой» был в своё время уход за трактором.

— Без зацепки нельзя! — говорит Мохов. — Сразу за всё не возьмёшься! Начало наде!

Еремеевские трактористы где-нибудь на совещании голову друг за друга положат. И на досуге пройдут по деревне всей гурьбой с баяном — видно, что их водой не разольёшь. Но на работе — крик, ругань и вечные пререкания. У самого Еремеева были, да и всё ещё остались разные замашки. Сидит он в клубе, слушает чей-нибудь доклад, потом встаёт и, перебивая докладчика, спрашивает:

— Товарищ лектор! А зачем всё это нам нужно, что вы рассказываете? Лично я никак не пойму. Прошу объяснить. Если я не так сказал, извините!

Или приезжает представитель из района. Еремеев подходит к нему, протягивает руку:

— Еремеев! Бригадир одиннадцатой тракторной бригады, Буяновского эмтэса, Юдинского района!

Тот тоже здоровается, называет себя.

— Очень приятно! — говорит бригадир. — Приятно познакомиться! Вырос здесь, а вас ещё не встречал в жизни. Вы, наверно, по канцелярской части? За сводкой?

В бригаду к Еремееву никто не любил ездить — ни из района, ни из МТС, особенно женщины.

Прежний директор, Кружилин, в душе побаивался и этой бригады. Не называя вещи своими именами, он говорил, что это «трудная» бригада, много раз собирался её расформировать, но неисполненные угрозы только подзадоривали этих ребят ещё больше. Своим поведением они и в самом деле вызывали у многих работников раздражение: не любили еремеевцев кладовщики, недолюбливали в мастерских, ссорились с ними, а раз ссорились — относились не как к другим. Еремееву же такие случаи — как масло в огонь:

— Ага! Обратно зажимают! Обратно на любимчика работают! Дайте мне такие условия, как Мохову, — всех переплюну!

Так оно и шло.

Приход в МТС Назара Матвеевича еремеевцы тоже поняли по-своему. Они посмотрели на нового директора, на его размашистые жесты и решили: «Свой в доску парень». Раз так, это надо подчеркнуть. И вот на одной из первых переключек, которую проводил новый директор, когда очередь дошла до одиннадцатой бригады, Еремеев весело крикнул в трубку:

— Здорово, Назар Матвееч! Ну, как жисть? Как погода?

Все двадцать две бригадные установки замолчали... Стало тихо...

— Повтори! — услышался наконец грубый, напряжённый голос Башлакова. — Одиннадцатая бригада, повтори!

— Спрашиваю, как ваше здоровье, товарищ директор! — куда менее уверенно проговорил Еремеев.

— Не можешь повторить? Значит, пьян! Одиннадцатую бригаду отстраняю от переключки! — распорядился Башлаков. — Учётчик одиннадцатой?

— Я слушаю, Назар Матвеевич — пролепетала учётчица.

— Учётчик! Когда ваш бригадир проспится, передайте ему, чтобы завтра, в десять утра, он был у меня! Поняли меня?

— Назар Матвеевич! — заговорил снова Еремеев.

— Назар Матвеевич! — позвала учётчица.

— Учётчик! Вы поняли меня? — спросил Башлаков. — Или вы тоже... Больше Еремеев не включался в разговор.

Теперь популярность Еремеева упала, нет у него былой славы «рискового парня». И это не только потому, что новый директор сразу же поставил его на место. Штучки и выходки мало кого стали забавлять, потому что серьёзнее начали работать. Кричать о том, что одной бригаде помо-

гают больше, а другой меньше, тоже бесполезно: таким фактам стало придаваться большое значение. Раньше в Буяновской МТС это в самом деле было и запросто сходило с рук, теперь звучало, как очень тяжёлое обвинение. А бросить тяжёлое обвинение не так-то просто! Его надо доказать!

Одним словом, при тех переменах, которые произошли в МТС за прошедшую осень и зиму, когда люди, может быть даже незаметно для себя, по-иному посмотрели и на себя и на других, на своих товарищей,— еремеевская бригада вдруг оказалась многим компанией задир и крикунов.

И не так-то просто было самим еремеевцам измениться.

Вот и в эту зиму всего в бригадах произошло три, как говорят здесь, ЧП. Из трёх два — в бригаде Еремеева. В первый же рейс за лесом брёвна с воза на крутом спуске ударили в кабину «натика» и снесли её. Чудом остался жив тракторист.

А вот уже весной, тоже с большим возом, трактор еремеевской бригады в темноте наехал на столб электропередачи километрах в пяти от Буяновки. Задний ход дать было трудно — мешал воз,— и трактористы, недолго думая, спилили столб. Если бы хоть они, приехав в МТС, рассказали обо всём, а потом пошли и восстановили бы линию!.. Но они ничего этого не сказали, и вечером следующего дня, когда линия была включена, сгорел трансформатор. Не ахти какой свет даёт локомобиль Буяновской МТС, а весной, когда вода прибывает,— Шоинская ГЭС из села Ключево, но к электричеству здесь привыкли, далеко не во всех домах оказались керосиновые лампы, и два вечера Буяновка была погружена в непривычный, томительный мрак.

Вот уж поминали жители Буяновки в эти два вечера еремеевскую бригаду!

Вместе с тем бригада Еремеева была и сильной. Если эти ребята загорались чем-нибудь, если они предвидели заработок и поощрение, они работали напряжённо — правда, не без крика и не без шума, особенно если им доводилось «пропесочивать» какого-нибудь своего нарушителя дисциплины.

Мне казалось, что Башлаков ценит эту бригаду. Другим человеком, который видел её возможности, был Мохов. Когда Мохов работал в мастерских и мечтал вернуться в свою бригаду, ему думалось, что только он один так глубоко понял происшедшие в МТС, да и во всём сельском хозяйстве перемены, что никто не сумеет, как он, использовать новые порядки — закрепление трактористов за МТС, новый порядок оплаты и ещё многое другое. Оказалось, не так. Оказалось, что эти перемены задела каждого, на каждого повлияли, и с первых же дней возвращения в бригаду Мохов понял, что теперь бороться за первенство ему будет даже труднее, чем прежде.

Иногда Мохов и Еремеев встречались в МТС, и всякий раз старый бригадир первым подходил к молодому. Между ними начинался разговор серьёзный и даже дружественный, хотя это не мешало Еремееву заглазно хоть и незлобиво, но всё ещё поругивать Мохова. Такой уж у него был характер: не мог он без того, чтобы кого-нибудь не ругать. К Мохову же теперь со стороны других бригад появилось даже благожелательное внимание: много в МТС было беспорядков, нарушений дисциплины, с приходом же Башлакова Мохов пострадал первым и как будто за всех, все бригады извлекли из этого случая урок...

И в самом деле, не напрасно Мохов видел в Еремееве самого серьёзного противника. Был ещё, например, Строков — прекрасный механик, но у того как-то хуже получалось с организацией труда в поле. Еремеев же всё время шёл по вывозке перегноя рядом с Моховым.

Теперь мы сидели в доме Мохова — председатель колхоза, сам бригадир, агроном, учётчик и я — и ждали начала работы эмтээсовской рации. Пока ждали, Мохов и рассказал мне многое из того, о чём я только что говорил.

Мохов беспокоился.

— А ведь, возможно, обошёл Еремеев меня по вывозке, — часто повторял он.

Наконец мы услышали голос Башлакова, звучавший по радио как-то солиднее и размереннее:

— Объявляю порядок сообщений! Бригадиры сообщают о подготовке прицепного инвентаря, о вывозке перегной, о состоянии тракторов, о всех случаях поломок и недосмотра. Агрономы — о закладке парников, о вывозке из Юдинска семян льна, подсолнуха и кукурузы — вообще, о подготовке семенного материала. Председателей колхозов прошу сообщить о ходе зимовки скота, о случаях падежа, о других делах и о своих претензиях к бригадирам тракторных бригад и к МТС. Через некоторое время к нам из Юдинска подключится секретарь райкома...

— Поздняков? — спросил я шёпотом Мохова.

— Вряд ли! Раз из Юдинска, значит первый — Фоминых.

Башлаков разбирался в обстановке дотошно и быстро.

— Сколько подготовили катков? — спрашивал он у бригадира седьмой бригады.

— Два, Назар Матвеевич.

— Почему не четыре? Повторяю, почему не четыре?

— В двух полеводческих бригадах ещё нет...

— В каких?

— В Кобзевке и в Семёновке...

— Агроном, когда вы были в последний раз в Кобзевке и в Семёновке?

Женский голос не очень бойко отвечает:

— Дня три тому назад, Назар Матвеевич...

— Точнее?

— В Кобзевке — в субботу на прошлой неделе, а в Семёновке — в понедельник.

— Что сделали, чтобы там приготовили катки? Затрудняетесь сказать? Председатель колхоза товарищ Полянец, вы меня слышите?

— Слышу, Назар Матвеевич! Здравствуйте!

— Приветствую... Когда у вас был в последний раз разговор с агрономом о катках?

Выясняется, что катки не подготовлены по вине агронома.

— Теперь, агроном, — требует Башлаков, — доложите, какие ещё упущения, по вашему мнению, вы сделали в Кобзевке и Семёновке?

Иногда мы слышали, как кто-нибудь говорил о себе:

— Вы меня о культиваторах не спросили, Назар Матвеевич!

— Рассказывайте!

— Вот то-то и есть — нечего рассказывать... Затянул я это дело.

— Беру на контроль. Ещё чего затянул?

По многим колхозам и бригадам Башлаков делает своеобразный обзор. Это его замечания, сделанные при поездке в колхоз.

— Хочу рассказать о колхозе «Звезда», — говорит он. — Несколько слов. В «Звезде» семена не протравливают и не прогревают. Причина — маллеинизация¹ лошадей, так мне объяснил товарищ Полянец, председатель. Лошадей лечат, и, значит, бочку раствора не на чем подвезти.

¹ Маллеинизация — способ раннего распознавания сапа у лошадей при помощи маллеина, убитой культуры бактерий сапа.

Кстати, сколько у вас лошадей, товарищ Полянец? Двести двадцать? Так. Дальше. В бригаде Попкова нигрола не было в подшипниках, полетела коробка передач. Мне товарищ Полков объяснял, что они нигрол заливали, но сальник не держит. Повторяю, нигрол не был залит по халатности. Тракторист Самокуров справлял новоселье. Хорошее дело. За прошлый сезон Самокуров заработал на новый дом, на корову и на мотоцикл. Передайте об этом трактористу Федюнину — он в прошлом году на двух кур не заработал, и нынче у него самая низкая выработка...

К рапортичке Мохова, бригада которого вывезла уже почти полторы тысячи тонн перегноя, Башлаков отнёсся одобрительно. Мы это почувствовали, хотя он не сказал даже «Ага!», «Так-так» или «Правильно».

Мы ждали, когда же заговорит Еремеев.

И вот, когда Башлаков вызвал одиннадцатую бригаду, первое, что сказал Еремеев, было:

— Перегной вожу... Считаю, сегодня к вечеру будет за две тысячи тонн...

— Ага! — откликнулся Башлаков. — Так!

— Что-то он такое выдумал! — заметил Мохов. — Выдумал и молчит...

Пока шёл разговор между Еремеевым и Башлаковым, Мохов напряжённо думал... Он прошёлся по комнате, поглядывая то на комод с бронзовой фигурой Ермака, то на почётные грамоты, которые в одинаковых рамках в один ряд висели над окнами и простенками.

— Выдумал и молчит, не говорит, — повторил Мохов ещё раз...

Из кухни заглянула девочка, младшая в многочисленной семье, посмотрела на отца и, подняв палец, сказала в кухню:

— Мама! Папаньке обратно от Назара Матвеевича попало! Ей-богу!

Я вышел на кухню и сказал девочке:

— А вот и ошиблась! Вовсе не попало отцу. Зря говоришь... Тебя как зовут?

— Алёнкой, — ответила она тихо и попятилась назад, прижимая к себе куклу. Потом недоверчиво улыбнулась: — Знаю! Не омманы-вайте!

Жена Мохова, годами, должно быть, несколько постарше мужа, мешала на сковороде мелко нарезанный картофель и мясо.

— Строгий у них директор! — вздохнула она. — И когда только этой строгости к ним, к трактористам, не нужно будет? Мы тут как пережидали — отца-то нашего снял с работы! С работы снял, а тут сын из армии возвращается. Пришел Серёга-то после службы и прямо с порогу: «Ну, дожил, отец!» Сраму-то, ей-богу! И так сказать, ещё при старом директоре отец-то наш прилично зарабатывал. Зарабатывал, а домой — едва любая половина. Остальное — всё на встречи да на гулянки. Он со своими, с деревенскими, мало и гулял, отец-то. Всё в город. Там у него знакомство. Теперь, видать, конец этому делу от Назара Матвеевича вышел. У нас вон в посёлке, в Сарайке, тракторист прибил жену. А та говорит: пожалуюсь директору эмтээса. Так он, что хочешь — хоть в суд, хоть куда, только не к Башлакову. Этим она его и держит, вроде бы направляется теперь мужик... Вот Алёнка-то, она Назара Матвеевича тоже очень даже уважает... Как придет, зайдёт к нам, она завсегда к нему на руки. Волосы ему гладит. Рыжий он, ей интересен!

— Вовсе не рыжий! — сказала Алёнка. — Не рыжий. Вот! — и отвернулась от нас.

Переключка заканчивалась, и Мохов беспокоился:

— Неужели директор Еремеева не спросит, как он достиг? У меня тракторы под погрузкой стоят самое большее полчаса, ну, сорок минут — всё равно за неделю столько не выдернуть, как он!

В это время Башлаков сказал:

— Внимание! Включается райком!

И сразу же звонкий, но уже не молодой голос Фоминых произнёс:

— Здорово, Назар Матвеевич! Ну, как жизнь? Какая у вас погода? Докладывай, как посевная, как перегноя? Впрочем, давай сразу перегноя! Я вас, буяновцев, знаю — с посевной не подведёте. Давай перегноя! Борьба за урожай! Подлинная борьба! Кто сколько вывез? Какой план?

Башлаков назвал цифры по бригадам и закончил:

— А плана у нас нет, Арсений Петрович. Не занимались этим вопросом, делаем — кто больше, а нам плана не давали, так и мы не даём! Были цифры по вывозке навоза, они давно выполнены. Теперь каждый бригадир исходит из своих возможностей. Кто надеется, что справится с посевной, возит много, кто не надеется на себя и на машины — меньше.

— Где Поздняков? Поздняков на радио есть?

— Есть! — откликнулся Поздняков.

— Ты откуда говоришь, из МТС?

— Нет. Из «Красного сибиряка».

— Вы что же это, вместе думали, или Башлаков тебя обошёл? Обошёл райком?

— У нас есть план, Арсений Петрович: плановые цифры урожайности. Вот мы и боремся за них. Это я предложил не разрабатывать плановых цифр по вывозке перегноя.

— Эх, головы, головы! Тридцать шесть лет советской власти — пора бы понять значение плана! Мохов! А, Мохов? Ты на радио, Андрей Иванович?

— Слышу, Арсений Петрович! — ответил Мохов негромко.

— Разъясни-ка, Андрей Иванович, передовик, правильно ли я говорю насчёт плана?

— Чего же тут скажешь, Арсений Петрович? У нас плановое хозяйство. Это верно. — А обернувшись к нам, Мохов сказал тихо: — Лишнее это — до времени человека в передовики производить.

— А Паустов слышит? Паустов, ты на радио? — торопился Фоминых.

— Слышу, Арсений Петрович! Здравствуй, Арсений Петрович!

— Вот скажи, Паустов, можешь ты вести хозяйство без плана?

— Это точно, не могу, Арсений Петрович! Как же можно! Да что вы! — откликнулся Паустов. (Он был рядом с нами у радио.)

— Вот, товарищи руководители МТС! — заговорил Фоминых. — Это голос масс. Один — передовик производства, другой — хозяйственник! Они усвоили основное и главное. А мы вот с вами сидим по кабинетам, оторвались от масс! А это критика в наш адрес! Как же так, дескать, товарищи руководители МТС, вы не имеете плана действий?! Как это так? А решения по развитию сельского хозяйства? Они к чему нас обязывают? Массы нас поправляют! И мы самокритично должны сказать: «Выправим!» Вот задание: к завтраму разработать план по перегною в разрезе тракторных бригад и колхозов! Да покрепче, тысячи по две, по три на бригаду! А то ведь как? Я докладываю в область, а меня спрашивают: «А что вы наметили? На что нацелили массы?» А я что отвечу? Ничего не отвечу! На днях буду в вашей зоне — проверю!

Фоминых ещё спросил о разных делах и выключился так же неожиданно, как заговорил.

Помолчав, Башлаков сказал:

— Есть вопрос к Еремееву: каким образом вывез две тысячи тонн навоза?

— День и ночь вожу, Назар Матвеевич! Ребята мои пластаются!

— Ближе к делу, Еремеев!

- Вожу, как все, Назар Матвеевич!
- Председатель «Звезды»! Расскажите, как Еремеев возит перегной на ваши поля! Как организовали работу?
- Назар Матвеевич! — снова заговорил Еремеев. — Экскаватор у меня на погрузке работает!
- Точнее! Приспособил погрузчик какой-нибудь?
- Зачем? Натуральный экскаватор, «Ковровец»...
- Откуда?
- С лугомелиоративной станции...
- Как он к тебе попал?
- Да уж попал, Назар Матвеевич! Шёл мимо, ну и остановился!
- Куда он мог итти, когда земляных работ ещё нигде нет?
- А кто его знает, куда он шёл! Спросить надо будет...
- Директор ЛМС знает об этом?
- Хорошо, я спрошу у экскаваторщика, знает или нет директор.
- Я позвоню сейчас директору сам. Не беспокойся.
- Позвоните, Назар Матвеевич! Сообщите, что экскаватор уже вышел в указанном направлении...
- А не жаль тебе экскаваторщика? Ведь ему мало не будет от директора...
- Уладим, Назар Матвеевич. Постараемся!
- Так... — говорит Башлаков. — Придётся разобраться. А пока вопрос к бригадиру Новикову.
- Слушаю, Назар Матвеевич...
- Вот, товарищ Новиков, — спрашивает Башлаков, — какое ваше мнение — кто у нас впереди по вывозке перегноя?
- Далёкий голос бригадира Новикова звучит озадаченно:
- Вам виднее, Назар Матвеевич...
- У Новикова мнения нет... Без мнения товарищ... А что думает Строков?
- Бригадир Строков просит разрешения задать вопрос Еремееву и, заикаясь, спрашивает:
- Т-ты п-почему, Ив-ван, не г-говоришь о своей м-механизации? Т-так н-неладно получается — сразу н-не говоришь? У Мохова п-перенимал, а теперь м-молчишь?
- А ты попробуй — организуй! Вывези две тысячи тонн! — подал голос Еремеев. — Ты...
- Стоп! — прервал Башлаков. — Еремееву помолчать!
- Кто выскажет мнение? Симонов? Давай, седьмая бригада, Симонов!
- О чём разговор, Назар Матвеевич! Долго ли будем Еремееву объяснять! Каким ты был, таким ты и остался! Мохов впереди! Мохов все бригады за собой тянет, а не Еремеев! Разрешите текущие вопросы вам задать?
- Общее мнение? — спросил Башлаков. — Тогда кончаем!
- Снимите с меня тысячу тонн, Назар Матвеевич! — снова заговорил Еремеев. — Снимите, будто их и не было, я всё равно покажу, кто впереди!
- Лугомелиоративная станция предъявит за экскаватор счёт колхозу, — ответил Башлаков. — На сколько предъявит, то и снимем. А пока тебе ещё тягаться, Еремеев, за первое место. Ещё не вышел в вожаки, признания нет! Ясно?
- Переключка кончилась. Мы выходим на кухню... Алёнка, внимательно посмотрев на отца, улыбается и говорит:
- Маманя, а отцу-то не попало от Назара Матвеевича. Я глянула — не попало ему!

День Арсения Петровича

Утром Арсений Петрович проснулся чуть свет. Он всегда просыпался рано, ночуя не дома. Давно бы пора привыкнуть к этим случайным ночёвкам, но было наоборот: с годами они всё больше его утомляли. Должно быть оттого, что поздно лёг и мало спал, болела голова. Приехал вчера в колхоз «Большая Поляна» ещё засветло, но время прошло как-то незаметно: сходил на ферму серебристых лисиц, поговорил в правлении колхоза, потом дома у председателя, легли поздно.

Повернувшись на громоздкой деревянной кровати лицом к окнам, Арсений Петрович увидел Паустова. Тот ещё спал, постлав на пол тулуп вместо матраца, а на тулуп — вышитую по углам простыню, похожую на скатерть.

На кухне уже хлопотала хозяйка — что-то шипело и трещало, готовился завтрак.

«Пойду по хозяйству! — решил Фоминых. — Пока председатель спит, секретарь уже посмотрит колхоз. Надо побывать на фермах — на молочной ферме, да и на свиноводческой здесь большие беспорядки...»

Он ещё полежал некоторое время, потом встал, оделся, сказал хозяйке, что сейчас вернётся, и вышел из дома.

Пройдя по полуразрушенной навозной плотинке через ручей, который делил деревню на две части, он свернул влево, в переулочек, в котором стояли небольшие, крытые берёстой избы.

«Плохие хаты! — подумал Фоминых. — В лесу живём, в колхозе есть пилорама, а кровля берестяная. Надо бы поднять в районе этот вопрос — о культурном жилище. Организовать движение. Возможности есть».

Тропинка по чьему-то огороду привела прямо к изгороди, пришлось высоко поднимать пальто, чтобы не зацепиться за сучки берёзовой жерди, и тут же за изгородью начинались огромные навозные кучи.

«Неплохо! Помню все тропинки и тропиночки», — отметил про себя Фоминых, оглядываясь назад, на дорожку, по которой он только что прошёл, но за навозными кучами он теперь не видел даже переулка, кое-где только торчали берестяные крыши.

Тридцать колхозов в районе, больше сотни населённых пунктов, и в каждом секретарь — как у себя дома, запросто может указать дорогу на любую ферму, к поезду, к сельпо — куда угодно.

Когда несколько лет тому назад в районе был первый секретарь обкома и вместе они ездили по колхозам, областной руководитель был поражён осведомлённостью Фоминых: Фоминых знал всех бригадиров тракторных бригад по имени-отчеству, знал на память, сколько какой колхоз сеет и косит. А ведь ездили они ещё до укрупнения колхозов...

Последнее время так повелось, что секретарь райкома почти не навещался в зону Буяновской МТС. В райкоме надеялись, что Башлаков с Поздняковым справятся с делами, часто выезжали в две другие станции — Зареченскую и особенно в Красненскую, где директором был человек, недавно приехавший из города, пока ещё малосведущий в сельском хозяйстве, Краев.

МТС до прихода Краева плохо справлялась с планами, колхозы там были послабее, чем в Буяновской зоне. Краев поднимает колхозы, чёткости в работе Красненской МТС становится всё больше, но пока что новый директор очень часто обращается в райком за помощью, просит приехать к нему и посмотреть, так ли он делает. И Фоминых любил ездить с Краевым по его зоне, он там больше чувствовал необходимость своего присутствия, отечески наставлял Краева, который, видно было, удивлялся памяти секретаря райкома.

Но Башлаков в разговорах с райкомом то и дело напоминал:

— Забыли нас, забыли! Отгородились зональным секретарём от Буяновской МТС!

И Фоминых выбрал время и поехал в колхоз «Большая Поляна», к Паустову, который в районе всегда был не на плохом счету, как председатель одного из самых денежных колхозов, и на очень плохом счету у Башлакова, который критиковал большеполянского председателя при всяком удобном случае. Башлаков особенно нажимал на Паустова за состояние животноводства, несколько раз выступал на бюро по этому же поводу Поздняков, и Фоминых, как только приехал вчера, сразу же собрался итти на фермы, но вот задержался.

Длинные приземистые скотные дворы с крохотными окошечками стояли на берегу ручья... Над ними возвышался красивый, с резьбой шатёр водонапорной башни.

«Хороша штука, — решил Фоминых, поглядывая на башню. — Красивая и далеко видно. И хотя ручей рядом, водоснабжение налажено правильно, с водопроводом».

Пахло силосом... Тоненько мычали телята в соседней постройке, и густо, протяжно ревел бык.

Внутри скотного двора было душно, клубы пара заслоняли даже противоположную стену, и только там, где на потолке висели фонари «Летучая мышь», можно было видеть коров, наполненные сеном ясли и мёртвые пузыри электрических лампочек. Коровы стояли тесно друг к другу и, беспокойно мыча, тыкались мордами в автопоилки: водопровод бездействовал...

Приглядевшись, Фоминых рассмотрел и подвесную дорогу, но она была разрушена, часть рельсов лежала на полу, и две скотницы, войдя в другую дверь, пронесли навильники сена.

Арсений Петрович хотел было пройти по двору, но поскользнулся, ещё попытался шагнуть и снова поскользнулся... Тогда он вышел на воздух, вспомнив, что и в прошлом году, когда он был на этой ферме, он вот так же не мог пройти ни шагу...

«Значит, сточные желоба до сих пор не сделаны, — подумал Фоминых. — Всё только обещания. Нет настоящего дела! Ладно, пойду посмотрю кормозапарник».

Кормозапарники были установлены на всех молочных и свиноводческих фермах района, а Паустов, так тот много раз звонил и говорил в райкоме о своих запарниках, о том, что строит для них хорошие помещения.

Помещение и в самом деле было срублено добротнo и с такой же красивой кровлей, как и башня. Дверь оказалась припёртой палкой, и, войдя внутрь, Фоминых увидел развалившуюся топку. Судя по этой топке, запарник не работал уже давным-давно.

Из кормозапарника Фоминых прошёл в водонапорную башню. Там над баком ворковали голуби, пол был настлан только наполовину, и на этой половине лежали трубы, фланцы и краны — оборудование башни ремонтировалось...

«Надо поговорить с людьми!» — подумал Фоминых и, вернувшись к скотному двору, зашёл в него с другой стороны. Он сразу же столкнулся лицом к лицу с пожилой женщиной, одетой поверх полушубка в серый халат; в руках у неё было ведро с молоком.

Женщина почтительно поздоровалась, спросила:

— Завфермой ищите?

— Ищу. Позовите завфермой.

— Ушла она. Была и ушла, ребяташки у неё малые, покормить надо.

Фоминых вошёл вслед за женщиной в маленькую, тесную пристройку, где стояли весы, бидоны, висели на стенах плакаты и так сильно пахло парным молоком, что во рту сразу появился его вкус.

— Вы дояркой работаете? — спросил Фоминых.

— Дояркой...

— Как зовут-то? Зовут-величают?

— Зырянова, — ответила женщина. — Зырянова Мария Тимофеевна.

— Вот присядьте, Мария Тимофеевна, — сказал Фоминых, сам опускаясь на выскобленную и слегка влажную скамейку. — Вы меня знаете?

— Как не знать! Знаю... Рассиживаться вот некогда. Скотина не ждёт. А тут ещё водопровод в башне лопнул, скотина-то из ручья пить не хочет. Холодно и вода невкусная — подавай из колодца!

— Давно это у вас с водопроводом?

— Да всю зиму маемся... Только что приучили скот к хорошему, теперь не отучишь обратно.

Фоминых пошутил что-то насчёт своей мнимой старости и молодости собеседницы, она засмеялась. Он знал, что умеет запросто поговорить с людьми.

— Сколько же вы заработали трудодней, Мария Тимофеевна? — спросил он. — Хватает детишкам на молочишко?

— Кто ж его знает... Не считали ещё. Разве к первому мая бухгалтер скажет...

— Ну, а кто на ферме впереди по надою молока? Вы, наверно, Мария Тимофеевна?

— Да одинаково все... Кормим-поим одинаково, и молоко одно... Вот уж бухгалтер подсчитает, тогда...

— А вот ферма-то у вас, прямо сказать, неказистая! А? Колхоз богатый, а ферма — куда это годится? Вы в соседнем колхозе были, в Ключеве хотя бы? Видали, как там организовано? Есть чему учиться...

— Да нет, не довелось... Собирались мы, доярки, давно уже... Всё недосуг.

— Нельзя так — недосуг! Дело государственное — обмен передовым опытом! Я вот вашему председателю скажу, чтобы завтра же съёз в Ключево. Сегодня же чтобы съёз!

— Повезут, так как, поди, не поедем? Поедем...

— Ну ладно! А вот как заработок за прошлый год? Сколько ваша семья получала на трудодни?

— Хаять нечего. Получали. Пять рублей на трудодень получали, хлеба по три кило, опять же за лён — сахар. Лисицы у нас в колхозе. Всё они. Вот вы бы лучше с нашими лисятниками побеседовали. У нас кто в колхоз приезжает — всегда беседует с лисятниками, а потом про колхоз и в газетке пишут...

— Вот вы говорите — пять рублей. А если десять? Двенадцать? Двадцать? Разве плохо? Возможности у колхоза есть. Кормов хватает. Людей много. Почему не требуете с председателя поднять дело животноводства?

— Кто же говорит — можно и больше получить. Мы уже председателю высказывали, а он что? Он говорит: «А что, или вам раньше жить лучше было? В других колхозах на трудодень и столько-то не получают. Погонишься за всем — ничего не догонишь. У нас в колхозе — лисы. Пушкина — всё». А вы, наверно, у директора МТС про наш колхоз слышали так-то?

— Почему у директора?

— Ну, у секретаря здешнего — Позднякова?

— Почему вы так думаете?

— Да уж так... Те вот так же на нашего председателя ругаются... Всё грозят, что вы сами приедете, на ферму зайдёте и нагоняй ему сделаете. Вот вы и приехали...

— И что же — боится председатель?

— Да вроде бы и боится, да не делает... Хотя бы с электричеством вот да с водой — всё есть, и опять же нет ничего: ни воды, ни света... Ну, извините, пойду я. А кто спорит — в Ключево бы надо съездить. И животноводство тоже доход может давать... Как, поди, не может — по настоящему сделать надо.

Женщина ушла, и Фоминых тоже вышел из скотного двора, стал соображать, как пройти на свиноводческую ферму.

— Арсений Петрович! Арсений Петрович! Как же это вы без завтрака, Арсений Петрович? — подбежал к Фоминых Паустов. — Как же можно? И меня не разбудили, ушли, Арсений Петрович!

Фоминых покраснел, кинулся навстречу председателю.

— Я те дам — завтрак! Завтракать захотел! Да тебя без завтрака посадить в этот хлев на двое суток! Вот! Стыд, срам! Построил скотный двор из жердей и палок, поскупился на настоящий лес. А провели в эти шалаши и водопровод, и электричество, и дорогу подвесную. Двор гниёт, и оборудование не работает — пропадает всё! Я тебе не говорил: «Строй хороший двор, на полгода позже, но хороший»? Говорил или нет?

— Арсений Петрович, не понял я тот раз! Сколько уж раз говорили мы на правлении: не послушали Арсения Петровича, вот результат. Всё из-за того, что не послушали!

— Стыд! Хозяйственник! Передовой колхоз! Кто это про тебя пишет в газету — дескать, «миллионер»? Постройку грибок ест! Люди не знают, сколько зарабатывают! В соседний колхоз людей отправить не хочешь на день — поучиться! Не хочешь? Говори, не хочешь?

— Точно, Арсений Петрович! От вас разве что скроешь: неудобно как-то посылать в Ключево. У них и доходы-то меньше... — Паустов прижал обе руки к груди. — Пошлю, Арсений Петрович! Пошлю, скажу — по вашему приказу приехали в Ключевский колхоз учиться. Так и скажу!

— Пошёлшь! Сколько я тебе говорил об этом! Несознательность! Я вот с людьми разговаривал о недостатках, они отвечают: «А раньше хуже было!» Кто это научил так? Ты научил! Где движение вперёд? Где организованность? Урожайность — никуда! Животноводство — стыдно смотреть! Какой доход получили?

— Миллион шестьсот тысяч, Арсений Петрович. Миллион шестьсот, как одну копеечку!

— Сколько отсюда за лис?

— Не помню, Арсений Петрович! Сейчас не помню!

— Не финти! Ну?!

— Кажется, миллион четыреста!..

— Вот оно! Всё лиса, а на всё остальное хозяйство наплевать!

— Так ведь, Арсений Петрович, всё сразу не потянешь. Только миллион — это миллион и есть! По постановлению действуем, государственную проблему решаем — пушнину!

— А животноводство — это не государственное дело? Не было для тебя постановлений? А зерновые — тоже не было постановлений? Ты что, для себя самое выгодное постановление выбираешь? Я тебе скажу так, — Фоминых нагнул к самому лицу Паустова и сказал с дрожью, со злобой в голосе: — Антигосударственная практика! Понял?

— Арсений Петрович...

— Понял, спрашиваю?

— Арс...

— Понял или нет?!

— Да как, поди...

— А знаешь, что за это бывает? Пойдём на свиноводческую ферму! Пойдём! Правильно тебя Башлаков критикует! Верно! А с Позднякова я спрошу — его зона! Он что на вас смотрит? Перегной возишь?

— Вожу, Арсений Петрович! Вожу чуть что не день и ночь! Два трактора эшеленом ходят!

— Пойдём на ферму, на свиноводческую!

Но Паустов уговорил сначала позавтракать.

Была горка круто сваренных яиц, курица, жареное сало, суп и стопка. Фоминых ел молча. За его спиной стояла жена Паустова и зорко следила, что нужно подать гостю, что лишнее отставить.

Когда встали из-за стола, Фоминых сказал:

— Ну ладно, спасибо... А Башлакову я дам команду — зажать тебя. Ему только сказать — он из тебя душу вынет. Пользуетесь тем, что райком далеко от вас. Не выйдет! Дам команду Позднякову с Башлаковым взять тебя под особый контроль!

— Это он, директор, наверно, про меня вам, Арсений Петрович! Мало ли что бывает! Ну, выпил! А то — фотографию и себе под стекло! Это тоже, как сказать, это подрыв авторитета!

— Какую фотографию? Какое там ещё стекло?

Паустов понял, что сболтнул лишнего, но деваться было некуда и, в конце концов, самому удобнее рассказать обо всём. Оказалось, председатель ехал в машине с шофёром, оба были пьяные, заехали в кювет и там стояли. Встретился Башлаков, сфотографировал Паустова и его шофёра со всех сторон и фотографию положил к себе на стол под стекло. Когда его спрашивают, что за снимок, отвечает: «Так. Один мой знакомый». Но узнать можно сразу же, чего не узнать, когда и сбоку и прямо — всяко снято!

Фоминых засмеялся.

— Так вас и надо! Выпил — сиди дома! Вот попрошу у него фотографию и у себя в райкоме под стекло положу!

На свиноводческую ферму Фоминых не пошёл — и так уже запоздал в райком, обещал вернуться к одиннадцати. Успел только завернуть к амбарам, за которыми были кучи навоза. Возили его два трактора.

Фоминых спросил, где Мохов, хотел подбодрить его, но ему ответили, что тот уехал в соседнюю полеводческую бригаду.

«Нехорошо! — подумал Фоминых. — Знает, что секретарь райкома здесь, а сам уезжает! Прежде с ним таких случаев не было...»

Колхозники работали с лопатами и ломами, нагружая тракторные сани. Фоминых тоже сбросил перчатки, поплевал на руки и, отобрав у какой-то молодухи ломик, ударил им несколько раз, отвалив глыбу перегноя.

Вокруг собрался народ, секретарь стоял с ломом в руках и шутил:

— Возьмите своего председателя в оборот. Пора! Зазнался он у вас со своими лисицами. Пора взяться за животноводство! За пшеницу! За льноводство! Критикуйте невзирая на лица! Научите государственному подходу!

Усаживаясь в машину, Фоминых сказал:

— Берегись, Паустов! Худо будет. На днях приеду, проверю — чтоб был порядок!

Едва отъехав с десяток километров, машина секретаря райкома нагнала трактор. «Натик» шёл с порожним возом, и в тележке, на настиле с сеном, сидели люди, среди них — одна молодая женщина.

Обгоняя трактор, Фоминых узнал знакомые лица, кивнул, а потом велел шофёру остановиться и крикнул:

— Здорово, буяновские! Здорово, Еремеев!

Еремеев поднялся в санях, запахнул зелёный промасленный плащ, надетый поверх ватника, и громко ответил:

— Здрасте, товарищ Фоминых! Ну, как у вас жизнь? Как погода?

Все громко засмеялись в санях, особенно развеселилась женщина, сидевшая рядом с Еремеевым. Она даже закрыла глаза и помотала головой, так ей показалось смешно.

Фоминых тоже засмеялся и на ходу вскочил в тележку. Ему стало приятно, что трактористы знают манеру первого секретаря обращаться к людям по телефону.

— За лесом, что ли? — спросил он.

— За лесом, пока ещё дорóга, — ответили ему.

— Вот что, Еремеев, расскажи-ка, как это ты экскаватор у лугомелиоративной станции угнал?

— Да я не угонял... А вы тоже знаете?

— Я, брат, знаю. Знаю!

— А зачем его угонять? — пожал плечами Еремеев. — Он сам пришёл. Председатель колхоза договорился с ЛМС, они и дали экскаватор. Ну, а я помог им трактором. Всё.

— Ишь ты! Махнули, значит!

— А что же? Ежели нашему козырю в масть?

— Ну, а Башлаков как? Одобрил твои действия?

— Одобрил! — сказала женщина. — Очень даже одобрил. Этот экскаватор у нас вот где, в кармане!

— Пустяки! — отмахнулся рукой Еремеев и, подняв шапку, пригладил вихрастые волосы. — О чём разговор!

— Это как же? Объясните как секретарю!

— Очень просто... Вызвал меня Башлаков. Сказал: «Инициатива правильная! Нужно использовать ЛМС на вывозке перегноя, пока у них не начались работы. Они же в конце мая только разворачиваются! Вот поеду, — говорит, — в район, буду ставить там вопрос, ссылаться на твой опыт!» То есть на мой, значит, — пояснил он, показывая себе на грудь. — Всё!

— Понятно. Мы за инициативу! Будь уверен, поддержим! А при чём карман?

— Как сказать... Погонял я лишнего трактор по дружбе с ЛМС, он и вычел с меня за эту езду...

— И много?

— Что положено. Он лишнего не будет брать. Ему просто для порядка нужно это. Воспитательную же работу надо проводить с нашим братом, трактористом?

— Воспитывает, — подтвердил сосед Еремеева. — Прощения не жди!

— А что ж! Разговор у директора и должен быть деловой, — согласился Еремеев. — Заработал — получил. Тут уже знаешь точно: что сделаешь, за то получишь!

— Сердитый у вас директор, — заметил Фоминых. — Очень сердитый.

— Ещё какой! — подтвердила женщина.

— Тот директор! — сказал Еремеев, подняв палец кверху. — Научит! Ежели что, нагонит жару, так будь здоров! Когда Кружилин был, посмотришь в газету — Буяновка то ли на втором, то ли на третьем месте сзади. А теперь гляди сверху. Димитриевская как была, так и осталась первой в области, а уж за ней тут близко и наша! Нам бы ещё трактористек новых, товарищ Фоминых, штук десяток. Димитриевская нам бы только в спину глядела!

— Заработки нынче хорошие и работа другая, — подтвердила женщина. — Ежели ещё браковать будут построже, тогда и качество высокое. Урожай!

— Заработки у всех МТС одинаковые. А нам десять новых ДТ-54, и первое место — вот! Как здесь и было, — потряс руками Еремеев. — Как начнём поднимать болота, как рванём...

— Ладно, Ефимка! — сказала женщина и закрыла Еремееву рот рукой. — Его только слушать, он у нас хвастаться не привык...

«Жена, наверно, — подумал Фоминых. — Жена бригадира. Молодая какая да резвая. — Но не спросил, правильно догадался или нет, потому что подумал о Башлакове: — А ведь уважают они его. Паустов, так тот, видно, просто боится, а эти уважают!»

Толкнув ногой мотоцикл, который лежал на дне тележки, Фоминых сказал:

— На машине едете, машину возите?

— Тут план особый, — пояснил бригадир. — У нас там трактор впереди покалечился, так мы ему помощь окажем, а потом вот с ней, — он показал на женщину, — на мотоцикл да на курсы!

— Какие курсы?

— По квадратному и гнездовому способу!

— Вы его слушайте, товарищ Фоминых! — покачав головой и как-то сразу вздохнув и засмеявшись, сказала женщина. — Какие курсы? Просто показывать нам будут, какие маркёры поставить для широко-рядного посева и для квадратно-гнездового способа. Вроде как бы репетиция сева для бригадиров и учётчиков.

— А где такой семинар?

— Да сегодня с трёх часов дня везде по нашей МТС. Наши три колхоза собираются в Ключеве, да три — в самой Буяновке. Чтобы время не тратить на езду, так директор сказал — в разных местах провести мероприятие.

— А кто же будет проводить?

— В Буяновке — Назар Матвеевич сами, а у нас — товарищ Поздняков!

— Поздняков? Секретарь райкома?

— Ну да! Он! — кивнула женщина. — Старик уже, а бойкий!

«Надо будет во всех МТС провести мероприятие! — подумал Фоминых. — Сегодня же подскажу Краеву. А Позднякова повидать или по телефону спросить: как это у них прошло дело?»

— Ну ладно! — сказал он трактористам. — Бывайте здоровы! Давай, буяновцы, раскручивайте это дело с перегном на весь район! Борьба за урожай! Тут надо крепко мобилизоваться!

Он соскочил с тележки, снова сел в свой «газик» и, обогнав на повороте дороги трактор, помахал рукой. Подумал, что и в самом деле до начала полевых работ неплохо бы привлечь ЛМС к работе по вывозке перегноя. И неплохо семинары провести во всех МТС. И ещё надо построже, построже с такими вот, как Паустов! Ведь вот бояться же Башлакова! Бояться, а уважают!

«Газик» торопливо трясся по весенней дороге, то по лужам, то по подмёрзшему снегу, а местами уже по пыльной колее. Вокруг лежали блестящие влажные пашни, кочковатые бурые болота, берёзовые перелески.

Весна была затяжная — то наступала и сгоняла за день по полметра снега в перелесках, начисто оголяла пары и зябь, то уходила куда-то с самого утра или с полудня, и тогда дули пронзительные сырые ветры, а лужи покрывались коркой льда.

Вскоре Фоминых увидел и тот трактор, которому Еремеев собирался оказать помощь. Это был «С-80», он стоял посредине огромной лужи, и в кабине дремал водитель...

— Что случилось? — крикнул Фоминых трактористу.

Тот высунулся из кабины, посмотрел вокруг — должно быть, вздремнул до этого — и сказал спокойно, как будто так и надо было:

— Фрикционная передача полетела.

— Как так?

— Да уж так...

— Давно из ремонта?

— Больше месяца. Нагрузка, на перегное работаем, ну вот, поехали ещё утром, по морозу, за лесом и — на тебе...

— А вы сеять собираетесь в Буяновке? Посевная на носу, а тракторный парк уже разболтан! Этот перегной выйдет боком! Кампания наступает! Напряжение должно быть! А они в лужах стоят! Ладно! Там сзади бригадир едет, скажи, что я ему передаю: за свои машины отвечает головой! Так и скажи!

Фоминых поехал дальше, настроение у него упало.

«Чёрт его знает... В самом деле, вот так разобьют тракторы до посевной, а потом будем чирикать на последнем месте в области».

В райкоме Фоминых ждало множество дел.

Из сельхозснабжения спрашивали, как лучше распределить запасные части к сенокосилкам, а из райпотребсоюза — как быть с мотоциклами: поступает одиннадцать машин, а заявок сто тридцать; из редакции звонят по поводу передовой в текущий номер, из одного колхоза сообщают о недостойном поведении коммуниста, из другого спрашивают о том, когда назначить отчётно-выборное собрание, на котором Фоминых хотел присутствовать... Из области лежало несколько запросов, из соседнего района просили повлиять на межрайонный промколхозсоюз, а из леспромхоза — связаться с областью...

Вот где Фоминых был в своей стихии. Помогала память: он знал весь район и город Юдинск, и в соседних районах не было руководителей, с которыми он не был бы знаком, и в области он на память знал десятки телефонов. Связаться, договориться, распределить, запросить, поговорить, поднажать — на всё это у него были незаурядные способности.

Арсений Петрович знал всё в своём районе, всё, что происходило в колхозах, районных и городских организациях. Это он и считал самой главной своей обязанностью. Не сработались в портновских мастерских директор и секретарь парторганизации — он знал об этом; не внушал доверия вновь прибывший в Юдинск товарищ — тоже знал; предвиделась смена начальника сплавной конторы, так было решено директором областного лестреста — Фоминых знал это; Башлаков не любит Паустова, а Паустов Башлакова боится — известно; часто запивает начальник дородела с дорожным мастером в Ключеве — в последний раз это было на той неделе; выехал из обкома инструктор в Юдинский район по проверке агитационной работы — будет в Юдинске сегодня к вечеру.

И не то чтобы Арсений Петрович ставил своей целью всё разузнать — нет. Так получалось. За день он звонил и ему звонили десятки раз, к нему приходило множество людей, и все эти звонки, встречи, разговоры, распоряжения и просьбы — всё создавало перед ним картину района. Инструктор райкома сообщал из Зареченской МТС, что там выпущено из ремонта пять тракторов с дефектами. «Не пять, а семь, — поправлял Арсений Петрович. — Уж я знаю!» — и потом сам некоторое время вспоминал, откуда это ему известно. Ага! На прошлой неделе он встретился в буфете Дома культуры с главным инженером Зареченской МТС. Было

такое дело? Было... Поговорили?.. Кажется, о постановке «Калиновая роща»... Так... И между прочим инженер сказал: «Готовимся к посевной. Как же, готовимся! Правда, машин семь у нас не очень-то надёжных».

Работая далеко от областного центра, Арсений Петрович знал всех областных руководителей, с которыми хоть один раз приходилось ему разговаривать очно или по телефону, а по телефону он звонил в область так же часто, как и в любую МТС своего района.

Если он знал всё, ничто не могло застать его врасплох, неожиданно. А именно всё то, что было неожиданным, было для него и самым трудным, неприятным.

Когда же из области давались совершенно чёткие указания — что нужно сделать, каким образом, в какие сроки, — вся живость характера Арсения Петровича, его энергия, знание обстановки мобилизовывались в ту же минуту. Утром получив телеграфное распоряжение, к обеду он уже «обеспечивал»: расставлял, накачивал, поднимал; к вечеру проверял, к ночи докладывал результаты.

И каким бы ни было указание из области — особенно если это было не указание, а требование, и не простое требование, а в категорической форме, — оно никогда не представляло для Арсения Петровича ничего неожиданного: здесь ведь не нужно было размышлять, какие будут последствия очередного мероприятия.

В его представлении руководители тем и отличались друг от друга, что председатель колхоза, например, должен досконально знать положение дел в своём колхозе, руководитель учреждения — в этом учреждении, секретарь райкома — если, конечно, это хороший секретарь — знает район до мелочей, знает, как свои пять пальцев, областные руководители вот так же должны знать область, и Арсений Петрович даже думал о себе самокритично: «В области я не смогу. Сколько надо помнить?! Память не удержит!»

Знать дела!

Но как влиять на эти дела, влиять не только правильным распределением мотоциклов, не только указаниями нефтебазе: сию же минуту, немедленно — душа вон! — отпустить три бензовоза, не только примирением двух поссорившихся руководителей портновской мастерской, а влиять на хозяйство и культуру района так, чтобы это и в будущем оставило след, — над этим Арсений Петрович не задумывался.

В районе в последние несколько лет произошли крупные перемены: был построен прекрасный Дом культуры, электростанция, внедрены посевы льна, который прежде занимал совсем небольшое, потребительское место среди других сельскохозяйственных культур, организована ЛМС, построено много посёлков в тайге, на лесоразработках, — во всех этих делах Арсений Петрович принимал самое активное участие, знал всё до мелочи, но ни одно дело не было затеяно по его инициативе.

И вот в последнее время в районе стали появляться новые люди.

Одним из первых приехал Башлаков. С тех пор, сколько бы ни бывало встреч между ними, Арсения Петровича никогда не оставляло такое чувство, словно он видит Башлакова в первый раз в жизни и не знает, что это за человек. Такое же, какое бывает в том случае, если секретарь проводит бюро, а в кабинете сидит совершенно незнакомый представитель обкома или даже товарищ из Москвы.

Никогда нельзя сказать, как будет вести себя Башлаков. Его будут хвалить — он будет ругать того, кто его хвалит. Его будут ругать — он будет хвалить в ответ. Иногда он поднимается, резко протестует против мелкого замечания в его адрес. Иногда молча и, кажется, даже спокойно соглашается с серьёзным обвинением, только потеет при этом.

И во всех случаях обязательно доказывает, почему он поступает так, а не иначе, доказывает так, что с ним приходится соглашаться.

Поездка в колхоз «Большая Поляна» сегодня особенно растревожила Фоминых, и, хотя он не встречался с Башлаковым, физиономия директора всё время стояла перед ним.

Сегодня Фоминых ругал Паустова. И как? Словами Башлакова. Это Башлаков говорил не раз, что большеполянский председатель из всех постановлений выбирает для себя только те, которые ему выгоднее, по душе. Это он требовал разобраться в делах колхоза, особенно с животноводством. И это Фоминых — первый секретарь райкома — защищал Паустова, это он на запрос областной газеты порекомендовал написать расширенную информацию о колхозе-миллионере.

А теперь Паустов, может быть, испугался первого секретаря? Ничего подобного! Такие разговоры происходили между ними и прежде уже не один раз. Испугался Паустов угрозы секретаря райкома именами Башлакова и Позднякова — вот чего он действительно боится! И надежда у Паустова только на то, что Фоминых не сразу отдаст его в руки этих двух людей, не сразу, потому что слишком долго первый секретарь отстаивал председателя перед МТС и теперь признать, что Паустов — плохой руководитель, значит признать, что райком стоял на защите такого руководителя и даже поднимал его. А ведь Паустов знает своё хозяйство, знает в нём каждую гайку...

Хорошо, Паустов — единичный случай. Но всем известно, что Башлаков носит с собой списочек кандидатур, которые он предлагает на каждом совещании рекомендовать председателями колхозов. Это всё бывшие и нынешние районные руководители. Фоминых не отвергал предложения директора Буяновской МТС и не принимал его, потому что Фоминых не знал, прав или неправ Башлаков, обойдутся райком и горсовет без этих людей или не обойдутся, если их послать в деревню, лучше будет в колхозах или хуже, если поставить там новых руководителей.

Значит, вопрос о Паустове — это вопрос ещё о целом ряде председателей.

Фоминых знает район. А Башлаков знает сельское хозяйство. Вот сегодня они в Буяновке проводят кустовые семинары, а третьего дня — Фоминых знает это хорошо — Башлаков сам проводил такой семинар с агрономами МТС и сам ездил на тракторе. Таких директоров ещё не бывало в Юдинском районе. Башлаков не был «языкастым», как называют в Юдинске людей, умеющих выступить, но говорил он неплохо и совсем не употреблял общих фраз.

Когда же он слышал на бюро от Фоминых такие фразы, он обычно спрашивал:

— А конкретно?

И было это не так просто для первого секретаря райкома — с одной стороны, ждать от человека колких вопросов, резких реплик, возражений, временами даже отступать перед ним, с другой — признавать за этим человеком достоинства, видеть и отмечать пользу его работы в районе. Нет, Фоминых был далёк от того, чтобы по неприязни что-то такое испортить Башлакову, как-то лишний раз подцепить его.

Было у него другое желание: где-то, в каком-то деле дружно пойти с Башлаковым в одной упряжке, так, чтобы Башлаков делал, тянул, а Фоминых — организовывал, направлял, руководил, зажигал, чтобы в районе, а может быть, и в области увидели это и сказали: «Вот так надо поддерживать начинания! Так надо подходить к людям!»

Фоминых искал такого случая, но потому ли, что он мало бывал в Буяновской МТС, или по другой причине, только Башлаков с Поздняко-

вым приходили обычно в райком с готовыми решениями, ставили в известность о том, как идут у них дела, и Фоминых в серьёзных вопросах ничего другого не оставалось, как принимать к сведению их информацию.

Такие отношения с МТС несколько раз наводили Фоминых на мысль, что и в новых условиях, когда станциям предоставлены большие права, когда в зоне каждой станции имеется свой секретарь райкома, может быть, и в самом деле первому секретарю остаётся только обозревать положение дел? Но тут Башлаков затеял массовую вывозку перегноя. И Фоминых не сразу, но понял, что это и есть то дело, которое он искал: ему нужно было Башлакова поддержать, распространить это начинание на район, из Юдинского района оно может пойти по всей северной части области. Нужно же было чем-то показать себя и Юдинску в то время, когда другие районы, каждый по-своему, пусть понемногу, но всё-таки проявляли инициативу — одни строили новые льнозаводы, другие резко расширяли посевные площади, третьи развивали многоотраслевые колхозы... Пора, пора было выдвинуться Юдинску, и не чем-нибудь, а решением главной задачи — резким повышением урожайности! Но вывозка перегноя, такое простое дело на первый взгляд, что Фоминых не сразу его заметил, оказалась крепким орешком: чтобы с ней справиться, нужно было хорошо и раньше намеченных сроков кончить с ремонтом, нужно было в прошлом году вспахать все поля под зябь, чтобы освободиться от весновспашки, нужно было иметь в МТС надёжные кадры механизаторов, и совсем уж простая штука — тракторная тележка, а без неё тоже много не увезёшь на тракторе.

В результате оказалось, что Буяновская МТС имела все эти условия и успешно вывозила навоз, Краев в Красненской МТС смог поставить на вывозку пятнадцать тракторов, а директор Зареченской станции Сумкин всё только обещал, но ничего не делал. Фоминых понимал Сумкина: в Зареченской МТС не надеялись на качество ремонта, боялись включить в работу тракторы до начала посевной. Что и говорить, серьёзное опасение, оно глодало не только руководителей Зареченской МТС, но и самого Арсения Петровича.

Тем не менее, вернувшись из колхоза «Большая Поляна», Фоминых отложил текущие дела, такие, как распределение мотоциклов, а вызвал директора лугомелиоративной станции по телефону и сказал ему:

— Экскаватор твой работал в колхозе «Звезда»? Работал, зная! Всё знаю! Значит, можешь поддержать инициативу бригадира Еремеева. Теперь хочешь не хочешь, будешь поддерживать! Завтра с утра разверстаем твою механизацию на перегной. Готовься! Хватит жить стороной! Тоже будешь бороться за урожай!

Теперь Башлаков мог приехать и поставить перед райкомом вопрос о привлечении ЛМС к этому делу! Пожалуйста!

И вдруг раздался звонок из Зареченской МТС. Спросив о каком-то незначительном деле, Сумкин неожиданно замолчал.

— Ещё что? — быстро спросил Фоминых.

— Да что ещё... получил сразу пачку директив из области. Давно почты не было, вот и подвалило...

— Что пишут?

— Так, всякое... Есть и такое — не разбери-поймёшь. Например, вот... — И Сумкин зачитал директиву, подписанную Колесниковым, о том, что каждая МТС должна выделить для вывозки перегноя три трактора. — А как же быть-то, Арсений Петрович? — спросил он. — У нас же в районе другая установка: все тракторы на перегной! Потом, в посевную, хоть один трактор встанет — знаете, что нам скажут?

Фоминых прекрасно знал, что скажут в этом случае из области, но что ответить Сумкину, не знал. И он ответил так, как отвечал обычно в затруднительных случаях:

— Брякни мне по этому вопросу через часик!

А через десять минут Фоминых уже говорил с заместителем начальника областного управления сельского хозяйства:

— Привет, товарищ Колесников! Фоминых приветствует вас из Юдинска! Вот что, дорогие товарищи областные руководители: это что же получается? Мы развернули борьбу за урожай, ориентируем на перегонной, Башлаков уже отличился, райком держит инициативу, а вы? Три трактора! Это как же понимать? Запрещаете! А борьба за урожай? А где культура земледелия?

— Ладно, ладно! — ответил резкий и громкий голос, который, казалось, должен был принадлежать крупному человеку, а не маленькому и толстому, каким был Колесников. — Даёшь в районе установку — выгнать все тракторы в грязь, жечь горючее, ломать — давай! Завалитесь с посевной, с зябью — придётся тебе давать объяснения. Вот так!

Следующий звонок был в обком.

— Зажим инициативы! Что я спрошу с директоров МТС, если они получили такую директиву?! — жаловался Фоминых. — Как же бороться за урожай?

Из обкома тоже ответили, что директиву о трёх тракторах никто отменять не будет, а если Фоминых берёт на себя партийную ответственность, то нет возражений. Должно быть, Фоминых хорошо организовал ремонт и проверку качества ремонта?

Ещё через полчаса, когда позвонил Сумкин и сказал, что в Зареченской МТС не три, а целых шесть тракторов будут возить перегонной, Фоминых ответил ему:

— Давай! Действуй! Ты хозяин в МТС! Решай, как полагается!

Сумкин сразу же перевёл разговор на другую тему, давая понять, что всё ясно — данный вопрос исчерпан.

Фоминых же чувствовал себя особенно неловко. Только вчера районная газета опубликовала его статью о борьбе за урожай, в которой он метал громы и молнии в адрес Сумкина, только на днях он горячо выступил по этому вопросу на пленуме райкома, только сейчас звонил директору ЛМС. И вот...

«Обзвоню бюро!» — решил Фоминых.

По телефону он соединился почти со всеми членами бюро, разыскав второго секретаря в отдалённом леспромхозе, а третьего — в больнице, и, рассказывая каждому о директиве относительно трёх тракторов, передавал и свой разговор с областными работниками.

При этом всякий раз отказ в поддержке со стороны областных организаций звучал в его изложении всё более и более резко и наконец превратился в прямую угрозу: «Что, дескать, вы там затеяли, в Юдинске? Голову вам снимем за эту штуку — за нетерпимое отношение к тракторному парку в ответственный период!» И — честное слово — Арсений Петрович теперь уже сам именно так и понимал всё то, что услышал от областных работников в ответ на свои звонки.

Но ни в одном разговоре с членами бюро Арсений Петрович не уловил понимания. Случилось так, что первого секретаря не поддержали областные работники по одной причине — они не надеялись на успех дела, а у себя в районе он не находил понимания и поддержки по другой причине — потому что здесь надеялись на успех.

Фоминых представил себе заседание бюро и понял, что когда этот вопрос возникнет там — а он обязательно возникнет, — ни на один голос

он не сможет сослаться, что вот, мол, посоветовавшись с таким-то товарищем, мы пришли к выводу, что следует отменить это дело с переносом...

Такого товарища не было, и у Фоминых не могло быть ссылки хотя бы на самую отдалённую коллегиальность при решении вопроса.

Остался только Краев, о котором Фоминых ответили из Красненской МТС, что он где-то в городе и вот-вот будет в райкоме сам.

Фоминых ждал Краева с нетерпением. Он нужен был ему сейчас же, немедленно. Фоминых выглянул в приёмную, велел девушке-секретарю отыскать Краева по телефону в какой-нибудь из районных организаций, а сам сел в угол большого чёрного дивана, который стоял у него в кабинете, и вспомнил, как Краев в перерыве какого-нибудь совещания отводит знакомого человека в сторону и спрашивает:

— А горка для очистки семян — это как? Очень большая делается?

— А рамбулье — это очень хорошая марка овцы? Вот на мне пиджак — это не из рамбулье?

Кажется, Краев чуть-чуть подтрунивает сам над собой, но слушает ответы — весь внимание и говорит:

— Ничего! Скоро научусь. Понимаешь — уже не только в машинах, в травах начинаю ориентироваться! Агрономы — наши — латынь ведь тоже не знают!

И дела в Красненской МТС шли в гору, особенно в ремонтных мастерских. Приехал бы Краев на пару месяцев раньше, и он, конечно, обеспечил бы ремонт не хуже, чем в Буяновской МТС.

Вместе с Краевым в Красненскую МТС приехали несколько рабочих с того же завода. Они называли Краева «наш начальник цеха» и говорили старожилам: «Вы только дайте ему оглядеться, дайте понять, что к чему!»

Краев вскоре пришёл. Пожав Фоминых руку, сел в кресло, маленький, спокойный, со светлыми, уже седеющими волосами, подстриженными бобриком, в рабочем костюме. Всё в нём было деловито, как будто он только на минуту оставил мастерские и сейчас же вернётся обратно.

— Прочитай, полюбуйся! — сказал Фоминых, протягивая ему текст директивы.

— А я знаю... Получил такую... — Краев вдруг улыбнулся серьёзной, немного грустной улыбкой и махнул рукой. — Бывает! Иногда бывает и в промышленности. Только заводские конструкторы выдумают что-нибудь, или технологи тоже выдумают такую сердцевинку, вдруг — бац! — указание из министерства: делать вот так и никак больше!

— Ну и что же? Приходится соглашаться?

— Как когда! — пожал плечами Краев. — А если я прав? — Он посмотрел на секретаря в упор, положив два маленьких кулачка на стол. — Да! Если я прав? Ну, вот что! — вдруг переменял он тон. — Это дело ясное — бумага и ничего больше. А вот я к тебе на консультацию: скажи, трудоёмкие работы можно включить не в основной договор с колхозами, а в дополнительное соглашение? Можно или нельзя?

— Не-ет, постой! — заволновался Фоминых и выскочил из-за стола. — Я звонил в область. Отвечают: «Вам дано указание — выполняйте! А нет — будете отвечать!» Теперь пойми, если хоть один трактор в посевную встанет... Ты вот не сеял, не знаешь...

— Я не сеял, — согласился Краев. — Готовлюсь к экзамену. А ты напрасно беспокоиться, честное слово. Плюнь! Ни одна бумага не может остановить правильное, разумное использование машины! Уж поверь мне — ни одна! Машина — это такая вещь... ах, это такая вещь, что если она уже существует — всё! — она должна работать, она должна погиб-

нуть на работе до конца! И тогда — всё равно — металл пойдёт на другие машины. Это только немирная машина — обрати внимание, только она! — способна ждать своей очереди в бездействии! Да что я тебе объясню! Вот! — Он быстро поднялся, подошёл к вешалке, на которой он оставил пальто, и вынул из кармана газету: — «Правда». За четырнадцатое апреля. Читаю: «Коммунизм, — писал Ленин, — есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих»... Рабочих, — повторил Краев ещё раз. — В МТС теперь тоже рабочие... Теперь дальше. Вот тут написано, что ликвидация простоя тракторов только в РСФСР позволила бы вспахать, засеять и убрать урожай на площади в 15 миллионов гектаров. Значит, это такая же задача, как поднять тринадцать миллионов гектаров новых земель. По масштабу получается — такая же!

— Ты вот что, — сказал Фоминых. — Ты меня политграмоте не учи. Рассуждения бывают принципиальные, а обстановка — реальная.

— Это нехорошо, что так бывает! — сказал Краев. — Совсем нехорошо.

Упрёк относился прямо к Фоминых, но он понял его не так.

— То-то вот и есть, что нехорошо! Я вот ехал из хвалёной Буяновской МТС — трактор уже сидит в луже. Фрикцион полетел. А посевная впереди!

— Ну что ж, — согласился Краев. — Ты видел один трактор, а наверно, и ещё есть такие случаи...

— Вот то-то! Значит, какой вывод? Тем более, нас не поддерживают?!

— Подобрать такие факты и создать в Буяновской МТС нетерпимое отношение к ним. Я вот у себя не могу ещё поднимать много шума из-за каждой поломки. Хотел бы, да не могу: слишком много их. А Башлаков сможет. А ты ему помоги. Настрой Позднякова. Тут вот в чём беда... — Краев вопросительно посмотрел на Фоминых.

— В чём? — спросил тот.

— В том, что ты не уверен в качестве ремонта. Сам не проверил, а Башлакову не доверяешь.

— А ты доверяешь? Полностью?

Краев подошёл к Фоминых, посмотрел на него, тихонько засмеялся и сказал:

— Доверяю? Понимаешь — люблю его... Ведь вот, сколько я людей перевидал — тысячи, а вот такого не встречал. Приехал сюда и здесь такого увидел! Здоровый какой! — Краев поднял лицо вверх, будто разглядывая с удивлением и даже завистью воображаемого человека. — Здоровый, да и рыжий же! Киноварь!

— Да... — проговорил Фоминых, снова усаживаясь в кресло. — Здоров-то он здоров...

И вдруг почувствовал какую-то неловкость перед Краевым. Краев только недавно приехал в район и уже любит здесь людей больше, чем Фоминых. Мысли Арсения Петровича на минуту отвлеклись от тракторов, от вывозки перегноя, ему захотелось заговорить о людях, тем более, что по какому-то такому поводу он ещё раньше хотел перекинуться с Краевым парой слов...

— Вот что! — вспомнил он. — Ты Пислегина к себе в МТС берёшь?

— Беру!

— Диспетчером?

— Диспетчером...

— А знаешь все его грехи? Сказать прямо — жуликоватый мужик! Я сам к тебе его послал, но смотри: твоё дело решать!

— Знаю...

— Может и вороватым оказаться...

— Имею в виду, как же.

— Вот ты к Башлакову так... с доверием. Хорошо. А знаешь, что Башлаков ему отказал?

— Знаю. Пислегин сам говорил. Что же, Башлаков правильно поступил.

— Башлаков правильно, а ты, выходит, неправильно?

— Как тебе объяснить? Тут много причин... Пислегин допустил ошибку, нельзя ему было заходить с этого конца к Башлакову. Пислегину нужно поработать, попытаться ещё поработать с человеком совершенно незнакомым. У Башлакова душа-то ещё кое-где детская. И он боится испортиться. А я не боюсь! Понимаешь, не боюсь — и всё! Если хочешь, больше меня учили на заводе партийному отношению к людям.

Краев помолчал, ещё спросил о том, можно ли включать трудоёмкие работы в дополнительные соглашения, а не в основной договор, и попрощался. Уходя, заметил:

— Мы же сводки о завершении ремонта давали? Акты приёмки из ремонта имеем? Тогда нужно спросить: доверяем мы сами себе или нет?

Фоминых жестом остановил Краева, желая продолжить разговор.

— Перегной лежал у нас десятки лет. Пролежит ещё год. На будущий год подбросят нам по десятку машин на МТС, вот тогда мы и рванём!

— Так не бывает! — замотал головой Краев. — Не бывает так. Будут новые машины, будет и новый план на них, да ещё больше, чем нынче. Разве может быть, чтобы с годами нагрузка на механизмы снижалась? Наоборот! — Он вдруг засмеялся, надвинул кепку на лоб, сделал сердитое лицо и сказал: — А Пислегина я зажму, не беспокойся! Вот так! — И показал маленькими руками, как он зажмёт в них большого Пислегина. — Ну, прощай! Наше дело правое, о чём разговор! Я возил на пятнадцать машинах — и буду возить. А на будущий год выведу больше, чем Башлаков. На будущий год мы с Башлаковым потягаемся во всём. Вот посмотришь.

После разговора с Краевым Фоминых зашёл домой, наспех пообедал и, не отдохнув, снова поехал в зону Буяновской МТС, в Ключево, на семинар, который проводил там Поздняков.

Дорогой он раздумывал: зачем едет? Отказать Позднякову в поддержке по части вывозки перегноя или поддержать его в этом деле... Ехал и не знал... Он бы вообще прикрыл это дело, но оно зашло далеко по Буяновской МТС. Он сам его поднимал. А когда захотел отказаться от него, никто, никто не поддержал, даже Краев, в котором он хотел найти близкого друга и который на самом деле оказался как-то ближе к Башлакову, чем к нему...

Инструктаж проходил на поляне, сразу за деревней, где был распахан выгон. Поздняков сидел на берегу узкой Шои, улыбался, как будто дело совсем его не касалось, и смотрел, как тихо плывут мимо зеленоватые и серые, все в бугорках льдины... Чёрный кудрявый барашек тыкался тупым носом ему в колени: просил подсолнечного семени...

Толстый бригадир, заика Андриан Строков, лежал на животе и чертил в блокноте схемы движения агрегата, рассчитывая расстояния справа и слева от сеялки, на которых следует закрепить маркёр... Он слыл «грамотнющим парнем» и хорошим механиком, и ему бы работать в ремонтных мастерских, но он силов лез в тракторную бригаду, хотя организаторских способностей у него не было, и Башлаков почему-то уступал его желанию. Строкову подсаживали каждый на свой лад, он отмахивался, иногда вставал, говорил: «Д-да, что в-вы об-ратно пр-р-ривязываетесь» —

и уходил на другое место, но через минуту его уже опять окружала целая толпа.

Вихрастый Еремеев, без шапки, шумел, что всё равно никакого проку из всего этого дела не выйдет, потому что участки под кукурузу и подсолнух на силос отводятся небольшие и криволинейные.

— Сеять надо само обыкновенно, через все диски. Потом по всходам продерём поле культиватором вдоль-поперёк, что останется, то и будет хошь квадрат, хошь гнездо.

Его жена, учётица Поля, в голубой косынке, бегала вокруг сеялки и сердилась:

— Брось ты, Ефим, твякать, тут дело говорят. С меня же потом спросишь за качество.

Агрономы, всё больше молодёжь, кипятились и шумели, обругали Еремеева бракоделом, говорили о светолюбивости подсолнуха и о том, что кукуруза всходит при температуре почвы плюс 12—15 градусов, но что-то дело не подвигалось от этих разговоров. С маркёрами здесь никогда прежде не работали.

Фоминых приветствовали, но никто не отвлёкся от своего дела, и, поглядев на всю эту картину, он решил: «Никто толком ничего не знает, а Поздняков, так тот попросту даже и не вмешивается. Не во-время приехал. Начнут сейчас ещё и меня спрашивать, как нужно сделать...»

А в тех случаях, когда Фоминых не знал, как нужно ответить или сделать, он всегда брал на полтона выше.

— Что время проводите? — спросил он у Позднякова. — Не подготовились! Толкучка, а не инструктаж. Закругляйтесь — и по местам.

— Сейчас кончим, Арсений Петрович, — спокойно отозвался Поздняков. — Сейчас ещё маленько на них посмотрим и кончим...

— То есть что ещё смотреть? Чего смотреть, когда дело надо делать?

— Да вот, посмотрим, кто как соображает... Пусть своим умом подумают, а у меня вот тут, — Поздняков показал на записную книжку, — всё значится... Смотрите, агрономы-то у нас слабоваты. Вон та девушка ведь с высшим образованием, должна бы знать... Что-то не совсем у нас ладно в сельскохозяйственном вузе... А вы знаете, почему они так кипятятся: только что кончили обсуждать условия участия на ВСХВ. Теперь в нашей зоне весь перегонной соскребут. Ведь это урожай!

Фоминых хотел спросить Позднякова, знает ли он о директиве относительно трёх тракторов, но раздумал начинать с места в карьер и сердито сказал:

— Еремеев этот — крикун! Здесь кричит, компрометирует передовую агротехнику, а на дороге трактор разбитый стоит — из его бригады.

— Что верно, то верно, — согласился Поздняков, — шумный парень. Только ведь он сейчас шумит, а потом лучше других сделает. Это уж точно, в отстающих он никогда не ходил. А насчёт трактора — это мы узнаем. — Он подозвал Еремеева и спросил: — Как там у вас дела с трактором? Вот Арсений Петрович который видел на дороге? Что приняли?

Бригадир внимательно посмотрел на Фоминых, потом на Позднякова, вытер ладонью рыжеватую поросль на подбородке.

— Значит, так. Приехали к тому покалеченному трактору — это пятьдесят первый номер, бойченковский. Для начала разъяснил как следует быть Бойченко его моральную ответственность. Об этом как, рассказывать?

— Ближе к делу, ближе к делу... — заметил Фоминых.

— Теперь я — на мотоцикл и в гутап. Пока в гутапе покупал фрикцион, пока что, Бойченко отбуксировали в мастерские Красненской

МТС. Я туда фрикцион доставил, а вот с ней, — он показал на Полю, свою жену, — обратно на мотоцикл и вот сюда, курсы проходить...

— Как же это в гутапе продали фрикционную передачу? На какие деньги покупал? — удивился Фоминых. — Очень быстро всё получается. Почему Красненская МТС вашу машину ремонтировать взялась?

— В гутапе Назар Матвеич звонили, договорились. Деньги свои плачены, счёт взял, в понедельник в бухгалтерию представлю. А красненские — как они откажут? Они вон за сеном на болота всю зиму через нас ездят, сколько мы всякой помощи им оказывали! Так что, считаю, завтра Бойченко вернётся с лесом. За ночь подморозит дорожку — и порядок! А что насчёт перегной — у нас теперь три тележки поделаны, будем возить и в посевную под культиватор. Не беспокойтесь. Весновспашки же у нас совсем малость — всё зябь. Вместо пахоты да будем гнать перегной, Мохов от меня не уйдёт, — сказал Еремеев сердито, и его лохматые белые брови сдвинулись. — Точно.

Бригадир снова отошёл к сеялке, а Поздняков сказал, глядя на льдины:

— А Шоя-то, Арсений Петрович, на моей родине начинается. Она из озера Круглого выходит, а наша деревня как раз на берегу... Я мальчишкой был, всё мечтал: туда бы мне хотелось, куда Шоя течёт. Ещё не знал, что около Юдинска и устье Шои. Думал, куда-нибудь далеко-далеко она течёт... А сейчас вот думаю — туда бы мне заглянуть, откуда Шоя вытекает... Мне тут один старик на днях сказал: «Назад не поглядишь — вперёд не увидишь...»

Должно быть, Поздняков ещё хотел поговорить, а Фоминых был настроен как-то нервно, и ему хотелось сказать: «Посевная, а ты тут рассоливаешь! До этого ли?»

И Фоминых, может быть, сказал бы что-нибудь резкое, но Поздняков, взяв за ухо чёрного барашка, всё ещё пристававшего к нему, вымолвил: «Смотри, какой ласковый», встал и тоже пошёл к сеялке.

— Кончат пора!

Поздняков посмотрел в расчёты Строкова.

— Правильно! Подцепляй маркёры. Справа на сто шесть сантиметров, а слева — на сто пятьдесят шесть.

Дисковые маркёры мигом подцепили к правой и левой слеге, тракторист нетерпеливо крикнул:

— Поехали, чё ли! — и дал газ.

Сделали два круга и убедились, что междурядья получаются ровно через шестьдесят сантиметров. Потом разобрали ручные кукурузосажалки, и Поздняков предложил отрегулировать их. На маркированном поле стали высаживать кукурузу, у одних выходило десять зёрен в гнезде, у других — одно-два, но скоро и здесь стало получаться как надо: по три-четыре зерна.

Еремеев снова закричал, что он в академики по кукурузе выходит не собирается, а что для него нужно — давно всё понял, чего тут ещё терять время; ещё кто-то из бригадиров заторопился домой.

Тронулся и райкомовский «газик», шофёр решил, должно быть, подъехать к Фоминых, но тут дорогу ему загородила Поля.

— Стоп! — сказала она, протянув вперёд руку. — Мне нужен маникюр навести, а трюмо нет. Обожди. — Шофёр остановился, а Поля, глядя в ветровое стекло машины, как в зеркало, прибрала неторопливо волосы, повязалась косынкой и, отступив, сказала шофёру:

— Вот теперь езжай, можешь...

Потом они с Еремеевым сели на мотоцикл и умчались, поднимая пыль на подсохшей уже дороге.

Затарахтели и другие мотоциклы, которых штук пять стояло вряд, поблёскивая на солнце. Прощаясь с секретарями, все стали разъезжаться. Трактор двинулся вдоль берега Шои, начался уже не для практики, а настоящий посев подсолнечника на силос. Никто больше не бежал за сеялкой, только барашек, должно быть отбившийся от стада, поплёлся сзади, как собачонка...

Фоминых сел в тарантас с Поздняковым, велел своему шофёру держаться неподалёку, и они поехали.

— Как в зоне готовитесь к посевной? Кто отстаёт? Какие факты? — спросил Фоминых.

— Да всё то же. Лисятник Паустов, как всегда. Ни одного маркёра не построил, ни одного катка нет, семена кукурузы всё ещё не вывез из города. Хоть бы вы съездили, что ли, к нему, Арсений Петрович! Между прочим, какая получается штука, я бы сказал — не очень приятная... — Поздняков покосился на Арсения Петровича.

— Ну-ну, говори... — кивнул Фоминых.

— Получается так: Башлаков, сами знаете, на Паустова жмёт и жмёт. Я тоже стараюсь, а тот перед колхозниками кичится: «У меня, мол, полное понимание в районе. Мы миллионеры, нас ценят, а дело МТС — помогать нам механизацией и не вмешиваться во внутриколхозные дела. На это есть...» На это есть, мол, районные организации. Побывайте у Паустова, Арсений Петрович!

— Ишь ты! — вспылил Фоминых. — Я его научу! Я ему покажу! — Но, вспомнив своё посещение «Большой Поляны», замолчал и подумал: «Опять нехорошо получилось. Надо было в «Поляне» принять серьёзные меры. Заелся этот Паустов со своим миллионом, да ещё, видно, и ссылается на меня — дескать, Фоминых в обиду не даст. Ах, нехорошо!»

Позднякову Фоминых ответил:

— Ладно. На днях буду у Паустова. Возьму его в оборот. Дам почувствовать!

Поздняков уже веселее продолжал:

— А вообще ориентируем народ так: посевная началась. Как же не началась, когда все тракторы в работе? Не хватает даже машин. Лес, перегной возим — во многих бригадах в две смены. Вот что ещё, Арсений Петрович. С этим вопросом в райком поехал сегодня Башлаков, да вы, видно, разминулись. Нельзя ли до начала земляных работ механизмы ЛМС привлечь на вывозку перегнойа? Часть в нашу МТС, часть в другие. Что им стоять-то без дела? Колхозы рассчитаются с ЛМС, как положено.

— Вы всё своё, — рассердился Фоминых. — Перегной, перегной, и ничего не видите больше. Широты нет. Упёрлись в одну точку! Разобьём тракторы, как будем сеять, косить, зябь поднимать? Ты указание из области читал? Три трактора на перегной — и весь разговор! Читал?

Поздняков долго не отвечал, потом шлёпнул Пегашку вожжами и отозвался:

— Читал. Знаю.

— А сегодня, вот только что, разговаривал с областью по телефону, — нервно продолжал Фоминых. — Что говорят — обвиняют нас в перегнойных настроениях. Обещают взять под особый контроль. Предупреждают — держи, мол, голову на плечах! Сумкин вот...

— Что Сумкин?

— Что... Вместо трёх тракторов поставил на вывозку шесть и снимать не хочет.

— Трус! — сказал Поздняков. — Я всегда думал, что он крикун и трус.

Надолго замолчали.

Фоминых заметил, что Поздняков, поглядывая сбоку, наблюдает за ним точь-в-точь так же, как недавно наблюдал за бригадирами и агрономами, которые суетились вокруг посевного агрегата. И, ощутив на себе этот сосредоточенный, испытующий взгляд, Фоминых вспомнил, как отвечали ему сегодня члены бюро, когда он созванивался с ними в ожидании поддержки и понимания...

А вслед за этим Фоминых представил себе заседание бюро: Краев, Поздняков, Башлаков и все другие сидят у него в кабинете, в том самом кабинете, который остался сейчас пустым на втором этаже старинного каменного дома, с большим письменным столом у стены и с другим столом, под зелёным сукном, поперёк... Вот сейчас начинается бюро... Светит солнце, так что яркожёлтый пол режет глаза, а ковровая дорожка из красной становится не то фиолетовой, не то синей... Они сидят за столами посередине кабинета и все до одного смотрят на первого секретаря. Сейчас они заговорят.

Фоминых много работал и третьим, и вторым, и первым секретарём в разных районах. Он знает, как говорят люди, когда они хотят сказать, что их руководитель — трус, что он уходит от ответственности, возложенной на него людьми, что им обидно за него, за себя...

Фоминых в одно мгновение стало холодно. Он повернулся к Позднякову и, глядя на него в упор, заговорил:

— Давай на прямую! Прижали меня из области. Верно. Но ты за кого меня считаешь? Сумкин пусть делает, как хочет, заставить не могу. Краев возит понемногу, так и будет. А Буяновская возила, возит, и ещё это дело закрутим крепче. Вот! Никто не запретит нам развернуть подлинную борьбу за урожай. Они мне говорят: твоя партийная ответственность. Ну и что? Готов! Отвечаю!

Фоминых выпалил всё это и замолк. И вдруг ему стало как-то сразу легко и просто.

— Ага,— кивнул Поздняков.— Правильно. А то мне Башлаков сказал: «Как-то посмотрят в райкоме на эту бумагу, когда прочитают её?» Он, кстати, наверно, дожждётся вас в райкоме. Уж очень хочет получить механизмы ЛМС. По инициативе Еремеева.

— Нечего просить... Распоряжение уже дано. Сказал, чтобы завтра с утра были готовы. Пару экскаваторов поставим, всё равно земляных работ пока нет.

Поздняков с любопытством посмотрел на Арсения Петровича.

— Вот как...

А Фоминых, как будто всё ещё запыхавшись, спросил:

— Скажи, Поздняков, этот — Назар Матвеевич — ведь всё по-своему воротит. Всё хочет по-своему...

— Так ведь какой же это руководитель, какой человек, если он ничего не хочет делать по-своему? — пожал плечами Поздняков.

— Ну всё-таки трудно с ним? Работать?

— Нелегко. Это верно. Он из МТС на колхозы работает. И здорово работает. А мне нужно из колхоза на МТС работать, чтобы в колхозах понимали МТС как государственное предприятие. Чтобы больше уважали МТС, считались с ней. Встречная работа. Казалось бы, МТС работает неплохо — зональному секретарю легко. Оно, может быть, и в самом деле так... Не потому, что работы меньше, а потому, что удовлетворения больше, результаты виднее. Но не проще, нет... Сил прибавляется, желания — вдвое. Скажем, в прошлом году зябь подняли почти на всей площади. Нынче весновспашки нет почти совсем, так что же — нам легче? Да ничего подобного — перегной затеяли возить... — Поздняков посмотрел на Фоминых и усмехнулся: — Сами можете судить, проще ли, легче ли стало!

— Да,— подтвердил Фоминых,— пережной — это урожай. Докажем!— Он теперь был в очень возбуждённом состоянии, ему хотелось ещё и ещё раз вернуться к принятому решению, бороться за него. — Вот что, Поздняков. Надо будет подойти к этому делу обоснованно. Написать короткую справку, как идёт дело: когда отремонтированы тракторы, как подготавливались, как тележки строили, участки выбирали для пережной, как Мохов болотные плуги запустил... Насчёт экскаватора тоже. Как соревнование развернулось. И осенью взять результаты на учёт. Показать: вот затраты, вот результаты. Обобщить опыт, показать! Другим пригодится!

— Это можно будет сделать,— согласился Поздняков.— Коротко написать и ясно.

— Вот-вот! Поздняков — человек писучий, сделает! Недаром в пропаганде когда-то рабстал. Сделай такую докладную, что ли. А я в области выступлю, эту директиву о трёх тракторах, эту тенденцию придавлю опытом Буяновской МТС. Напишешь?

— Напишу. Обязательно. А вот только насчёт того плана писать или нет?

— Какого?

— Да который вы по радио тогда предлагали. Помните? Фоминых подскочил в тарантасе.

— Это ты как, чтобы съехидничать или всерьёз?

Поздняков вдруг засмеялся, смех у него был тихий и прерывистый— усмехнётся, помолчит, опять усмехнётся,— и махнул сухой, жилистой рукой.

— Ну, раз так — о чём разговор!.. Признаться, просто хотел посмотреть, как вы теперь сами относитесь к этому...

— Ты смотри! — ткнул Фоминых Позднякова в бок. — Поосторожнее испытывай моё терпение! — И тоже засмеялся, повернув к солнцу остроносое, слегка тронутое оспой лицо.

Стали прощаться...

Фоминых ещё обещал поддержать, голову положить за Буяновскую МТС, говорил: «Увидишь рыжего, передай — Фоминых, мол, приветствует, надеется!»

Поздняковский Пегашка помахивал хвостом, отгоняя первых весенних мух, немногочисленных, но злых... Вплотную к тарантасу подъехал райкомовский «газик» и тоже остановился, а Фоминых, стоя на дороге, всё ещё держал одной рукой тарантас, а другой — дверцу машины...

— Так напиши, Поздняков, бумагу,— говорил он,— напиши, как договорились!

Поздняков всё повторял, который уж раз, что обязательно напишет, и вдруг, вспомнив что-то, встрепенулся и, нагнувшись к Фоминых, заговорил:

— Обещано — напишу. Подумаешь, пережной! Это дело решённое и очевидное. Нет, наша зона поставит перед райкомом другие вопросы, посерьёзнее. Вот о чём мы напишем вам вместе с Башлаковым. Напишем: тракторы предлагаем ремонтировать не только зимой, но и летом. После посевной. Летом ремонт проще, необязательно в тёплых помещениях — так. Не нужно будет зимой сосредоточивать всех трактористов на усадьбе, всех в одно время — так. Тракторы будут работать круглый год, а не становиться все сразу на ремонт — так. Верно! Ещё напишем: хотим осушать болота и вывозить торф на поля, когда пережной весь вывезем. Нынче Башлаков два трактора всю зиму использовал. Как? Приделали ножи и резали кочки и кустарник на болотах, на таких, которые летом и не пройдёшь. Это опыт. Надо его развернуть... Дальше, я вот читал: болота после осушения идут под полевые культуры на пятый или шестой

год. Это так везде. А у нас? Осенью осушали, весной сеяли лён-долгунец, снова осенью убирали по десять центнеров семян. Это что? Это Сибирь! Будем просить, чтобы нашу Буяновскую МТС сделали опорной по освоению заболоченных земель во всей северной группе районов. Чтобы не мы просили, а нас заставляли осваивать болота. Башлаков так и говорит в колхозах: «Организуем пшенично-льняную страну на болотах!»

— А ты?

— А я что же? Помогаю... Нет, не так — дополняю. Вижу, где его не хватает, там дополняю... Одним словом, есть над чем задуматься райкому и секретарю. Поставим перед ним вопросы, а ну, принимай решения — да или нет! — Поздняков хитро засмеялся.

Они попрощались наконец окончательно. «Газик» тронулся по дороге в Юдинск, пегий Позднякова свернул по просёлку вправо...

День кончался... Поодаль от дороги, сгибая в крутое коромысло ветви берёзы, покачивались тетёрки... Солнце ушло, его уже не стало видно, но небо над головой всё ещё оставалось солнечным. Краски в небе были не густыми и не бледными, скорее всего — очень далёкими, так что нельзя было даже сказать, какие это краски — розовые, голубые, фиолетовые... Они все проникали одна в другую...

Впереди тихо лежала большая река... Её не было ещё видно, но сизое луговое заречье простиралось широкой полосой, за которой начинался тёмный зубчатый урман... За урманом уже ничего больше не было — только небо. Машина выехала на широкую дорогу; здесь проходил когда-то знаменитый Сибирский тракт... Хотя всё привычно было кругом и спокойно, Фоминых испытывал волнение...

День прошёл... Было много езды, хлопот, разговоров, встреч... Но не было уверенности у Арсения Петровича, что он достиг сегодня чего-то, чего-то добился. И он подумал: «Давно уже не было этого».

Слова, сказанные ему Поздняковым, когда они прощались час тому назад, снова толкали его к нелёгким мыслям, требовали ещё более трудных решений... Летний ремонт тракторов, вывозка торфа на поля, осушение болот — и это вместо того, чтобы сказать себе: «Всё! Трудное решение уже принято, дело сделано!»

Ему страстно хотелось, чтобы и завтра и много дней в будущем Краев без тени сомнения слушал всё то, чему учит его Фоминых, чтобы этот «начальник цеха» улыбался ему, поглаживая волосы, подстриженные бобриком, чтобы долговязый Поздняков слушал его серьёзно, тихо, без испытующего, сосредоточенного взгляда, чтобы Башлаков, насупив брови и как будто угрожая кому-то, отзывался на его слова: «Ага! Так!», чтобы вихрастый Еремеев сказал: «Фоминых? Арсений Петрович? Это — тот секретарь!», чтобы Паустов пояснил у себя в колхозе: «Нашего первого не заговоришь, не проведёшь! Уж если потребует, так потребует!», чтобы у секретаря хватило сил для каждого из этих людей.

Я не был вместе с Фоминых в течение всего этого дня.

Правда, в тот самый день, когда Арсений Петрович приезжал в колхоз «Большая Поляна», я тоже был там и позже видел его разговаривающим на берегу Шои с Поздняковым, а когда, уже к вечеру, Фоминых уехал в Юдинск, мы беседовали с Поздняковым.

Разговор с Николаем Ивановичем шёл о наступившей посевной, всё о том же перегное, об осушении болот, и тем не менее, мне кажется, я тогда понял всё, что произошло между Фоминых и Поздняковым незадолго до этого.

Пока я жил в Юдинском районе, я не так уж часто встречался с Арсением Петровичем, но секретаря райкома можно ведь узнать из разговоров с людьми, из всех тех дел, которые происходят в районе...

И всё-таки день Арсения Петровича, о котором я рассказал выше, остался бы для меня домислом, неподтверждённой догадкой, если бы случай не свёл нас с Фоминых ещё раз, спустя почти месяц после моего отъезда из Юдинского района.

Я шёл по коридору областного управления сельского хозяйства и вдруг за одной дверью услышал знакомый, бодрый голос.

Конечно, это был Фоминых.

Войдя в комнату, я увидел, что Арсений Петрович ходит в узком проемжутке между двумя письменными столами, горячо жестикулирует и, оборачиваясь то к одному столу, за которым сидел начальник зонального управления, то к другому, где возвышалась фигура механизатора, говорит:

— Мы вам с перегноем доказали? Факт! Доказали! Ваша директива о трёх тракторах — это что? Это ваш испуг! Мало того, вы сами испугались — нас хотели испугать! Точно! Что греха таить, я тоже затылок почесал в своё время... Да вот товарищ корреспондент как из-под земли появился, а он в то время тоже был у нас в районе. Видел эту картину... Вот так. Теперь я спрашиваю: почему вы отказываете Башлакову в технике, когда есть возможность ему дать тракторы? Почему? Он будет болота поднимать, новые земли! Это что? Это инициатива! Кто её должен поддержать? Я должен. А вы? Тоже должны. А вы боитесь тракторы на новую работу ставить! Дескать, получится ли у Башлакова?

Арсений Петрович, как и всегда, сыпал скороговоркой, в том, что он говорил и как говорил, заметна была горячность, уже не соответствующая его возрасту, но я подумал, что ещё месяц тому назад никто ни в районе, ни в области, наверно, не услышал бы от него таких требований. Ведь эти требования возлагали на него и большие обязанности...

Арсений Петрович ещё погорячился, погрозил кому-то, посетовал, потом мы прошли с ним в пустующий зал заседаний, и он сказал:

— Сядем, что ли... Поговорим.— И опустил на огромную тёмную скамью с резной спинкой.

Мы вспоминали минувшую посевную, а когда я собрался было уже попрощаться, Арсений Петрович вздохнул и проговорил:

— Ну что ж, поругал ты меня нынче весной. Только, бывало, развернёшь газету — гляди, опять про Юдинский район написано. Это всё Зареченская МТС район тормозила. Всё она. Я вообще думал, поскольку всё внимание на юг, на целинные земли, весна будет спокойной. Как бы не так! Из области не беспокоят, так свои же районные так и жмут, так и жмут. Если хочешь знать, нынешней весной мне лично было над чем подумать... Да, было!.. Помнишь, инструктаж Поздняков проводил в Ключеве по квадратно-гнездовому посеву? На берегу Шои? Ещё барашек за нами всё ходил, чёрный такой, кудрявый. Помнишь? Так вот, в тот день я о многом передумал. Показалось мне — отстаю! Как так? Почему? Башлаков этот, Поздняков, Еремеев-бригадир — все вроде бы меня толкают вперёд... Вот ты, человек посторонний, глаз у тебя по профессии должен замечать всё, скажи: правильно понял я тот момент? Так?

Я сказал, что, по-моему, так.

Фоминых покачал седеющей головой.

— Вот то-то! Люди такие. Руководишь ими у себя в районе, а сам смотри в оба — не отстал ли от них? Да почаще смотри!

Прощаясь, Фоминых сказал мне:

— Ты вот что, приезжал бы к нам в район снова. На уборочную! Прямо к Башлакову, в Буяновку! Много бы там ещё увидел...

СТЕПАН ЩИПАЧЕВ

..*

Вот она, деревня Щипачи,
Милый край берёзовой прохлады,
Где со дна Полдневки бьют ключи,
Где со мною повидаться рады.

Пусть далёкий уголок родной,
Где когда-то путь мой в жизни начат,
Даже и на карте областной
Точкой маленькой не обозначен,—

То же солнце светит в Щипачах,
Красное заходит за Масляны¹,
Что, в горячих истомясь лучах,
Обошло всю Родину, все страны.

---

¹ Название поля.

А. БЕК, Н. ЛОЙКО

★

МОЛОДЫЕ ЛЮДИ

Роман*

23. У большой ёлки

Виталий с такой силой отодвигает свой стул, что весь десяток скреплённых между собой мест второго ряда наползает на третий.

— Узнаю Крекшина, — слышится насмешливый возглас.

Этот резковатый голос хорошо знаком Виталию. На заседании, где разнесли Крекшина, выступала и она, эта гладко причёсанная девушка в вышитой блузке, крановщица Васильева, комсорг листопроката. Она первая и внесла предложение о строгом выговоре. Неприязненно глядя на Крекшина, она двигает стулья обратно. Двинуть бы ей! Однако Виталий мгновенно спохватывается, прячет злую ухмылку, прячет зубы. Чёрт возьми, надо быть поаккуратнее, мысленно предупреждает себя Крекшин, а то, чего доброго, нарвёшься. Приходится воскликнуть лишь в уме: ну, кончена скучища! Будущее... Прошлое... Молодого человека должно интересоваться настоящим. А в настоящем адски хочется в буфет.

— Алексей, айда! Без проволочек...

— Ну, возьми нам всем по бутерброду, — отмахивается Кистяковский.

Он поддел руку под тёплый шурочкин локоток и, засматривая в милые большие глаза, — Шура и не пытается погасить светящийся в них восторг, — осторожно проталкивается с девушкой к выходу из демонстрационного зала. Сегодня во дворце Шура особенно поразила Алексея. Как она жадно впитывает всё, что ей было доселе не известно. Родители не должны возмутиться, если когда-нибудь сын представит им Шуру в качестве... Алексею ещё страшно подумать в качестве кого эта дикарочка, возможно, будет введена в дом его родителей... Нет, вряд ли они согласятся.

— Выдумал, бутерброды... — Виталий, в планы которого не входит отпугивать девушку Алексея, переходит на шёпот. — Сначала хлопнем по единой... А потом все смотаемся отсюда...

Но так ли легко «смотреться»?

— Теперь к ёлке! — требует Шура.

Виталий многозначительно кивает Рите.

— Бегите, девочки, к ёлке... Мы с Алёшей сейчас...

Молодые люди исчезают. В буфет, в буфет!

Но и в буфете Крекшина щёлкнули по носу. Раздобыть без задержки по стаканчику было нетрудно: среди тех, кто уже подошёл к стойке, обнаружили знакомые хоккеисты. Теперь дело только в том, чтобы схватить закуску.

* Продолжение. Начало см. «Новый мир» № 7 с. г.

— Внимание!

Виталий подмигивает приятелю и, поработав плечом, протискивается поближе к одной из буфетчиц. Тарелка с бутербродами, которую та протягивает какой-то парочке, вмиг попадает в его руки. Ловко забросив на прилавок деньги, Крекшин спешит ретироваться. Но рослый юноша, не известный Виталию, отчеканивает:

— Не хулиганьте!

Крепкая большая рука хватается Виталия за плечо. «Ишь, красавчик», — злобно думает Крекшин. Однако, оценив широкую грудь и силу руки сталевара, — а это был Саша Скирко, — он пытается отшутиться:

— Брось, друг. Из-за такой чепушины...

— Не надо, — тихо останавливает Сашу стоящая рядом худенькая синеглазая девушка. Она не хочет, чтобы он ввязывался в скандал. — Не надо...

— Нет, надо! — слышится чей-то голос. — Крекшина проучить надо!

Кто-то, не страшась Крекшина, кричит:

— Выгнали с завода, так проваливай и отсюда!

Сдвинув подбритые брови, Виталий обводит толпу недобрым взглядом. Ладно, тарелку с бутербродами приходится вернуть. Нате, отвяжись. Чёрт с ней, с этой закуской!

А Саша Скирко просит буфетчицу добавить на тарелку ещё и пирожных и конфет. И яблок, пожалуйста. Вновь превратившись в стеснительного, робкого парня, он предлагает всё это той, кого Лёшка посмел назвать какой-то девчонкой. А это совсем не девчонка. Это учительница. Это Ирина Петровна.

Скромная, худенькая Ирина Петровна растерялась в толпе молодых металлургов, что шумят громче, чем целый класс её восьмилетних питомцев. Она с облегчением садится у окна. И чего это Александр Иванович так глядит на неё? Она не считает себя красивой. Она не стоит такого умного, хорошего человека. Просто он любит читать с ней Некрасова, Пушкина... Ирине Петровне ещё не известно, сколько стихов о чьих-то синих глазах появилось в толстой тетради, спрятанной под полосатым матрацем. Кто знает, может и сейчас слагается новая строфа, пока она, смущённая его пристальным взглядом, неловко ест пирожное, старательно стряхивает крошки со своего серенького костюма.

Меж тем в фойе Рита решается приступить к своей миссии. Она взволнована. Виталий сказал: «Докажи мне свою любовь». И она докажет, она уговорит Шуру. Ведь не поедут же они втроём... Ах, какие впереди ещё счастливые часы!

— Шура ты, Шуручка... — Обняв подругу за плечи, Рита послушно направляется в большой зал. И хотя пушистые горошинки щекочут ритин нос, она не отодвигается, ласково прижимает лицо к плечу подруги. — Шуручка... Желаеть мне счастья на Новый год?

Двери в большой зал ещё не открыты. Девичий голос весело объявляет по радио, что через десять минут зажжётся ёлка.

— Имейте в виду, танцевать придётся до упаду.

Шура освобождается из объятий Риты, делает ей знак помолчать и припадает ухом к двери.

— Музыканты! Послушай... Каждый пробует что-то своё... Ты слышишь?

— Не играй судьбой, Александра! — выпаливает Рита.

Она идёт в наступление. Не дав Шуре опомниться, Рита увлекает её в сторонку, в нишу, и, сверкая чёрными глазами, жестикулируя, говорит ей о чувствах Алексея.

— Это всерьёз! Это навеки!

Шура и не пытается спорить, она лишь застенчиво улыбается. Может быть, и всерьёз. Может быть, и навеки... Она ни с кем ещё не хочет говорить об этом.

— Шура, ведь нас с тобой пригласили...

— Куда?

— К ним. К Кистяковским. Ну, понимаешь, ведь принято встречать Новый год в семейной обстановке.

— Под оранжевым абажуром? — смеётся Шура.

— Конечно, — легко подтверждает Рита, хотя и не понимает, почему Шура спросила о каком-то абажуре.

— Родители пригласили? — Лицо Шуры становится задумчивым. — Они хотят познакомиться?

— Родители? — Рите Виталий дал понять, что, возможно, стариков Кистяковских не будет дома, но так как прямо он этого не сказал, Рита разрешает себе покривить душой: — Они приготовили для нас много вкусного. Едем?

— А ёлка? Я о ней хочу рассказать в общежитии... И ещё я должна написать домой.

— Чепушина. — Заметив, что подруга изменилась в лице, Рита вкрадчиво добавляет: — Ну, Шурочка... Ну ради меня... Ведь и я... Ну понимаешь? Ведь и о моей судьбе надо подумать, Шурочка, не откажи...

Шура медленно наклоняет голову. Она согласна.

— А к ёлке ты проберись сейчас, — торопливо говорит Рита, — пока я найду наших...

— Скажи им, что самую полночь мы проведём здесь, со всеми. Поглядим, как откроется бал.

Не решившись перечить, Рита, тонкая, гибкая, как змейка, ускользает. Шуру снова притягивает закрытая двустворчатая дверь, ведущая в зал.

Туда, в большой зал, сейчас спешит и Луньков. Он доволен вечером. Правда, Сергей Емельянович несколько испортил ему настроение: говоря о применении электричества в металлургии будущего, не счёл даже нужным вспомнить про опыты Сырейщикова. Но тот лишь усмехнулся, когда Женя подошёл к нему посетовать. «Ещё придётся ему о нас упоминать», — спокойно ответил Валерий Николаевич. Володя обещал Лунькову, что не даст отцу соскучиться, проведёт его по всем помещениям, покажет выставку, рисунки, все другие выдумки заводских ребят. Самому Лунькову некогда, через несколько минут по его команде вспыхнут разноцветные лампочки на ёлке, распахнутся двери зала.

В фойе толпится народ. Девчата так разрядились, такие накрутили причёски, что многих и не узнаешь. Женя то и дело на ходу отвешивает шуточные поклоны. На все расспросы у него один ответ:

— Сейчас, сейчас, погодите. Сначала зайду я, потом приглашу всех.

Однако едва раскрылась дверь, чтобы пропустить Лунькова, как вслед за ним в огромный, всё ещё полутёмный зал прорвались десятка два нетерпеливых гостей. Подоспевшие распорядители с трудом удержали остальных, подперев плечами дверь.

Несколько парочек уже обегают зал, кружатся на скользком паркете, подлетают к освещённой сцене проведать оркестр — гордость заводской самодеятельности. В одном из противоположных сцене углов зала видны очертания ёлки. Туда проскользнула одинокая девичья фигурка. Шура вдыхает запах хвои. Любуется, как в полутьме искрятся тонкие золотые нити, блистают отдельные бусинки...

Сверившись с часами, Луньков включает лампочки на ёлке. На тяжёлых ветках загораются маленькие цветные огоньки. В этот миг Луньков замечает Шуру. Незнакомая девушка стоит не шелохнувшись. Озарённая

светом, льющимся с ёлки, стройная, ладная, с выразительными чертами лица, она видна вся — от пушинок на лёгком платье до грубых чёрных полуботинок. Она о чём-то задумалась. Или замечталась. Необычайна её застенчивая и в то же время удивительно красноречивая улыбка счастья. Эта улыбка пробивается не только на губах, в глазах, она как будто сквозит и в румянце на смуглом лице.

Девушка не надивится ёлке. Привстав на цыпочки, озорным мальчишеским жестом она быстро дотрагивается до серебристого самолёта, и тот, дрогнув, колышется меж ветвей.

— Откуда вы? — вырывается у Жени.

— Издалека...

Оробев, Шура умолкает. Вот он какой вблизи, здешний комсорг. Растрепались его светлые волосы; Шура чудится: в них запутались золотые ниточки, упавшие с ёлки. А в общем он, видно, простой, совсем без важности, каким и казался, когда Шура наблюдала его из зала...

— Я вижу, вам нравится у нас во Дворце.

Девушка медлит с ответом. Женья, спокойно улыбаясь, ждёт, он знает, что такая не ответит: «Забавно». Шура, вздохнув, говорит:

— Лучше, наверное, и быть не может.

— Будет ещё лучше, — смеётся Женья. Ему вдруг стало неудержимо весело. Удивительный вечер. Удивительная девушка. — Начнём танцевать, и будет ещё лучше! Хотите потанцевать?

— Женька, чего же ты? Пора! — кричит кто-то.

Шура подмечает, что Луньков всё-таки не сразу отрывает от неё взгляд. Однако, мгновение помедлив, он быстро отходит. Как же иначе, ведь у него дело. Он отвечает за вечер.

Дан сигнал музыкантам, распахиваются двери зала. Скоро полночь. Женья Луньков летит встречать молодёжь.

Вскоре Шура стоит в общем кругу, поёт вместе со всеми «Широка страна моя родная». Это её любимая песня. Как хорошо! Шура дружески кивает Кистяковскому. Нет, он её не видит, ищет в толпе. Вытянута длинная тонкая шея, чуть косят славные карие глаза. Увидел Шуру и заулыбался, расплылся. Он добрый. Сегодня она познакомится с его стариками. Много на свете хороших людей.

Став рядом с Шурой, Алексей подтягивает мягким, приятным голосом. Комсорг, находящийся в середине громадного круга, возглашает здравицу за коммунизм, за новые успехи, за новое счастье родной страны. Вскинув руку с воображаемым бокалом, он как бы приглашает всех присоединиться к тосту. И все рукоплещут.

— Здравствуй, Новый год, тысяча девятьсот пятидесятый!

Откуда-то появляется целый ящик бенгальских огней; их мгновенно разбирают по рукам, тут и там чиркают спичками. Вспыхивают фейерверки; с шипением, с треском разлетаются белые звёздочки.

— Чугун пустили, — смеются в толпе.

Луньков задорно кричит:

— Имейте в виду, в будущем чугун будет выпускаться по-другому.

Раз уже Шуров промолчал про печь Сырейщикова, Женья считает себя вправе вернуть словечко насчёт новых способов плавки чугуна. Вот он, Сергей Емельянович, стоит в общем кругу — пусть слышит. Ироническая улыбка Шкварикова, который и здесь очутился рядом с директором, не смущает Женью. Он добавляет:

— Звёздочек не увидите!

Оркестр играет вальс. Обнявшись, проносятся парочки. Фёдор Романович не кладёт руку на расплывшийся стан своей супруги, нет у него желания покружиться с ней. Они ещё немного посмотрят, может быть, поговорят, пошутят с Сергеем Емельяновичем, который сегодня опреде-

лённо начал благоволить к Фёдору Романовичу, потом уедут в гости. Нужные Шкварикову встречи предстоят и там. Существует одна — сугубо секретная! — причина, по которой ему особенно хочется стать заместителем директора института. Ведь эта должность связана с частыми командировками в Москву. Москва... Днём Фёдор Романович послал туда поздравительную телеграмму, на которой даже не посмел написать точный адрес отправителя. Нельзя... Нельзя же указать квартиру Екатерины Афанасьевны.

Ах, Катерина... Уж очень ты расплылась... Как-то сидит на другой, тонкой фигурке такое же васильковое платье, которое тоже должно быть сшито к тридцать первому декабря? С кем-то будет танцевать, кружиться в вальсе та, кому он телеграфировал: «Мысленно праздную тобой?»..

Перед Шурой кружатся, мелькают пары. Их всё больше и больше. В техникуме Шура случалось танцевать почти всегда лишь с девочками. Они старательно учили друг друга. Раз-два-три... Раз-два-три... Луньков спросил её: «Хотите потанцевать?» А она не успела ответить. Сам он пока не танцует, стоит среди круга, как будто немного растерянный. Озирается, словно ищет кого-то... Вдруг Шура догадывается — кого.

— Шурочка, вы обещали... Надо уже ехать, — напоминает Алексей.

— Сейчас...

Шура высвобождает руку, пробивается вперёд. Пусть её увидит комсорг.

— Упустил из рук! — рычит Виталий и, отодвинув Кистяковского плечом, спешит за Шурой. Испуганная Рита семенит вслед.

Луньков радостно пересекает круг. Прносятся пары, то заслоняя, то вновь открывая ему смуглое, раскрасневшееся, словно бы жаркое. лицо той, с кем ему хочется потанцевать. Когда Женя добирается до Шуры, перед ним, ухмыляясь, выпятив грудь, встаёт знакомый молодчик в замшевой, кофейного цвета куртке на молнии. Виталий Крекшин вызывающе держит под руки двух девушек в одинаковых синих платьях, отделанных белыми пушинками.

Комсорг и не смотрит на Шуру. Вскинув голову, он идёт дальше, к оркестру, машет рукой: «Играйте, играйте ещё!» Жене кажется, что его кто-то ударил. Вот с кем она попала сюда! «Издалека», — с горечью вспоминает он. И вдруг замечает рыжеволосую девушку в лёгком светлом платье. Их глаза встречаются. Луньков подбегает к ней:

— Пошли танцевать.

Подхватив девушку, он пронесется в вальсе.

— Не робей, Катя! — кричат его избраннице. — Не подведи автобазу!

И рыженькая Катя, водитель грузовика, не робеет. — так и мелькают худенькие ноги в туфельках на высоких каблуках.

Уходя, Шура у двери оборачивается, смотрит в зал.

— Поедем, — негромко говорит она.

Алексей благодарно заглядывает в её тёмные большие глаза, но почему-то теперь они уже не светятся восторгом.

24. Новогодние тосты

Ух, какой злой ветер! Алексей Кистяковский торопливо стучит в освещённое окно сторожки, заросшее толстым слоем изморози. Сквозь него ничего не различишь, доносится лишь нестройный говор, угадывается веселье, встреча Нового года.

— Гриша, прячь машину... А то и нас тут вместе с ней занесёт.

Девушки, поджидающие у ворот, жмутся друг к другу, прикрывают лица от колючих снежинок.

Виталий исчез. Забрал у Алексея ключ, шепнув:

— Бегу подготовить старт.

Наконец машина пристроена. Алексей лихо подхватывает обеих девушек под руки. Они втроём, скользя, спотыкаясь, смеясь, вбегают в подъезд большого дома. Здесь на третьем этаже квартира профессора Кистяковского.

— Ой,— шепчет Шура,— только вы, Алексей Николаевич, меня одну с гостями не оставляйте. Ещё оробею...

Ничего не ответив, Кистяковский поспешно нажимает кнопку звонка.

Попав в прихожую, Алексей понимает, что означало на языке его приятеля «подготовить старт». В квартире зажжены все лампочки, в столовой включён радиоприёмник, в комнате Алексея, когда-то именованной детской, наигрывает патефон. «Сообразил»,— думает Алексей про Виталия. Конечно, девочки могли бы заупрямиться, попав в тёмную переднюю, испугавшись тишины пустой квартиры. А сейчас они весело отряхивают свои шубки, прихорашиваются перед трюмо.

— Милости просим! — Виталий уже скинул замшевую куртку, повязал на голову цветной шарф в виде чалмы. Он обворожительно улыбается. В эту минуту менее заметен тяжёлый подбородок, жёсткая линия рта.— Милости просим! Пошли наслаждаться жизнью!

Девушки мигом препровождены в комнату Алексея. Рита с жадностью перебирает патефонные пластинки. Шура принуждённо улыбается. Спасибо. Она присядет. Виталий вновь заводит патефон; и вот они, Виталий и Рита, со странно застывшими лицами, покачиваясь, движутся по мягкому ковру. Алексей стоит возле своей избранницы и не решается пригласить её на танец. Ему кажется, что большие глаза Шуры сейчас смотрят немного исподлобья. Или нет... Возможно, он ошибается. У неё открытый взгляд. И вместе с тем думающий, очень серьёзный. И как-то не идущий к этой музыке, к этой вечеринке вчетвером. Алексей не заговаривает со своей дикарочкой. Пусть она освоится, пусть пройдёт её насторожённость.

— Стоп! — Виталий останавливается, не сразу выпускает из объятий свою даму.— Гости желают подкрепиться. Айда на кухню!

На кухню? Шура испытующе взглядывает на Алексея, по его губам скользит жалкая улыбка. Крекшин, который держит себя здесь более похозяйски, чем Кистяковский, быстро уводит его за собой. С ними убегает и Рита. Шуру охватывает неясная тревога. Отчего их так поспешно повели в эту комнату, где на настольную лампу брошена пёстрая шаль, где так темно, что даже не прочтёшь через стеклянную дверцу шкафа названия на корешках книг, не разберёшь, какие книги любит, читает Алексей. И почему Виталий потащил всех на кухню? Почему никто к ним не вышел из столовой, никто не пригласил туда? Почему Алексей, который всегда так охотно, так добро отвечал на каждый вопрос Шуры, сейчас уклонился, отвёл взгляд?

Шура решительно встаёт, зажигает верхний свет. Возле двери на неё налетает Крекшин. Поднос чуть не выскакивает у него из рук, опрокидываются, звенят пустые рюмки. Расхотавшись, прижав к груди левую руку, через которую, совсем как у настоящего официанта, перекинута салфетка, он раскланивается.

— Кушать подано.— И значительно добавляет: — Начинается настоящая встреча Нового года.

Каким прекрасным кажется Шуре только что покинутый Дворец!

Компания, побывавшая в кухне, успела, видимо, хватить винца. Рита поёт о парижской весне, дирижируя ножами и вилками.

— Маргаритка! Накрывай на четыре куверта.

Что такое «куверт», Шура не знает, но четыре — это понятно. Ставляясь, чтобы не дрогнул голос, Шура громко спрашивает:

— Алексей Николаевич! А ваши родители разве не с вами? — Она строго взглядывает на Риту. — Вы не в семье собирались встречать Новый год?

— Шурочка... — Алексей беспомощно оборачивается к Виталию. — Они сейчас... Они придут. Запоздали немного.

Шура краснеет. Неловко поймать другого на лжи. Рита спешит выручить Алексея:

— А вы, Алексей Николаевич, пока их нет, покажите нам вашу квартиру.

— Правильно, — подмигивает Виталий, — а я закончу с глинтвейном.

В столовой пусто, не прибрано. Алексей выключает приёмник. Прислонившись к дверному косяку, Шура исподлобья изучает комнату. На буфете стаканы с остатками чая, пустая сахарница. Большой стол покрыт тёмной бархатной скатертью, посередине громадная, вероятно, старинная ваза с потускневшими бессмертниками. Ну, конечно, хозяева не спешат сюда, не ожидают гостей к праздничному столу. Дзинь... Это Рита, разыгравшись, толкнула люстру. В воздух поднимается рой пылинок, но Рита восхищена мелодичным звоном, который издают стеклянные, нет, наверное, хрустальные, подвески. Дзинь...

— Когда мы поженемся, — объявляет она, — заставлю Виталия добыть такую же.

Повертевшись в столовой, Рита бежит к дружку. Алексей впервые наедине с Шурой. И не на Большой Аптечной, а дома, в уютной комнате...

— Шурочка...

— Это чьи портреты, Алексей Николаевич?

Шура стоит, выпрямившись, строго сомкнув губы. И Кистяковский не в силах двинуться с места, хотя, как только затворилась дверь за Ритой, его единственным желанием было подойти к Шуре поближе.

— Это мои родители, — глотнув воздуха, поясняет он. — Я в те времена ещё в школу ходил.

Шура молча смотрит на болезненную, с тонкой шеей, с чуть косящими глазами женщину, в которой безошибочно можно угадать мать Алексея. Рядом — представительный, с пышной, начавшей сесть гривой, профессор Кистяковский.

Пытаясь вызвать у Шуры улыбку, молодой Кистяковский говорит:

— Любуйтесь, Шурочка, редкостный фатер. Я потом покажу вам его, можно сказать, во всём его размахе. У яхты, на скакуне, на мотоцикле и, разумеется, возле грешных домен.

— Алексей Николаевич, — Шура с нынешнего вечера стала лучше разбираться в отраслях металлургии, — почему вы не стали доменщиком, как ваш отец?

— Потому и не стал, — неосторожно шутит Кистяковский, — что папаша доменщик. Ещё мальчиком я насмотрелся. Это в модели домна — игрушечка, а в жизни, на трезвый взгляд, — тяжёлое, грязное дело.

— На трезвый взгляд? — переспрашивает Шура.

Алексей не всегда разбирается в её интонациях: иногда ему кажется, что эта простенькая девушка подтрунивает над ним, но, возможно, это только кажется. У неё сдержанная и, как любит говорить Алексей, необъяснимая улыбка. Он отвечает:

— Да. Издали это романтично. Покорение огненной стихии. То да сё... А на деле — такие будни...

Шура садится, медленно гладит рукой бархат скатерти. Она не может не вспомнить демонстрационного зала, крана, подносившего отрезки труб, фразы Алексея: «Тут и мои труды».

— А как у вас на прокатном стане? Там, где делаются трубы. Работа не очень грязная?

— У нас? Сносно. — Возможно, сказалось выпитое на кухне вино. — Кистяковский доверительно добавляет: — А какая работа не грязная? Что-то ведь надо в жизни делать.

Впервые Шуру передёрнуло от его мягкой или, может быть, просто безвольной улыбки.

— Почему-то мне никогда не хотелось, — говоря, Шура не замечает, что её пальцы обрывают сухие лепестки бессмертника, — не хотелось рассказать вам о своей жизни...

Она умолкает. Хорошо бы сейчас расписать ему, как она, Шура Поземко, работала в колхозе, ворочала вилами навоз. Но она вдруг холодно заключает:

— А впрочем, ничего и не надо рассказывать.

— Что вы, Шурочка? Мы всё друг другу расскажем.

В комнате наступает тягостное молчание.

— Давайте поймаем хорошую музыку, — предлагает Кистяковский.

Будь Шура в другом настроении, она, конечно, с любопытством разглядывала бы этот большой дорогой приёмник. Сейчас она рассеянно наблюдает, как в нарядном полированном ящике вспыхивает прямоугольное окошечко, как загорается и мигает зелёный глазок, как Алексей мягкими, почти незаметными движениями поворачивает круглые шишечки. Из ящика наперебой несутся то обрывки музыки, то свист и завывание, то отдельные фразы на неведомо каком языке...

— Отправляемся в путешествие по эфиру, — говорит Кистяковский. — Заказывайте, Шурочка. Любую страну света!

В комнату снова врывается свист, вой, разные беспорядочные звуки. Затем явственно слышен резкий мужской голос, не то поющий, не то выкрикивающий непонятные слова под аккомпанемент какого-то странно гремящего и одновременно словно мяукающего оркестра.

— Шурочка, если вам не нравится эта музыка, поищем другую.

— Поймите Москву! — вдруг оживляется Шура. — Там ведь ещё только начало праздника. Многие только идут в клубы, во дворцы...

Словно отвечая тайным мыслям Шуры, московское радио передаёт песню, которую она сама сегодня пела, чувствуя себя такой счастливой:

...И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить...

В дверях, жуя кусок ветчины, стоит Виталий. Из-за его плеча выглядывает растрепавшаяся Рита.

— Прекратить чепухину! — командует он и осекается.

Проклятая девчонка Алексея сверлит его глазами.

— Виталий, — голос Шуры дрожит, по лицу медленно разливается краска, — зачем вы носите комсомольский значок?

— Не придирайся, Шурка, — вступает Рита. — Он жутко выпил, он ничего не соображает... — Она торопливо улыбается Кистяковскому. — Алёша, ведите экскурсию дальше.

Нет, Виталий вовсе не утратил способности соображать. Он не так-то легко пьянеет. А сейчас, вздрогнув от шуриного вопроса, и вовсе становится трезвым. Однако он нарочно пошатывается и, прошагав в следующую комнату, валится, словно в изнеможении, на широкую кровать.

На неряшливо, как отмечает Шура, застланной постели разбросаны платья, чулки. Видно, мать Алексея, с которой Шуре ещё так недавно хотелось познакомиться, спешила, собираясь на встречу Нового года.

Виталий лежит, прикрыв глаза, будто и впрямь захмелел. Но внутренне он собран — собран, как никогда. Пусть это будет для него последним уроком. И это и то, что случилось в буфете. Пора, пора взять себя в руки. Однажды, дурак, он подставил себя под удар, открылся, как гово-

рят боксёры, не сдержался на улице в утренний час. Сегодня Женька Луньков словно решил напомнить ему об этом. Пригласил Катеньку, рыжую недотёпу: пожалуйте на вальс, товарищ водитель! Радуетесь, что вышли Виталия из седла. Что же, надо быть умнее... Почему-то сейчас, когда Крекшин решает набраться ума-разума, в его памяти всплывает ничем не примечательное лицо Шкварикова.

Да, Виталий Крекшин должен стать уважаемым, ценным работником. Деятелем... Ему нужно о себе позаботиться, он не профессорский сынок. И Крекшин даёт себе команду:

— Хватит!

— Чего хватит? — изумляется Рита и, смеясь, поясняет: — Видите, он же ничего не соображает.

Проведя пальчиками по жёстким волосам Виталия, Рита переводит взгляд на туалетный столик. Ох, не оторвёшь глаз. Все флакончики заграничные. Шура тоже смотрит с удивлением. Ну и зеркало! Сразу видишь себя и прямо и с боков...

— Этот трельяж особенный, — с расстановкой произносит Кистяковский. — Он у мамы со дня её свадьбы. Он предназначен мне... То есть моей будущей жене.

Шура замечает в зеркале плутовскую улыбку Риты и сердито отходит. Вот на столе телефон... Когда-то сюда звонил из аптеки один ночной посетитель, а Шура спешила, готовила капли. «Это были лучшие в мире капли, — сказал ей потом Алексей. — Они меня излечили от тоски». А Шуре сейчас и самой тоскливо. Она озирается. Сколько здесь книг! Книги, книги... Но и они — словно чужие. И не потому, что на многих корешках названия выведены не по-русски, — аптекарше привычен латинский шрифт, — а потому что они кажутся заброшенными, никому не нужными, как и многое в этом доме...

Стоя у книжного шкафа, Шура машинально поправляет повисший клок надорванных обоев.

— У нас в этом году запустение, — оправдывается Алексей. — Одной ногой в Москве. Помните, Шурочка, я вам говорил.

Да, она вспоминает. Вспоминает не только разговор о Москве, но и пренебрежительный тон, всегда появлявшийся у Алексея, когда заходила речь о здешней «глуши», по его выражению. Большой город его манил, как он сам признавался Шуре, потому что там можно потеряться, раствориться среди множества людей, не быть всё время на виду, на юру, — это так утомительно в провинции. Почему Шура раньше терпела такие его разговоры? Почему не придала им значения?

Алексей продолжает:

— Отец, возможно, устроится в один московский институт на кафедру истории техники. Ведь другого такого знатока истории металлургии у нас нет.

Кистяковский-сын не считает нужным добавить, что старшему Кистяковскому пришлось, подавая заявление на замещение вакантной должности в московском институте, в специальном письме признать ошибочность многих своих работ, объявить, что его взгляды изменились.

Шура отошла к окну. Воеет метель. Вздываются, крутятся, стелются, проносятся снежные вихри. Ветер словно и сюда добирается, проникает под прозрачные, воздушные рукава шуриногo платья. Она ёжится, но глаза устремлены в уличную темь.

Ловко, по-спортсменски, Виталий соскакивает с кровати, красиво пружинит ногами, выпрямляется.

— Хватит! — вновь возглашает он. Затем обращается ко всем, явно стараясь найти нужный тон. — Что же мы, товарищи? Пошли к столу. Вся страна празднует Новый год.

— Чокнемся,— охотно присоединяется Рита.

Лишь теперь она отходит от трёхстворчатого зеркала. Так бы и рассматривала свой остренький профиль. Справа и слева. Шура не расстраивает общего согласия. Да, она тоже чокнется. Призвав на помощь вовсе не свойственное ей лукавство, она спокойно говорит обоим приятелям:

— Раз уж здесь такое интересное зеркало, позвольте нам навести красоту. Сейчас мы придём.

Девушки остаются вдвоём.

— Ты разобралась, в какой мы части города? — быстро шепчет Шура.

— Да. Около Болота.

— Ой! На краю света!

— Так нас же отвезут.

— Отсюда надо сейчас же уйти! — горячо произносит Шура. — Нас же сюда заманили. В чужой дом. Понимаешь, совсем чужой.

Глядя прямо в лицо ошеломлённой подруге, Шура взволнованно повторяет:

— Надо сейчас же уходить!

Рита понемногу приходит в себя.

— Ты что, с ума сошла?

— Рита, неужели тебе не будет стыдно?.. Оставили своих... Как мы расскажем всё в общежитии?

— А я отчитываться не собираюсь,— насмешливо отрезает Рита. Затем, вспомнив один заветный тост, который она предложила четверть часа назад, оставшись наедине с Виталием, она разрешает себе бросить фразу, которую считает шикарнейшей: — Могу я встретить Новый год со своим женихом?

Нет, Риту не уведёшь! Она ослепла, одурела. Шура высказывает ей это напрямик. На Риту ничто не действует. Шура требует лишь одного:

— Молчи. Не проболтайся. Я всё равно уйду.

— Одна? В такую вьюгу? Да кто тебя пустит!

— Я и не такие бураны видала.

— Девочки! — раздаётся за дверью.

Живо откликнувшись, Шура повелительно шепчет:

— Только молчи!

...Вчетвером они сидят за столом. Шура спокойна. Всё решено. Она придвигает свой бокал, принимает из рук Алексея тарелку. Спасибо. Пожалуйста. Ей стало удивительно легко. Впервые она вот так, бесстрастно, рассматривает, изучает со стороны этого молодого человека.

В бокалах играет шампанское. Что же, можно и выпить глоток, согреться перед дорогой... Путь дальний...

Виталий встаёт. Сдвинув брови, он будто выверяет непреклонность принятого решения.

— Прошу поддержать мой тост. Выпьем за нового Крекшина. Прежний Виталий сегодня кончился. Умер. За нового Виталия Крекшина!

Рита счастливо кивает, она по-своему поняла его слова.

— И за новую Шуру Поземко! — говорит Шура.

Это она говорит себе. Ей даже не грустно глядеть в последний раз на Алексея. Просто она поближе узнала жизнь. Это больно, но сейчас некогда думать о боли. В прекрасном и любимом мире, который её вырастил, оказались и такие люди. Чужие. Плохие. А вначале они кажутся хорошими, и сразу их не распознаешь. Теперь, с этого года, с этого часа, Шура будет иной. Что же, за новую Шуру Поземко! Она теперь взрослая. И через силу улыбаясь, Шура в мыслях добавляет: дошлая.

Когда Виталий приглашает Риту танцевать, Шура прибегает к маленькой хитрости:

— Алексей Николаевич, найдите самый весёлый мотив. Поищите, пожалуйста.

Кистяковский с готовностью склоняется, перебирает груды пластинок. Он даже не сразу понимает, где это хлопнула входная дверь.

Ветер гонит по улицам, вздымает, метёт сухой сыпучий снег. Плохо греет пальто, надетое на лёгкое, почти прозрачное платье. Шарф позабыт на вешалке в чужой квартире. Холодно. Но не Шура Поземко бояться зимы. Вперёд!

Незнакомая часть города... Жительница Большой Аптечной никогда не бывала здесь. Кажется, они подъезжали оттуда, застряли вон у того дома с башенкой. Как тут мало каменных зданий! Всё домишки, утонувшие в сугробах. И везде светлыми прямоугольниками проступают окна, всюду сейчас празднуют, не спят.

Но где, у кого спросишь дорогу? Повстречалась весёлая компания, но слишком весёлая для того, чтобы толково объяснить Шуру, туда ли она держит путь. И снова пустынно на улицах. Шура шагает. Шаг у неё широкий, мелко ходить она не умеет. И зря Рита не одобрила её полуботинок, совсем не грубые, удобные для ходьбы. Правда, лучше всего бы валенки... Ветер, вихри снега... Ну и пусть! Пусть метёт, пусть всё замечает. Конечно. Она никого не любит и даже никого не собиралась любить. Хорошо, что вокруг лишь один снег, несущийся, колючий, кое-где освещённый редкими уличными фонарями. Никто не должен узнать про глупые слёзы, которые замерзают сейчас на щеках Шуры.

Никто никогда не узнает про то, как несобящий человек казался Шуру таким хорошим. Нет, может быть, и узнает... Может быть, Шуру ещё суждено полюбить... Она всё расскажет. Выскажет, как ей ненавистно притворство. Конечно, притворство. Как это он выразился? На трезвый взгляд? Ведь понимает, каким ему следует быть на заводе, среди комсомольцев. Свой трезвый взгляд он оставляет дома.

Где-то там, за снежной мутью, скрыт Дворец металлургов. В нём свет и музыка. Там люди, для которых труд не грязное, не скучное дело... У них и веселье иное. Как хорошо было Шуру со всеми. К ней подошёл комсорг — славный, простой, светловолосый. Жёсткой, застывшей варежкой Шура решительно вытирает слёзы.

Справа мутное небо словно посветлело, чуть отливает розовым. Это — зарево завода. Похоже на зимние зарницы, на северное сияние над родной Обью, над далёкой тайгой.

Теперь близка и Большая Аптечная. Улицы стали шире, дома крупнее, вот и громада городского театра. Отсюда обычно видны доменные печи. Можно и сейчас их различить, они как бы обвиты гирляндами огней. Между двумя домнами неоновой красной нитью вычерчен в небе профиль Сталина.

Скорее к своим! Вот и её улица. В общежитии, куда спешит Шура, наверное, ещё не спят. Она успеет поздравить подруг, пожелать им счастья, услышать и от них новогодние пожелания. Она обязательно расскажет обо всём, чего насмотрелась, наслушалась во Дворце металлургов. Вспомнилась огромная картина в углублении сцены — лыжник, несущийся с горы, надпись на голубом: «Вперёд, в будущее!»

Ой!.. Размечтавшись, Шура чуть не полетела: поскользнулась на узенькой тёмной полоске льда, каких немало раскатали мальчишки на улицах Ново-Доменска. Знакомые ледяные дорожки Большой Аптечной сейчас обдуют ветром... Днём Шура старается их обходить. А теперь? Кто её увидит в ночной час?

Эх, поехала, покатила... Ещё... Ещё ледяная полоска. И Шура катит по льду, несётся, расставив руки, чуть наклонившись вперёд.

25. Прошло больше года...

Прошло больше года с той памятной ночи... Не нарадуются новодоменцы тёплым, солнечным дням. Старожилы (если это слово позволено употребить в применении к Ново-Доменску) не помнят такой весны.

Со вздохом отложив книгу, Шура поднимается с кровати, оправляет одеяло. «Припекло», — удивляется она. Серое колючее одеяло словно ожгло ладонь, стало горячим на солнцепёке.

Нагрелось и оконное стекло; приятно коснуться его лбом, взглянуть, как всё блестит на улице: сосульки, облепившие карнизы; чёрные, как уголь, последние сугробы; отливающие радугой лужи. Если прижать ухо к стеклу, слышно, как стучит капель.

Хорошо бы распахнуть форточку, но для этого нужно натянуть на Риту второе одеяло, а она только что задремала... Если бы не ритина болезнь, не усидела бы Шура в такое утро дома. Ни дома, ни в читальне. Ушла бы к реке или взобралась бы на Сосновую горку. Встанешь там, прикроешь глаза — и покажется, что тебя обступает бескрайний лес.

Совсем не такой погодой встретил её город позапрошлой весной. Шура не забыла, как, наследив в коридоре и от этого ещё больше смутившись, она робко вошла в эту самую комнату, долго не решалась поставить на пол свой деревянный, вконец измокший на железном вокзальном мосту сундучок. А в комнате было сумрачно, серо. Вот с этой кровати, которая теперь принадлежит Светлане — новенькой, из отдела ручной продажи, — поднялась Даша; заботливая добрая толстуха гостеприимно распахнула шкаф, освободила деревянные плечики: «Пожалуйста, вешайте сюда ваши вещи». Теперь-то Шура Поземко мало одних плечиков, она приделалась, у неё два года рабочего стажа.

Ухватившись за ручку, привинченную к раме, ещё обклеенной по-зимнему, Шура одним махом вскакивает на подоконник. Стоя тут, можно увидеть далёкий обрывистый берег реки.

— Шурка, всё резвишься? — раздаётся простуженный голос.

Невесело шутит Рита. Даже и весну в этом году встречает она равнодушно. Тяжёлый для неё год.

— Проснулась, так глотай, — приказывает Шура.

Опершись на острый локоток, Рита приподнимает голову с подушки, покорно открывает рот. Спутаны, всклокочены чёрные кудрявые волосы.

Утром приходил районный врач, маленький, с седой бородкой. Он одобрил все шурины мероприятия: поставленные с вечера горчичники, таблетки кодеина через каждые три часа, температурный листок, вывешенный у изголовья. Доктор назвал Шуру коллегой, уходя погладил бородку, покивал, — дескать, его пациентка остаётся в надёжных руках.

Лекарство принято. Рита молчит. Сейчас, боля гриппом, она больше похожа на прежнюю Риту: на щеках румянец, блестят чёрные глаза. А то ведь глянешь иной раз на неё, и кажется, какой-то жёсткой тряпкой стёрты с лица краски, оно словно погрубело.

— Скоро уже смена? — вяло произносит Рита. Не поймёшь, то ли она спрашивает, то ли просто подумала вслух.

— Смена? — откликается Шура. — Часа через два. Ой, столько дел, а я размечталась!

— Мечтаешь?

Рита закрывает глаза. Уголки её рта скорбно опущены. Она словно осуждает Шуру.

Шура спешит на кухню, чтобы включить утюг. Ради весны надо кое-что почистить, выгладить. Сейчас костюм и платья будут приведены в

надлежащий вид. Коричневое платье придётся тщательно отпарить через мокрую тряпку, особенно на груди. Там заметны следы от недавно переставленных пуговиц: слишком стало обтягивать.

Звонок! С непокрытой головой, оправляя растрепавшиеся на бегу, падающие на плечи пышные волосы, влетает Аня — недавно обученная Ритой фасовщица.

— Шура? Вот хорошо, что ты здесь!

Запыхавшись, Аня докладывает, что в аптеке аврал, рецепты несут и несут, ужас сколько простуды, справиться нет сил.

— Софья Марковна просила, чтобы все пришли до смены. Надо выручать.

— Кроме меня некому, все разошлись, — отвечает Шура и добавляет взрослым тоном: — Сейчас же надень платок на голову!

Управляющей она просит передать, что скоро придёт. Только накормит больную.

— И знаешь что? — кричит напоследок Аня; ей шестнадцать лет, и её не приучишь говорить потише. — Знаешь что? Тебе звонили из горкома комсомола. Сказали, чтобы ты завтра пришла туда пораньше. — Округлив и без того круглые зеленоватые глаза, она торжественно прибавляет: — Вызывают к самому Лунькову!

Шура удивлена. К Лунькову? К секретарю горкома? Что бы это значило? Шура была делегаткой комсомольской конференции, на которой выбрали нынешний состав горкома. Горячо выступал толстяк Орловский, поддерживая кандидатуру Лунькова (говорили, что Орловский давно прочил его себе в замену). Оратор не без юмора коснулся некоторых слабостей заводского комсорга, в частности пристрастия к одному фантастическому изобретению. Тогда Луньков подал с места реплику: «Предупреждаю, от этого меня невозможно излечить». Все рассмеялись. Засмеялся и Луньков.

Последний раз она видела его не так давно, недели две назад, на собрании актива комсомольцев горздрава. Шура сидела за столом президиума рядом с Луньковым. В своём выступлении она критиковала горком комсомола за то, что в Ново-Доменске запущена подготовка молодёжи к санитарной обороне, работа добровольного общества Красного Креста и Полумесяца. Минуту спустя после того, как она закончила, Луньков протянул ей записку. На листке были нарисованы два полумесяца: один приунывший, повесивший нос, другой повеселевший, мечтательно улыбающийся. Подпись гласила: «До и после речи Поземко».

Проводив Аню, Шура почему-то очутилась в ванной комнате. Что ей здесь нужно? Кажется, ничего... Позабыв про включённый утюг, она долго стоит перед большим зеркалом. Ну-ка, как она выглядит?

Шура поправляет волосы, вздыхает. Зачем только она уродилась такой чёрной? На фоне блестящих белых плиток лицо её кажется особенно смуглым. Жаль... Ей бы хотелось быть беленькой, красивой.

Ассистентская встречает Шуру знакомым запахом. Тут и скипидар, и хлороформ, и метилсалицилик... Работа кипит. Так и мелькают руки девушек в белых халатах. В рецептарной то и дело снимаются с наколок рецепты: фасовщику, контролёру, на ассистентский стол. Шура внимательно вчитывается в лагинские названия, затем её пальцы сами тянутся к нужному штанглазу. Не замечаешь, как и время летит.

Вот заступает вечерняя смена. Пока Даша завязывает тесёмки на рукавах, Шура успевает шепнуть ей о звонке из горкома.

Даша уже не комсорг — скоро год, как её сменила Шура. Даша теперь пропагандист. Не так давно, выступая с докладом о Международном женском дне, она говорила и об Александре Поземко. Так и сказала: «Политический рост...»

Сейчас, выслушав шурины новости, она солидно кивает. Полотняная белая шапочка, надвинутая по самые брови, делает дашино бледноватое лицо совсем круглым.

— Не иначе, поручение, — решает она. — Всё нормально. Набирай высоту.

Дарья вышла за лётчика и порой щеголяет его словечками. Во время прошлогодних выборов в Верховный Совет она работала бригадиром агитаторов; тогда-то и произошло знакомство, закончившееся столь счастливо.

Шуре льстит, что у неё есть замужняя подруга. И хотя Шура подозревает, что у лётчика Сушкова, вопреки частым тревогам Даши, здоровье отменное, она справляется:

— Как Всеволод Сергеевич себя чувствует?

Даша неопределённо машет рукой. Если бы её муж с уважением относился к лекарствам, она сегодня купила бы в аптеке чего-нибудь для профилактики. Столько кругом простуды.

Шура развешивает карболовую воду. Два грамма карболки, девятьно восемь граммов воды. Каждый раз, когда она достаёт из шкафчика плотно закупоренную банку, где хранятся эти резкопахучие розоватые кристаллики, она действует с особой осторожностью. Хватит с неё одного ожога — вот этого шрама, — оставшегося как бы меткой, знаком некой истории, о которой Шура помнит, хотя и не желает вспоминать.

Второго января 1950 года, когда Шура так же приготавливала двухпроцентный карболовый раствор, к её столу прошмыгнула Рита.

— Хватит дуться! Читай! — Она с торжеством протянула Шуре конверт. — Предложение руки и сердца!!!

Накануне Шура отказалась поговорить с Кистяковским, не вышла из ассистентской, хотя он и просидел нивесью сколько в первой комнате. Теперь он надумал сделать Риту почтальоном.

— Отнеси письмо обратно, — отрезала Шура, не прекращая работы.

Неужели у неё дрогнула рука? Да, на тыльной стороне ладони, на смуглой гладкой коже заблестела капля. Надо было сейчас же смыть её спиртом, смазать обожжённое место вазелином, унять боль. Но Шура не подала виду, продолжала как ни в чём не бывало разливать карболку, выжидая, пока Рита отстанет, отойдёт. И вот он — розовый след ожога.

Разговор с Кистяковским всё же состоялся. Тёплым вечером, когда сквозь запахи газа и дыма, пропитавшие, казалось, весь Ново-Доменск, доносился аромат цветущей липы, Алексей подстерёг Шуру у дверей общежития. Семья Кистяковских готовилась к переезду в Москву, и он решил прийти сказать, как он любит Шуру. Не в силах её позавидеть...

Они пошли по Большой Аптечной. Тот же самый тротуар — неизменное место их прогулок. Только не снег, а лёгкий, взлетающий из-под ног белый пух покрывал асфальт. И были по-летнему ярче, крупнее звёзды.

Когда волнение немного улеглось, Шура промолвила:

— Вы изменились, Алексей Николаевич. — Чтобы он правильно понял её, она добавила: — С виду переменялись.

Кистяковский заметно похудел, осунулся. Глаза испуганно, с мольбой вскидывались на Шуру.

— Если бы вы знали, Шурочка, как вы мне нужны...

Шура нахмурилась. Боясь дать волю жалости, она глядела в сторону, словно искала опоры у людей, проходящих мимо. А потом быстро заговорила, стараясь как можно яснее высказать ему всё, что она о нём думала.

— Как бы мне хотелось, Алексей Николаевич, чтобы вы меня поняли. Станете в Москве другим? А?

— Если бы вы были со мной, Шурочка...

Шура не дала ему продолжать. Не к чему. Нет у неё прежнего чувства к нему.

...Закончен нелёгкий рабочий день. В комнате, где слышится то и дело покашливание Риты, девушки стараются не шуметь. Лучше всего поскорее улечься. Шуре во всяком случае нельзя проспать, надо пойти в горком пораньше.

— Девочки, — вдруг оживляется Рита. — Что я говорила? Луньков влюбился в нашу Шурочку.

Но никто не откликается. В этот несчастливый для Риты год она утратила среди подруг былой авторитет в вопросах любви. Заплетая на ночь косы, Шура исподлобья наблюдает за Ритой. Храбрится, дурочка, а сама вот как извелась. Чтобы Рите не было очень грустно, Шура приносит:

— Выдумки это всё... Любовь.

И командует остальным:

— Спать!

Но сон к ней приходит не сразу. Какую ерунду выдумала Рита. Правда, иногда Шуре казалось... Нет. Ерунда. Ничего не казалось. Надо спать, наработалась за день. И всё же в полузабытье у неё мелькнула последняя в этот вечер, ускользающая мысль: «Скорее бы утро...»

26. Этим же вечером

Этим же вечером Евгений Луньков явился домой по обыкновению поздно — около одиннадцати.

Усталый, но всё ещё взбудораженный, с неостывшей головой, он, как был, в пальто, сразу прошёл на балкон, обрадовавшись, что мать наконец-то поверила солнечным дням, распечатала дверь. В новую квартиру Луньковы въехали с полгода назад, и, хотя первый снежок уже предвещал подступающую зиму, Макар Семёнович сразу приладил к балкону ящики с землёй, чтобы мать успокоилась, поменьше вспоминала оставленный, ухоженный ею садик.

С высоты четвёртого этажа далеко виден город. Днём можно различить паровозные дымки в районе вокзала, а теперь там лишь угадывается большой мост над путями, очерченный пунктиром фонарей. Вот на отшибе, на пустыре, темнеет здание металлургического института, в списках которого и сейчас числится Евгений Луньков, аспирант-заочник кафедры Сырейщикова. А вот и Дворец металлургов. На шпиль вьётся по ветру красный флаг, ярко подсвеченный снизу невидимыми отсюда прожекторами, — он поднят в честь большого совещания доменщиков Востока, которое открылось сегодня во Дворце. Евгений и сейчас, положив руки на влажные перила балкона, глядя на огоньки города, видит перед собой празднично украшенные, заполненные оживлёнными людьми коридоры и зал Дворца. Голова не хочет угомониться. Одна за другой пробегают отрывочные картины сегодняшнего вечера.

...Совещание ещё не началось. В фойе то и дело вспыхивает слепящий голубоватый свет «юпитеров»: кинооператоры снимают доменщиков. Жмурясь от этого света, довольный, при всех орденах, богатырь обер-мастер Лука Лаврентьевич кивает в сторону Лунькова.

— А ну, снимайте и электродоменщика. Лихой парены!

Однако оператор перестаёт крутить. Об электродоменщиках ему ничего не известно. Никаких указаний относительно их не поступало. Самолюбие Жени несколько уколото. Он быстро отходит от весёлого — пожалуй, даже слишком весёлого для делового собрания — старика-мастера.

...С кем-то разговаривая, идёт по фойе долговязый, худой Сырейщиков. Вероятно, рядом с ним кто-то из его старых друзей, приехавших на совещание. Спутник пытается взять Валерия Николаевича под руку. Это, однако, не легко. Что-то объясняя, Сырейщиков то и дело неловко взмахивает руками. Даже издали видно: он расстроен, подёргиваются крылья хрящеватого длинного носа. Как всегда, Валерий Николаевич ничего не умеет спрятать, все переживания — на лице. О новостях можно и не спрашивать: ясно и так, что отрадных вестей нет. Женя подходит к нему. Не ожидая вопросов, не стесняясь окружающих, Сырейщиков выпаливает:

— Был там. Говорил. Никаких результатов.

«Там» — это в организационной комиссии по созыву совещания.

— Что же вам сказали?

— Подтвердили то же самое. Моего доклада не поставят.

— А сообщение в секции?

— Такой секции нет. Ещё посмеялись: «Вы что же, настаиваете, чтобы совещание доменщиков выделило секцию по уничтожению домен?»

— Что же всё-таки вам предложили?

— Написать статью в журнал... В общем, всё зависит от Овсянникова. Сказали, что он так распорядился.

Женя промолчал. Снова на их пути академик Овсянников, тот самый, который два года назад уже осудил, отверг проект большой электродомны. Конечно, и теперь от него нечего ждать поддержки.

...В зале всё больше народа. Вон идёт Костя Полухин, горновой комсомольской домны. Он избран делегатом конференции с правом решающего голоса. Когда-то здесь, во Дворце, он демонстрировал демну будущего... Вот ещё комсомольцы-доменщики с гостевыми билетами. Ребята находят Женю, увлекают его за собой, садятся вместе.

...Быстрым деловым шагом проходит на сцену Фёдор Романович Шквариков. Круглые очки в светлой оправе, под стать белёсым ресницам и бровям, почти не заметны на бесцветном лице. Он явно озабочен какими-то высшими вопросами. Ещё бы, он член организационного бюро по созыву совещания. Луньков иногда сам не понимает, почему ему так неприятен этот многообещающий молодой деятель, ныне заместитель директора металлургического института. Да, Шквариков не сторонник изобретения Сырейщикова и не скрывает этого. Но вместе с тем по долгу службы он хлопочет об ассигновании средств, подписывает и отправляет все нужные бумажки, ведёт себя как будто безупречно. Евгений, однако, убеждён, что всё это делается только для проформы. Втайне Шквариков, наверное, устраивает подвохи. Но как его поймать? Впрочем, иной раз и самому Евгению эти подозрения кажутся преувеличенными. В самом деле, можно ли обвинять Шкварикова в том, что Сырейщиков до сих пор не получил от министерства необходимой дорогой аппаратуры? Тем более, что сам Шквариков выделил кое-что «электродоменщикам» из внутренних ресурсов института. Но, может быть, и это было сделано лишь для отвода глаз? Скользкий — не схватишь, не прижмёшь его к стене. С глухой неприязнью Луньков смотрит вслед преуспевающему члену организационного бюро по созыву конференции.

Все ряды уже заполнены. Разговоры, как по команде, стихают. К столу президиума, пока ещё пустующему, выходит академик Михаил Михайлович Овсянников. Все взгляды устремлены на него — знаменитого «куракинца», батьку металлургов, построившего Ново-Доменский завод. Евгений впервые видит Овсянникова не на портрете. Угловатый череп, обтянутый старчески тёмной кожей. Седые усы, немного поседевшие на концах. Зоркие глаза под кустистыми, стоящими торчком, ещё не совсем белыми бровями. И знакомый хриловатый голос — тот самый голос, который когда-то прозвучал: «На обозримом отрезке времени неосуше-

ствимо». Сейчас короткими ясными фразами академик говорит о блестящих исторических победах советских доменщиков. Затем — о серьёзной опасности, о грозном враге победителей. Все настораживаются. Кто же этот враг?

— Рутина! — чётко выговаривает Овсянников. — Боязнь эксперимента. Безотчётное следование однажды установленным приёмам.

Комсомольцы переглядываются. Ведь это же то, против чего воюют и они, молодые доменщики Ново-Доменска. Евгений коротко кивает. Он начал слушать с недоверием, но сейчас его насторожённость тает. Молодец старик! Ставит вопрос резко, остро, по-молодому! Но, может быть, всё это лишь одни слова? Нет, такие слова на таком совещании — это тоже дело. Неужели же именно он, этот самый Овсянников, так бичующий рутину, не даёт ходу идее Сырейщикова, не даёт средств на его опыты?

...И ещё, ещё лица, речи, разговоры пробегают в памяти Евгения. В связи с совещанием доменщиков он собирает завтра рано утром своих горкомовцев. Надо вновь вместе обдумать, как провести встречи молодёжи с выдающимися участниками совещания. Надо проверить, как идёт подготовка, организация этих встреч. Завтра ему предстоит горячий день. Такой, какие Евгений любит.

Но сейчас он может позволить себе ни о чём больше не думать. Просто постоять вот так, послушать, как где-то бежит, журчит вода. Женя не выдерживает, трогает рукой твёрдую сырую землю в цветочных ящиках, ещё покрытую в углах корочкой талого снега и уже испускающую свой особый, волнующий запах. И вдруг его охватывает странное чувство тревоги и радости, необъяснимое чувство, которое приходит весной.

Наверное, что-то схожее испытывает и Клавдия, выскользнувшая на балкон к брату. Обычно смешливая, шумная, она вдруг притихла, молчит. В полутьме сюда падает сквозь стёкла балконной двери свет из комнаты, Евгений любит сестрой. Из-под серого пухового платка выбились завитки белокурых волос, глаза серьёзны. Профиль сейчас кажется строгим.

— Даю обязательство, — объявляет Женя, — не называть тебя больше курносой. Это была ошибка.

Высвободив из-под платка руку, тёплым мизинцем Клава нажимает на кончик жениного носа.

— То-то же, — смеётся она.

И вновь замирает, временами глубоко вдыхая весенний влажный воздух. О чём она думает? О том ли, что этой весной она оканчивает школу, вступает в жизнь? Или ещё о чём? А может быть, вспомнила Николая? Старший брат, большой, всегда добрый к сестре, мог бы стоять сейчас рядом с ними, наслаждаться весной, жизнью...

— Ужинать, молодёжь! — зовёт мать.

Клава за руку тащит Евгения в ярко освещённую, тёплую комнату.

Прежде чем занять своё место за накрытым столом, Луньков набирает телефон Кузьминской. Лиза Кузьминская — технический секретарь горкома комсомола. Днём, уезжая на завод, Женя оставил ей множество поручений.

— Ничего не забыла, Лиза? — спрашивает Луньков.

— Нет, — бойко откликается Кузьминская, — даже перевыполнила план. Вызвала на утро ещё и Поземко. Помните, вы просили?

— На завтра?

Евгений ошеломлён. Он действительно просил вызвать комсорга Центральной аптеки. Но Лиза перестаралась: вызвала в самый напряжённый, в самый неподходящий день. И почему-то на утро. Евгению представлялось, что Поземко придёт как-нибудь к вечеру, в спокойный час. Они посидят, обсудят... Гм... Пожалуй, это лизочкины штучки.

— Вы же просили, — обиженно говорит Кузьминская.

— Да, да... Спасибо, Лиза, — отвечает Луньков и вешает трубку.

Значит, завтра он увидит Шуру Поземко. Последний раз он видел её на комсомольском активе горздрава. Они сидели рядом в президиуме (она, конечно, считает, что их места случайно оказались соседними). Поземко отлично выступила. После собрания доктор Вигушин, парторг горздрава, сказал о ней Лунькову:

— Прекрасная девушка. Я бы на вашем месте предложил её кандидатуру.

— Председателем Красного Креста? — спросил Евгений и почувствовал, что по его лицу расплзается преглупая, наверное, улыбка. Словно хвалили его самого.

— Да... Выдвигайте смелее. На работе она вырастет.

Прекрасная девушка... Прежде чем вызвать Поземко, секретарь горкома с пристрастием допросил себя, действительно ли он считает её кандидатуру наиболее подходящей. Переговорил о ней с секретарём райкома комсомола. Тот тоже похвалил комсорга аптеки. Ну, разве не вправе Луньков был вызвать её в горком? Разве не должен побеседовать с ней?

Улёгшись спать, растянувшись на новом широком ложе, сменившем при переезде старый узкий диван со злыми пружинами, Луньков думает всё о том же.

Жене часто приходит на память одна неожиданная встреча. Первая встреча с Шурой после новогоднего бала. Вторая в их жизни.

Он торопился — Евгений отлично это помнит — к Щурову: на заводе собирались обсуждать итоги предмайского соревнования. Вечерело, солнце ушло за доменные печи, отчётливо черневшие на багровом фоне, а город всё ещё принаряжался, украшался к празднику. Здесь и там вспыхивали лампочки, целые гроздья и цепочки лампочек, — предвестники готовящейся иллюминации. Женя и сам тогда лишь ненадолго оторвался от приготовлений, хлопот, которыми были захвачены комсомольцы завода. Они тоже кое-чем собирались блеснуть на демонстрации.

Евгений быстро шагал к заводу. Вдруг по улице разнёсся чей-то отчаянный возглас:

— Немедленно слезай!

На тротуаре, возле здания, в третьем этаже которого размещался Центральный райком комсомола, стояла дородная девушка в пальто, наброшенном на плечи. Закинув голову, девушка сердито махала рукой кому-то наверху. Там, под самым карнизом, кто-то прилаживал большой кумачовый плакат. На чём держится этот смельчак? Кажется, просто охватил ногами водосточную трубу и сидит, будто на дереве. Некоторые прохожие остановились, глядяг вверх. Женя тоже задержался.

— Александра, не играй на нервах! — взывала девушка, махавшая рукой верхолазу.

Только тут Женя разобрал, что этот смельчак наверху — тоже девушка. Ну, конечно же, девушка в лыжных брюках. Она спокойно закончила работу. Потом, держась за горбыльки оконных переплётов, не спеша пошла по пояску, слегка выступавшему под линией окон, поправила неровно повешенную, свиснувшую у крайнего окна гирлянду из пихтовых веток и, обернувшись, звонко крикнула:

— Осторожно! Бросаю молоток!

Женя узнал её сразу, как только она обернулась. Похожая на мальчишку, ладная, крепкая, в синих лыжных брюках, она с улыбкой смотрела вниз. Ветер вздувал пузырьём её белую кофточку, теребил волосы, выбившиеся из-под чьей-то чужой, наспех нахлобученной на девичью голову фуражки. Вновь ухватившись за водосточную трубу, девушка, от

которой Евгений не мог оторвать глаз, ловко, быстро, как белка, спустилась по этой трубе на тротуар.

— Чего ты так волновалась, Даша? — смеясь, сказала она.

Никому не признается Женя, как спустя несколько месяцев, став уже секретарём горкома, он волновался, знакомясь, что называется, по долгу службы с личным делом комсорга Центральной аптеки. Колхозница... Север... Лисьи Мхи. И вправду — «издалека». Останется тайной и то, с какой поспешностью он заглянул в предпоследнюю графу личного листка. Против вопроса о семейном положении стояла жирная чёрточка. Конечно, чёрточка. Глупо было бы предполагать иное...

Догадывается ли она? Этой зимой они встречались часто, но всегда на людях, на виду. И всегда он должен был помнить, что он секретарь горкома. Бывало, на вечерах или собраниях он, будто случайно, всё же подсаживался к ней. Дважды на общегородских вылазках пробежался рядом на лыжах. Как-то в антракте на вечере городской самодеятельности Шура стояла в компании молодёжи. Пела вместе со всеми. И он подошёл, стал рядом. Она пела увлечённо, весело, но, заметив Женю, смолкла. Взглянула на него исподлобья. И отошла, исчезла в толпе. Наверное, он слишком пристально на неё глядел. А как не смотреть? Она не похожа ни на кого. Ни на кого на свете.

«Скорее бы утро», — подумал Луньков засыпая.

27. Утро

Утром, около девяти часов, Шура подошла к зданию горкома комсомола. Впрочем, это только что отстроенное здание принадлежало отнюдь не одному комсомолу. Здесь помещался и городской комитет партии, и горисполком, и много других организаций. Их названия — чёрные таблички с золотыми буквами — поблёскивают по бокам подъезда. Тротуар огорожен, с крыши сбрасывают потяжелевший тёмный снег. Со звоном обрушивается глыба льда. Опасливо поглядывая вверх, Шура взбегаёт на ступени.

Она поднимается на второй этаж, идёт по коридору. По сторонам — полированные светлокоричневые двери, новенькие, не утратившие блеска.

Полотёр прохаживается суконкой по только что натёртому, пахнущему мастикой полу. Но и мастика не в силах заглушить запахов лака и краски. Теперь Шуре привычен этот волнующий дух новостройки. А давно ли для неё новый дом означал острый, родной запах смолы, свежееобструганных брёвен.

Вот и приёмная секретаря горкома комсомола. В окно льётся утреннее солнце, играет на золотистом паркете. В комнате — никого, она первая. Нет, за небольшой, плотно прикрытой дверью слышатся голоса. Должно быть, там и есть кабинет Лунькова.

— Можно войти? — спрашивает Шура Поземко.

...В кабинете шло совещание. Штатные работники горкома нередко собирались до начала работы, обсуждали, что предстоит каждому сделать в ближайшие дни. Нынче, естественно, речь шла о конференции доменщиков Востока, о том, как устроить встречи молодых металлургов города с приезжими выдающимися доменщиками.

— А со своими? — подал голос самый молодой из работников горкома, по виду совсем подросток, Коля Базылев. — Почему нам не устроить встречу с кем-нибудь из наших доменщиков? Ну, например, с Фёдором Романовичем...

— Шквариковым? — перебил его Луньков.

— А что ж? Он ведь член организационного бюро, а теперь его избрали и в редакционную комиссию конференции как представителя, ну, так сказать...

Коля замялся. Луньков иронически вставил:

— Продолжайте, продолжайте, мудрейший Николай Степанович.

— Я не понимаю, — обиженно пробормотал Базылев. — Фёдор Романович — авторитетный человек. По существу он руководитель института. Всем известно, как он ладит с молодёжью...

— Ладить-то он умеет, — опять иронически вставляет Луньков. — А что ещё он умеет? Обещать и увильнуть? Знаем мы, как он вводил на заводе кислородное дутьё.

Луньков мог бы ещё многое выложить о Шкварикове, но сдержал себя.

— Впрочем, высказывайтесь, товарищи.

— Выскажусь я, — произнёс Орловский.

Не торопясь, он потянул из трубки и пустил дым в потолок. Нынешнее аппаратное совещание было последним, на котором присутствовал он, заслуженный ветеран комсомола, несменяемый второй секретарь. По существу он уже и не секретарь. Вышел всё-таки и ему срок: горком партии позволил наконец Орловскому распрощаться с комсомолом. Уже и документы заготовлены. Надо лишь помочь Лунькову в дни конференции доменщиков — так обязался Орловский, — и принимайся за книжки, бывший бессменный секретарь. Однако ему грустовато: нет, нет, да и защемит сердце... Но ничего, он оставляет работу в надёжных руках, сумел найти, вырастить Женю Лунькова. Жаль только, что Луньков никак не бросит свою злополучную электродому. Вечные стычки из-за неё. Это никак не к лицу секретарю горкома.

— Выскажусь я, — повторил Орловский, — но не о Шкварикове. Характеризовать его я сейчас не собираюсь. Меня интересует в данный момент другой товарищ. Тот, за кого отвечает комсомол.

Орловский начинает внушительно, неторопливо, как и полагается высказываться ветерану комсомола, но тут же вскипает:

— Когда ты, Луньков, наконец, избавишься от своей заносчивости? Ведёшь себя так, как будто кроме тебя и твоего Сырейщикова никто ничего не понимает в металлургии. И воздержись, пожалуйста, от насмешливого тона. Твои насмешки обижают. Что это значит: «мудрейший Николай Степанович»? Или, что мне, признаться, надоело, «добрейший Владимир Дмитриевич»?

— Но ведь ты, Владимир, действительно добрейший, — пробует отшутиться Луньков.

— Сейчас ты увидишь мою доброту. Хочешь, я покажу, как ты заговоришь, если дать тебе волю?

Именно в это время приоткрылась дверь и раздался девичий голос:

— Можно войти?

Этот голос Женя не мог спутать ни с каким другим.

— Войдите, — внезапно охрипнув, говорит он.

Неуверенно озираясь на собравшихся, в кабинет входит Шура Поземко.

— Что так рано, Поземко? — недовольно оборачивается к ней Орловский. — У нас тут совещание.

— Рановато, — выговаривает Луньков. — Придётся вам подождать. Но мы скоро закончим.

Шура делает движение к двери, но Луньков неожиданно чуть взбрасывает голову.

— Хотя... секретов у нас нет... Можете остаться здесь.

Именно потому, что это была Поземко, в нём заговорило какое-то странное упрямство.

— Можете остаться, — повторяет он. — Орловский, продолжай.

Орловский, однако, косится на Шуру.

— Продолжай...

Откинувшись на стуле, Евгений словно показывает своей позой, что присутствие Шуры его нисколько не смущает.

— Что же, — усмехается Орловский. — Только ты не думай, что я и сейчас буду добрейшим, заговорю помягче.

— А я этого вовсе и не думаю.

— Тем лучше... Итак, представим себе Евгения Макаровича в ближайшем будущем. Предлагаю полюбоваться.

Круглое добродушное лицо Орловского становится комично высокомерным. Он подпирает пальцем, задирает свой небольшой аккуратный нос, утонувший в располневших щеках. Нижняя губа выпячивается. Осталось лишь взъерошить гладко зачёсанные темнорусые волосы. Затем он подносит к уху воображаемую телефонную трубку.

— Луньков слушает... Да, да, металлург Луньков...

Подражая голосу Лунькова, Орловский произносит эту фразу с таким самодовольством, что все, кто находится в комнате, смеются. Только Луньков — реальный, а не изображённый — не присоединяется к общему смеху. И ещё Лиза Кузьминская, маленькая, худенькая девушка в зелёной кофточке, ведущая протокол, недовольно поджимает губы. А Шура? К своей досаде, Луньков видит, что и она заливаётся вместе со всеми. Да, блестят её белые зубы. Удручённый взгляд Лунькова тотчас приглашает веселье Шуры. Она осуждает себя. Нехорошо. Надо было сдержаться.

Однако крепиться нелегко. Самое забавное то, что солидный, с расплывшимися чертами лица, с мягкими, обычно причёсанными на пробор волосами, которым полагается изображать встрёпанные вихры Жени, Орловский действительно сейчас похож на него.

Затем Орловский оставляет шутки. Он говорит, что руководителю комсомола не к лицу одёргивать товарищей, несогласных с ним. Тем более, если речь идёт о весьма спорной металлургической теории. Что делать? Не убедили никого электродоменщики, не сумели доказать свою правоту. Пока лишь пригрозили снести домны.

Луньков сумрачно слушает, уставясь в чернильный прибор, будто изучая его. По губам Орловского скользит лукавая улыбка. Откинувшись на спинку стула, опять подражая Жене, он задирает голову и величественно произносит:

— Я среди вас умнейший!

— Можно мне? — вскакивает Кузьминская, в волнении дёргая завязанные у ворота шерстяной кофточки кручёные шнурки.

Всё время, пока Орловский отчитывал Лунькова, Кузьминская, нахмурившись, беспокойно переводила светлые, немного испуганные глаза с одного лица на другое, словно спрашивала: что же это такое? Сейчас она стоит, не зная, как начать, поправляет свои коротко остриженные прямые волосы.

— Товарищи, так нельзя... Надо продумывать формулировки. — Она вынуждена перевести дух. — Это же перегиб.

— Не надо, Лиза, — умоляюще произносит Луньков.

Все снова смеются. Горкомовцам известно, что Лиза Кузьминская больше всего на свете боится несправедливости, особенно если эта несправедливость задевает Женю Лунькова.

Не отвечая Орловскому, Женя молчит, опять смотрит на чернильницу. И надо же было всему этому случиться при Поземко. Подняв голову, он видит нахохлившегося Колю Базылева. Действительно нехорошо. Зачем-то осадил паренька.

— Ладно, ребята... Проработали, — выговаривает он наконец. — Ты, Коля, не дуйся. А насчёт Шкварикова мы с тобой после потолкуем. Есть?

— Есть! — отвечает Базылев.

И совещание продолжается.

Наконец горкомовцы расходятся по своим комнатам. Орловский подсаживается к Жене, опять попыхивает трубкой. Шура прислушивается: они разговаривают о Шкварикове.

— Дерись с ним, — говорит Орловский. — Но грубость тебе тут не поможет...

— Знаю, — мрачнеет Луньков. — Сам-то он образец вежливости... Суслик!

— Ну вот... Ещё и суслик.

— Да. Ведь говорят: «Суслик два выхода роет». Так вот, это специально сказано про нашего Фёдора Романовича...

— Ну и зол ты на него!

— И поделом...

— Удивляюсь, сколько страсти ты отдаёшь этому изобретению.

— Да, — резко отвечает Луньков. — Это для меня дороже жизни!

Шура слышит восклицание Лунькова «дороже жизни», и ни с того ни с сего ей становится грустно. Она ощущает что-то не вполне ей самой понятное, нечто похожее на ревность.

28. Вопросы и ответы

Вот ушёл и Орловский. Только Лиза Кузьминская всё ещё возится с бумагами. А Шура попрежнему сидит в сторонке, у стены. Не забыл ли о ней Луньков?

— Ну и табак в этой трубочке! — Без всякого почтения к листам протокола Лиза машет ими, разгоняя стелющийся над столом синеватый дым. В такой форме она выражает своё категорическое несогласие с Орловским.

Луньков дёргает шнур фрамуги. Вместе со свежим воздухом врывается неистовое чирикание воробьиной стайки, особенный, весенний шум автомашин, бороздящих лужи. Обернувшись к Шуре, Луньков произносит:

— Что, быстроногие, кончилось ваше время?

Кузьминской непонятна эта фраза. Шура же улыбается уголками губ. «Нельзя быть такой быстроногой», — однажды, этой зимой, укорил её Луньков. Давненько, ещё в Обске, Шура помучилась, привыкая к длинным, нескладным, как ей казалось, лыжам. С малых лет она пользовалась небольшими, широкими, подбитыми оленьей шкурой охотничьими лыжами, оставшимися от отца. Теперь среди молодых новодоменцев Шура — одна из лучших лыжниц. Как-то в начале зимы, на общегородской молодёжной вылазке, рядом с Шурой оказался Луньков, тогда ещё комсорг завода. «Ну, — предложил он, — кто кого?» Вздумал пойти наперегонки с Шурой, да где ему!..

Уловив насторожённый взгляд Кузьминской, Шура становится строже, прячет свою улыбку. Луньков облегчённо вздыхает, когда наконец усердный секретарь покидает кабинет.

Пригласив Шуру сесть поближе, Евгений приступает к предмету разговора:

— Так вот что, Поземко... Комсомол собирается поручить вам серьёзный, ответственный участок.

Шура внимательно слушает. Она даже придвигает своё кресло вплотную к столу с двумя телефонами. Розовато-смуглые руки лежат на подлокотниках. Солнце пригревает эти чистые, крепкие, привыкшие трудиться девичьи руки. Милые руки... Минувшей ночью Женья ощутило представлял, как поздоровается, обменяется рукопожатием со своей посе-

тительницей. Впервые в жизни он возьмёт её тёплую ладонь в свою. Почему-то до сих пор получалось так, что, встречая её то там, то тут, он ни разу не пожал ей руку. И теперь не пришлось. Она явилась в такую минуту, что он даже не сказал: «Здравствуйте». Ну, ничего. Впереди ещё минута прощания.

После паузы Луньков продолжает:

— Вы здорово раскритиковали Красный Крест... Сейчас комсомол обещал помочь горздраву подобрать нового работника. Как вы считаете? Мы подумываем о вашей кандидатуре.

Звонит телефон. Луньков снимает трубку и медленно, как бы подыскивая верный тон, произносит:

— Луньков слушает.

Тут же секретарь горкома весело переглядывается со своей посетительницей: вот, дескать, и не похоже на то, как передразнивал Орловский.

Женя разговаривает по телефону. Шура не вслушивается. В памяти воскресают слова Даши: «Набирай высоту». Страшновато.

Луньков никогда ещё не мог разглядеть её так близко. Лоб чистый, высокий. Поток лучей, падающих на неё из окна, придаёт один общий оттенок и отражающим солнцем волосам (такие как будто называются каштановыми), и широким пушистым бровям, смуглой золотистой коже, и даже коричневому платью. А глаза у неё... Испугавшись, что она их вскинёт, Луньков отводит свои.

— Хотелось бы вам взяться? — вновь обращается он к ней. — На первых порах помогу.

Ой... Шура не знает, что и ответить. Когда она с трибуны разносила работу новодоменского Красного Креста, ей казалось, что стоит только взяться и... А сейчас трудно решиться. Справится ли она? «Помогу», — сказал Луньков. Шуре вдруг становится весело оттого, что он — хотя она не собирается глядеть на него влюблёнными глазами, как эта Кузьминская, — что Луньков сам будет интересоваться тем, как пойдёт у неё дело, поможет ей. Помедлив, она произносит:

— Боязно. — Не умея кривить душой, она признаётся: — А отказать жаль. Интересно.

— Поинтереснее, чем порошки и пилюли, — неосторожно говорит Луньков.

— Работа в Красном Кресте не помешала бы мне интересоваться порошками и пилюлями, -- холодно отвечает девушка.

— Немного помешает... К сожалению... — Женя ищет слов, чтобы показать уважение к аптечному делу. — К сожалению, помешает: должность председателя общества штатная. Её нельзя совмещать с другой.

— Тогда для меня это невозможно.

— Погодите... — Жене кажется, что Шура уже готова подняться и уйти. — Погодите... Наверное, ваша работа, ну, изготовление лекарств и прочее, очень увлекательная?

— Очень! — Шура вновь глубже усаживается в кресло, дарит Женю улыбкой. — Вы просто плохо себе это представляете, а если бы вам рассказать...

— Расскажите.

— Вы думаете, легко сократить время изготовления лекарств? А у нас готовят быстрее, чем в любой аптеке города. Мы учитываем и психологический фактор. Чтобы без очередей... Чтобы видели внимание к себе... Чтобы верили...

Неподдельный интерес, светящийся в синих глазах, поощряет Шуру. Она готова рассказывать без конца. С чего же начать? Можно бы ещё со школьных лет, когда Шура с другими ребятами отправлялась на по-

иски лекарственных растений. Она и сейчас среди тысячи трав легко различит коровохлабку, маралий корень, желтушник. Радио в военные годы призывало всех пионеров и школьников собирать лечебные травы. И ребята в Лисьих Мхах тоже собирали, сушили. А после сокрушались: куда отправишь, кто за этим приедет? И госпиталей-то не было за сотни километров.

Многое можно было бы вспомнить. Видно, Луньков приготовился слушать. Но опять затрезвонил телефон, затем Лунькову самому пришлось набрать какой-то номер, что-то уладить. И Шура умещает свои воспоминания в одну фразу:

— Никогда в детстве не видела аптеки, а считала: нет большего счастья, как быть аптекарем.

— Да? — удивляется Луньков.

Заходит Кузьминская, мрачно кладёт на стол пачку бумаг. «Ничего срочного», — отмечает про себя Женя. Удержавшись от иронического замечания, просящегося на язык, он пробегает бумаги, ставит свою подпись. Конечно, следовало бы вызвать Поземко в другие часы. Поговорили бы вволю. У Лунькова твёрдое правило: посетители могут входить к нему в любое время. Дверь для всех открыта. Бывают минуты — Кузьминская к этому приучена, — когда он подаёт знак: «Разговор по душам». Таким беседам никто не мешает. Мало ли что пришедший хочет высказать секретарю? Луньков мог бы и сейчас подать этот знак. Ведь и комсорг аптеки имеет право на «разговор по душам». Но именно потому, что этот комсорг — Шура Поземко, Женя старается не обнаружить досады, когда Лиза появляется вновь, придумывая какие-то срочные дела.

Он задаёт Шуре вопрос за вопросом. Что же она делает в своей ассистентской? Прежде всего берётся за рецепты с надписью «cito». Платыни это пишется так: «Cito!» С восклицательным знаком. Цито — значит скоро. Немедленно! Тотчас! Вот как? Он этого не слыхивал. Она продолжает знакомить его с ассистентской. Жидкий стол. Наружный стол. Порошковый стол. Вертушка. Пилульная машинка. Ох, каким же он был необразованным! Луньков отнюдь не заставляет себя выказывать интерес, ему в самом деле интересно. Слушая, он представляет себе Шуру в белом халате, в белой шапочке, быструю, смуглую, раскрасневшуюся. Он даже начинает ощущать характерный запах аптеки. Ксероформ. Иодоформ. Креозот. Названия-то какие!..

Так вот и получился у них «разговор по душам». Шура не дичится, выкладывает Лунькову всё. Она не перестала расти, она решила расширить свои познания. Уже в продолжение двух лет она записывает разные случаи, разные сведения по специальности, опрашивает постоянных посетителей аптеки, как действуют на них лекарства. Она часто беседует с управляющей аптекой Софьей Марковной — та ведь закончила институт, — беседует о свойствах разных веществ, об их воздействии на организм человека. Наконец, она читает все выходящие брошюры, составленные известными врачами, она уже знает, как лечить многие болезни. Запнувшись, Шура еле удерживается, чтобы не похвастать: вчера один очень серьёзный доктор назвал её коллегой, «сотоварищем по профессии».

— Теперь, если бы я возвратилась в колхоз, — говорит Шура, — я много бы пользы принесла. Врач от нашей деревни в тридцати километрах.

— Думаете, что можете уже заменить врача?

Шура смущена до слёз. Совсем она этого не думает, вовсе не воображает себя уже готовым лекарем.

— Я, товарищ Луньков, может быть, глупо сказала. Я понимаю, что... — И вдруг у неё вырывается: — Осенью буду держать на медицинский.

Порою она, действительно, мечтала об этом... Ну что же, она считает, что с этой минуты всё решено. И она не отступит.

— Давно вы готовитесь к экзаменам?

Молчание. Затем Шура признаётся:

— Ещё не начала... Я решила это только что... Но окончательно.

Глядя в окно, чтобы дать ей возможность справиться со смущением, Луньков говорит:

— Хотите, я помогу... Всё это надо обдумать. Давайте будем думать вместе.

Он совсем повернулся к окну. Оказалось, что надо справиться и с собственным волнением.

— Шура... Позвоните мне в первый же ваш свободный вечер.

— Позвоню,— тихо отвечает Шура.

Она встаёт, чтобы проститься. Растерянно, неловко вскакивает Луньков. Шура тоже стоит в замешательстве. Ей неудержимо хочется сказать ему на прощание что-нибудь такое... Ну, доброе...

— Я приду... Обо всём посоветуюсь.— Дружески улыбнувшись, Шура продолжает: — А ваша убеждённость... Ваша преданность изобретению... Это так и надо... Только не расстраивайтесь, что все смеются. Вы же не виноваты. Вы же делаете всё, что от вас зависит? Верно?

Она прямо глядит на него. Им уже приходилось встречаться глазами в упор. Обычно Шура первая отводила взгляд. Но сейчас растерянно моргнул, посмотрел в сторону Лунькова.

Верхняя губа его налезла на нижнюю, вовсе закрыла её,— он на минуту дурнеет, теряет свой складной, уверенный вид, становится совсем не похожим на Лунькова, на «самого Лунькова», как выразилась вчера Аня.

Но Шура его знает таким. Даже на вечере будущего, когда не раскрывался макет домны и на помосте появилась билетёрша, он так и замер у всех на виду. Нескладный, опешивший, он почему-то особенно мил Шуре...

Только что заданный вопрос задел Лунькова, всколыхнул сомнения, вызванные разговором с Орловским. Делают ли электродоменщики всё, что от них зависит? Правильно ли ставят вопрос? Нет ли ошибки, расчёта в их действиях?

— До свидания,— тихо говорит Шура.

Никто не отвечает, никто не удерживает её...

Во всяком случае, если от чего и не додумал, он додумает.

Недавно Женя пожаловался Завьялову: чем бы он ни был занят, мысли возвращаются всё к тому же.

— А как же иначе? — невозмутимо ответил Иван Кузьмич. — Общеизвестно: научная работа — это неотступное думание.

Неотступное думание... Думать и думать. Вновь и вновь перебирать в мыслях всё. Доискиваться, в чём причина, в чём суть неудач, преследующих изобретение Сырейщикова. «Удивляюсь, сколько страсти ты отдаёшь этому изобретению», — сказал Орловский. Нет, Орловский, ты ошибся! Если хочешь знать, Луньков мучится тем, что почти не борется за изобретение, отдаёт ему слишком мало страсти. Но как же бороться? Как действовать? Как доказать? И что, собственно говоря, доказать? Что домны отжили свой век? Хорош был бы он, секретарь горкома комсомола в Ново-Доменске, если бы стал пропагандировать такое среди доменщиков. Нет, лозунг «долой домны» не верен! Но как же в таком случае быть? И опять Луньков должен сознаться самому себе, что у него

нет ясного ответа. Что-то ещё не додумано, не уяснено. Поэтому он и бьётся как-то нерешительно... И довольно бестолково.

Вот и Шуре он не смог ответить, объяснить...

С грустью Луньков смотрит на пустое кресло. Как же так? Как же это случилось, что он прозевал, не пожал на прощание мимую смуглую руку?

29. Гадкий утёнок

Следующий день был, что называется, «банным» — субботой.

Вечером конференция доменщиков не заседала. Работали лишь секции. В их числе не было, как известно, секции электродоменного производства — той единственной, которая увлекла бы Лунькова.

Нет, сегодня он не пойдёт во Дворец металлургов. Свободные часы, так редко ему перепадаящие, будут использованы иначе. Вот и заперты после рабочего дня ящики стола, собран портфель.

Сейчас Луньков отправится на край города, к печи Сырейщикова — маленькой, неуклюжей, приземистой, грубо сваренной из обрезков железа, которую в институте прозвали «утицей». Нынешний вечер Евгений Луньков — аспирант-заочник кафедры металлургии чугуна — проведёт возле этой печи, раскроет журнал плавов, займётся наконец-то своей темой: «Химизм нового процесса плавки чугуна».

В лаборатории его ждут и другого рода материалы. Недавно он взял у Валерия Николаевича всю литературу, посвящённую электродомнам. Литература была, правда, не обширна — всего одна не очень увесистая связка. Две или три статьи из журналов, представляющих, видимо, библиографическую редкость, были переписаны Сырейщиковым от руки. Он собирал и газетные вырезки, в которых так или иначе говорилось о будущей металлургии. Среди вырезок был даже и некролог, посвящённый человеку, тоже пытавшемуся заменить существующие домы электропечами. Изобретатель умер несколько лет назад в Иркутске, ведя опыты до последнего дня жизни.

В своё время, готовя дипломный проект, Луньков изучил все эти материалы, но недавно перечёл их по-новому. Подробности, которые раньше ускользали от внимания, теперь казались не случайными, занимали мысль. Почему, например, покойный изобретатель переехал из центра индустрии, из Донбасса, в Иркутск? Что гнало его туда, в глубину Сибири? Этого не знал, не смог объяснить даже Валерий Николаевич.

Выйдя на волю, Евгений снимает кепку, с удовольствием подставляет голову тёплому влажному ветру. К широкому крыльцу, с которого только что спустился Луньков, подкатывает старенький чёрный «зис», выхватывая лучами фар из полумрака тёмную гладь очищенного от снега асфальта, бурный ручей талой воды у кромки тротуара. Это машина председателя горсовета. Вон на первом этаже светится его окно. Но и оно вдруг темнеет.

Перейдя площадь, Луньков по привычке оборачивается. Даже в этот час, во тьме, рассеиваемой слабым сиянием луны и покачивающимися по ветру фонарями, силуэт пятиэтажного здания не утратил чёткости. Едва заметен трепещущий на шпигеле флаг. По фасаду освещены лишь четыре массивных подъезда да, пожалуй, с десяток окон. Они светятся, словно подчёркивая, что в нынешний субботний вечер во всех остальных комнатах этого нового большого, вмещающего столько учреждений дома уже пусто, темно. Луньков не без смущения вглядывается в одно освещённое окно на втором этаже. Выйдя из своего кабинета, он постоял возле дверей Илюши Громова; у того шло совещание физоргов-комсомольцев — разбирались насущнейшие вопросы предстоящего весенне-летнего спортивного сезона: физорги любят позаседать, у них всегда

жаркие дискуссии. Надо бы и ему зайти — послушать, возможно и вмешаться, — но обратно уже не вырвешься, пропал бы вечер, который он решил провести в лаборатории.

Дз-з-з-з... По соседней улице проиёлся, прозвенел трамвай. На трамвае можно бы в десять минут добраться до металлургического института, но сегодня хочется пройтись, подышать ветром, пахнущим талой водой.

На углу Луньков останавливается в нерешительности. Пoblёскивающие рельсы трамвая уходят на проспект имени Ленина, обозначенный цепочкой зажжённых фонарей. Фары пробегающих автомашин то и дело заливают светом, серебрят идущих под руку или попросту рядом людей.

Проспект — прямой путь к институту. Но скорый ли это путь? Вон сколько молодёжи туда высыпало в честь весны. А мало ли там знакомых? Поневоле остановишься, поговоришь...

Луньков выбирает другую дорогу. Вскоре он шагает по железнодорожной насыпи, вклинивающейся в город. Эта колея тоже ведёт к институту. Хорошо итти весной по сырым, чуть пружинящим под ногой шпалам. Хорошо и грустно. Рельсы мерцают под луной, убегают вдаль. Чудится, нет им конца... И Евгений шагает. Одиноким стареньким паровоз прогромыхал мимо, обдал паром; вскоре умолкло и его пыхтение, путника вновь обступила тишина. Вновь он один... Она обещала позвонить в первый свободный вечер. Сегодня у неё, возможно, как раз такой вечер! А он поспешил уйти. Некому снять телефонную трубку. Нет, так скоро она не позвонит... Как глупо они вчера расстались, даже не попрощались. Когда-то увидятся снова?

Полотно дороги выводит Лунькова на пустырь. Здесь ещё лежат сугробы, плотные, осевшие... Днём они угольно-черны, блестящи с той стороны, откуда их пригревает солнце. Отсюда уже виден завод — тёмные великаны-домны на фоне смутно розовеющего неба. Вот под некрутыми откосами пути начинается свалка железного лома, постоянно прибывающего на завод. Сейчас едва различишь торчащие концы погнутых металлических балок и причудливые остовы отслуживших свой век машин.

Прошло уже две зимы с тех пор, как сырейщиковы — и Луньков в их числе — излазили весь этот отвал, выискивая нужные профили металла для первой опытной электродомны. А как они изощрялись, втаскивая в подвал института тяжёлые железины! Лёшка Чуваев и Скирко смастерили специальную лёгкую переносную лебёдку, откуда-то (это и поныне оставалось тайной) раздобыли для неё трос.

К чему только Лёшка не прикладывал своих золотых рук в те дни творения? Резал металл автогеном, выучился сам и научил всех сварке, постиг специальности футеровщика, водопроводчика, электроарматурщика. Он же выпилил для всех участников исторического дела по два плоских ключика: одним отпирался задний вход в подвал, другим — дверь лаборатории.

Луньков нащупывает в кармане эти ключи, нанизанные на кольцо. Они всегда при нём. В любой час, в любую свободную минуту он может прийти в лабораторию.

Смутно завиднелась протоптанная в снегу чёрная тропинка, уходящая к зданию института. По этой тропинке ребята и теперь совершают вылазки на свалку за металлом, то и дело требующимся для нескончаемых ремонтов.

Луньков давно уже не участвует в такого рода поисках. Что ни говори, он отдалился от повседневных дел лаборатории. Эти дела, кстати сказать, Лёша Чуваев всё реже называет историческими.

Конечно, Лёшка не выказывает уныния, этого ему не позволяет гордость, но в последнее время он стал элес — от нечего делать начал под-

халтуривать, зашибает денгу на стороне. А Саша Скирко загрустил, заливает горе вином. Однажды его уже вызывали по этому поводу на бюро комсомола.

Вот как невесело обернулась давняя беседа, давний совет трёх молодых металлургов в чуваевской чистенькой комнате, беседа, подогретая в конце некоторыми припасами, которые радушно поставила на стол Тамара. Она даже заулыбалась, забыла свою суровость, когда Луньков предложил тост «за особенных ребят». А теперь встречает его всё суше: дескать, товарищ Луньков, насулил ты многое, где же оно?

Сделанный Лёшей ключ легко поворачивается в замке, Луньков входит в лабораторию.

Одна лампочка там почему-то не выключена, бросает неяркий свет на разваленную печь.

— Распустились ребята, — определяет Луньков. — Уже забывают и свет погасить.

Не похоже, чтобы подобную небрежность мог допустить Лёша Чуваев. Наверное, последним уходил рассеянный, неизвестно о чём думающий Саша Скирко. На миг Евгению представляется задумчивое лицо с ямочкой на подбородке, серые погрустневшие глаза.

Луньков беззвучно произносит:

— Эх, нехорошо...

Вечно печь в ремонте. На днях Сырейщиков провёл плавку на бедной руде, непригодной для домен; получил металл, но из-за отсутствия точных, дорогостоящих приборов опять сжёг часть футеровки и охлаждающих устройств.

Сейчас «утица», освещённая сбоку, отбрасывающая нелепую тень на серую бетонную стену, и впрямь похожа на неуклюжего, смешного утёнка. Приёмная воронка непрерывной загрузки напоминает запрокинутый, раскрытый клюв. Её, эту печь, в институте нарекли «утицей», «уткой Сырейщикова». А они, сырейщикоцы, переименовали это насмешливое имя, стали звать печь своим гадким утёнком. Первым так сказал про неё Саша Скирко, — однажды он даже принёс в лабораторию книгу Андерсена со знаменитой сказкой о гадком утёнке, который вырос в прекрасного лебедя.

Здесь, в одиночестве, Луньков может позволить себе тяжело вздохнуть. Странно, в ответ ему слышится чей-то глубокий вздох. Должно быть, эхо шутит свои шутки. «Стены вздыхают», — горестно усмехается Луньков.

— Эх, нехорошо, — повторяет он.

Недавно он столкнулся на улице с бывшим своим однокурсником Самойловым, тем самым, который в институте имел репутацию человека со вкусом и когда-то развешивал в актовом зале чертежи дипломного проекта Лунькова.

— Звёздочка! — обрадовался Женя. Он всегда искренне радовался, встречая своих однокашников. — Вот ты какой стал! Щёголь, да и только.

Самойлов польщённо улыбнулся. Он не преминул выразить своё восхищение Женей.

— А ты молодец, Евгений. Быстро пошёл! Только не зазнавайся перед старыми товарищами. Для нас ты прежде всего Женька Луньков, а затем уже популярная личность в городе.

Женя расхохотался вместе с Самойловым. Кстати, Луньков, повстречавшись с ним, с первой минуты еле удерживался от смеха. Уж очень непривычными выглядели на лице недавнего студента, человека со вкусом, аккуратные пушистые бачки.

— Ты правильно сделал, Луньков,— добродушно заключил Самойлов.— Нашёл дело по плечу. Не то что эта мышинная возня.

— Какая мышинная возня?

— Ну... На днях Шкварилов Фёдор Романович — он захаживает к нам в технический отдел, не отрывается от жизни,— ну, он посмешил нас, рассказал о Сырейщикове... До сих пор не уgomонился старик. Всё ещё возится со своей печкой.

— Да будет тебе известно, что и я с ней вожусь,— резко сказал Луньков.

Он быстро расстался с Самойловым. У того была полная возможность живописать сослуживцам, как задрал нос его бывший товарищ по студенческой скамье, даже не кивнул на прощание. Выражение «мышинная возня» ошеломило Лунькова. Вот, значит, как в проектно-монтажном отделе, да, наверное, и не только там, говорят об опытах Валерия Николаевича Сырейщикова.

Мышиная возня... Луньков опять вздыхает, озирается. Вот маленький примитивный щиток управления с четырьмя рубильниками. От него тянется по серой стене пучок проводов, уползает наружу в будку трансформатора. Всё это получено как-то не вполне законно — выпрошено, выклянчено.

Однажды Евгений выложил секретарю горкома партии всю неказистую историю мытарств Сырейщикова. Луньков не готовился заранее, жалоба вылилась сама собою. Возможно, он и впрямь не нашёл веских доводов, не сумел по-серьёзному сказать об электродомне. У него не осталось уверенности, что он убедил секретаря горкома партии. Тот всё же сказал:

— Погоди унывать... Обещаю тебе иметь в виду наш разговор, когда будем утверждать план научно-исследовательских работ института. Предложим внести в план и печь Сырейщикова.

— А как же насчёт средств? Где мы их возьмём?

— Пусть изыщут средства в институте за счёт внутренних ресурсов. И поручим это лично Шкварилову. Кроме того, направим письмо в министерство. Составь текст и принеси мне. А на заседании тебе, пожалуй, не стоит выступать.

— Почему?

— Горячишься... Да и репутация у вас, товарищи, несколько того... Считают вас троглодитами, сокрушителями домен. Ну, ну, на свободу научной мысли я не посягаю. И будь покоен: заставим помочь.

Вскоре на заседании бюро городского комитета партии, где обсуждали план работ института, товарищу Шкварилову пришлось выступить с принципиальной декларацией. «Идею Сырейщикова считаю неверной,— заявил он.— Но партийное решение выполню, выкрою средства, честно помогу».

Эти средства, без промедления выделенные, были невелики. Требовались десятки тысяч рублей для закупки новейшей, самой точной аппаратуры. Таких средств институт дать не мог.

Сырейщиков всё же приободрился. Он снова увлёкся преподаванием, перестроил весь курс лекций. «Придёт время,— говорил он,— когда понадобятся люди, понимающие, что прежняя металлургия отжила». Прошлой весной пятеро студентов защищали дипломные проекты, посвящённые электроплавке чугуна по его способу. Дирекция института уже не мешала выбирать такие темы. Однако потом у всех пяти дипломантов не задалась инженерская судьба. В самом деле, какая у них специальность? Кто они такие? Не доменщики и не электрометаллурги. Люди без профессии. Почти всем пришлось покинуть Ново-Доменск, уйти в малую металлургию.

Невесело... А невесело, так за работу! Луньков решительно подходит к большому, широкому столу Завьялова, чтобы достать папку со своими материалами, журнал плавков и шихтовальную книгу. Он любит работать за этим крепко стоящим, словно вколоченным в пол — не пошатнёшь! — столом. Среди беспорядочных груд выломанного из печи огнеупора, среди погнутой, перегоревшей арматуры, брошенной там и сям, рабочее место Завьялова радует глаз своей особой аккуратностью. Оно как бы отражает натуру или, лучше сказать, душу своего хозяина. В ящиках порядок. Над столом прибито чётко разграфлённое расписание работы. Множество полок и полочек, у каждой — своё назначение. Лампа подвешена на блоке — можно регулировать освещение. Чистота. Ни одна бумажонка, ни один кусок провода не валяются зря. Наверное, и на фронте, в своём блиндаже или окопе, капитан Завьялов устраивался вот так же — основательно, прочно, надёжно. От обширного, не загромождённого ничем стола словно исходят какие-то токи спокойствия.

Луньков зажигает подвешенную на блоке лампу, достаёт материалы, склоняется над ними.

Через некоторое время вдруг слышится вздох. Странно... Луньков поднимает голову. Опять раздаётся вздох и непонятный шум.

— Кто там?

Вскочив, он никого не видит. Потом заглядывает за печь. На невысокой, обитой жестью лавке шевелятся чьи-то грязные большие сапоги. Луньков не сразу признаёт обычно начищенные, аккуратные сапоги Саши Скирко. Да и самого Скирко не сразу признаешь. Это ли красавец-богатырь?

Всё же это был он, Саша Скирко, рабочий-газовщик лаборатории. И тяжёлые вздохи тоже принадлежали ему.

30. По душам

Разбуженный возгласом Лунькова, Скирко спускает ноги с лавки, неохотно поднимается. На нём измятая, загрязнённая дочерна рабочая куртка. Рукав выше локтя порван — порван и не зачинен, там болтается лоскут, открывая нижнюю рубаху.

Когда-то Скирко радовался каждому приходу Лунькова, а теперь... Впрочем, и теперь деликатный Саша пытается изобразить подобие приветливой улыбки.

— С чего это ты? — спрашивает Луньков. — Устал?

— Нам теперь уставать не от чего...

— По другой причине приходится отдыхать?

Знакомая луньковская ирония звучит в этом вопросе. Товарищ Скирко должен уяснить этот намёк. И Скирко уясняет. Его подмывает дать грубый ответ, но он смиряет себя.

— Подозреваешь насчёт водки? Нет, я теперь ни-ни... Дал слово одному человеку.

— Приветствуем сей факт, Сашко!

Давно уже их отношения изменились, перестали быть открытыми, но Луньков до сих пор не нашёл случая — а возможно, и решимости — начистоту объясниться. Он старается обращаться к Скирко, как и прежде, весело, непринуждённо, но сам чувствует деланность этого тона.

Скирко молча выбирается из своего закутка. Луньков придвигает ему табурет и включает центральную сильную лампу. Резкий свет заливают помещение. Сразу рельефно выступают тянущиеся вдоль серых стен чёрные, как смоль, толстые газоотсасывающие трубы; в дальнем углу виден темнокрасный корпус вентилятора «Сирокко»; от возвышающихся на полу беспорядочных груд перегоревшего железа и огнеупора падают

короткие густоцѣрные тени; во всех подробностях видна разорѣнная, развороченная печь, поднявшая раскрытый клюв, словно жалобно взывающая неведомо к кому.

Причудлива, неправдоподобна тень, отбрасываемая широкими плечами, всклокоченной головой присевшего к столу молодого газовщика. Резкий свет падает на заспанное, немного припухшее лицо.

— Что хмуро глядишь? — спрашивает Луньков, но, опасаясь грубого, высказанного напрямик ответа, спешит сам найти объяснение: — Глаза, вижу, слепит. — И он выключает верхний сильный свет. — Я, Александр Иванович, привык тебя видеть прибранным, красивым, — продолжает Луньков тем же наигранно-бодрым тоном. Ему самому неприятен этот тон, но он всё ещё не может отбросить его. — И вообще я протестую... Существует на свете одна несправедливость...

— Одна? Несправедливостей-то на наш век хватит.

— Начнём с первой: некий комсомольский поэт давно не читал мне своих стихов.

— Тебе и не стану читать.

— Почему?

— Тебе нельзя. Неподходящие для твоего звания. Упадочные. Недавно один человек мне всё насчёт их разъяснил.

— Упадочные?

На язык рвѣтся острота о новодеменском Есенине, но серьёзный, печальный взгляд Скирко заставляет Лунькова остановиться.

Некоторое время оба молчат, потом у Скирко вырывается:

— Тебе что? Ты — при деле. Ну, конечно, приходишь сюда. Работашь, конечно. Когда выдастся свободная минута. Тебе что? А нам какво! Не знаешь, куда себя девать. День за днём, день за днём. Понимаешь ты это? Или вот Валерий Николаевич Придѣт и ни с кем не говорит. Да ты бы сам спился от такой жизни. А нас попрекаешь. Приходишь вот, делаешь замечания — почему неприбранный да почему хмурый.

Снова тишина. Луньков готов ответить резко. Но он находит силу переломить себя.

— Саша, — негромко зовѣт он.

— Ну...

— Мне тоже ведь плохо...

И вдруг хлынули слова. Придвинувшись ближе к Скирко, Луньков высказал многое, что лежало на сердце. Признался и в том, что временно чувствует себя виноватым перед ребятами. Ведь он их подбил, уговорил, а обещания не исполнены.

— Помнишь, — говорит Евгений, — как мы сидели у Лѣшки, рисовали себе будущее. А теперь Лѣшка и не поминает о тех временах, словно тогда и не мечтал вместе с нами.

— Поминает... Только не при Тамаре.

Помолчав, Скирко добавляет:

— Ему, может, всех тяжелее.

Так завязался этот разговор по душам в подвале института. Вскоре Скирко сам раскрыл свою тетрадь, начал читать стихи.

... — Потому и тоска, что столько плохих людей, — оправдывается затем автор стихов. — И они прекрасно себя чувствуют, им и почѣт и везение. Не зря они подсмеиваются над чудаками, вроде нас с тобой.

— Любишь ты обобщать, — вскипает Луньков. — А верно ли ты видишь? Надо, Саша, иметь верный глаз.

Верный глаз... Ясное зрение... Эти слова не раз в пылу спора вырывались в своё время у студента Лунькова. И сейчас, после сказанного, вдруг вспомнилась та, кого он не любил вспоминать. Как живое, пред-

ставилось красивое женское лицо. Насмешливые чёрные глаза, яркие полные губы, что вечно кривились: «Забавно». Странно направлена была её жажда жизни. Во что она верила? Ради чего жила? В книжке Андерсена — той самой, которую однажды принёс в лабораторию Скирко, — рядом со сказкой о гадком утёнке была и сказка о Снежной королеве. Женя давно её знал, но, перечитав историю об осколках страшного зеркала, попавших в сердце и в глаз мальчику, тотчас подумал о Зине. «Однажды злощий-презлющий тролль, — говорилось в сказке, — смастерил такое зеркало, в котором всё доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, всё же негодное и безобразное, напротив, выступало ещё ярче, казалось ещё хуже... Осколки такого зеркала, некоторые не больше песчинки, разлетелись по свету, попадали, случалось, людям в глаза и там так и оставались...» Зина тоже словно носила в глазу злой осколок: не верила хорошему, большим замыслам, мечтам, искренним побуждениям, не верила, что люди могут быть бескорыстно преданы идее. «Идеалистика», — пренебрежительно говорила она. Недавно Жене передавали, что Иваничка весьма довольна тем, как сложилась её жизнь. Нарядная, попрежнему яркая, красивая, она гордится своим замужеством. Подумать только, в неё без памяти влюбился главный сталеплавильщик завода, бросил ради неё семью. Двоих детей!.. Кто знает, может быть, и это она считает забавным.

— Я сейчас думал, Саша, — говорит Луньков, — о некоторых людях. О плохих. Со злым осколком в глазу. Ты нацелился против них воевать. А сам?

— Что же, по-твоему, и у меня такой осколок?

— Да нет... Пока ты просто приуныл. Раскис. Есть, Саша, закон: ежели ты хорошего не видишь, ты и против плохого не боец. Так что вооружайся другим зеркальцем. Представляешь, какое хитрое? В нём отчётливо увидишь плохое, зато и хорошее от плохого всегда отличишь.

— Что ж, — примирительно говорит Скирко, — разве я против?

Вскоре он вспоминает о долге хозяина.

— Ты же прямо с работы... Надо тебя накормить.

— Дельное предложение.

Возражать не приходится хотя бы потому, что Луньков собирается посидеть здесь допоздна; раскрытая на столе папка напоминает о себе.

— Погоди, Саша. Ты как будто собрался в буфет?

Евгений решается вновь зажечь яркую лампу: всё же не вредно немного сконфузить автора печальных строф о засилии мелких и низменных страстей.

— Полюбуйся своей наружностью. Можно выйти на люди?

К физиономии газовщика поднесён пресловутый блистающий шлиф, давний дар Шкварикова.

— Утром побреюсь, — бурчит Скирко.

— А сейчас, будь другом, хоть причешись. Не забудь и чайник включить, пока я схожу в буфет.

— Ты?

— Ну да. Я быстро. Тотчас. Цито!

Евгений веселеет, произнося эти слова. И уже с порога, обернувшись, лукаво предлагает:

— А не показать ли тебе, дражайший Саша, как мать учила меня приводить в порядок сапоги?

...Друзья уже пьют по второму стакану, уже съедена разделённая по-братски колбаса, а беседа всё не иссякает.

— Вот ты говорил: отличать, — не успокаивается Скирко. — Отличать дурное от хорошего. А что если отличишь, почувствуешь дрянное, но доказать ничего не можешь? Тогда и вмешаться нельзя...

— Можно! Подойдёт час, вмешаешься. В конце концов истина всегда всплывает.

— Ох, долго ждать...

— Не так долго, как ты думаешь.

— Хорошо, если так. Тогда скоро и Крекшина шёлкнут.

— Что опять с ним?

— Понимаешь, доказать ничего не могу, а вот в зеркальце, в твоё, хитрое, вижу. Тебе, Евгений, тогда было легко разоблачить Крекшина. Тебя поддержали. Всё было доказано: и про работу и про всякие его махинации... А сейчас ни-ни... Не придерёшься. Начни спрашивать, похвалят. Стараются, прохвост.

— Выучили,— смеётся Луньков.— Я справлялся о нём. Говорят, не узнать.

— Узнать его не легко... — Скирко помедлил.— Ты понимаешь, что этот тип сейчас затеял? Инессу Степановну знаешь? Директора нашего дочь?

— Степанянец? Знаю, конечно. Она теперь у нас внештатным лектором в горкоме. Хороший лектор.

— Что лектор? Девушка хорошая... Она педагог в одной школе. Ну, я там знаком с одной учительницей...

Насчёт одной учительницы, а также насчёт стихов, посвящённых ей, кое-что известно приятелям Саши Скирко, но Евгений пока не касается этой деликатной темы.

— Так что же со Степанянец?

— Это и все подруги её видят...

— Что видят?

— Обхаживает её... Задумал пристроиться, знаешь, как описывают в заграничных романах. Понятно? А все видят, что не любит её. Притворяется...

— Ну нет,— перебивает Луньков,— про то трудно судить, любит или не любит...

— Почувствовать можно. Я ведь приглядываюсь к нему. Он подал сейчас заявление, чтобы с него выговор сняли, но как хочешь, а я буду против... И Лёшка тоже будет против.

— На каком основании?

— На том, что... Видишь, и основания никакого нет... Отличить-то я отличил, а ничего не могу сделать... Мы смолчим, а он ещё и в партию вступит. Директорский зять.

— Уже и зять... Сашко, а вдруг ты ошибаешься? Может же человек перемениться?

— Ладно... Разреши задать вопрос. А вдруг я не ошибаюсь? И если бы ты убедился, что он, не любя, из корыстных целей обхаживает директорскую дочь, тебе хотелось бы видеть его комсомольцем? Ну, выговор хотелось бы снять?.. А вот это... — Скирко обводит взглядом разорённую печь, груды кирпича и погнутого железа на полу.— Скажи, правильное наше дело? Сырейщиков — хороший человек?

— Ясно, хороший...

— А как ему живётся? Как с ним поступают?

На минуту в лаборатории водворяется молчание.

— Поневоле запьёшь,— добавляет Скирко.

— Ну, знаешь... — Лицо Лунькова редко выглядит таким злым.— Чтобы нализаться водки, предлог всегда отыщется. Пить легче, чем действовать.

— Кричать тоже легче,— тихо говорит Скирко.

Что ему ответишь? Луньков прохаживается по метлахским плиткам, которыми выстлан подвал, глядит вниз. Плитки тусклые, кое-где совсем заросли грязью. Тоже нехороший знак, тоже примета развала.

— Эх, Саша, не хватает ещё, чтобы мы между собой передрались.

— Сам чуть не с кулаками полез.

— Ладно... Давай-ка я лучше засяду за работу. Кое-что обдумаю.

Прежде чем надолго устроиться на табурете возле крепко поставленного, словно вделанного в пол, рабочего стола, Луньков жмёт руку собирающемуся домой Скирко.

— Хочется, Саша, ответить на все твои вопросы. Хочется, чтобы в твоей тетрадке появились другие стихи. Такие, которые одобрит один человек. Да не смущайся; она молодчина, твоя Ирина Петровна.

Саша ещё никогда не говорил с Луньковым о своей сердечной тайне. Запнувшись, он отвечает:

— Знаю, что молодчина. Но и она не смогла мне сказать, почему нам с тобой, всем нам,— Скирко кивает на неуклюжий озов утицы,— всем нам нету удачи...

Лунькову на язык просятся слова о косности, о фальшивых людях, чинящих им помехи. Но стыдно отделяться ходячими фразами. Прощаясь с Сашей, он признаётся:

— Сам мучаюсь, хочу это уяснить...

31. Номер в гостинице

Участникам конференции доменщиков была предоставлена большая четырёхэтажная гостиница, расположенная близ главных ворот завода, выстроенная, или, как тут говорили, «пущенная», ровно двадцать лет назад, почти одновременно с первой здешней домной. Академику Михаилу Михайловичу Овсянникову, как и некоторым другим руководящим деятелям металлургии, приехавшим на конференцию, предложили поселиться в более удобном, тихом, так называемом «министерском» домике. Однако Овсянников буркнул:

— Не надо. Поживу в гостинице.— И ещё сильнее насупившись, что всегда бывало признаком смущения, нападавшего на него даже и в старости, добавил: — В номере шестьдесят втором.

Когда-то, двадцать лет назад, он обитал в этом же номере, перебравшись из дома — из коттеджа у Сосновой рощи — сюда, поближе к печи. Он уже описал в своих мемуарах это время: январь—февраль 1932 года, тридцатипятиградусную стужу, резкий, будто режущий, сутками не утихающий ветер. Первая домна, сооружённая по чертежам Курако, была задута в эти злейшие морозы. Непрестанные мелкие аварии душили её. Казалось, вот-вот она застынет, «закозлится», погибнет. Глыбы шлака, коржи чугуна беспорядочно валялись возле печи. В её гуле слышались свистящие тонкие нотки: где-то прорывалось дутьё. С железного панцыря домны свисали толстые, как телеграфный столб, сосульки, сталактиты льда. Было трудно поверить, что работающая доменная печь — воплощение пламени, жара — может так обрасти льдом. Каждый выпуск чугуна совершался в мучениях. Часами не удавалось пробить лётку, открыть путь жидкому металлу. Прибегали к последнему средству — к кислороду. У подножия домны горновые прожигали кислородом выпускное отверстие. Валил темнокоричневый дым, вылетали красные крупные искры, совсем не похожие на весёлые белые звёздочки, которыми стреляет во все стороны расплавленный текущий чугун. Подсобные рабочие поспешно, чуть ли не бегом, подносили новые и новые баллоны с кислородом. Тут же, близ домны, у жаровни с тлеющим коксом корреспонденты центральной печати устроили нечто вроде обогревательного пункта:

они днём и ночью пропадали здесь, на этой рабочей площадке, которая тогда стала полем сражения — сражения, что вошло в историю. Овсянников, выстроивший эту печь, сам её вёл, подавал команды доменщикам. В гостиницу он приходил в два, в три часа ночи. Зеркало в просторном вестибюле отражало заиндеветшие на морозе усы, тёмное от коксовой и чугунной пыли, а может быть и от усталости, почти квадратное лицо, побитую искрами меховую шапку, желтоватый, весь в пятнах нагольный полушубок. Михаил Михайлович сам ставил чайник на электроплитку и шёл под горячий душ. Вскоре на единственном в комнате, аккуратно прибранном большом столе водворялся живой беспорядок — появлялась раскрытая пачка пахучего трубочного табаку, сахар, лимон, журналы «Прожектор» и «Сталь», свежие газеты. Разморённый, порозовевший после душа, Овсянников в распахнутой нижней рубашке, в разношенных туфлях на босу ногу прихлёбывал крепкий чай. Время от времени смотрел на едва различимую в свете фонарей громаду домны, открывал форточку, прислушивался к дутью. Потом заваливался под одеяло и почти мгновенно засыпал. Телефон стоял возле изголовья. Однако, даже и без телефонного звонка Овсянников вдруг вскакивал среди ночи, снова подходил к окну, всматривался, слушал.

Теперь академику Овсянникову хотелось опять поселиться в том же номере, посмотреть в окно на печь, которую двадцать лет назад доменщики отстояли, отладили, спасли. Желание почётного гостя было, реализуется, удовлетворено.

Войдя в шестьдесят второй номер, Овсянников остановился, огляделся. Вот она, его прежняя обитель, свидетельница самых бурных, ярких лет его жизни. Сквозь нарядные зелёные обои будто просвечивали крашенные когда-то охрой стены. Тут, на этой стене, прежде висела синька: генеральный план завода. Письменный стол и тогда стоял слева, у окна. Только вот... Михаил Михайлович улыбнулся в седые усы. Теперь на столе возвышался чернильный прибор в виде двух прозрачных башен, стояли два горшка с гортензиями. А стеклянная полоскательница удивительно напоминала одну знакомую вазу для фруктов.

— Унесите-ка всё это, сделайте милость, — сказал он горничной.

Нижняя часть окна была завешена белой шелковой тканью. Академик решительно сдвинул её. Двадцать лет назад никакие тряпки не загораживали окно. Отдёргивая другую половину шторки, он, видимо, приложил слишком много силы: натянутый шнурок порвался. Махнув рукой, Михаил Михайлович опять обратился к горничной:

— Пожалуйста, и это уберите.

...Несколько дней живёт Овсянников в гостинице. Сейчас на его столе, как и в старину, живой, чем-то приятный Михаилу Михайловичу беспорядок — пилёный сахар в развёрнутой синей обёртке, лимоны, журналы «Огонёк» и «Сталь», раскрытая пачка папирос «Самородок», которыми порой любит угостить давно не курящий академик.

Всё утро Овсянников провёл на заводе, пошагал по цехам, заглянул по неискоренимой привычке и на разные задворки: на отвалы, под копёр, на хранилище слитков. Трудненько в его возрасте предпринимать такие обходы. Он устал, сбросил с занывших ног словно бы потяжелевшие ботинки, прилёг... «Великолепно! Отличная наладка!» — этими словами он определил в уме своё впечатление от завода. Огромный, протянувшийся на пять-шесть километров завод действует буквально, как часовой механизм. Да, можно не глядеть на часы, достаточно следить за домнами хотя бы вот из этого окна. Каждый час, по графику, минута в минуту, одна из четырёх печей, неодинаково высоких, — когда-то, с разрешения Серго Орджоникидзе, Овсянников заново сконструировал вторую пару домен, сделал их самыми высокими, самыми мощными не

только в Советском Союзе, но и во всём мире,—каждый час одна из четырёх печей озаряется багрянцем, отблеском выпущенного, ниспадающего в ковш чугуна. Минута в минуту! Об этом мечтал учитель Овсянникова, легендарный Курако... Свыше сорока лет назад Овсянников пришёл к нему в Юзовку, впервые увидел на его чертежах домну новой конструкции, а теперь её можно увидеть в окно — горячую, с чуть заметной струйкой газа, выбивающегося из свечи, живую. Кто бы мог поверить, что ради этих домен, ныне работающих столь ровно, столь ритмично, когда-то пришлось выдержать такие битвы — поистине не на жизнь, а на смерть.

Бледные, розоватые отсветы возникают на тёмном панцире домны, на которую поглядывает с кровати академик. Они разгораются, краснеют. Овсянников вынимает карманные часы. Да, выпуск начался ровно в одиннадцать. Отлично! Первоклассная, точная работа!

В половине двенадцатого к нему придут молодые доменщики. Он согласился принять их накоротке, чтобы совместно наметить тему его выступления перед молодёжью города.

Что же, он не откажется кое-что порассказать. Конечно, теперь молодёжь пошла помельче — Овсянников в этом убеждён, — не такая, как в годы великих дел. Новому поколению уже не видать такой борьбы. Что ни говори, приняли готовенькое. Взять хотя бы эти домны.

Рутинная, безотчётная следованность однажды заведённому порядку,— вот серьёзная, страшная опасность, которая ныне стоит перед металлургами. Точный график. Ежечасный выпуск чугуна. И сегодня то же, что вчера. И завтра то же, что сегодня... Замирание творчества, рутинность... Об этом Овсянников говорил во вступительной речи на конференции доменщиков: под знаком преодоления рутины он хотел бы провести всю конференцию. Но откликом участников он пока не удовлетворён. Даже Сергей Емельянович Щуров, передовой, превосходный, казалось бы, директор дал понять, что он не склонен поддержать академика в этом вопросе. Может быть, Овсянникова не поймёт и новая, нынешняя молодёжь.

В белой нижней рубашке, всё ещё крепкий, угловатый, Овсянников подошёл к окну, посмотрел на бескрайний, затянутый вдалеке дымкой завод. Выпуск на первой домне уже кончился. Вон пошли-поехали ковши с жидким чугуном, озаряя красным светом стелющийся над ними паровозный дым.

Сегодня Овсянников исходил завод вдоль и поперёк, устал, и всё же он может ещё часами стоять тут, у этих запыханных, тусклых стёкол ещё не распечатанного по весне окна, — будет смотреть и не насмотрится! Ни одно зрелище никогда не влекло его так, как вид металлургического, работающего полным ходом завода. Без доменных печей, которыми он располагает на своём опытном заводе под Москвой, Овсянников чувствовал бы себя несчастным.

Однако пора надеть тужурку. Овсянникову приятна выцветшая, голубоватая, пропахшая газом парусиновая куртка с неизменным синим стёклышком в нагрудном кармане — куртка, которую он сейчас застёгивает.

В коридоре шаги. Стук в дверь. Рановато. На третьей печи не пускали шлака, значит половины двенадцатого ещё нет. Рановато пришли молодые доменщики.

32. Въедливый старик

Дверь отворилась, и вошёл лишь один человек. Этого любезного, услужливого новодоменца в круглых очках Михаил Михайлович уже знал. Как его?.. Забыл...

— Я к вам, Михаил Михайлович, на минутку. По обязанности, так сказать, гостеприимства. Посмотреть, как устроен гость.

Фёдор Романович Шквариков не сказал «почётный» или «дорогой» гость. Он знал, что Овсянников этого не любит. Вообще, Фёдор Романович постарался более или менее изучить вкусы академика, нередко спрашивал о нём. Ставя вопрос принципиально, Шквариков считал, что опытный завод-институт Овсянникова под Москвой является базой передовой науки, и полагал, что смог бы принести Родине пользу, если бы перешёл туда на должность, ну, хотя бы тоже заместителя директора. Конечно, это было бы весьма приятно и по некоторым другим соображениям. Но Фёдор Романович их отметил. Только интересы государства, интересы науки заботили его.

На нём была такая же выцветшая голубоватая куртка, как и на Овсянникове. Из нагрудного кармашка выглядывал кончик алюминиевой оправы синего стёклышка. На кепке, которую он держал в руке, и на плечах поблёскивали миниатюрные пластинки графита — знак того, что Фёдор Романович только что побывал в доменном цехе. Ещё раз неторопливо оглядев через очки комнату, Фёдор Романович спросил:

— Удобно ли вам здесь, Михаил Михайлович?

— Благодарю. Вполне. Присаживайтесь.— Глядя на млажовое лицо пришедшего, на его довольно стройную фигуру, Овсянников продолжает: — А я, признаться, подумал, что вы пришли как представитель молодёжи.

— Не откажусь быть молодым. Никогда не откажусь... А вы, Михаил Михайлович, разве ждёте молодёжь? — настораживается Шквариков.

— Да. Сейчас должны пожаловать комсомольцы. Обещал с ними поговорить.

Михаилу Михайловичу почему-то кажется, что этот любезный, этот — как его? Нет, чёрт возьми, не вспомнишь! — новодоменский деятель выразит сожаление, скажет, что надо-де охранять свой покой. Однако Шквариков говорит совсем иное:

— Комсомолу, Михаил Михайлович, надо уделить внимание. От молодёжи мы вас ограждать не будем. Таковы наши правила.

Попросив у визитёра разрешения прилечь («ноют ноги, сегодня переходил, увлёкся на заводе»), Овсянников произносит:

— Порасскажу им о Курако...

Фёдор Романович почтительно кивает. Он знает, что воспоминания о Курако — излюбленная тема Овсянникова. В среде металлургов известно: если хотите «завести» Овсянникова, наведите разговор на Курако. Но ещё говорят, что Овсянников не любит, когда к нему подлаживаются, ценит людей принципиальных. А Фёдор Романович именно таков. Он мягко высказывает своё мнение:

— О Курако будут слушать с удовольствием, особенно воспоминания его ближайшего ученика. Но не кажется ли вам, Михаил Михайлович, что ваше выступление должно быть обращено не в прошлое, а в будущее?

— Нельзя ли проще?

— А это очень просто. Не считите за навязчивость, но я берусь предложить вам тему: «Будущее металлургии». Это бы вдохновило, воодушевило молодёжь.

Шквариков ждёт ответа, скромно склонив голову. Из-под кустистых, ещё не совсем седых бровей Овсянников бросает на него быстрый взгляд. Неглупый человек. Уже несколько раз вносил дельные предложения. И, кажется, прямой. Не подхалим.

— Простите,— говорит Овсянников,— я запомнил ваше имя-отчество.

— Это неважно,— розовея, отвечает Шквариков.— Шквариков... Фёдор Романович Шквариков... И было бы очень хорошо, Михаил Михайлович, если бы вы связали своё выступление с перспективами нашего завода. Дали бы примеры из его практики. Материал мы вам, Михаил Михайлович, подберём. Если надо, и я могу помочь. Знаю, люблю заводскую жизнь... И сейчас только что с завода. Выкроил два часика, прошёлся, посмотрел, как идёт работа у наших аспирантов.— Шквариков собирается с духом и пускает пробный шар: — Моя мечта — работать на заводе. На таком, где наука соединена с практикой.

Овсянников ничего не отвечает. Ход Шкварикова ему понятен. Молодой человек предлагает ему свои услуги. Гм... Может быть, и впрямь пригласить его. Надо ещё приглядеться, подумать. Не дождавшись реплики академика, Фёдор Романович продолжает:

— Хотелось бы, Михаил Михайлович, чтобы вы коснулись и проблем, над которыми работает наш институт.

— Каких же?

— Ну, прежде всего проблемы кислорода. Хотя, Михаил Михайлович, я тут, может быть, привношу личные склонности. Ведь кислородное дутьё — это мой, так сказать, конёк.

Зная, что академик ведёт опыты по кислородному дутью, много пишет об этом, Шквариков застенчиво признаётся в своих слабостях.

Браво! Шквариков уловил, что острые глаза академика взглянули на него с новым выражением. С интересом!

— К сожалению, — продолжает он, — практическое внедрение кислорода на заводе задержалось. Сергей Емельянович считает это преждевременным. А комсомольцы рвутся. Я мечтал этим заняться.

Не слишком ли много он говорит о кислороде? Его намёк, думается, совершенно ясен. Овсянников должен его понять. Не переборщить бы... Дозировка, правильная дозировка — великая вещь. Действительно, во взгляде Овсянникова мелькает ирония. Напористый молодой человек... Что же, пожалуй, именно напористый ему и нужен.

— Так... О кислороде, конечно, я скажу.

Привстав, Овсянников тянется к пиджаку, висящему поблизости на спинке стула, вынимает из нагрудного кармашка авторучку. Золотым пером он заносит в блокнот некоторые пункты предстоящего выступления. Записывая, он обращается к Шкварикову:

— А какие особенно интересные исследования ведёт ваш институт?

У Шкварикова мелькает мысль: надо бы прощупать, не изменил ли академик своего отношения к печи Сырейщикова. Прощупать и соответственно этому определить свою принципиальную линию.

— Исследований много, — неопределённо отвечает он. — Например, вы ведь, Михаил Михайлович, слышали о Сырейщикове.

— Ну... — бурчит Овсянников.

— Фантастическая вещь...

Судя по недовольному бурчанию старого доменщика, можно выразиться именно так. Но хорошо бы заставить старика высказаться пояснее. Однако Овсянников сам спрашивает Шкварикова.

— Вы считаете это дело фантастическим?

— Как сказать... Ведь железо можно выделит и из земляники.

Овсянников улыбается. Ему возвращена его собственная фраза. Гм... Этот доцент не глуп. А Шквариков с подчёркнутым интересом рассматривает комнату, узор на зелёных обоях. Больше он ничего не скажет. Пусть выложит своё мнение академик. Но Овсянников неожиданно спрашивает:

— А вы, Фёдор Романович, над какой темой работаете?

Бледные щёки Шкварикова снова розовеют. Кажется, клянуло!

— Моя тема — кислородное дутьё!

Как назло, в эту самую минуту стучат. Шквариков досадливо выглядывает на дверь. Эх, перебили такой удачный разговор! Но тут же он одёргивает себя: нельзя поддаваться мелким чувствам. Это, наверное, комсомольцы. А Шквариков, как всем известно, свой человек у молодёжи.

Он приветствует своих молодых друзей — Лунькова, Полухина, Гапоненко и других; представляет академику каждого члена делегации. Луньков мрачно косится на Фёдора Романовича: «Ловок! И сюда уже прогрыз ход». Поднявшийся с дивана Овсянников коротко кивает молодому новодоменцам. Евгений невольно отмечает, что его фамилия ничего не сказала академику. Ну, ясное дело...Старик, наверное, давно позабыл, что существовал такой Луньков, автор некоего дипломного проекта.

— А мы с Михаилом Михайловичем,— восклицает Шквариков,— как раз только что говорили о его выступлении перед молодёжью. И я даже осмелился предложить тему.

— Какую же? — не удерживается Луньков.

— Металлургия будущего... Как вы находите, товарищи?

Комсомольцы переглядываются. Тема, конечно, неплохая. Костя Полухин откашливается.

— Михаил Михайлович, разрешите мне к вам обратиться.

К ужасу Лунькова, Полухин вытаскивает из бокового кармана сложенные листы бумаги, развёртывает, расправляет их. А ведь пять минут назад внизу, в вестибюле, он клялся, что не будет читать никакой речи, а скажет, что называется, «своими словами» о пожеланиях коллектива комсомольской домны. Однако Полухин, бросив независимый взгляд на Лунькова, принимается читать. Потекли длинные, тяжеловесные фразы, составленные из учёных слов. Луньков ждал, что Овсянников вот-вот прервёт чтеца-оратора, но академик, привалившись к спинке дивана, повернул ухо к Полухину и, казалось, со вниманием слушал.

А Полухин меж тем провозглашал:

— Академия наук СССР обязана решительно вмешаться в проблемы технического прогресса в чёрной металлургии. Движимые патриотическим чувством, многие новаторы производства творчески работают над совершенствованием техники, вносят много предложений, требующих экспериментальной проверки. К таким предложениям относятся...

Войдя во вкус, Полухин громко перечисляет предложения. Овсянников попрежнему не прерывает.

— Однако,— не отрывая глаз от бумаги, продолжает Полухин,— предложив то или иное решение, новаторы не могут проверить его эффективности, ибо это большей частью требует определённых затрат, а средств на такие опыты часто не отпускают. Кроме того, экспериментальные работы на действующих агрегатах почти всегда связаны с теми или иными временными потерями производства, чего новаторам делать не позволяют.

— Погоди! — Овсянников поворачивает лицо к Полухину.— Как? Как?

Не оробев, Костя прочитывает вновь:

— Экспериментальные работы почти всегда связаны с теми или иными временными потерями производства, чего новаторам делать не позволяют.

— Крепко! — говорит Овсянников.

Бесцветное лицо Фёдора Романовича ничего не выражает. Он ещё не продумал краеугольных моментов, не определил своей принципиальной линии.

— Крепко ставите вопрос! — с удовольствием повторяет академик.— Но ведь потери производства повлекут за собой и потери заработка!

— А нам интереснее вести эксперименты! — отвечает Полухин. — Ибо... — он опять берёт бумагу, — этого требует технический прогресс. Да и сами потери в конечном счёте окупятся с лихвой.

— Много ещё у тебя там? — вмешивается Луньков.

— Читай, читай, — одобрительно бурчит академик.

Наконец декларация Полухина прочитана. Своими словами он добавляет:

— Нам Сергей Емельянович много обещал, вместе с нами и макет планировал, а денег не отпускает. И товарищ Шквариков тоже хлопотал... А после — где он? Его нет. Так и работаем без внедрения новаторских идей...

— Да, — спешит согласиться Шквариков. Упрёк по его адресу застал Фёдора Романовича врасплох. — Да, отсутствие средств нам не позволяет...

— Дай-ка сюда... — Академик забирает у Полухина листы. — Слушайте, товарищ Шквариков, а что если нам выпустить его с этой речушкой на трибуну совещания? Пусть достопочтенные товарищи послушают, чего хотят молодые доменщики.

Шквариков оживляется. Конечно, мысль Михаила Михайловича является принципиально верной, но...

— Я думаю, Михаил Михайлович, что это надо преподнести не как речь, а как обращение. Обращение комсомольцев к конференции.

— Ну не всё ли равно, речь или обращение...

— Нет, Михаил Михайлович, не всё равно. На обращение мы должны будем ответить. Принять официальный ответ. И дело будет двинуто.

— Правильно! — вылетает у Лунькова.

Он никак не ожидал, что будет одобрять, поддерживать Шкварикова, да ещё так горячо. А вот пришлось. Действительно, Шквариков здорово придумал. Евгению даже неловко, что столько раз отпуская по адресу Фёдора Романовича неместные словечки. А оказывается, он... Впрочем, Женя не может найти определения. И уже не первый раз Шквариков ставит его в тупик. Вот существо! Всегда неожиданный ход!

Предложением Фёдора Романовича доволен и Овсянников.

— Может быть, вы, товарищ Шквариков... Простите, запамятовал ваше имя-отчество...

Ого! Академик уже вторично сегодня спрашивает о его имени-отчестве!

— Фёдор Романович, — скромно отвечает Шквариков.

— Может, вы, Фёдор Романович, набросаете вместе с комсомольцами проект ответа? Кстати, вы ведь, кажется, и член комиссии? А?

Разговор продолжается ещё несколько минут. Сообща намечается программа встречи Овсянникова с молодыми металлургами. Затем комсомольцы встают. Вместе с ними поднимается и Фёдор Романович. Вопреки его надеждам, Овсянников не просит его задержаться. Можно ли рассчитывать на старика? Кто знает? Вроде и клюнул, заинтересовался, но до чего-либо реального ещё далеко. Ишь, как милостиво прощается с этим Полухиным. А Шкварикову просто пожал руку и ничего не сказал. Вернётся в Москву и не вспомнит.

Фёдор Романович чувствует на себе изучающий, пыливый взгляд Лунькова. Это несколько нервирует Шкварикова. Не надо забывать, что его судьба пока ещё связана с Ново-Доменском, с влиятельными обитателями города. Москва — это мечта, неопределённость.

Фёдор Романович быстро решается:

— Михаил Михайлович...

— А? Что у вас ещё?

— Михаил Михайлович, я хочу воспользоваться этой нашей встречей, чтобы вас просить... Мы, новодоменцы, всё-таки рассчитываем, что вы поддержите... Вот уже два года...

— Ну... В чём дело?

— Уже два года бьются наши электродоменщики... Отсутствие средств обрекает их почти на полное бездействие.

Овсянников бросает косой взгляд на Фёдора Романовича. Что-то он крутит, этот исследователь проблемы кислородного дутья. Ведь всего четверть часа назад он весьма скептически отозвался о печи Сырейщикова. Академик обводит острыми глазами молодёжь.

— Нет ли электродоменщиков среди присутствующих?

Вперёд выступает светловолосый паренёк, который несколько раз уже подавал голос. Он густо краснеет, хрипло выговаривает:

— Я Луньков. Помните, дипломный проект о печи Сырейщикова. Посылали вам в Москву... Помните, со Щуровым по телефону...

— А, студент Луньков... То есть, простите, инженер...

— Теперь он у нас секретарь горкома комсомола, — подсказывает академику горновой комсомольской домны.

— А-а-а... — Овсянников смотрит с любопытством. Но не на Лунькова, а на Шкварикова. — Хорошо. Понятно. До свидания, товарищи.

Шквариков редко давал маху. Но он не сморгнул, поняв, что «промазал». И даже нашёл утешение в мысли: «Въедливый старик. У такого не сладко работать».

Достоин попросившись с академиком, он неторопливо вместе со всеми вышел из номера. Луньков, несколько огорошенный тем, что «суслик» так благородно заступился за электродоменщиков, не смог уклониться, когда Шквариков взял его дружески под локоть.

Пройдя так под руку со Шквариковым до первой лестничной площадки, Луньков останавливается.

— Простите, Фёдор Романович. Я ещё не уйду.

Шквариков настраивает уши.

— А что у вас?

— Дело. Одно личное дело.

Минуту спустя Михаил Михайлович Овсянников опять слышит стук в дверь.

— Войдите.

Дверь открывается. Перед академиком — Луньков.

— Михаил Михайлович, я должен был к вам вернуться. Уже не как представитель молодёжи, а просто как инженер Луньков. Как ученик Сырейщикова. Михаил Михайлович, у меня просьба: примите его.

— Сырейщикова?

— Да.

— Но я уже...

— Михаил Михайлович, вы же ни разу с ним не говорили. Вы не можете отказать нам в разговоре.

— Не могу? — сурово переспрашивает старик. И, подумав, усмехается: — Пожалуй, и вправду не могу. — Он достаёт маленькую записную книжку, проглядывает её. — Ладно... Завтра у меня в шесть часов вечера заседание президиума. Здесь же, в гостинице, внизу... Так вот... в половине шестого пусть товарищ Сырейщиков пожалует ко мне.

Сделав пометку в книжке, он бросает на Лунькова острый взгляд из-под бровей:

— Прикажете ожидать и вас?

— Да... Если вы, Михаил Михайлович, не возражаете.

— И на этот раз не могу возражать.

33. «Скажите своё слово»

На следующий день за две-три минуты до назначенного срока Сырейщиков и Луньков подошли по коридору гостиницы к двери шестьдесят второго номера.

Завьялов остался ждать в вестибюле, внизу, пока они вернутся. Сырейщиков звал его с собой, но тот отказался. Нет, академик его не приглашал. Ещё, чего доброго, рассердится. Лучше ничем старика не раздражать...

Он передал Валерию Николаевичу толстую, так называемую справочную папку, над которой работал полгода, готовя её как материал к докладу Сырейщикова на конференции доменщиков. В этой папке были собраны чертежи, расчёты, диаграммы, характеристики плавков, анализы металла и шлаков, фотографии, то есть в систематизированном виде представлен найденный Сырейщиковым новый способ плавки чугуна. На конференции доменщиков Сырейщикову не предоставили трибуны; папка там не пригодилась; теперь Луньков, идущий рядом со своим учителем, несёт её к Овсянникову. В другой руке он держит изрядно раздавшийся, тяжёлый портфель, в котором вместе с пояснительной запиской к его дипломному проекту — Сырейщиков велел захватить и это — находятся образцы чугуна, выплавленного уже не в чужой лаборатории, а в самодельной, грубо сделанной печи, той самой, которую остряки института окрестили «уткой», а сырейщиковцы ласково называют «гадким утёнком».

Не дойдя нескольких шагов до нужной двери, Сырейщиков приостанавливается, порывисто поворачивается к молодому спутнику. Автор электродомны нового типа побрился, причёсался перед этим визитом — быть может, самым важным в его жизни, таким, который, возможно, решит его судьбу, — надел лучший костюм, правда, несмотря на звание лучшего, порядком изношенный, плохо разглаженный, с оттопыривающимися мешками на коленях. Две глубокие борозды вокруг рта резко выделяются на побледневшем лице. Сырейщиков протягивает руку к папке.

— Дай, Женя, сюда... И портфель давай.

— Валерий Николаевич, зачем? Я сам...

— Ничего, ничего... Давай...

Не противореча, Луньков исполняет желание Сырейщикова. Потом, ласково тронув его горячую тёмную руку, тихо говорит:

— Валерий Николаевич, вы не волнуйтесь...

Тот не отвечает. Неловко подхватив подмышку папку и тяжёлый истрёпанный портфель, он шагает к двери и громко, нервно стучит.

— Войдите...

Овсянников стоит вполоборота у окна. Вечернее солнце пробивается сквозь вечно запylённые стёкла. На этом лучистом фоне нельзя различить никаких красок, никаких подробностей лица; вырисован лишь силуэт знаменитого академика-доменщика: угловатый лысый череп, посекающиеся жёсткие усы, всё ещё могучая, несмотря на возраст, шея. За окном видна домна номер первый, та самая, выстроенная по чертежам Курако, историческая домна, которую Овсянников задул и повёл в жесточайшие морозы двадцать лет назад. Сейчас Луньков с особенной остротой ощущает, что перед ними, вошедшими в эту комнату, стоит не просто непокладистый старик, подвластный разным слабостям, не понявший, не признавший замыслов Сырейщикова, а большой человек, много державший в своей жизни, славными делами вписавший своё имя в историю Советской страны, заслуживший место в ряду всемирно известных металлургов.

Сырейщиков не раздумывает о своих ощущениях, он сосредоточен только на одном — на предстоящем разговоре.

Овсянников шагнул от окна. Сразу лицо приобрело краски, выражение; выступили насуспенные, кустистые брови, поджатые по-бабы губы.

Этакий склад губ, порой появляющийся у академика, не сулит пришедшим ничего доброго. Овсянников внутренне готов к тому, что придётся выдержать неприятный, трудный разговор, и не собирается менять однужды высказанного мнения. Он уже оделся к заседанию, которое начнётся через полчаса, — на сером пиджаке поблёскивают две медали лауреата и звёздочка Героя Социалистического Труда.

— Садитесь, — бурчит он.

Сырейщиков и Луньков садятся.

— Разрешите докладывать, — произносит Сырейщиков. Пренебрегая какими-либо условностями, он идёт к цели напрямик.

— У вас, наверное, всё есть на бумаге?

— Да, Михаил Михайлович...

— Дайте-ка, я посмотрю.

Сырейщиков кладёт на стол объёмистую папку — плод кропотливых трудов Завьялова. Затем извлекает из портфеля половину чушки, поблёскивающую серебристым изломом, и водружает её рядом с папкой. Овсянников бросает косой взгляд на металл, но не берёт его в руки. Далее Сырейщиков вынимает и пояснительную записку к дипломному проекту Лунькова, тоже помещает её на столе, предлагая вниманию академика. На заглавном листе чётко выведено: «В память великого доменщика-революционера Михаила Константиновича Курако».

— Работа этого юноши, — кратко поясняет Сырейщиков.

Всё ещё стоя, Овсянников прочитывает уже знакомое ему посвящение, усмехается, бросает взгляд на Лунькова. Сколько лет этому инженеру-комсомольцу? Наверное, не больше двадцати двух — двадцати трёх. Когда-то таким же двадцатитрёхлетним он, Овсянников, только что выпущенный из института, пришёл на Юзовский завод к Курако, положил ему на стол тетрадку своих чертежей, своих первых конструкторских попыток, и вот так же сидел, ожидал, что скажет прославленный доменщик.

Нет, пояснительную записку Лунькова Овсянников не будет вновь смотреть... Он с ней уже ознакомился, ясно помнит своё впечатление; память, слава богу, пока что не подводит его. Он убеждён, что затея Сырейщикова непрактична. Мало ли появилось за последние полвека разных изобретателей, отрицавших самый доменный процесс, предлагавших всякие новые способы получения чёрного металла, а домны — вот они, живут, и здравствуют, и торжествуют; домны, которым была отдана вся жизнь Курако, да и его, Овсянникова, жизнь. Погодите-ка, товарищи, их ниспровергать.

Конечно, Овсянников проглядит все материалы. Выслушает Сырейщикова.

Не глядя на своих посетителей, академик садится к столу, придвигает к себе папку, перелистывает её, просматривает. На некоторых страницах он задерживается, уясняет себе технологические схемы, чертежи, схватывает сопровождающий текст. Да, Сырейщикову удалось кое-чего достигнуть: доказано, что существует новый, не известный ранее способ выплавки чугуна, способ, не требующий применения кокса. Однако мало ли что удаётся доказать в лаборатории?! Например, давно открыты разные методы прямого восстановления железа из руды, однако для промышленного использования эти методы остались непригодными — дорогими, непрактичными. Доменный процесс проще, удобнее, дешевле.

Овсянникову казалось, что он объективно, честно взвешивает возможность применения идей Сырейщикова. Академик и впрямь был славен тем, что всегда руководствовался лишь интересами истины, дела. Сам он ни на миг не сомневался в этом. Однако в действительности, в данном случае, его принципиальности, его воображению были положены границы.

Домны, доменное дело — это была вся его судьба, вся биография. Эти огромные печи — его подвиг, он мог бы пойти на смерть, лишь бы их построить. Теперь воображение отказывалось служить Овсянникову, когда он пытался наглядно, картинно представить, что в одну из ближайших пятилеток домны будут, нет, не снесены — каждого, кто решился бы это сказать, Овсянников счёл бы сумасшедшим, — а хотя бы оттеснены какими-то новыми печами. Конечно, когда-нибудь такая вещь всё же случится, но пока что рано, рано, товарищи, задумываться над этим!

— Скачок! — всё ещё не поднимая головы от папки, неодобрительно определяет академик.

— Куда? Куда скачок? Вот в чём вопрос, — живо откликается Сырейщиков.

Как ни удивительно, но в этот миг он почувствовал, что его перестала трепать лихорадка волнения, ощутил спокойствие. Впрочем, нет, это было не спокойствие. — сейчас Сырейщиков не мог быть спокойным, — а полная собранность всех духовных сил, собранность, придающая человеку необычайную лёгкость, как бы крылатость. И в ту же минуту он, худой, плохо одетый, много раз осмеянный, избитый жизнью, давно зачисленный в разряд маньяков, жалких неудачников, пришедший сюда, к знаменитому вожаку металлургов, просить о поддержке, ясно почувствовал своё превосходство над Овсянниковым. Да, скачок! Конечно, скачок! И напрасно товарищ Овсянников не одобряет скачков.

Луньков с удивлением видит улыбку на лице Сырейщикова. Странно, как он может сейчас улыбаться?

— Несвоевременный скачок, — поправляет своё определение Овсянников. — Это дело потребует лет через двадцать пять...

Луньков вмешивается:

— Михаил Михайлович, а раньше вы говорили, что на обозримом отрезке времени...

— Женья! — мягко останавливает своего нетерпеливого ученика Сырейщиков.

Луньков умолкает. Конечно, не надо вылезать, раздражать старика неуместными напоминаниями. Но всё-таки ясно: Овсянников сдвинулся с прежней позиции. Насчёт обозримого отрезка уже не говорит. Ещё бы! За это время кое-что произошло. Одни великие стройки, будущие гидроэлектростанции чего стоят!

— Михаил Михайлович, — всё так же мягко говорит Сырейщиков, — вы сказали двадцать пять лет... А разве будет плохо, если за эти годы, то есть загодя, заблаговременно, мы всё подготовим, испытаем, выясним? А когда потребуется — вот оно, изучено, разработано, готово... А, Михаил Михайлович?

Овсянников опять перекидывает листы, на некоторых останавливает взгляд. Нет, делайте с ним, что хотите, но он не верит, не может принудить себя поверить в эту печь. Несерьёзная затея... Одно из множества изобретений, о которых потом не остаётся и помину.

— Пока это не нужно, — произносит он. — Сейчас надо заниматься кислородом... Внедрять кислородное дутьё...

Сырейщиков снова улыбается. Впоследствии он и сам не понимал, как, почему могло случиться, что в эту критическую, решительную для него минуту он был в состоянии улыбаться. Больше того, совершенно не думая о том, каковы будут последствия, он невольно шутит:

— Ну, Михаил Михайлович, кислород — последнее средство... За ним бегут, когда уже ничто не помогает.

Сырейщиков отлично понимал значение опытов по вдуванию кислорода в домны, знал, что институт Овсянникова специально работает над этим, и всё-таки не удержался, сострил.

Овсянников отстраняет папку, резко поднимает голову.

— Вы, кажется, преподаёте в здешнем институте металлургию чугуна?

— Да, Михаил Михайлович.

— То есть, преподаёте доменное дело?

— Да.

— И при этом держитесь мнения, что домы отжили свой век? Что они находятся при последнем издыхании? Что кислород — последнее средство ещё продлить их жизнь?

Сырейщиков молчит. Он уже понял, что неосторожным словом раздражил сурового доменщика. Эх, всё испортил...

А Овсянников продолжает:

— И вы это преподносите студентам в своих лекциях?

Луньков опять вставляет слово:

— Михаил Михайлович, это же всего лишь шутка.

— Разве вы пришли ко мне шутить?

Два больших красных пятна горят на впалых щеках Сырейщикова.

— Вы же знаете, Михаил Михайлович... — Сырейщиков произносит это тихо, глуховато, но почему-то кажется, что он говорит в полный голос. — Вы же знаете: я пришёл к вам для того, чтобы вы решили мою участь.

— Ну, над вашей участью я, товарищ Сырейщиков, не властев.

Эти слова выговорены жёстко. Овсянников сидит, глядя из-под бровей куда-то в угол, угрюмо поджав губы. Разговор для него закончен. Он не может поддержать Сырейщикова.

Тот поднимается со стула. Убеждённость в своей правоте, преданность собственному детищу, какую ведают лишь творцы и матери, отчаяние — всё это вместе преобразует его, раскрывает в нём силу красноречия, которой он и не знал за собой.

— Нет, властны! — заявляет он. — Куда бы я ни обратился, о чём бы я ни попросил, мне всюду отказывают, ссылаясь на вас... Академик Овсянников дал отрицательный отзыв, академик Овсянников не одобряет. Нам не дают оборудования, приборов, денег. Мы доискиваемся: почему? И натываемся лишь на один ответ: потому что Овсянников считает наше дело ерундой.

— И что же? Разве у меня нет права иметь своё личное мнение?

— Нет, это уже не личное мнение. Это государственное мнение... Такова, товарищ Овсянников, суть дела. Хорошо, я согласен пострадать, согласен претерпеть все напасти. Я выступил с идеей. Это моя вина и моя честь. Я не отступлюсь. Но ведь я же тяну за собой и молодёжь. Уже шесть студентов защищали дипломы на тему об электроплавке чугуна. Они разрабатывают эти проекты, а потом их жизнь как инженеров испорчена, смята... Вот вам Луньков...

Евгений пытается возразить: он вовсе не считает свою жизнь испорченной, но Валерий Николаевич лишь отмахивается, сейчас никто не смог бы его остановить. Он продолжает свою речь, своё страстное обращение к Овсянникову, и Луньков вдруг поражается, как красиво — да, да, именно красиво — говорит Сырейщиков.

— Вот вам Луньков... Он тоже не работает по специальности... Раз или два раза в неделю прибегает вечером в лабораторию. А другие? Какова судьба других? В доменные цехи их не берут, они уходят в малую металлургию. Но и там они белые вороны. Скажите своё слово, Михаил Михайлович! Скажите прямо, чтобы я бросил заниматься этим. И я брошу... То есть нет, я сам не брошу, я уже не могу бросить. Но клянусь вам, Михаил Михайлович, я буду заниматься один, как кустарь-одиночка. Ни одного студента я за собой не поведу, никому не сломаю жизнь. Скажите: вы требуете, чтобы я бросил всё это?

Порывистым жестом он указывает на раскрытую папку, лежащую перед Овсянниковым. Академик не отвечает, его губы попрежнему сжаты.

Неизвестно, сколько бы времени ещё продолжалось молчание, если бы оно не было нарушено энергичным стуком из коридора. Хотя никто из находящихся в номере не ответил, дверь растворилась, и на пороге появилась Римма Борисовна, неизменный секретарь Щурова.

— Михаил Михайлович! — Взволнованная порученной миссией, Римма Борисовна говорит протяжно, несколько в нос: — Ради бога простите... Вас ожидают...

Белая шёлковая блузка, пылающее лицо показывают, какое радостное событие для этой женщины съезд именитых гостей в Ново-Доменске.

— Будьте добры, Михаил Михайлович... Все члены президиума собрались внизу, в гостиной. Без вас не начинают.

Овсянников на секунду оборачивается к Сырейщикову. Взгляд секретаря скользит туда же, в нём теперь можно прочесть холодок: вот кто, оказывается, задерживал академика!

— Пожалуйста, Михаил Михайлович, — уже требует посланница президиума.

Не говоря ни слова, даже не кивнув на прощание посетителям (Овсянников никогда не умел придерживаться внешних знаков вежливости), академик молча идёт к двери. Сырейщиков пытается его задержать:

— Михаил Михайлович! Вы же ничего мне не сказали. Ответьте же: да или нет? Заниматься мне этим или бросить? Михаил Михайлович, вы должны ответить.

Будто не слыша, ни на кого не глядя, Овсянников тяжёлым мерным шагом выходит из комнаты. Римма Борисовна спешит за ним и, обогнав его, деловыми шажками первая идёт по коридору.

Затем из номера выбегает Сырейщиков, бросив там, на столе академика, бумаги и обломок металла, зачем-то схватив лишь пустой портфель. За ним, отставая на шаг, — Луньков.

Вот они идут: седоусый насупленный Овсянников, глядящий прямо перед собой из-под шетинистых бровей; длинный, измождённый Сырейщиков, с пятнами нервного румянца, то и дело нелепо, без слов, взмахивающий руками, — в одной руке стиснут истрёпанный пустой портфель; позади — Луньков. Идут и молчат. Спустились по лестнице в первый этаж. Миновали вестибюль. Зашагали опять по широкому светлому коридору, ведущему в гостиную, всецело в эти дни предоставленную для нужд конференции доменщиков. Вот там, за этими поблёскивающими лаком дверьми, куда уже юркнула Римма Борисовна, собрались члены президиума. Ещё несколько шагов — и Овсянников возьмётся за ручку двери, скроется за ней. В этот миг, почти не сознавая, что он делает, Сырейщиков ускоряет шаг, вырывается вперёд и, встав в дверях, оборачивается лицом к Овсянникову, заслоняет собой вход. Овсянников принуждён остановиться.

— Михаил Михайлович! — Сырейщикову изменяет голос, он говорит глухо: — Вы должны ответить! Скажите же ваше слово! Скажите, бросить мне всё это?

Луньков видит: кто-то изнутри растворяет дверь. В коридор с любопытством обращаются взгляды почтенных доменщиков, членов президиума совещания. Некоторые поднимаются с мест, подходят поближе, чтобы послушать.

Вот встаёт с недовольным лицом Щуров; вот поднимается на цыпочки, не протискиваясь вперёд, скромный, но вездесущий член редакционной комиссии Шквариков...

У Лунькова сжимается сердце. Какое унижение приходится сейчас выносить Сырейщикову, на какое посмешище он себя выставил! Но,

конечно, конечно же, Овсянников обязан ответить! И тотчас, рванувшись вперёд, Евгений становится в дверях рядом со своим учителем.

Овсянников бросает острый хмурый взгляд на искажённые волнением черты Сырейщикова, на решительное, мужественное, посуровевшее в этот момент лицо Лунькова.

— Михаил Михайлович! — звонко, в упор спрашивает Луньков. — А Курако как ответил бы?

— Курако?

Овсянникову снова вспоминается, как почти сорок лет назад он — тогда такой же молодой, как вот этот Луньков, — протянул Курако тетрадку своих первых, ещё очень неуверенных конструкторских набросков. И Курако сумел найти слово, после которого Овсянников поверил в себя.

— Скажите же, — с прежним напором требует Сырейщиков, — продолжать мне или бросить?

Губы Овсянникова, всё время поджатые, вдруг распускаются...

— Раз начали, — выговаривает он, — то... то продолжайте...

Глубоко вздохнув, Сырейщиков отодвигается, его шатнуло в сторону, как будто, добившись победы, он вдруг лишился сил. Луньков поддерживает его под локоть, усаживает на стул. Овсянников проходит в раскрытую дверь. Тотчас мелькает белая шёлковая блузка, женская рука спешит захлопнуть вход в гостиную.

...Четверть часа спустя в комнату, где идёт заседание, входит Луньков. Он идёт к Овсянникову, кладёт перед ним отпечатанное на машинке краткое письмо, адресованное дирекции металлургического института (копия Сырейщикову), о необходимости оказать поддержку опытам Сырейщикова, которые надо продолжать.

Овсянников прочитывает бумагу, лицо его темнеет.

— Вам недостаточно моего слова?

— Мы вам верим. Это не для нас, — спокойно отвечает Евгений.

Овсянников молча подписывает бумагу. Луньков даёт ему на подпись копию.

— А это зачем? — бурчит Овсянников.

— Это мы будем хранить...

— Деловой народ! — не то одобрительно, не то ворчливо говорит академик.

И подписывает.

34. Аптекарьша

— Не вертись, — командует Шура.

Она набирает на ладонь скипидарной мази и, склонившись над ритиной кроватью, продолжает растирание. Рита покорно терпит, лишь иногда вздрагивает. Нежная, светлая кожа на груди, на боках краснеет под напором сильных смуглых рук.

— Хватит, Шурка, перестань.

Ну нет! Уж если доктор, величающий Шуру коллегой, посоветовал испробовать и это средство, чтобы унять ритин кашель, Шура так просто не отступится!

— Теперь лицом вниз!

Если бы не кудряшки, прикрывающие тонкую шею, сзади Риту можно было бы принять за мальчишку-подростка: торчат лопатки, плечи не так округлы, как прежде.

— Будешь каждый день варить себе молочную кашу! — безапелляционно решает Шура.

Укутанная, напоенная чаем, Рита лежит, разнежившись, полузакрыв глаза. Скоро две недели, как она не выходит, отлёживается. Она уверяет всех, что ей ничуть не скучно. Ведь она ко всему безразлична, ей теперь

всё равно... И всё-таки, когда девчонки — все, кто не занят в вечерней смене, — убежали компанией в кино, стало немного обидно. Две серии в один сеанс. Конечно, обидно! А вот Александра сказала, что не хочет итти, осталась с ней. Если бы не было известно, что Рита давно презрела все нежные чувства, давно разуверилась в них, Шура сейчас пришлось бы выслушать пространное объяснение в любви. Но Рита не даёт себе воли, просто окликает подругу:

— Шурка!

— Что? Спи...

— Прячь иголку. Я сама тебе завтра поштопаю, мне ж весь день делать нечего.

— Спасибо, штопай... Тем более, что это трудотерапия. От нервов.

Обе смеются. Рита спрашивает:

— Ты, видно, всерьёз решила поступать на медицинский?

— Решила.

Шура отвечает сдержанно. Она так и не посоветовалась с Лунковым — и не потому, что у неё не было свободного вечера. Как-то неловко было звонить после такого странного прощания. Говоря по правде, она один раз всё-таки набрала номер секретаря горкома комсомола, да навралась на скрипучий голосок Лизы Кузьминской. Та спросила: «Вам кого?», и Шура струхнула, положила трубку.

— В жизни редко случаются удачи, — вдруг изрекает, вздохнув, Шура.

Тотчас ей приходится пожалеть о сказанном: с ритиной подушки доносятся ещё более тяжкий вздох. Сердясь на себя, Шура переходит на суровый тон:

— Хватит тебе молчать! Скоро год, как молчишь. Комсоргу могла бы сказать. Обязана.

— Знаешь, Шура, — не сразу откликается Рита, — есть дела, в которых комсомол не может помочь.

— А кто же ещё тебе поможет? — Шура садится на край ритиной кровати. — Что, товарищей у тебя мало?

Она смотрит на подругу, как бы предлагая: «Выскажись, легче станет...» И словно подталкивая Риту, быстро закладывает ей за спину вторую подушку, заставляет её приподняться, расположиться полусидя.

— Я, Рита, хорошо помню, как ты в тот день собиралась к нему. Даша отдала тебе свои ландыши, приколола их к твоему платью.

— К красному платью с белым пояском, — медленно выговаривает Рита.

— Все тобою любовались. — Оглядев Риту, Шура добавляет в утешение: — Ты и сейчас, как картинка.

Рите отчётливо запомнились подробности того вечера. Последнего вечера.

Она, как было условлено, направилась к нему на улицу Чернышевского, где он снимал комнатушку, дожидаясь счастливого дня — переселения в новый дом. Рита любила, прибирая Виталию его временную обитель, помечтать вслух о будущей «нашей квартирке»...

...Рита садится повыше, её кудрявая чёрная голова уже не касается подушек. Она и не заметила, когда, в какой именно миг внутри как бы что-то разжалось и полился рассказ.

— После Нового года, — признаётся Рита, — ну, помнишь, когда я осталась, он иногда называл меня жёнущкой... Понимаешь, он откладывал свадьбу на лето, чтобы совместить с новосельем. Ну я, конечно, не надоедала. Не торопила его. Верила.

Переждав, пока кончится приступ кашля, Рита горько усмехается:

— Помнишь полотняную занавеску?

Она не договаривает. Но Шура и тогда ещё догадывалась, для чего неутомимая фасовщица все свободные часы работала иголкой, какие мечты она связывала со своим рукоделием.

— А сколько ты пела тогда! — вспоминает Шура.

Но Рита словно не слышит этих слов. Повернувшись к Шуре, но почти не замечая её, приподнявшись на локте, глубоко ушедшем в подушку, она вспоминает вслух. Вспоминает тот вечер.

...Открыв знакомую калитку, она увидела присевшую у грядок, где уже зеленели свежие стрелки лука, Елену Филипповну.

— Маргарита Сергеевна! — приветствовала Риту хозяйка.

Она всегда была очень любезна. Виталий советовал иногда баловать владелицу домика (их домика!), и Рита выкраивала для этого кое-что из своей зарплаты. Подарила старушке грелку, двенадцать метров марли куском, доставала любое дефицитное лекарство для её неисчислимых недугов. «А то ещё старая ведьма взбунтуется, перестанет тебя пускать, — однажды с хохотом пояснил Виталий. — И будем вести себя, как дошкольники...» Виталий и сам был милостив к Елене Филипповне. И на этот раз из-под затасканного пиджака, оставшегося ей ещё от покойного мужа, выглядывала шёлковая голубая майка; на толстых старушечьих ногах с раздувшимися венами были отличные кожаные спортивные тапки. Не всякий спортсмен Ново-Доменска был так завидно обеспечен.

— Вас, деточка, надо поздравить. — Хозяйка подняла голову, подпёртую тремя подбородками. — Ордерок уже выписан. Самолично замести- тель директора вручил.

Рита невольно взялась за черенок воткнутой в землю лопаты. Вот так новость! Ордер на комнату! Опомнившись, она побежала в дом.

Виталий был очень занят. Еле обернувшись, он просит Риту подождать. Надо закончить сводку, потом заполнить чуть ли не сотню граф месячной отчётности. Он даже не заикнулся про ордер. Рита послушно садится на диван, отсюда можно видеть его широкую спину, загорелый крепкий затылок.

Понимает ли он, как она его любит?!

В окно она видит кусты цветущей сирени. Немного сжимается сердце. Оказывается, ей даже грустно прощаться с этими чистенькими, побелёнными стенами, на которых висят её любимые фотографии. С каждой она бережно стирала пыль. И с той, где он снят в байдарке, и где он на стадионе в полосатой майке, и с этой огромной, где он такой представительный, интересный, со всеми своими значками. Фотографии-то они заберут с собой, а милая комнатка — прощай! Прощай и хозяйский диванчик с вытертой обивкой...

«Ох, Виталий, — безмолвно качает головой Рита, заметив беспорядок в углу, — сам же учишь, что надо ценить хорошие вещи!»

Она вскакивает, аккуратно развешивает его новый шевиотовый костюм, брошенный, наверное на радостях, как попало. Интересно, большую ли они получают комнату? Сколько народу можно будет пригласить на новоселье? Как хотелось бы сшить себе длинное белое платье. Вот был бы сюрприз Виталию! Надо бы прикопить заранее, но она, дурёха, прельщалась то дорогими чулками, то редкими духами. Виталий часто повторял, что женщина должна понимать красоту. И Рита старалась быть красивой. Вначале Виталий сам дарил ей духи и чулки, но с Нового года ему пришлось остепениться, тратить поменьше. Он стал класть деньги на книжку. Конечно, Рита это одобряла: он был обязан подумать об их будущем устройстве. Правильный муж!

— Темно уже, хватит тебе писать, — не выдерживает Рита. — Я не могу так долго радоваться одна.

Её весёлый смех обрывается, когда он поворачивает к ней спокойное, как бы застывшее лицо. Прижав бумаги тяжёлой чугунной пепельницей, он медленно закуривает. Обгоревшая спичка брошена в окно. Огонёк папиросы, разгораясь при затяжках, озаряет крупные сочные губы, тяжёловатый подбородок.

Рита любила, когда Виталий курил. Обычно, после того как уже давно была погашена лампа, он тянулся за папиросой, и вскоре крошечное пламя вырывало из темноты край подушки, дорогое Рите лицо. Виталий шутил, рассказывал интересные истории. Правда, не все из этих историй Рита решалась потом передать подругам, но она считала, что мужчине так и следует себя вести. Когда он затягивался и огонёк разгорался, ритины пальцы тянулись потрогать осветившиеся прямые жёсткие брови, погладить милые, стриженные бобриком волосы. Как она была счастлива в такие минуты!

...Эту часть своих воспоминаний Рита не выкладывает Шуре, она сразу переходит к дальнейшему:

— Представляешь, он оборачивается от стола, зажигает спичку, и вдруг я вижу — у меня даже заколотилось сердце, — вижу, что он только прикидывается спокойным...

...— Да, Ритуха, порадуёис за меня, — не сморгнув, произнёс Виталий. — Вот что значит честно поработать. Нынче Фёдор Романович вызвал меня в кабинет и вручил мне эту штучку.

Виталий протянул Рите плотную бумагу, на которой она в полутьме смогла различить лишь круглую печать в уголке...

...— Так, Шурка, мне и не привелось прочесть этот ордер на имя Крекшина, — пытается шутить Рита и зло добавляет: — Зато я видела, как трусливо забежали его глаза...

...— Когда же ты въедешь туда? — спросила Рита. Она уже поняла, что нельзя спрашивать: «мы».

— Завтра же, — оживился Виталий. — Тут зевать нельзя.

— Желаю тебе удачи... — Рита сама удивилась, до чего деревянным стал её голос.

Он подошёл к дивану, притянул её к себе.

— Славная ты девчонка! — Казалось, Виталий повеселел, как бывает после миновавшей опасности. — Если Маргаритка захочет, мы сможем продолжать встречаться.

И он ласково погладил её кудри. Странно, так велика была его власть над ней, что она не сразу отодвинула его руку. А может быть, просто оцепенела? Слишком много пришлось ей пережить за последние несколько минут.

— Ты ведь умеешь любить, — говорит Виталий. — Любишь, так радуйся моим достижениям.

Обеспокоенный ритиным молчанием, он изрекает:

— Человеку иногда приходится многим жертвовать в интересах дела.

— Какого дела?

Она привыкла к тому, что, когда предстояли удовольствия, Виталий разрешал себе пожертвовать кое-какими делами.

— Ты когда-нибудь думала о моём будущем? — строго спрашивает Виталий.

Она ли не думала о его будущем?!

— Ты, Маргарита, соображаешь, что ожидает меня через несколько лет, если я так и останусь без диплома?

Почему он так смотрит, словно она в чём-то провинилась перед ним? Она много думала о его судьбе. Даже с Дашей советовалась. И с Шурой. Мечтала, что заставит его учиться, снимет с него все заботы. Она бы всё делала сама, не он ли говорил, что её рукам нет цены! И Рита восклицает:

— Я никогда не была бы тебе помехой. Я даже с ребёнком решила ждать сколько угодно. Пока ты не получишь бы диплома...

— С каким ещё ребёнком? Вот чепушина!

Рита устало повторяет за ним:

— Чепушина... Всё чепушина...

Давно Виталий не употреблял этого слова.

— Я слёзы всегда считал чепушиной,— резко выговаривает он.

После минуты-другой молчания он пускается в объяснения:

— Сумей понять своего Виталия. Ты знаешь мою натуру — сама говорила, что я не создан для прозябания.

У Риты нет желания продолжать разговор. Надо бы сразу подняться, уйти, но куда-то девались силы.

А Виталий разглагольствует. Разве он виноват, что у него запросы выше, чем у других? Он уже пробовал, в сорок седьмом два семестра пожил на стипендию, ботинки носил на резине. Хорошо было учиться Алексею Кистяковскому. Будь Виталий на его месте, он не отказался бы от своей Маргаритки.

— Или была бы ты, например, профессорской дочкой,— шутит Виталий. — Не судьба нам с тобою быть вместе. Ну в чём, по-твоему, заключался бы смысл нашего брака?

— Смысл?

— Ну да... Что это даст, кроме лишних препятствий?

Он стоит, приосанясь, широко расставив ноги, заложив руки за спину.

— Надо же мне выйти в люди.

Крупный подбородок каменеет, даже в сумраке видны его тяжёлые очертания.

Рита всматривается в того, кого она так любила. Да, да, глядит с обострившимся любопытством. Виталий, словно не выдержав, садится, говорит с сокрушением:

— Эх, Ритка, зачем ты просто аптекарша?

Вот у Риты и появляются силы, чтобы встать. Виталий не хочет её отпустить. Сжав её плечи, он шепчет:

— погоди. Давай попросимся красиво.

Хватает сил и на то, чтобы вырваться.

— Куда ты? — теряется Виталий и угрожающе добавляет: — Если вздумаешь скандалить, не советую. Да кто тебе поверит, положим...

Рита замирает возле двери. Скандалить? Разве она собиралась скандалить? Она просто... Просто ушла не прощаясь.

... — Вот и всё, — заканчивает Рита, натягивая на плечи одеяло, чтобы унять дрожь. — Скоро этому минет год.

— Да... — роняет Шура. — Подумать только: это история двух комсомольцев.

— Да... — говорит Рита. — И как раз такая история, где комсомол не в силах помочь.

Девушки молчат. Рита сидит, уткнув подбородок в поднятые колени, обхватив укутанные грубошёрстным одеялом ноги. Сидит, слабо улыбаясь. Откуда взялось облегчение, которое она ощущает сейчас? Словно угадывая её мысли, Шура говорит:

— Глупая... Молчала целый год. Извелась одна...

К возвращению девушки из кино Шура успевает вскипятить большой алюминиевый чайник, купленный в складчину ещё при Даше.

— Ужинайте, — приглашает она всех на кухню. — Только потише: Маргарита спит.

Вместе со всеми Шура принимается за чаепитие. Ей мило весёлое, шумливое общество этих девушек. О них она рассказывала Лунькову, об их общем почине. Жители Ново-Доменска ещё будут благодарны им,

когда они, аптекарши, научатся скорее приходить людям на помощь, быстро и точно изготавливать любое лекарство. Они многое задумали, многое собираются улучшить в своей аптеке. Просто аптекарши...

В ответ на шурин вздох Аня испуганно спрашивает:

— Шура, тебя кто-нибудь обидел?

— Когда ты станешь старше,— без улыбки отвечает Шура, — и научишься говорить не так промко, ты увидишь, что сколько человек ни живёт, ему всегда приходится узнавать что-нибудь новое, непонятное. Не всегда это новое радует его. Иногда это и не уразуметь сразу...

— Дай-ка я лучше налью тебе чаю, — оторопев, говорит Аня, и её круглые зеленоватые глаза становятся ещё круглее.

...В этот же час в Центральной аптеке раздаётся звонок.

— Слушаю. Управляющая у телефона.

— Можно позвать Поземко?

— Её нет. Она работала в первую смену.

— Вам не известно, Софья Марковна, где она сейчас?

Софья Марковна удивлена: ей не знаком этот голос. Она спрашивает:

— Вы меня знаете?

— Знаю... Немного. — Луньков отвечает смущённо. Но ему действительно кажется, что он знает управляющую, с которой Шура Поземко часто беседует по вечерам. — Где сейчас Поземко, Софья Марковна? Может быть, на собрании?

— Нет. Сегодня свободный вечер. По-моему, они все собирались в кино.

— Понимаю... Свободный вечер...

— Что? Вы что-то сказали?

— Нет... Я только прошу вас передать, что её просят завтра зайти в горком комсомола. Часов в семь вечера. — Женю подмывает добавить: «Разумеется, если она может потратить на это свободный вечер», но он говорит кратко: — Скажите, что звонил Луньков.

35. «Посмотрите на карту»

Необычным, праздничным кажется Лунькову его кабинет. И всё потому, что в кресле возле его стола сидит она — Шура Поземко. Смущённая, чуть улыбающаяся, она не спрашивает, зачем он её вызвал, не оправдывается, почему сама не сдержала обещания, не позвонила. Она пришла ровно в семь, крепко пожала ему руку и села вот в это кресло.

— На повестке дня вопрос о Поземко, — объявляет Луньков. — Согласна?

Он запинаясь, заметив, что вдруг обратился к Шуре на «ты». Но ведь в минувшие бесконечные две недели он мысленно столько беседовал с нею.

Бесхитрое, открытое лицо девушки тут же успокаивает его. Нет, он ничем себя не выдал. Да и вообще, чего об этом думать, ведь с большинством комсогов он с первого же разговора, естественно, без всяких церемоний, переходил на «ты».

— Согласна, говори, — просто отвечает Шура.

Она с удовольствием сидит в этом уже знакомом ей кабинете. За дверью тишина, закончен рабочий день сотрудников горкома, никто не войдёт, не заставит комкать каждую фразу, спешить. На столе никаких бумаг, лишь с краю лежит несколько, видимо уже читанных, газет. Настольная лампа под стеклянным зелёным абажуром — точно такая же, как в кабинете управляющей Центральной аптской, — освещает светловолосую голову.

— Говорить будешь ты,— предлагает Луньков. — Должен же я, наконец, узнать, в какой местности вырос будущий врач. Что это за «Лисьи Мхи»?

— На карте не найдёшь,— начинает Шура,— а представить всё же не трудно. От Томска к северу пятьсот километров.

— Ого! Ты мне когда-то так и сказала: «Издалека...» Как же там тебе жилось?

Шура принимается рассказывать. Минутами она излишне торопится, — это случается тогда, когда в поле её зрения попадает оклеенная дорогами обоями стена, портреты, плакаты, тяжёлая репсовая занавесь на окне, попрежнему молчаливые, будто бодрствующие, готовые вот-вот затрещать два телефона: всё это напоминает ей о том, что она находится в кабинете комсомольского руководителя, члена горкома партии, инженера. Внимание такого человека совестно занимать всякими пустяками. Однако если не глядеть по сторонам и видеть перед собой лишь синие, очень внимательные, загоревшиеся интересом глаза, то хочется выложить всё, всё про свою жизнь. Ему можно рассказывать без утайки.

— Места у нас здоровые! — увлёкшись, восклицает Шура. Её цветущий вид, разрумянившиеся, округлые, смугловатые щёки служат лучшим подтверждением этих слов. — Дед и бабушка прожили больше ста лет. Дедушка чуть ли не до ста лет косил. А леса у нас...

Но Шура не успевает ничего поведать о могучих кедровых лесах. Резкий телефонный звонок — Шура даже вздрагивает от неожиданности — прерывает её речь, возвращает к действительности.

— Капитан, здорово! — радостно восклицает в телефонную трубку Луньков. Однако тотчас его тон меняется. Видимо, ему передалась встревоженность собеседника на другом конце провода.

— Газету «Труд»? Сегодня? — переспрашивает Луньков. — Нет, не видал. Не получаю. Что? В объявлениях? А ну, прочитай мне вслух.

Он мрачно слушает, машинально придвигает к себе, перебирает пачку газет. Чуть исподлобья Шура смотрит на него. Сейчас он совсем другой, чем минуту назад, — глаза потемнели, на скулах проступили бугорки желваков. И голос у него иной — отрывистый, резкий.

— Не верю! — кричит он. — Прочитай ещё раз!

Под конец разговора Луньков уславливается сегодня же прийти куда-то ровно к десяти вечера.

До десяти времени много, можно бы рассказать всю короткую шурину жизнь, но похоже, что они промолчат всё это время. Луньков, наверное, забыл о Шуре. Глубоко вдвинувшись в кресло, он сидит, словно отсутствуя. Нет, всё же он помнит о ней. Вскинув потемневшие, погрустневшие глаза, он произносит:

— Вот такая история, Шура.

Шура сочувственно кивает, хотя суть истории для неё пока что туманна. А Луньков берётся за телефонную трубку, снимает её с рычага, однако, поразмыслив, опускает. Затем он вытаскивает из ящика большой блокнот, принимается писать, в его руке быстро, нервно ходит химический лиловый карандаш. Но и тут Лунькова одолевает сомнение, он начинает выводить разные кружки и загогулины на свежем, почти без чернильных отпечатков, розовом листке промокашки. Машинально он водит остриём карандаша и по раскрытой ладони, на ней ложатся вкривь и вкось лиловые линии.

Чувствуя себя лишней, Шура приподнимается. Луньков быстро поворачивается к ней.

— Видишь, как ты кстати пришла... Хорошо, что ты здесь со мной. — И, пытаясь пошутить, он поясняет: — Человеку в тяжёлые минуты вредно одиночество.

Хоть бы уж он рассказал ей, что случилось.

Помолчав, Луньков предлагает:

— Пойдём на воздух? Побродим... Сил нет сидеть.

На воздух? Шура бранит про себя капризный новодоменский климат: прескверные дни пришли на смену солнечным, ясным. Впрочем, погода-то Шуре не страшна, дело хуже: девчонки, напуганные затянувшейся ритиной болезнью, заставили Шуру надеть тёплый платок вместо берета, её старый, привезённый ещё из деревни. платок. Кто мог подумать, что Шуре сегодня предстоит прогулка с молодым человеком?

...Ветер яростно набрасывается на вышедшую из подъезда парочку. При первой же его атаке оба, Шура и Жёня, нагибают головы, поднимают воротники. Тот же порыв ветра швыряет к их ногам сорванное со щита объявление, гонит его, волочит по пустынной площади Победы.

— Какая ты молодчина,— говорит Луньков.— Догадалась надеть платок.

Сам он с трудом удерживает на голове кепку. Когда они проходят мимо фонаря, в этот час уже зажжённого, Евгений, окинув Шуру взглядом, спрашивает:

— Видела картину «Тихий Дон»? Ты сейчас похожа на Аксиныю.

Свернув в переулок, в затишек, отдышавшись, Луньков без всяких шуриных просьб сообщает ей новость, о которой он только что узнал по телефону. В прибывшем с сегодняшней почтой номере газеты «Труд» его другу Завьялову попало на глаза странное объявление. Текст объявления Жёня запомнил дословно: «Ново-Доменский металлургический институт объявляет конкурс на замещение вакантной должности преподавателя и заведующего кафедрой металлургии чугуна».

— Понимаешь, Шура, что это значит?

Это значило, что должность Валерия Николаевича Сырейщикова уже объявлена вакантной. То есть по существу он уже уволен. Может быть, об этом уже есть приказ.

— И ведь его даже не предупредили! Чудовищно! Подлый удар! Это ответный ход на письмо Овсянникова. Кто-то сознательно не даёт нам работать.

Луньков излагает Шуре мытарства сырейщиковцев, всякие их злощастья за последние полтора года. Не беда, что девушка не улавливает смысла разных терминов; она терпеливо, участливо слушает, говорит, что кое-что из этой истории ей известно. Разъяснял один бывший знакомый, только немного не так. Вернее, совсем по-другому.

— Должно быть, подсмеивался над нами? Ну, для нас это не новость. Даже выраженьице такое ходит: «Мышиная возня».

— А вы бы, правда, в Москву сообщили. Хватит терпеть.

— Дойдём и до Москвы. Да уж чего лучше? Недавно здесь был академик, главный, можно сказать, академик. Мы его убедили... То есть не то что убедили,— поправляется Жёня,— но всё же он заявил, что опыты надо продолжать. Вполне официально, письменно. И вот на это нам отвели таким ударом.

— Но кто же это? Кто?

— Сам не понимаю, трудно поймать... Ты когда-нибудь сусликов видала? По два выхода роют. Но мы их всё-таки застукаем. Нельзя больше мириться с тем, что с нами делают. Это кончится, я в этом поклялся. Кончится, как и этот окаянный ветер.

Когда вдали, на углу Молодогвардейской и Садовой, засветились окна клуба коммунальников, деревянного, одноэтажного, похожего на большой барак, Луньков предложил:

— Зайдём, погреемся?

Недавно он был в этом клубе, выступал на слёте молодых стахановцев. Это даёт ему право уверенно, по-хозяйски распахнуть знакомую облупленную дверь.

— Прошу!

Внутри клуба гораздо привлекательнее, чем снаружи. Радиаторы щедро источают тепло. В глубине вестибюля блестит большое зеркало в позолоченной раме. Не выдержав, Шура подходит туда. Неужели она вправду похожа на Аксицию, на ту красивую артистку, которая играла в этой картине? Ой, как разгорелись щёки и глаза! Наверное, от ветра... Двое пареньков, зашедших сейчас в клуб (в зеркале видно, как то и дело распахивается и вновь притворяется входная дверь), подталкивают друг друга, указывают глазами на Лунькова. Ясное дело, узнали секретаря горкома. А Луньков (за ним тоже можно следить в зеркале) больше не изучает афиши, о чём-то задумался. Вот он отгибает рукав пиджака, смотрит на часы, затем бросает взгляд на большие, стенные...

До десяти ещё далеко. Ровно в десять Валерий Николаевич обещал быть дома. Они втроем — Сырейщиков, Завьялов и Луньков — соберутся на совет, обсудят положение. Капитан принесёт с собой злополучный номер «Труда», Евгению не терпится собственными глазами прочесть объявление. И, главное, узнать, какие объяснения дал Сырейщикову Степанянц. Валерий Николаевич сейчас у него, у директора металлургического института.

До десяти ещё немало времени, больше полутора часов. Где же Шура? А-а... прихорашивается... Встретила его взгляд, засмушалась...

— Шура, читай афишу!

Спортивная хроника, киночерк «Могучая река Сибири Ангара», весёлый мультипликационный фильм.

— Хочешь, поглядим?

— Можно. Только лучше бы могучая река была наша Обь...

— Соскучилась по ней?

— Ещё бы!

Река была главной радостью, первым удовольствием в детские, школьные годы Шуры. Сколько рыбы она переловила! На ловлю ездили в обласках — это такие лёгкие лодки, долблёнки... И ещё любила купать лошадей. Вскочишь на коня — и наперегонки с мальчишками! Только грива развевается.

— Неужели твоя деревушка ещё и от Томска на пятьсот километров к северу?

— Пятьсот! И без железной дороги.

— Сдаётся, я читал об этих местах.

— Кто же о нас мог написать?

Луньков не успевает ответить — перед ним вырастает высокая, очень молодая и очень серьёзная девушка в чёрном костюме.

— А, Евстафьева, привет!

— Быстро, товарищ Луньков, явился проверить.

— Что проверить? — удивляется Луньков.

— Как что? Думаешь, без пользы отругал нас на слёте? Пройдём по комнатам, сейчас как раз работают кружки, открыт читальный зал. Посмотришь, как быстро коммуналистики делают выводы.

Луньков разводит руками:

— Пошли...

Втроем они заходят в читальню.

Шура Поземко — одна из ревностных посетительниц читальни Центрального района. Она любит эту особенную тишину, прерываемую шелестом страниц, эту рождающую волнение атмосферу единения, общности со всеми, кто здесь, как и ты, склонился над книгой.

Следом за Луньковым, за Евстафьевой, шёпотом без умолку дающей пояснения, Шура бесшумно обходит щиты, разглядывает диаграммы, тематические карты на стенах. С улыбкой, чуть пробивающейся в уголках губ, она наблюдает, как нетерпеливо переминается с ноги на ногу заведующая клубом, недовольная тем, что секретарь горкома комсомола вдруг застыл надолго перед картой электрификации СССР. Он определённо не слышит её объяснений. Что с ним? Шура-то догадывается. Наверное, думает всё о том же, об электродомне...

Оторвавшись наконец от карты, Луньков всё же продолжает вести себя несколько странно. Подойдя к большому книжному шкафу, где на полках выстроились ряды коричневых, тиснённых золотом корешков, он просит Евстафьеву:

— Можно отсюда взять? Мне только на минуту.

Перебрав несколько томов, выбрав один из них, он разыскивает нужную страницу.

— Шура, присаживайся... Ты нас прости, Евстафьева. Всего лишь одну минуту...

К счастью, заведующая клубом срочно потребовалась в фойе.

Сблизив головы так, что тёмные, гладко причёсанные волосы касаются встрёпанных светлых, Шура и Женя читают строки Ленина: «Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска...»

Евгений подчёркивает ногтем «к северу от Томска», шепчет:

— Вот где я читал о твоей родине...

Шура кивает. Их глаза опять заодно бегут по строчкам:

«...идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость...»

— Это о ваших местах, Шура,— шёпотом говорит Луньков.— Каких-нибудь тридцать лет назад.

Шура сидит, смотрит на его исчерченную лиловым карандашом ладонь. А Евгений пробегает страницу дальше. Вот как писал Владимир Ильич:

«Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму? Да... при одном условии... Это условие — электрификация».

— Посмотрите на карту... — о чём-то думая, машинально повторяет Луньков и хватая шурину руку.— Пойдём, ещё раз посмотрим на карту.

Он указывает на почти не заселённые пространства севернее Томска...

— Шура, смотри, сколько рек у вас на Севере, а гидростанций нет... Ни одного кружочка...

— Маленькие у нас там есть. А большие зачем? Куда девать энергию?

— Куда? — переспрашивает Луньков.

Но Шура уже услышала звонок. Скорей, скорей... Наверное, сеанс сейчас начнётся...

В зале темно. Звучит музыка. Перед зрителями проносятся конькобежцы, потом, согнувшись, яростно работая клюшками, скользят хоккеисты. Вздыхается облако искрящегося мелкого снега.

Вскоре на экране уже пенятся, катятся волны большого, как море, озера Байкал. Вот здесь из него вытекает Ангара. А вот она низвергается, обдавая пеной, брызгами, вздымающимися столбами воды гряды великанов-камней, вставших на её пути.

Голос, сопровождающий картину, повествует о громадном количестве энергии, которое несёт с собой бьющаяся в каменной теснине, реву-

щая в порогах река. Много лет назад несколько энтузиастов задумались над тем, как заставить эту богатырскую реку Сибири послужить народу. Перед зрителями возникают портреты патриотов Ангары. Ещё не старый учёный с утиным носом, с насмешливой складкой губ. Группа его учеников. Один похож — так, по крайней мере, кажется Жене — на Завьялова: такие же залысины на большом лбу, такой же неторопливый, тяжёлый жест.

— Перед ними, зачинателями Большой Ангары, — сообщает голос, — стояли труднейшие задачи. Одна из них заключалась в том, чтобы найти или, вернее, создать потребителей дешёвой электрической энергии будущей Ангарской гидростанции. Эта задача не вполне решена и до сих пор. Поиски потребителей энергии продолжаются. Ныне этой проблемой занимается уже не маленькая группа добровольцев, а особая комиссия Академии наук...

На экране возникает Москва, Большая Калужская улица, здание Академии наук.

В этот миг, будто без связи с мелькающими снимками, в мыслях Лунькова вдруг пронесется: вот почему он избрал Иркутск! Он — это недавно умерший изобретатель-металлург, тоже мечтавший о веке электрической металлургии, немало потрудившийся для этого. Теперь понятно, почему он уехал из Донбасса, из центра индустрии, в глубину Сибири, на берега Ангары. Он тоже искал... Искал точку опоры для металлургии будущего.

Луньков шепчет Шуре:

— Не обидишься, если сейчас уйдём? Очень важно, понимаешь...

В темноте они пробираются к выходу, покидают зал. Конечно, Шура старается не обижаться. Если уж так случилось, она ничем не выкажет досады. Она догадывается, что их внезапный уход как-то связан с неотступными думами Лунькова. И его странный сейчас взгляд, не видящий Шуру, и весь его облик, не то растерянный, не то куда-то рвущийся, — всё это, конечно, вызвано тем же — его мыслями о любимом деле. Про это дело он однажды при ней так и сказал: оно для него дороже жизни. И от самой себя не скроешь: она ощущает ревность к тому, что с такой силой завладело им.

Сколько же можно стоять в пустом фойе? Из зала, сквозь прикрытые, завешенные портьерами двери, доносится взрыв хохота. Наверное, там уже крутят мультипликационный фильм. Но Луньков сейчас безразличен к этому.

Выйдя на улицу, он вновь на минуту останавливается. Куда идти? Пальто нараспашку, кепка в руках. Он словно радуется неутихшему ветру, улыбается неизвестно чему.

— Шура... — Он произносит её имя негромко, но выговаривает его так, что дурное настроение вмиг покидает девушку. — Шура... Знаешь, ты приносишь счастье. Ты и твой Север. После я тебе расскажу. После... Когда сам всё уясню... Теперь пойдём, провожу тебя до дому.

Евгений хочет взять её под руку, но Шура сначала застёгивает ему пальто. И он послушно стоит.

Они молча идут, то и дело нагибая головы при порывах ветра. Шуре нетрудно шагать в ногу. Шаг у неё широкий, мелко ходить она не умеет. Лишь одно её смущает. Разве это путь на Большую Аптечную? Она несмело нарушает молчание:

— Ты же хотел проводить меня домой...

— Конечно. А куда же? — восклицает Луньков и вдруг хохочет. — Подумай, ноги сами повели... Прости уж и за это... — Он указывает на виднеющийся недалеко невысокий дом. — Тут живёт Сырейщикоз. Я должен до его прихода подготовиться, прикинуть кое-что...

36. В директорской квартире

Этим же вечером, за несколько минут до того, как Завьялов по телефону прочёл Лунькову объявление в «Труде», в квартире директора металлургического института Степана Суреновича Степанянца раздался телефонный звонок.

— Слушаю. Степанянц у телефона.

Инесса Степановна, только что вернувшаяся с работы, ещё не сняв пальто и калош, вбегает в столовую, укоризненно глядит на отца. Утром, когда она уходила в школу, он обещал смиренно лежать у себя в кабинете, к телефону не подходить.

— Голубчик, вы успокойтесь,— увещевает кого-то Степан Суренович.— Разберёмся, разберёмся. Как же не предупредили? Давайте, давайте потолкуем. Пожалуйста, пожалуйста! — Не обращая внимания на отчаянные знаки дочери, он повторяет: — Пожалуйста, прямо сейчас ко мне.

Инесса с досадой кладёт на буфет разбухший, набитый донельзя портфель.

— Тебе, я вижу, хочется и нынешнюю ночь не спать?!

Степанянц делает неопределённое движение бледными, худыми пальцами.

— Вышло-то как нехорошо. Фёдор Романович обещал мне объяснить с Сырейщиковым до своего отъезда, да, наверно, не успел. Подумай, как быстро он провернул в Москве это дело. Оказывается, объявление уже напечатано в «Труде».

— Да, он умеет быть оперативным, — усмехается Инесса. — А ты что привстал? Лежи...

Степан Суренович послушно вытягивается на тахте. Продолговатые, восточного типа глаза полузакрыты, сухонькое жёлтое лицо выражает покорность судьбе. Каждый пользуется его мягким характером. Эта маленькая Инесса, едва став преподавательницей, уже командует им, словно неразумным младенцем. Пользуется отцовской привязанностью. У Инессы Степановны, за которой сейчас следит из-под опущенных век Степан Суренович, такие же, как у него, угольно-чёрные глаза; кожа так же отливает желтизной. Он не без основания сетует иной раз на судьбу за то, что девушка почти ничего не унаследовала от внешности покойной Ольги Егоровны Степанянц.

— Ты думаешь, я не жалею вашего Сырейщикова? — говорит Инесса, успевшая скинуть шляпку и пальто.

— Знаю, что сочувствуешь. — Отцу хочется шуткой рассеять суровость Инессы. — Ведь установлено же, Иночка, что ты переняла не только выдающийся нос своего папаша, но и его жалостливый характер.

— Жалею Сырейщикова, — всё так же строго продолжает дочь, — потому что он хороший отец, потому что люблю его Владимира, хотя и вывела ему в этой четверти тройку... Жалею, но буду настаивать, чтобы Валерий Николаевич не утомлял тебя, не волновал зря. Он должен знать, как ты болен...

— Он от неожиданности так вскипятился... Но по существу... Мне кажется, ему самому будет лучше.

— Это не тебе так кажется, а Фёдору Романовичу, — вырывается у Инессы Степановны, но она тут же спешит улыбнуться. — Не волнуйся, всё обойдётся. Мы его чаем напоим, я порасскажу ему о Володьке. И ваш разговор будет спокойным...

Инесса Степановна придвигает к тахте стол, устанавливает на скатерти стаканы в тяжёлых серебряных подстаканниках, фарфоровое расписное блюдо с печеньем. Она приучила себя всё делать быстро, не теряя зря и минуты.

— Немного посижу с вами и — за диссертацию. Должна сегодня основательно поработать.

Близоруко щурясь, она располагает на столе угощение. «Чудачка, — думает отец, — нравится ей, что ли, наткаться на мебель?» Но об этом нельзя и заикнуться. Последнее время его Инесса Степановна надевает очки лишь на уроках, в классе, а в остальные часы упрямо приучает себя обходиться без них. Кажется, впервые в жизни она кокетничает. «Не оказалась бы близорукой в другом смысле», — невесело усмехается в мыслях Степанянц. Впрочем, такие опасения как будто лишены основания. Виталий Андреевич — вежливый, скромный юноша, добросовестный сотрудник института; Фёдор Романович ценит его.

Ожидая, пока закипит чайник, Инесса просматривает газеты. Ей постоянно приходится торопиться, рассчитывать время. «Не горбись!» — хочет сделать ей замечание Степан Суренович, но удерживается. Прежде, когда была жива мать Инессы, за девочкой следили, чтобы не сутулилась, не портила глаз. А сейчас лучше промолчать: бедняжка и так не слишком уверена в своей внешности.

Снова звонит телефон. Отец смиренно лежит, дочь спешит завладеть трубкой. По некоторым признакам, по краске, мгновенно залившей лицо и тонкую шею Инессы, по её преобразившемуся голосу, отец сразу догадывается, с кем она говорит.

— А-а-а... Ну что вы? Какое же беспокойство? Нет, я свободна. Я ничего не собиралась делать. Пожалуйста, конечно...

Положив трубку, Инесса Степановна подходит к буфету, медленно открывает дверцу. Возможно, она забыла достать что-нибудь к чаю? А может быть, ей просто хочется скрыть сияние своих чёрных, как черносливины, продолговатых глаз?

Ей ещё приходится подождать, пока зафырчит чайник. Ну вот, здесь её обязанности выполнены. Уходя в свою комнату, она вскользь сообщает отцу:

— Сегодня я буду заниматься с Виталием Андреевичем. Надо помочь человеку...

Пронзительный звонок из передней (так способен трезвонить только Сырейщиков, но отнюдь не деликатный, застенчивый гость Инессы) заставляет её пробежать мимо отца с прыгающими по плечам жёсткими косицами, которые она только что начала аккуратно укладывать на затылке.

— Папа, к тебе!

В столовой появляется Сырейщиков. Он примчался сюда прямо из подвала, где ремонтировалась «утица», прибежал, не успев даже вымыть руки. Его заскорузлые, чёрные, будто у рабочего в горячем цехе, пальцы сжимают газету. Войдя, он бросает какое-то слово или, вернее, невнятный, хриплый звук, который при желании можно принять за приветствие. Он шагает так стремительно, поворачивается так порывисто, что полы его рабочего пиджака, на котором давно не осталось пуговиц, задевают за мебель. Звенит посуда на качнувшемся столике. Не догадавшись справиться о здоровье директора, Валерий Николаевич почти швыряет на тахту газету и в упор спрашивает:

— Может быть, вы сообразовали дать мне по этому поводу какие-нибудь разъяснения?

— Валерий Николаевич, вы садитесь... Пожалуйста, садитесь... Ну-с, что тут напечатано? Ведь я, голубчик, сам только от вас узнал об этом. Сам это первый раз вижу.

— То есть вы хотите сказать... Это ошибка?

Искажённое страданием и гневом лицо преподавателя вмиг преобразуется. Вопрошающая несмелая полуулыбка смягчает его черты. Он

бежал сюда, задыхаясь от боли, от обиды, нанесённой ему. Как с ним поступили? Выгнали из института... Выгнали, даже не предупредив, не поговорив. Одним махом разрушили дело его жизни. Что он скажет молодёжи, которую увлёк за собой? И в свою очередь пусть ему ответят Завьялов, Луньков: как же так? Он же советский человек. Он борется за большое дело, за правое дело. Спеша к Степанянцу, размахивая зажатой в кулаке газетой, он испытывал физическую боль, как от страшного ожога. Неужели действительно стряслось такое? Нет, нет... Наверное, это ошибка, опечатка. Вот он придёт, увидит Степана Суреновича, и всё тотчас разъяснится.

Так оно как будто и сбывается. Ведь сказал же Степанянец: «Только от вас узнал об этом...»

— Значит, ошибка? — повторяет Сырейщиков.

— Голубчик, да вы успокойтесь. Сядьте...

Сырейщиков неловко тянет к себе стул, садится.

Степан Суренович ещё раз пробегает объявление. «Дирекция Ново-Доменского металлургического института объявляет конкурс на замещение вакантной должности...» Гм... Вакантной... Да, нечего сказать, быстро провернул Фёдор Романович в Москве этот вопрос.

В глубоко запавших глазах Валерия Николаевича уже зажила, загорелась надежда. Ведь Степан Суренович — настоящий человек! Ведь не напрасно же порой он так прочувствованно, горячо говорит о социальном гуманизме, о бережном отношении к человеку, в особенности к людям творчества, науки. И это отнюдь не притворство. Сырейщиков два-три раза бывал гостем в этом доме, знал Степана Суреновича как уважаемого, заслуженного новодоменца, вкратце знал и его биографию. Степанянец когда-то окончил Институт красной профессуры, стал специалистом по истории социально-экономических формаций, побывал и на крупной хозяйственной работе, знал падения, передрыгги, обиды, но сохранил общительный нрав, простоту в обращении, мягкость, доброту. Да, сейчас всё разъяснится.

Тяжело дыша, как всегда после трудно проведённой ночи, Степан Суренович говорит:

— Наливайте, голубчик, себе чаю...

Сырейщиков рассеянно льёт дополна в стакан тёмную, как дёготь, заварку, отламывает и суёт в рот кусок печенья. Оправдывая свою репутацию назойливого, он вопрошает в третий раз:

— Следовательно, ошибка?

Хозяин дома не без удивления взирает на Сырейщикова: неужели этот преподаватель, которому уже, слава богу, стукнуло полсотни, в самом деле столь наивен?

— Ошибка? Не совсем так... Не совсем так, — мягко отвечает Степанянец.

Закашлявшись, он долго не может продолжать.

— Извините, голубчик, астма, — говорит он, отдышавшись. И, снова взглянув на объявление, продолжает: — Да, нехорошо. Как-то нехорошо это получилось. Я думал, что Фёдор Романович заблаговременно поставил вас в известность... Впрочем, конечно, и его нельзя винить... Да кушайте же, кушайте. Пейте чай, голубчик.

Но Сырейщикову не до чая. Он сам не любил зря винить людей, сам легко оправдывал их — в том числе даже и Шкварикова, — но за последние два года это становилось ему всё труднее. Сейчас он смотрит в упор на директора, славного, интеллигентного человека, и тот ему уже вовсе не кажется славным. Страдание обостряет, делает пронизательнее взор Сырейщикова. «Пешка в руках Шкварикова», — со злостью определяет он, пронизывая директора глазами.

— Нельзя его винить, — повторяет Степанынц. — Бедь сначала он должен был согласовать это в министерстве, а уже потом... Дорогой, я вас понимаю. Но поверьте мне, Валерий Николаевич, это сделано в ваших же интересах.

— Конечно, в моих интересах, — иронически соглашается Сырейщиков.

В эту минуту больной, немощный Степан Суренович вдруг чувствует стыд. Ему на миг ярко предстаёт неприглядность того, что совершилось. И жаль Сырейщикова, виновного, собственно говоря, лишь в страстной преданности своему творению, своему детищу.

— Да, нехорошо... Очень нехорошо получилось, — искренне вздыхает Степанынц.

Однако постепенно перед его умственным взором встаёт вся неопровержимая, железная аргументация, которую развивал Фёдор Романович.

— Даю вам слово, дорогой, — с той же сердечной интонацией говорит Степан Суренович, — у нас не было иного выхода... Рассудите сами. Ведь ваша кафедра должна готовить доменщиков, а вы домен не любите. Вас увлекает совсем другое дело. Вы провозглашаете, что домны отжили свой век...

— Что же, я выдвигаю это как научную истину... Можете растоптать, опозорить меня, но...

— Голубчик, не надо... Поговорим ладком... Ну, признайте, должны же мы готовить доменщиков? А вы кого готовите? Чему вы отдаёте душу? Лучшие ваши ученики в дипломных проектах фантазируют. Я сам люблю фантазии... Ещё Владимир Ильич Ленин говорил, что без фантазии...

— Но вы же утверждали темы проектов...

— Чувствую. Принимаю на себя вину. Фёдор Романович, если хотите знать, прямо сказал, что дирекция виновата ещё больше, нежели вы... А теперь нам всё-таки нужен настоящий доменщик. Скажите, можно ли с этим спорить?

Сырейщиков мрачно молчит. Он не замечает, как съедает одно за другим наложенное в расписное блюдо печенье. Если бы за чаем сидела Инесса, она догадалась бы, что Валерий Николаевич не обедал, предложила бы чего-либо посущественнее. Однако у Инессы другие заботы в этот час.

Сидя на стуле, Сырейщиков то и дело нервно шаркает ногами. Степан Суренович с сожалением видит, как сморщился, сбился расстеленный на полу добротный кавказский ковёр. Впрочем, скоро всё станет на место. Уйдёт этот трудный гость, Инесса расправит ковёр, приберёт, даст отцу капель, и он будет вновь наслаждаться тишиной и покоем. А пока надо терпеть. Надо проявить чуткость, гуманность. Степан Суренович вновь излагает Сырейщикову те же доводы.

А тот молчит. Ему хочется вскочить, оборвать разговор, уйти от немощного ласкового директора. Но Валерий Николаевич всё же выговаривает:

— А как же будет дальше? Как моя работа?

Степан Суренович оживает.

— Конечно, без работы не останетесь. Мы же не вышвырнем вас, как котёнка. Слава богу, живём в Советской стране. Мы хлопчем, голубчик, чтобы вам дали место в докторантуре Академии наук. Это обещано... Фёдор Романович обещал добиться. И плюньте, дорогой, на все эти тревобления. Вам, голубчик, и материально станет легче. Будете сидеть и писать свою диссертацию. Говорю вам, это сделано в ваших же интересах.

— А разве в Академии наук кто-нибудь верит в это дело?

— Ну, скажем, не верят... А вы не переживайте... Диссертацию отличную напишете. Материала вы поднакопили, хватит. И будете доктором наук. Ей-ей, я вам завидую.

— Но разве здесь, в институте, я не могу остаться?

— На какой же должности? Преподавателем чего? Ну, подскажите...

— Своего способа плавки чугуна... Для этого можно организовать специальный семинар.

Степанянец от души смеётся. Смех переходит в кашель. Распахнув пижаму, прижав руку к поросшей поседевшими волосами тщедушной груди, он кашляет до слёз. Потом, трудно дыша, говорит:

— Дорогой, видите, вот из-за вас... Эко вы... Своего способа... Сначала создайте, Валерий Николаевич, эту отрасль науки. Потом добейтесь, — Степанянец иронически усмеяется, — чтобы её признала Государственная штатная комиссия... А затем, пожалуйста, поговорим...

— Значит, в Ново-Доменске мне места нет? А как же моя печь? Мой коллектив?

В душу Степана Суреновича опять проникает жалость. Конечно, на словах всё получается складно. Москва, докторантура... А на деле это, наверное, обернётся по-другому. В докторантуру не возьмут. И будет Сырейщиков мыкаться, скитаться, обивать пороги. Устроиться на интересную работу не сумеет. Какой же найти выход?

Степан Суренович закрывает глаза, думает. Пожалуй, при одном условии всё же можно будет оставить Сырейщикова в институте. Директор не сознаёт, что это условие, которое он сейчас с радостью нашёл, тоже однажды уже было подсказано ему Фёдором Романовичем.

— Голубчик, а что если вам бросить всю эту... — ища слово, Степанянец неопределённо вертит в воздухе тонкими бледными пальцами, — всю эту петрушку.

— Какую петрушку?

— Ну, эту вашу печь. И особенно все эти теории насчёт отмирания домен... Напишите на моё имя письмо... Ну, о том, что вы поняли неправильность своих воззрений и так далее... Чего вы опять так смотрите? Э, голубчик, с кем этого не бывало?.. Вспомните хотя бы Кистяковского...

— Овсянников не предлагал мне этого.

— Дорогой, и я всей душой за вас... Но институту нужен настоящий доменщик... Хотите таким быть, милости просим, оставайтесь. Я вас поддержу. Не хотите — тоже поддержу... Дам командировку, поезжайте в министерство, в Москву. И устраивайтесь, голубчик.

Валерий Николаевич настолько взволнован, что и не видит, как в соседнюю комнату вслед за маленькой сутулой девушкой проходит рослый молодой человек, отвесивший Степану Суреновичу и ему, Сырейщикову, почтительный поклон.

...Теперешний Виталий Крекшин заметно отличается от того молодчика, каким его знавали в Ново-Доменске в прежние времена.

Даже одет он иначе, как и подобает быть одетым сотруднику солидного института. На нём приличный, но не слишком модный, недорогой серый костюм. Брюки гольф и удивительная замшевая куртка давно сброшены, как отслужившая, старая шкура.

— Мне совестно так часто вас беспокоить, Инесса Степановна. — Смущённая улыбка Виталия приоткрывает его крепкие белые зубы. — Сам увлёкся зубрёжкой и вас мучаю.

— Вы же знаете... Я с радостью...

Инесса Степановна неловко пытается высвободить свою руку, которую по приходе несколько раз со вздохом поцеловал гость. Она боится, что он начнёт говорить, какие у неё красивые руки, и она, как всегда,

покраснеет до слёз. Ужасно глупо... Она преподаватель истории, внештатный лектор горкома комсомола. Она надеется через полгода защитить кандидатскую диссертацию. И как она глупо теряется при нём, какой чувствует себя скованной, нескладной, хотя он с такой добротой, даже слишком восторженно относится к ней.

С какой нежностью держит он её пальцы. Хорошо, что она успела стереть пемзой чернила, догадалась налить на ладонь немного духов.

Это его духи... Удивительно милым было его смущение, когда он притащил в день Восьмого марта этот флакон. «Мой знак уважения», — скромно сказал он. И она, сама не зная зачем, восхитилась аляповатым атласным футляром. Может быть, в первый раз в жизни этот милый юноша осмелился поднести девушке духи.

Виталий наконец выпускает из своей твёрдой ладони маленькую горячую руку. Он до сих пор считает себя поклонником красоты; изящество рук директорской дочери несколько утешает его. Жаль, она не замечает, что лак на её ногтях наполовину облез, надо бы подновить.

— Я знаю, как вы заняты, Инесса Степановна, — сочувственно говорит он.

Инесса торопится расчистить стол. Надо будет как-нибудь выкроить время, уделить немного внимания своей комнате, разобрать книги на этажерке, освободить подоконник.

Низко склонившись, сощуриив глаза, она вглядывается в разбросанные по столу книги и бумаги, сдвигает в сторону, складывает стопкой «Историю Рима», «Письма Маркса и Энгельса», «Историю московских улиц».

Там же находит себе место и Александр Блок. Вчера, перед сном, она долго листала этот маленький синий томик. Даже сейчас она испытывает волнение, вспоминая запавшие в душу строки:

Весь горизонт в огне и ясен нестерпимо.
И молча жду — тоскуя и любя...

Когда-нибудь она научит Виталия понимать настоящие стихи, он так чувствителен к красоте. Только он, конечно, ужасно не развит, — в этом она отдаёт себе отчёт. Но разве в её руках всё не станет иначе? Впрочем, зачем она думает об этом? Она вовсе не из-за этого занимается с ним. Не в её правилах отказывать в поддержке кому бы то ни было, мало ли отстающих школьников выправилось с её помощью? Володю Сырейщикова она к концу года обязательно вытянет на пятёрку. А уж дать возможность Виталию Андреевичу поступить в институт — дело её чести. Тяжёлые жизненные обстоятельства, о которых она из деликатности никогда не расспрашивает, заставили его поотстать. Что же, зато она сможет быть ему очень полезной. С первой же их встречи она загорелась желанием поднять его упавший дух. Тогда же, на именинах у Сергеенко, сослуживца Крекшина, а её бывшего сотоварища по институту, Виталий Андреевич простосердечно ей признался, что недавно, осенью, на вступительных экзаменах в Ново-Доменский педагогический институт получил или, как он грубовато выразился, — иногда у него проскальзывают такие жаргонные словечки, — «схватил» двойку по истории СССР. Тогда же, у Сергеенко, он горячо поверял ей свои мечты о дальнейшем образовании, предложил гост за науку, которая служит народу.

С какой душевной болью, доверчиво, просто он впоследствии рассказал ей о своих неприятностях в комсомоле. Как странно — нет, как возмутительно! — поступил в данном случае Луньков. А ведь кажется таким славным, прямым. Подумать только — расправился с рядовым комсомольцем из-за нелепой ссоры, стычки на улице, стычки, в которую

згмешана какава-то девчонка-шофёр. Ничего, в металлургическом институте, где сейчас работает Виталий, здоровая организация, разберутся. Эти неприятности тоже поправимы.

— Приступим к уроку? — говорит Инесса Степановна, не так громко и отчётливо, как при входе в класс, а тихо, вопросительно. Её озадачивает странное выражение красивых серых глаз под разросшимися чёрными бровями.

Виталий вздрагивает. Он не сразу соображает, что именно от него требуется. Ах, да... Сейчас он достанет свои конспекты. Инесса Степановна должна его простить. Он и не заметил, как размечтался.

Не раз в мечтах он видел себя обосновавшимся в этой прекрасной директорской квартире, где каждая комната обширнее той скромной жилплощади, какую он получил по ордеру около года назад. Признаться, комнатка Инессы в её настоящем виде не очень-то привлекает его. Замусорена растрёпанными книжками, портретами разных старомодных чудаков. Белинский... Чернышевский... Конечно, Маркс и Энгельс... И ничего привлекательного, ни одного красивого предмета. Узкая и, наверное, жёсткая кровать... Зато в столовой, в кабинете чувствуется во всём вкус умершей жены Степанянца. Есть приличные вещи. Ковры на тахте, на стенах, на полу... Посуда... Буфет отличный, красного дерева, и в нём всегда столько всего, что стипендия — если бы, скажем, кто-либо из членов семьи задумал учиться, — стипендия, конечно, оставалась бы просто на папиросы. Правда, когда Крекшин видит себя хозяином этого дома, он уже менее рьяно мечтает о будущих годах учёбы. Но нет! Нельзя распускаться! Институт, диплом обязательно. В педагогическом у Инессы много знакомых. Нетрудно представить и связи, какими обладает в Ново-Доменске её отец. Выдержав хотя бы на троечки, можно считать, что студенческий билет у тебя в кармане. Славная семья... Подходящая семья...

— Так как же?.. Приступим к уроку? — вновь предлагает хозяйка.

«Приступим!» — решает про себя гость. Становится заметнее твёрдо очерченная, волевая линия его подбородка.

— Инесса Степановна... Если бы вы знали, о чём я сейчас мечтал.

Тон его голоса так значителен, так торжественен, что девушка вынуждена присесть от волнения, от всколыхнувшихся надежд. Подавшись вперёд, Виталий овладевает обронённой на колени маленькой рукой.

— Инесса Степановна, решайте мою судьбу...

37. Экономическое обоснование

На звонок Лунькова выбежал Володя. По радостному виду мальчика можно было сразу определить, что ему ничего не известно о том, какой удар нанесён его отцу.

— Ты один, Володька?

— Один. То есть тётя Маруся на кухне.

— Пошли. Нужна твоя квалифицированная помощь.

На большом квадратном столе беспорядок, вернее, какой-то одному лишь Володе понятный рабочий порядок. Среди набора инструментов, в том числе и драгоценных, вроде, например, электрического паяльника и дрели, среди гаек, болтов, полосок железа, остатков игрушечного конструктора высится знакомая Лунькову до мелочей, неуклюжая модель электродомны, его создание. В своё время он сам подарил её Володе — в те дни, когда её недооценил Лёша Чуваев.

— Изучаешь? — спрашивает Луньков.

— Совершенствую, — коротко отвечает Володя

Смущённый собственным ответом, он нелепо взмахивает руками. Всем, кто знает Валерия Николаевича, знаком этот жест и этот горящий взгляд немного запавших глаз. А тонкая, с голубыми жилками шея, которая выглядывает из воротника выцветшей ковбойки, вероятно, станет со временем такой же жилистой, тёмной, с острым кадыком, как у отца.

— Я сейчас приберу, — торопится маленький Сырейщиков.

Собственно говоря, он уже вытянулся по плечо отцу, трудно назвать Вслодю маленьким, однако таким он доныне оставался для всех друзей старшего Сырейщикова.

В большой фанерный ящик с надписью «Не кантовать» бережно складываются неисчислимыя володины сокровища. Все мальчики, входяие в этот дом, завидуют Володе. В ящике найдётся и проволока разных сечений, даже самая тонкая для электромоторчика, и самодельный электромагнит, и шестерёнки от будильника. Есть фибра, резина, металлические ролики, куски пластмассы. Многие из этих редкостей подарены Володе его приятелями-покровителями из отцовской лаборатории. Лёша Чуваев, сам ставший папашей, особенно внимателен к запросам Сырейщикова-сына. Сплав для паяния, так называемый припой, тоже получен от Лёши. Но это страшнейший секрет. Володя старается даже не смотреть на этот серебристый сплав.

Лунькову не сидится. Он тоже сгребает с клеёнки разные железки, подаёт их многообещающему молодому технику. Ну, и досталось бы в детстве Евгению за подобный вид столовой клеёнки. Синий узор, сохранившийся лишь по краям, слинял, вероятно, от времени (вряд ли с тех пор, как из дома ушла володина мать, покупалась новая клеёнка), но порезана она, безусловно, не столько столовыми, сколько перочинным и особым кривым — вон он лежит — ножами, проколота не вилками, а гвоздями.

— Теперь давай раздвинем стол, — распоряжается гость.

Юный хозяин ни о чём не спрашивает, он готов выполнить любую команду Лунькова. Ещё бы! Каждому из мальчиков в его классе было бы приятно показать себя при Лунькове ловким и расторопным. Большинство из них уже сменило пионерские галстуки на комсомольские значки, всем им известен Луньков.

Только вот беда: как ни старайся, стол скрипит и трещит, никак не раздвинешь. Евгений с усилием приподнимает столешницу, вытаскивает шипы из пазов. Дерево словно присохло к дереву, срослось. Видно, давно уже не было нужды раздвигать этот стол для шумного сборища, для праздничного угощения.

— Знаешь, Володя, зачем мы хлопочем? Мы готовимся к приходу твоего отца. Не пожалеешь свою карту?

— Эту? — Володя указывает глазами на карту Северо-Восточной Азии, где на пространствах многострадальной Кореи, точно капельки крови, алеют воткнутые им флажки.

— Нет, нужна другая... Та, что в спальне.

— Советского Союза? Я сам... Я её мигом притащу.

Володе не хочется, чтобы Луньков его сопровождал. Этой картой в спальне на стене завешано огромное пятно. Давно Володя залил обои чернилами, когда был маленьким, ещё в четвёртом классе, а всё-таки совестно. Хотя... Сам-то Луньков не стесняется, не прячет левую ладонь, всю исчерченную лиловыми закорючинами. Луньков нетерпеливо ждёт. Садится, вскакивает, шагает по комнате. Скорей бы все собирались! Он ничуть не сомневается, что, как бы ни были удручены его друзья, какой ответ ни принёс бы Сырейщиков от Степанянца, он, Евгений Луньков, сумеет изменить их настроение. Север спасёт их! Её Север...

Возвратившись со свёрнутой в длинную трубку картой, Володя удивлённо приостанавливается. Всё-таки сегодня он странный, Луньков. И улыбается как-то чудно.

— Представляешь, Володька, — поворачивается к нему Луньков, — Ангара хлынула прямо на нас...

Володя не перечит. Его отец иногда погружается в свои мысли — и не такое скажет. Однако Луньков всё же улавливает удивлённое выражение в глазах мальчика.

— В кино... Понимаешь, в кино, — поясняет он. — Сходи-ка завтра в клуб коммунальников. Я там был... С одним человеком. Знаешь, Володька, какой человек? С далёкого Севера... Издалека... Кого хочешь обгонит на лыжах... На любую, самую высокую стену взберётся. Управляется с лодкой-долблёнкой на любой быстрине.

— Путешественник? Исследователь? — почтительно спрашивает Володя.

— Медик, — внушительно, но несколько неопределённо отвечает Евгений. И тотчас командует: — Расстилай карту! Теперь притащи первые тома Б.С.Э. Найдём слово «Ангара».

— У нас энциклопедии нет.

— Вы же подписались!

— Нет... То есть раньше подписались, а потом не вышло.

Вместе с мальчиком Луньков оглядывает опустевшие за последние годы книжные полки.

— Но это ничего, — успокаивает Володя. — Скоро придёт сосед, Илья Борисович. Я у него возьму.

— Тогда пока что у меня есть к тебе несколько вопросов.

На секунду мальчика охватывает смятение. Только бы Луньков не спросил, как прошла эта четверть. Придётся выложить про тройку. Вообще, с этой тройкой получилось очень нехорошо... Володю и сейчас жжёт стыд. Тогда, прибежав из школы, он сказал тёте Марусе: «Это мне Степанянец вкатила. Это неправильная тройка». По правде сказать, все мальчишки так говорят, когда плохая отметка. Но представить несправедливой Инессу Степановну... Намекнуть тёте Марусе, которая сразу сочувственно закачала головой, что, дескать, тут есть подоплёка, ибо вся семья Степанянцев рада затереть всех Сырейщиковых, это... Володя и сам не понимает, как это сорвалось с языка.

Однако мысли Лунькова сейчас далеки от володиных отметок.

— Давай займёмся картой. Покажи мне все строящиеся крупные гидроузлы.

Оба почти ложатся на стол. Володя спешит блеснуть познаниями. Он быстро находит требуемые географические точки. Ему страстно хочется быть на абсолютной высоте. Учебной и политической.

— Так... Задаю следующий вопрос: какие главные потребители будут там забирать энергию?

Володя отвечает чётко, громко, как положено отвечать на уроке. Вот что значит не полениться, выучить всё на совесть. Ещё с первой четверти он это помнит. Жаль, что Луньков не просит принести ту особую, плотной бумаги тетрадь, где наряду с разными схемами, рисунками, интересными газетными вырезками показано распределение электрического тока будущих Сталинградской и Куйбышевской гидроэлектростанций. В этой тетради жирным красным карандашом учитель географии поставил две пятёрки.

— Теперь давай переберёмся в Сибирь. На северные реки...

— Перебираемся.

— Как по-твоему, там тоже найдётся место для знаменитых гидроэлектростанций?

— Ясное дело.

— Тогда показывай, где...

В сибирских реках Володя ориентируется менее уверенно. Вот они — текут к северу сквозь пустынные пространства. Редко-редко увидишь у синей прожилки кружок крупного населённого пункта. А насчёт будущих гидроузлов в Сибири они в школе ещё ничего не проходили. Правда, Ангара исключительно богата гидроресурсами. Э-э, недаром Луньков с ней уже заводил речь.

— На Ангаре, — бойко отвечает Володя.

— Молодец! Правильно!

— И на Оби... И на Енисее...

— Ну, предположим... Указывай теперь потребителей.

— Потребителей?

Володя пристально глядит на карту, словно на ней можно прочесть ответ. Но карта, где светлозелёным цветом окрашены тайга и тундра, ничего не подсказывает ему.

— Да, да... Указывай потребителей.

Володя мнётся:

— Не знаю... Не учили...

— Не унывай. Этого, брат, не ты один не знаешь. Показывай-ка угольные залежи на Севере...

Володя с гордостью очерчивает угленосные бассейны Севера. Всё-таки, что ни говорите, школьник, если у него приличная память, может пригодиться в серьёзном деле.

— Какие тут угли? — продолжает спрашивать Луньков. — Коксующиеся?

— Нет. Коксующихся пока не найдено.

— В том-то и дело, Володька, что не найдено! Понял теперь?

— Насчёт чего?

— Что мы скажем твоему отцу.

Володя сползает со стола, смотрит на потолок, смотрит на Лунькова. Видно, для мальчика задача трудновата.

— Ладно, попробуем прийти к ответу по-другому. Володька, у тебя есть воображение?

— Найдётся...

— В таком случае вообрази себя на несколько минут министром чёрной металлургии.

Володя неловко улыбается.

— Министром?..

— А что? Знаешь, он когда-то был таким же комсомольцем, как и мы с тобой. А теперь, если сказать попросту, он директор всех металлургических заводов, всех железных рудников. Говори, о чём он больше всего думает?

— О чём? О том, чтобы заводы давали побольше металла.

— Молодец! У тебя министерский ум! Кстати, скажи, сколько миллионов тонн чугуна нам потребуется через две-три пятилетки?

— Пятьдесят миллионов в год.

— Правильно. Итак, придётся тебе, Володька, всё-таки вообразить, что ты министр чёрной металлургии. Садись сюда.

Володя садится. Луньков отходит на другой конец комнаты и, изменив голос, говорит:

— Товарищ министр, изобретатель Сырейщиков ожидает в приёмной. Вы хотели его видеть. Можно ему войти?

— Можно, — солидно кивает Володя.

К министру входит Сырейщиков. Евгений слегка подражает Валерию Николаевичу: стремительно идёт, взмахивает руками.

— Товарищ министр, я открыл новый способ плавки чугуна. Мой способ означает переворот в металлургии. Вместо доменных печей я предлагаю большущую, мощную печь нового типа, электрическую, которая будет выплавлять чугун без применения кокса, на обыкновенном сыром каменном угле. В наш век грядущей полной электрификации прежние доменные печи обречены на снос. Они всюду уступят своё место печам нового типа. Мною сконструирована одна из таких новых электрических печей. Прошу, товарищ министр, вашей поддержки.

Володя-министр отвечает:

— Интересная идея... Я очень рад, товарищ Сырейщиков. Вашу печь надо серьёзно изучить. Хватит ли вам на опыты пятьдесят тысяч рублей?

— Замечательно, Володька, замечательно! Теперь представим себе, что всё это произойдёт немного по-другому.

Он опять удаляется в противоположный угол, опять обращается к министру:

— Товарищ министр, к вам изобретатель Сырейщиков. Можно ему войти?

— Можно.

Вновь к министру входит Сырейщиков. Но уже входит по-иному — спокойно, солидно, без странных, порывистых жестов.

Правда, обращаясь затем с речью к министру, оратор так увлекается, что жестикулирует если не по-сырейщиковски, то со свойственной Лунькову живостью.

— Товарищ министр, я позволю себе занять на несколько минут ваше внимание. Мною разработан способ выплавки чугуна при помощи электричества, без применения кокса, на обыкновенном сыром каменном угле. В некоторых районах нашей страны имеются огромные залежи некоксуемых углей. Например, неподалёку от реки Ангары, которая, как известно, является могучим, неисчерпаемым источником гидроэнергии. Обычное доменное производство в этих местах невозможно из-за отсутствия кокса. А электроэнергия будет очень дешева. Сейчас даже не вполне ясно, какие потребители сумеют всю её забрать. Разрешите, товарищ министр, построить там несколько печей нового типа. У меня скромная задача. Я вовсе не спешу сносить доменные печи. Но вдобавок к тому чугуна, который дают домны, ещё два-три миллиона тонн могут быть выплавлены, как мне сдаётся, по моему способу. Выплавлены в тех районах, где, как я уже указывал, доменное производство невозможно. Прошу, товарищ министр, вашей поддержки.

Володя-министр распоряжается:

— Немедленно испытывать печь! Выдать пятьсот тысяч рублей на опыты!

— Ну, понял наконец, что такое для нас Север?

— Понял, — серьёзно выговаривает юный Сырейщиков. — Экономическое обоснование.

— Верно. Володька, экономическое обоснование. Это вот мы и расскажем твоему отцу.

(Окончание следует)

Н. ПЕРЕВАЛОВ

★

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ПРОИДЕННОЕ ПОЛЕ

Вижу снова далёкое поле...
Вижу, травы покрыты росой —
и по ним, приседая от боли,
пробегают мальчонка босой.

То пчела его в пятку ужалит,
то крапива хлестнёт по ногам...
Ненадолго печаль опечалит —
и смеётся опять мальчуган.

Ведь на голову небо родное
льётся тёплой волной с высоты,
и пылью его раны покроют,
не скупясь, полевые цветы.

Что-то спляшет трескучий кузнечик
под басовую песню шмелей.
И плакучие ивы у речек —
даже те рассмеются навстречу,
закивают ему: — Не робей!

Ивы старые, милые клёны!
В час раздумий опять и опять
среди вас

в сапогах запылённых
разрешите вы мне постоять:

приглядеться к волнующим вехам,
и послушать, как ветер поёт,
и припомнить, куда же со смехом
пробежало тут детство моё.

НАЧАЛО

Впервые в жизни, может,
гордился так малец,
когда «Возьми-ка вожжи»
сказал ему отец.
По нраву человеку
начало трудных дел.
Но влез он на телегу
и сразу оробел:
уходит вверх дорога,
высок тяжёлый воз,
не так свернёшь немного —
сорвёшься под откос.

И сердце бьётся часто —
задача нелегка...
Но рядом, рядом, к счастью,
отцовская рука.
И ласковый и строгий,
отец не сводит глаз,
не даст свернуть с дороги
и оробеть не даст.
Надёжное соседство:
— Держи прямей, сынок!..

Ушёл сынок из детства
за тридевять дорог...
За тридевять тяжёлых —
сквозь вёрсты и года.
Но где бы, где ни шёл он —
ни разу, никогда
он под откос не падал:
надёжна и крепка,
как прежде, всюду рядом
отцовская рука.
И ласковый и строгий,
отец-народ у нас
не даст свернуть с дороги
и оробеть не даст.

ДУМА СИБИРЯКА

Сам не понимаю, что творится
иногда, товарищи, со мной —
может быть, не чувствую границы
меж Новосибирском и Москвой?..
У фонтанов шумных и прохладных
слышу плеск обских широких волн...
В подмосковных парках мне отрадно
вспоминать таёжный небосклон...
А глаза увижу я большие,
женские, красивые глаза —
и вздохну: «И там ведь есть такие —
полюбил их год тому назад...»
Вспомню всё — взгрустнётся поневоле,
улетел бы в милые края!
И шепчу: «Сибирское раздолье —
золотая родина моя!»
А когда я сам в Новосибирске,
ты прости мне, город мой родной:
прохожу — и чудится, что близко
площадь Красная передо мной...
Вспомню всё желанным, добрым словом
и, хорошей грусти не тая:
«Эх, Москва, — шепчу, — Москва, —
и снова:

Золотая родина моя!..»

Сам не понимаю, что творится
иногда, товарищи, со мной —
видно, нет в душе моей границы
меж Новосибирском и Москвой.

МАТЕЙ СЛОМЧИНСКИЙ

★

РАССКАЗ О НЕПОСЛУШНОМ СЫНЕ

Случилось это двадцать первого числа июля месяца, ровно три года тому назад.

На том месте, где теперь стоит новый город, созревали хлеба на полях. Под купой густо разросшихся деревьев — издали казалось, что здесь парк, — было кладбище. Напротив этого кладбища, шагах в двадцати от первого ряда крестьянских могил, высились первые четыре дома нового города, образуя обширный квадрат, замыкающий площадь, покрытую непролазной грязью.

Отсюда, с этой площади, должны были протянуться во всех направлениях улицы. Но пока что всюду вокруг сохранялся столетиями не менявшийся пейзаж — правда, в него уже вторглось новое шоссе, но шоссе это проложили по колее старой проезжей дороги, и единственная польза от него была лишь та, что оно заставило несколько плетней отступить под самые окошечки покосившихся и слишком уж выдвинувшихся вперёд лачуг. Помимо этого, всё оставалось таким же, как прежде. Днём изгнувшиеся, как серпы, старушки носили воду из колодцев, а по ночам серые кошки, выскочив из зарослей крапивы, обрывали соловьиные трели.

С севера в широкое русло шоссе впадал извилистый приток просёлочной дороги, которая вела к заливным лугам над рекой. Вдоль этой песчаной колеи раскинулась большая часть деревни, окаймлённой малинниками и плохонькими фруктовыми садами. У дороги стоял и монастырь. В его тенистом саду росли почтенные дубы, располагающие к благочестивым прогулкам, и стройные берёзки, так некстати похожие на молоденьких девушек, расчёсывающих после купания свои длинные волосы.

Деревня некогда принадлежала монастырю, и стояла она здесь лет семьсот — ровно столько же, сколько и монастырь. И хотя с той поры, как люди и земля перестали быть законной собственностью монашеского ордена, прошло много десятилетий, деревня попрежнему смотрела на мир глазами монастырской братии и всё новое воспринимала в её толковании. Эта духовная зависимость, как и то обстоятельство, что большинство местных крестьян владело многогектарными хозяйствами, и являлась главным источником той враждебности, с которой деревня встретила раскинувшиеся в поле палатки добровольческой молодёжной бригады.

А там, под знойными лучами солнца, люди готовились к празднованию Дня Возрождения¹, первому празднованию в новом городе.

Начальник бригады Ясинский, председатель правления местной организации Союза польской молодёжи Гай и секретарь бригадной парторганизации Палюх сидели за столом в бараке, отведённом под контору, и просматривали папки с личными делами молодых рабочих. Гай, мысли

¹ 22 июля — национальный праздник народной Польши. (Примеч. перев.)

которого растекались сегодня между сотнями не терпящих отлагательства вопросов, тыльной стороной руки вытер пот с лица, поднялся и высунул голову в окно, за которым стояла плотная, как стена, жара.

— Свистек!

Полуголый бригадный связной, весь вымазанный кремом, вскочил со ступенек и, подтягивая сползающие трусики, вошёл в барак.

— Слушаю.

— Позови-ка Сокальчика и Зембу из третьего отряда. Пусть сразу же сюда идут. А потом — Мигдала, Сендзимира и Янковского из четвёртого.

— Что это ты так вымазался? — спросил Палюх.

— Да вот чтобы загар ложился ровнее и лучше! — широко улыбнулся паренёк. — Так кого же раньше, товарищ председатель?.. Сокальчика и Зембу?

— Да. Только пошевеливайся!

Старательный Свистек помчался к постоянному месту сбора со всей скоростью, какую допускали его чрезмерно длинные ноги, ноги четырнадцатилетнего подростка. До недавнего времени паренька больше всего тревожила мысль, что он так никогда и не вырастет. Когда Свистек явился в бригаду, его не хотели принимать. Всё же он умолил мягкосердечного Палюха, и его назначили связным. Но с некоторых пор в его жизни начался тот удивительный период, когда всё тело бурно стремится принять свои окончательные формы. Почти каждое утро Свистек просыпался со странным ощущением совершающихся в нём перемен. Подобное ощущение, пожалуй, могла бы с ним разделить только прорастающая фасоль, если бы, понятно, и у неё под лежаком был спрятан колышек, на котором она по субботам отмечала бы свой рост.

Связной остановился. Ну где теперь может находиться Земба?.. Либо в палатке, либо на реке. Вернее всего, в палатке!.. Кому же это захочется итти на реку сразу после обеда? Свистек плотно поел, его клонило ко сну, и он был убеждён, что такое же чувство должен испытывать каждый. В данном случае он не ошибся.

Томек Земба лежал навзничь под тёмным, тенистым навесом палатки и наблюдал, как вспыхивали яркие блики в тех местах, где протёртый брезент пропускал атакующие его лучи солнца. Где-то высоко над лагерьем без умолку заливался жаворонок. Земба вздохнул. Он раздумывал о серьёзных делах, а это непрерывное щебетание мешало ему сосредоточиться. Лёгкий ветерок, ворвавшись в, неплотно занавешенную палатку, принёс с собой с площади волну воздуха — горячего и липкого, как смола. Жаворонок в небе вдруг поперхнулся и умолк.

«Может, его удар хватил от жары? — подумал Томек с надеждой. — Ведь он с самого утра повис там, что твой вертолёт!»

Но мгновение спустя жаворонок, перелетев на другое место, снова запел, а Земба зажмурил глаза и вернулся к прерванным размышлениям.

Он думал о велосипеде. Вечером состоится общий сбор у костра, будут вручать премии за первый квартал, который молодёжная бригада проработала в новом городе. Премий много, зато велосипедов только семь. Земба принадлежал к числу лучших передовиков труда, да ведь и лучших тут больше семи. К тому же он не состоит в Союзе польской молодёжи. Его хотели принять — он отказался. А там, налево, за рекой и холмами, находились его Богуславицы. Всего в сорока километрах отсюда. В будущем воскресенье он мог бы поехать к тётке на собственном новеньком велосипеде! Хорошо бы ещё надеть форму, но нет, в форме он там не покажется...

В полоске яркого света у входа в палатку стоял Свистек. Он ничего не мог различить и заслонил глаза ладонями.

— Что ты здесь потерял? — спросил Земба, приподнявшись на локте.

— Томек, это ты?

— Ну?

— Валяй в контору! Тебя вызывают!

— Кто?

— Ге-не-ра-лы!.. Палюх, Гай и Ясинский.

— А что случилось?..— Томек встал и начал причёсывать волосы половинкой гребешка, которым он владел совместно с Сокальчиком.

— Не знаю. Может быть, насчёт премий? Ведь ты же передовик. Где Сокальчик?

— Пошёл купаться. Ну и как там? Ты что-нибудь слышал о премиях?

— Мало. Но вызывают тебя, вероятно, за этим. Иначе к чему бы ты им понадобился в такое время... Где он, на реке или к ручью пошёл?

— На реке...— Земба крепко стянул ремень, разгладил брюки и вышел из палатки.— «Да. Вероятно, речь пойдёт о премиях».

Но речь шла совсем о другом.

— Послушайте, Земба,— сказал Гай.— Вы, кажется, знатный гармонист? Да?

— Да вроде... играю.

— Сокальчик с вами из одной деревни, правда? Из Богуславиц?

— Да.

— Знаете что? Мы хотим, чтобы вы завтра вместе с ним и Янковским из четвёртого отряда поехали туда поагитировать. Янковский хороший оратор, а вы оба из той деревни. Гармонь ваша тоже пригодится...— Гай остановился и ждал вопросов, но Томек ничего не сказал.— Дело в том, что нам не хватает людей. У нас здесь три бригады, а нам бы нужно ещё три, если не больше. Первый призыв Союза польской молодёжи прошёл успешно. Надо провести второй и собрать деревенских ребят, знаете, таких, которым там некуда податься, а они хотели бы жить в человеческих условиях и получить специальность. Впрочем, что мне вам объяснять! Вы ведь знаете не хуже меня. Наверняка у вас там есть такие!..

— Пожалуй... Конечно, есть!..

— Ну, вот и всё! Договорились! Завтра утром за вами заедет машина. В каждый из уездов поедет по несколько троек. Это уже согласовано с уездными народными советами и волостными комитетами партии. Плакаты мы тоже послали. Там обязательно хотят, чтобы агитаторы были местные. Ведь завтра двадцать второе июля!.. Они знают — вы толком расскажете ребятам что и как, без всякой брехни. А вечером машина явится за вами, и к восьми вернётесь в бригаду.

— Я...— заикнулся было Земба и покраснел. Но Гай не заметил этого.

— Янковский получит сейчас инструкцию и всё вам расскажет. Да мы и так уверены, что вы справитесь. Главное, никакой брехни!.. Говорить надо правду, как есть на самом деле,— не лучше, не хуже. Помните, отъезд ровно в семь.

— Я... я не поеду!

Гай вскочил, раскрыл было рот, но не произнёс ни слова. От неожиданности он потерял дар речи.

— Вы отказываетесь, Земба?.. Почему? — без всякого удивления спросил Палюх. Ему было всего тридцать лет, но он многое перевидал в жизни.— Там у вас были неприятности? Расскажите.

— Нет, нет. Но... я не поеду!

— Да опомнись ты, милый! — Гай снова обрёл голос.— Ведь это наш долг! Если ты здесь работаешь и тебе тут хорошо, так помоги же и другим! Никто тебя не может заставить поехать, но ведь это позор! — Он

внимательно посмотрел на понурившего голову паренька.— Скажи, может быть, ты там боишься кого-нибудь?

— Нет... не боюсь!.. Но не поеду! — Он ещё запинался, но уже был полон решимости. Пусть говорят, что им вздумается. Пусть даже кричат. Ничего из этого не выйдет.

— Подумайте до вечера,— спокойно сказал Ясинский.— Времени у вас ещё много. А вечером нам скажете. Конечно, лучше всего было бы сказать прямо сейчас. Быть может, нам удалось бы вам помочь, если в том есть надобность. Не зря же вы отказываетесь ехать? А принуждать вас никто не собирается. Только подумайте, какой пример вы подаёте другим. Ведь вы же один из передовиков труда.

«Да. Вот ты с какой стороны подъезжаешь! — подумал Земба. — Сейчас напомнишь о премиях!»

Но никто уже с ним не разговаривал. Томек постоял ещё некоторое время в нерешительности. Ведь не мог же он так отсюда уйти? Что-то должно было произойти.

— Ну, пока всё,— глухо сказал Ясинский, словно жара и то, что он здесь только что увидел, вымотали все его силы.— Можете идти!

Когда Земба вышел из барака, руки у него дрожали. Что они могли о нём подумать? Он видел, что они недовольны. Ведь именно Палюх три дня назад сказал Томеку, что его хотят послать в автошколу. А Гай с самого первого дня относился к нему, как отец родной. Даже сегодня ни один из них не сказал ему дурного слова. Ну и что из того? Да будь они самыми лучшими людьми на свете, всё равно не поедет он в свою деревню, не станет тянуть ребят на стройку и рассказывать им, как ему хорошо здесь живётся. В Богуславицах все понимают, конечно, что ему пришлось уехать из деревни на заработки. Ведь они же знают его тётку и дядю. Но уговаривать других? Нет, это совсем иное дело. Он не может за это взяться. Руководители бригады ему не простят, ясное дело. Не будет автошколы, не будет велосипеда... ничего не будет. Нет, его не удивляет, что они так поступят. Он и сам бы так поступил на их месте.

Томек прошёл мимо палаток к поросшему кустарником берегу ручья. В восемь вечера его отряд приступал к патрульной службе. Предстоял обход деревни. До этого времени ему хотелось побыть одному, не разговаривать ни с кем... даже с Янеком Сокальчиком. Особенно с Янеком.

— Отец умер... мать умерла... безземельный!.. Ничего не понимаю! — Ясинский протянул Палюху учётную карточку, начинающуюся словами: **Т о м а ш З е м б а**.

Гай нерешительным движением сгрёб раскиданные на столе бумажки.

— Справка из волостного правления есть, из милиции тоже. Всё в порядке! В чём же дело? Хотел бы я знать...

Но он не успел договорить. В комнату вошёл очень высокий и очень худой юнец. Рядом с этими загорелыми, смуглыми парнями он походил на человека, которого долго полоскали в химических растворах. Брови у него были белёсые, волосы белёсые, ресниц не было вообще, а красноватый тон кожи переходил в светлолиловый на щеках и ладонях. Даже белки глаз были с красноватым оттенком. В бригаде его окрестили «Белила», но звали его Ян Сокальчик, и было ему девятнадцать лет.

— Садитесь.— Гай кивнул головой в сторону свободного стула.— Правление вызвало вас по одному вопросу, но поговорим сперва о другом. Только что здесь был ваш земляк Земба. Удивительное дело с этим Зембой.

— Удивительное...— Только теперь Сокальчик сел, осторожно пожив под стул пилотку.

— Давно вы знакомы? — спросил Палюх.

— Да вот с таких...— Не нагибаясь, Янек дотянулся своей длинной рукой почти до самого пола.

— Ну и что он за парень? — Гай на секунду умолк. — Вроде хороший, а вроде и нет. Работает с самого начала хорошо, так же как и вы, а сейчас выкинул здесь одну штуку, и нам хотелось бы разобраться, что всё это может значить?

Белёвые брови вопросительно приподнялись.

— Видите ли, мы собирались послать назавтра трёх агитаторов в ваши Богуславицы. Речь идёт о новом молодёжном призыве...

— А он вам сказал, что не поедет?

Их удивило, что Сокальчик понимающе кивнул своей маленькой головой, посаженной на длинной шее. Теперь он был похож на ощипанного гуся, бессмысленно заглядевшегося в мутную воду, но руководители бригады давно его раскусили и знали, что за нелепой его внешностью скрывается твёрдый характер и ясный ум.

— Да. Сказал, что не поедет.— Палюх встал и начал медленно расхаживать по комнате.— Но почему?

— Скверное дело.— Сокальчик огорчённо покачал головой.— Моя вина. Надо было раньше об этом рассказать. Может быть, и удалось бы что-нибудь придумать.

— В чём же всё-таки дело? — Палюх остановился.

— Его отца застрелили наши,— спокойно произнёс белый паренёк.— Вот в этом-то и всё дело.

— То есть как — застрелили? — склонился над столом Ясинский.— Как это случилось?

Палюх сел. Он был утомлён после бессонной ночи. В последнее время ему вообще приходилось мало спать. Строительство нового города разворачивалось всё шире, и работа бригады с каждым днём становилась сложнее. Он протёр глаза жёсткими подушками ладоней и с трудом приподнял слипающиеся веки.

— Как же это случилось? — повторил он вслед за Ясинским.

Вода в ручье сделалась совсем голубой, и он журчал теперь громче обычного, как всегда бывает перед наступлением вечера. Ветки склонившегося над берегом орешника были покрыты тоненьким слоем белой пыли. Земба провёл пальцем по поверхности сморщенного листочка и отпустил ветку. Она взлетела вверх, дрогнула и застыла.

«Теперь она притворяется, будто никто её не трогал,— промелькнуло у него в голове. Он закрыл глаза.— Вот лежу тут, играю ветками, а ведь там...»

Но что можно было поделывать? Бывает так, что незначительные мысли возникают вдруг рядом с важными, а человек и сам не знает, почему он перестал думать об отце и начал размышлять об орешнике...

На стене их хаты висела большая фотография. На переднем плане — молодой уланский ротмистр верхом на коне. А позади, на небольшом от него расстоянии, — второй всадник, тоже улан. Внизу, тут же, над нижней планкой рамы, нарисована гирлянда из роз, обвивающих надпись: «1920 год».

Томек помнит, как в ту ночь он стоял у окна и смотрел то на фотографию, то на двоих мужчин, сидевших за столом друг против друга. Перед ним были именно эти уланы, только постаревшие на двадцать пять лет. У отца лицо заострилось, а раньше оно было круглым. А пан Коморский располнел и поседел. Звали его Рауль. Ни в одном календаре не найдёшь такого имени.

— Послушай! — сказал бывший ротмистр своему бывшему ординарцу.— Надо принять какое-то решение!

Отец поддакнул, но с сомнением покачал головой, давая понять, что не так-то всё просто; потом наполнил рюмки и повернулся вместе со стулом к окну.

— Томек! Следи хорошенько, не идёт ли кто к нам! — Он прикрутил фитиль, и мрак сгустился вокруг лампы, словно охватив её полузакрытым зонтиком.

— Он не проболтается?

Пан Коморский был не из трусливых, но не всё решался говорить при ребёнке. Случается, ребёнок ляпнет, ничего худого не думая.

— Он?! Да хоть бы вы, пан ротмистр, сокровища при нём закопали! Он на то место и взгляда не бросит, если я запрещу! Так уж воспитан.

— Ну, следи, сынок. — Пан Коморский кивнул в сторону окна. — Ты теперь, как солдат. Часовой на посту!

Двенадцатилетнее сердце Томека на миг замерло. Ведь это ему сказал сам пан ротмистр, пан помещик! Томек просунул голову под одеяло, которым было занавешено окно, и смотрел, не моргая, на дорогу.

— Надо принять какое-то решение! — повторил Коморский. — Я слышал, он добивается ссуды, чтобы перестроить одну половину усадьбы под школу, а во второй разместить переселенцев! Вот сукин сын!.. Ну и школа же там будет! Хотел бы я только знать, чему в ней станут обучать? Вряд ли уважению к чужой собственности! А если он впустит в дом переселенцев, то и возвращаться туда бессмысленно будет, после того как кончится вся эта чёртова заворощка. Как ты думаешь, он осмелится?

— Осмелится, пан ротмистр. Велел к октябрю помещение для них подготовить, пока не освоятся на чужом месте.

— Слушай! — сказал пан Рауль и понизил голос до шёпота. Говорил он долго, а отец время от времени тихо отвечал:

— Так точно, пан ротмистр!

Хотя Томек ничего толком не слышал, но знал, что говорят они о старосте Павляке. До войны Павляк батрачил в имении. В самом начале оккупации он исчез. Вернулся после войны в деревню с женой и маленьким ребёнком. И тогда все узнали, что в течение трёх лет он был с коммунистами. Партизанил. А теперь стал старостой, и все — по крайней мере, все те, кто приходил к отцу, — ненавидели его.

«Должно быть, он плохой человек, — думал Томек, взглядываясь в ночную синеву за окном, — но пан ротмистр ему покажет...»

И показал! Рауль Коморский был человеком смелым. Хотя картин, мебели и припрятанной валюты ему хватило бы на десять лет спокойной жизни в городе, он воспользовался случаем и, повинувшись зову своей волчьей натуры, после ухода Советской Армии отправился туда, куда всегда тянет хищника: в лес.

Пан ротмистр пришёл снова спустя несколько дней после той ночи, когда он назвал Томека солдатом.

Опять была ночь, и опять они сидели с отцом за столом. Разговаривали очень тихо, но Томек заметил, что отец чего-то испугался. Потом пан Коморский ушёл, и они остались одни. Отец затворил дверь, сел к столу и долго всматривался в пустой угол хаты.

— Томек!..

— Что, папа?

— Ты один тут справишься?

— Управлюсь, папа, если надо.

Томек был серьёзный мальчик. Мать умерла, когда ему был всего годик, и в хате их редко слышался смех.

— Видишь ли, — говорил теперь отец, как будто обращаясь к нему, но похоже было, что он беседует с кем-то другим, с кем-то, кого нет в хате. — Вся войну я с ним проиёл... Он мне спасал жизнь, а я ему...

Потом дал мне те шесть моргов земли, что у нас есть... Совсем даром, понимаешь... Любил он меня. Ни с кем в деревне не считался. Даже самому богатому рукой не помашет... Мало ли мужиков ни за что ни про что от него по морде схлопотали... А ко мне, бывало, через всю деревню верхом прискачет... в хату зайдёт поболтать о минувших временах... Тогда это была... большая честь...

Отец замолчал и с минуту смотрел на белёную стену, где, как золотые рыбки, извивались отблески пляшущего под конфоркой огня.

— В случае чего... — сказал он так поспешно, словно добрался наконец до затаённой мысли. — В случае чего... — Он снова не договорил.

Ну что мог он сказать этому ребёнку, единственному своему сыну, единственному существу, которое, быть может, его не забудет?

— В случае чего, помни, что нет у тебя прощения для тех, кто меня погубил. Не забудешь?

Здесь была вся его жизнь: сын, собственная тёплая хата и земля за окном. Не хотелось ему отсюда уходить, но он чувствовал себя беспомощным перед лицом надвигающихся дней и перед прошлым, которое вцепилось в него и держало, как шуку, попавшую на крючок. Но всего этого он не сумел бы объяснить.

— Не забудешь? — повторил отец.

— Нет.

Дрожащий голос ребёнка. Да, это был он — Томек Земба, в упор глядевший в лицо отца; в отсветах огня оно казалось ему то чёрным, то красным.

Они пришли следующей ночью. Было их трое. Третьим был помещик. Те двое тоже принесли с собой запах леса — запах сыромятной кожи, хвои и пота. Все они были вооружены. Отцу тоже дали винтовку и гранаты. Он взял винтовку в руку, как палку. Гранаты засунул за пояс.

— Да ты не убивайся так! — фыркнул помещик. — Ты будешь стоять в стороне, на горке у костёла, и сторожить. Вот и всё. Эх, улан, улан... Ведь надо же это сделать.

А потом они ушли и сделали «это». Хата старосты горела целый час, а может быть, и дольше. Кто-то прибежал на помощь, но грянул выстрел, и люди попрятались. Вышли они снова, лишь когда пожар уже догорал.

Предраассветный туман разливался по гряде пепла, как мутная жижа. С одного края на пожарище дымились головешки. Взметнулись искры. Лица у людей казались такими же серыми, как небо над их головами. Кто-то затоптал ногой догорающий огонёк. Это был конец. Старосту нашли подле торчавшей посреди пепелища печной трубы, развороченной взрывом гранаты. Он был похож на обгоревшую деревянную статую. Жена и ребёнок сгорели дотла.

Когда Томек вернулся в хату, отец сидел возле печки и тихо наигрывал на гармони.

— Принеси дров, — сказал он глухо. — Холодно здесь!

Он дрожал всем телом, словно предчувствовал, что на третий день подкатит к его дому грузовик с солдатами. Отец прыгнул тогда из окна в сад за хатой.

Они кричали:

— Стой!.. Стой! Стой! Стой! Стой!..

Он не остановился. Швырнул в них гранату.

Потом его принесли в хату. Положили труп на пол. Только тогда Томек бросился на них, как зверёныш. Глаза у него были сухие. Двоим солдатам пришлось его крепко держать. Офицер, уже седеющий человек с утомлённым лицом, спросил:

— Чей это ребёнок? Его?

— Его,— ответил волостной писарь, которого они привезли с собой, чтобы показывал им дорогу.

— А мать где?

— Умерла. Давно уже.

— Один остался?

— Один. Вероятно, родственники отца возьмут его к себе.

— Надо о нём позаботиться, запомните... Надо его воспитать. Достаточно он тут нагляделся, с уверенностью можно сказать...

Глаза офицера выдавали огромную усталость. Ох, и трудный же эго был год — сорок пятый! Высадив писаря перед домом волостного правления, офицер записал адрес. Он хотел заглянуть сюда снова, когда случится ему быть в этих местах, и проверить, что стало с мальчиком. Но ему так и не пришлось побывать здесь, потому что шестью неделями позднее его убили под Перемышлем бандеровцы.

Но Томек ничего об этом не знал. Теперь он думал о том, как ему жилось после смерти отца. Тётка и дядя поделили между собой землю. Отец задолжал им деньги. А может быть, вовсе и не задолжал? Так или не так, но Томеку достался лишь угол на чердаке под крышей, и он пас коров, пока был маленький... А потом... Да, замыкался он, натерпелся. Но как бы там ни было, им удалось вырваться сюда — и ему, и Сокальчику.

Тени деревьев стали значительно длиннее, чем самые деревья. На башне монастыря трижды ударили в колокол.

— Вечерня... половина седьмого.— Томек встал и медленно пошёл назад в бригаду. Он почувствовал боль, какой не испытал ещё никогда в жизни. У него болела голова.

Над палатками уже сгустились сумерки, хотя на западе, над краешком леса, ещё сверкал полукруглый голубой лоскуток дня. Ребята молча шагнули за ворота, подтянули ремни винтовок и пошли по проезжей дороге.

— Пройдём этой дорогой до самого шоссе и вернёмся по тропинке вдоль ручья,— сказал командир патруля Стефчик.

Земба и Сокальчик молча кивнули. С момента встречи в дежурке они не сказали ещё друг другу ни слова. Конечно, Янек уже всё знает. Свистек, наверное, нашёл его на реке и отвёл в контору. Там его стали расспрашивать, и он всё им рассказал. Сокальчик не любил болтать зря, но если считал, что надо говорить, то так и поступал. Впрочем, пусть себе говорит. Разве от этого что-нибудь изменится?

Они свернули в дубовую аллею. Могучие деревья вытянулись широким фронтом над монастырской стеной. В окошках по другую сторону дороги моргали подслеповатые глаза керосиновых ламп. Дальше шли заросли кустарника.

— Ребята! — Стефчик остановился. Он говорил тихо, хотя к тому не было никакой причины.— Послушайте, ребята...

— Ну? — словно очнулся Земба.

— Послушайте... Я только на минутку... На полминутки!..

— К своей Малгоське? — рассмеялся Янек с высоты своего огромного роста.

— К ней!.. Видишь ли, я обещал... Вот, ей-богу, только скажу ей несколько слов — и тут же назад, галопом... Идёт?

— Идёт!

Зембе и Сокальчику хотелось остаться вдвоём. Стефчик свернул за угол. Они услышали тихий скрип калитки. Где-то на соседнем дворе проснулась собака, залаяла, потом, громыхая цепью, вернулась в свою будку. Они молча прошли метров сто и остановились возле кустов.

Теперь было уже совсем темно. Земба снял винтовку с плеча, поставил прикладом на землю, опёрся о ствол и, слегка раскачиваясь, начал тихонько насвистывать старинную песенку о несчастной Марысе и её гусях, песенку, которую так любили в их родной деревне.

— Послушай! — Янек нагнулся, чтобы лучше видеть его лицо. — Меня вызывали сегодня в правление и сказали, что ты отказался ехать в Богуславицы агитировать молодёжь.

В голосе его слышался не очень чёткий вопрос. Земба не ответил. Он перестал насвистывать и молча ждал, что будет дальше.

— Спрашивали меня почему, — сказал тихо Сокальчик. — Я рассказал. Это, брат, серьёзная штука. Ты поступил, как враг.

— Почему враг? Ведь это моё личное дело, и никого оно не касается. Не хочу и не еду.

— Да какое там личное дело?! Выходит, что призыв молодёжи в бригаду твоё личное дело и никого не должно интересовать, почему ты отказываешься ехать? Да ведь это сейчас важнее всего!

— Я так не думал.

— Но я так думаю, и Палюх так думает, и Гай, и Ясинский, а завтра так будет думать вся бригада. А что они о тебе подумают, это известно.

— Что?

— Как что?.. Да просто, что ты враг!.. Не впутывайся ты в это. Ты ведёшь себя так, словно любой ребёнок в нашей деревне не знает, что твой отец плохо тогда поступил, когда пошёл с помещиком на эту... на это... ну да всё равно, на что он пошёл! Он тяжко заплатил за своё преступление. А ты что? Ждёшь, чтобы ещё извинились перед тобой за это? Чего тебе надо?

— Да ведь они моего отца убили! А ты хочешь, чтобы я ехал туда людей уговаривать! Я, родной сын!

— Ну и что из того! Ты думаешь, мало людей обрадуется? Ведь они помнят, как всё это было. В Богуславицах живут не одни только идиоты и кулаки. Вот то-то! Если бы именно ты приехал и рассказал, как мы живём, это бы ребят лучше всего и убедило. Кого ты стесняешься? Старых баб, или экономки ксендза, или тех богачей, которые и сегодня о помещике плачут, потому что вместе с ним спекулировали зерном и батраков в имение поставляли на время уборки урожая, а теперь каркают, предчувствуя, что и им приходит конец? Да плюнь ты на них! Пусть болтают, что им угодно!

— Янек, да ты одурел! Сам подумай... Посмею ли я на таком собрании выступить? Ведь каждый мне может наплевать в морду! Отца у него, скажут, убили, а он теперь пляшет под их дудку.

— А ты им на это ответишь, что так и должно было случиться, потому что твой отец тоже убил.

— Никого он не убивал!

— Только охранял убийц, когда Павляка с женой и ребёнком сжигали! Ну...

— Янек!.. — Земба почувствовал, что кровь прихлынула к его голове, глаза у него налились, и перед ними замелькали красные блики, хотя вокруг был сплошной мрак, ни единого огонька.

— Что?! Ты на меня не кричи! Те дела меня не касаются. Зато я вижу, что с тобой творится. Ты свою обиду выместить хочешь? На ком? На социализме? — Он с трудом произнёс последнее слово, но оно было ему необходимо.

— Никому я мстить не собираюсь! Оставь меня в покое и отвяжись. Чужая беда — не твоя забота.

— Конечно! Но я не знаю, что будет завтра. Разве ты не понимаешь, что твой отец был сам во всём виноват, а теперь из-за него и ты хочешь...

— Янек! Если ты ещё хоть слово скажешь о моём отце, я дам тебе в морду!

— Да потише ты! — оттолкнул его Янек. — Я не собираюсь с тобой драться, дурак!

— А я собираюсь!.. Становись!

Да, ему хотелось драться. Земба швырнул винтовку в канаву. Ударил Янека вслепую и попал прямо в лицо. Они начали бороться в темноте.

Первый камень со свистом пролетел мимо них и ударился в монастырскую стену. За ним — второй, третий, четвёртый. Это была засада, одна из многих в те дни. Видимо, те, что швыряли камни, решили, что перед ними пьяные. Пьяный паренёк из бригады был для них самой желанной мишенью. Как-то после такого же ночного нападения троих ребят отправили в больницу. Один из них так и не вернулся назад.

— Внимание! Камни! — Янек оттолкнул Томека.

Всё произошло настолько неожиданно, что они не успели сообразить, с какой стороны им грозит опасность. Нападающие швыряли камни, наблюдая полную тишину. Земба, лёжа на земле, ощупью разыскивал свою винтовку. Сокальчик рухнул рядом с ним.

— Стреляй, Янек! Они там, в кустах!

Земба схватил товарища за руку. Она была вялая, безжизненная. Паренёк сполз в канаву, нащупал винтовочный ствол, притянул к себе винтовку и разрядил всю обойму прямо в темнеющие кусты. Кто-то крикнул: «О господи!» Послышался топот ног. Томек перезарядил винтовку и выпустил вторую обойму.

Грохот выстрелов медленно замирал. Приклад винтовки словно прирос к плечу. Стало совсем тихо. Из-за высокой крыши монастыря выглянула луна, но её тут же затянуло лёгкое белое облачко. Не отнимая пальца от спускового крючка, Земба медленно повернул голову. Пошарил в темноте. Ладонь Сокальчика мягко разжалась, едва только Томек прикоснулся к ней пальцами. Он вздрогнул, с трудом сдержал крик и вскочил на ноги. Несколько мгновений стоял молча, сжимая ствол винтовки. Голову его мучительно сверлила мысль: «Что делать? Что делать?»

Кто-то бежал по дороге.

— Стой! — прицелился Томек в нечётко вырисовывающийся силуэт.

— Не стреляй! Это я! — Стефчик тяжело дышал. В руках у него была заряженная винтовка. — Что случилось?.. Где Янек?

— Здесь лежит. Дай сигнал тревоги!

— Лежит!.. Но ведь он не... — Стефчик быстро вскинул винтовку и выстрелил три раза подряд.

С минуту они прислушивались. Вдалеке глухо отозвались три выстрела. Засветили электрический фонарик. Сокальчик лежал навзничь. Лицо в крови. Когда ребята попытались его приподнять, он застонал.

— Жив, — сказал Томек, понял смысл своих слов, и у него едва не подкосились ноги. — Бери его! Видишь — вон горит свет. Отнесём его туда.

— Кидали камни?

— Да.

Они осторожно подняли с земли длинное неподатливое тело и вошли в тёмный палисадник. Всякий раз, когда безжизненная рука раненого прикасалась к его ноге, Земба стискивал зубы.

— Это я... — В голосе Стефчика слышались еле сдерживаемые слёзы. — Я нёс ответственность за патруль, а вместо этого... с девочкой...

— Нет. Я виноват, — сказал Томек. — Мы подрались, и тогда они стали швырять камни. Думали, что пьяные скандалят. Не знали, что это патруль, иначе бы не посмели...

Они подошли к окошку. Земба обнаружил дверь. Не выпуская Янека, несколько раз стукнул в неё сапогом.

— Кто там? — За дверью стоял человек. Видимо, в хате ещё не спали, а может быть, выстрелы разбудили спящих.

— Патруль Союза польской молодёжи из бригады. Несём раненого. Отворите!

— Никому я ночью не отворю!

— Да ты что! — сказал Земба вполголоса, но так, что в хате его должны были услышать. — Отпирай, либо я вышибу выстрелом замок! Считаю до трёх! Если не откроешь, разнесу хату!

Завтра пусть его разделают за это, как им будет угодно. Завтра пусть ему скажут, что так вести себя не следовало. Но сегодня он не отступит! Ах ты, кулацкая сволочь! Ведь у них раненый... Раненый ли?.. Янек не шевелился.

— Раз, два..

Дверь распахнулась. Крестьянин держал лампу над головой.

— Нет у вас, что ли, своей больницы? Эх вы... — Он замолчал, увидев винтовки и побледневшие лица юнцов.

Они прошли через сени в богато обставленную комнату.

— Только не кладите на диван! Ведь перепачкает всё кровью!

Высокая, черноглазая, седеющая женщина выбежала из дверей кухни. Бросилась к ним, крестом раскинула руки и загородила дорогу.

— Вас ещё тут недоставало! Вон отсюда!

Она вела себя ещё более нагло, чем её муж. Впрочем, для неё, как женщины, это было менее рискованно.

— Здесь ведь некуда больше положить, — вежливо заметил Стефчик. — К тому же за ним скоро придут.

Женщина не сказала больше ни слова. Она только остановила их движением руки и покрыла валик дивана полотенцем. Потом выпрямилась, подошла к окошку, выходящему в сад за хатой, устремила пристальный взгляд в темноту, закрыла ставни и посмотрела через плечо на лежавшего.

— Эх, кабы все вы так выглядели, — сказала она почти спокойным голосом, как человек, который знает, что его желания не так-то легко осуществить, и вышла. А муж её стоял на пороге и курил папиросу.

— Выйди на дорогу и жди наших! Там, в канаве, осталась его винтовка. Скажи, что те убежали в лесок. Пусть сейчас же присылают сюда машину и фельдшера. Я с ним посижу. Ну, ступай! — Земба почти вытолкнул Стефчика и склонился над Янеком. Надо было обмыть рану, потому что всё лицо его было в крови и песке.

— Принесите воды! — сказал Томек.

Хозяин хаты даже не пошевелился.

— Воды! — повторил Земба. — Полный таз, да поживее!

— Подай им воды! — с усмешкой сказал крестьянин, повернувшись в сторону полуоткрытой двери, за которой исчезла его жена.

— Вот ещё! Пусть сами натаскают! — крикнула женщина высоким, срывающимся от раздражения голосом, но всё-таки принесла таз и дрожащими руками поддерживала голову Сокальчика, пока Земба осторожно промывал рану. Рана была неглубокой, хотя из неё всё ещё текла кровь.

«Только бы не задело мозг... — Томек едва не начал вслух молиться. — Только бы не сотрясение мозга...»

Хозяин подошёл поближе, швырнул папиросу в таз и с любопытством склонился над диваном.

— Ничего с ним не случится. А если бы и случилось, так... — он махнул рукой, — вас много.

Томек отвернулся. Он чувствовал, что ещё секунда — и он вцепится в горло этого мужика. А делать это было нельзя.

В это мгновение Янек открыл глаза и застонал. Потом веки у него снова сомкнулись, он глубоко вздохнул, и голова его свесилась набок. Зембе показалось, что Янек умер, и он отступил так стремительно, что толкнул стоявшего сзади мужика. Тот потрепал его по плечу.

— Говорю же я тебе, что с ним ничего не случится!.. До войны у меня был батрак, так его треснули кирпичом по башке почище, чем этого. Полежал две недели и снова принялся за работу. Правда, он придурковатым стал, деревьям кланялся, даже шапку снимал...— Хозяин засмеялся и опять закурил папиросу. — Кто это его так угостил? — спросил он.

— Не мне вам это объяснять. — Томек крепче сжал ствол винтовки. — Ваша шайка. Может быть, вы? А может быть, ваш сын, если он у вас есть. Может, и подкупленный хулиган. Знаем мы вас. Бедняк в наших камни швырять не станет! — Томек повторил слова, которые слышал в отряде во время доклада, и впервые понял, как много правды было в том, о чём им рассказывал Палюх.

Хозяин хлопнул себя по колену и расхохотался, на этот раз уже громко.

— Да что ты говоришь, миленький! Хорошо тебя вышколили! Мой сын, говоришь? Мой сын во всём отца слушается. Зачем вы ему дались?

— Отца слушается... — шёпотом повторил Земба. — Слушается отца...

— Что?

— Ничего. Где же теперь ваш сын находится? В хате его ведь нет?

— А тебе какое дело? Ты что, исповедовать меня пришёл?

— Может, и исповедовать. Не видно его что-то...

— В город он поехал, милый, в город. Нет его здесь, на ваше счастье, а то бы он вас отсюда живо турнул, если бы вам вздумалось ночью к нам ломиться. Мне-то, старику, всё едино, делайте, что хотите, и так и этак мало вам поможет. Но он — другое дело...

— Да что ты с ним разговариваешь? — крикнула из-за двери хозяйка. — Какое этому мерзавцу дело до нашего Юзека? Ты его сперва спроси, чей он сын! Зачем бы его сюда принесло, если бы у него был дом, как у всякого порядочного человека!

За окном вдруг стало светло. Тени от мебели переметнулись из одного угла комнаты в другой. Машина остановилась перед самой хатой и стояла теперь, не выключая огней и мотора.

Первым вбежал в хату Палюх, за ним фельдшер и два парня с носилками. На крыльце толпились вооружённые молодые рабочие.

— Можно нести, — сказал фельдшер, выпрямился и защёлкнул чемоданчик с перевязочными средствами. — Только поосторожнее! Кажется, ничего серьёзного. Его только оглушили, а рана не опасная. Осторожнее!

Палюх и Земба выходили последними. Секретарь парторганизации обернулся с порога.

— Не ждите сына к ужину, пан Соботинский. В милиции ему дадут поесть.

— Что? — Хозяин выронил изо рта папиросу. Земба остановился в дверях и внимательно его разглядывал. Томек сразу всё понял. Он даже предугадывал слова, которые сейчас произнесёт Палюх. Да, так оно и должно было быть.

— Мы его только что поймали возле леса...

— Врёшь ты, су... — Это закричала мать.

— Нет, либезная пани. Он сразу же признался, кто таков и откуда.

Палюх тихо затворил дверь. Из хаты не доносилось ни шороха.

— Ты его ранил в руку! — рассказывал Палюх, когда они с Зембой шли через сад. — Ребята сразу его нашли. Он сидел на опушке и стонал. Остальные убежали. Наши уже отвели его в милицию!

Палюх искоса посмотрел на Томека, желая разглядеть выражение его лица. Но было темно, и он ничего не увидел. Земба молчал. Машина, увозившая Янека, двинулась с места, прокладывая своими зажжёнными фарами широкий, светлый коридор над дорогой. Палюх и Земба догнали группу молодых рабочих и вместе с ними молча зашагали по направлению к лагерю бригады.

В барак, где помещалась амбулатория, вели четыре деревянные ступеньки. Земба уже в десятый раз ставил ногу на последнюю ступеньку и всё никак не мог решиться войти. Наконец он просунул голову в полуоткрытую дверь.

— Ну как?

— Лучше.— Фельдшер посмотрел на часы.— Во сколько сбор?

— В десять.

— А сейчас половина десятого. Посмотрим, может быть, и удастся. Из больницы его бы и через неделю не выписали, а у нас по-другому. Пор-рядок! — Он похлопал Томека по плечу.— Ничего, брат! Всё уладится!

У фельдшера была длинная, тёмная, клином подстриженная борода,— она теперь особенно резко выделялась на фоне белого халата. Эта борода внушала доверие. Всё же Земба спросил:

— Но это в самом деле не опасно?

— Нет. Я ведь сказал тебе! Ну, а теперь уходи, сынок, мне ещё надо с ним повозиться.

Фельдшер легонько вытолкнул Томека за дверь. Отпуская дверную ручку, Земба остановился. Сокальчик что-то кричал из глубины барака. Голос у него был слабый, но чёткий.

Томек пересек площадь и подошёл к трибуне, сколоченной из желтоватых, блестящих, свежеструганных досок. Рядом с трибуной стоял Гай, заслонив рукой глаза. Свет большой, пятисотсвечовой лампы бил ему прямо в лицо.

— Поднимайте!

Натянутый на деревянную раму огромный портрет Болеслава Берута возник из темноты и, казалось, держался в воздухе.

— Немного левее!.. Ещё!.. Хорошо!

Томек с минуту стоял неподвижно, всматриваясь в портрет. Потом вышел из залитого электрическим светом круга и зашагал в темноте в сторону столовой — длинного барака без стен, с крышей, опирающейся на два ряда невидимых столбов. Поперёк этой крыши сверкал выложенный из сотен маленьких лампочек призыв: **Н о в ы й г о р о д — н о в а я ж и з н ь!**

Томек остановился и, не моргая, смотрел на надпись до тех пор, пока она не стала двоиться у него в глазах.

Одна из лампочек с треском лопнула, и точка под восклицательным знаком погасла. На покато́й крыше зашелестели осколки стекла.

Земба вздрогнул. Он прошёл мимо столовой и уселся на сваленных в кучу досках в самом тёмном углу площади, но его нащупал там луч фонарика.

— Чего это ты расселся, герой? — весело рассмеялся командир дежурного отряда.— Пойдём, скоро начало сбора!

Земба поднялся, словно автомат, и пошёл в свою палатку. Взял полотенце и долго умывался в тазу прямо под деревьями. Потом, сидя на койке Сокальчика, молча натягивал гимнастёрку.

«Как звали того кулака?.. Собо́тинский».

— Это ты, Томек? — окликнули его, вероятно, уже в пятидесятый раз.— Расскажи, как было?

— Что?

— Сумасшедший! Ну, с патрулем?

— Да очень просто. Саданули Янека камнем в голову и убежали.

— Что ты скромничаешь! Ведь все уже знают, что ты их главарю прострелил лапу. Как только вы открыли пальбу, тут поднялась невообразимая суматоха. Весь комендантский отряд пошёл по тревоге. Мы по стрельбе догадались, что там у вас неладно. Ты лупил, как из пулемёта! Если бы ты видел, что здесь творилось!

— Во всей стране спокойно, а у нас какая-то Мексика! — сказал кто-то в углу. — Славно сработано!

— Кажется, собираются велосипеды давать? — отозвался другой голос из темноты.

— Может, и дадут, да не тебе!

— Земба получит, он передовик труда!

— Получит лопатой по известному месту!

Это сказал Свистек. Вероятно, подслушал тогда, о чём Сокальчик разговаривал с руководителями бригады. Теперь разболтает всем... Томек напряжённо ждал, но Свистек ничего не сказал.

— Земба заслужил больше, чем все остальные! — убеждённо сказал Стефчик. — Ведь я же сам видел, как он...

Томек сорвался с места и вышел из палатки. На площади Палюх разговаривал с Гаём и ещё с кем-то, — в темноте сразу не различишь.

— Всегда у нас, чёрт возьми, всё делается в последнюю минуту! — сказал Гай.

— Ну, ей-богу же, чего вы от меня хотите?! — Это говорил командир дежурного отряда. — Я и так вторую ночь не сплю. В голове у меня всё спуталось!

— Лучше бы ты спал, да к сроку поспел! — проворчал Палюх и тут же рассмеялся. — Да к чему нам ссориться! Расстроился я, вот и болтаю! Пять лет прошло после освобождения, а тут пальба, как на фронте... Даже толком ещё не знаю, как это произошло.

— Как? Обыкновенно! — Гай щёлкнул пальцами. — Растём мы, вот и всё! И то здесь ещё спокойно. Мне казалось раньше, что будет труднее. Швырнули несколько камней из кустов!.. Подумаешь, дело!..

На дороге появилась машина, рассекла светом фар стену деревьев, вырвала из темноты белые хаты и сложенный горками кирпич. Шофёр затормозил перед котлованом, который в свете фар можно было принять за глубокую чёрную лужу, и машина исчезла за поворотом. Потом появилась перед воротами и остановилась.

— Это ещё что такое? — Палюх отбросил носком сапога маленький белый камушек и посмотрел ему вслед в темноту. Тряхнул головой, словно усталый конь. — Чёрт подери! — сказал он плохо повинующимися губами и с усилием разомкнул веки. — Если это представители общественности из Варшавы или воеводства приехали поздравить нашу передовую бригаду, то вы их сами принимайте! А я передохну!

Но это были вовсе не «представители общественности», а всего лишь Ясинский — он привёз из города ракеты. Почти никто из работников бригады не видел ещё фейерверка. Ясинский гордо похлопал ладонью по картонной коробке.

— Да знаешь ли ты хотя бы, как их надо зажигать? — Гай неуверенно посмотрел на длинные цилиндры. — Пожара не наделай и не попади в ребят вместо неба... Хватит уж с нас сегодня грохота...

И он принялся рассказывать Ясинскому обо всём, что здесь произошло. Тот слушал, недоверчиво качая головой.

Земба обошёл их сторонкой и направился к палаткам шестого отряда. Ребята уже строились для парада. Командир их отряда, Мархевка,

любил муштру, и они маршировали, как никто другой в бригаде. Впрочем, им это нравилось так же, как и их командиру. Земба всех их знал. Стоя в тени, он переводил взгляд с одного лица на другое. Вот этот парень хоть куда, тот — похуже... Следующий тоже хорош, а тот, с краю, был никудышный, но его здорово подтянули...

Свистки.

— Первый отряд, строиться!

— Второй отряд!

— Третий!..

Томеку не удалось дойти до дверей амбулатории. Свисток — это свисток, святое дело. Томек повернул назад.

Они выходили из темноты колоннами и выстраивались в квадрат.

Раздалась команда:

— Сбор у костра открыт!

Начались речи. Коротко говорил Гай, ещё короче — Ясинский, и совсем коротко — Палюх.

Кто-то плеснул бензин из бидона на ветки, потом вспыхнула спичка, и высокое пламя с гулом взметнулось к небу. Огоньки прыгали по веткам, словно белки. Вдруг откуда-то из задних рядов послышались единичные рукоплескания, потом уже все увидели, кому аплодируют, и бригада так дружно захлопала в ладоши, что по площади пронёсся ветерок и даже заколебал пламя костра.

Янек шёл без посторонней помощи. Голова его была так старательно забинтована, что Томек узнал его только по росту.

— Прошу товарища Яна Сокальчика занять место на трибуне! — Гай говорил спокойно, но не смог скрыть улыбки. Ведь парень был на волосок от смерти — те сволочи едва не убили его.

Земба хотел было кинуться ему навстречу, но остался в шеренге. Он посмотрел на костёр — пламя всё разгоралось, озаряя красным светом лес, стоявший за палатками. Искры с треском разлетались в разные стороны и гасли на песке.

«Нет, теперь бы они тебя уже не сожгли...» — Словно сквозь пелену тумана, перед Томеком возникли густые чёрные волосы и весёлые глаза старосты Павляка. По лицам ребят, стоявших по другую сторону костра, блуждали тени... — «Помни, нет у тебя прощения для тех, кто меня погубил!..»

Кто-то подкинул в огонь охапку веток. Не думая о том, что он делает, Земба аплодировал, когда Томчик и Осинский возвращались в свои ряды с новенькими, блестящими велосипедами. Он не мог оторвать взгляда от огня. Как всё это было просто, как просто. Словно человек отворил дверь и вышел из тёмного погреба на свет. «Помни, нет у тебя прощения...» — «Не прощу, отец...»

— Томаш Земба!

Он не услышал.

— Томаш Земба!

Кто-то толкнул его локтем.

— Эй ты, граф! Десять раз тебя надо вызывать, что ли? Машину, видно, ждёшь? Велосипеда тебе мало?

— Что?

— Иди! Вон туда! — Товарищи со смехом вытолкнули его из ряда. Он шёл по жёлтому песку, которым посыпали площадь. Его обдало жаром костра, потом костёр остался позади. И вот Томек уже стоит перед Гаем.

— ...Земба Томаш. В награду за ваш самоотверженный труд, проявленную отвагу и товарищеское поведение вы получаете велосипед!

Они обменялись рукопожатием, и Томек положил ладонь на руль велосипеда.

— Я поеду! — тихо сказал он.— Не потому, что велосипед... Я теперь всюду поеду!.. Скажите Ясинскому и Палюху, что... что со мной даже не надо говорить об этом... Если могут... пусть забудут о том, что сегодня было... Скажите, что я... что уже... Скажете?

— Скажу.

— И ещё одно... Я никогда им не прощу за отца!.. Потому что это они...

Гай смотрел ему вслед, пока тень уходящего паренька не растаяла в темноте по ту сторону костра.

Гай повернулся лицом к трибуне. Палюх не заметил этого. Он обвил рукой плечи Сокальчика, а тот сидел, опустив плечи, уткнув в ладони забинтованную голову.

— Всё в порядке! — сказал им Гай.— В полном порядке!

— Да мы знаем, милый! — Палюх крепче обнял Янека. — Знаем!

Сокальчик поднял голову и отвернулся от огня. Он тёр рукой глаза. А может быть, хотел поправить бинты? Да. Вероятно, он хотел поправить бинты.

Гай заглянул в список премированных.

— Олесинский Станислав! — прочитал он, но ему пришлось повторить ещё раз, потому что голос у него вдруг сорвался и никто не расслышал, чью фамилию он назвал.

*Перевод с польского
Валериана Арцимовича.*

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

ИВАН ЗЫКОВ

★

В ЛЕСНОМ КРАЮ

1. Пожарники.

Над Северной Двиной стелется белая мгла. Берега словно поседели, а низкое вечернее солнце висит багровым неярким диском; на него можно смотреть не прищуриваясь. Где-то далеко горит тайга, трещат в огне сосны и ели.

Так каждое лето. В Архангельской, так же как и в других наших северных лесных областях, ежегодно случаются десятки, а то и сотни больших и маленьких пожаров. В засушливые годы они сливались прежде в сплошное море огня и захватывали огромные пространства.

В 1915 году пожар в Сибири распространился от Урала до Якутска и охватил площадь в 1750 тысяч квадратных километров.

На нашем Европейском Севере грандиозные пожары случились на нашей памяти в 1920, 1927, 1932 и 1936 годах, и такой густой дым навис тогда над северной половиной страны, что не только на Белом море водители кораблей прокладывали курс по приборам, не видя берегов, но и волжские пароходы ходили вслепую по окутанной мглой реке.

Лесов у нас в былые годы выгорало во много раз больше, чем вырубалось. Борьба с пожарами — важная народнохозяйственная задача.

Будучи в Архангельске и знакомясь с лесными делами, я подолгу беседовал с профессором Архангельского лесотехнического института Иваном Степановичем Мелеховым, написавшим немало книг о лесных пожарах и борьбе с ними. Этот вопрос был даже темой его докторской диссертации.

— Начинается всегда с малости, — рассказал профессор, — от не погашенного охотниками костра, от брошенного на сухой мох окурка, от вылетевшей из трубы паровоза искры, и вначале каждый лесной пожар легко можно затоптать каблуком, а упустишь огонь — не потушишь. Задача заключается в том, чтобы заметить и потушить во-время. Для этого и стоят в лесах вышки. Наблюдатели высматривают с них дым, как прежде в городах с каланчи. Но что такое — пожарная вышка? Далеко ли с неё видно? Километров от силы на десять. Вышкой можно обойтись в Тульской да в Рязанской области, а у нас на Севере леса простираются без конца, без края. То ли дело самолёт. Обязательно познакомьтесь с нашей лесной авиацией!

После разговоров с профессором я искал встречи с начальницей авиационной охраны лесов Архангельской области Лёлей Шумиловой. Отчества начальницы никто из её сослуживцев не знал:

— Да просто Лёля!

Встреча состоялась не скоро: шёл сухой и необычайно жаркий для Архангельска июнь, леса стояли, как порох, надо было усиливать бдительность, и Лёля летала где-то на Мезени или Пинеге — инспектировала дальние отделения своей службы.

Наконец она вернулась в Архангельск и оказалась не «Лёлей Шумиловой», а Евлалией Платоновной Груздовой: давно вышла замуж, приняла фамилию мужа, но ничуть не обижается, что все попрежнему, как десять лет назад, когда она была рядовой лётчицей, зовут её девичьим именем.

После долгой беседы с Еввалией Платоновной о работе лесной авиации, о самых разнообразных случаях, с какими приходится сталкиваться пожарному лётчику, я высказал пожелание поглядеть на работу пожарников своими глазами.

— Ну что ж, — ответила Еввалия Платоновна, — хотите полетать — летите! Здесь, под самым Архангельском, есть одно из наших четырнадцати оперативных отделений. Но, если желаете увидеть высокий класс работы, поезжайте лучше в Верхнюю Тойму, к лётчику-наблюдателю Романову. Отсюда и пятисот километров не будет, а дорога удобная — паромом по Двине.

Мне всё равно предстояла поездка по леспромхозам области, и я охотно согласился завернуть в Верхнюю Тойму.

— Только предупреждаю, — улыбнулась начальница, — не ждите эффектных зрелищ. Вы не увидите бушующего моря пламени на сотнях километров, ничего такого у нас теперь не бывает. Мы стараемся, чтобы пожары заканчивались маленьким дымом. Лётчик-наблюдатель должен обнаружить пожар прежде, чем он охватит площадь леса в два гектара.

Перед отъездом я завёл разговор с Еввалией Платоновной о технике, которая применяется в борьбе с пожарами.

— Особенно мощной техники пока нет, — сказала она. — Мы в первую очередь — сторожа. В глубинных районах, где нет поблизости населения и некому тушить пожар, сбрасываем парашютистов для распыления химикатов, для создания вокруг зоны пожара негорючей полосы. Но главная наша задача — мобилизовать на тушение огня наземную пожарную охрану и население, точно обозначив на карте место пожара. Если лётчик ошибётся — он пошлёт людей по неверному адресу; отсюда все последствия. Поэтому мы требуем от наших работников хорошей штурманской подготовки — ведь места приходится определять зачастую без всяких видимых с воздуха ориентиров в сплошных лесах. Потому и ценим Романова, он у нас самый опытный, в любых условиях наносит точку пожара безошибочно. У него много учеников во всех лесных местах Советского Союза. Я сама его ученица. Зимой, когда мы не летаем, а учимся, Романов преподаёт на наших курсах в Красноборске; это там же, рядом с Верхней Тоймой, тоже на берегу Двины. Там мы готовим летнабов не только для Европейского Севера, но и для Сибири, для Дальнего Востока.

2. Северная Двина.

Пароход «А. С. Пушкин», на котором я еду в Верхнюю Тойму, построен в Сормове по образцу волжских пароходов, а есть тут пассажирские пароходы местной постройки не хуже сормовских, и все они точь-в-точь такие же, как на Волге. Но сама Северная Двина, текущая по очень гладкой равнине промеж невысоких берегов, не похожа ни на Волгу, ни на какую-либо другую европейскую реку.

Её особый колорит определяется исключительной ровностью верхнего обреза берега, словно отчерченного по линейке, и непрерывной гребёночкой островерхого елового леса. Среди ельника встречается много непривычных для человека из Средней России пихт. По существу это те же ёлки, только необыкновенной формы — высокие, тоненькие, остренькие, словно зазубренные иголки. Вот эта ровнейшая береговая горизонталь, утыканная острыми щетинками, создаёт ощущение равнинного покоя и организованного порядка, необычного для природы, в которой редко встречаются прямые линии.

Меловые обрывы берега белеют среди зелени, как пятна нерастаявшего снега. Экскаватор рушит белый камень и сыпает в баржу: повезут в Архангельск для строительных и промышленных надобностей.

Северная Двина — оживлённая транспортная магистраль; навстречу нашему пароходу то и дело попадают буксиры с плотами и баржами, нагруженными печорским углем. Но места вокруг населены мало. На жёлтых песчаных островах гуляют стаи не особенно пугливых журавлей, а впереди нашего парохода ныряет тюлень-нерпа, в погоне за косяками рыбы проплывший от моря не одну сотню километров.

Рассказывают, что здесь видали даже моржа — недаром на Двине есть сёла Моржгоры и Усть-Морж. Но этому трудно поверить, зная образ жизни клыкастого люби-

теля вечных полярных льдов, а живой тюлень — вот он, пожалуйста. Выставляет из воды голову и с любопытством глядит на наш пароход.

Редким пунктиром тянутся по берегам деревни, отстоящие друг от друга и за пять, и за десять, а иногда и за пятнадцать — двадцать километров.

На Севере люди расселились по линиям, а не по площадям. Населены только берега крупнейших рек. Река от реки — две, три, пять сотен километров. А между реками простирается глухая тайга, и множество там мест, куда никогда ещё не ступала нога человека.

В последние десятилетия происходит оседание населения и вдоль трёх железных дорог, прорезавших северную равнину, по направлению к Мурманску, на Архангельск и на Печору. Это тоже линии; площади же заняты не людьми, а лесом.

Любопытны названия деревень Архангельской области: Холмогоры, Карпогоры, Матигоры, Моржегоры, Юрьевы Горы. Есть Высокая Гора, Большая Гора, Труфанова Гора, Верхняя Гора, Нижняя Гора, Ступина Гора, Грибанова Гора, Оной-Гора и много ещё всяких других «гор». Есть Большой Холм. Белая Горка, Красная Горка, Келарева Горка, Яблонева Горка, Шатогорка. И сотни сёл называются просто «Гора» или просто «Горка». Настолько много этих «гор» и «горок», что и эпитетов для них не хватило.

Можно подумать, что нет более гористого края в нашей стране, чем Архангельская область. А на самом-то деле тут стелется плоская, будто укатанная катками и потом уже засаженная лесом равнина.

Названия деревень свидетельствуют, что люди, населившие этот равнинный край, стремились к высоте и отыскивали для поселений самые возвышенные места в своей округе. И пусть «гора» возвышается над прилегающей местностью подчас только на полтора метра — что ж делать, если нет выше?

Выбор наиболее высокого места диктовался прежде всего соображениями практическими: отвоёвывая у леса тяжким трудом кусок земли для поселения и под посевы, выкорчёвывая в поте лица пни, человек хотел быть уверенным, что его тяжкие труды не пропадут даром, что освобождённый от леса участок не превратится в болото. Забвение этого мудрого правила приводит к очень неприятным последствиям. Вот, например, центральный посёлок создаваемого сейчас нового, Липаковского леспромхоза поставлен в низинке и угодил прямёхонько в топь.

Древний поселенец всегда искал «гору», потому что там сухо, и слово «гора» стало новым синонимом деревни.

В поисках «горы» играли роль также эстетические потребности. Обширный и просторный Север — край малых равнинных горизонтов и недалёкой видимости. Стиснутый со всех сторон лесом, человек хотел, насколько возможно, приподняться над равниной, расширить горизонт.

С этой же целью северный крестьянин наращивал горку деревянной башней в полсотни метров.

В этих башнях — шатровых храмах, замечательных деревянных высотных зданиях, уцелевших только на Севере, — донесены через столетия до наших дней древнейшие формы самобытной славянской архитектуры.

Зачастую они стоят парами. Около Усть-Моржа с палубы парохода видны километром за двадцать впереди два острых конуса, похожих на гигантские ели. Пароход делает повороты на изгибах реки, а они всё видны и видны, и лес не в состоянии их заслонить.

Такая же пара стоит в селе Заостровье.

Их рубили топором, без пилы, из кондовой сосны и крепчайшей лиственницы, способной противостоять разрушению на протяжении нескольких веков. И всё же они ветшают и разрушаются. Их становится уже мало.

В конце двадцатых и в начале тридцатых годов существовал проект разобрать наиболее значительные памятники деревянной архитектуры и перевезти в село Коломенское под Москвой, где намечалось создание грандиозного архитектурного музея, составленного из живых памятников. Проект остался неосуществлённым главным образом по причине реорганизации учреждений, ведавших этим делом. Так и остались уцелевшие шатровые храмы стоять на берегах северных рек.

И ещё одна черта северодвинского колорита — светлая июньская ночь.

Ровной желтизне солнечного дня она противопоставляет буйство ярких лиловых и розовых красок. Если рассуждать теоретически, такие же краски мы должны бы видеть на закате в центральных и южных районах нашей страны, но там мы, повидимому, не успеваем их заметить, потому что солнце круто идёт вниз, быстро ныряет за горизонт, как пловец с вышки; оглянуться не успеешь, как всё уже погасло. А на Севере солнце часа три-четыре идёт параллельно горизонту, почти не изменяя высоты. На Баренцовом море оно сейчас скользит над водами, озаряя их розовым светом, на Белом плывёт по краю моря красным пирожком, а здесь, на Двине, идёт за горизонтом, но где-то очень близко от него Двинские берега с зубчиками ёлок и пихт лежат в тени, но верхние слои атмосферы освещаются солнцем, и там происходит диковинное преломление красных лучей в тончайших водяных парах. По сравнению с ним дневная радуга, где обыкновенный белый свет преломляется в крупных каплях дождя, — примитивная и грубая игрушка. Всё небо горит нежными переливами розовых и лиловых тонов. Блики ложатся на лес и на тихую воду.

3. Воздушный дозор.

— Бывают же такие случаи! — удивляется летнаб Романов — По сегодняшней сводке в Сочи двадцать семь градусов, в Москве — двадцать, в Архангельске — тридцать. А у нас, в Верхней Тойме, — тридцать три. Роль субтропиков временно перешла к субполюрию. По такой погоде надо два раза в сутки летать: жарница и сушь — высший класс горимости.

Фёдор Трофимович Романов, невысокий и коренастый человек лет пятидесяти, очень моложавый и крепкий, привычным движением быстро облачается в чёрный брезентовый комбинезон с широким кожаным кушаком, забирает портфель, планшетку с патральной картой и ловко вскакивает в заднюю кабину самолёта «ПО-2».

Меня упаковывают, как тюк с товаром; всовывают в меховой полушубок, невзирая на тридцать три градуса, и он так толст, что техник, привязывая меня к сиденью средней кабины, чтобы ненароком не вытряхнуло из машины на крутом вираже, долго не может затянуть пряжку и упирается коленом в мой живот; надевают шлем, вправляют в наушник резиновую переговорную трубку, дают в руки пачку бумажных листов для записей, зажатую в алюминиевую рамочку — кассету, чтобы не трепало ветром; прикрепляют очки с жёлтыми стёклами — разом меркнет солнечный день, словно набежали сплошные тучи.

Переднюю кабину занимает пилот, и мы трое, гуськом сидящие в самолёте и соединённые переговорной трубкой, устремляемся ввысь.

Уходит вниз зелёный аэродром, мелькнули домики Верхней Тоймы, Двина разостлалась под солнцем широкой лентой расплавленного серебра. И вскоре всё это осталось позади. Самолёт держит курс на восток, задача Романова — осмотреть лесное пространство между Двиной и её притоком Пинегой.

Воздух на редкость чист и прозрачен. Ясно виден весь открывшийся взору земной круг диаметром в добрую сотню километров, и на самых его границах сизые леса чётко очерчены от синего неба.

Весь видимый нам круг покрыт сплошным лесом без единой лысинки. Пестра мохнатая шуба земли: ёжиком ошетинился тёмный коричнево-зелёный ельник, сосняк светлее и завит мелкими кудряшками, ещё светлее кудрявые берёзы и осины. Местами отдельные породы деревьев занимают свои особые участки, но чаще они перемешаны друг с другом.

Этот пёстрый лесной хаос разделён на лесничества, разграфлён на кварталы и записан как государственное достояние. Там, где лес доступен для человека, кварталы отграничены друг от друга просеками; в труднодоступных местах их границы существуют только на карте.

В открытой машине от непривычки к лётным доспехам сидишь сначала в весьма напряжённой позе и потому очень быстро устаёшь. А потом осваиваешься, начинаешь шевелиться, облакачиваться, вообще ведёшь себя как дома, тогда усталость проходит и полёт превращается в сплошное удовольствие.

Впереди по курсу открылась среди лесов вереница белых пятен; издалека они кажутся зеркальными озёрами. Подлетели ближе, оказалось — светложёлтые болота. Они испещрены узорами коричневых кочек и сверху очень похожи на большие пластины полированной карельской берёзы, вправленные в тёмную рамку лесов.

Это водораздел — из здешних болот вытекает много речек; одни направляются на запад, к Двине, другие — на восток, к Пинеге.

Дальше идут леса, леса, леса — сплошные, без единой прогалины, без всяких признаков жилья; но к трём основным зелёным тонам всё чаще и чаще примешивается четвёртый — серый цвет перестойного леса. Видны голые, то белые, то почерневшие суцья сосен. Стоят седые, густо запылённые ели; они до вершины обросли серым мхом. Так в этом глухом краю деревья умирают, не дождавшись топора, и гнивают на корню.

А вот и сама река Пинега. Она здесь ещё мала — на таких в этом краю люди не селятся. Сотню километров пропетляет река по лесам, прежде чем появится первая, самая верхняя на её течении деревня Горка, затем ещё полсотни до второго селения, и ещё полсотни, пока по её берегам не протянется более частый пунктир деревень.

Но нам туда не по пути. Мы пересекаем Пинегу, идём дальше на восток, выходим на реку Илешу. Дальше начинается второй водораздел между Пинегой и бассейном Мезени, и там проходит граница между Архангельской областью и республикой Коми. Тот район патрулируется уже другими лётчиками. Наш самолёт сворачивает на север, идёт вдоль Илешу.

Попалась на пути свободная от леса площадка километров в пять длиной. Вся она устлана лежащими на земле древесными стволами. Сверху они кажутся маленькими, как спички. Что это? Лесозаготовки?

— Нет, — объясняет Романов, — в 1938 году тут был пожар. Обгоревшие деревья сначала стояли, потом их повалил ветер, и вот вам кладбище в полторы тысячи гектаров, не заросшее ещё молодняком: повидимому, заболотилось. Тут есть старые пожараща и в пять и в десять тысяч гектаров: в прежние времена горело ведь месяцами, огонь шёл от реки до реки, а при верховых пожарах, когда горят кроны деревьев, перешагивал и через реки — образуются вихри, горящие ветки летят по воздуху на целые километры.

Илеша выводит нас обратно на Пинегу, но значительно ниже того места, где мы её пересекли в первый раз. Река стала шире, многоводнее. Она вьётся блестящей шоколадной полосой. Все лесные реки от слегка красноватой воды выглядят сверху коричневыми.

Здесь уже ведутся лесоразработки. Мы пролетаем над вырубленным квадратом. С разных его сторон веером сходятся к одной точке жёлтые дорожки. Это оставили свой след пучки стволов, которые волоком тащили по земле.

Разработки здесь ведёт Выйский леспромхоз, один из самых глубинных и трудных леспромхозов Архангельской области. Понятны те препятствия, которые приходится преодолевать лесозаготовителям: громадные расстояния, бездорожье, безлюдье.

— Все машины, материалы, продовольствие можно завезти сюда из Архангельска только раз в год, в конце мая по большой воде, — рассказывает лётчик. — Сейчас вода на Пинеге спала, судоходство уже невозможно, сообщение прекратилось на одиннадцать с половиной месяцев. Остался другой, но ещё более трудный путь: от Архангельска до Верхней Тоймы по Двине, а от Верхней Тоймы до Горки на Пинеге — через леса, грунтовой дорогой. Она такова, что шофёр из Центральной России наотрез откажется по ней ехать. Местные водители изредка ездят, провозят лёгкие вещи.

Кстати, Романов вспоминает, как по этой дороге в тридцатых годах М. М. Пришвин проехал из Верхней Тоймы на подводе до Пинеги, а по Пинеге до её впадения в Двину спустился на лодке.

Романов сам снаряжал Михаила Михайловича в дальний и трудный путь. Можно подивиться отваге покойного певца нашей природы: не побоялся на седьмом десятке взглянуть в один из самых труднодоступных уголков нашей страны.

— А как же при таком бездорожье вывозится добытая в здешних лесах древесина? — спрашиваю я.

— Путь бревна легче, чем путь человека, — отвечает лётчик. — Срубленный лес вывозят на берега рек и сбрасывают в воду. Брёвна плывут по течению сотни километров. Где-то там, около впадения Пинеги в Двину, их поймают, свяжут в плоты, выведут на Двину и доставят в Архангельск. Ну, конечно, не обойдётся без потерь.

Мы дошли до Усть-Выи. Нет смысла лететь дальше на север: леса хорошо видны до самой границы района, охраняемого летнабами Верхней Тоймы, и нет там ничего похожего на пожар, а дальше начинается район, патрулируемый самолётами Карпогорского отделения. Романов сворачивает на запад по реке Вые, и тут после долгого полёта над первобытным лесным хаосом глаз впервые с радостью замечает результаты культурной деятельности человека. Лес отодвинулся от берегов извилистой Выи и дал место гладкой, как пол, площадке, затянутой яркозелёным бархатом засеянных полей. На этой зелёной площадке стоят три маленькие деревеньки Гавриловского сельсовета — Кудрина Гора, Остров, Тужиково.

Обзор района приближается к концу. Замыкая описываемый по району четырёхугольник, самолёт берёт курс на свой аэродром и, пролетев ещё сотню километров над лесом без единой прогалянки и без признаков жилья, выходит на реку Верхнюю Тойму, текущую в Северную Двину. Здесь снова встречаются деревни, окружённые зелёной ярью лугов и полей.

В деревне Вершинская Гора видна высокая башня из посеревшего обветренного дерева — Георгиевская церковь. Пилот снизился, покружился, и мы смогли очень хорошо рассмотреть со всех сторон этот замечательнейший памятник древнерусского зодчества, затерявшийся в лесах Двинско-Пинежского междуречья.

О нём стоит поговорить особо.

Церковь Вершинской Горы сильно отличается от других башнеобразных храмов, стоящих на берегах Двины и Белого моря. Там, на больших магистралях, где люди жили в общении друг с другом и где скрещивалось много разнообразных течений культуры, жизнь шла вперёд, а вместе с жизнью развивалась и архитектура. Там до наших дней дошли сооружения позднейшего, усложнённого типа, похожие на подмосковную Коломенскую церковь. Некоторые окружены пристройками — «круглые о двадцати стенах», как называют их древние летописи. А есть соединения в одном здании нескольких башен. Те похожи на московский собор Василия Блаженного.

Здесь, в лесной глуши Двинско-Пинежского междуречья в стороне от больших дорог, жизнь текла медленно. Здесь жили хранители старых традиций. На месте обветшалых храмов, рухнувших под тяжестью пережитых столетий, они рубили из дерева новые, точно по образцу старых. Вершиногорская церковь построена всего три столетия назад, но воспроизводит самый первичный и простейший тип шатрового храма. На высокую восьмигранную призму поставлена острая восьмигранная пирамида. Внизу две маленькие пристройки: с востока — алтарь, с запада — паперть. Формы очень просты, но в пропорциях есть то, о чём архитекторы говорят: «Хорошо найдено».

Если другие шатровые постройки Севера — родные сёстры Коломенской церкви и Василия Блаженного, то Вершиногорская башня всем им — прабабушка.

В первые десятилетия нашего века экспедициями Игоря Грабаря, Комиссии по охране архитектурных памятников и Государственных реставрационных мастерских были изучены пять зданий такого типа. Сейчас их сохранилось только два: в Вершинской Горе и Белой Слоде. В генеалогии русского высотного зодчества они занимают такое же место и имеют такое же значение, как Афинский Парфенон и храм Посейдона в Пестуме для всей архитектурной классики. Недаром же создавались проекты их перевозки в Москву.

4. Крылья красного петуха.

Снова летим и разглядываем словые щётки и сосновые кудри. Тот же маршрут, что и вчера.

Не успели мы ещё пройти вторую сторону описываемого по району четырёхугольника, как слева, километрах в пятидесяти, Романов заметил столб белого дыма. Началось Несомненный пожар. Пришла беда в романовский район

Романов дал пилоту указание изменить курс. Он глядит, что называется, в оба, сосредоточенно ведёт счёт речкам и просекам — сейчас нужна особо точная ориентировка, чтобы безошибочно определить адрес пожара.

Но на этот раз дело оказалось неожиданно лёгким. Когда мы подлетели ближе, стало видно, что густой дым поднялся ворохом белых клочьев ваты над очень приметным местом: невдалеке от берега реки Выи и всего в четырёх километрах от деревенек Гавриловского сельсовета.

Романову надо рассмотреть подробности: что горит, как горит, какое пространство охвачено огнём, сколько народу надо послать на тушение? Самолёт снижается до двухсот метров, делает круги, проходит над самым пожарищем. На повороте мы попали в дым и долго не могли откашляться от его едкой горечи.

Под ключьями дыма взмахивает огненными крыльями красный петух. Пылает молодой сосняк, низкорослый, очень густой, с обильными ветками, низко висящими над землёй. Огню от какого-либо небрежно брошенного в пересохший мох окурка легко было вскочить с земли на молодые деревья, и теперь пламя идёт уже по верху, перекидывается с кроны на крону. Горят ветки, горит смолистая хвоя. Ветер, хотя и слабый, дует в сторону деревень, туда же направляется огонь, и долго ли ему пробежать четыре километра! Пожар, пока ещё маленький, угрожает очень неприятными последствиями. Тут речь идёт уже не о гектарах леса; опасность грозит человеческому жилью, посевам; быть может, даже самой жизни людей.

Стояли у края пожарища зелёные сосенки, а потом в ветках закопошились красные точки, взвились белые клубы, и вот уже не видно сосен — в клубах дыма мечутся огненные языки.

— Активно горит, — тревожится Романов. Он достаёт из портфеля кассету с бланками пожарных извещений. В верхней части листка напечатано: «Прочитай! Просьба к поднявшему вымпел срочно передать настоящее донесение лесной охране или сотруднику лесхоза, депутату сельсовета или пожарной охране. За утайку или порчу донесения будешь привлечён к судебной ответственности». Ниже идёт место для текста и чертежа: «Донесение №... Срочно примите меры к тушению пожара в... горит... вид пожара... площадь... схематический чертёж места пожара...»

Фёдор Трофимович быстро набрасывает цветными карандашами план местности: проводит извилистую синюю линию реки, наносит границы и номера лесных кварталов, обозначает деревни и красным пятном обозначает точку пожара. Так же быстро вписывает текст: «Горит в 20 и 21 кварталах на левом берегу Выи, на границе лесов колхоза и госфонда; пожар верховой, площадь — 0,5 га, требуется для тушения 30 человек». Ставит дату и время обнаружения пожара: «16 час. 00 мин.»

Вынув листок из кассеты, Романов всовывает его в карман вымпела — маленького мешочка с песком, пришитого к пучку белых и красных лент.

Снижаемся к деревне. Самолёт низко кружится над сельсоветом. На гул мотора из домов выходят люди, по улице бежит стайка ребятишек. Мы проносимся над селом почти бреющим полётом. Романов опускает вымпел, и тот падает, помахая в воздухе своими яркими ленточками. Пилот разворачивает машину, делает новый заход, снова пролетает над селом и видим, как человек посреди улицы размахивает флагом: вымпел поднят, сообщение принято.

Для большей надёжности Романов заполнил второй такой же бланк и сбросил другой вымпел над Гавриловским лесничеством, в десяти километрах от сельсовета. И оттуда нам тоже помахали флагом. Посылка людей на борьбу с огнём была обеспечена.

Если бы загорелось где-нибудь в глубине лесов, вдали от населённых пунктов, пришлось бы сбрасывать парашютистов с химикатами и распылителями. Сейчас это излишне. Люди оказались вблизи. Да так это в большинстве случаев и бывает, потому что причиной пожаров чаще всего является небрежность человека. Конечно, сухое дерево может загореться и от молнии, но молнию сопровождает беспощадный враг пожара — дождь. Поэтому в совершенно безлюдных местах Архангельской области, никогда не посещаемых человеком, пожаров не бывает.

Нашему самолёту делать здесь пока нечего. Он продолжает прерванный маршрут, осматривает остальное пространство района и возвращается в Верхнюю Тойму. Романов даёт телеграммы о начавшемся пожаре в Архангельск и, так как пожар угрожает сёлам, сообщает о нём по телефону председателю райсовета.

В семь часов вечера мы снова в воздухе, идём прямым курсом к месту пожара. Издалека заметно, что дым уже не клубится ватными клочьями, он стал легче, прозрачнее.

Около пожарища копошится много людей. Собралось не тридцать человек, как писал Романов, а, повидимому, всё население деревень Гавриловского сельсовета.

В сосняке появилась просека, положившая предел распространению огня. Гарь растеклась пятном неправильной формы, как чернильная клякса с извилистыми отрогками. Пожар стихал. Уже не взмахивали огненные крылья, лишь изредка мигали кое-где маленькие язычки да слабо дымилась пепельно-серая земля. Опалённые сосны стояли ржаво-рыжие.

Люди расположились по границам пожарища. Романов объясняет мне, что они прихлопывают огонь на земле лопатами, забрасывают песком и заливают водой.

— Конец! Молодцы гавриловцы! Остановили на четырёх гектарах, — сказал Романов, и самолёт лёг на обратный курс.

В тот вечер мы засиделись на аэродроме. Фёдор Трофимович вспоминал, как в 1937 году, когда в Верхней Тойме не было ещё авиационного отделения и сам он работал не лётчиком, а инспектором наземной охраны лесов, увидели однажды дым на противоположном берегу Двины и разыскивали пожар.

— Переправился я с лошадыю на тот берег, — рассказывал Романов, — и ехал по лесу шесть суток. Пришлось вернуться ни с чем — хлеб весь вышел. С нашего-то берега дым виден, а переедешь на ту сторону да зайдёшь в лес — ничего не видно. Наши соседи из Устьянского района искали пожар с противоположной стороны и тоже ничего не нашли. Хорошо, что вскоре дождь пошёл, залил огонь. После соседи-устьянцы разыскали потухшее пожарище на границе своего и нашего района. Вот что значит — разыскивать пожар с земли в наших безлюдных пространствах. Сейчас маршрут по заречному участку занимает у самолёта полтора часа, прежде искали неделями, да разыскать не могли. А ведь огонь не ждёт.

Да, огонь не ждёт. В Архангельске Е. П. Груздова показывала мне отчёт о недавнем пожаре в Плесецком районе. Этот пожар заметили с самолёта в двенадцать часов дня на площади в три сотых гектара. Рабочие лесхоза пришли на место пожара и начали тушить его в шестнадцать часов. Он тогда охватил уже тридцать гектаров, то есть за четыре часа увеличил свою площадь в тысячу раз. А потушили его в семнадцать часов тридцать минут на площади в сорок три гектара. Если бы не самолёт, огонь не скоро бы разыскали — и куда бы он тогда ушёл!

— Вот уж пятнадцатый год летаю, — продолжал Романов. — Пожары у нас случаются ещё довольно часто, наш район опасен в этом смысле, много удалённых друг от друга лесозаготовительных пунктов — есть откуда взяться огню, но пожар теперь съедает не больше трёх — пяти гектаров. Правда, были два пожара по тридцать гектаров, но оба в далёких от населённых пунктов местах.

На мой вопрос, нельзя ли тушить пожар прямо с самолёта, чтобы не надо было ни народ сзывать, ни парашютистов сбрасывать, летнаб ответил, что опыты производились, но результаты пока малы: распыляемые с воздуха химикаты оседают на кронах деревьев и не достигают земли, а бомбы имеют очень небольшой радиус действия — не стоит овчинка выделки. Но, конечно, сказал он, пути нам здесь не заказаны; наука и техника, возможно, решат этот вопрос, и тогда мы станем тушить пожары прямо с самолёта.

5. Лучшая в мире.

Деревья здесь помельче, чем в более южных широтах, но не вздумайте судить о северных лесах по тем низкорослым осинникам, ельникам да березникам, которые вы видите сквозь окно железнодорожного вагона на протяжении шестисот километров от Вологды до Архангельска.

Дело в том, что лесная полоса вдоль Северной железной дороги вся выгорела летом 1920 года. Это был очень засушливый год, и это был год разрухи. Паровозы ходили на дровах, из труб их вместе с искрами вылетали крупные угольки. Лес загорался часто, тушить было некому — народ бился на польском фронте. Пожар принял необычные формы. Обычно огонь обжигает у деревьев только ветки. Но в то лето обгоревшие деревья снова и снова поджигались паровозными угольками и сгорали дотла. К августу по обе стороны дороги на шестистах километрах почти не осталось деревьев.

Малорослый «оглобелый» и «розговый» лес, который стоит сейчас вдоль линии железной дороги, поднялся после пожара. Ему не больше тридцати лет, взрослым он станет через столетие, а пока березняк годится только на веники, ельник — на жерди.

Сосны вы здесь не увидите на всём протяжении от Вологды до Архангельска: она не принялась после пожара. Но именно сосновыми борами издавна славится Север, и хотя сосна здесь немного мельче, чем на юге, но всё же достигает весьма внушительных размеров. В посёлке Красновского леспромхоза на Онеге лежат на улице обрезки сосны около метра в поперечнике, и была эта сосна высотой в пятьдесят метров. Её и не повезли никуда: не влезет ни в какую лесопильную машину.

В эпоху деревянного парусного судостроения такие крупные сосновые деревья особо ценились для корабельных мачт. Теперь паровым и моторным судам не нужны большие мачты, да и делаются они сейчас по преимуществу из металлических труб. Теперь крупные деревья уже не представляют особой ценности.

Чтобы увидеть лес во всей его взрослой силе, надо уйти подальше от железных дорог и больших рек, углубиться в безлюдные пространства, и там вы вступите в полутаму густой колоннады тридцатиметровых стволов — прямых, стройных столбов, голых до самой вершины, где раскинулось затейливое кружево веток. Шумно взлетел тетерев, пристроился на самую макушку, сидит там, как флюгер, и кажется совсем маленьким — с галку. Глядишь на него снизу и начинаешь сомневаться: возьмёт ли отсюда дробь? — уж слишком высоко. Вот какой лес!

Ценность северных лесов в изобилии хвойных пород — сосны и ели.

Древесина северной сосны издавна особо ценится на мировом рынке за большую прочность. Она удобна для обработки. Высокие физико-механические свойства северной сосны объяснялись в былые годы её тонкостойностью.

Всякий знает, что, если распилить дерево поперёк, на разрезе видны кольцеобразные светлые и тёмные слои. Оба слоя вместе образуют одно годовое кольцо, и по ним можно сосчитать, сколько лет дереву.

В короткое северное лето дерево растёт медленно. Кольца годового прироста здесь значительно тоньше, чем у деревьев из более южных районов. Вот эту тонкостойность и считали прежде причиной высоких свойств северной древесины.

Впоследствии было установлено, что сама по себе толщина годового кольца не имеет значения; важно соотношение в годовом кольце светлого и тёмного слоя. Светлый слой, прирастающий в первую половину лета, состоит из клеток с тонкими оболочками, и тут вещество древесины рыхлое. Тёмный слой, прирастающий во второй половине лета, состоит из толстостенных клеток и даёт плотную древесину. У сосен, растущих в различном климате и на разных почвах, накопление рыхлой и плотной древесины происходит неодинаково. Разумеется, чем более мощен плотный слой, тем крепче и лучше древесина.

На рубеже тридцатых годов печать капиталистических стран повела клеветническую кампанию против советской международной торговли. Буржуазные газеты пестрели призывами не покупать русского леса. Но все эти призывы слабо действовали на европейских купцов. Архангельский лес пользовался прочной славой, и покупать его было выгодно. И вот тогда известный немецкий учёный Лизе, профессор Эберсвальдской лесной академии, выступил с сенсационным сообщением, в котором пытался развенчать архангельскую сосну. Ряд опубликованных им микрофотоснимков показывал, что толстостенные плотные клетки занимают не больше тринадцати — пятнадцати процентов общего объёма древесины архангельской сосны, тогда как в немецкой и польской сосне их количество доходит до двадцати и даже до двадцати пяти процентов. Выходило, что северная сосновая древесина вдвое хуже среднеевропейской.

Микросъёмка — точная вещь. Выводы профессора выглядели убедительно, но в то же время они плохо вязались с прочной мировой славой архангельской сосны.

Молодой ассистент, а ныне доктор и профессор Архангельского лесотехнического института Иван Степанович Мелехов взялся за проверку сообщения Лизе. Он собрал много проб из разных частей стволов деревьев при различных условиях их жизни; проделал много анализов и произвёл много микросъёмок. В результате большой работы было обнаружено, что Лизе брал куски дерева без адреса, без указаний условий произрастания, неизвестно из какой части ствола. Конечно, такие куски можно найти и в северных лесах, если выпиливать из верхушек сосен, растущих на болотах. Но сосна на Севере добывается из сухих боров; слишком много здесь удобных для разработок и нетронутых ещё лесов, чтобы лезть за деревом в болото. И в распиловку идёт нижняя, наиболее ценная часть ствола, а в ней количество плотных поздних клеток превышает тридцать процентов.

Эти выводы подтверждены рядом других исследований. Аналогичная работа проведена и по ели. Северная хвойная древесина действительно оказалась лучшей в мире.

6. Нужно ли рубить лес?

Ещё в давние времена у многих сложилось убеждение, что лес рубить нельзя, что всякая рубка деревьев есть зло, лесная промышленность занимается плохим делом и существует как бы на правах контрабанды: нельзя бы рубить, да что ж поделаешь — потребности заставляют.

Убеждение это ложное. Дерево — живое существо. Оно сравнительно долговечно, но не вечно. Когда приходит срок, оно перестаёт существовать, хотя бы к нему не прикоснулись топором.

Где теперь воспетые Пушкиным три сосны, что некогда стояли «на границе владений дедовских»? Их хранили, как реликвию, но они сгнили на корню. И не так уж надолго они пережили поэта. В начале нашего столетия в старой «Ниве» был напечатан фотоснимок останков этих сосен, там виден изъеденный гнилью огрызок той, которая «одна поодаль».

На наших глазах умер в Москве от старости знаменитый Петровский парк; обидно облысели Сокольники, куда со времён царя Алексея Михайловича человек за три столетия ни разу не вошёл с топором; печально оголился склон Ленинских гор, а сейчас редет и умирает тоже от старости Покровско-Стрешневский бор, что идёт от линии Калининской железной дороги к южному концу Химкинского водохранилища. Несколько раз в нём приходилось убирать умершие деревья, и вот сейчас снова много сосен оголилось от хвои.

Хранение леса осуществляется не попытками уберечь существующие взрослые деревья, рано или поздно обречённые на смерть, а сменой старых деревьев молодыми. Такая смена происходит в дикорастущих лесах. Но она может и должна осуществляться и при рубке деревьев.

Ошибочный взгляд, что рубка леса равнозначна его истреблению, можно объяснить только тем, что жизнь человека сравнительно коротка, а дерево растёт медленно. Сенокос, наверное, кажется кузнечику невозможным опустошением, но мы, воспринимающие более длительные промежутки времени, знаем, что это не так, что траву надо скашивать два раза в лето и что чем чаще косят, тем лучше поднимается новая трава.

Свидетелю рубки, конечно, не суждено увидеть на лесосеке новый лес, в лучшем случае он видит только кустарник, но внуки его увидят высокие стволы и сомкнувшиеся кроны, войдут в прохладную тень, услышат шум ветвей.

Дело не в том, рубят или не рубят, а как рубят. Если на вырубленном пространстве вырастет молодой лес, то такая рубка — благодеяние, если останется голое болото — зло.

В Архангельск я приехал с настроениями, близкими к концепции Вихрова из романа Л. Леонова «Русский лес», и поэтому, обратившись к начальнику отдела лесопользования и лесоохраны, Сергею Николаевичу Анурьеву, прежде всего спросил его: — Бывают у вас споры с заготовителями леса?

Мой собеседник ответил с улыбкой:

— Конечно, бывают — очень они мало рубят. Колоссальный получается недоруб.

Мне сообщили много цифр и много фактов, подтверждающих, что на Севере у нас рубят много меньше, чем это нужно для правильного ведения лесного хозяйства. А вскоре я сам увидел это.

Побывав в Архангельском стационаре Академии наук и в лесотехническом институте, я окончательно убедился, что у людей, занятых охраной леса, нет никакого антагонизма с лесозаготовителями.

Потрясающее впечатление произвёл знакомый с детства лес на беломорском берегу. Сорок лет назад этот родной мне лес стоял весь зелёный. А сейчас он серый и весь завален упавшими стволами так, что и ходить по нему трудно. Стоячие ели скинули хвою, почернели и покрылись седым мхом.

Участок умирающего леса на морском берегу — не исключение. Когда летишь над Архангельской тайгой, видишь в её пестрозелёном пологе обширные серые пятна перестойных умирающих лесов. Они простираются на десятки километров. Рубить бы их, рубить скорее, пока не свалились на землю древесные великаны!

Первобытная, девственная тайга состоит из лесов двоякого типа. Есть леса разновозрастные, и там постоянно и непрерывно происходит смена поколений; рядом с умирающим деревом стоят полные жизни соседи, а на месте свалившихся стволов, в образовавшихся «окнах», поднимается молодая поросль. С рубкой таких лесов можно и не спешить: там при непрерывном круговороте жизни состав леса с годами не меняется и запас древесины постоянен, хотя и невелик.

Но есть большие площади лесов с деревьями одного возраста. Как они могли появиться в местах, где человек никогда не вмешивался в жизнь леса рубкой? Да очень просто. В XVIII веке на Севере бушевали грандиозные пожары, и выгоревшие площади покрылись молодой порослью почти одновременно. Сейчас кончается срок их жизни, и деревья умирают так же одновременно, как одновременно родились. Запас древесины в период перестоя одновозрастных лесов быстро сокращается и в конце концов приходит к нулю.

Так зачем же добру пропадать без пользы? Зачем захламлять пространства древесными трупами, создавать пожарную опасность и гнилостную заразу, разводить очаги всяких древесных болезней и вредителей?

Из 26 миллионов гектаров общей лесной площади Архангельской области 70 процентов приходится на леса, вступающие или уже вступившие в перестойную стадию.

Для оздоровления и приведения в порядок лесов Архангельской области надо было бы поскорее вырубать десяток миллионов гектаров в самых отдалённых местах.

В районах ныне действующих леспромхозов Архангельской области лесная охрана ежегодно предлагает для рубки 72 миллиона кубометров древесины, лесозаготовители же берут лесорубочных билетов на 20 миллионов кубометров, а фактически вырубает гораздо меньше. Вывозится и сдаётся народному хозяйству всего 12 миллионов. Вот какой получается недоруб!

Таково фактическое положение с лесом в Архангельской области. Многократное расширение рубок было бы в интересах не только лесозаготовительной промышленности и всего народного хозяйства в целом, оно необходимо прежде всего для самого лесного хозяйства, для спасения гибнущих лесов, для приближения срока, когда в области можно будет завести высококультурное лесное хозяйство с постоянным уходом за древостоем.

Таково же положение на всём Европейском и Азиатском Севере, во всех так называемых лесоизбыточных районах нашей страны.

Разве может здесь идти речь о каких-либо ограничениях рубок? Нет, в лесоизбыточных районах заготовки леса должны всемерно расширяться, как этого требует постановление Совета Министров СССР и Центрального Комитета КПСС от 7 октября 1953 года «О ликвидации отставания лесозаготовительной промышленности». Надо бросать в тайгу максимальнейшее количество машин, направлять больше лесорубов, строить больше дорог.

7. Пилка-малютка.

На линии Северной железной дороги от Вологды до Архангельска каких вы только не встретите заготовителей — и крупных, и мелких, и самых мельчайших. Тут заготавливают для себя древесину орловские колхозники, райсоветы города Москвы, промышленная операция.

Лесная промышленность работает ещё плохо, отстаёт от остальных отраслей народного хозяйства и не в состоянии удовлетворить спрос. А древесина крайне нужна всем. Орловским колхозникам надо строить скотные дворы и зерносушилки, московским райсоветам — ремонтировать дома. Пришлось предоставить отдельным ведомствам и организациям право на самостоятельные заготовки. Но это мелкое кустарничество — лишь временная мера, свидетельствующая об отставании лесной промышленности.

В Архангельской области министерские леспромхозы за последние годы ни разу не выполнили плана, держатся на уровне 80 процентов, хотя план и составляется на основе реальных производственных возможностей.

В значительной мере это объясняется тем, что над лесозаготовительной промышленностью тяготее инерция прошлого. Надо сказать, что техническое перевооружение лесозаготовок очень запоздало. Машинная техника начала продвигаться в лес только с 1949 года. До этого времени люди в лесу по старинке, взявшись за концы пилы, шаркали ею по стволу. Чем глубже погружалась пила в живое дерево, тем медленнее и труднее становился её ход; набухшая соками древесина зажимала стальную полосу. Люди останавливались, тяжело дышали,тирали пот, вбивали в разрез клин, чтобы ослабить зажим, и снова принимались шаркать.

Попытки механизировать труд предпринимались ещё в тридцатых годах. Но легко заменить лошадь на вывозке брёвен автомобилем и трактором, а чем заменить пильщика с ручной пилой на самой трудоёмкой работе — валке деревьев с корня? Тут произошла осечка.

Разговор на эту тему мы вели в Архангельском отделении ЦНИИМЭ (институт механизации и энергетики лесозаготовок). Он начался с воспоминаний о том, как в тридцатых годах в лес привезли немецкие пилы «Ринко» с бензиновым мотором, похожим на мотор мотоцикла.

Пила весила 65 килограммов, и к ней были приделаны колёсики. Попробуйте такую вот четырёхпудовую машинку потаскать зимой от дерева к дереву, проваливаясь по пояс в снег. Конечно, эти пилы дальше склада не пошли и на лесосеке не бывали. Потом появились немецкие электрические пилы в 42 килограмма. Тоже тяжелы, тоже осели на складах.

Предстояла задача сконструировать машинку лёгкую и удобную. Эта работа затянулась на очень долгое время, ею занимались коллективы нескольких научных учреждений и лесотехнических вузов, и большой вклад в неё внёс сотрудник Архангельского отделения института механизации Н. Ф. Харламов.

В молодости Харламов работал на заводе телефонных аппаратов «Красная заря». Завод оказался для него «университетом». Смекалистый слесарь сделался механиком, вник в электротехнику, научился понимать душу механизмов.

В 1929 году у него открылся туберкулёз в злой форме, и врачи посоветовали ему бросить город, уехать в лес. Он переселился в Архангельскую область, стал работать механиком маленькой железнодорожной электростанции.

Станция стояла среди леса. Лес был полон всякого зверья и птицы. Прыгали по деревьям весёлые белки, лазали куницы. Идёшь между ёлками, и вдруг из-под ног взлетает семья рябчиков; шумно бьют птицы короткими крылышками. Рассядутся по ёлкам, и начинается переключка, со всех сторон слышится свист.

Механик пристрастился к охоте и проводил в лесу все свободные от работы часы.

В первое время Харламов был нетерпелив — сразу после сгона шёл отыскивать птиц, не давал им успокоиться. Испуганные рябчики прятались, верещали, срывались у него из-под носа. Чем больше охотник гонялся за птицами, тем старательнее они прятались.

Потом Харламов научился не поддаваться радостному волнению при виде добычи. Подняв с земли выводок рябчиков, он садился на сваленную берёзу, доставал из кармана книжку и начинал читать на виду у птиц: пусть успокоятся, привыкнут к нему.

И рябчики успокаивались, вылезали из своих засад, начинали переходить с ветки на ветку.

Ну, теперь пора!

Не сходя с места, Харламов снимал выстрелами рябчиков и, сбив последнего, шёл подбирать добычу.

Так произошла встреча Харламова с лесом, а за ней — новая полоса в его жизни. По соседству начала работу лесорубы, и нельзя было не втянуться в их интересы.

Шаркали ручные пилы, люди отирали пот, четырёхпудовые машины «Ринко» с их колёсиками валялись на складах и покрывались ржавчиной. Это было в лесу. А страна жила иным: строились гигантские заводы, создавалась новая техника. И то, что происходило в лесу, казалось Харламову чудовищным непорядком. Эпоха индустриализации требовала каких-то более совершенных инструментов, чем пила и топор.

Харламов решил осилить эту задачу. У него и раньше была склонность к изобретательству. Но для решения большой задачи нужны были мастерские, коллектив.

К этому времени жизнь на воздухе вернула Харламову силы, он совершенно излечился от туберкулёза, но к нему подкрадывался другой злой недуг. С некоторых пор он начал замечать странности с левой ногой: правой ногой холодно, левой нет. Вскоре ему стало трудно двигаться. Врачи установили неизлечимое поражение спинного мозга.

Физическая работа для Харламова стала невозможной. И вот тогда, оставив должность механика, он поступил лаборантом в Архангельский лесотехнический институт и начал поиски более удобной конструкции пилы для валки леса.

Кроме Харламова, в этой работе участвовали в разное время доценты института К. И. Вороницын и П. П. Пацнора.

Первая электрическая пила Харламова, построенная в тридцатых годах, весила 38 килограммов и, конечно, не годилась для леса. В 1938 году он построил пилу в 26 килограммов. Тоже тяжела и неудобна.

Режущим инструментом в машинке Харламова, как и в других электрических пилах, служила замкнутая пыльная цепь, похожая на велосипедную цепь, ту, что идёт от педалей на ось колеса, но на каждом её звене сидел острый зуб. Электромотор тянул цепь, один за другим неслись острые зубья, и каждый из них перерезал свой ряд волокон древесины, оставляя за собой борозду, и каждый следующий, идя по борозде за предыдущим, резал новый ряд волокон и ещё более углублял борозду.

Движение пыльной цепи требовало довольно сильного мотора. Он-то и составлял основную тяжесть машинки.

Стало ясно, что нельзя построить лёгкую пилу на нормальном электротоке, какой бывает в городских сетях; надо переходить на токи повышенной частоты. Сконструировали маленький моторчик на токе в двести периодов в секунду вместо нормальных пятидесяти. Моторчик давал двенадцать тысяч оборотов в минуту вместо обычных трёх тысяч и при облегчённом весе развивал значительную силу. В этом и был выход.

В 1942 году Харламов построил маленькую пилку весом в шесть с половиной килограммов. Моторчик с двенадцатью тысячами оборотов сильно тянул цепь. Машинка быстро перепиливала стволы.

Одновременно вели работы и другие учреждения в Москве и Ленинграде. В Московском центральном институте механизации и энергетики лесозаготовок над той же проблемой трудился талантливый конструктор В. В. Куосман. Он создал в течение ряда лет несколько моделей пилы. Работой руководил А. И. Осипов, и в ней участвовал А. К. Мореев.

Первые пилы Куосмана работали на нормальном токе и были тяжелы и слабы. Для последней модели он тоже взял моторчик повышенной частоты, и пила вышла удачной.

В периоды раздражительности, свойственной тяжело больному человеку, Харламов ворчал: вот-де происходит «утечка идей» в другие коллективы, взяли москвичи архангельский моторчик.

Коллективы нескольких учреждений работали над общим делом, но становились друг к другу в положение конкурентов и готовы были чуть ли не судиться из-за авторского права. Это мешало быстрому решению проблемы.

Работа затягивалась ещё и потому, что министерство не особенно её форсировало. На пути изобретателей стояло много препятствий, и много пришлось им обить порогов, прежде чем изобретение могло быть опробовано на производстве. Министерство внедряло пилу «Вакопп», но эта тяжёлая и малопроизводительная пила не могла завоевать симпатии лесорубов и очень медленно продвигалась на лесосеки; основным орудием оставалась попрежнему ручная пила.

Только летом 1948 года, когда вопрос о механизации лесозаготовок встал очень остро, начались наконец длительные испытания всех моделей электропил, созданных советскими конструкторами.

Пи́ла Харламова была признана очень хорошей: управляется одним человеком, валить лес ею очень легко, работает безотказно, мотор никогда не греется — можно работать всю смену без остановок.

Но ещё лучше оказалась пила В. В. Куосмана под маркой «ЦНИИМЭ К-5». И эта пила была принята на вооружение лесной промышленности. С 1949 года она начала поступать в леспромхозы, и сейчас всюду работают этой пилой.

Ну, а как же Харламов? Так и пропали даром результаты его семнадцатилетней работы?

Нет, не пропали. Испытательная комиссия признала, что работа Харламова, во-первых, послужила толчком для всех аналогичных конструкторских поисков и, во-вторых, пила «ЦНИИМЭ К-5» создана на основе харламовской пилы, в ней использован тот же самый архангельский высокочастотный мотор.

Обоим коллективам конструкторов, московскому и архангельскому, совместно была присуждена Сталинская премия.

То, что Харламов одно время склонен был считать «утечкой» своих идей и нарушением авторского права, явилось на самом деле его вкладом в большое дело. Большие задачи редко решаются одним человеком, их надо одолевать коллективом — один даст промах, другой попадёт в цель.

Создание пилы — пример удачного сотрудничества двух коллективов. Один своим мотором дал делу хорошее начало, другой довёл до завершения.

К сожалению, совместная работа нескольких коллективов над одной проблемой не всегда налаживается. Не привилась она и в лесотехнических учреждениях. Один из соавторов пилы-малютки, доцент Архангельского лесотехнического института К. И. Вороницын, жалуется:

— Отмахиваются от наших изобретений Московский центральный институт механизации, желает всё монополизировать в своих руках. В 1952 году после долгих поисков мы, архангельцы, создали фрезо-окорочный инструмент для очистки рудничной стойки от коры и поставили вопрос о серийном изготовлении, но центральный институт застырил это дело: «Не надо, сами сделаем, дадим лучше!» Прошло уже два года, и ничего московский институт пока не дал. Попрежнему срезают кору вручную, тратят на это массу труда. Мы не говорим, что нельзя сделать лучше. Но можно с уверенностью сказать, что наш инструмент основан на верном принципе. Вот и подхватили бы москвичи этот верный принцип в порядке эстафеты и дорабатывали бы лучше. Но они отмахиваются: «Мы сами, мы сами придумаем как-нибудь иначе». А иначе-то и не выходит

8. В леспромхозе.

Посёлок стоит на берегу Двины. Первое, что здесь бросается в глаза, — высокие пни, огромное скопище пней. Они окружили посёлок и вторглись в промежутки между домами. Солнце и дождь, ветер и время сняли с них кору, оголили, выбелили. Потом дерево под дождями начало сереть и чернеть и стало похоже на тлеющие кости. Да и формой своей пни с отростками корней напоминают позвонки громадных животных. Стоят они на истоптанной, чёрной, без единой травинки земле.

В дополнение к пням тут лежат ещё груды всякого древесного хлама — белого и обугленного: жгли, да не дожгли. Кажется, что посёлок выстроен на груде тлеющих костей. Эту унылую поляну на берегу красивой Двины со всех сторон окружают живые, весёлые стены зелёных берёз и ёлок. Природа как бы заявляет, что здесь можно построить даже курорт — людям на радость, на укрепление здоровья и бодрости.

На краю посёлка — маленький домик с вывеской «Станция Рочегда». Мимо проходят ряды тоненьких рельсиков. По бокам пути тоже стоят пни, никуда от них тут не денешься.

На очень высокой ноте запела свирель, послышался нарастающий стук колёс, и выкатился из-за ёлок паровозик — с дымом из трубы, паровой одышкой и всеми подобающими настоящему паровозу атрибутами, только маленький, словно молодой ещё, не вырос.

Крошка-паровозик, покрякивая тоненьким свирельным голоском, прокатился мимо станции. За ним, торопливо крутя колёсиками, бегут платформы, нагруженные «хлыстами» — очищенными от веток стволами деревьев во весь их рост. Они так длинные, что каждая пачка хлыстов занимает сцеп из двух платформ. Маленький паровозик обладает изрядной силой и может таскать большие составы. Это самый удобный и дешёвый вид транспорта для вывозки добытого леса.

На берегу Двины поезд разгружается. Тут идёт разделка древесины. Хлысты распиливают на брёвна. Орудием служит та же пила «ЦНИИМЭ». Из нижних частей дерева выходит толстый строевой лес и пиловочник, тонкие верхушки идут на рудничную стойку. Потом брёвна сталкивают под откос, они катятся и плюхаются в воду, поднимая фонтаны белых брызг. Их свяжут в плоты и поведут в Архангельск.

Поезд после разгрузки направляется обратно на лесосеки за новой партией хлыстов. На опорожнённые платформы влезает рабочий, кому надо ехать в лес. Я присоединяюсь к ним.

Концгорский леспромхоз существует с 1940 года, и лес поблизости уже использован. Железная дорога проходит по вырубленным местам, но для защиты от снежных заносов по сторонам дороги оставлены нетронутые лесные полосы. Они скрывают от глаз использованные лесосеки. Только в нескольких местах через прогалину видны рубки 1946 года. Там стоят одиночные сосны, оставленные для обсеменения вырубок, и они сделали своё дело: делянки заполнены темнозелёными шариками соснового молодняка.

Прежде, когда брёвна вывозили из леса на лошадях, рубки велись не дальше пяти километров от сплавных рек. Железная дорога позволяет освоить глубину лесов. Всё дальше и дальше уходят лесосеки, всё больше наращивается Концгорская железная дорога. Двумя своими магистралями она углубилась уже на 25 километров. Со временем одна магистраль достигнет в длину восьмидесяти, вторая протянется на сто семьдесят километров и дойдёт до Пинеги, а общая длина веток, пронизывающих лес, достигнет восьмисот километров. Это не считая временных «усов», которые постоянно прокладываются на новые лесосеки и снимаются после их использования.

Лесу тут хватит для разработок на сто лет. А через столетие поспеет для рубки молодняк на первых лесосеках, тот, что раскатился сейчас темнозелёными шариками, и тогда можно будет начать второй тур рубок.

Такая уж работа у лесорубов — передвижная. Рубят делянками — квадратами в полкилометра длиной и шириной. Рубка делянки занимает недели две, а иногда до месяца, потом лесорубы передвигаются на новое место. Это создаёт известную трудность для жилищного строительства. Рабочие должны жить близко к месту работы, поэтому с удалением лесосек приходится переносить и рабочие посёлки. Разумеется, центральный посёлок Рочегда всегда останется на своём месте; как бы ни отдалялись вырубки, древесину всегда придётся везти к Двине для сплава. Но посёлки лесопунктов, срубающих дерево с корня, передвигаются.

На восьмом километре от Рочегды путь проходит через пустую поляну. Тут прежде стоял рабочий посёлок Путевая. В 1949 году его перенесли на семнадцать километров дальше. Перенесли с запасом, в глубину леса, чтобы рубки несколько лет приближались к нему, потом уже станут удаляться, — так надолго хватит.

На пятнадцатом километре тоже стоял посёлок. Когда выбрали поблизости весь лес, его пришлось ликвидировать.

Эти летучие посёлки стоят на одном месте не больше десяти лет, а иногда их приходится строить и на пять лет. Вот и строят кое-как, на живую нитку, среди пней — ведь не на век, а временно. Много домов строить тоже нет смысла. Отсюда — постоянный недостаток жилой площади и теснота.

В последние годы вошли в обиход разборные щитовые домики. Стены состоят из двух слоёв досок, промежутки заполняются стружкой. Их изготавливают на заводе в Архангельске, привозят на баржах, а здесь собирают. По идее они недурны, но всё зависит от качества исполнения. Если щиты сбиты из сырых досок, то их коробит, и никак нельзя составить домик, чтобы в нём не было щелей. Был вот такой случай в здешнем леспромхозе позапрошлой зимой: отморозил человек палец на руке, и не на работе в лесу, а ночью, когда спал у себя в домике со щелью.

На плохое качество щитовых домиков обратили внимание архангельские партийные организации, и теперь можно надеяться, что домики станут строиться без щелей.

На двадцать пятом километре восточной магистрали наш поезд подошёл к лесопункту Пыстрома. Этому посёлку суждена долговечность. В дальнейшем, при развитии железнодорожной сети, тут будет узловая станция. Здесь можно строиться основательно, а не кое-как. Но по леспромхозовскому обычаю домики Пыстромы втиснуты между пней. Только около одного дома пни удалены с маленького участка в десяток квадратных метров, и там весело зеленеет картофельная ботва. Не пощадил ретивый земледелец своих трудов и создал собственный огород.

Я говорю начальнику Пыстромского лесопункта Якову Ивановичу Чуракову:

— Если бы не мешали пни, все бы ваши жители картошку посадили.

— Сбить бы их бульдозером да сжечь, — оживился начальник. — Достаточно трёх дней. Да бульдозера сейчас нет, в том и беда. А эти белые кости на чёрной земле хуже свалки и кладбища. Всем на них горько смотреть.

В центре лесосеки, к которой приводит меня железнодорожный «ус», стоит на рельсах зелёный вагончик. Оттуда слышится гудение. Это передвижная электростанция — основа всей механизации. Одетые в резиновую оболочку кабели расходятся отсюда ко всем работающим механизмам. Электропилишки тянут кабель за собой.

Приятно смотреть на быстрые движения Алексея Коляко и его помощника Александра Фенева. Лес на этом участке не очень толстый, долго задерживаться у каждого дерева им не приходится. Десять, а на тонком дереве и пять секунд стрекочет пила, раздаётся короткий, отрывистый треск надлома, и дерево опрокидывается, прошумев ветками при ударе о землю. А вальщики уже у другого дерева. Снова десять секунд жужжания пилы, треск, шум веток, удар. Так они и бегут по участку, перескакивая от дерева к дереву и делая короткие остановки.

Удары деревьев ложатся на землю, как удары хлыста. Такое название и закрепилось за гибкими стволами в качестве официального технического термина. Гибкость живого, наполненного соками дерева поразительна для непривыкшего глаза.

Все стволы ложатся вершинами в одну сторону, к погрузочной площадке, где видны мачты с блоками и лебёдки. Для того и нужен помощник, чтобы сталкивал падающие деревья в нужную сторону. Оба они — и Коляко и Февев — одинаково хорошо владеют электропилой и время от времени сменяют друг друга.

Мне захотелось узнать, требует ли от человека работа с электропилой какого-либо физического напряжения. Я взял у Коляко машинку.

— Не сломаю?

— Ну, она крепкая!

Машинка состоит из цилиндрика с двумя рукоятками, а сбоку приделана тонкая узкая пластинка в форме языка, по её краям натянута пильная цепь с острыми зубцами. На правой рукоятке есть выключатель, его очень удобно поворачивать большим пальцем. Вес машинки — девять с половиной килограммов.

Вы прикасаетесь краем пластинки к стволу, поворачиваете выключатель, и начинается движение пильной цепи. Пила врезается в дерево. Быстро бегущие зубья, пере-

резаю древесные волокна, конечно, преодолевают их сопротивление. При движении цепи пилу тянет, и если смотреть со стороны, может показаться, что человеку приходится силой удерживать пилу на месте. На самом же деле сопротивление перерезаемых волокон не передаётся на руки работающего. Пила сама упирается в ствол особым выступом, и никуда её не тянет. От человека не требуется никакой траты силы. Исчезает даже вес пилы, не приходится уже держать девять с половиной килограммов, потому что пила лежит теперь в разрезе. Надо только подвигать её вперед, слегка покачивая из стороны в сторону. Она идёт в дерево, как в масло. После десяти секунд жужжания раздаётся треск надломленного недопила и шум ударившихся о землю веток. С этим деревом кончено. Можно к следующему.

Когда встретилась сосна сантиметров восьмидесяти в поперечнике, я отдал машинку Коляко и отошёл в сторону смотреть, что он с ней станет делать, — ведь длина пилки всего полметра. Вальщик поступил так же, как мы делаем при разрезывании арбуза пополам, — вонзил пилку на всю её длину в дерево и обвёл вокруг. Сосна, про шумев кроной, рухнула, тяжко ударившись о землю.

Коляко за последний месяц повалил лес на двадцати пяти гектарах и добыл шесть тысяч кубометров. Выполнив триста процентов нормы, он заработал в месяц четыре тысячи рублей.

Конечно, так быстро и успешно можно работать только летом. Зимой по глубокому снегу быстро не пойдёшь. Самое передвижение в снегу до пояса отнимает много времени, да ещё перед спиливанием приходится обтаптывать снег около каждого дерева, чтобы не оставлять слишком много ценной комлевой древесины на высоком пне. Но и зимой Коляко зарабатывал не меньше полутора тысяч в месяц. Сам он из Брянской области, приехал сюда на один сезон в 1952 году, но соблазнился хорошим заработком и остался на целый год, а потом и на второй. Жена и ребёнок живут в Брянской области, сам он собирается вернуться домой, потому что «как же без семьи», да хороший заработок каждый раз оттягивает его отъезд — «поработаю ещё».

Вслед за электропильщиками идут обрубщики сучьев. Эта работа осталась пока единственным немеханизированным звеном лесозаготовок, потому что все предлагавшиеся конструкторами электрические сучкорезки были тяжелы и неудобны в работе. Рабочий меньше устаёт с лёгким топориком, чем с тяжёлой сучкорезкой. Сейчас решением партии и правительства поставлена задача механизировать эту работу и выпустить большое количество новых электросучкорезок.

В прежние времена, при ручном труде, обрубка сучьев считалась лёгкой работой по сравнению с ручной валкой толстого дерева с корня. Теперь все остальные процессы настолько ускорились и облегчились механизацией, что оставшаяся немеханизированной обрубка веток стала на лесозаготовках наиболее трудсёмкой работой. Электропила валит деревья с такой быстротой, что за одним электропильщиком должны идти восемь сучкорубов. Потому и стоит задача — как можно скорее механизировать этот вид работы.

Обрубкой сучьев, собственно, и заканчивается нехитрая обработка дерева на лесосеке. Далее начинается транспортная стадия. Стволы деревьев надо подтащить к железной дороге и погрузить на платформы. Это не такое лёгкое дело, как можно подумать, — ведь пачки стволов волокут не по какой-либо дороге, а просто по земле.

Существует два вида «трелёвки», и оба они применяются на разных участках Пыстромского лесопункта.

На участке мастера Демидова работают трелёвочные тракторы, специально приспособленные для этой работы. Они захватывают стальным тросом десятка полтора «хлыстов», стягивают в пачку, поднимают передний её конец на себя и волокут за собой длинный гибкий хвост. «Хлысты» достигают двадцати пяти—тридцати метров длины. Общий объём древесины в пачке — пять-шесть кубометров. Берут и по десяти, но это уже перегрузка, а она запрещается. Трактор начинает тогда выть и становится на дыбы. Перегрузка приводит к быстрому износу машины. Вообще машины тут быстро выходят из строя. Расходуется невероятно большое количество запасных частей. Сколько их ни дают, в леспромпхозах всегда жалуются: «Мало!»

Трелёвочные тракторы удобны тем, что снабжены газогенераторами и работают на деревянной чурке, — топливо всегда под рукой.

На другом участке вместо тракторов действуют могучие электролебёдки. Они стоят около железной дороги и длинным стальным тросом подтягивают к себе пачки хлыстов. Чтобы передний конец пачки меньше спотыкался о препятствия, его стараются хоть немного приподнять, и потому трос тянут через блок, привязанный к верхушке высокой мачты. Мачтой обыкновенно служит оставленная на корню здоровенная берёза или сосна, укреплённая оттяжками, чтобы не шибко качалась.

Трелёвка тросом через лебёдку позволяет волочить хлысты по сырым почвам и даже через настоящие болота, где она идёт ещё легче, чем по сухой земле. А трактору через болото не пройти. Вот это обстоятельство и заставляет применять оба вида трелёвки.

9. Главная болезнь.

В домике с вывеской «Станция Рочегда» — большое беспокойство. Давно уже прошли все мыслимые сроки возвращения поезда, посланного на лесопункт Нягоды за очередной партией хлыстов, а он всё не возвращается. Нарушился график движения по магистрали. Дежурный диспетчер Салькин не знает, что делать. Пора посылать в Нягоды следующий состав, но как же его пошлешь? Дорога проложена в одну колею с разъездами. Исчезнувший поезд нарушил всё расписание прохождения поездов через разъезды.

Наконец по телефону сообщили о крушении исчезнувшего поезда. Катастрофа произошла, к счастью, не на магистрали, а на одном из «усов». Паровоз и гружёные платформы сошли с полотна, путь повреждён. Обошлось без человеческих жертв, потому что машинист, зная непрочность «уса», шёл малым ходом. Повреждён ли паровоз или остался исправным — пока не ясно.

Магистраль осталась свободной для движения, но «ус» закупорен надолго. Вывозка леса с участка, разумеется, прекратится, пока не будут ликвидированы последствия аварии. Надо поднимать паровоз, а он хоть и маленький, но всё же весит без воды двенадцать тонн.

Директор М. М. Холин вне себя. Невозможно передать образные слова, в которых изливает он своё возмущение, но смысл его речи таков:

— Шили «усы» на живую нитку, сэкономили время и деньги. Дороговато обходится эта экономия!

Директору звонит один из мастеров леса, сообщает, что на его участке сломался трактор.

— Что с ним случилось? Серьёзная поломка или легко устранимый пустяк? — спрашивает директор. Мастер не может ответить на этот вопрос. Директор нервно бросает телефонную трубку и опять начинает возмущаться:

— Мастер леса — это же начальник цеха, руководитель сотни людей, хозяин многих механизмов! А этот работал тридцать лет с лучковой пилой да с лошадью, кончил полтора класса приходской школы. Как ему знать устройство трактора! Где у нас техники, где инженеры?

Концевгорский леспромхоз владеет множеством прекрасных машин. Но обращаются с ними здесь так, что исправна и находится в действии только половина имеющихся механизмов, остальные сломаны и ремонтируются. Своя мастерская мала и слаба. Она выполняет только мелкий текущий ремонт. Для капитального ремонта машины грузятся на баржи: их везут сначала по Двине триста шестьдесят километров до Архангельска или почти столько же до Котласа, потом перегружают на железную дорогу и направляют на заводы. Из шестидесяти имеющихся тракторов двадцать четыре находятся сейчас на ремонте в Петрозаводске. Паровозы отправляют ремонтировать в Грайворон, это около Харькова, автомашины — в Петропавловск, к счастью, хоть не на Камчатке, а в Казахстане. Но и туда путь тоже не близкий. Судоходство по Двине продолжается только пять месяцев — ясно, что машины возвращаются из ремонта уже на следующий год.

Винить за такой распорядок приходится не работников леспромхоза и даже не архангельских руководителей.

Концегорский леспромхоз был создан на правах образцово-показательного. Перед ним ставилась задача — распространять передовой опыт и обучать кадры для других леспромхозов, в частности готовить паровозных машинистов.

Но это название «образцово-показательный» звучало иронически; предприятие никогда не справлялось с заданием и ни в какой мере не могло служить образцом для подражания. В 1952 году леспромхоз выполнил план на 56 процентов и принёс государству убыток в пять с половиной миллионов рублей.

Года два назад почётное звание снято как не соответствующее истинному положению вещей.

В 1953 году новый директор, М. М. Холин, и новый главный инженер, В. А. Чижев, насколько сумели, повысили уровень работы, устранили неслаженность отдельных звеньев. Меньше стало крушений. Железная дорога начала работать в большем контакте с лесосекой. Сократились простои поездов в ожидании погрузки и разгрузки, в свою очередь грузчики меньше стали простаивать в ожидании поездов. Появились начала цикличности.

Из сорока девяти леспромхозов Архангельской области Концегорский леспромхоз в 1953 году вышел по уровню работы на девятое место. Будто бы передовой. Но можно ли его считать передовым, если до выполнения плана он ещё далеко не дотянулся, остановился на 80 процентах?

Леспромхоз болеет общими для всех архангельских лесозаготовок болезнями, и главная из них — недостаток рабочей силы вообще и квалифицированной в частности.

Идёт август. Летом вообще легче работать в лесу. Человеку удобнее двигаться не по снегу, а по твёрдой земле, в тепле и на солнце, легче паровозу без снежных заносов, короче путь бревна до сплава. Летом брёвна в Рочегде прямо из-под пилы летят в реку, а зимой их приходится накапливать до весны, укладывать в штабели, и получается двойная перегрузка.

И в особенности удобно работать в лесу во второй половине лета, когда не бывает ни комара, ни овода, ни мошки. Тут бы и развернуть заготовки во всю мочь, да не хватает рабочих.

И без того мало было летом людей на лесосеках, а в самую благоприятную пору пришлось снимать их отсюда — потребовались в другом месте. Надо использовать остаток лета для ремонта и постройки новых жилых домов. Нет плотников, так можно приучить к этому делу сучкорубов. Надо построить шестнадцать километров новых железнодорожных «усов». Это очень важная подготовительная работа. «Усы» надо ввести в будущие лесосеки, и надо сделать это обязательно летом по талой земле.

Прокладка «усов» оттянула очень много людей, потому что работа идёт вручную. Руками корчуют пни, лопатами выравнивают землю, вручную засыпают болота песком и вздыхают:

— Кабы бульдозером!

Бульдозеры были, но сломаны и ремонтируются. Кажется, в Риге. Говорят, скоро вернутся. А пока выворачивают пни под «Дубинушку». Не поверил бы, если бы не видел собственными глазами. Вот что значит отсутствие ремонтных мастерских! Нерадивые работники министерства бросили в лес богатейшую технику и не обеспечили ремонт.

Лесозаготовки развернутся с приездом шестисот недостающих рабочих. Леспромхозу с нынешней техникой нужны электрики, механики, лебёдчики, крановщики, трактористы, паровозные машинисты, мотористы, токари, слесари! Но эти шестьсот, которых ждут в леспромхозе, — сезонники из колхозов Брянской, Тамбовской, Курской, Ростовской и всяких других областей.

Что ж делать? Если нет других людей, сойдут и сезонники. Но они приедут на зиму и станут валить лес в глубоком снегу, в самый неудобный для лесных работ сезон. А гружённые поезда начнут застревать в снежных заносах. Сезонная форма организации труда вовсе не соответствует новому техническому уровню лесозаготовительного производства. Но людей в Архангельской области мало. Местное население составляет

20 процентов общего числа рабочих Концевгорского леспромхоза. Есть ещё постоянно живущие переселенцы. Но их тоже мало. Надо привлекать людей со стороны. Таково же положение во всех других леспромхозах области.

Механизированным предприятиям нужны не сезонники, а постоянно работающие специалисты. Это давным-давно всем понятно, и уже много лет подряд производится организованный набор рабочей силы для лесной промышленности через органы трудовых резервов. В Архангельскую область ежегодно приезжают десятки тысяч рабочих. В прошлом году приехало 26 666 человек. Солидное пополнение! На каждый леспромхоз приходится в среднем по пятьсот пятьдесят человек.

И всё было бы хорошо, если бы приезжали, но не уезжали, если бы поток прибывающих не встречался с потоком отбывающих, если бы хоть четверть людей, приехавших на лесозаготовки, осела тут. Но люди тут не задерживаются. В прошлом году приехало 26 666, а выбыло за тот же срок 28 176 человек. Накопления, как видите, не произошло. Снова лесозаготовки области обеспечены рабочей силой только на 54 процента, и снова надо кликать на помощь сезонников из колхозов центральных и южных областей.

Приезжающие по оргнабору живут только год, на второй не остаются. Польза же от таких «годовиков» невелика.

— Сами посудите, — жалуется главный инженер Чижев, — месяца три человек присматривается к делу, и к нему присматриваются, чему его можно научить, потом учат месяцев пять-шесть. После этого человек работает три месяца, а там настает пора уезжать. Договоры-то заключаются на год. Вот мы и даём мало древесины, и древесина получается дорогая.

10. Ложки дёгтя.

Работа в лесу не так тяжела, как об этом принято думать. Она легче и приятнее других работ, производящихся круглый год на открытом воздухе. Зимой лесоруб не зябнет так, как чабан в степи, верхолаз на высоте, каменщик на стройке. В лесу не дует ветер, и лесорубы постоянно находятся посреди жарких костров. Начиная с осени, как только в лесу становится сыро и проходит пожарная опасность, ветки деревьев сжигаются одновременно с рубкой. Вся лесосека в кострах. Есть где погреть озябшие руки.

Единственным неудобством была до сих пор скверная спецодежда. Стёганый ватник по какой-то странной ошибке стал как бы мушкетером лесоруба; он никуда не годится. Лесоруб ворочается зимой в снегу, и при морозах слабее десяти градусов снег на одежде тает, ватник промокает. Постановление партии и правительства «О ликвидации отставания лесозаготовительной промышленности» обязывает устранить и это единственное неудобство: в 1954 году должны быть разработаны новые образцы спецодежды.

Заработок лесозаготовителей очень высок. Расценки нарастают с повышением выработки. За выполнение нормы автоматически прибавляется 20 процентов, а всё, что сверх нормы, оплачивается в полтора раза дороже. Есть ещё много всяких премий: за сохранность механизмов и работу без поломок, за работу на древесном топливе.

Те, кто хорошо работает, имеют очень высокий заработок. Тракторист Концевгорского леспромхоза Даниил Синьков, например, получил за один месяц 4 871 рубль.

И есть ещё много всяческих поощрений и льгот: обеспечение большой пенсией, вознаграждение за каждый проработанный год, длительный отпуск. Человек, проработавший на одном предприятии три года, пользуется уже не обычным для лесозаготовителей полуторамесячным отпуском, а отдыхает два с половиной месяца ежегодно.

Казалось бы, при таких великолепных условиях людей не отгонит от леспромхозов. А на деле получается, что инженеры вовсе не едут; рабочие приезжают, но при первой возможности спешат уехать обратно. В чём причина? Да в том, что одна ложка дёгтя в состоянии испортить целую бочку мёда.

Вот какой был случай в Красновском леспромхозе на Онеге, лучшем в Архангельской области и по-настоящему передовом.

Дело было поздней осенью 1953 года. Я ездил в тот раз вместе с начальником отдела труда и зарплаты Министерства лесной и бумажной промышленности Н. К. Лиховидовым.

Мы приехали в посёлок 49-го квартала, где работает мастером прославленный передовик и общественник Василий Кубышкин. Посёлок расположен на гладкой, как стадион, травянистой поляне без единого пенька. По сторонам стоят стены берёз, ещё не сбросивших огненно-золотистой увядающей листвы. Стоят они прямоугольными уступами — кулисами. Высокие, ровные, словно подстриженные. В первую минуту удивляешься, что это действительность, а не театральная декорация или стилизованная картина Сомова. В природе так не бывает, тут прошла пила и выровняла границы поляны под линейку, расположила их правильными уступами. Очень получилось красиво.

На поляне стоят длинные одноэтажные бараки. Это слово имеет какой-то неприятный привкус, потому что вошло оно в русский обиход в холерные годы. Ну, а на самом-то деле в типовом леспромхозовском бараке нет ничего плохого. Срублены они добротно и, конечно, из самого хорошего леса. Он ведь тут не привозной и не купленный.

Внутри — длинный коридор. По обе стороны — ряды дверей, как в гостинице. Комнаты по двенадцать квадратных метров, тоже в размер гостиничного номера. Нет ничего казарменного. Помещения внутри оштукатурены и покрашены в белоснежный цвет. Тут завелась мода белить потолки и стены два раза в год: к майским и октябрьским праздникам. Я даже удивился:

— А не хлопотливо делать ремонт два раза в год?

— Какой же это ремонт? — отвечают хозяйки. — Простая побелка. У нас не принято в грязи жить, люди осудят.

В двенадцатиметровых комнатах живут семейные. Если семья велика, занимают по две комнаты. Про размеры своих жилищ рабочие говорят:

— Тесновато, но терпимо.

Имеется возможность расширить жилой фонд, но сейчас нет смысла строить: посёлок доживает последние два года — дорубается остаток леса, а там надо переезжать.

Одинокие живут в общежитиях. Это комнаты по двадцать пять квадратных метров. В них стоит пять, иногда шесть кроватей. Конечно, большого простора нет, но при желании можно даже танцевать.

Вообще всё показывало, что жить тут людям можно: помещения чистые, столовая неплохая, орсовский магазин в десяти шагах.

Но пришёл вечер, и вдруг во всех общежитиях зажглись керосиновые лампы... без стёкол. Над привёрнутым фитилём моргает тусклый язычок пламени, с него стекает струйка чёрной копоти. Очень мало света и очень много керосиновой вони; комната наполняется смрадом. Этот факел зажигается для того, чтобы человек мог найти свою койку и не разбил лба. Читать, писать при таком освещении, конечно, нельзя.

По словам уборщицы, ламповые стёкла перелопались в прошлом году. Летом, в светлые ночи, они никому не были нужны, никто летом свет не зажигает. Сейчас возможности стёкол нельзя достать, с осени начали зажигать вот так.

Что стёкол нельзя достать, подтвердили завхоз, продавщица орсовского магазина и сам руководитель 49-го квартала мастер Кубышкин. Очень это печально, но что же делать? На нет и суда нет. Должно быть, в наш век электрификации промышленность не вырабатывает стёкол для керосиновых ламп, как не вырабатывает лаптей.

У некоторых жильцов отдельных комнат припасены стёкла, а у некоторых их тоже нет. В леспромхозах работает народ не капризный. «Неприятно, но что делать? Лесозаготовки — не рурт», — часто слышишь здесь.

Уезжали мы разочарованные. Через пятнадцать минут «газик» доставил нас в Грязово, другой лесопункт того же леспромхоза.

Выполняя свою обычную программу, товарищ Лиховидов зашёл в контору, в магазин, и тут мы на какое-то время остолбенели: на одной полке выстроились, поблёски-

вая боками, ламповые стёкла. Размер тот самый, какой нужен обитателям 49-го квартала.

Поняв из наших восклицаний, что мы считаем стёкла самым остродефицитным и удивительным товаром, продавщица своим чередом тоже удивилась и начала выводить нас из недомыслия:

— Да что вы! Да их девать некуда! У меня их почти не берут. А на центральной базе орс завал.

Товарищ Лиховидов побежал к телефону. Про центральную базу, кто её знает, завал там или не завал, это ещё сокол в небе, а существование стёкол на этой полке несомненно. Министерский товарищ принялся кричать в телефон:

— Бегите в Грязово! Покупайте стёкла, пока их все не разобрали... Продавщица уверяет, что хватит, а там кто её знает... Во всяком случае надо спешить!

На центральной базе, действительно, оказался завал стёкол.

Тут есть, конечно, конкретные виновники. В заботу государства об улучшении быта лесозаготовителей они внесли свои «коррективы». Но главная причина в традиционной формуле: «лесозаготовки — не курорт». Если бы кто-либо вымолвил хоть одно слово, нелепое недоразумение вскрылось бы разом. Но люди сидели в темноте и молчали, считая темноту леспромхозовской нормой. А стёкла-то лежали рядом, на базе леспромхоза, где они вовсе не нужны, потому что в центральном посёлке сияет электричество.

Постановление Совета Министров СССР и Центрального Комитета КПСС «О ликвидации отставания лесозаготовительной промышленности», подвергшее работу Министерства лесной и бумажной промышленности очень суровой и справедливой критике, точно называет причину текучести рабочей силы: министерство не сумело организовать быт работников, обеспечить их хорошим жильём, наладить как следует питание.

Постановление партии и правительства обязывает министерство осуществить широкую программу жилищного строительства, открыть много новых магазинов, улучшить снабжение и благоустройство. На дополнительное оборудование общежитий инвентарём сверх имеющегося ассигнуется по триста рублей на каждую койку.

В этом постановлении, очень подробном и занявшем шесть газетных страниц, точно, ясно и конкретно указано всё главное, что должно вывести лесозаготовки из тупика. Но самая пылкая фантазия не в состоянии предугадать те «коррективы», которые внесут в заботы государства о быте лесорубов некоторые завхозы и продавцы затерянных в лесах посёлков. Разве можно включить в постановление параграфы о том, что каждая керосиновая лампа должна быть снабжена стеклом, что щитовые домики должны быть без щелей, что спящий человек имеет право высовывать из-под одеяла руки и не отмораживать при этом пальцев? Всё это само собой разумеется. Но вот такие сами собой разумеющиеся истины и нарушаются.

Государство отпускает сейчас огромные средства на устройство быта лесозаготовителей. Это очень хорошо, но этого ещё не достаточно. Быт лесозаготовителей не устроен не столько из-за материальных возможностей, сколько из-за недостатка культуры быта. Домик без щелей стоит не дороже, а даже дешевле домика со щелью. По той простой причине, что сборка хорошего домика отнимает мало рабочего времени, а с плохим плотники долго мучаются. А цена ламповому стеклу — тридцать копеек.

Задача заключается в том, чтобы, полностью используя возможности, щедро предоставленные государством, облагородить быт культурой.

11. О красоте и безобразии.

Мы мало размышляем о роли эстетики в обыденной жизни и не отдаём подчас себе отчёта в том, каким могучим регулятором нашего поведения служит красота и насколько она нам необходима.

Вспомнился далёкий случай. В двадцатых годах в Москве готовили к открытию Центральный Дом Красной Армии, приспособлялось для этой цели здание бывшего Екатерининского института, отделялись помещения. Перед устроителями стояло

много хлопот и забот, приходилось решать массу новых для тех времён вопросов. Встал вопрос: как сделать, чтобы ЦДКА с первого же дня стал образцом высокой культуры и не превратился в рядовой замусоренный клуб тех времён. Надо сразу же приучить посетителей к определённым нормам поведения, а в ту пору командиры не отучились ещё от приобретённых на фронтах гражданской войны привычек сплёвывать на пол и разбрасывать окурки.

Нашлись такие, что предлагали:

— Побольше надписей: «Не сорить, не плевать, окурков на пол не бросать!»

Другие возражали:

— Такие надписи придадут помещению некультурный вид и вряд ли достигнут цели. Они в принципе допускают возможность плесков и разбрасывания окурков, просят лишь сделать исключение для данного случая. Такая возможность не должна даже мыслиться. Никаких надписей!

— Но что же сделать?

— Достать максимальнейшее количество ковров, накрыть ими полы. Послс, когда установится стиль учреждения, их можно будет снять.

— Ну, и загубите ковры! — кричали скептики.

— Не найдётся человека, который бросил бы окурочек на ковёр.

Так и сделали. И ковров не загубили.

А московское метро, разве оно не свидетельствует о том, как красота дисциплинирует человека?..

Какие неприятности переживает человек в комнате без настоящего освещения, понятно всякому. А вот как передать неприятности от пней, похожих на мёртвые кости? Те, кто их не видал, не в состоянии представить, какое удручающее действие они сказывают на человека своим мёртвым видом.

Трудно вообразить что-либо более безобразное, чем Рочегда — центральный посёлок Конецгорского леспромхоза, расположенный среди белых пней на чёрной земле, среди гор обугленного и недогоревшего древесного хлама.

Рядом течёт Двина. Её поверхность — как загрунтованный чистый холст; солнце и ветер кладут на него то яркие, то нежные краски. Смене красок нет конца, и, как бы они ни менялись, Двина всегда прекрасна.

Но вот по непонятному капризу строителей Двина не видна из жилых домов посёлка. Он отвернулся и спрятался от реки. Ни на одну копейку не стало бы строительство дороже, если бы дома были повёрнуты лицом к реке, расставлены по прямым линиям. Получилось бы не только красиво, но и удобно.

Радиозузел Рочегды транслирует передачи из Москвы. Сначала диктор читал статью «Роль материальной заинтересованности в эпоху социализма», потом пели песни, выступал радиокомментатор по вопросам международной политики. Затем начали играть Первую симфонию Чайковского. Из чёрного репродуктора полилась поэма о засыпанных снегом северных лесах — зазвенели бубенчики, заскрепели полозья. По снежной дороге мчится повозка, и седок сладко мечтает о лете, о цветущих в поле цветиках, о жизни, о светлом будущем.

Вдруг в репродукторе зашипело, и звук оборвался: дежурный выключил передачу. Исчезла поэма, торчат кругом уродливые пни. Раздосадованный, я иду объясняться к заместителю директора, Степану Петровичу Жвакину.

— Едва ли лесоруб что-либо потерял. Такая музыка ему недоступна, — заявляет он.

Я не согласен. Симфония построена на мелодиях народных песен. Что в ней может быть чуждого лесорубу?

Однако спорить по поводу симфонии не решаюсь и задаю собеседнику вопрос, как он относится к сломке шатровой церкви в Конецгорье. Это село находится неподалёку, и его именем назван леспромхоз, созданный ещё до постройки посёлка Рочегды. В Конецгорье стояла интересная шатровая церковь с очень сложной композицией объёмов; сейчас лежат развалины.

— Конечно, можно было и не ломать, — соглашается Жвакин. — Не так ли велика потеря? Что в ней такого особенно хорошего?

Я говорю, что понимающие люди находят очень много хорошего. Вот, например, академик Игорь Грабарь, изучая эти церкви, назвал Россию «страной зодчих». По его мнению, из всех своих вкладов в материальную культуру наиболее глубокий и самобытный вклад наша страна внесла своей архитектурой, а доказательством самобытности служит наше северное деревянное зодчество.

— Ну, академики-то во всех этих делах разбираются, — заявляет Жвакин, — а простому народу всё это мало понятно.

Тут я взрываюсь: как может быть непонятно простому народу то, что сделал сам простой народ! Сейчас в Концгорье есть школа-десятилетка; в селе живут образованные люди. Как образованным людям может быть недоступно то, что создано их менее образованными предками?

Начинаем разговор про безобразную захламлённость Рочегды и заполонившие посёлок пни.

Жвакин объясняет, что леспромхоз построен ещё до войны, строился другим ведомством и в таком виде передан лесной промышленности. Так что нынешние руководители вроде как ни при чём. Правда, выкорчевывать пни и разгружать посёлок от хлама не поздно и сейчас, но тут Жвакин начинает сердиться:

— Вы говорите о всяких пустяках, а мы занимаемся слишком серьёзным делом, чтобы думать об эстетике и разной прочей метафизике. Мы обязаны дать в год двести пятьдесят тысяч кубиков древесины. Все наши старания, все помыслы направлены на выполнение государственного плана.

— Однако вы никогда не добывали двухсот пятидесяти тысяч.

— Нам сейчас недостаёт шестисот рабочих, потому и не выполняем плана. Тем более мы обязаны бить в одну точку и не расплывать силы на разные пустяки. Ваши эти разговоры, ну, просто.. на смех..

Действительно, положение с рабочей силой очень остро. Но на территории леспромхоза имеется семь бульдозеров. Правда, сейчас они сломаны и не все дома. Но ведь были же они когда-то исправными. Начальник Пыстромского лесопункта говорил, что бульдозеру достаточно трёх дней. Неужели за пятнадцать лет нельзя было выконтить три дня?

А пни — не одна голая эстетика. Они удручающе действуют не только на глаз, но и на желудок. В столовых кормят мясными консервами и крупяными супами. Калорий достаточно, но через несколько дней такого бакалейного питания желудок начинает настойчиво просить чего-то ещё. Хочется видеть в супе ломтик картофелины, оранжевый кружочек морковки, зелёное пёрышко лука. Но откуда же взять в Рочегде, а тем более на лесопунктах да на участках картофеля и лук? В Пыстроме какой-то энтузиаст своими силами выворотил пни и посадил картошку на десяти квадратных метрах, в Рочегде же нет ни одного кустика картофеля, ни одного пёрышка лука.

Говорят, что осенью овощи закупят и привезут. Я жил в Рочегде до конца августа, при мне ещё не привозили. Когда их привезли и привезли ли вообще — не знаю.

Министерство лесной промышленности при найме рабочих в леспромхозы даёт переселенцам ссуду на покупку коровы и обязуется предоставить полгектара земли для огорода и один-два гектара сенокоса, чтобы были у рабочего свои овощи и чтобы пили его детишки молоко. Ссуду вам, конечно, оформят, но найдите-ка в Рочегде хоть один метр земли для огорода или сенокоса! Как же вы после этого купите корову?

Дайте электропилищику Коляке хотя бы четверть гектара земли без пней — он перестанет раздумывать, выпишет из Брянской области семью и останется в Рочегде навсегда.

Не прав Жвакин. Выкорчевали бы пни — и люди приезжали бы в Рочегду с семьями, оставались надолго, не было бы такого острого недостатка в людях, больше добывали бы «кубиков», и тогда-то леспромхоз, может быть, наконец и выполнил бы план.

Страдно читать в постановлении «О ликвидации оставания лесозаготовительной промышленности» категорическое указание министерству в 1954 и 1955 годах выкорчевать пни на десятках тысяч гектаров.

Человек, вынужденный жить в отрыве от семьи, как электропилищик Коляко, чувствует себя не дома, и дело кончается или приездом семьи в леспромхоз или отъездом человека из леспромхоза.

Условия для приезда семьи многообразны. Главные из них — жилая площадь, клочок земли без пней и школа.

Заместитель директора по кадрам Пётр Николаевич Насонов восьмой месяц живёт в Рочегде без семьи. Его детям нужно учиться в восьмом классе, а в Рочегде есть только школа-семилетка. Пришлось оставить семью на Пинеге, где Насонов работал до перевода в Конецгорский леспромхоз: там есть десятилетка. Летом ещё существует сообщение с Пинегой, а зимой Насонов почти так же отрезан от близких, как полярный зимовщик.

Школы, клубы, больницы, размеры жилой площади, снабжение товарами, прокладка хороших дорог в дальние леспромхозы, отрезанные сейчас значительную часть года от внешнего мира, — все эти вопросы имеют крупнейшее значение. Но все они связаны с расходами, и едва ли сторонний наблюдатель имеет право с места в карьер предложить: стройте больше! Да в таком предложении уже нет необходимости, оно уже запоздало. Государство ассигнует сейчас большие средства на культурно-бытовое строительство в леспромхозах. Справедливо считается, что эти дополнительные расходы не только не лягут наценкой на стоимость древесины, которая в настоящее время непомерно дорога, а совсем наоборот — через повышение производительности труда приведут к удешевлению дерева.

Надо лишь тратить средства с толком. Дело прежде всего в таких элементах, которые тут до сих пор явно недоставало, — в культуре и во внимании к человеку.

Строили на Онеге новый, Липаковский леспромхоз. При проектировании шёлкали на счётах костяшками и трещали арифмометрами, складывали и умножали кубометры и километры, учитывали тяговую силу машин. Так вычислили производственную мощность. Всё выходило в самый аккурат, ошибок не предвиделось. Мало думали только о людях, которые станут жить в леспромхозе.

Центральный посёлок Липаковского леспромхоза поставили в болото, а рядом есть сухое место.

Дешевле строить на болоте, что ли? Нет, пожалуй, даже дороже. Так почему же на болоте? Да очень просто. Болото или не болото — такой вопрос даже не существовал при проектировании. О таких вещах не привыкли пока думать на лесозаготовках.

И получилось вот что: все расчёты по километрам, кубометрам и машинам верны, а Липаковский леспромхоз выполняет годовой план всего на 40 процентов. Стало быть, есть в расчётах какая-то ошибка. Не были учтены свойства и потребности человека, а они оказались реальной величиной.

Не требуется устилать леспромхозы коврами и можно не тратить на благоустройство ни одной лишней копейки. Но если при одинаковых расходах можно рассыпать домики в беспорядке спиной к реке и можно расставить их по порядку и лицом к реке, ставьте лицом! Если при одинаковых расходах можно сделать и красиво и уродливо, делайте красиво! Если рядом с болотом есть сухое место, стройте на сухом! И если поблизости стоит что-нибудь прекрасное, например, памятник древнего зодчества, запечатлённый в изданиях Академии наук и Академии архитектуры, не ломайте его!

12. Ускользящий кубик.

Есть ещё одна серьёзная болезнь в лесозаготовительной промышленности — нетерпеливость. Слишком уж торопливо гонятся тут за кубиками древесины, все помыслы заняты только одним: скорее и больше! В этом есть как будто своя логика — ведь и на самом деле надо скорее да больше. Но эта логика оборачивается противоположной стороной.

Вообразите вы нетерпеливого председателя горсовета. Представьте, что у него в городе острейший недостаток жилой площади, люди сидят без крова, а дома строятся, но медленно. Ездит такой председатель по городу, видит дом, выведенный уже под

крышу, и решает: нечего людям сидеть без крыши, пусть въезжают, — и дом будет достраиваться, и люди в нём будут жить.

Тоже как будто есть логика. Но мы знаем, что, если в недостроенный дом въедут жильцы, дом никогда уже не будет достроен. Надо было потерпеть.

Когда строили на Онеге Липаковский леспромхоз, вслед за строителями послали в лес эксплуатационников. Логика такова: уже построен первый километр железной дороги, нечего ему гулять, надо пользоваться малейшей возможностью вывозить из леса кубометры. Трудно возразить: ведь и на самом деле область недодаёт стране в год восемь миллионов кубиков, действительно нельзя упускать малейшей возможности добывать древесину.

Во всех леспромхозах Архангельской области эксплуатационники работают бок о бок со строителями, и ничего путного из такого симбиоза не получается. Нет ни одного предприятия, которое можно было бы считать достроенным, приведённым в работоспособное состояние. Все хромают.

Лавельский леспромхоз на Пинеге с превеликим трудом дотянулся до выполнения 60 процентов плана. Железная дорога там почти не работает. В архангельских учреждениях это считают нормальным и затеяли дискуссию на тему: можно ли строить железные дороги в таких удалённых леспромхозах, как Лавельский? Он находится в верховьях Пинеге, чуть пониже того места, где пожарный лётчик Романов со своим самолётиком охраняет леса. Завозить машины туда можно только в мае, по большой воде. А паровозы ломаются, приходится отправлять их для ремонта в Грайворон. Как вы их станете при таком трудном сообщении возить из Лавель в Грайворон и обратно, из Грайворона в Лавель? Ясно, что в отдалённых леспромхозах нет условий для нормальной работы железной дороги и строить их там не надо. Аргументация словно бы правильная, но она в корне порочна.

Можно ли считать Лавельскую узкоколейку построенной, если там нет паровозного депо, нет ремонтных мастерских? Постройте всё, что требуется для нормальной работы железной дороги, и она станет бесперебойно действовать хоть на Новой Земле или Земле Франца-Иосифа. Построить депо в Лавелях обойдётся дешевле, чем возить паровозы для ремонта в Грайворон.

Ломаются не одни паровозы. Ломаются в леспромхозах электропилы, передвижные электростанции, электролебёдки, тракторы, автомашины, автокраны, мотовезы и другие машины. Следовательно, можно с таким же успехом доказывать, что в лес нельзя завозить никаких механизмов — нет, мол, там условий для их работы.

Сейчас и на самом деле нет. Обращение с машинами плохое, и негде их починить. Не чрезмерно ли централизован у нас ремонт лесодобывающей техники? Паровозы ремонтируются в Грайвороне, автомашины «ЗИС-150» — в Петропавловске, бульдозеры — в Риге, тракторы — в Петрозаводске. Чётко всё получилось. А вот попробуйте-ка свозить в Казахстан для ремонта и привезти машину обратно на реку Выю, куда неутомимый путешественник Пришвин добирался с трудом!

Северный леспромхоз — предприятие особого типа. Его оторванность от внешнего мира обязывает иметь под рукой всё нужное для работы и, в первую очередь, ремонтные мастерские. Леспромхоз должен иметь все условия для жизни «в себе», и он нуждается в особой законченности.

У нас никогда не пускают завод прежде, чем не будет полностью закончена строительством его первая очередь. Если начнёт действовать недостроенное предприятие, ему, как и заселённому жильцами недостроенному дому, тоже угрожает опасность остаться навсегда недостроенным.

А в лесной промышленности никак не могут отделаться от старой привычки. сохранившейся от тех времён, когда достаточно было послать в лес людей с пилами да тополами, чтобы с первого же дня получать древесину. Строящийся леспромхоз, как только в нём укладывается первый километр железнодорожного пути, уже немедленно зачисляется в разряд действующих предприятий и его заставляют немедленно давать кубки.

Такая же торопливость наблюдается в работе отдельных леспромхозов, лесопунктов, мастерских участков. Железнодорожные «усы» прокладывают наспех, сшивают их

для скорости на живую нитку, и гружёные поезда терпят крушения. Вместо экономии получаются убытки. А то и вовсе обходятся без прокладки «усов» на некоторые делянки, трелюют стволы тракторами за километр и даже за полтора километра. Мало успевают тракторы за день сделать рейсов при такой дальней трелёвке, и выработка тракторного парка понижается раз в пять.

Волоки на лесосеках не расчищают от пней — тоже торопятся взять древесину. Тащит лебёдка по такому волоку пучок стволов, упрётся он в пень — ломается лебёдка, рвутся канаты, и вся работа надолго останавливается.

В каждом архангельском леспромхозе вы увидите что-нибудь недостроенное. В пнистой Рочегде недостроена электростанция. Сарай с высокой железной трубой поставлен ещё в 1951 году, и вот уже три года никак не улучат момента с самым низким уровнем реки, чтобы заложить трубу для забора воды в котлы.

В Рочегде работают три крошечные временные электростанции — тут ведь всегда едут на временном, но эти станции не обеспечивают ни работ, ни даже нормального освещения. По вечерам часто гаснут лампы и останавливаются механизмы. Тока нынешних станций не хватает, чтобы поставить транспортёры на перегрузке брёвен.

Многие архангельские леспромхозы, по-настоящему недостроенные, не укомплектованные кадрами, не имеющие ремонтных мастерских, не справляются с производственной программой, дают от 40 до 80 процентов выполнения годового плана и работают в убыток — себестоимость древесины здесь выше отпускных цен.

А, например, Красновский леспромхоз вот уже пять лет выполняет свою программу с превышением и работает с прибылью. Техника там такая же, как и в других леспромхозах; механизмов не больше. Какими-нибудь преимуществами перед остальными не пользуется, особых географических удобств тоже не имеет. Стоит этот переходной в области леспромхоз на реке Онеге, в восемнадцати километрах от Липаковского, наиболее отстающего. В таблице итогов работы они занимают крайние места: один — первое, другой — сорок девятое, последнее, а географически — ближайšie соседи.

13. Счастливые люди.

Центр передового Красновского леспромхоза — посёлок Коковка. Надо заметить, что в названиях леспромхозов и их центров по большей части нет соответствия. Леспромхозы создаются в безымянных лесах и для своего географического обозначения приобретают имя какого-либо ближайшего пункта, обладающего названием. Чаще всего это бывает сельсовет, к землям которого примыкает лесной массив. Красновский леспромхоз назван именем села Красного на Онеге, хотя не имеет к нему никакого делового отношения, да и стоит от него не близко. А леспромхозовский посёлок, вначале безымянный, вскоре получил особое имя.

И надо ещё заметить, что слово «красный», помимо обозначения цвета, имеет в народном языке ещё другие значения: красивый, славный, счастливый («красная девица», «красные дни», «красна изба пирогами»). Красновский леспромхоз красен во всех смыслах: стоит он, окружённый молодым сосняком, на красивейшем берегу Онеги, славен своими успехами, и живут в нём счастливые люди.

Я приехал в Коковку под вечер, когда дневная работа кончилась и в конторе оставалась только дежурная телефонистка у коммутатора. С директором леспромхоза и главным инженером я был знаком и прежде: встречался с ними в Архангельске на технических конференциях по лесозаготовительной промышленности. На правах старого знакомого я пошёл их разыскивать в посёлке. Встретил завхоза, спрашиваю:

— Где начальники?

— Директор Фёдор Степанович в отпуску. Его замещает главный инженер. Только дома сейчас не найдёте, он за рекой вместе с главным механиком после работы атмосферой заряжается.

Завхоз ведёт меня на край берега Онеги. Берег, куда он привёл, обрывается к реке крутой двадцатиметровой стеной. Внизу бежит торопливая Онега. Воздух недвижно застыл, и поверхность воды, не тревожимая ветерком, блестит, как никель. Но вся она колеблется, вздрагивает, бегут по ней круги, вороночки — следы вращения воды при

быстром течении, и вся блестящая полоса реки с вереницами плывущих брёвен, которые непрерывно подсыпает леспромхозовский склад, стремительно движется между берегами. Переезжает через реку лодка с людьми, и она тоже катится вместе с водой вбок.

Озорные ребяташки катаются по реке верхом на брёвнах. Проплывут мимо посёлка и бултыхнутся в воду, выберутся на берег и бегут против течения, потом снова в воду, рассядутся на плывущих брёвнах и снова катятся по течению.

Онега совсем не похожа на Двину. Та — широкая, спокойно-величаявая, строгая в своих игольчатых ёлках и жёлтых песчаных отмелях. Эта — быстрая, весёленькая, вся в зелёных лугах и сосновых кудряшках. И вот видите, даже ребяташки с нею запанибрата, хоть и быстра она.

Ширина реки в здешних местах, недалеко от Каргополя, — четверть километра.

Онега резко отличается от большинства свободно текущих рек тем, что уровень воды в ней почти не меняется с весны до осени, русло всегда наполнено до краёв и нет нигде песков, свидетелей летнего усыхания. Такими реки становятся только после укрощения их плотинами и постройкой водохранилищ. А у Онеги есть естественные водохранилища. В верховьях она протекает через два больших озера — Воже и Лаче, они и припасают для реки водички на круглый год.

Противоположный берег поднимается от реки отлого. Раскинулся там зелёный луг, и стоят на нём три деревеньки: Иваново, Гаврилово, Глухая. За деревнями — зелёные луга, поля и перелески, смыкающиеся дальше в сплошной сосновый бор.

На редкость красивые тут места. Такой рельеф местности, открывающий глазу большие пространства, встречается на Севере не часто.

— Видите начальников? — показывает завхоз. — Вон на траве сидят у самой воды

Спускаюсь по лестнице, сажусь в лодку, переезжаю на левый берег и застаю там начальников среди ромашек, одуванчиков и колокольчиков.

— Песков тут нет, а на траве сидеть ещё приятнее, душистая здесь трава. — Навстречу мне поднимается главный инженер, Николай Фёдорович Козырев. — Занимаемся профилактическим ремонтом организмов. Себя нужно держать в таком же порядке, как и машины. Пока позволяет погода, проводим вечер на реке. С шести до восьми. А после ещё немного поработаем.

Козыреву двадцать шесть лет. Родился он в Ставропольском крае, детство провёл в станице на Кубани, окончил Харьковский автодорожный институт, попал в Красноярский леспромхоз, потому что здесь древесина вывозится из леса на автомашинах. Год работал инженером по транспорту, оказался замечательным работником и был выдвинут на должность главного инженера.

— Ехал сюда — побавался холодов, — рассказывает Козырев, — а видите, какая тут благодать! Леса хорошие, река! Очень мне здесь понравилось; лучше, чем на юге.

— Да, климат здесь хороший, — вторит ему главный механик, Сергей Николаевич Гришин.

Он родом из Рязанской области, работал на заводе в Люблине, подмосковной станции Курской железной дороги. В 1940 году по собственному желанию приехал в Архангельскую область — «создали условия: подъёмные и всё прочее». В 1941 году ушёл на фронт. После войны захотел устроиться на юге, проехал в Одессу, Николаев, Краснодар, Симферополь, и нигде не понравилось, решил вернуться в Архангельскую область.

— Жена моя, — рассказывает главный инженер, — вначале скучала по Кубани. Она окончила плодоовощной техникум, работала технологом по переработке помидоров да абрикосов, а здесь работы для неё не нашлось. Теперь всё устроилось: переменяла специальность, заведует в Кокровке детским садом и учится заочно в педагогическом институте.

Я сказал, что его жена могла бы даже и не менять специальности. Каргопольский рыжик и клюквенный экстракт славились прежде на всю страну и шли на экспорт. А теперь это дело заглохло; надо бы возродить.

— Сейчас и для более важных дел не хватает рабочих рук, — ответил инженер. — Не до рыжика. Моя жена довольна новым делом. А что касается меня, то я счастлив

Работа у нас идёт успешно, очень интересная работа, жить здесь удобно. Чего же ещё надо человеку?

— И добавьте ещё про хорошие условия, — вмешался Гришин. — Конечно, это не главное, но человек лучше чувствует, когда материально обеспечен. Николай Фёдорович зарабатывает с премиями три с половиной тысячи в месяц, я — две восемьсот. Отпуск у нас по два с половиной месяца. Мы же богатые люди! Не только никогда не подумаю уехать отсюда, а гнать станут, так лягу на порог и зареву.

Засиделись, заговорились, потеряли счёт времени. Солнце ушло на северо-запад, склонилось к лесу; тени на лугу вытянулись. А Коковка на высоком берегу напротив нас сияет в лучах, ослепительно сверкают оконные стёкла, и сосновый бор, обступивший посёлок, стал совсем красный.

Пора в Коковку. Козырев с Гришиным далеко уходят по берегу против течения и только там кидаются в воду, подняв столб брызг. Я иду к перевозу. Лодка, куда я сажусь, тоже плывёт сначала вдоль берега против течения и, сделав большой запас, поворачивает поперёк реки. Коковка от нас влево, но вода катит лодку боком, и мы пристаём как раз к посёлку.

Леспромхозовский склад всё подсыпает и подсыпает в реку брёвна. Река работает, как безостановочный конвейер и притом даровой, — ни ремонта ей не требуется, ни смазки. Катит и катит брёвна. Где-то ниже их выловят и отсортируют: строевой лес, шпальник и рудничную стойку перегрузят на железную дорогу, пиловочник пойдёт на онежские лесопильные заводы.

В Коковке не увидишь пней, в промежутках между домами зеленеет картофельная ботва и топорщат громадные голубоватые листья капусты. И давно уже не знают здесь, что такое недостаток рабочей силы. В последний раз сезонники были тут в 1951 году. С тех пор нет уже в них нужды, достаточно своих постоянных рабочих.

Николай Фёдорович Козырев составил полугодовой план работы и шутит:

— В пору сокращать штаты и увольнять рабочих: пятнадцать человек оказались лишних.

Сорок процентов всех работников — местное население, пятьдесят пять — постоянно живущие здесь переселенцы из других областей, и всего только пять процентов падает на долю законтрактованных по оргнабору. Да и те по большей части не уезжают, когда оканчивается срок контракта, а переходят в постоянные кадры.

Некоторые решают остаться, не дожидаясь срока контракта. К заместителю директора по кадрам, Дмитрию Васильевичу Брагину, пришли лесорубы Александр Куликов и Александр Гладилин.

— Разрешите маленький отпуск для поездки в Пензу за семьями! Житьё здесь глянется, решили остаться на многие годы. Так чего же целый год без семьи жить? Дозвольте съездить!

Трудными для переселенца бывают первые месяцы, пока человек не освоил ещё никакой специальности. Тот, кто преодолел первые трудности, приживается здесь накрепко.

В 1949 году из Воронежской области приехало двадцать семей переселенцев и в числе их семья Василия Кубышкина. Кубышкин ехал с опаской, оставил из предосторожности непроданным дом на воронежском хуторе: было бы куда в случае чего вернуться.

Никакой лесопромышленной специальности Кубышкин не имел, в первый раз тут увидел, как дерево валят. Был сначала разнорабочим на подсобных работах: копал канавы, корчевал пни, вырубал кустарники. Заработал в первый месяц 267 рублей.

Невелики успехи были на первых порах и у остальных воронежцев, поселившихся вместе с Кубышкиным в отдалённом 49-м квартале. Нашлись слабохарактерные:

— И зачем мы сюда приехали? Дома всё привычно, а тут дикий лес.

Часть переселенцев возвратилась обратно.

А матери Кубышкина, Марии Ефимовне, места понравились: холодов лютых зимой нет, в воронежской степи зимой холоднее, ветры там гуляют, а здесь, в лесу, всегда тих. Опять же с дровами хорошо, а в Воронеже какие же дрова? Яблочка тут нет,

зато грибов да ягод много: земляника, клюква, брусника, морошка, черника. Сказала она сыну:

— Приехали — будем жить! Не ближний путь туда-обратно ездить. Зерно из мешка в мешок пересыпь — убудет, а нам со всем хозяйством взад-вперёд шастать — совсем разоримся. На месте и камень обрастает. Никуда не поедем!

Заработок мал был только вначале. Велика в лесу надобность в рабочих руках, и быстро там выдвигаются люди. Василий Кубышкин перешёл сначала на обрубку сучьев, потом стал штабелёвщиком брёвен, потом получил в руки электропилу, на всю область прогремел как передовой стахановец и начал зарабатывать по две-три тысячи рублей в месяц.

А потом Кубышкин выдержал экзамен на мастера леса и стал руководить всем производством в 49-м квартале. В большую славу вошёл. Хороший производственник. Разработал новую схему валки деревьев так, чтобы никто на лесосеке друг другу не мешал и всем было удобно работать — и вальщикам, и обрубщикам сучьев, и трактористам-трепелёвщикам.

Директор Красновского леспромхоза, Фёдор Степанович Козлов, за семь лет работы сколотил крепкий коллектив. Никто из рабочих не собирается уезжать, все крепко держатся за место.

Шофёр Яков Горевских — человек слабовольный. Выпивал сначала для пушей весёлости: жизнь глянется, деньги есть — почему не выпить? А потом втянулся. И сам не рад, да тянет; не своей уже волей живёт человек, а болезненной привычкой.

Долго ли до аварии, если шофёр ведёт в рейс машину нетрезвый? Два раза на Горевских накладывали взыскания, — не помогло. Тогда директор вызвал его и предупредил:

— Если можешь, возьми себя в руки! Не исправишься — уволю!

Слово директора Козлова твёрдо. Не было ещё случая, чтобы он изменял своё решение. Горевских опять вышел на работу нетрезвый и тотчас же был уволен. Уехав из Коковки, он стал работать на сплаве. А потом начал слать письмо за письмом: «Примите обратно! Никогда больше не буду! Разрешите приехать!»

Подумал-подумал Фёдор Степанович и решил, что надо поверить человеку. Теперь Горевских снова работает в Коковке и ни в чём плохом пока не замечен.

Такой же случай произошёл со слесарем Лопяковым. Тоже был уволен и по той же причине, тоже уехал, тоже захотел вернуться и писал письма. Директор ему ответил: «Поддай заявление коллективу механического цеха. Если коллектив возьмётся тебя воспитывать, постановит принять обратно и поручится за тебя, — приму. А коли не сдержишь слова, будешь перед всем коллективом виноват».

Приняли Лопякова, снова работает и тоже ни в чём не замечен.

Вот как люди, вынужденные оставить Красновский леспромхоз, стремятся в него обратно. Значит, неплохо здесь жить и работать.

14. Корень успеха.

В 1947 году Фёдор Степанович Козлов принял Красновский леспромхоз в таком же тяжёлом состоянии, в каком находились все архангельские леспромхозы.

В 1949 году пришли машины. Красновцы очень быстро их освоили и впервые в тот год выполнили план. А в дальнейшем Козлов поднимал своё хозяйство всё выше и выше. Выпуск древесины увеличился с 47 тысяч кубометров в 1947 году до 190 тысяч в 1953-м.

Красновский леспромхоз почти вдвое меньше Конецгорского по числу рабочих и количеству механизмов. В нём нет железной дороги, вывозка производится на автомашинах, а расстояние вывозки почти такое же — двадцать километров. Несмотря на свою, так сказать, слабость, маленький Красновский леспромхоз дал за последний год древесины почти столько же, сколько крупный Конецгорский.

В первые годы трудно приходилось Козлову, у него не было тогда хороших помощников, ни на кого нельзя было положиться, всё надо было досмотреть своим глазом.

Теперь у Козлова много надёжных помощников. Крепкая партийная организация насчитывает 75 коммунистов, а всего в леспромхозе работают 750 человек, таким образом, один из десяти — коммунист.

Правда, и теперь ещё в Красновском леспромхозе не на всех штатных должностях есть люди. По существующим штатам, например, ближайшие помощники главного инженера — начальник производственно-технического отдела и инженер по транспорту. Но в Красновском леспромхозе эти должности не замещены из-за общего недостатка инженеров в лесозаготовительной промышленности. По той же причине отдел главного механика состоит из одного главного механика. На плечах Козырева и Гришина лежит очень большая нагрузка, но они справляются. И, кажется, получается очень неплохо: в конторах других леспромхозов все дни наполнены человеческой толчеей и суетнёй, спорами, обсуждениями, неистощимым многословием, а какие же здесь могут вестись разговоры, например, в отделе главного механика, когда отдел состоит только из него самого? Иногда лучше бывает, когда народу-то поменьше.

Многому научился главный инженер Козырев у директора Козлова, но и сам его кое-чему научил. Козлов — практик, с юности работающий на лесозаготовках и прошедший все ступени от рабочего до директора предприятия. А Козырев — человек в лесозаготовительной промышленности новый, пришёл в леспромхоз с вузовской скамьи.

В первый год своей работы молодой инженер, руководивший тогда транспортом леспромхоза, имел с директором крупное столкновение.

В то время в архангельских леспромхозах широко практиковалась штурмовщина. Не будучи в состоянии обеспечить хорошую работу в продолжение всего года, тресты увеличивали добычу древесины рывками. Объявлялись всякие «недели» и «месячники» повышенной добычи.

Подчиняясь общему стилю, Красновский леспромхоз тоже переживал всякие лихорадки.

И вот во время стахановского месячника Козырев снял часть автомашин с вывозки и по графику профилактики поставил их на планово-предупредительный ремонт. Узнав об этом, директор, хватаясь рукой за колющее сердце, прибежал в механическую мастерскую и накинулся на инженера:

— Стахановский месячник срывается? Вредительством занимаешься? Под суд отдам!

— По-вашему, раз стахановский месячник, так уж надо до полного износа машин? — ответил Козырев.

Директор и инженер крепко поругались.

— Ничего с машинами за месяц не делается. Ходили без ремонта и ещё месяц протерпят!

— А если сделается? После блестящего стахановского месячника на одиннадцать месяцев работу остановим? Блеснуть хотите? Не знал, что вы, Фёдор Степанович, работаете напоказ.

— Стахановский месячник — политическое дело!

— Скажите уж лучше, что вам на параде хочется занять первое место.

— Да, не хочется скатиться на последие... Ну, уж ставьте на ремонт, — смягчился директор. — Только совсем нам не к лицу, если в газетах позорить станут да выговор от треста объявят.

— Если в тресте сидят такие дураки, то надо выговор от них принять с честью. А по-стахановски работать будем не один месяц, а все двенадцать месяцев в году.

Разговор происходил не буквально в этих словах, крепче, но смысл его таков. И вскоре после этого Козлов выдвинул Козырева на должность главного инженера. Ему понравилось, что молодой инженер — человек принципиальный и умеет отстаивать своё мнение.

Массив Красновского леспромхоза начинается в десяти километрах от реки, и туда ведёт «лежневая» автомобильная дорога. На поперечных шпалах лежат две параллельные ленты из толстых деревянных брусьев. Автомашина с тяжёлым

прицепом бежит по этим лежням, играющим ту же роль, что и рельсы на железной дороге. Езда не по сплошному широкому настилу, а по узким лентам под колёсами требует от шофёров особой бдительности.

В Красновском леспромхозе не было смысла строить железную дорогу, потому что лесной массив невелик и рубка его скоро закончится. Железные дороги строят там, где работа леспромхоза рассчитана на долгий срок.

Технология заготовки леса всюду, в основном, одинакова. Мы её видели в Концгорском леспромхозе. Можно напомнить. Жужжат пилы, и падают деревья. Вслед за вальщиками идут обрубщики веток и верхушек, деревья превращаются в «хлысты». Тракторы стягивают их в пучки и волокут на разделочную площадку, а там их грузят — или целыми хлыстами или, если не позволяет состояние дороги, распиливают на отдельные брёвна. Потом везут к реке и сбрасывают в воду. Вот и всё.

Сейчас повсюду на лесозаготовках вводится по примеру угольной промышленности циклическая система работы. Прежде случалось так: свалят электропилищики целую делянку в 25 гектаров, а обрубать начнут через неделю, трелевать — ещё позже. Сейчас, по новой системе, весь производственный цикл должен завершаться каждые сутки. Все сваленные за сутки деревья должны быть в те же сутки вывезены с лесосеки, и каждый участок должен дать за сутки определённое количество древесины.

Прежде каждая часть работы делалась независимо от других. При новой системе все рабочие разных специальностей друг друга подталкивают, каждый видит своими глазами, что ему надо сделать. Новая система не терпит ни заборов, ни простоев, она требует большой слаженности всех звеньев. Если произойдёт остановка в одном звене — остановятся и все другие.

Чтобы обеспечить бесперебойную работу по всему циклу, считается необходимым на каждом участке, в каждой бригаде держать наготове резервные механизмы. На случай аварий в резерве держат запасные электростанции, тракторы, погрузочные краны, не говоря уже о мелких механизмах вроде электропил. Так поступают во всех леспромхозах. Поступают так даже в передовом Городищенском леспромхозе Молотовской области, по чьей инициативе и был введён циклический график.

Конечно, при существующих условиях необходимо держать наготове запасные механизмы. Иначе пока нельзя. Но нормально ли это?

Мы давно уже привыкли доверять машинам. Мы смело вступаем в кабину лифта и знаем, что выйдем на том этаже, куда нам надо, а не повиснем между этажами. Садимся в поезд метро без боязни, что застрянем в туннеле где-нибудь под руслом Москвы-реки. Мы смело вверяем свои жизни самолёту и пароходу, плывущему через океан, и не требуем, чтобы сади шёл на всякий случай пустой пароход, готовый принять с первого погибающих пассажиров.

А в лесозаготовительной промышленности не доверяют машине и каждую секунду ожидают поломки. Машины там плохи, что ли? Нет, хорошие, крепкие машины! Для леса их выпускают особо прочными. Дело не в машинах, а в способах обращения с ними. В том факте, что половина всех имеющихся в леспромхозах машин постоянно сломана, виновны люди, плохо обращающиеся с машинами.

Конечно, хорошо постоянно иметь под рукой запасные машины, но это только полумера, а не выход из положения. Когда сломается в бригаде один трактор, положение исправляется имеющимся запасным трактором. Но если может сломаться один, почему же не сломаться и второму? А второго запасного уже нет. Разве можно исправлять положение запасными машинами где-нибудь в Выйском леспромхозе, в верховьях Пинеги, куда машины можно завезти только раз в год? Сколько же там надо иметь запасных машин?

Выход только один — надо пересмотреть норму обращения с машинной.

Честь и хвала красновцам! Они начали обращаться с машинами иначе. Но далось это не сразу, и требуется для этого постоянная и упорная работа главного механика по наблюдению за режимом содержания и работы машин.

Главный механик Гришин задолго до восьмичасовой смены начинает утренний осмотр автопарка. Это очень похоже на врачебный обход в больнице. Машины тоже выстукиваются и выслушиваются, а роль «историй болезни» играют паспорта машин.

В восемь утра бьёт колокол, и начинается работа в ремонтных мастерских. Гришин уже там, тоже совершает обход всех станков и всех поступивших на лечение «пашентов».

А потом механик едет на лесосеки.

Верещат электропилы, тихонько тарыхтят идущие по узкому лесному коридору-волоку тракторы. Внезапно разнёсся дикий, зловещий вой: у-у-у-у-у! Так выли только сирены в печальные часы воздушных военных тревог.

Это на волоке застрял трактор с тяжёлым возом. Он встал на дыбы и воет, как связанный зверь, бессильный сбросить путы.

— Отцепи! — с болью в голосе говорит Гришин. — Ведь ты восемь кубов прицепил! Бессловесная сталь закричала, протестует против твоих безобразий! Отстраню от работы!

Такое страдание слышится в голосе Гришина, такой укор, что виноватому становится стыдно. Тракторист опускает щиток с хлыстами и выключает мотор.

— Всё хотите поскорее большой заработок схватить, а того не разумеете, что сломаете трактор — надолго останетесь вовсе без заработка: другого трактора вам не дам, пока сломанный не починим. Рассуждать же надо!

Гришин берёт из рук тракториста гаечный ключ, начинает стучать по гусеницам и по гайкам колёс, потом пробует ключом гайку, и она поворачивается: ослабла.

— Слабый крепёж! Сколько времени гайки не смотрели? Порвёте шпильки, что тогда делать? Три раза в день надо крепёж проверять!

— Проверяем, — смущённо оправдывается тракторист. — Что вы думаете? По такой работе в лесу да чтобы гайки не ослабевали?

— Вижу, вижу вашу проверку! Все гайки глиной залипли. Неделю к ним ключ не прикасался. Отстраню, взаправду отстраню!

Вот как приходится внедрять новое отношение к машинам. И результаты уже есть. Из тридцати четырёх тракторов Красноовского леспромхоза только пять находятся в Ленинграде на капитальном ремонте, а остальные все дома и исправны. До идеала далеко, но и это — уже достижение.

В Красноовском леспромхозе есть своя и очень неплохая механическая мастерская, можно было бы вовсе не отсылать машин на капитальный ремонт в дальние края, если бы не мешало одно обстоятельство.

Пришёл к директору слесарь механической мастерской Анатолий Докучаев.

— Когда же, Фёдор Степанович, переведёте меня в трактористы? Ведь сколько раз мне было обещано, а всё оттяжки и оттяжки! Знаете же про моё семейное положение.

Докучаев работает в леспромхозе уже седьмой год, а прежде работал на крупном судостроительном заводе. Он слесарь высокой квалификации, но он имеет также права тракториста и желает быть трактористом. Трактористы тоже нужны, но нужнее всего Докучаев в механической мастерской. Остальные слесари — молодёжь невысоких разрядов. Если отпустить Докучаева, очень пострадает ремонт машин.

Мастерская готовит много слесарей из молодёжи ближних деревень путём индивидуального обучения, но удержать их не удаётся, они уходят в шофёры или в трактористы. Дело в том, что по существующей системе заработной платы шофёры и трактористы отнесены к высшим группам, слесари — к низшим. Шофёр или тракторист, умелый и добросовестный, может тут заработать в месяц и две и три тысячи рублей, слесарь — тысячу. Обучить низшего класса шофёра можно в три месяца, слесаря не подготовишь меньше чем за два года.

Такая система заработной платы была установлена, чтобы рабочие не оседали в центральном посёлке на подсобных работах, а стремились на передний край, на основные работы по добычанию древесины. В этом была логика. Но можно ли сейчас относить к вспомогательным работам ремонт машин, если он становится важнейшим звеном всего производства и самым узким местом деятельности лесозаготовительной промышленности?

Если бы Гришин удержал в своей мастерской всех слесарей, которых он подготовил, не было бы никакой нужды в отсылке машин на капитальный ремонт в Ленинград, Ригу и в Петропавловск в Казахстане.

В других лесхозах Архангельской области положение в принципе такое же, **во** гораздо острее: мастерские слабее и ремонтных рабочих ещё меньше.

15. Судьба леса.

Лесная наука разработала множество видов рубок леса: постепенных, выборочных, сплошных и всяких иных. Каждый способ применяется в определённых условиях, и каждый должен в той или иной мере обеспечить сохранность лесов и возобновление молодняка на вырубаемых площадях.

Раньше наиболее удобными для массовых заготовок древесины считались сплошные рубки узкими полосами. Все деревья на полосе вырубались сплошь, дочиства, отсюда название — сплошная рубка. А по сторонам остаются стоять стены нетронутого леса.

Длина вырубаемой полосы безразлична, она может простираться на километры. Имеет значение только ширина, потому что обсеменение вырубленной полосы происходит семенами, падающими с деревьев из примыкающих к полосе стен леса.

Сосновые семена ранней весной выпадают из шишек и летят на землю. Они тяжёлые и падают вблизи. Полоса в пятьдесят метров от стены леса густо усеяна семенами. Гораздо меньше семян падает на расстоянии от пятидесяти до ста метров. А редкие одиночные семена залетают и до двухсот пятидесяти метров.

Этим определяется ширина вырубаемых полос. Они должны рубиться шириной в сто метров; на более удобных почвах, где семенам легче взойти, можно допустить рубку полос до 200—250 метров.

Кроме того, для большей гарантии обсеменения на полосе оставляют редко стоящие сосны — «семенники».

Сосна сбрасывает семена не ежегодно. Обильное плодоношение сосны бывает раз в четыре—семь лет. Поэтому для того, чтобы вырубленная полоса наверняка обсеменилась, примыкающие к ней стены леса должны стоять пять лет. Один из пяти годов будет почти наверняка семенным и даст всходы.

После пяти лет примыкающие к вырубленной полосе стены леса рубятся снова полосой в 100—250 метров ширины, и эти новые полосы своим чередом пять лет ждут обсеменения.

При такой узкополосной рубке лесной массив делится на множество длинных участков, и рубка ведётся во многих, далеко друг от друга отстоящих местах. Лесной массив напоминает линованную бумагу: за километр от первой полосы проходит вторая, ещё через километр — третья и так далее.

И вот сейчас всё это сметено приходом машин.

Машина требует для себя простора. Производить узкополосную рубку машинами так же невыгодно, как трактором и комбайном обрабатывать былые крестьянские наделы.

На каждой узкой полосе надо строить особый железнодорожный или автолежневый «ус». Каких огромных это потребует расходов!

Для использования производственных возможностей таких средств механизации лесозаготовок, как железнодорожный «ус», трелёвочные тракторы, лебёдки, наиболее выгодной оказывается рубка полосы шириной в километр. Такая система называется сплошной концентрированной рубкой. И такая система становится единственно возможной для лесозаготовок в тайге. Она стихийно вытесняет все прежние способы рубок.

Но при концентрированных рубках интересы лесной промышленности сталкиваются с интересами лесного хозяйства. Эти рубки не обеспечивают естественного возобновления леса на вырубаемых площадях.

Прежде всего при концентрированных рубках не может происходить обсеменение лесосек: семена хвойных пород не могут лететь за километр. А в последующие годы

рядом вырубаются новые километровые полосы и образуются огромные пустыри. Они никак не могут обсемениться хвойными породами от окружающих лесов.

Кроме того, на концентрированных лесосеках нет смысла оставлять одиночные семенники сосны. Исследования В. Г. Нестерова и А. И. Летковского показали, что сосны, всю жизнь простоявшие между собратьями в густой чаще, будучи выставлены на широкий пустырь, сильно болеют в первые годы от перемены обстановки и перестают плодоносить. Часть их умирает. Но если даже часть не умрёт, а с годами окрепнет и начнёт плодоносить, то бывает уже поздно: пустырь к этому времени успеет зарости луговыми травами и задерниться, древесное семечко уже не в силах будет пробиться через дернину к почве.

Оставлять одиночные семенники ели вообще нельзя, потому что еловые корни, раскинутые на поверхности земли, слабо держатся за почву. Выставленная на простор ель валится ветром.

И кроме того, работа машин на лесосеке почти исключает второй путь возобновления лесов — так называемую «предварительную генерацию».

Под пологом леса тихо дремлет жизнь. В темноте прозябают без солнечного света маленькие и захиревшие деревца — подрост и молодняк. Количество подроста бывает очень велико в период изреживания перестойных лесов, когда от выщадения умерших деревьев образуются «окна».

После рубки древесная подрост, выйдя из тени деревьев на солнечный свет, мог бы ожить, как ожила «Васина ёлочка» в «Корабельной чаще» Пришвина, когда на неё стали падать солнечные лучи.

Но при работе машин вся эта древесная мелочь сминается и ломается. Часть подроста погибает при падении срубленных деревьев, часть — под гусеницами тракторов, часть ломается при переносе электрических кабелей и трелёвочных тросов.

Большие пустыри могут обсемениться только берёзой и осиной. Эти деревья ежегодно выбрасывают колоссальные количества легчайших летучих семян. Они разносятся вокруг на километры. Но беда в том, что берёза и осина считаются на Севере сорняками и не используются покамест лесозаготовительной промышленностью. Это, конечно, очень плохо, но проблему использования берёзы и осины удастся решить не прежде, чем лесозаготовительная промышленность достаточно окрепнет и перестроится. А пока расширение площадей берёзовых и осиновых лесов взамен хвойных приходится считать несчастьем.

Всего хуже — опасность заболачивания пустырей.

Не кажется ли вам странным тот факт, что Архангельск, центр одного из наиболее лесистых краёв нашей Родины, стоит очень далеко от лесов? Город окружён «мхами» — болотистой тундрой, и многие его жители ни разу в жизни не бывали в лесу.

Существование тундры под Архангельском противоречит всем географическим законам. Граница тундры проходит на триста километров севернее, в пределах Архангельской области она точно совпадает с Полярным кругом, а город стоит на 64-й параллели, — с какой стати тут быть тундре?

И должно тут быть болот: город распложен на самой высокой точке правого берега Двины, в нижнем её течении. Именно такие места и называются на Севере «горами». Болота бывают обычно на водоразделах и в низинах, а не на «горах», да ещё на самом берегу реки, где есть сток. И тем не менее город окружён болотами и тундрой.

Нетрудно догадаться, что Архангельская пригородная тундра — искусственное изделие человеческих рук.

Вот как это произошло. Архангельск с давних пор был очень крупным потребителем древесины. Лес расходовался не только на постройки и на дрова, много его шло на судостроение, а с XVII века — и на экспорт. И весь нужный лес архангелогородцы в давние времена добывали в ближайших окрестностях. Зачем плавить лес издалека, когда рядом, вокруг Архангельска, стоит ничей лес. Его рубка не регулировалась никакими законами, и люди в ту пору мало знали о биологии леса.

Горожане навалились на окрестности; шло жаркое соревнование на скорость вырубки: если я не срублю, срубят сосед! То была самая концентрированная рубка, какую только можно представить. После очистки основного древостоя налегли на выросший на его месте жердняк. А после рубки жердняка лес в третий раз уже не вырос, и родилось болото.

На Севере влаги в виде дождя и снега выпадает за год больше, чем испаряется с земной поверхности под холодным северным солнцем. А местность здесь плоская, гладкая; сток слаб. Получается избыток влаги. Равновесие регулируется деятельностью леса. Деревья работают, как мощные иглофильтры, вытягивают воду из почвы и испаряют в воздух, тем осушая почву.

Но если лес исчезает, вода накапливается в почве и постепенно образуется болото с влаголюбивой растительностью. Разрастаются болотные мхи — злейшие враги леса. Древесные семена не могут дать на болоте всходов, а взрослые деревья хиреют. Болото начинает жить своей особой жизнью, и, если не произойдёт каких-либо изменений, осушающих почву, оно вытесняет лес навсегда. Так образовался пояс болот вокруг Архангельска.

Вот какая опасность грозит на концентрированных вырубках, и вот как важно, чтобы лесосеки обязательно покрывались молодым лесом! Иначе начнёт наступать тундра, а это не замедлит отозваться на климате Центральной России, потому что леса Севера прикрывают нас от ледяных ветров из Арктики.

Что же делать? Запретить концентрированные рубки? Выгнать машины из леса? Пусть рубят топором?

Нет, подождите, надо оглядеться, и всё окажется не так уж страшно.

Во-первых, вопросы решает экономика, её законы сильнее нашей воли. Сколько бы мы ни кричали: «Долой машины!», машины из леса не уйдут. Этого не позволят потребности нашего народного хозяйства и весь его строй.

Да и надо ли кричать? Надо ли тянуть назад лесную промышленность? Не правильнее ли будет двинуть вперёд лесоводство и подтянуть до уровня новой техники?

Тут не может быть никаких сомнений. Конечно, надо идти вперёд! Так и поступили наши передовые учёные. Ещё машины не вошли в лес и промышленность не перешла на концентрированные рубки, а учёные уже начали искать способы лесовозобновления при механизации лесозаготовок и при концентрированных рубках.

Никто не собирается изменять законы природы, их нельзя опрокинуть, но можно создавать новые сочетания факторов, новые цепи причинных зависимостей и получать новые результаты на основе старых и неизменных законов природы. Такова суть активного творческого вмешательства человека в жизнь природы.

Профессор Архангельского лесотехнического института Иван Степанович Мелехов едва ли не первым из наших учёных принял за разработку методов естественного возобновления леса при комплексной механизации лесозаготовок. Ещё в 1935 году он предложил систему «контурных кулис». Суть этой системы в том, что по краям вырубленных участков обычного размера 500×500 метров оставляется узкая каёмка несрубленных деревьев. Вся лесосека после рубки оказывается расчерченной: полосы леса и пустые квадраты. Эти полосы леса и служат источниками обсеменения.

Система Мелехова — огромный шаг вперёд по сравнению с прежней системой одиночных, раскиданных по делянке деревьев-семенников. Одиночные семенники неприемлемы ни для лесозаготовителей, ни для лесохозяйственников, они мешают лесозаготовителям растягивать и переносить трелёвочные тросы. И в то же время они не обеспечивают обсеменение, потому что заболевают от перемены обстановки, от нарушения «биоценоза» и перестают плодоносить. Лесные же полосы вокруг делянки не мешают трелёвке леса внутри делянки и обеспечивают обсеменение, потому что «биоценоз» не нарушается, деревья в полосе стоят между собратьями так же, как и в лесу.

И ещё более удобна для лесозаготовителей система «угловых куртин», предлагаемая Архангельским стационаром Академии наук СССР. Зачем оставлять так много несрубленного леса? Зачем перегородками затруднять движение машин? Не надо полос, достаточно оставить группы деревьев на углах делянок. Эти оставляемые

островки имеют в плане форму квадрата с вогнутыми сторонами и заострёнными углами, словом — бубновый туз. Такая форма делает островок ветроустойчивым. Деревья внутри островка тоже живут нормальным лесным сообществом, сохраняют здоровье и плодоносят.

Есть ещё дополнительные способы усилить естественное возобновление.

В Концгорском леспромхозе, в Рочегде, сотрудник Архангельского стационара Академии наук СССР Питирим Львов кропотливо подсчитывает на вырубленных делянках древесную мелочь, уцелевшую после работы машин. Можно, оказывается, так организовать их движение, что на каждом гектаре сохраняется до двух тысяч штук подроста, начинающего быстро расти после вырубки основного древостоя.

Но пока далеко ещё не ясен вопрос о полноценности древесины таких оживших после дождого угнетения маленьких деревьев. Тут потребуются длительные исследования.

И есть ещё один способ, самый верный, самый перспективный и многообещающий, — посев.

Никто никогда не собирался заставить сосновое семечко пролететь километр над широкой лесосекой, но можно семя рукой или машиной опустить в землю туда, где надо, в наилучшие условия, на подготовленную и обнажённую от мха почву и получить результат, несравнимый с самосевом.

Осваивая лес, человечество с запозданием на много тысячелетий повторяет процесс культурного освоения хлебных злаков, овощей и всяких других полезных растений.

Можно представить, как труден и долговремен был переход от простого собирания колосьев дикорастущей ржи к культурному её выращиванию на вспаханном поле.

Вначале, вероятно, тоже довольствовались естественным самосевом ржи в её диких зарослях, тоже старались не обрывать всех колосьев, а оставляли малость для осыпания на землю, тоже придумывали обсеменительные полосы, кулисы и куртины. Также случались конфликты, и какой-нибудь пророк, посыпав главу пеплом, грозил перстом и причитал:

— Горе нам! Обездолили землю, обобрали все колосья! Земля перестаёт рожать, и голодная смерть глядит в глаза нашему племени!

И нашёлся новатор:

— А мы посеём!

Может быть, его побили камнями, как еретика, зовущего к нарушению законов жизни. Но он-то и оказался истинным пророком. Человечество пошло в конце концов по его пути и получило неисчислимые выгоды от перехода на искусственный посев и культурное возделывание полезных растений.

Сосна и ель отличаются от ржи и пшеницы только тем, что сеять их легче и сеять приходится только раз в столетие. Тем более надо их сеять!

Вопрос решает экономика. **Что дешевле:** естественное возобновление или искусственный посев? Оказывается, посев.

Чтобы сохранить благоприятные условия для естественного обсеменения, пришлось бы вести рубки узенькими полосками, а это стоило бы огромных денег на постройку лишних железнодорожных «усов» или разветвлений лежневой дороги и очень затруднило бы работу всех механизмов. Переход от узкополосных рубок к концентрированным даёт такой выигрыш, такое удешевление производства, что с лихвой покрывает все расходы на искусственный посев. По вычислениям профессора В. Г. Нестерова, концентрированные рубки дают удешевление от 380 до 560 рублей на одном гектаре, а искусственное восстановление леса обходится в 250—375 рублей. Это, так сказать, в идеальных условиях, а в Архангельской области, где условия далеко не идеальны, где очень велик недостаток рабочей силы, удешевление от концентрированных рубок ещё более значительно.

Искусственный посев всегда более надёжен и, кроме того, выгоден ещё и тем, что позволяет выращивать нужные человеку древесные породы. А в процессе естественной смены одних древесных пород другими в дикорастущих лесах ценные породы часто сменяются малоценными.

Если бы архангелогородцы в прошлые столетия догадались сеять лес на вырубемых задворках города, не было бы тут никакой тундры, шумели бы боры. Но, во-первых, не догадались, а самое главное — для такого дела нужна организация.

Посев сосны, ели и лиственницы начат в Архангельской области с 1947 года. Он применяется пока только как мера содействия естественному лесовозобновлению. Сеют там, где возникают сомнения в результатах естественного обсеменения. А там, где сомнений нет, не сеют. Посев производится ежегодно на 35 тысячах гектаров, то есть на одной трети вырубасмых площадей. Две трети обеспечивались пока естественным обсеменением.

Но, разумеется, это новое для Севера дело будет расти и развиваться. Его удельный вес в восстановлении лесов всё время будет увеличиваться.

В Архангельской области руководит восстановлением лесов начальник отдела лесных культур управления сельского хозяйства Александр Николаевич Кириллов.

Этот крупнейший знаток лесов Севера за сорок четыре года своей работы побывал лесником в разных концах области, всю тайгу измерил своими ногами.

Я спросил у него: велика ли опасность, что вырубленные площади останутся необлесёнными? Он погладил свою огромную жёлтую с проседью бороду, тихонько усмехнулся и ответил:

— Бред! Не допустим! Если бы это случилось, надо бороды у нас рвать да головы снимать! В наших руках всё дело.

День-то как прибывает! Давно ли солнце ненадолго появлялось среди дня на юге, а теперь встаёт раненко по утрам на востоке. Падают с деревьев капли, и снег в лесу покрылся ледяной корочкой наста.

По лесосеке Красновского леспромхоза идёт на лыжах цепочка людей. Вперед — лесник, седобородый старичок, за ним его дочь, девушка с красным галстуком, зади пятеро подростков — пионерорганизация. На поясах у всех висят, как большие набедренники, холщовые мешки.

С белой снежной равнины они сворачивают к тёмной стене леса, направляются туда, где среди сосен жужжат электропилы и стрекочут тракторы, откуда ползёт дым костров.

Прошумев ветками, падают на землю сосны, вскидывая при ударе снежные вихри. Опережая обрубщиков сучьев, лесник и пионеры обходят сваленные деревья, срывают с вершин золотистые шишки, кладут в свои мешки. Шишки пойдут в сушильню, а потом в «обмолот». Так заготавливают сосновые и еловые семена, их надо собрать до высыпания. А теми шишками, что во множестве валяются на земле, можно только греть самовары: семена из них высыпались, когда шишки ещё висели на деревьях.

Проходят дни. Весна продолжает своё дело. Между деревьями ещё белеет снег, а вырубленные делянки давно уже оголились. На поляне, усеянной пнями, среди брусничника, черничника и мха видно много пепельно-серых кругов. То следы костров, где сжигались обрубленные сучья. По делянке веером расходятся трелёвочные волокна, там травяная подстилка тоже содрана, тоже выглядывает оголённая земля.

Опять лесник с пионерами идут по лесосеке. Там, где земля обнажена от лесных мхов и трав огнём или трелёвкой, они рыхлят землю и рассыпают семена. Если мало обнажённой земли, прибавляют: ссекают лесные мхи мотыгой и тоже посыпают землю семенами.

Вдалеке тарыхтит мотор. Всё ближе, всё громче. Трактор, что ли? Нет, не похоже. Из-за стены леса выскочил самолёт и с оглушающим рёвом пронёсся низко над лесосекой, пылая струйку какой-то оседающей на землю пыли... Нет, не пыль, а что-то покрупнее... Опять сосновые семена.

Так решается судьба леса.

Есть много случаев нехозяйственного обращения с лесом. Вопиющим безобразием можно считать, например, рубку только одних хвойных деревьев с оставлением на

корню берёзы и осины. В смешанных лесах берут с гектара полтора ста кубов хвойных пород и оставляют на нём сто кубов лиственных.

Берёзы, выросшие в густом лесу, имеют слабую корневую систему. Они держатся всем обществом. Когда они остаются одни, их сваливает ветер, и лесосека превращается в захламлиненное кладбище. Вред для лесовозобновления от этого огромный.

Берёзу и осину не берут, во-первых, потому, что их нельзя сбрасывать в реку: тонут. И, во-вторых, не налажено должным образом их промышленное использование.

Проблема решалась бы переработкой берёзовой и осиновой древесины на месте, в леспромхозах. Но разве леспромхозам по силам переработка, если они не справляются пока с простой заготовкой?

Сохранность лесов теснейшим образом связана с укреплением лесозаготовительной промышленности. От уровня работы леспромхозов зависит состояние лесосек и восстановление на них лесов.

Леспромхозам дают то, в чём они наиболее нуждаются: квалифицированных рабочих и инженеров. В лес едут инженеры-строители, инженеры-паровозники и путейцы, автодорожники, инженеры-механики, умеющие обращаться с машинами. Всем известно, что машинно-тракторные станции сами остро нуждаются в инженерах, но и они послали в лес специалистов по ремонту тракторов.

До сих пор каждый леспромхоз кустарно и наспех готовил для себя рабочих. Теперь хорошо обученных рабочих дадут леспромхозам ремесленные училища.

Введение циклического метода показало, что и прежде рабочей силы было достаточно, но не так она была расставлена.

Лесная промышленность переживает сейчас перелом и уверенно идёт к успеху. В 1953 году в Архангельской области был только один передовой леспромхоз, а с полугодовой программой 1954 года успешно справился уже целый ряд предприятий. Особенно хорошо работают Емцовский и Карпогорский леспромхозы.

Можно надеяться, что лесозаготовительная промышленность скоро сможет рапортовать партии и правительству о выполнении государственного плана.

Мы собираемся оставить потомкам больше, чем имеем сами. Мы хотим оставить им молодые леса. Наша задача — рубить в таёжных лесах как можно больше и стараться, чтобы каждый вырубленный гектар обязательно покрывался молодняком.

И лесоводы и лесорубы делают одно общее дело. Пожелаем и тем и другим большого успеха.

ПУБЛИЦИСТИКА

Инженер Б. АБРАМОВ

★

ЭНЕРГИЯ ВЕЛИКИХ РЕК

Река — постоянный источник энергии. Но прошли века, прежде чем человечество стало использовать для своих нужд силу падающей воды.

Между первобытным человеком, случайно постигшим способность реки служить средством для перемещения людей и грузов, и инженером, включающим рублик мощной гидроэлектростанции, лежат тысячелетия неустанной работы человеческой мысли, побед и неудач, надежд и свершений.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Наш народ ещё в древности научился применять энергию рек. С помощью «водяных колёс» мололи зерно на мельницах, а на сукновальнях вырабатывали суконные изделия.

В XVI столетии на притоке Вычегды — небольшой северной речке Лахоме — русские водовзводные мастера соорудили плотину с колесом, приводящим в движение молот дляковки железа. Так четыреста лет назад на Лахомском заводе были заложены основы производственной автоматики.

Имена первых деятелей в области гидроэнергетики долго пребывали в неизвестности. Мы узнали о них лишь недавно благодаря трудам советских историков техники В. В. Данилевского, Ф. Я. Нестерука, В. С. Виргинского.

Плеяду славных русских гидротехников XVII века открывает замечательный по своей разносторонности человек — Анисим Радишевский, автор первой русской технической книги, типограф, колокольник, создатель крупнейших по тому времени гидротехнических сооружений в Москве, Калуге, Путивле. А вслед за ним перед нами предстают такие талантливые мастера, как Василий Азанчеев, пытавшийся в 1657 году проложить туннель под Москвой-рекой, Юрий Андреев, специалист по особым запрудам для ловли рыбы. Позднее горный мастер Козьма Фролов соорудил на Алтае несколько замечательных гидросиловых установок. До наших дней стоит и служит людям построенная им Змеиногорская плотина. Напор воды, создаваемый этой плотиной, приводил когда-то в движение целую систему наземных и подземных механизмов: лесопильную установку, рудоподъёмные и водоподъёмные машины. Многочисленные гидросооружения на Урале, имеющие более чем двухсотлетнюю давность, используются для получения механической энергии и в настоящее время.

Передававшийся из поколения в поколение опыт, накапливавшиеся знания подготовили почву для создания специальной отрасли науки и техники, занимающейся вопросами использования водной энергии. Отрасль эта получила название гидроэнергетики.

В прошлом столетии, когда многие талантливые люди были заняты вопросом о рациональном и дешёвом способе получения могучей силы — электричества, русские гидроэнергетики сказали своё веское слово в этой области.

В 1877 году штаб-капитан артиллерии Фёдор Пироккий выступил в печати со статьёй о «возможности передачи работы воды, как самого дешёвого движителя, на известное расстояние посредством гальванического тока». Для получения тока он предложил «в том месте, где воды, способной к работе, много, поставит водяное

колесо или турбину, которые сцепить с динамо-электрической машиной». Тогда эта идея оказалась весьма парадоксальной, поэтому статью Пирощкого редакция «Инженерного Журнала» оговорила особым примечанием, что она «слагает с себя всякую ответственность относительно практической стороны дела».

Новое всегда побеждает. И вскоре на реках Европы, Америки, Азии стали возникать первые гидроэлектрические станции.

Русские учёные создали много интересных проектов использования энергии рек. В 1894 году В. Ф. Добротворский предложил соорудить гидроэлектростанцию на Волхове, Нарве и Вуоксе. Скрытая сила волховских порогов и нарвского водопада должна была осветить петербургские улицы, дать электричество заводам и фабрикам северной столицы. Но предложение Добротворского не было претворено в жизнь. Остались на бумаге и замечательные планы других пионеров гидроэнергетики: Лесневича, Митрофанова, Лелявского, Тимонова — об использовании энергетических ресурсов Днепра, Графтио — о сооружении гидроэлектростанции на Волхове. Царской России эти проекты оказались не по плечу. В то время как на реках Западной Европы и США одна за другой возникали мощные гидроустановки, в нашей стране, внесшей решающий вклад в разработку теории гидроэнергетики, почти ничего не было сделано для практического освоения неисчерпаемых запасов водной энергии.

В 1913 году в России работали 78 небольших гидроэлектростанций с общей мощностью в 8392 киловатта. Самой крупной среди них была Гиндукушская станция на реке Мургаб (1350 киловатт). К концу первой мировой войны общая мощность русских гидроэлектростанций снизилась до пяти тысяч киловатт. По выработке электроэнергии Россия в те годы занимала пятнадцатое место в мире.

ПО ЛЕНИНСКОМУ ПЛАНУ

В апреле 1918 года, набрасывая заметки об электрификации Петрограда и Москвы, Владимир Ильич Ленин записал: «Волхов строить».

Близ Великого Новгорода — в озере Ильмень — берёт начало Волхов; он несёт свои бурные воды на протяжении двух с лишним сотен километров и впадает в Ладожское озеро. В прошлом эта река — одна из важнейших судоходных артерий страны. Вспомним былинный рассказ про Садко, богатого гостя:

Построил Садко тридцать кораблей.
Поехал Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву реку,
А со Невы реки во сине море.

Предпринятое Советским правительством сооружение Волховской ГЭС было одним из звеньев в цепи ленинского плана электрификации страны.

В начале 1920 года была создана Государственная комиссия по электрификации. За короткий срок, в течение всего нескольких месяцев, инженеры и техники под руководством Г. М. Кржижановского, выполняя ленинские предначертания, разработали ставший всемирно известным план ГОЭЛРО.

«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» — эти мудрые слова, произнесённые Владимиром Ильичём в декабре 1920 года на VIII Всероссийском съезде Советов, определили направление технической политики Коммунистической партии. В то время Ленин много говорил и писал об электрификации. «...Вряд ли среди наилучших образцов поэтического творчества мы найдём что-либо более сильное, чем эти... высказывания Владимира Ильича по таким вопросам, которые поистине решают судьбы человечества», — отмечал впоследствии Г. М. Кржижановский.

План электрификации Советской страны был отпечатан томом в 672 страницы и роздан делегатам VIII съезда Советов.

«Я надеюсь, — обратился к делегатам В. И. Ленин, — что вы этого тома не испугаетесь. Я думаю, что мне не трудно будет убедить вас в особенном значении этого тома. На мой взгляд, это — наша вторая программа партии».

С неослабевающим вниманием слушали рабочие и крестьянские депутаты сообщение Государственной комиссии по электрификации. Малюверы из числа старой технической интеллигенции пожимали плечами: «Поймут ли?» Но когда Владимир Ильич сказал, что на последующих съездах доклады инженеров и агрономов, участников строительства Советской России, станут обычным явлением, зал разразился громом аплодисментов.

В соответствии с планом ГОЭЛРО было построено одиннадцать гидроэлектростанций общей мощностью в 771 тысячу киловатт.

В тяжёлых условиях проходило в ту пору это строительство. Главной фигурой на строительной площадке был землекоп, основным видом транспорта — грабарка. Не хватало квалифицированной рабочей силы, материалов, оборудования. Достаточно сказать, что Волховстрой вначале располагал всего лишь одним экскаватором. И всё же, несмотря на трудности, Волховская ГЭС уже в 1926 году была пущена в эксплуатацию. Это была первая в СССР крупная гидроэлектростанция, первая практическая школа советского гидроэнергостроительства. А спустя шесть лет дал ток Днепр-прогэс.

Днепровскую станцию, подлинный шедевр технической мысли, советские люди построили по проекту, разработанному выдающимся советским гидроэнергетиком И. Г. Александровым. Во главе строительства был поставлен известный учёный А. В. Винтер. Плотина длиной свыше 760 метров и высотой в 64 метра преградила русло Днепра. Вода поднялась до 40 метров, затопив днепровские пороги. Днепр стал судоходным почти на всём своём протяжении. Вода привела в движение турбины самой мощной в Европе гидроэлектростанции.

За годы первой пятилетки мощность гидроэлектростанций Советского Союза возросла в пять раз.

В следующем пятилетии вступили в строй Нижне-Свирская, Нивская № 2, Рионская, Ивановская и ряд других гидроэлектростанций. Особенный технический интерес представляло строительство одной из них — Нижне-Свирской. Впервые в мировой практике она была возведена на глинистых грунтах. Приглашённый для консультации американский инженер Купер заявил, что при таких природных условиях гидротехническое сооружение вообще невозможно. Однако проект был всё же составлен. Его автор — Г. О. Графтио — предложил очень смелый вариант. Учитывая высокую степень сжимаемости грунта, он решил строить станцию с небольшим наклоном, чтобы после того, как давление воды на подводную часть здания достигнет определённой величины, оно приняло бы вертикальное положение. Расчёты советского гидротехника полностью оправдались. С наполнением водохранилища стены действительно выровнялись.

О темпах роста энергетического хозяйства Советского Союза красноречиво говорят следующие данные. За годы третьей пятилетки, прерванной войной с гитлеровской Германией, мощность гидроэлектростанций возросла по сравнению с 1927 годом почти в восемнадцать раз, а за годы четвёртой пятилетки — более чем в двадцать пять раз.

В 1951 году, первом году пятой пятилетки, наша страна производила уже 104 миллиарда киловатт-часов электроэнергии — больше, чем Англия и Франция, вместе взятые. По выработке электроэнергии СССР ныне занимает первое место в Европе и второе — в мире.

Вопросам дальнейшего использования гидроэнергетических ресурсов большое внимание уделил XIX съезд Коммунистической партии. Исторические директивы съезда по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы предусматривают увеличение производства электроэнергии на 80 процентов. Общая мощность электростанций должна быть увеличена примерно вдвое, а гидроэлектростанций — втрое.

За пятилетие будут введены в строй Куйбышевская, Камская, Горьковская, Мингечаурская, Усть-Каменогорская и другие крупнейшие гидроэлектростанции общей мощностью свыше четырёх миллионов киловатт. Развёрнуто сооружение гигантов гидроэнергетики вблизи Сталинграда, Каховки, Новосибирска. Начато строительство таких мощных ГЭС, как Чебоксарская на Волге, Воткинская на Каме, Бухтарминская на Иртыше, Иркутская на Ангаре, Каунасская и другие.

НА ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕКЕ

Из заросшего камышом болотца близ села Волговерховье Калининской области вытекает ручеёк. В нескольких километрах от болота он сливается с другим ручьём — Персянкой. Теперь это уже небольшая речка шириной в полтора-два метра...

Так начинается Волга.

На протяжении трёх с половиной тысяч километров катит свои воды величайшая река Европы. Ежегодно Волга приносит в Каспийское море свыше 250 миллиардов кубометров воды. Падение уровня реки от истока до устья — 256 метров. Сколько же энергии могут дать Волга и её притоки!

Ещё в начале тридцатых годов был разработан грандиозный проект комплексного использования мощи великой русской реки. Проект этот осуществляется на наших глазах, в скором времени он будет окончательно завершён.

Уже дают электрический ток Ивановская, Угличская и Щербаковская гидростанции на Верхней Волге. В полусотне километров выше города Горького строится мощный гидроузел.

В 1950 году партия и правительство приняли решение о сооружении крупнейших в мире гидроэлектрических станций — Куйбышевской и Сталинградской.

Проектная мощность Куйбышевской ГЭС — свыше двух миллионов киловатт. В средний по водности год она будет вырабатывать около одиннадцати миллиардов киловатт-часов электроэнергии.

Для того, чтобы получить такое количество энергии на тепловых электростанциях, нужно было бы ежегодно сжигать шесть—восемь миллионов тонн каменного угля. Инженеры подсчитали, что энергия Куйбышевской ГЭС сможет заменить труд 63 миллионов человек. Это почти в полтора раза превышает население такой страны, как Великобритания.

Когда Куйбышевская гидроэлектростанция будет введена в эксплуатацию, мы сможем полнее использовать богатства Поволжья, расширить добычу приволжской нефти, обеспечить дальнейший технический прогресс промышленности, сельского хозяйства и транспорта.

Скоро русло Волги немного выше Самарской луки перегородят плотины — земляная, возведённая намывным способом из волжского песка, и железобетонная водосбросная, предназначенная для пропуска весеннего паводка. Общая длина плотины — 5,5 километра; по её гребню пройдут двухпутная магистральная железная дорога и шоссе Москва—Куйбышев. Уровень Волги повысится более чем на 25 метров. Гигантское водохранилище общей площадью более пяти тысяч квадратных километров распространится до Чебоксар на Волге и до устья Витки на Каме. Казань, от которой сейчас до Волги три километра, окажется на берегу Куйбышевского моря.

Здание гидроэлектростанции строится со стороны высокого правого берега реки, наполовину в самом волжском русле, а наполовину — в овраге, разрезающем толщу Жигулёвских гор. Объём здания составит около трёх миллионов кубометров — намного больше всех новых зданий Московского университета.

В машинном зале станции будет установлено 20 гидроагрегатов. Мощность каждого из них в полтора раза превысит общую мощность первенца советского гидроэнергостроительства — Волховской ГЭС.

В январе этого года ленинградский завод «Электросила» имени С. М. Кирова выпустил первый гидрогенератор для Куйбышевской ГЭС. Созданная отечественной промышленностью, эта машина не имеет себе равных в мире. Вес генератора — 1 600 тонн, а диаметр по корпусу — свыше 17 метров. Один генератор Куйбышевской ГЭС сможет дать электроэнергию, достаточную для удовлетворения производственных и культурно-бытовых нужд города с населением в 300 тысяч человек.

Для сооружения гидроузла потребуются выполнить огромный объём работ: вынуть до 200 миллионов кубометров грунта, уложить около шести миллионов кубометров бетона, смонтировать до 70 тысяч тонн металлоконструкций. За три первых года строительства было переработано около 50 миллионов кубометров грунта, из них половина в одном лишь 1953 году. План текущего года предусматривает увеличение объёма земляных работ до 35 миллионов кубических метров. Интенсивность ежесу-

точной укладки бетона в декабре 1953 года выражалась в четыре тысячи кубометров, в первом полугодии нынешнего года — уже вдвое больше, а во второй половине достигнет примерно 15 тысяч кубических метров.

В настоящее время строительная площадка раскинулась на несколько десятков километров. Стронтели производят укладку бетона в здание ГЭС, нижние и верхние судоходные шлюзы. Сооружается водосливная плотина. Нижние шлюзы — это первый пусковой объект гидроузла. Они должны быть закончены уже в этом году. Мощный землесос «Сталинградский-1004» намывает земляную плотину.

Огромно народнохозяйственное значение Сталинградской гидроэлектростанции. При мощности в 1,7 миллиона киловатт она будет вырабатывать ежегодно около 10 миллиардов киловатт-часов электроэнергии.

Сейчас строителями возводятся земляная и бетонная водосливная плотины, здание гидроэлектростанции, шлюзы и причалы, шоссе и железнодородные мосты, обводнительные и оросительные каналы, насосные станции, механизированный речной порт. Общая длина водонапорного фронта плотины составит около пяти километров. Будет создано огромное искусственное водохранилище, длина которого превысит расстояние между Москвой и Ленинградом.

Для нужд грандиозной стройки потребовалось большое количество подсобных предприятий: центральный механический завод, ремонтно-механические мастерские, авторемонтный завод, бетонный и асфальто-бетонный заводы и так далее. Предприятия строятся с таким расчётом, чтобы и после окончания строительства их можно было использовать на полную мощность. Центральный механический завод например, станет крупнейшим судоремонтным заводом на Волге.

На строительстве Сталинградского гидроузла уже развернулись работы и на основных сооружениях. Из котлована под здание ГЭС выпуто более четырёх миллионов кубометров грунта. Строятся подходный канал к шлюзу и котлован водосливной плотины. Строители сооружают пятикилометровую канатную дорогу через Волгу. Вскоре с правого на левый берег реки пойдут по этой дороге строительные материалы и оборудование.

Недолго осталось ждать, когда замечательные творения советских рабочих, техников, инженеров и учёных — крупнейшие на всём земном шаре Куйбышевская и Сталинградская гидроэлектростанции — будут включены в число действующих.

Использование гидроэнергетических ресурсов Волги значительно возрастёт, когда будут построены Чебоксарская и другие гидроэлектростанции.

Каскад волжских гидроэлектростанций дополняют станции, построенные на притоках реки. Наиболее мощная среди них — Камская ГЭС. Страна получит её ток уже в текущем году.

Человек, впервые приезжающий на это строительство, с удивлением ищет и не находит столь характерного для пейзажа электростанции главного здания. Оказывается, машинный зал с 24 гидроагрегатами расположен внутри водосливной плотины. Оригинальное техническое решение позволило значительно сократить объём бетонных работ, а вместе с тем и сроки всего строительства.

Осенью прошлого года русло Камы было перекрыто плотиной. Поименную земляную плотину перерезает шестиступенчатый полуторакилометровый судоходный шлюз. Плотина поднимет уровень Камы на 21 метр. Севернее города Молотова весной текущего года уже создано ещё одно искусственное море.

НА ДНЕПРЕ И ДНЕСТРЕ

Несколько ниже легендарной, овеянной славой гражданской войны Каховки сооружается Каховская гидроэлектростанция — вторая в Днепровском каскаде.

Каховская ГЭС расположена на двести с лишним километров ниже Днепровской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина.

Районы вокруг Каховки — острозасушливая полоса Украины. Почва здесь плодородна, солнце обильно согревает землю. Однако незначительное количество атмосферных осадков препятствует получению высоких устойчивых урожаев. План использования водной энергии Днепра предусматривает одновременно и орошение засушливых земель.

Каховский гидроузел включает в себя водосливную бетонную плотину, судоходный шлюз, здание ГЭС и земляные дамбы.

За четыре года на этом строительстве проделана огромная работа. Сооружены заводы-автоматы, которые могут производить в месяц почти 100 тысяч кубометров бетона. Построены механизированные склады, вмещающие до 12 тысяч тонн цемента, завод железобетонных конструкций. На берегу Днепра вырос целый город — Новая Каховка. В нём теперь насчитывается более 400 зданий: многоэтажные жилые дома, школы, магазины, больницы, поликлиника, столовые, летний театр, детские сады.

Создав подсобную производственно-техническую базу, строители приступили к сооружению гидроузла. Уже забетонированы днище камеры и первый ярус нижней и верхней головы судоходного шлюза. Многие сделано для подготовки к затоплению чаши водохранилища. Площадь его составит более двух тысяч квадратных километров, оно вместит 19 миллиардов кубометров воды.

Недалеко время, когда Каховская, Днепроовская и другие гидроэлектростанции объединённой энергосистемы Днепроовского каскада обеспечат Украинскую республику дешёвой электроэнергией, дадут знойным степям живительную влагу.

А в соседней, Молдавской ССР, вблизи районного центра Дубоссары, сооружается первая на реке Днестре гидроэлектростанция — Дубоссарская.

Местные топливные ресурсы Молдавии весьма ограничены. Поэтому Дубоссарская ГЭС сыграет огромную роль в энергоснабжении многих районов республики.

Работа на строительстве идёт полным ходом. Богатая техника — экскаваторы, бульдозеры, скреперы, землесосные снаряды, башенные краны — обеспечивает высокую производительность труда.

Водосливная бетонная плотина и ряд других сооружений уже возведены, близятся к концу земляные работы, быстрыми темпами производится и укладка бетона. В четвёртом квартале текущего года первые два агрегата должны дать электроэнергию многим промышленным предприятиям, колхозам, совхозам и машинно-тракторным станциям Молдавии. Когда гидроэлектростанция полностью вступит в строй, энерговооружённость республики возрастёт примерно втрое.

Строительство Дубоссарской ГЭС является новым свидетельством постоянной заботы Коммунистической партии и Советского правительства о развитии экономики всех республик нашей социалистической Родины.

В УЩЕЛЬЕ БОЗ-ДАГ

В Азербайджане, у селения Мингечаур, в том месте, где река Кура пересекает Кавказский хребет Боз-Даг, сооружается Мингечаурская гидроэлектростанция.

«Мингечаур» в переводе с азербайджанского означает: «Поворачивай назад, дальше прохода нет».

В геологически далёкие времена появившийся из недр земли горный хребет Боз-Даг остановил стремительное течение Куры. Вода разрушила преграду и образовала широкое, но непроходимое ущелье.

Ниже Мингечаура воды Куры вступают в Кура-Араксинскую низменность. Весьма плодородные, но засушливые земли низменности требуют много влаги. Однако вода рядом протекающей реки раньше почти не использовалась для орошения. Стремительная Кура часто меняла русло, сносила невысокие холмы, строения, уничтожала сады и посевы. В течение многих веков люди пытались хоть как-нибудь укротить Куру. Они сооружали запруды, прокладывали каналы, копали оросительные каналы. Но Кура губила человеческий труд. Часто повторялись разрушительные наводнения, заболачивалась почва. Над болотами серой тучей вились несметные полчища малярий-

ных комаров. Малярия была страшным бичом этих мест. Путь к избавлению от всех этих бед был один: запереть ущелье у Боз-Дага мощной плотиной и регулировать подачу воды в реку.

Это место — ущелье Боз-Даг — и выбрали советские инженеры для строительства гидроэлектростанции.

В комплекс Мингечаурского гидроузла входят земляная плотина, здание гидроэлектростанции, водосбросные и водозаборные сооружения оросительных каналов.

И вот уже растёт преграда, соединяющая отроги горной цепи Боз-Дага. Это будет самая высокая земляная плотина в Европе и одна из наиболее крупных в мире. Она создаст водохранилище, площадь которого будет больше Женевского озера в Швейцарии, а объём вдвое превысит Московское море.

На строительстве Мингечаурской ГЭС впервые применён новый, безэстакадный метод намыва плотины. Это позволило сберечь более 10 тысяч кубометров лесоматериала, высвободить около 800 рабочих и, кроме того, дало строителям значительный выигрыш времени.

В настоящее время в Мингечаурскую плотину уложено более 13 миллионов кубометров грунта, то есть 94 процента общего объёма; построены и действуют основные гидротехнические сооружения. В июле этого года вошёл в строй четвёртый по счёту агрегат, и вскоре Мингечаурская гидроэлектростанция полностью вступит в эксплуатацию. Это будет означать, что энергообеспеченность Азербайджанской ССР увеличится почти в два раза. Воды Мингечаурского водохранилища оросят сотни тысяч гектаров колхозных и совхозных полей. Судходство на реке Куре значительно улучшится, больше того — оно не будет прекращаться круглый год.

ЗА УРАЛЬСКИМ ХРЕБТОМ

На многие сотни километров за Уральским хребтом простирается Сибирь, край богатейших гидроэнергетических ресурсов.

Сибирские реки Амур, Лена, Обь, Енисей — величайшие в мире. Только пять рек — Миссисипи, Амазонка, Хуанхэ, Янцзыцзян и Конго — могут сравниться с ними по длине и многоводности.

Значительны и другие реки Сибири. Так, например, потенциальные запасы гидроэнергии Ангары больше, чем Волги, Камы, Днепра и Дона, вместе взятых. Ангара славится редко встречающейся в природе равномерностью водного режима. Режим этот постоянен на протяжении всего года благодаря регулируемому влиянию озера Байкал, из которого вытекает Ангара.

Советские гидроэнергетики установили, что на Ангаре можно соорудить целый каскад гидроэлектростанций, способных давать 65 миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год — в три с лишним раза больше, чем Куйбышевская и Сталинградская ГЭС, вместе взятые.

Начало освоению Ангары кладёт гидроэлектростанция, строящаяся в нескольких километрах выше Иркутска. По количеству вырабатываемой электроэнергии она превзойдёт ДнепрогЭС.

Проект Ангарского гидроузла предусматривает оригинальное решение проблемы сброса воды. Водосливной плотины здесь не будет: излишняя вода пройдёт через специальные отверстия внутри самой гидростанции.

Гидроузел на Ангаре примечателен также и тем, что он даст самую дешёвую в стране массовую электроэнергию. Пуск его в действие позволит создать в Прибайкалье новые отрасли промышленности, в частности горнорудную, химическую, алюминиевую.

На Иртыше, близ устья реки Бухтармы, строится мощная Бухтарминская ГЭС. Новая станция будет вырабатывать электроэнергии значительно больше, чем уже действующая на той же реке Усть-Каменогорская ГЭС. Возведённая здесь плотина, преградив путь обильным водам Иртыша, образует обширное водохранилище, которое протянется более чем на 500 километров, вплоть до озера Зайсан. Уровень этого озера поднимется почти на десять метров.

Директивами XIX съезда партии предусмотрено также строительство Новосибирской ГЭС. Эта мощная гидроэлектростанция будет первой на Оби — одной из крупнейших рек мира (её длина превышает четыре тысячи километров).

Трудно переоценить значение этой станции для дальнейшего развития производительных сил Западной Сибири. С пуском новой ГЭС дополнительно получают огромное количество электроэнергии промышленность, железнодорожный транспорт, многие сельскохозяйственные районы Новосибирской области и Алтайского края. Гидроэлектростанция в значительной степени будет способствовать улучшению условий судоходства на Оби. К числу искусственных водохранилищ в стране прибавится новое — «Обское море». Длина его составит 240 километров.

С разных концов Советского Союза на строительство Новосибирской гидроэлектростанции поступает строительная техника, новейшее оборудование. В этом году многолюдному коллективу строителей предстоят большие работы; в здании станции и шлюз должны быть уложены первые 125 тысяч кубометров бетона.

Гидроэнергетические ресурсы великой Советской державы поистине неисчерпаемы. Свыше 108 тысяч рек общей длиной в два с половиной миллиона километров прорезают огромные просторы нашей Родины. Запас энергии рек СССР таков, что его можно привести в действие до 1800 крупных гидростанций с общей мощностью свыше 100 миллионов киловатт, а также около 20 тысяч гидростанций малой мощности.

Конечно, пока что освоена лишь незначительная часть гидроэнергетических ресурсов. Однако работы в этом направлении всё более расширяются, с каждым годом возможности лучшего использования водной энергии претворяются в жизнь.

НОВАЯ ТЕХНИКА

Причудливо извиваясь, течёт река. Изо дня в день и из месяца в месяц вода подмывает дно у высокого берега. Здесь образуется глубокая ложбина — плёс. Вода уносит частицы грунта, отлагая их в перегибе реки на мелких местах — перекатах.

В течение многих столетий люди наблюдали разрушительную и созидательную работу водных потоков. Но лишь сравнительно недавно их сила была использована для нужд человека. Так возникла новая отрасль техники — гидромеханизация, разрабатывающая и изучающая способы разрушения грунта, его транспортировки и укладки с помощью потока воды. Отечественная промышленность вооружила строителей гидроэлектростанций совершенными строительными машинами, позволившими механизировать земляные работы почти полностью. Первое место среди этих машин занимают средства гидромеханизации.

При сооружении Куйбышевского гидроузла намывным способом будет выполнено до 50 процентов общего объёма земляных работ; на строительстве Сталинградского — до 75 процентов. Широко применялась гидромеханизация на строительстве Цимлянской ГЭС, крупнейшего сооружения Волго-Донского судоходного канала.

Советские конструкторы создали отличные землесосные машины. При возведении плотин и дамб применяется сейчас новый электроземлесосный снаряд «1000-80», перерабатывающей тысячу кубометров грунта в час. Это самая мощная землесосная машина в мире. Она перемещает разжиженный грунт — пульпу — на расстояние свыше трёх километров.

Укладка грунта намывным способом в последнее время получила большое распространение. При производстве земляных работ наряду с гидромеханическими устройствами весьма широко используются также и землеройные машины. На строительстве Мингечаурского гидроузла, например, они выполняют более 30 миллионов кубометров земляных работ.

Наша промышленность в исключительно короткие сроки освоила производство высокопроизводительных экскаваторов, бульдозеров, скреперов. Почти на всех гидростроительствах теперь применяются шагающие экскаваторы новой конструкции с ковшом, забирающим четыре кубометра. На многих стройках работают шагающие экскаваторы «ЭШ-14/65» с ковшом ёмкостью 14 кубометров при стреле длиной в 65 метров. Вес этой машины около 150 тонн, высота равна 24 метрам; она перерабатывает

за год 2,5 миллиона кубических метров лёгкого грунта. Один такой экскаватор заменяет труд семи тысяч рабочих.

В июле 1953 года Уралмашзавод закончил изготовление нового шагающего экскаватора-гиганта «ЭШ-20/65» с ковшом ёмкостью 20 кубометров при стреле длиной в 65 метров. Его производительность — до 15 тысяч кубометров грунта в сутки. Огромный ковш этого экскаватора захватывает столько земли, сколько одновременно смогут забрать несколько пятитонных грузовых автомобилей.

На гидротехнических стройках ныне стали обычным явлением бульдозеры, выравнивающие за один час до шести гектаров поверхности земли, скреперы с ковшами ёмкостью от 15 до 25 кубических метров, грейдеры, путеукладчики и другие новинки строительной техники.

Применение мощных землеройных машин вызвало необходимость производить автосамосвалы большой грузоподъёмности. У нас выпускаются теперь пятитонные двухосные автосамосвалы «МАЗ-205», десятитонные трёхосные — «ЯАЗ-210Е» и сверхтяжёлые двухосные автосамосвалы «МАЗ-525», берушие сразу груз в 25 тонн. Наши автозаводы намного повысили производительность труда строителей, снабжая их автотягачами с двенадцатитонным автоприцепом, а также с полуприцепом, поднимающим до 45 тонн. Скоро на стройках появятся целые автомобильные поезда — грузовики с несколькими прицепами. Кроме того, для перевозки грунта используются железнодорожные платформы с опрокидывающимися металлическими кузовами — так называемые думпкары. Грузоподъёмность одного думпкара достигает 60 тонн.

Одной из характерных особенностей современного гидротехнического строительства является огромный объём бетонных работ. Ещё в тридцатых годах на Днепрострое была достигнута рекордная укладка бетона — 110 600 кубометров в месяц. В проекте же строительства новых гидроузлов предусмотрена производительность бетонных работ, превышающая эту цифру почти в два раза.

Проблема бесперебойного обеспечения крупных гидротехнических строений бетоном блестяще решена советскими конструкторами и инженерами. Наша страна заслуженно гордится созданием бетонных заводов, где производственный процесс полностью автоматизирован. Ежечасно здесь выпускается около двадцати вагонов готового бетона; за год это составит более миллиона кубических метров. Два таких завода способны обеспечить всю годовую потребность в бетоне строительства Куйбышевской или Сталинградской ГЭС.

Перевозка бетона от завода к месту его укладки производится теперь не только по железной дороге или автотранспортом, но и ленточными транспортёрами большой длины, а также бетононасосами по трубопроводам. Уплотнение бетона осуществляется с помощью специальных механизмов — вибраторов. Вибрирование ускоряет процесс укладки бетона, повышает его качество и в два-три раза уменьшает потребность в рабочей силе.

Важным полуфабрикатом для изготовления бетона является цемент. Потребность в нём при строительстве гидроузлов очень велика. Выгрузка цемента из вагонов вручную всегда была наиболее тяжёлой и трудоёмкой работой. Ныне эта операция значительно облегчена в связи с созданием нового пневматического разгрузчика. За одну минуту он разгружает почти тонну цемента.

Гидротехническое строительство в нашей стране приобретает всё больший размах. Только в 1954 году необходимо выполнить 160 миллионов кубических метров земляных работ, уложить 6 миллионов кубических метров бетона, смонтировать около 300 тысяч тонн различных металлоконструкций.

Невиданный по своим масштабам и темпам созидательный труд! Но он вполне по плечу Советскому государству. Наш народ под руководством Коммунистической партии создал мощную и высокоэффективную технику. У нас есть хорошо подготовленные, обладающие широким кругозором, творчески инициативные кадры рабочих и инженеров, способных быстро осваивать эту технику. Превосходнейшей производственной школой является каждая наша гидротехническая стройка. Тысячи людей учатся здесь управлять преобразованной человеком энергией сил природы, с успехом применяя полученные знания потом и в других отраслях народного хозяйства.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГИДРОЭНЕРГЕТИКИ

За последние десятилетия гидроэнергетики накопили большой опыт. Диапазон практических знаний в этой области поистине колоссален. Нам известны небольшие полутора-двухметровые плотины колхозных гидростанций. Но ведь есть теперь и плотина высотой в 222 метра. В СССР построены гигантские гидротехнические сооружения рекордных размеров — канал пропускной способностью 500 кубических метров в секунду и трубопровод с диаметром свыше пяти метров.

Использование водной энергии может иметь много практических решений. На наших реках работают плотинные, деривационные, деривационно-плотинные гидроэлектростанции. На Камской гидростанции турбины находятся в самой плотине. Профессор Б. К. Александров предложил объединить водосброс, плотину, водозабор и здание станции в одном сооружении. Иногда же здание ГЭС возводится на отводном канале.

Выбор схемы использования водной энергии — весьма ответственная задача, зачистую определяющая успех гидроэнергетического сооружения. Она тесно связана с установлением основных размерных характеристик — параметров гидростанций, а также параметров и типов отдельных сооружений и оборудования. Требуется предусмотреть условия, в которых будет работать будущая гидростанция, а приступая к проектированию ГЭС, необходимо превосходно знать жизнь реки, на которой воздвигается станция, климатические особенности района и многое другое.

Всё это говорит о необходимости теоретических обобщений, гипотез, суммирования данных практики.

Не так давно доктор технических наук Т. Л. Золотарёв поставил вопрос о новой науке — гидроэнергетике, учении о водной энергии и методах её использования. Такая наука, по сути дела, реально уже существует, однако до последнего времени гидроэнергетические проблемы рассматривались в общем комплексе других вопросов водного и энергетического хозяйства. Между тем эти проблемы, несомненно, имеют право на существование в рамках отдельной научной отрасли.

Известно, что гидроэлектрические станции обладают большими преимуществами по сравнению с тепловыми станциями. Но сооружение ГЭС требует много времени, больших капиталовложений, её строительство неизбежно влечёт за собой известный ущерб, приносимый народному хозяйству в результате затопления больших пространств. Следовательно, задача гидроэнергетика — предложить такой вариант строительства, который обеспечивал бы наибольшее использование преимуществ гидростанций.

Советская гидроэнергетика широко применяет передовые научные методы и прежде всего — метод моделирования. Суть его состоит в том, что основные характеристики будущей станции предварительно проверяются на модели. Повидимому, и здесь также открывается широкое поле деятельности для последующего совершенствования проектирования.

Очевидно, что гидроэнергетика как наука должна иметь прямую связь с экономическими дисциплинами. К сожалению, у нас до сих пор не сформулированы не только общие проблемы технико-экономического анализа гидротехнических сооружений, но и такие частные вопросы, как, например, методика исчисления ущерба от затопления, от сильного, превышающего расчётный, паводка и ряд других вопросов.

В свете последних решений партии и правительства о развитии сельского хозяйства весьма важное значение приобретает строительство гидроэнергетических сооружений в сельских районах. В этом деле много нового, специфического, связанного с различными географическими и экономическими особенностями. Поскольку это так, нужно быстрее и продуктивнее использовать уже имеющиеся научные исследования и производственный опыт, возможно шире распространять практические достижения.

Работами Энергетического института Академии наук СССР имени Г. М. Кржижановского обоснован переход от отдельных изолированных гидростанций к созданию сельских энергетических систем. Это увеличивает полезное использование стока рек, значительно повышает надёжность и экономичность электроснабжения. Первые местные электросистемы уже сооружены и успешно работают на реках Ленинградской

области, Урала и Украины. Перспективность такого мероприятия требует пристального к себе внимания и детального обсуждения.

Вопросами гидроэнергетики в СССР занимается сейчас около пятидесяти научных организаций. Среди них — институты Академии наук СССР и союзных республик, исследовательские и проектные организации министерств, энергетические вузы. Жизнь подсказывает, что советские учёные должны с большей настойчивостью и упорством разрабатывать проблемы этой отрасли науки, зная, что результаты их работ послужат созданию обилия промышленных и продовольственных товаров в нашей стране.

К ИЗОБИЛИЮ!

Несколько времени назад Всесоюзный институт механизации сельского хозяйства задался целью подсчитать экономию, которую можно получить при снабжении животноводческих ферм водой с помощью автоматической электроводокачки. Сотрудники института побывали в сельскохозяйственных артелях Раменского района Московской области.

В колхозе «Серп и молот» воду поднимали из колодца ведрами и затем уже в бочках доставляли на ферму. На каждый кубический метр воды уходило 326 минут человеческого труда. В расположенном неподалёку колхозе имени И. В. Сталина установлена электрическая водокачка. Подсчёты показали, что на каждый кубометр воды здесь тратят всего две минуты. Экономия сил, времени и труда в полтора раза с лишним раз!

Таковы результаты электрификации одной из самых несложных производственных операций в животноводстве.

Возможности применения электричества в нашем сельском хозяйстве чрезвычайно велики. Так, могут быть электрифицированы все процессы подготовки кормов для скота (резка грубых и сочных кормов, мойка корнеплодов, дробление жмыхов, зерна, сена), водоснабжение ферм, дойка коров, первичная обработка молока и так далее. Электромашинное доение коров повышает производительность труда доярок в два—два с половиной раза. Применение электрострижки овец в колхозах, обслуживаемых Петровской МТС Ставропольского края, позволило перевести 1300 колхозников, занимавшихся ранее ручной стрижкой, на другие сельскохозяйственные работы. В растениеводстве открываются широкие перспективы электрификации пахоты и молотбы, очистки и сортировки зерна. Электрический свет помогает выращивать в парниках раннюю рассаду и овощи. Обширные массивы впервые распахиваемых целинных земель создают выгодные условия для использования электроэнергии на полевых работах.

Комплексная электрификация сельского хозяйства представляет собой высшую форму механизации колхозного и совхозного производства, обеспечивая резкий подъём производительности и культуры труда, дальнейшее улучшение материально-бытовых условий жизни колхозников. Чем больше будет вырабатываться в нашей стране электроэнергии, тем успешнее и быстрее будет развиваться и сельское хозяйство.

Тяжёлая индустрия — основа основ социалистической экономики. Новые мощные гидроэлектростанции поднимают на ещё более высокий уровень промышленность Советского Союза.

Основная функция электрического тока на заводах, фабриках, шахтах заключается в том, чтобы двигать станки, приводить в движение машины. Электрический привод, созданный трудами новаторов электротехники Б. С. Якоби, М. Фарадея, В. Н. Чиколева, играет колоссальную роль в народном хозяйстве. Однако этим не ограничивается участие силы тока в преобразовании орудий труда. Всё глубже проникает электричество в технологию производственных процессов.

В настоящее время свыше 20 процентов всей электроэнергии, потребляемой промышленностью СССР, идёт на технологические нужды. С электричеством связаны высокопроизводительные методы обработки металлов, получение из руд алюминия, магния, чистой меди, оно участвует в выплавке прочных сплавов. Во многих случаях применение электричества полностью революционизирует производство. За примерами ходить недалеко. В середине прошлого века алюминий стоил в восемь — десять раз дороже

серебра. С внедрением электролиза стоимость алюминия уменьшилась в тысячу раз. Ввод в эксплуатацию новых гидроэнергетических сооружений позволит расходовать на технологические нужды ещё больше электроэнергии.

Рост производства электричества создаст условия для дальнейшего расширения горнодобывающей и перерабатывающей промышленности, машиностроения и судостроения, для электрификации железнодорожного транспорта.

Гигантские гидроузлы, сооружаемые на Волге, Днепре, Дону, позволят значительно улучшить воднотранспортные пути Советского Союза.

Промышленность, сельское хозяйство, транспорт! Все отрасли нашего народного хозяйства будут черпать новые силы в неиссякающем источнике энергии.

Выполнение грандиозной программы гидротехнического строительства, предусмотренной директивами XIX съезда Коммунистической партии СССР, потребует от гидротехников огромного напряжения, умелой организации труда, новаторства во всех областях строительного дела. Нет сомнений в том, что сооружение новых гидроэлектрических станций будет завершено в установленные партией и правительством сроки. Энергия великих и малых рек поможет нам приблизить торжество коммунизма.

ПРОБЛЕМЫ НАУКИ

А. НЕСМЕЯНОВ

Кандидат химических наук

★

МЕТОД МЕЧЕНЫХ АТОМОВ

На протяжении тысячелетий мир атомов оставался недоступным для пытливого человеческого ума. Между тем атомы, эти мельчайшие составные части всякой материи, играют важнейшую роль во всех жизненных процессах.

Одним из больших научных достижений последнего времени следует признать новый способ исследования бесчисленных природных и искусственно вызываемых явлений, в основе которых лежит движение атомов. Этот способ, открывающий перед наукой широкие возможности, получил название метода «меченых атомов».

В чём же он заключается и какие практические перспективы открывает?

Атомы „сигнализируют“.

Общезвестно, что вещества состоят из молекул, а молекулы, в свою очередь, из атомов. Атомы чрезвычайно малы, их нельзя увидеть даже при помощи самых совершенных увеличительных оптических приборов. Чтобы представить себе величину атома, можно обратиться к следующему примеру: если расположить их вдоль прямой линии длиной в один сантиметр, то атомов золота, например, разместится по этой длине семьдесят миллионов, атомов серы — сто миллионов и т. д.

Характерной особенностью атомов является их непрерывное движение. Какое бы природное явление, промышленный процесс или лабораторное исследование мы ни взяли — рост растений или разложение их при гниении, выплавку металлов или их обработку, диффузию газов и жидкостей, проникновение питательных веществ в живой организм, взрыв динамита, — все они связаны с движением атомов. Во всех этих случаях атомы не только перемещаются сами, но и меняют партнёров, с которыми первоначально были связаны, соединяются с другими атомами, образуя отличные от прежних химические соединения, новые вещества. Следовательно, чтобы изучить те или иные явления или процессы, необходимо вести наблюдение за переселением атомов, следить за самими передвигающимися атомами.

Но как это сделать? Как, например, узнать песчинку среди кучи песка или каплю воды в речном потоке? А ведь атомы во много раз меньше и так же похожи друг на друга.

Учёные давно мечтали пометить атомы, чтобы отличать их друг от друга, — пометить так, как метят птиц и других животных, за которыми наблюдают. Кольцо на ноге птицы позволяет определить, куда и какими путями она улетает на зиму, отметка на теле зверя помогает узнать, далеко ли он ушёл от места, где его метили. При помощи таких меток удалось, например, установить, что щуки живут по нескольку сот лет, что угри уходят метать икру из рек Европы и Америки в Саргассово море, где они умирают и откуда через несколько лет молодое поколение угрей возвращается в родные реки.

Метод меток распространён довольно широко. Так, геологи примешивают к речной воде краску, чтобы найти подземный путь рек в горных местностях. Именно таким образом — с помощью флуоресцина, краски, которая остаётся заметной, даже будучи очень сильно разбавленной, — удалось доказать подземную связь Дуная с рекой, текущей от неё в нескольких километрах.

Недавно подобный способ был применён пчеловодами. В улье обычно находится до сорока тысяч пчёл. Естественно, что наблюдение за отдельными группами пчёл невозможно, если не прибегнуть к метке. Пчеловоды так и поступили. Они сделали улей с прозрачной крышей. На разном расстоянии и в различных направлениях от такого улья поставили кормушки. Пчёл, прилетающих из улья, у каждой кормушки помечали особой краской. За поведением отмеченных пчёл, вернувшихся в прозрачный улей, было легко проследить. Благодаря метке пчеловодам удалось проникнуть во многие тайны жизни пчелиной семьи.

Хорошо, однако, когда приходится иметь дело с пчёлами. А как быть с атомами, как их пометить? Слишком малая величина атомов является непреодолимым препятствием, делает на первый взгляд такую задачу невыполнимой.

Но только ли глазами можно следить за движением тел? Нельзя ли прибегнуть для этого к другим средствам? Вспомним прогулку в лес за грибами. Вы потеряли из виду своего спутника. Но вот слышится повторяющийся возглас: «ау!» — и по этому возгласу вы легко определяете его местонахождение. Значит, с помощью слуха можно следить за движением так же, как с помощью зрения.

Представим себе теперь самолёт, который ищет место посадки в тумане или в ночной темноте. Посадочный аэродром непрерывно посылает в эфир радиосигнал, а лётчик принимает его, пользуясь специальным приёмником, и ведёт самолёт к месту посадки так же уверенно и точно, как если бы он видел посадочную площадку.

Возьмём, наконец, радиолокационную станцию, которая, находясь на огромном расстоянии от корабля, самолёта или подводной лодки, может, тем не менее, проследить за их движением, воспринимая посылаемую ею же волну, отражённую от отыскиваемой цели.

Нельзя ли заставить и атомы так же посылать «сигналы», по которым можно обнаружить их местопребывание? Оказывается, можно.

В 1896 году французский физик Анри Беккерель обнаружил любопытное явление. Вещество, куда входил составной частью уран, положенное на фотографическую пластинку, завернутую в чёрную бумагу, вызывало почернение её светочувствительного слоя. После проявления пластинки чёрное пятно появилось как раз на месте соприкосновения её с ураном. Впоследствии стало известно, что атомы урана испускают лучи, которые проникают сквозь чёрную бумагу и действуют на фотографическую пластинку подобно солнечному свету. Следовательно, атомы урана «сигнализируют» о своём присутствии, а фотопластинка воспринимает их «сигнал».

В дальнейшем обнаружили, что атомы ряда других химических элементов, подобно урану, как бы сообщают о себе. Такой «сигнал», или, как принято его называть, излучение, помог знаменитым учёным Марии и Пьеру Кюри ещё в 1898 году открыть новые элементы: полоний, получивший своё название в честь Польши, родины Марии Кюри, и радий, названный так от латинского слова «радиус» — луч.

Исследуя урановые минералы и химические соединения урана, супруги Кюри установили, что излучение тем сильнее, чем больше урана содержится в веществе. Однако урановая смоляная руда, содержащая всего несколько процентов урана, давала в несколько раз более сильное излучение, чем чистый уран. Очевидно, в ней находились атомы какого-то неизвестного элемента, испускавшего лучи, подобно урану, но более интенсивно, чем он. Химически обрабатывая урановую руду, Мария и Пьер Кюри проследили, куда и при каких химических операциях перемещаются неизвестные атомы, испускающие столь сильное излучение, и выделили их в чистом виде.

Таким образом, в поисках атомов неизвестного элемента супруги Кюри впервые воспользовались природной «меткой», природным излучением радия и полония, чтобы выделить их из руды.

Затем было выяснено, что уран, радий, полоний и некоторые другие элементы испускают лучи в результате своеобразного явления — их атомы превращаются в другие атомы, иными словами, они погибают, распадаются, а вместо них возникают новые. Это явление получило название радиоактивного распада, а элементы, способные к излучению, стали называть радиоактивными. Таким образом, радиоактивность элементов

есть не что иное, как результат распада их атомов, а этот распад проявляется в виде излучения — своего рода «сигнала», который радиоактивный атом посылает в момент своей гибели, обнаруживая тем самым своё местонахождение.

Надо заметить, что такому распаду подвергаются не все радиоактивные атомы одновременно. Он происходит постепенно, иногда в течение очень длительного времени, продолжительность которого зависит от свойств элемента. Например, атомы радия убывают так, что в течение первых 1600 лет распадается половина наличного их количества, в течение следующих 1600 лет — половина оставшихся атомов, затем снова половина оставшихся после предыдущего распада и т. д. Время, равное 1600 годам, представляет собой для радия так называемый период полураспада, который у других радиоактивных элементов измеряется иной длительностью. Есть радиоактивные элементы, период полураспада которых измеряется долями секунды, минутами, часами, столетиями.

Во всех процессах, для наблюдения которых учёные применяют метод меченых атомов, участвует такое огромное количество атомов, что распад даже десятков и сотен тысяч их не имеет никакого практического значения — убыль общего количества вещества при этом так незначительна, что остаётся незаметной для наблюдателя.

Излучение радиоактивных элементов может быть обнаружено не только при помощи фотографической пластинки. В настоящее время сконструировано много различных приборов, регистрирующих радиоактивное излучение. Одним из наиболее употребительных является счётчик Гейгера-Мюллера, регистрирующий даже самое незначительное излучение, воспринимая его в виде импульсов тока. Последние с помощью специального устройства преобразуются в механические толчки, передвигающие стрелку электросчётчика. Благодаря этому прибор может регистрировать отдельные превращения атомов.

Особенности радиоактивных атомов.

Бурное развитие физики и химии во второй четверти XX века привело к тому, что учёные получили возможность превращать в лабораториях атомы одного элемента в атомы другого. Это завоевание науки увенчало усилия многих поколений химиков и физиков.

В течение многих лет XIX столетия в науке господствовало атомно-молекулярное учение, провозгласившее атомы неделимыми. Только после того, как было изучено явление радиоактивности и выяснено сложное строение атома, учёные возобновили попытки искусственного превращения одного элемента в другой и добились в этом отношении крупных успехов. Из атомов серы, например, оказалось возможным получать атомы фосфора, из атомов магния — атомы натрия, из атомов ртути — атомы золота. Многовековая мечта алхимиков сбылась. Но не золото стало служить целью превращения атомов, а новые, неизвестные в природе элементы, один из которых, плутоний, призван обогатить человечество новым видом энергии — атомной энергией. Честь открытия искусственно-радиоактивных элементов принадлежит Ирен и Фредерику Жолио-Кюри.

Мысль учёных была направлена на открытие новых элементов после появления периодического закона великого русского химика Дмитрия Ивановича Менделеева, который на основании этого закона предсказал сущность и свойства ряда элементов. Он выдвинул положение о том, что свойства химических элементов находятся во взаимной связи друг с другом и эта связь представляет стройную периодическую систему. В 1869 году он раскрыл наглядно характер этой связи в своём периодическом законе, который сделался с тех пор центральным законом физики и химии, определившим пути их дальнейшего развития.

В большинстве случаев вновь создаваемые в лаборатории атомы сходны с атомами, стоящими в менделеевской таблице, но отличаются от последних своим весом. Атомы одного и того же элемента, но имеющие различный вес, называются изотопами (что в переводе с греческого означает «занимающий то же место»). Как правило, искусственно синтезированные атомы являются радиоактивными и, в отличие от природных атомов, от своих «мёртвых» братьев, рано или поздно дают знать излучением о своём местонахождении и гибели. В настоящее время можно получить радиоактивные изотопы всех элементов периодической системы Менделеева.

Поведение атомов одного и того же элемента в одном и том же процессе одинаково. Радиоактивные изотопы ведут себя так же, как и нерадиоактивные. Из фосфорного удобрения, например, в состав которого входят радиоактивные и нерадиоактивные атомы фосфора, растение всасывает в равной степени молекулы, содержащие оба рода атомов. Если фосфор, в составе которого находятся радиоактивные и нерадиоактивные атомы, съедеть, то и те и другие одинаково будут соединяться с кислородом. То же происходит и при сжигании серы, содержащей смесь атомов радиоактивного и нерадиоактивного изотопа. Если смесь тех и других атомов какого-либо элемента попадает внутрь человеческого или животного организма, то оба вида атомов ведут себя в химическом и физическом отношении неотличимо.

Однако каждый атом радиоактивного изотопа рано или поздно распадётся и подаст «сигнал» в форме излучения. Если же в смеси атомов находится достаточное количество радиоактивных, то последние непрерывно распадаются один за другим, всё время сигнализируя о местонахождении и движении всей массы атомов данного элемента.

Радиоактивность, следовательно, — это метка, которая даёт возможность отличить одни атомы от других. Действительно, достаточно к веществу, которое предстоит исследовать, примешать его молекулы, в состав которых входят атомы радиоактивного изотопа, чтобы в течение всего наблюдаемого процесса исследователь знал по их излучению местонахождение всей массы атомов данного вида.

Итак, метод меченых атомов — это способ, посредством которого мы можем наблюдать за поведением определённого вида атомов в каком-либо процессе, используя радиоактивный изотоп этих атомов.

Использование метода меченых атомов.

В настоящее время метод меченых атомов широко применяется в различных областях науки — в ряде случаев он облегчает наблюдение за происходящими процессами, часто же исследование без него совершенно невозможно.

Одна из наименее доступных тайн природы, в которую удалось проникнуть благодаря методу меченых атомов, — это поведение химических элементов в живом организме. Как движется кровь, как усваивается пища, как заменяются одни атомы другими, каков путь лекарственных веществ — решением этих и многих других вопросов биология обязана методу меченых атомов.

Допустим, мы хотим узнать скорость кровообращения, которая помогает определить состояние организма. При помощи радиоактивных элементов легко установить быстроту кровотока. Если раствор поваренной соли, содержащий атомы радиоактивного натрия, ввести в вену вблизи кисти руки, то при помощи счётчика по лучам, испускаемым радиоактивным натрием, можно определить время, необходимое для циркуляции крови от кисти руки до ступни ноги (или другого места). У здоровых людей это время составляет 43 секунды. У страдающих артериосклерозом оно увеличивается и может достигнуть 105 секунд, у лиц же с расширением вен оно уменьшается до 30 секунд. Такое тяжёлое заболевание, как гипертония, связано с повышенным давлением крови. Чтобы облегчить болезнь, необходимо ввести лекарства, расширяющие кровеносные сосуды. Испытать действие подобных лекарств можно, используя радиоактивные элементы, с помощью которых измеряют скорость кровотока. Некоторые лекарства уменьшают время прохождения крови до 20—30 секунд. Такие вещества, как никотин, вызывающий спазмы сосудов, напротив, увеличивают это время до 70 секунд. По этой причине гипертоникам запрещают курить.

Путь различных веществ в живом организме крайне сложен. Обычно они поступают с пищей сначала в желудок и кишечник, а оттуда — в кровь, которая доставляет их во все уголки тела. Проследить за движением атомов без радиоактивных элементов невозможно, так как только они позволяют отличить вновь попавшие в организм атомы от находившихся в нём ранее.

Если выпить стакан воды, в которой растворена поваренная соль, содержащая радиоактивный натрий, и поднести руку к счётчику, то уже через несколько минут он

отметит наличие в ней радиоактивного натрия, принесённого туда кровью, а через десять минут первые атомы его появятся в моче.

Химические элементы, поступающие в организм с пищей, играют в нём различную роль. Многие из них скопляются в определённых тканях и органах тела. Так, йод концентрируется в щитовидной железе. Но скорость его накопления у здоровых людей и у страдающих заболеванием щитовидной железы неодинакова. Эту разницу удалось установить лишь при помощи радиоактивного метода. Испытуемым давали съесть небольшое количество йодистого натрия, содержащего радиоактивный йод. Счётчик, поставленный у горла, вблизи щитовидной железы, определял накопление в ней йода. Лучи радиоактивного йода проникали через ткани тела и регистрировались счётчиком. При лечении заболеваний щитовидной железы вместо рентгеновских лучей можно, вероятно, применять радиоактивный йод.

Метод меченых атомов позволил установить интересный факт: железо, попадающее в желудок, усваивается только в том случае, если организм испытывает в нём недостаток. Здоровый организм содержит определённое количество железа и выбрасывает излишек его. Но как только человек потеряет некоторое количество крови, содержащей железо, организм начинает его усваивать.

В организме содержится большое число химических элементов. Важнейшим из них является фосфор, необходимый для жизни растений и животных. Он входит в состав многих тканей, в большом количестве содержится в костях животных, в плодах и семенах растений. У детей новые костные ткани строятся за счёт фосфорной пищи. При помощи меченых атомов удалось установить распределение фосфора и его роль во взрослом животном организме. Если, например, крысе впрыснуть под кожу фосфорнокислый натрий, то можно убедиться, что фосфор быстро распределяется между различными тканями.

Другие элементы ведут себя в организме подобно фосфору. Их атомы, поступающие вместе с пищей, возмещают утрату тех, которые уносятся выделениями. Смена одних атомов другими происходит в организме непрерывно — в этом и состоит процесс обмена веществ. Его можно наблюдать, используя радиоактивные изотопы различных элементов, которые позволяют легко проследить, как скоро радиоактивные элементы, поступающие с пищей, проникают в различные ткани тела, как со временем они перераспределяются там и как уносятся вместе с выделениями. Метод меченых атомов представляется поэтому незаменимым при изучении животного организма.

Таким же могучим средством исследования этот метод служит и при изучении жизни растений, что обеспечивает ему важную роль в дальнейшем развитии нашего сельского хозяйства. Применяя радиографию, можно наглядно видеть, как распределяются радиоактивные элементы в растении.

Если в организм животных фосфор попадает вместе с пищей, то растения всасывают его своими корнями из почвы в виде солей фосфорной кислоты. После поливки почвы раствором соли фосфорной кислоты, в состав которой введены атомы радиоактивного фосфора, можно легко проследить, как фосфор проникает в корни растения, затем поднимается по его стеблю и распространяется в листьях по их жилкам.

Опыт производят над несколькими растениями, подкормленными радиоактивным фосфором; одно из них срезают через час после начала опыта, другое через два часа, третье через пять часов и т. д. Затем от различных частей срезаемых растений отделяют по грамму ткани, которую высушивают и сжигают. В оставшейся золе содержится фосфор, который находился в отделённой части растения, а следовательно, и весь радиоактивный фосфор. Поднеся золу к счётчику, обнаруживаем, в каких тканях находится больше радиоактивного фосфора, как со временем изменяется количество радиоактивного фосфора в листьях, плодах или других частях растения.

Исследование можно провести и иначе. Срежем растения, впитавшие в себя радиоактивный фосфор, и приложим их в темноте к фотографической пластинке. Те места на ней, к которым прилегают части растения, содержащие радиоактивный фосфор, вочернеют. Но почернеют они неравномерно. Чем больше радиоактивного фосфора находится в той или иной части растения, тем темнее будут соответствующие линии. С помощью этого способа можно определить, в каком направлении движутся в растении атомы

тех или иных элементов. Так, в табаке, заражённом вирусной мозаикой, фосфор особенно интенсивно поглощается большими листьями, в плодах томата он скопляется в семенах, калий и радиий устремляются в растущие побеги и кончики листьев и т. д.

Углерод, из которого строятся клежки тканей, растения получают из воздуха в виде углекислого газа, претерпевающего ряд сложнейших превращений в листьях, находящихся на свету. Процесс этот носит название фотосинтеза.

Фотосинтез сложен и многообразен. Начало учению о фотосинтезе положили исследования К. А. Тимирязева и его учеников. Но только при помощи метода меченых атомов удалось выяснить, как углекислый газ и вода превращаются в углеводы. Оказалось, что кислород, который выделяется при синтезе углеводов, целиком образуется из воды, что листья растений способны накапливать солнечную энергию и что фотосинтез продолжается некоторое время и в темноте.

При исследованиях растение выдерживали в атмосфере углекислого газа, содержащего радиоактивный углерод, а затем с помощью счётчика определяли количество радиоактивного углерода в листьях. В дальнейшем опыты усложняли, выясняя не только содержание радиоактивного углерода, но и устанавливая, в какие химические соединения и при каких условиях он входит.

Исследования показали также, что углерод попадает в клетчатку растений не только из воздуха через листья, но и всасывается из почвы корнями. С другой стороны, удалось установить, что листья растений способны впитывать минеральные соли и что, следовательно, можно проводить внекорневую подкормку сельскохозяйственных культур. Такая подкормка хлопка, например, повышает его урожайность на 10—20 процентов. В настоящее время она широко применяется в наших южных республиках.

Так меченые атомы помогают биологам изучать жизнедеятельность организма животных и растений, глубже проникать в тайны природы. В современных лабораториях физики и химии также всё чаще пользуются в своих опытах мечеными атомами, обогащают науку новыми данными.

Как, например, измерить давление пара твёрдого металла? Как определить растворимость химического соединения, равную 10^{-7} грамма в литре воды? Как обнаружить движение атомов в твёрдом теле? Все эти задачи решаются методом меченых атомов.

Чтобы определить давление пара твёрдого вещества, скажем, какого-либо металла, кусок его в течение известного времени выдерживают в вакууме при определённой температуре и измеряют количество испарившегося вещества. Зная вес вещества и время испарения, легко вычислить давление пара. Но с достаточной точностью можно взвесить лишь несколько десятков миллиграммов. Если же в металле содержится его радиоактивный изотоп, то можно не прибегать к взвешиванию, а просто измерить количество испарившегося металла по количеству его испарившегося изотопа. Делают это таким образом: при помощи счётчика измеряют излучение, испускаемое испарившимся металлом, и сравнивают его с излучением, которое даёт один миллиграмм металла, взятого для испарения. Сравнение показаний счётчика в первом и втором случае позволяет вычислить вес испарившегося металла. Таким путём можно определить вес, равный миллиардной части грамма.

Всем хорошо известно явление диффузии газов и жидкостей. Запах пролитого одеколона очень скоро распространяется по комнате, аромат цветов проникает из сада в раскрытое окно. Происходит это потому, что молекулы пахучих веществ, двигаясь в воздухе, доносятся до органов обоняния. Краска легко смешивается с водой вследствие диффузии. Но возможна ли диффузия в твёрдых телах? Опыты с мечеными атомами показывают, что в твёрдом теле атомы всегда подвижны. Если два куска металла, из которых один содержит атомы радиоактивного изотопа, привести в соприкосновение пришлифованными поверхностями и нагреть, то атомы радиоактивного металла переместятся в кусок нерадиоактивного металла. Это легко определить, поднеся последний к счётчику.

Подобное движение атомов можно наблюдать и в сплавах. Структура сплава изменяется в результате старения металла, термической его обработки или при каком-нибудь механическом воздействии, например, при его растяжении или прокате. Изменение структуры сплава сопровождается перемещением атомов — их диффузией. Эти явления

изучают следующим образом: шлиф сплава, в котором содержится радиоактивный металл, прикладывают к фотографической пластинке, фиксирующей распределение радиоактивного металла в сплаве. Всякое изменение в последнем отразится на снимке (радиоавтографе), полученном от шлифа.

Метод меченых атомов позволяет разрешить и многие сложные химические задачи, особенно, когда необходимо установить механизм химической реакции. Известно, например, что углеводороды образуются из водорода и окиси углерода лишь в присутствии железа. Но какова его роль в этом процессе? Прежде учёные считали, что окись углерода с железом образует карбид железа, то есть соединение железа с углеродом, затем карбид железа взаимодействует с водородом, железо восстанавливается и становится свободным, а углерод с водородом дают углеводороды. Однако, используя метод меченых атомов, удалось показать, что такой взгляд неправилен. Если к железу подмешать карбид железа, содержащий радиоактивный углерод, а затем пропустить над ним смесь водорода и окиси углерода, то можно проследить за поведением радиоактивного карбида железа при реакции. Радиоактивный углерод из карбида железа не переходит в углеводороды, что легко доказать, введя полученные при реакции углеводороды в счётчик. Следовательно, в этих опытах железо лишь ускоряет процесс — оно является таким катализатором, на поверхности которого происходит реакция образования углеводородов.

Меченые атомы оказывают большую помощь и при решении многих технических задач. Как определить, например, прочность трущихся частей машины? В двигателях внутреннего сгорания наиболее изнашиваются поршневые кольца. Если при изготовлении в их состав ввести радиоактивный металл — кобальт, то при работе двигателя частички металла, отрывающиеся от поршневых колец при их трении, будут попадать в смазочное масло, и в нём появится радиоактивный кобальт. Его наличие и количество определяет счётчик, который регистрирует тем большее излучение, чем больше радиоактивного кобальта перешло в масло. Зная время работы двигателя и содержание радиоактивного кобальта в поршневых кольцах, можно вычислить износ их за любой промежуток времени.

Многие смеси веществ в настоящее время разделяются при помощи адсорбционной колонки (хроматографически). Последняя представляет собой трубу, заполненную веществом, способным поглощать (адсорбировать) из раствора различные химические соединения. Во время фильтрации всё растворённое вещество поглощается в верхней части колонки, которая затем промывается растворителем. Поглощённые вещества перемещаются при этом вдоль колонки сверху вниз с различной скоростью. По мере перемещения смесь разделяется на отдельные составные части, и из колонки последовательно вытекают растворы чистых веществ. Без меченых атомов невозможно проконтролировать степени разделения, без них нельзя также установить контроль разделения в самой колонке. Если же к составу разделяемой смеси добавить вещества, содержащие радиоактивные элементы, то за их разделением можно проследить по излучению, передвигая счётчик вдоль колонки или контролируя радиоактивность вытекающей жидкости.

Меченые атомы помогают контролировать качество сварки металлов. При сварке, происходящей в присутствии радиоактивного металла, радиоактивные атомы распределяются в хорошем сварном шве равномерно, что легко установить, получив радиоавтограф сварного шва, то есть приложив к нему в темноте фотопластинку.

Кроме того, меченые атомы позволяют установить течь газа в той или иной системе, для чего к нему подмешивается радиоактивный инертный газ; они дают возможность проследить за прохождением газа через противогазы и фильтры, определить степень использования удобрений, вносимых в почву, наблюдать за движением газа в доменной печи, исследовать скорость, с какой при процессе варки стали примеси переходят из неё в шлак, а также выяснить механизм многих других явлений.

Рассмотрим другие научные проблемы, при разрешении которых помогает метод меченых атомов.

Мы уже знаем, что в природе встречаются многие радиоактивные элементы. Например, в соединениях калия содержится его радиоактивный изотоп, а так как калий входит в состав животных и растительных тканей, то в живых организмах всегда находится радиоактивный калий. В них всегда присутствует даже такой редкий радиоактив-

ный элемент, как радий, хотя и в ничтожном количестве. Но больше всего в них содержится радиоактивного углерода. В теле взрослого человека в одну минуту происходит распад ста тысяч атомов радиоактивного калия, такого же количества атомов радиоактивного углерода и двух тысяч атомов радия.

Каменный уголь представляет собой продукт разложения древних растений, однако радиоактивного углерода в нём нет. Почему же? Дело в том, что период полураспада радиоактивного углерода всего шесть тысяч лет, следовательно, он не мог сохраниться в каменном угле с момента его образования.

Но откуда же появляется радиоактивный углерод в растениях? Из межпланетного пространства непрерывно падают на землю так называемые космические лучи. Космическое излучение взаимодействует с азотом воздуха таким образом, что в результате ядерной реакции из азота образуется радиоактивный углерод. Так как поток космического излучения постоянен, то постоянной является и скорость образования радиоактивного углерода в воздухе. Постоянна также скорость его распада, а следовательно, так же постоянна доля радиоактивного углерода в воздухе в виде углекислого газа.

В результате такого процесса в природе устанавливается известный баланс — равновесие, при котором все живые ткани содержат определённый процент радиоактивного углерода по отношению ко всему углероду. Естественно, что умершие растения и животные не пополняют запаса радиоактивного углерода, в результате чего количество его в углеродистых соединениях убавляется за шесть тысяч лет вдвое, за двенадцать тысяч лет — вчетверо и т. д. С течением весьма длительного времени радиоактивный углерод распадается полностью, — поэтому его и нет в каменном угле.

Таким образом, доля радиоактивного углерода в мёртвых телах животного или растительного происхождения может служить своеобразными радиоактивными «часами», по которым легко определить, когда прекратился приток радиоактивного углерода в данное тело, то есть время гибели животного или растения. Такая радиоактивная «шкала времени» позволяет археологам по содержанию радиоактивного углерода в древесных предметах определить период, к которому относится раскопка. Очевидно, описанный метод определения возраста раскопки может быть применён и при географических или геологических исследованиях.

Радиоактивная «шкала времени» действительна и для земли. В результате ряда превращений элемент уран переходит в свинец. Соотношение в урановых минералах количества свинца и урана позволяет рассчитать время образования минерала по периоду полураспада урана.

Радиоактивные элементы широко применяются не только в качестве «меченых атомов». Они с успехом используются при лечении различных болезней, например, при заболевании щитовидной железы, при лейкемии, опухолях.

Радиоактивное излучение оказалось весьма пригодным для ряда приборов, контролирующих качество продукции: толщину бумаги и металлической фольги при её производстве, качество металлических отливок и т. д.

Всё это, разумеется, далеко не исчерпывает возможность применения в настоящее время метода меченых атомов. Трудно предвидеть, какие возможности откроет использование радиоактивных элементов перед наукой и техникой в будущем. И надо сказать, что советские учёные, насчитывающие немало достижений в разработке метода меченых атомов, усиленно трудятся над его усовершенствованием. В их руках этот метод приобретает крупнейшее практическое и научное значение. Познавая жизненные явления, устанавливая их взаимосвязь, они тем самым помогают творчески развивать наши диалектико-материалистические представления о природе.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

О СОВЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

★

В № 8 за 1953 год журнала «Новый мир» была напечатана статья Н. Леонтьева «Волхование и шаманство», посвящённая некоторым вопросам теории и практики советского фольклора.

Основное положение этой статьи сводится к следующему: небывалый подъём творческой энергии советских народов и социалистической культуры выражается не только в том, что к активному участию в общественно культурном процессе привлечены миллионы людей, но также и в том, что форма участия масс в творчестве культуры имеет принципиально новый, социалистический характер. Морально-политическое единство советского общества, охват всего населения общим образованием, возможность для каждого советского человека приобретать нужные знания, повышать свою культуру — все эти завоевания социализма ликвидировали существовавший в дореволюционном обществе разрыв между «непосредственно народной» литературой и литературой, создаваемой писателями. Ряды советских писателей, известных всей стране, постоянно пополняются людьми, ранее не занимавшимися литературой профессионально. Газеты и журналы, центральные и местные, имеют вокруг себя огромный читательский актив, причём многие из читателей постоянно или эпизодически выступают как литераторы — писатели, корреспонденты, критики. Самодельные музыкальные, художественные, театральные, литературные объединения и кружки, руководимые специалистами, распространяют художественные знания и вырабатывают у участников такое мастерство, которое привлекает внимание не только местных, но иногда и всех советских зрителей и слушателей; известен успех наших самодельных коллективов, выступавших за рубежом. Из всех этих фактов нашей действительности можно сделать вывод: художественное творчество советского народа существенно отличается от дореволюционного фольклора; советское искусство есть единое искусство, творимое народом в интересах народа и принадлежащее всему народу. С этой точки зрения всякие попытки называть нашему народу архаические формы искусства лишь задерживают рост социалистической художественной культуры народных масс.

Несогласия среди учёных, занимающихся современным фольклором, в понимании самых основ их науки наметились уже давно; этот спор обострился после издания в 1952 году сборника «Русское народное поэтическое творчество». Спор ещё длится. Вероятно, вопросы фольклора будут подняты и на предстоящем Втором Всесоюзном съезде советских писателей.

Ниже мы публикуем в порядке дискуссии статьи сказительницы Л. Перцетской и фольклористов В. Чичерова, А. Нечаева и Н. Рыбаковой, С. Василька.

★

В. ЧИЧЕРОВ

Проблемы изучения советского народного поэтического творчества

Советские фольклористы провели значительную работу по собиранию и изучению современного народного поэтического творчества. Ещё в 1937 году в редакционном предисловии к книге «Творчество народов СССР» было указано: «Для книги собрано свыше 600 печатных листов советского фольклора, отобрано же и печатается

лишь немногим больше 30 листов... редакция руководствовалась принципом: дать в книге... только лучшие, типичные произведения советского фольклора». Надо отметить при этом, что редакция «Творчества народов СССР» сосредоточила у себя многие, но далеко не все записи, сделанные до середины тридцатых годов. С тех пор про-

шло ещё полтора десятилетия и были записаны новые произведения. Материал за все эти годы был собран большой (правда, не всегда полноценный в идейном и художественном отношении).

Некоторые шаги сделаны и в области изучения народного творчества. Но, к сожалению, шаги робкие; иногда же исследовательские опыты были явно ошибочными. В советской критике неоднократно указывалось на ошибки, допускавшиеся фольклористами. Острее всего об этих ошибках говорилось в статьях Н. П. Леонтьева. В первой своей статье — «Затылком к будущему» (1951) — Н. П. Леонтьев связывал эти ошибки с непреодоленными либерально-буржуазными теориями и прежде всего с концепцией А. Н. Веселовского. Автор был прав: вредные теории либерально-буржуазной науки цепко держали советских фольклористов в течение долгого времени.

Ошибки становятся особенно очевидными, когда обращаешься к обобщающим трудам и учебным пособиям. Например, в учебных пособиях для вузов, учебнике Ю. М. Соколова «Русский фольклор» (Учпедгиз, 1938), хрестоматии Н. П. Андреева «Русский фольклор» (Учпедгиз, 1938), в моём конспекте курса «Русское народное творчество (фольклор)» (Учпедгиз, 1949) только названы произведения, сложенные в наше время; иногда им дается правильная, иногда ложная оценка; но закономерности развития народного поэтического творчества в условиях социализма не вскрыты и не объяснены. Явления поэтического народного искусства берутся статично — вне их развития или угасания; из простого перечня записанных и не оценённых надлежащим образом произведений механически делается вывод о том, что в наше время якобы развиваются все виды и жанры народного творчества, как бы они ни были архаичны и далеки от социалистической действительности. Так, Ю. М. Соколов, а позднее и я (а также многие другие фольклористы) утверждали, что наблюдается развитие сказочного эпоса в целом, включая сюда и волшебную сказку, о которой говорилось, что она будто бы живёт, превращаясь в сказку-аллегорию; утверждалось также, будто на основе былины, исторических песен и притчей создаётся советский стихотворный народный эпос; утверждались и другие подобные положения, в которых сказалось непонимание процессов,

совершающихся в поэтическом творчестве трудящихся масс.

Те же положения, что в сводных работах, мы находим — только в разрозненном виде — в специальных статьях и предисловиях к сборникам.

Ошибки фольклористов, отступавших от понимания народного творчества как коллективного искусства трудящихся масс, сказывались не только на сомнительной трактовке специальных проблем, но вели к необоснованному расширению предмета исследования — к включению в фольклор стихов литкружковцев, рифмоплётства псевдосказителей и т. п. Вследствие этого появилось искажённое представление об общем характере и ценности народного творчества советской эпохи. Ошибки эти хорошо нам известны из критики статей, публиковавшихся в «Советском фольклоре» и «Советской этнографии». Они явны в книге «Русское народное поэтическое творчество» (Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, М.—Л., 1952). В рецензиях и статьях правильно критиковались многие теоретические положения этой книги и с полным основанием осуждалось включение в народное творчество низкопробных стихов, подделок и стилизаций.

Критика работы фольклористов в связи с выходом в свет книги «Русское народное поэтическое творчество» обнаружила слабость исследований, глубокою ошибочностью ряда представлений, укоренившихся в фольклористике. На ряд таких ошибок правильно указал также Н. Леонтьев в статье, опубликованной в «Новом мире» (1949, № 9). Эта его статья, как и последняя («Новый мир» 1953, № 8), вызывает замечания и возражения не столько критическим разбором ошибочных положений науки и выдаваемых за народное творчество мертворождённых стилизаций, сколько общей направленностью: статьи Н. Леонтьева стремятся зачеркнуть целую научную область и нигилистически отрицают современное народное творчество. Самый факт появления нигилистического отрицания народного творчества, как нам кажется, объясняется слабостями теоретической разработки основных проблем науки, существующими заблуждениями в понимании современного народного творчества, теоретическими блужданиями и шаткостью в оценке материала.

Устанавливая основные особенности советского народного поэтического творчества, надо прежде всего сформулировать понимание народного творчества в целом. Это тем более необходимо, что в определении предмета царит разноречие. Народное творчество определяют как непрофессиональное искусство, противопоставляемое профессиональному — литературе, музыке, живописи, скульптуре; как устную поэзию, противопоставляемую письменной; как анонимное творчество масс, противостоящее индивидуальному авторскому, и т. д. и т. п. Мы считаем полезным напомнить основное понимание народного творчества как коллективного творчества трудовых народных масс, имеющего художественную ценность. Коллективность народного творчества, являющаяся основной чертой его, разумеется, не исключает других, существенных, но всё же менее важных признаков, проявляющихся в большей или меньшей мере на разных этапах развития человеческого общества, — устности, массовости, традиционности, анонимности и некоторых других. В данной статье мы специально остановимся на проблеме коллективности творчества. Вопросы устности народной поэзии, массовости её и ряд других должны явиться темой специальных работ.

Понимание «фольклора» как коллективного творчества народных масс содержится, например, в работах Маркса и Энгельса; уже ранние статьи Энгельса — «Немецкие народные книги», «Странствия по Ломбардии», «Родина Зигфрида» и другие¹ — дают такое понимание; оно характерно и для высказываний, содержащихся в переписке и в трудах Маркса и Энгельса, написанных ими в последующие годы: Энгельса — «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Маркса — «К критике политической экономии» и других работах. О выражении чаяний и ожиданий народных в народном творчестве говорил В. И. Ленин. И. В. Сталин в беседе с Гаджибековым указывал на коллективность творчества, говоря, что народ шлифует свои песни в течение десятилетий и столетий и доводит их до совершенства. Исходя из марксистского понимания народного творчества, дореволюционная «Правда» писала: «...Мы

поведём речь не о стихотворениях, вылившихся из-под пера того или иного поэта-рабочего, а о тех поэтических произведениях, которые явились продуктом коллективного творчества рабочих масс... Всякая народная, в том числе и рабочая, поэзия складывается таким образом, что начатое одними дополняется другими, изменяется третьими и заканчивается четвёртыми лицами». О коллективном творчестве говорил М. И. Калинин, утверждая, что народ-золотискатель «выбирает, сохраняет и несёт, шлифуя на протяжении многих десятилетий, только самое ценное, самое гениальное»¹.

М. Горький подчёркивал, что народное творчество — это коллективное творчество трудовых народных масс. Следует отметить, что почти одновременно с публикацией в «Правде» статьи о народной поэзии А. М. Горький создал рассказ «Как сложили песню», показав в ней самый процесс создания песни.

Забвение этих положений привело к шаткости и разноречию в оценке материалов, а также к антиисторичному стремлению увидеть в творчестве народных масс Советского государства прежде всего черты дореволюционного фольклора. Такое стремление вело к противоестественному для нашего времени разрыву между литературой и народным творчеством. Вместо того, чтобы рассматривать их в связи и единстве, их противопоставляли.

Исследователи не осознали со всей глубиной изменений, происшедших в искусстве народа нашей страны после победы пролетарской революции. Между тем только рассмотрение народного поэтического творчества как своеобразной формы художественной деятельности освобождённых Великой Октябрьской революцией трудовых масс позволяет правильно понять это творчество и найти правильное соотношение его с литературой.

Со времени победы революции народное творчество стало широко проявляться во всех областях жизни. Уже в 1918 году

¹ «М. И. Калинин о литературе». Сборник статей и высказываний. Сост. И. С. Эвентов. Лениздат, 1949, стр. 194. Речь при вручении орденов деятелям казахского и украинского искусства в 1936 году; см. также речь при вручении орденов работникам Ленинградской консерватории в 1938 году (стр. 194—196).

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. II.

В. И. Ленин говорил, что революция дала прекрасный размах народному творчеству, имея при этом в виду непосредственную деятельность трудящихся в политической, общественной, военной, культурной жизни страны. И чем дальше шло укрепление и развитие Советского государства, тем шире и разнообразнее проявлялось народное творчество. Новаторская деятельность масс воплощалась в индивидуальном и коллективном творчестве. В усовершенствовании технической детали, в работе над станком, над машиной нередко принимали и принимают участие целые коллективы рабочих, техников, инженеров; этот коллективный труд и изобретательство советских людей гармонически сочетаются с их индивидуальной творческой деятельностью. Связь коллективного творчества с индивидуальным осуществляется в пределах той или иной специальности, профессии; она, в условиях социализма, нередко проявляется также и в неспециальных для данных людей областях, прежде всего в области культуры и искусства. Это одно из первых и ранних свидетельств всестороннего развития человека в социалистическом обществе.

Коллективное и индивидуальное творчество во всех областях жизни трудящихся масс даёт богатые результаты уже в середине тридцатых годов. Многочисленные свидетельства о развитии его — в том числе и художественного, поэтического творчества — явились основанием для обобщения, данного М. И. Калинин в статье «Что дала советская власть трудящимся» (1937): «Велико и многогранно творчество народов СССР. В науке, технике, искусствах — всюду небывалый расцвет культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. Творчество народов СССР особенно ярко проявилось в народной песне, в создании огромного количества народных хоров, оркестров, самостоятельных театральных кружков»¹.

Коллективное и индивидуальное творчество, в какой бы области жизни они ни проявлялись, взаимно дополняют и обогащают друг друга; отрицать значение того или другого значит недоучитывать творческие возможности народных масс. Развитие культуры и искусства в СССР приводит не к поглощению одной формы творчества другой, а к их плодотворному

взаимодействию. Следует напомнить, что в отчётном докладе XIX съезду партии Г. М. Маленков, подчеркнув преимущества социалистической системы, обеспечившей раскрепощение личности, сказал о расцвете индивидуального и коллективного творчества в СССР, где созданы необходимые условия для всестороннего развития талантов и дарований, таящихся в глубинах народных масс.

Из этих общетеоретических положений и следует исходить, рассматривая вопрос о создаваемом в СССР народном искусстве, в том числе литературе и фольклоре, как взаимно дополняющих формах индивидуального и коллективного поэтического творчества советского народа.

Социалистическое общество уничтожило противоположность индивидуального и коллективного творчества. Всё искусство принадлежит народу и создаётся им. По своему существу творчество писателей и народных масс стало единым. Сохраняется лишь своеобразие коллективных и индивидуальных форм творчества, причём они не вносят принципиальных различий ни в идейное содержание, ни в приёмы и способы изображения нашей действительности во вновь создаваемых произведениях. Поэтому стало недопустимым рассмотрение литературы и фольклора путём их противопоставления; они должны рассматриваться в их единстве — их взаимовлияние становится всё более и более интенсивным. Народная поэзия, сохраняя своё значение для развития индивидуального искусства, ориентируется на лучшие создания советской литературы. Наблюдаемая в ряде случаев совместная деятельность писателя или поэта и трудящихся масс — знаменательное явление, свидетельствующее о глубоком, органическом единстве советской литературы и коллективного творчества народа. Вместе с тем оно говорит о возросшей роли писателей в развитии массового народного искусства. Творчество советских писателей в наше время фактически возглавляет и массовую самостоятельную литературу и фольклор. В советской литературе уже в тридцатых годах сформировались виды поэзии, слитые с творчеством широких слоёв трудящихся. Таким видом подлинно народной массовой поэзии является советская массовая песня.

Лучшие советские массовые песни, созданные В. И. Лебедевым-Кумачом, М. В. Исаковским, А. А. Сурковым и рядом дру-

¹ «М. И. Калинин о литературе», стр. 199.

гих поэтов-песенников в содружестве с композиторами, по праву заслуживают названия подлинно народных песен, так как и содержание и форма их народны в самом глубоком смысле этого слова. Сам советский народ признаёт их своими, народными; они получили общее признание и такое широкое распространение, какое соответствует распространению только лучших произведений классического фольклора. Такое приятие народом произведений литературы — высокая честь для писателя; оно свидетельствует о единстве процессов развития литературы и коллективного творчества трудящихся масс. Писатели, в свою очередь, используют тот большой опыт, какой накоплен массовым творчеством народа. Элементы коллективного творчества входят в художественную деятельность писателей, в литературу и обогащают её. В свете сказанного следует рассматривать, например, новый и значительный для развития массового творчества народа вид коллективной поэтической деятельности — совместную работу народных масс и поэта над художественным образом. Эта форма коллективной работы получила развитие в годы Великой Отечественной войны; типична она и для послевоенного времени.

Совместное создание поэтом и народом поэтического образа, совместное повествование об истории жизни и подвигах героя зарождаются и развиваются в результате, условно говоря, «творческого разговора» поэта и масс трудящихся¹.

Поэт вызывает своими произведениями массовое творчество народа, и народ бережно хранит и коллективно создаёт продолжения рассказа, начатого поэтом.

Творческое содружество, совместная деятельность писателя, поэта и массовой народной поэзии — знаменательное явление, свидетельствующее о глубоком, органическом единстве советской литературы и коллективного творчества народа. И литература и так называемый фольклор создаются советским народом. Писатели в литературу приходят из тех же самых народных масс, которые создают произведения народного творчества и которые воспринимают, как свои, написанные писателями стихи, песни.

¹ См., например, народные песни о Катюше, стихи о Василии Тёркине, созданные по мотивам стихотворения М. Исаковского и поэмы А. Твардовского, и другие.

рассказы и многое другое. Великая Октябрьская социалистическая революция вызвала огромный подъём творчества народа и в области художественного слова. Глубоко ошибочно замыкание народного творчества наших дней в традиционные фольклорные формы. Современное творчество народа в области художественного слова — это литературная и фольклорная деятельность народа, это, следовательно, гармонически сочетающееся индивидуальное и коллективное поэтическое искусство. Отграничивание и изоляция одного от другого проводятся исключительно по формальному признаку, что способствует сохранению и закреплению многих ложных утверждений и выводов.

Советская фольклористика в результате проведённого ею собрания и предварительного изучения материала, в результате критического рассмотрения сделанных работ и осуждения содержащихся в них ошибок встаёт на новые пути исследований. Это требует прежде всего утверждения понятия народного творчества как оценочного понятия, идентичного понятию подлинно народного искусства. Оценочность понятия «народное искусство», «народное творчество» подчёркивалась неоднократно крупнейшими деятелями культуры, науки, искусства. Отбор, сохранение и шлифовка народом лучшего из того, что создаётся массами народа и его поэтами (см. высказывание М. И. Калинина: «Песни действительно великих поэтов народ поёт, не может не петь в силу своей музыкальности»¹), приводят к сосредоточению воедино высоких культурных и художественных ценностей, к образованию тех основ национального искусства, без которых не может развиваться творчество народа. Именно в этом плане говорилось о народной песне и музыке в постановлении ЦК ВКП(б) об опере Вано Мурадели «Великая дружба» от 10 февраля 1948 года, указывающем на необходимость обращения советских композиторов к музыкальному творчеству народов СССР. О высоком значении музыкального и песенного творчества народа для развития советского искусства говорил и А. А. Жданов в выступлении на совещании деятелей музыки в ЦК ВКП(б).

В свете этих высказываний становится ясно, что под народным творчеством по-

¹ «М. И. Калинин о литературе», стр. 195.

нимается коллективно сохраняемое и совершенствуемое высокохудожественное искусство народа, выражающее его идеи, чувства, настроения, на которое опирается творчество писателей, композиторов, художников. К произведениям народного творчества должно относиться только то, что действительно ценно в идейном и художественном отношении. Отступление от этого правила, снятие идейного или эстетического критерия (а то и того и другого) открывает широкие возможности для отнесения к народному творчеству любого неумелого и нехудожественного, а иной раз даже порочного произведения, написанного или устно изложенного досужим любителем прозы или поэзии. Такой материал может быть интересен для специальных разысканий того или иного характера, но отношения к народному творчеству он не имеет. Следует строго и последовательно различать народное творчество — высокохудожественные создания поэтического искусства народа — и поэтическую, прозаическую, музыкальную и другую деятельность широких кругов трудящихся, имеющую специальный интерес, но нередко не являющуюся прямым источником народных художественных сокровищ. Такого размежевания народного творчества и произведений, создаваемых письменно и устно, индивидуально и коллективно массами трудящихся, к сожалению, часто не проводится. Это очевидно на примере книги «Русское народное поэтическое творчество», где опубликована масса антихудожественных произведений и где в полной мере сказались один из крупнейших пороков советской фольклористики — культивирование механического перенесения всех традиционных жанров и форм коллективного творчества народных масс из прошлого в современность. При таком перенесении старых жанров и форм совершенно не принимается во внимание их жизнеспособность, их соответствие уровню и характеру советской культуры.

Современное народное поэтическое творчество даёт и может дать действительно ценный в художественном отношении материал только в пределах жанров, живущих активной живой жизнью. Попытки создания произведений в жанре, характерном для народного творчества прошлых эпох, но ставшем архаическим в современности и сохраняемом лишь как художественное на-

следие, обречены на провал и могут рассматриваться лишь как проявление индивидуально-литературной работы отдельных любителей фольклорной экзотики или же мастеров народного творчества, идущих по пути стилизаций — складывания текстов в духе традиционных жанров народного творчества. Выразительные образцы подобного стихоплётства и справедливую критику их развернул Н. Леонтьев в опубликованных журналом «Новый мир» статьях. Не развиваются и не могут развиваться ни былины, ни волшебные сказки, ни другие жанры, характеризующие архаической образностью, формой, языком, и тем более жанры, связанные с бытовыми предрассудками и суевериями дореволюционной России, — обрядовая поэзия и прочее. При использовании традиций таких жанров всегда будет обнаруживаться разрыв содержания и формы.

Следует тут же отметить, что самые попытки создания новых произведений в пределах названных жанров традиционной поэзии почти всегда выводят сочинительство за пределы коллективного творчества. Примером тому служит так называемое сказительство, то есть создание произведений в стиле архаического эпоса (например, русских былин или исторических песен), которое некоторые исследователи до сих пор считают одной из значительных форм народной поэзии. Так, в сборнике «Русское народное поэтическое творчество» утверждается: «Творчество отдельных сказителей, несмотря на... особенности, делающие его внешне близким к литературе, не является творчеством исключительно индивидуальным. Оно содержит в себе характерные черты также и коллективного художественного мышления» Признаками такого коллективного художественного мышления авторы труда по советскому фольклору признают разработку сказителями одних и тех же тем, идейно близких образов, усвоение художественных достижений одних сказителей другими.

Однако согласиться с этими утверждениями нельзя. Сказительство действительно являлось разновидностью коллективного творчества народов в прошлом. Суть сказительства заключалась в разработке и исполнении традиционного народного эпоса. Сохраняя и шлифуя эпические сказания и песни, сказители (в этом с ними сближались сказочники и народные певцы) нередко связывали исполняемые произведения

с современностью, иногда давали им новое звучание, преломляя их сквозь призму происходящего, или же повествовали их как правдивые истории далёкого прошлого. При этом сказители всегда оставались в пределах сложившегося эпоса народа, лишь дополняя своим талантом народное коллективное творчество. Следовательно, в отношении традиционного сказительства речь может идти не о том, что художественные достижения одних сказителей заимствуются другими, а об осмыслении и передаче коллективного творчества трудового народа. Зависимость индивидуального таланта от мощи коллективного творчества сказывается в единстве, в общности художественной передачи сюжета, конкретизации образа, раскрытии основных идей произведения. Варианты отдельных сказителей при этом служат лишь уточнению и разностороннему выявлению единства и цельности эпических сказаний народных масс. Подтверждение сказанному легко можно найти, обратясь к эпосу любого народа. Таковы, например, русские былины, в которых центральным образом предстаёт образ независимой и могучей Руси; богатыри русских былин раскрыты в произведениях, записанных в разных местах и в разное время, как типы, живущие в сознании всего народа и не допускающие изменения в трактовке. Таковы же эпические сказания других народов. Искажение их, а вместе с тем отказ от народного понимания образа и изменение его происходили лишь в случае переработки эпоса в целях и интересах господствующего класса.

Когда же эпический сюжет или образ обрабатывался писателем, допускаемые им привнесения превращали эпические сказания народа в индивидуальное творчество, вводили фольклор в литературу — и это при условии сохранения темы, сюжета, образа и героя, а иногда идеи народного произведения. Чтобы не быть голословным, можно сослаться на литературные интерпретации легенд о дон Жуане, о Фаусте, русских былин, эпоса о Кыз-Жыбек и других произведений. Писатели, разрабатывающие народные сюжеты и образы народных эпических сказаний, не превращались в сказителей и сказочников, и их произведения на фольклорные темы справедливо рассматриваются в кругу созданных ими литературных произведений, а не эпоса народа. Происходит так потому, что творче-

ская индивидуальность писателя, обогащаемая в процессе использования коллективной народной поэзии, остаётся не подчинённой ей, а, как говорил А. М. Горький, поднимает её и украшает блеском своего таланта.

Сущность сказительства обнаруживает связанность этого вида коллективного творчества народа с определёнными, исторически обусловленными формами эпоса. Когда же деятельность сказителей начинают переключать на другие виды творчества, она теряет свой исконный характер, перестаёт быть выражением коллективного творчества народа. Материалы из истории эпоса и лирики народов СССР это подтверждают весьма убедительно. Тридцатые годы ознаменовались построением социализма в СССР. Коллективизация, индустриализация страны, культурная революция, огромные завоевания и достижения советских людей — таково содержание этого периода в истории нашей страны. Ставшая ныне историческим документом, характеризующим середину тридцатых годов, книга «Творчество народов СССР» суммировала происходящее в культуре и искусстве советских наций и народностей, говоря в редакционном предисловии: «Великая социалистическая революция раскрыла все источники народного творчества. Впервые все народы СССР запели громко, свободно, во всю мощь своего голоса, от всей своей окрылённой победами души... Может ли не петь, не творить народ среди этих чудес, которые требуют поэтического образа, требуют лирического чувства, требуют напевного слова! И народное творчество распускается пышным садом вокруг социалистического строительства, сопровождает всякий шаг его, отмечает каждую новую победу».

В атмосфере огромного творческого подъёма у всех мастеров народного искусства закономерно рождается стремление поэтически рассказать о современности, выразить народные чувства и переживания. Естественно, при этом используются прежде всего те формы, которые являются достоянием традиционного искусства народа и которыми в совершенстве владеют исполнители произведений фольклора. Стремление дать монументальную картину социалистического строительства, рассказать о героике боёв и трудовых будней возникает и у исполнителей традиционного эпоса. Не

владеи другими средствами, кроме средств эпического повествования прошедших эпох, сказители попытались, используя их, создать произведения с советской тематикой. Так, после 1936 года одна за другой создаются новые былины, новины, стихотворные сказы, причеты и подобные им тексты. Эти попытки создания нового, советского эпоса объективно имели большое значение: они звали к массовому творчеству, толкали к поискам новых путей народного искусства. Правительство и общественность высоко оценили творческую инициативу и деятельность выдающихся сказителей. Ряд из них был награжден орденами. Некоторые сказители и сказочники были приняты в Союз советских писателей.

Свидетельствуя о подъеме творчества трудящихся в условиях победившего социализма, работа сказителей над созданием нового эпоса не могла и не может быть уподоблена работе в области традиционных эпических поэмы и сказаний. Обращаясь к советской тематике, сказители вступали на путь индивидуального создания новых произведений, стилизуемых ими под традиционный эпос. Собственно, тут не было места для творчества; имелась более или менее удачная, лучшая или худшая стилизация. А раз это была стилизация, искусственное воспроизведение давно выработанных форм, то коллективного творчества уже не могло быть.

Развитие коллективного поэтического творчества пошло путем массовой народной поэзии (в национальных республиках имеют место также импровизации); стилизации же, начатые сказителями, в некоторой мере сохранялись и в последующие годы, но сохранялись как далекие от подлинного народного искусства опыты плетения древних словес на современную тематику, осуществляемые людьми, лишёнными художественного вкуса и понимания поэтической правды. Резкую и правильную критику мертворождённых былин, стихотворных сказов, причетов и подобных произведений дал в своих статьях Н. Леонтьев.

Сказительство как вид советского народного поэтического творчества отмерло, придя к своему естественному концу через форму индивидуальных стилизаций. Но смерть сказительства не может быть отождествлена с судьбами народного творчества. Коллективное поэтическое творчество народных масс продолжает жить, но про-

является оно сейчас далеко не во всех видах и жанрах. К нему надо подходить исторически, вскрывая его специфику, характерную для того или другого этапа развития человеческого общества.

Проведённые советскими фольклористами разыскания показывают, что в наших условиях коллективные формы творчества развёртываются в песенной поэзии (индивидуально исполняемых и хоровых песнях и частушках), в бытовом рассказе и анекдоте, в пословичном жанре. Специфика коллективного творчества в социалистическом обществе обуславливается отмеченным выше, закономерно возникшим единством литературы и фольклора, при котором индивидуальная и коллективная поэтическая деятельность являются лишь формами творчества народа, дополняющими и взаимовлияющими и взаимобогащающими друг друга. Такой характер коллективного творчества при всём том, что сохраняются признаки, отличающие его от творчества индивидуального, не позволяет отождествлять его с коллективным творчеством как доклассового, так и классового антагонистического общества. К сожалению, конкретное изучение разновидностей коллективного творчества народных масс фольклористикой ещё не осуществлено. В этом направлении необходимо вести исследования. Но некоторые выводы из наблюдений над народным творчеством можно сделать и сейчас. На основании большого количества собранных фактов можно утверждать, что коллективное творчество народных масс проявляется в процессе создания и бытования отдельных произведений и в процессе создания и шлифовки отдельных художественных образов.

Обобщая наблюдения над народным коллективным творчеством, сделанные в фольклористике, следует особо остановиться на вопросах: сохранения традиций народных импровизаций (одним человеком или несколькими лицами); работы творческих коллективов над созданием отдельной песни; коллективной разработки образов, вокруг которых группируются сюжетно разнообразные произведения.

Проблема импровизации нередко трактуется как проблема индивидуализированного искусства. Это в известной мере обосновано: импровизации дают большие

возможности для проявления личного творчества; образ художника-импровизатора нам хорошо знаком и по литературе — хотя бы по «Египетским ночам» А. С. Пушкина, в которых раскрыто творчество импровизатора, не исходящее из коллективных народных традиций. Но форма импровизаций даёт не меньшие возможности и для проявления творчества коллективного. В таких случаях обобщается и конкретизируется в повествовании о событиях текущей жизни поэтический опыт народных масс. Импровизации, возникающие как обобщение и воплощение в художественных текстах коллективного творчества, становятся возможными только в результате того, что отдельные исполнители длительно и тщательно овладевают образностью, поэтическими приёмами, различными художественными средствами изображения действительности, которые разработаны и всё время творчески развиваются народными массами. В таких импровизациях поэтическая индивидуальность исполнителя произведения остаётся слитой с творчеством коллектива, не противопоставляет ему, не приводит к преобладанию индивидуального своеобразия в разработке образа, как это имеет место в литературе, даже в случае использования сюжета (а не только отдельных художественных средств). Коллективную сущность творчества в народных импровизациях глубоко понимал и прекрасно обрисовал А. М. Горький на примере создания песни двумя женщинами, тоскующими по родной деревне («Как сложили песню»), на примере описания творчества вопленицы Ирины Федосовой («Вопленица», корреспонденция с нижегородской ярмарки) и в других эпизодах, введённых в очерки, романы, повести. Характерной особенностью таких импровизаций, покоящихся на традициях народной поэзии, является часто обнаруживаемая возможность коллективного импровизирования (двумя и большим количеством лиц), чего не может быть в литературе. В фольклоре такие коллективные импровизации приводят к созданию своеобразных форм исполнения произведений и даже к появлению особых жанров. Таковы, например, формы вопросов и ответов, диалога в исполнении частушек; таковы айтыс народов Средней Азии — состязания певцов-импровизаторов; таково поочерёдное пение импровизаций собравшимися мастерами народного творчества и т. д.

Импровизационное творчество в фольклоре проявляется разное: оно неодинаково в разных жанрах, оно сильнее развито у одних народов, слабее — у других, но оно обычно в поэзии народов.

У русских в прошлом наиболее широко оно применялось в причётах; но и при исполнении героического и исторического эпоса, при рассказывании сказок, в пределах ранее созданных сюжетов, импровизационные возможности исполнителей раскрывались также достаточно широко. Текст традиционных произведений не заучивался, а в большинстве случаев творился заново в каждом новом исполнении.

В наше время импровизационность ярко проявляется в рассказывании бытовых, героических, анекдотических рассказов, в создании новых и изменении старых частушек в многоголосном распевании песенных напевов.

Но есть народы, в коллективном творчестве которых импровизационность занимает особенно большое место. Таковы некоторые народы Кавказа, Средней Азии, Сибири. Характеризуя один из таких народов в последней четверти прошлого века, бытописатель казахского народа К. Андреев писал: «Каждый киргизец — импровизатор. Довольно самого обыкновенного явления в природе, чтобы воспламенить восторг в пылком ордине и заставить его без приготовления выражать... чувства души, свободной и горделивой»¹.

Современные исследователи казахского советского народного поэтического творчества в связи с этими свидетельствами прошлого времени отмечают, что импровизационность и в современности сохраняется как живая и мощная форма коллективного творчества народа. Они указывают, что в казахской поэтической культуре сейчас живут и массовые импровизации и импровизации акынов², что попрежнему общения действительности в народном художественном образе, с одной стороны, производятся на освоенном импровизатором в качестве житейской мудрости общественном и трудовом опыте масс, с другой — на непосредственных впе-

¹ Цитируется по рукописи «Казахское народнопоэтическое творчество советской эпохи» (очерки). Алма-Ата, стр. 50.

² Названная работа, стр. 91; цитируемые главы очерков написаны членом-корреспондентом АН Казахской ССР Н. С. Смирновой.

чатлениях творца фольклора в момент импровизации¹. Вместе с тем народные импровизации в условиях советской действительности приобретают новые черты. На примере судеб импровизации в казахском фольклоре исследователи убедительно доказывают, что те из казахских народных певцов и акынов, которые в прошлом соединяли в одном лице сказителя и импровизатора новых песен, предпочитают теперь создавать новые импровизированные песни². В отличие от сказителей, которые оказались творящими в пределах отжившей и отживающей традиции с её старыми формами, акыны, ашуги и другие импровизаторы связали свой творческий рост с достигшей блестящего расцвета советской песней³.

Разыскивая в области импровизаций как вида коллективного народного творчества казахов подтверждаются наблюдениями над импровизациями, известными в современном фольклоре других народов. Ещё в тридцатых годах в сборниках песенной поэзии народов СССР были опубликованы импровизации, записанные у саами и других народов. Прекрасными образцами их являются, например, саамские и эвенкийские песни, напечатанные в сборнике «Творчество народов СССР» (1937). Большой интерес и научную ценность имеют народные импровизации, данные в подлиннике и эквиритмическом переводе в сборнике «Народные песни о Ленине и Сталине» (1938), содержащем расшифровку фонографических записей. Особенно выразительны в этом сборнике песни народов Севера и Дальнего Востока.

Нередко в таких импровизациях наряду с традиционной и вновь создаваемой художественной образностью звучат простые разговорные интонации, обращения к тому, о ком говорит песня или для кого импровизирует певец.

Описание обстановки создания народных импровизаций мы находим не только в записях фольклористов, но также в корреспонденциях и очерках писателей. Выразителен, например, очерк С. Маршака, рассказывающего, как он вместе с Героем

Советского Союза Маликом Габдуллиным слушал импровизацию Джамбула¹. Интересны и многие другие очерки, опубликованные в периодической печати тридцатых—пятидесятых годов. Эти описания свидетельствуют, что народные импровизации как вид коллективного творчества могут быть различны. Путём импровизации могут быть созданы новые произведения. Но импровизация может осуществляться также в пределах ранее созданного сюжета и вести к созданию вариантов произведений народного творчества; импровизация в ряде случаев является формой шлифовки произведений.

Наряду с импровизациями в фольклоре широко распространена коллективная работа над созданием новых текстов. Эта форма близка к форме народных импровизаций, но отличается от неё тем, что произведение создаётся не в момент исполнения его, а подготавливается предварительно путём объединения творческих усилий многих людей. Традиции коллективной народной поэзии, поэтическая образность, характерная для неё, приёмы построения произведений того или другого жанра, установившиеся в фольклоре данного периода, являются теми опорными пунктами, на которых покоится одновременное творчество целого коллектива людей. При таком массовом творчестве поэтические индивидуальности создателей произведений выявляются как обобщённый коллективный автор. Новые произведения, создаваемые таким путём, не имеют специфических индивидуальных черт, а принадлежат всем и каждому, кто трудится над созданием текста. Так создаются, в частности, многие песни в народных хорах; так создаются нередко частушки.

О таком сложении частушек сообщил, например, Р. М. Акульшин в отчёте о поездке в Воронежскую область. Он рассказывал: «В селе ожидали приезда кандидата в Верховный Совет от данного избирательного округа — товарища Каманина. Председатель сельсовета Мария Михайловна Туликина весело предложила: «Давайте придумывать песню про Каманина, а то завтра о чём будем петь?» Меня удивило, что когда она предложила сочинять частушки, никто из присутствующих не сказал: «Разве мы сумеем? Ничего из этого не выйдет».

¹ «Казахское народнопоэтическое творчество советской эпохи» (очерки), стр. 44.

² Там же, стр. 98.

³ Там же, стр. 100.

¹ «Литературная газета» от 6 августа 1946 года.

У всех загорелись глаза, на лице каждого было написано: «Вот интересно, получится что-нибудь из этого или нет», и выражение было такое, что должно что-то получиться».

Р. М. Акульшин рассказывал, как слово за словом рождались частушки о выбираемых в Верховный Совет депутатах, как их закрепляли в памяти. Создавая новые частушки, колхозники опирались на известные им, любимые ими ранее сложенные частушки и творчески использовали многие из них. Р. М. Акульшин приводит примеры развития образов распространённых частушек при сложении новых. Коллективная традиция частушечного творчества играла определяющую роль в процессе создания новых текстов. Когда были созданы новые частушки, их «тут же попробовали спеть, — на собрании был гармонист. Оказалось, что частушки хорошо вкладываются в местный напев. Их пропели несколько раз вдвоём и втроём. Затем Мария Михайловна предложила спеть хором»¹.

Сложение частушек проходит в самой различной обстановке. Они могут быть заранее написаны и могут слагаться тут же на месте, в самом разгаре пения. «Частушечные разговоры» и «монологи», состязания частушечниц и тому подобные формы исполнения этого вида народной песенной поэзии дают широкий простор поэтическому и музыкальному творчеству масс трудящихся. Многочисленные примеры коллективного создания частушек во время гулянья, пляски, отдыха, в самых различных случаях приводятся в статьях В. Бокова, Лащилина и других собирателей и исследователей частушек.

Традиции коллективного создания произведений в современности нашли поддержку в практике народных хоров. Из состава хора обычно выделяются творческие коллективы, которые вносят изменения в ранее созданные песни, частушки и складывают новые. Эти новые песни могут быть в своей основе написаны ранее или поэтом, или участниками хора. Но основа песни — ещё не самая песня. Песня создается хором, отрабатывается, чеканится им. В творческой работе в таких случаях участвуют многие исполнители народных песен, дополняющие намеченное ранее, критикующие

и отсеивающие то, что неудачно выражает мысль и чувство, отделяющие ранее найденные образы. Такая творческая работа хорового коллектива всегда даёт характерное для народного творчества обобщение поэтических образов, в которых нет и не может быть всё себе подчиняющей индивидуальности поэта, раскрывающего отношение народа к существующей действительности. Песни народных хоров, принадлежащие, условно говоря, коллективному автору, достаточно хорошо известны. Примеры коллективного создания народных песен хорами мне уже довелось приводить в печати (см. «Литературную газету», 1953, 15 ноября). В дополнение к тому, что приводилось, укажу на следующее.

Новые песни, слагаемые трудящимися, в отношении распева их нередко продолжают традиции национальной песенной культуры. Песни распеваются многоголосно. О характере такого пения, дающего возможность проявиться музыкальной одарённости певцов, справедливо писала Л. Иванова в статье «Народное хоровое пение»¹. Она верно отметила, что мастерство русского народного многоголосия осваивается рано: ещё в детстве и юности и ко времени появления голоса одарённые певцы уже «свободно распевают на 3—4 голоса любую песню, не затрудняясь выбором гармонии, движением голосов в подголосках».

О творческом создании песни в процессе многоголосного пения пишут крупнейшие специалисты по народной музыкальной культуре². А. Свешников, правильно отмечая, что певческая культура русского народа развивается в хоровом звучании, писал, что народные хоры являются коллективными создателями новых мелодий на основе русской песни. О том же писал К. Массалитинов, утверждая, что каждый, кто присоединяется к хоровому пению, должен «уметь водить голосом», «найти для себя место в ансамбле, разукрашивать песню, полифонически обогащая её. А это значит — творить мелодию даже тогда, когда исполняется самая распространённая народная песня... Чем сложнее ансамбль, тем вариант богаче, интересней»³.

¹ «Советская культура», 1953, 13 октября.

² См. А. Свешников. «За высокую культуру хорового пения» («Советская культура», 1953, 29 августа), К. Массалитинов «Больше заботы о народном хоре» («Советская культура», 1953, 27 октября) и другие.

³ «Советская культура», 1953, 27 октября.

¹ Опубликовано в работе А. Мареевский «Как работать с частушками». М. 1939, стр. 46.

Специалисты в области народной песни и музыки указывают, что такое творческое отношение проявляется и к старым и к новым песням, и к песням, сложенным хорowymi ансамблями, и к песням поэтов. Так создаётся в процессе исполнения песня — своеобразный жанр, в котором слово и мелодия слиты воедино, образуют единое художественное целое. Ведь песня не может и не должна рассматриваться как искусство одного только слова. Её жизнь — в звучании, в пении.

Приводимые примеры говорят, что коллективное народное творчество может проявляться в разных условиях и в разной обстановке. Оно проявляется в творческой разработке произведения, в шлифовке его. Народ и в наши дни уточняет и гранит меткое пословичное слово, шлифует песни — те из них, в которых есть неточность речи, неясность художественного образа, нечёткость или искажённость в изображении чувств и настроений народа. При этом народ не различает, чьи песни он шлифует: поэта или хоровых коллективов. Не подвергаются шлифовке только те песни — а их с ростом советской литературы становится всё больше и больше, — которые правдивы и совершенны в передаче облика советского человека.

Шлифовка бытующих произведений — новая черта в народном творчестве. Она типична для доревлюционного времени. Но современные условия внесли в неё новое. Изменения первоначального текста не всегда были результатом шлифовки. Нередко они являлись следствием забывания произведения или ослышки, которые вели к искажению текста. В условиях сплошной грамотности, всеобщего распространения книги и радио возможности искажения текста из-за ослышки, забывания, путаницы и непонимания слов намного уменьшились. Книга и радио закрепляют канонический текст распространённого произведения, но не мешают работать над улучшением его.

Шлифовка и обработка касаются произведения особенно существенно тогда, когда текст не предназначался для массового распространения. Например, при переработке обширного стихотворения в короткую песню авторский текст нередко подвергается существенным изменениям. Песни же советских поэтов часто поются в авторской редакции и шлифовке не подвергаются. Если же и

вносятся в них изменения, то, как правило, частного редакционного порядка, лишь в деталях, уточняющих произведение. Примеры таких уточнений легко найти в популярных в годы Великой Отечественной войны песнях «Любимый мой, пора моя настала» М. Исаковского, «Незримая рана» В. Лебедева-Кумача и других. Иного характера, например, переработки стихотворения-песни «Крутится, вертится...» (песня о Насе), в основе которой лежит поэма М. Исаковского, некоторые варианты его же «Огонька» и др. В них, в силу ряда причин, авторский текст подвергался более существенной обработке при переходе из книги в звучащую песню.

Коллективное творчество проявляется не только в песенной поэзии народа, но и в создаваемых им кратких прозаических произведениях — героических, бытовых и сатирических, наконец, анекдотических рассказах. В отличие от песенной поэзии, где коллективное творчество, как правило, проявляется в исполнении произведения, в рассказе и анекдотическом повествовании идёт творческая разработка художественного образа. В основе творческой работы коллектива над героическим образом современности лежит восприятие трудящихся советских людей как строителей социалистического Отечества и защитников его. Именно таковы образы героев Великой Отечественной войны — Заслонова, Ковпака и других, о подвигах которых было создано столько народных рассказов и легенд. Интересный анализ коллективной разработки героических образов, запечатлённых народными рассказами, содержится в статье К. В. Чистова «Устные рассказы о Героях Советского Союза М. В. Мелентьевой и А. М. Лисицыной»¹. Отсылая интересующихся материалом и проблемой к этой работе, приведу только замечание автора статьи о специфике коллективного творчества такого рода. К. В. Чистов на основании изучения материала заключает: «Коллективная природа» рассказов о героях образуется не коллективным восприятием и коллективной обработкой текста, как это обычно для большинства произведений других жанров устного народного творчества, — коллективно творится сам образ героя. Следует особенно подчерк-

¹ «Известия Карело-Финского филиала АН СССР», 1951, № 2.

нуть огромную общественную роль коллективно творимого образа героя»¹.

Заключение К. В. Чистова о своеобразии этого вида народного творчества представляется вполне справедливым. По существу здесь мы соприкасаемся с продолжением и варьированием традиций коллективной работы народа в области прозаических жанров фольклора. В них всегда шла работа над образом и допускалась импровизация в изложении текста; нередко при исполнении таких произведений (ср. сказки) имело место изменение сюжетных построений, композиции эпизодов, контаминации разных произведений и т. п. Образ, созданный силой коллективного творчества народа, в таких случаях живёт в сознании масс, не обязательно сливаясь с каким-либо одним сюжетом, характеризуемым при изложении его точной последовательностью порядка эпизодов и стальной конструкцией текста.

Однако самый характер образа соотносимого с конкретно-исторической тематикой, обуславливает возможности развития сюжетов в определённом направлении, отбор и повторяемость сюжетов. Разработка образа, следовательно, ведёт к работе над сюжетами произведений и пополнению ими народного творчества. Разыскания в области жанра бытовых, героических и анекдотических рассказов (называемых иногда «сказками» и родственных так называемым «побывальщинам» традиционного фольклора) ещё только начинаются. Но уже первые наблюдения в этой области позволяют говорить о зависимости творческого развития сюжета от коллективно разрабатываемого народом образа, воплощающего типические черты нашей действительности.

Приведённые примеры коллективного творчества народа в песенных и прозаических жанрах не претендуют на исчерпывающий обзор всех форм и разновидностей, в которых это коллективное творчество в наши дни проявляется. На наших глазах рождаются новые формы его. Одной из таких новых форм является, например, отмеченная выше форма коллективного творческого содружества писателей и народных масс. Эти новые формы требуют внимания к себе, требуют тщательного изучения. К сожалению, изучение их по-настоящему ещё не начато. Сделанные выше замечания о

формах проявления коллективного творчества народа в песенных и прозаических жанрах имеют целью обратить внимание на совершающиеся процессы в области так называемого фольклора и ещё раз сказать: шлифовка, уточнение, совершенствование художественного образа или произведения в целом наблюдаются и в современности. Напоминаю: только тогда, когда творческая работа коллектива уточняет и улучшает созданное произведение, мы соприкасаемся с реально проявляющимся народным творчеством. Коллективное творчество, не создающее подлинных художественных ценностей, как и творчество индивидуальное в тех случаях, когда оно не поднимается до воплощения подлинно народных чувств и переживаний, не может быть названо народным творчеством.

Издание сборника «Русское народное поэтическое творчество» подвело итоги выполняемой в области советской поэзии работы и подчеркнуло, выявило многочисленные ошибки, обусловленные слабостью, а иной раз и порочностью теоретического осмысления наблюдаемых и фиксируемых фактов. Этот коллективный труд подвёл черту выполнявшимся ранее работам и сделал очевидным, что терпеть существующее положение дела совсем уже нельзя. Раскрывая в критических и самокритичных выступлениях вред допускаящихся нами ошибок, мы должны вновь и вновь подчеркнуть: руководящие указания партии по вопросам искусства и литературы мобилизуют на усиление теоретической и практической работы в области народного творчества, на борьбу с пережитками либерально-буржуазных теорий, на борьбу с остатками объективистского отношения к народному творчеству; они мобилизуют нас на борьбу с проявляющимся в последнее время нигилистическим отрицанием имеющего самостоятельное значение художественного творчества широких масс трудящихся. Развитие советской науки о народном творчестве должно осуществляться в тесных связях с литературоведческими разысканиями.

Советской фольклористике давно уже пора перейти к углублённой разработке теоретических проблем традиционного и современного творчества народа. Целый ряд проблем — о понятии и сущности народного творчества, о его соотношении с советской литературой, о возможностях проявления

¹ «Известия Карело-Финского филиала АН СССР», 1951, № 2, стр. 44.

коллективного творчества в различных жанрах современной поэзии, о соотношении традиционного и современного народного творчества и другие, которых мы коснулись в нашей статье, — требует дальнейших углублённых разысканий. Перед исследователем встают также многие другие вопросы. Таков вопрос об особенностях проявления коллективности творчества, сочетаемой — различно на разных этапах развития фольклора — с устностью, традиционностью, анонимностью и другими признаками; таковы вопросы о соотношении коллективного творчества и индивидуального почина в прошлом и в современности, о формах

проявления коллективности и специфике её в советском народном поэтическом творчестве и многие другие.

Исследователи советского народного поэтического творчества должны выполнить большую и ответственную работу. Вся проводимая ими работа — изучение своеобразия народного творчества наших дней, его соотношения с советской литературой, установление закономерностей развития художественного творчества трудящихся — должна быть целеустремлённой, подчинённой единой цели: дальнейшему развитию и обогащению художественного творчества советского народа.

★

А. НЕЧАЕВ, Н. РЫБАКОВА

О пользе критики и о вреде нигилизма

Статья Н. Леонтьева «Волхование и шаманство» остро ставит вопрос о современной народной поэзии и выгодно отличается от многих других статей, посвящённых этой теме. Про Н. Леонтьева не скажешь, что он пишет, «добру и злу внимая равнодушно», как это свойственно, к сожалению, некоторым рецензентам и критикам. Автор статьи «Волхование и шаманство» от всего сердца переживает вопросы современного народного искусства и от всего сердца убеждённо и страстно о нём говорит.

Но не только в этом достоинство статьи Н. Леонтьева. Автор своевременно и во весь голос сказал о тех уродливых явлениях в современной науке о народной поэзии, которые уже давно вызывают протест многих читателей и части специалистов. Искусственно вызванные к жизни с помощью некоторых фольклористов разного рода современные «бодрые, радостные плачи», «советские былины» и «советские волшебные сказки» ничего общего не имеют с подлинным народно-поэтическим творчеством советских людей, потому что невозможно выразить современное мышление в формах поэтического сознания, созданного феодальным обществом или обществом ещё более ранних общественно-экономических формаций. Естественно, что такие мертворождённые произведения всегда будут фальшивыми.

Н. Леонтьев доказательно и наглядно ниспровергает наукообразные утверждения тех фольклористов, которые священнодей-

ствуют, «исследуя» всякий словесный хлам, всевозможные стилизаторские упражнения, и выдают этот явный брзк за народную поэзию творчески одарённого русского народа. К сожалению, таких случаев немало, и становятся понятными и гнев и сарказм Н. Леонтьева, разящие горе-фольклористов. Poleмический «накал» статьи Н. Леонтьева — это горечь и досада на тех (в том числе и на себя самого), кто в течение двух, а то и более десятилетий, отгораживаясь от живой жизни, всячески мешал, тормозил развитие советской народной поэзии.

В этом смысле статья «Волхование и шаманство», разоблачая лженауку, вполне правильно предостерегает советскую общественность: «Бойтесь подделки». В этом — бесспорная заслуга Н. Леонтьева.

Однако там, где Н. Леонтьев от критики переходит к утверждениям и выводам, запутанный вопрос о современной народной поэзии не только не разъясняется, но ещё больше запутывается. Путём разного рода сомнительных, а порой и прямо неверных рассуждений и утверждений Н. Леонтьев тщится доказать, что «никакого советского фольклора — за исключением, может быть, части (какой части? — *Н.* и *Р.*) пословиц и частушек — как самостоятельной области советского искусства не существует...» Выше, на той же странице, кроме пословиц и частушек, в современном народном творчестве допущены автором «...поговорки, шутки и прибаутки, крылатые выражения».

Таким образом, Н. Леонтьев вынужден

признать и вновь нарождающиеся поговорки, крылатые выражения, и шутки, и прибаутки, и частушки. Уже один этот факт опровергает категорическое утверждение о том, что никакого советского фольклора не существует.

Ошибка Н. Леонтьева заключается в том, что он свои конечные выводы строит, игнорируя историю и теорию народнопоэтического творчества, в отрыве от живой жизни.

Прежде чем начисто «отменять» советское народнопоэтическое творчество, Н. Леонтьеву следовало бы обратиться, в-первых, к истории народной поэзии. Это раскрыло бы ему закономерности формирования и развития народнопоэтического творчества. Во-вторых, и это очень важно, не следовало пренебрегать теорией фольклора, чтобы познать природу и специфические особенности народной поэзии и её отличие от других видов искусства. В-третьих, следовало не перечёркивать того, что сделано в области истории изучения народной поэзии представителями передовой русской мысли, а творчески развивать традиции революционно-демократической науки о фольклоре, творчески осваивать и развивать высказывания А. М. Горького о народной поэзии. И тогда автору статьи стало бы ясно, что нигилистическое отношение к массовому коллективному устноисполнительскому искусству, искусству вечно творимому, является глубоко ошибочным.

Народнопоэтическое творчество, возникнув на заре человечества, развивалось во все последующие исторические эпохи как живое искусство трудовых масс. Оно всегда выражало большие народные идеи и представления, мировоззрение и душу народа.

Основным содержанием фольклора всегда была историческая деятельность народа: герой фольклорных произведений выступал как коллективный образ, носитель чувств и мыслей коллектива, единой социальной силы, а не индивидуальных судеб и характеров (Илья Муромец, Добрыня, Микла, сказочный Иван — крестьянский сын, лирический герой народных песен и т. д.).

Замечательно, что народная поэзия в основе своей всегда воплощала наиболее прогрессивные, ведущие идеи каждой исторической эпохи. Разные исторические эпохи — следовательно, разное историческое

сознание — создавали и разные формы выражения, соответствующие данному историческому сознанию. Так, например, в эпоху борьбы с монгольскими захватчиками русский народ создал замечательные патристические произведения — былины. В образах богатырей навечно воплощена воинская отвага и трудовая доблесть русских людей того времени, запечатлена вера народных масс в победу над внешними и внутренними врагами. Точно так же и все наиболее значительные события последующего времени нашли отражение в фольклоре. А. М. Горький отмечал, что именно народ в своих песнях и сказках наиболее объективно оценил прогрессивные стороны деятельности Ивана Грозного и Петра Первого. В исторических песнях о Разине и Пугачёве и в так называемых «разбойничьих песнях» ярко воплощены идеи социального протеста.

В силу своеобразия исторического развития России самой богатой, самой яркой по своей художественной выразительности, по силе социального звучания до конца XIX века была народная поэзия, которая создавалась в крестьянской среде. В ней нашли отражение революционные настроения и чаяния крестьянства, борющегося против крепостничества. При этом характерно, что в период наибольшего обострения социальных противоречий создавались всё новые и новые виды фольклора (сатирические сказки о барах, антикрепостнические песни, рекрутские песни и другие).

Начиная со второй половины XIX века, в России зреют новые силы, приведшие к третьему этапу освободительного движения — пролетарскому. К этому времени получает очень широкое распространение частушка, наиболее остро и активно откликающаяся на все события; частушка создавалась не только крестьянством, она во множестве рождалась на фабриках и заводах, на рабочих окраинах городов.

В девяностые годы начинает бурно развиваться рабочий фольклор. Характерно, что в XX веке до Октябрьской революции не создано новых видов, новых жанров крестьянского фольклора. Это, конечно, не значит, что крестьянское искусство не было действительно или что оно утратило значение национального искусства. Это означает, что в данный период в русской народной поэзии ведущие идеи выражала уже другая социальная сила — рабочий класс. Особую роль стали

играть (зарождение их относится ещё к XVIII веку) рабочие песни, очень быстро переросшие в революционные песни. Рабочими были созданы и устные сказы (по всей вероятности, тоже зародившиеся в XVIII веке). Отметим, кстати, что рабочие сказы академической фольклористикой игнорировались; они введены в литературу по существу только советским писателем П. П. Бажовым. Замалчивались, а иной раз и прямо отрицались как народнопоэтическое творчество и частушки, и рабочие песни, и революционные песни. Так цепок был не изжитый ещё по сей день предрассудок, будто под фольклором следует понимать лишь крестьянское искусство.

А между тем в развитии народной поэзии, особенно начиная с XIX века, активно участвовала и ещё одна сила — передовая русская литература.

Величие передовой русской литературы заключается в том, что она всегда боролась за ведущие идеи своей эпохи. Поэтому естественно, что русская литература включилась в народнопоэтическое искусство, выражающее идеалы и устремления угнетённого народа. Мы знаем и до сих пор поём много песен литературного происхождения, которые давным-давно стали всенародным достоянием — подлинно народными песнями. Ведь такие произведения, как, например, «Ревела буря, дождь шумел» Рылеева, «Вниз по Волге-реке» А. Шаховского, «Не осенний мелкий дождичек» Дельвига, «Ой, полна, полна коробушка», «Что так жадно глядишь на дорогу» и другие песни Некрасова, «Вот мчится тройка удалая» Ф. Глики, «Вечерний звон» Козлова, «Из-за острова на стрежень» Садовникова и множество других песен, созданных поэтами, приняты и «распеты» всенародно. Характерно, что песни литературного происхождения, ставшие подлинно народными, ярко отражают закономерности исторического развития. Если в XVIII и XIX веках такие песни были главным образом насыщены крестьянской тематикой, то с конца XIX века получает всенародное распространение литературная песня, тесно связанная с рабочим революционным движением: «Есть на Волге утёс» Навроцкого, «Славное море, священный Байкал» Давыдова, «Солнце всходит и заходит» Горького, «Смело, товарищи, в ногу» Радина, «Мы кузнецы» Шкулева, «Замучен в тяжёлой неволе»

Мачтета, «Вы жертвою пали в борьбе роковой» Архангельского, «Вставай, подымайся, рабочий народ» Лаврова и многие, многие другие произведения, получившие всенародное распространение, убедительно подтверждают нашу мысль.

Так шло развитие русской народной поэзии в различные периоды до Великой Октябрьской социалистической революции.

В советскую эпоху наряду с некоторыми жанрами дореволюционной народной поэзии (например, частушки, пословицы и поговорки, бытовые сказки, отчасти лирические песни и др., получившие дальнейшее развитие в советском фольклоре) создаются новые жанры. Одним из таких новых жанров, рождённых советской эпохой, ведущим современным жанром народнопоэтического творчества, бесспорно, является советская народная песня.

Исторической и социальной основой советского народнопоэтического творчества является наше советское общество, в котором нет классовых противоречий и которое состоит из двух дружественных классов — рабочих и крестьян — и советской интеллигенции, кровно связанной с рабочими и крестьянами. Поэтому для советской народной поэзии характерным является морально-политическое единство советского общества и самая передовая идеология советских людей — строителей коммунизма.

Морально-политическое единство советского общества является основой единства эстетического сознания.

В создании и развитии советского народнопоэтического творчества активно участвуют и рабочие, и крестьяне, и советская интеллигенция, в том числе и профессионалы — поэты и композиторы. Всенародное признание и распространение получают многие из этих произведений вне зависимости от того, созданы ли они в колхозной или рабочей среде, в самостоятельных коллективах, или написаны профессиональным поэтом в содружестве с профессионалом-композитором. Мы все поём «Катюшу», созданную поэтом Исаковским и композитором Блантером, и колхозную песню «За окном черёмуха колышется», и «Кантату о Сталине», написанную в самостоятельном рабочем коллективе культработником Инюшкиным, музыку к которой сочинил композитор Александров. В этом — первое принципиальное отличие советской народной поэзии от традиционного

фольклора, который в каждую данную историческую эпоху, выражая чаяния широких трудовых масс, являлся творчеством того класса, который обладал наибольшими революционными возможностями. Вторым отличительным признаком советского народно-поэтического творчества, особенно советской народной песни, являются качественно новые поэтические особенности её, основанные на творческом продолжении традиции крестьянской народной поэзии и традиций литературной, рабочей и революционной песни.

Итак, история русского народнопоэтического творчества показывает, во-первых, что, являясь искусством трудовых масс, фольклор наиболее интенсивно создавался и развивался в той социальной среде, которая обладала наибольшими революционными возможностями. В России такой средой почти до конца XIX века было крестьянство. Поэтому-то наш крестьянский фольклор так многообразен и богат. Затем ведущая роль в развитии фольклора перешла к рабочему классу и революционной интеллигенции.

Во-вторых, история русского народно-поэтического творчества показывает, что каждая историческая эпоха определяла, в соответствии со своим историческим сознанием, и разные художественные формы, создавала новые виды и жанры фольклора. «Новое время — новые песни».

В советскую эпоху фольклор — коллективное, массовое, устноисполнительское искусство — не отмер и не отмирает, как это кажется Н. Леонтьеву, а продолжает жить и развиваться, качественно меняясь в полном соответствии с новыми историческими и социальными условиями.

Поэтому, справедливо отвергая разного рода «советские былины», «советские волшебные сказки» и «бодрые, радостные современные плачи», не имеющие ничего общего с поэтическим творчеством советского народа, Н. Леонтьев, игнорируя исторические закономерности в развитии фольклора, пришёл к тем самым выводам, которые на протяжении полутора веков упорно насаждались буржуазной фольклористикой, то есть, что фольклор — явление пережиточное, не связанное с современной ему действительностью, что современного фольклора нет и быть не может.

А между тем хорошо известно, что и Радищев, и Пушкин, и революционеры-демократы: Белинский, Чернышевский и Добро-

любов, а в XX веке Горький, в противоположность утверждениям буржуазной науки о фольклоре, рассматривали народную поэзию как живое искусство народа, вечно творимое и теснейшим образом связанное с жизнью и бытом народа.

Другой причиной, приведшей Н. Леонтьева к ошибочным и вредным утверждениям, мы считаем игнорирование специфики народной поэзии, то есть тех особенностей её, которые выделяют фольклор из других искусств и определяют его как особый вид искусства.

Одним из аргументов, долженствующих утвердить торжество «концепции» Н. Леонтьева, объявляется поход против устности и как одного из признаков фольклора.

Не дав себе труда разобраться, что такое устность в применении к традиционному и современному советскому народнопоэтическому творчеству, спутав устность создания и распространения с устностью исполнения, Н. Леонтьев с апломбом поучает, что-де при всеобщей грамотности понятие устности звучит анахронизмом.

На первый взгляд такое утверждение может показаться правдоподобным и убедительным. Действительно, в наших условиях, при современных средствах художественного общения, устность создания и распространения фольклорных произведений вовсе не обязательна. Песня может быть написана (а так именно чаще всего теперь и бывает) и распространяется через радио, кино, эстраду, книгу и т. д. Но фольклорной может стать только такая песня, которая перейдёт в массовое устное исполнение, когда народ будет не только её воспринимать, слушать, но и сам станет её исполнять. А для этого песня должна обладать определёнными поэтическими особенностями и отвечать определённым художественным требованиям, которые и определяют фольклор как особый вид искусства.

Каковы же поэтические особенности народной поэзии?

В силу исторических и социальных условий в течение многих и многих веков народная поэзия создавалась, распространялась и исполнялась устным путём. Совершенно естественно, что условия существования искусства и художественные цели и задачи, служить которым оно было призвано, выработали и определённые художественные особенности, которые и формируют фольклор как особый вид искусства.

Фольклор — искусство широчайших трудовых масс, он был призван обслуживать самые широкие круги народа, он отвечал творческим потребностям народа жить в искусстве. Поэтому большое общественно-значимое содержание, обобщающее мысли и чувства широчайших народных масс, близкое и понятное каждому человеку, общенародность и общедоступность идей фольклорных произведений получили общенародность и общедоступность поэтических форм выражения, определяемых также и условиями существования народной поэзии.

Создаваясь, распространяясь и исполняясь в течение многих веков только устным путём, народная поэзия выработала свою поэтику, вытекающую именно из устности исполнения, поэтику, при которой вся система художественно-изобразительных средств и приёмов определяется устностью исполнения и содействует устному исполнению.

Понятно, что художественно-изобразительные средства и поэтические приёмы народнопоэтического творчества различны, как различны виды и жанры народной поэзии, что система средств художественного изображения не представляет собой какой-то окаменелости, раз и навсегда данной извечной формы.

Разные исторические эпохи, как известно, порождали и выдвигали свои ведущие жанры народной поэзии, обусловленные новым содержанием, определяемым социальными изменениями в жизни народа. В соответствии с этим изменялись и средства художественного изображения. Но самый метод фольклора, рождённый устностью исполнения и призванный содействовать устности исполнения, хотя и изменяется, но остаётся в силе и по сей день.

Характерная особенность фольклора, как традиционного, так и современного, заключается в том, что песня или сказка, поговорка или поговорка с наибольшей художественной полноценностью проявляется в момент исполнения. А исполнителем фольклорных произведений является всякий человек. Вряд ли есть такие люди, которые никогда в жизни не пели бы песен, не пользовались поговорками и т. п. Стало быть, фольклорные произведения, в отличие от произведений всех других искусств, представляют собой такое массовое творчество, в котором принимает самое активное участие весь народ. Самое активное участие в

том смысле, что каждый человек не только воспринимает искусство, но и сам исполняет, каждый раз заново воссоздаёт художественное произведение. Отсюда вытекает и коллективная природа народной поэзии.

Коллективность народной поэзии связана именно с тем, что фольклорные произведения исполняются устным путём. Горький понимал коллективность как следствие того, что народная поэзия живёт и движется «во времени и в пространстве». Он говорил о присоединении к «хорошему лучшего». Если понимать устность только как устность распространения, как это считает Н. Леонтьев, то такое понимание подразумевает пассивное отношение народа к искусству, только механическую передачу произведений из уст в уста. В таком случае не может быть и речи о шлифовке коллективом, вообще не может быть речи о полноценной жизни искусства. Если бы фольклорные произведения просто передавались от отца к сыну и от одной группы народа к другой, то фольклор надо было бы считать только реликтовым явлением, каким-то старым, неживым памятником, который при передаче всегда что-то теряет и доходит до нас как фрагмент, обломок древнего искусства. Так именно и рассматривала народную поэзию буржуазная наука. Но это неверно, это просто не соответствует действительности. Нет, коллективность народнопоэтического творчества выросла из устности исполнения, из вечного творческого активного вмешательства народа в жизнь своего искусства. Только творческое вмешательство народа, вечная и непрерывная шлифовка коллективом и создали из народной поэзии то большое национальное искусство, каким мы и воспринимаем фольклор.

Отрицая устность советского фольклора, Н. Леонтьев тем самым отрицает коллективную шлифовку советским народом художественных произведений.

Выступать против устности в советской народной поэзии, как это делает Н. Леонтьев, значит приписывать советскому народу творческую неполноценность, значит не признавать творческую активность, творческую одарённость народных масс.

В советскую эпоху народ получил самые широкие возможности художественного общения (книги, радио, кино и т. д.). Поэтому, естественно, устность создания и устность распространения искусства стали не обяза-

тельны, они являются теперь категориями историческими, но творческая активность народных масс, участие самого народа в искусстве, то есть возможность устного исполнения, воспроизведения, а не только восприятия художественных ценностей,— эти творческие потребности не только не отпали, а, наоборот, проявляются с новой силой. Это проявляется в громадном расцвете песенного творчества советского народа.

Поэтому возможность массового устного исполнения, без которой жизнь и развитие народной поэзии немислимы, является одним из главных признаков не только традиционного, но и современного советского народнопоэтического творчества. Это признак обязательный и постоянный для народной поэзии.

Всем этим объясняется наличие устойчивости композиционных и стилистических приёмов в фольклоре.

Устойчивые композиционные и стилистические приёмы как следствие коллективного, устноисполнительского характера народной поэзии, облегчают творческий акт, помогают легче запомнить и исполнить произведение, а не являются свидетельством традиционности, неподвижности народного мышления, как утверждала буржуазная наука.

Устойчивость поэтических приёмов как выражение творческого метода народной поэзии свойственна и традиционному и современному фольклору.

Само собой разумеется, что в нашей современной художественной практике этот метод получил другое наполнение, обусловленное другим историческим содержанием, но принцип, специфика его остались как формообразующее начало, формирующее фольклор как особый вид искусства, искусства устноисполнительского.

Приведём пример. Типичным для фольклора — и традиционного и советского — является приём повторов. Различные виды повторов играют весьма существенную роль, так как они несут очень важную смысловую нагрузку и в то же время помогают легче запоминать и исполнять произведение.

Для традиционного фольклора (былин, сказок), например, характерен приём троекратного повторения (три поездки, три богатыря, три подвига и т. д.) с постоянным нарастанием. В древности число «три» обозначало многократность, множественность

Следовательно, описанием именно трёх подвигов героя подчёркивался основной смысл произведения, подразумевалась множественность и трудность его подвигов. Таким образом, этот композиционный приём нес определённую смысловую нагрузку, подчёркивая ведущую героическую идею, усиливая эмоциональное воздействие, и в то же время облегчал запоминание и исполнение произведения, то есть отвечал возможностям устной жизни произведения. Вместе с тем этот приём выражал и поэтическое сознание, мышление своего времени.

Вполне понятно, что механическое перенесение такого приёма повторов, как троекратность, в современную народную поэзию с целью подчеркнуть ведущую идею произведения невозможно, ибо такой приём не соответствует нашему поэтическому сознанию.

Однако приём повторов, самых разнообразных, не исчез. Творчески обогащённый, в соответствии с новым сознанием и более богатой поэтической техникой, приём повторов широко применяется в современной поэтической практике. При этом очень характерно, что приём этот играет ту же самую роль, какую играл в традиционном фольклоре: подчеркнуть основную идею, усилить эмоциональное воздействие произведения. В то же самое время разнообразные повторы помогают запоминанию и исполнению произведения. Современная песня, развивая традиции старой народной песни, широко использует и создаёт новые многообразные повторы: повторение отдельных слов, отдельных строк, а иной раз и нескольких строк, припевы, куплетность (развивающийся текст на повторяющейся мелодии) и т. д. В нашей поэтической практике, в соответствии с новым поэтическим сознанием, фольклорные приёмы — повторы получают дальнейшее развитие, они обогащаются. Например, в песне М. Исаковского «И кто его знает» повторы не только подчёркивают, но и всё время развивают содержание, двигают сюжет песни.

1) И кто его знает,
чего он моргает.

2) И кто его знает,
чего он вздыхает.

3) И кто его знает,
зачем он теряет.

4) И кто его знает,
на что намекает...

Или в песне А. Суркова:

Припев:

- 1) Песня — крылатая птица —
Смелых скликает в поход.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берёт.
- 2) Смелый к победе стремится,
Смелым — дорога вперёд.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берёт.
- 3) Смелыми Сталин гордится,
Смелого любит народ.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берёт.

Примеров, показывающих, как творчески осваиваются и получают дальнейшее развитие типичные, необходимые для устного исполнительского искусства — фольклора — поэтические приёмы, множество. Советская народная песня использует и народную символику, и гиперболу, и постоянные эпитеты, и повторы, но обогащает, развивает их в соответствии с нашим поэтическим сознанием.

В связи с новыми условиями жизни изменяются и другие признаки, характерные для народной поэзии в прошлом. Одной из отличительных особенностей традиционного фольклора было наличие различных вариантов, создаваемых на один и тот же сюжет. В советскую эпоху вариантность для некоторых видов народной поэзии утратила свою обязательность, точнее — она утратила обязательность для песни. Дело здесь не только в новых способах распространения, закрепляющих текст в памяти народа, как пишет Н. Леонтьев, что, конечно, имеет определённое значение. Дело в том, что меняются и условия исполнения народной поэзии. Прозаические жанры требуют одного исполнителя, что даёт всегда возможность импровизации и свободы рассказывания. Кроме того, прозу гораздо труднее запомнить текстуально. Поэтому для прозаических жанров (бытовой рассказ, анекдот и т. д.) вариантность сохранилась и в наше время. Песни же теперь исполняются в иных условиях, чем раньше. Уже к XX веку, с тех пор как революционное движение стало бурно развиваться и приняло массовый характер, исключительно усилилось общение народа. Если раньше какой-нибудь вариант крестьянской песни обслуживал деревню, волость или губернию, то новые песни, особенно песни, выражающие

революционные настроения, стали исполняться и в городе и в деревне. А с момента революции песни стали приобретать поистине всенародный характер. Теперь они большей частью исполняются в большом коллективе, на демонстрациях, на массовых праздниках, в коллективном труде или при коллективном отдыхе и т. д. Такие условия требуют закреплённого текста. Советские народные песни выражают художественное сознание всего советского народа, а не одной социальной группы, что было характерно для традиционного фольклора, поэтому и исполняются всем народом. Исчезла разобщённость и социальная, и идеологическая, и эстетическая, появилось всенародное единство, определяющее возможность массового исполнения. А это вызывает необходимость закреплённого текста, чему средства распространения и призваны служить. Совершенно естественно, что радио, кино, книга и т. д. помогают запомнить песню, но это только средство для того, чтобы песня, как общенародное достояние, могла исполняться самыми широкими массами.

Кроме того, подвижность, изменяемость песенных текстов сдерживается и более сложной, более богато организованной мелодией, отвечающей новым эстетическим потребностям советского человека. Ритмическая, музыкальная организация песни, её новая стихотворная техника, почти обязательное присутствие рифмы также помогают закреплению текста.

Необходимо отметить, что уменьшение вариантности наблюдалось ещё в XIX веке. Многие песни XIX века дошли до нас уже почти в канонической форме. Например, для песни «Из-за острова на стрежень» первоосновой послужило стихотворение Садовникова. Эти стихи уже в XIX веке были приспособлены, видоизменены в песню, в соответствии с требованиями устного исполнения, и с тех пор, с момента превращения их в песню, изменились очень мало. Во всяком случае, если и существовали незначительные варианты этой песни в разных местах, то как общенародная русская песня она бытует уже давно и дошла до нас, как и многие другие песни, в одном или в нескольких очень близких вариантах. Этот процесс — сокращение, но не исчезновение вариантности народной песни — исключительно усилился в наше время.

Морально-политическое единство советского народа, единство эстетического созна-

ния в советском обществе создали такую почву для советского фольклора, при которой стало совершенно несущественным, кем из советских людей (колхозником, рабочим или интеллигентом) создаются произведения народной поэзии. Однако необходимо, чтобы они, во-первых, выражали общенародные идеи, представления и чувства, а не индивидуальные переживания (что возможно для профессиональной песни, для романа, стихотворения и т. д.) и, во-вторых, чтобы эти произведения отвечали возможностям массового устного, а не профессионального исполнения. Ни одно словеснопоэтическое или музыкальное произведение, каким бы оно ни было прекрасным и народным, не станет произведением народной поэзии, не фольклоризируется, если оно не обладает для этого определёнными свойствами, присущими устноисполнительскому, массовому, коллективному искусству — фольклору. Неважно, что эти свойства и особенности созданы сознательно композитором и поэтом (как это мы видим в советских массовых песнях, лучшие из которых становятся народной поэзией) или песня получила эти особенности в процессе бытования, — важно, чтобы она ими обладала.

В первом случае песня принимается и исполняется народом без изменения. Например, «Катюша», «За окном черёмуха колышется» и другие. Бывают же случаи и варианты, когда песня изменяется в соответствии с требованиями специфических особенностей фольклора — искусства устноисполнительского.

Такие изменения идут в нескольких направлениях. Например, сокращается большее количество строк или вводятся припевы. Иногда изменяется всего несколько слов. В «Землянке» А. Суркова в первой строке «Бьётся в тесной печурке огонь» изменены два слова, и песня поётся так: «Вьётся в дымной печурке огонь».

Для стихотворения слово «бьётся», конечно, лучше, оно очень свежо и точно, оно ярче передаёт лирическое переживание, но слово «вьётся» трудно для массового устного, а не профессионального исполнения. А слово «вьётся» удобнее петь, и оно потянуло за собой слово «дымной», так как оно

по смыслу легче сочетается с «дымной», а не с «тесной печуркой».

По тому же принципу в устном бытовании была изменена строчка в песне Е. Долматовского «Моя любимая». Первоначально каждая строфа кончалась рефреном «любимая моя». При массовом исполнении звуко сочетание м а я — м о я звучало нехорошо, и народ стал петь вместо «любимая моя» — «моя любимая».

Бывают случаи, когда в определённый момент народ берёт на вооружение песню, относящуюся к более раннему времени.

Уже на этих примерах (а их можно привести множество) мы видим, что изменения в народной советской песне идут по совершенно определённому принципу.

Иногда это — приспособление популярной песни к определённому историческому моменту, иногда шлифовка и уточнение образов, чаще же всего это — подчинение принятого материала законам народной поэзии как искусства устноисполнительского. Именно так и надо рассматривать вариантность в советском фольклоре. Поэтому современной народной песней мы считаем, например, «Землянку» А. Суркова с одной изменённой строчкой, принятой в таком виде и «распетой» всенародно, а не множество более слабых во всех отношениях других «Землянок», которые имели в своё время чисто местное и узкое значение и совсем не получили всенародного признания.

Советским фольклором становятся такие произведения, которые обладают общенародностью, общедоступностью содержания, основанного на коллективном историческом и трудовом опыте народа, и по своим поэтическим формам отвечают возможностям массового устного, а не профессионального исполнения.

Формы участия народа в искусстве меняются в зависимости от исторической действительности, но активная творческая жизнь народа в искусстве не только не исчезает в советскую эпоху, но принимает более массовый, общенародный характер. Поэтому и для советского фольклора ведущим началом остаётся коллективность, основанная на устности исполнения, хотя, естественно, формы её другие, чем, например, для классового общества. Советский фольклор существует, он живёт и развивается.

Д. ПЕРЩЕТСКАЯ

Фольклор советского времени

В № 8 за 1953 год журнала «Новый мир» помещена статья Н. Леонтьева «Волхование и шаманство», трактующая о фольклоре советского времени.

В своей статье Н. Леонтьев отводит и мне, как автору произведений советского фольклора, несколько десятков строк, вынося при этом суровый приговор. Н. Леонтьев отыскал, по его мнению, причину, исключаящую возможность существования фольклора советского времени. Это — «неразрешимые противоречия между старой формой и новым содержанием».

Но почему Н. Леонтьев считает старой формой только один былинный стиль? Разве стихотворная форма и прозаическая форма вообще, басня, сказка и т. п. являются более новыми формами литературного творчества? Возьмём как пример хотя бы басню. Эта форма литературного творчества появилась примерно за 800 лет до нашей эры. К тому времени, когда жил Крылов, эта форма насчитывала давность более двух с половиной тысяч лет. Однако такая давность не остановила Крылова, который имел тяготение именно к этой форме литературного творчества. И он создал гениальные произведения, наполнив эту древнюю форму современным ему содержанием, причём стариннейшая форма «в непримиримом противоречии с новым содержанием» не оказалась.

Правда, Крылов «подработал» эзоповскую форму. Но разве существует какалялибо форма литературного творчества, которая не подвергалась бы на протяжении веков целому ряду переработок и дальнейшему развитию в направлении к её усовершенствованию? Разве все стихотворные и прозаические формы остались такими же, какими были много веков тому назад? Ни в природе, ни в обществе нет ничего, что оставалось бы без изменений, остановилось бы в своём движении, в своём развитии. Таков один из основных принципов марксистского мирозерцания. Но если это так, то почему же Н. Леонтьев отказывает в этом свойстве былинному стилю как форме поэтического творчества и считает его какой-то застывшей, неизменной формой?

О том, что былинный стиль существует не как засушенное растение в гербарии, а живёт на своём корне полнокровной жизнью, свидетельствует и его история, из которой мы узнаём, что и эта форма подвергалась постоянной переработке соответственно новым обстоятельствам, а также влиянию личных взглядов певца. Некоторые из авторитетных учёных в этой области усматривают в отдельных былинах даже влияние сентиментальной литературы XVIII века. В содержании отдельных былин замечаются разновременные наслоения, смешение нескольких былин в одну, заимствование из одной былинны в другую. Какие изменения происходили в былинах, свидетельствует и та коренная переработка типа богатыря Алёши Поповича, которой подвергнулся он в более поздней редакции былинны по сравнению с первоначальной. «...Тип Алёши Поповича с течением времени всё более и более омрачается в духе тех отношений народа к слабым сторонам духовенства, из которых вытекала и пословица о загнувших руках и завидущих глазах», — писал Галахов.

При наличии указанных исторических фактов как можно так категорически утверждать, что былинный стиль как старая неизменная форма поэтического творчества не может отражать советскую действительность, находится с ней в непримиримом противоречии?

Здесь нет никакого противоречия, и советская действительность может быть правдиво отражена в несколько переработанном былинном стиле, как и в любой другой форме литературного творчества.

Каким же путём Н. Леонтьев старается убедить читателя в правильности своего взгляда на былинный стиль как на отжившую форму поэтического творчества? Приём его очень прост. Он берёт совершенно неудачное произведение фольклора советского времени и, указывая на него, говорит: вот смотрите, какое получается уродливое произведение, если при описании событий советского времени применять отживший былинный стиль.

Приведём пример. На странице 228 Н. Леонтьев пишет: «Немало людей бы-

ло введено в заблуждение фольклористами, пропагандирующими свои пагубные рецепты. Про жизнь и работу знаменитого изобретателя советского оружия Героя Социалистического Труда Дегтярёва его ровесник и товарищ из города Коврова считал единственно возможным говорить лишь в такой форме:

Непосредственные же начальники
Его часто компенсируют,
Компенсируют и премируют.
Живёт сокол в своём домике,
В комфортабельной обстановочке...»

Эту выписку Н. Леонтьев заканчивает следующими ироническими словами: «Искренне желая расстрогать читателя до слёз, автор до слёз его насмешил».

Но при чём же в приведённой выписке вообще былинный стиль? Разве любая другая форма поэтического творчества сделала бы это произведение талантливым, художественным? В любой форме оно всё равно осталось бы улюдком, литературным курьёзом.

И тут мы подходим ко второй основной ошибке Н. Леонтьева.

Качество и ценность литературного произведения определяются не формой, в которую оно облечено, а его талантливостью, художественностью.

Обратитесь ещё раз к нашим великим учителям. Пушкин, Лермонтов использовали для своих произведений все литературные формы — и во всех формах их произведения были гениальными. Форму же их произведений им подсказывало их художественное чутьё.

Здесь в вопросе о соответствии формы произведения его содержанию мы подходим к третьей очень серьёзной ошибке Н. Леонтьева в вопросе о фольклоре. Народное творчество облекает в былинную форму не всякий сюжет и не любой материал. Народные былины — это поэтически-символические рассказы о происшествиях, имеющих историческое значение или, в образе богатырей, отражающих характер и тип целого сословия, и всё это на фоне современных бытовых явлений. Народные

былины — это широкие художественные полотна, и для оформления их народ создал специальный стиль — эпически спокойный, величественный — и могучий народный язык.

Как же подошли к этому стилю и сам Н. Леонтьев и его бывшие, в недавнем прошлом, единомышленники? По собственному признанию Н. Леонтьева, эти фольклористы решили, что в былинном стиле можно оформлять любой материал и что суть этой формы народного творчества состоит в использовании «элементов языковой архаики, провинциализмов, уменьшительных словообразований и т. д.». В результате их проповеди явилось вовлечение в орбиту поэтического творчества людей и материалов, никакого отношения к нему не имеющих, и воспевание в их произведениях разных обывательских чаяний — домочков, обстановочек, премий, компенсаций и т. п. В антихудожественности этих произведений повинны люди, не понявшие суть былины как формы, особого характера содержания былины.

Приведённые выше доводы дают возможность сделать два вывода. Во-первых, былинный стиль не является какой-то неизменной формой поэтического творчества, — это такая же живая форма, как и другие формы литературного творчества. И, во-вторых, народом этот стиль создан для оформления не любого, а определённого материала, определённого содержания, и только при этих условиях он может быть одной из форм поэтического произведения.

Но разве современная советская эпоха не изобилует великими историческими событиями? Почему же героическая жизнь и борьба советского народа не могут служить темой для поэтических произведений в былинном стиле? Думается мне, что никакой другой стиль не сможет так отразить современную нам героику, как именно стиль былинный, потому что здесь величие темы соответствует величье формы, величие языка. Поэтому я считаю совершенно ошибочным мнение Н. Леонтьева.

В заключение хочу повторить, что форму произведения подлинному поэту всегда подскажет его художественное чутьё.

★

С. ВАСИЛЕНКО

За передовую науку о народном поэтическом творчестве

За многие века своей тяжёлой жизни, созидательного труда и освободительной борьбы трудящиеся массы создали великую культуру, отразившую их разносторонний опыт.

В народной культуре большую роль всегда играло искусство, являющееся образной историей человечества.

На протяжении многих веков мифы, сказки, песни, пословицы, поговорки были средством для сохранения и передачи от поколения к поколению общественного, производственного, художественного, житейского опыта людей. Долгое время они заменяли народу книги и школы, воспитывали определённые моральные устои, стремление к жизненным идеалам, доставляя в то же время эстетическое наслаждение.

Не случайно передовые люди всех стран и эпох высоко ценили и ценят народное творчество. Много внимания уделяли ему теоретики революционной демократии и близкие к ним художники, стремившиеся создать великое реалистическое народное искусство.

Карл Маркс рассматривал эпос античного мира, выросший на древнем народном мифотворчестве, как целую эпоху в мировой истории культуры, сохранившую на века значение великого художественного образца. Фридрих Энгельс указывал, что народная поэзия с её юмором и сатирой, с её художественной фантазией, отображающей существенные стороны общественной и личной жизни, может заткнуть за пояс значительную часть литературы. В. И. Ленин требовал, даже в трудные годы гражданской войны, чтобы было организовано собрание и изучение народного творчества, чтобы о нём писали статьи и книги. И. В. Сталин, высоко ценя познавательное, воспитательное и эстетическое значение народного искусства, рекомендовал кинорежиссёрам, композиторам, писателям, артистам шире и глубже использовать в их деятельности богатейшее художественное творчество народов СССР. В своих решениях по вопросам искусства наша партия не раз призывала художников как можно глубже осваивать достижения массового искусства.

За годы советской власти и в этой области мы добились значительных успехов, особенно в собирании и публикации материала. Но, к сожалению, эта часть нашего художественного наследия, а также современное непрофессиональное творчество народных масс всё ещё мало интересуют организации писателей, композиторов, художников, научные и учебные учреждения. В результате их невнимания такое важное государственное дело, как собирание, издание и исследование произведений массового художественного творчества, выполняется совершенно неудовлетворительно. Преподавание истории народного поэтического искусства в высших учебных заведениях попадает зачастую в руки мало сведущих людей, лишённых порою и художественного вкуса и даже интереса к искусству. Теоретизирование в этой области науки приняло какой-то странный, педантски-схоластический и одновременно произвольно-любительский характер. Не разборчивость учёных-специалистов в использовании теоретических традиций и нетребовательность этих учёных к качеству своих собственных аргументов серьёзно тормозят развитие подлинной науки о народном поэтическом творчестве. Среди пишущих о народном искусстве и о народности искусства царит разброд. Едва ли можно сейчас говорить о существовании единой концепции в этой науке.

Ещё встречаются «теоретики», пытающиеся доказать, что в советских условиях — даже теперь, в послевоенные годы, — продолжают развиваться все жанры дореволюционного фольклора в традиционной устной форме. Они утверждают, будто развиваются советские плачи, былины, волшебные сказки, устная драма. (Не хватало ещё поднять вопрос о развитии заклинаний и обрядового творчества!) Некоторые «исследователи» и сегодня ещё отождествляют «простонародность» с народностью в искусстве; для них народно только то, что бытует устно в массах, независимо от идейных и эстетических качеств произведения. Не случайно современная, в советских условиях расцветающая художественная деятельность масс всё ещё именуется «фольклором» — термином, которым называлось творчество патриархаль-

ной деревни, феодальной и ещё более древних эпох.

Для оправдания своих доморощенных «теорий» некоторые современные фольклористы занялись искусственным насаждением сказительства, объявляя творцами народных песен малограмотных людей, неудачников в литературе, пишущих в стиле «народной традиции», примитивно пародирующих великие образы народной поэзии прошлых времён.

Примером такого псевдонародного творчества являются многие произведения из сборника «Фольклор Советской Карелии» (Петрозаводск, 1947), в которых герои Великой Отечественной войны изображаются так:

Тут садится богатырь в скороходный ЗИС,
Да во ту ли то машину бронетанковую,
Да поехал-то в раздольице чисто поле,
Да по той-то дороженьке крестовой.

Такая архаизация формы вызывает у читателя не только заслуженное ироническое отношение к искусственным «произведениям» этого рода, но и совершенно заслуженную иронию к подлинному фольклору.

Фольклористы, искусственно насаждающие «современное сказительство», не понимают, что они пытаются поддержать отсталость и невежество, что в нашей социалистической стране, в стране, уже достигшей сплошной грамотности и осуществляющей всеобщее среднее образование, век сказительства давно и навсегда закончился. Они не понимают, что у нас любой человек, имеющий художественный дар, — если только он захочет над этим трудиться — может стать и становится поэтом, прозаиком, драматургом, не проходя предварительно этапа сказительства, не воспроизводя развитие эмбриона, начинающееся с доисторических форм.

Вредная «теория» и практика этих отсталых фольклористов (к сожалению, они ещё имеют престиж даже среди работников высоких научных институтов) могли существовать лишь в условиях, когда люди, занимающиеся исследованием современного массового искусства, погрузились с головой в свои мелкие цеховые вопросы и утратили интерес к подлинной народной жизни, к идейным и эстетическим запросам советских людей.

Георгий Хубов в статье «О песне» («Правда» от 8 февраля 1954 года) пока-

зал крайнюю вредность той практики, которая венчает «теорию» стилизаторства «под старину» и мнимую «народность». Он приводит пример:

«В грубо стилизованной частушке «То ли будет впереди» (слова О. Фадеевой, музыка М. Табачникова) авторы решили, между прочим, воспеть колхозный коровник. Были ли они в колхозе — неизвестно. Но их игривое воображение вылилось в форму самой беззастенчивой халтуры: «Мы построили палаты для коров и для телят. И душ, и паркет, радиолы только нет! Погоди, погоди, те ли будет впереди!»

Ясно, что в народе такие псевдонародные фальшивки могут вызвать только негодование. Но мало ли такой же продукции можно найти и в сборниках, составленных фольклористами под видом «народной поэзии»?

Теоретическим обоснованием псевдонародного творчества явился труд научных работников Института литературы Академии наук СССР «Русское народное поэтическое творчество» (М.—Л., 1952), выдающий суррогаты за перлы народной поэзии, оправдывающий мнимонаучными доводами фальсификацию народного искусства. Этот сборник подвергся справедливой критике в нашей прессе.

Среди статей и рецензий, возражавших против такой тенденции ещё до выхода этого сборника, представляет большой интерес рецензия М. Исаковского «Заметки об одной статье».

В 1951 году Всесоюзный дом народного творчества имени Крупской созвал в Москве слёт, который был назван слётом авторов современной народной песни. По этому поводу М. Исаковский пишет, что приехавшие на слёт «хорошие советские люди — рабочие, колхозники, учителя и т. п. — были поставлены, мягко выражаясь, в ложное положение. Всем им, так сказать, авансом было присвоено звание «творцов современной народной поэзии». Другими словами, их творчеству, во многом ещё слабому, несовершенному, сырому, заранее как бы уже дали наивысшую оценку, которая только возможна в нашей стране, ибо современная народная песня — это значит самая лучшая песня, самая совершенная, самая распространённая, самая любимая народом. Противоположное толкование понятия народности песни, по моему, невозможно, и оно было бы просто

оскорбительным для нашего народа». Далее М. Исаковский ставит вопрос: если эти начинающие поэты-самоучки будут учиться, приобретут в итоге умение, литературную квалификацию, «к какой же категории их отнести тогда?». Очевидно, они потеряют право называться авторами современных народных песен, поскольку станут профессоналами».

По примеру и под руководством Всесоюзного дома народного творчества имени Крупской многие периферийные дома народного творчества являются рассадниками псевдонародного творчества. Они не только не помогают развитию современной народной самодеятельности, росту подлинно народного искусства, но мешают осуществлению этого важного государственного дела, поддерживая отсталость и псевдонародность.

Горе-теоретики подходят к народному искусству антиисторически, не зная неслучайной для всякого марксиста истины, что содержание понятия «народность» изменяется вместе с ходом общественного развития и что изменяются и формы проявления народности. Они воспевают невежество, мнимонародное «творчество», не нужное нашему народу, и противопоставляют его подлинным достижениям советской литературы.

Такие «теоретики», видимо, забыли, как беспощадно высмеял И. В. Сталин в своём докладе на XVIII съезде партии людей, боящихся образования:

«Эти люди, — говорил И. В. Сталин, — оказывается, утверждают, что рабочие и крестьяне, недавно ещё работавшие по-стахановски на заводах и в колхозах, а потом направленные в вузы для получения образования, перестают быть тем самым настоящими людьми, становятся людьми второго сорта. Выходит, что образование — вредная и опасная штука. (С м е х.) Мы хотим сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными, и мы делаем это со временем. Но по взгляду этих странных товарищей получается, что подобная затея таит в себе большую опасность, ибо после того как рабочие и крестьяне станут культурными и образованными, они могут оказаться перед опасностью быть зачисленными в разряд людей второго сорта. (Общ и й с м е х.) Не исключено, что со временем эти странные товарищи могут докапаться до воспевания отсталости, невежества, темноты, мракобесия. Оно и понят-

но. Теоретические вывихи никогда не вели и не могут вести к добру»¹.

Наш долг — помогать народным массам овладевать современным искусством социализма, а не тянуть их назад, к феодальным формам фольклора.

К сожалению, в 1953 год принёс нам в этой области отнюдь не отрадные явления: инерция «сказительства» и его теоретического обоснования всё ещё не прекратилась. Поэтому нужной и своевременной была статья Н. Леонтьева «Волхование и шаманство», в которой автор убедительно выступил против апологетов старины, путаников и халтурщиков. В этом его заслуга. Он сумел обратить внимание деятелей литературы, музыки, а также многих тысяч читателей на вопиющие недостатки и ошибки, имеющие место в области собирания, изучения, издания, преподавания народного творчества и руководства им. Статья Н. Леонтьева вызвала споры, дискуссии, которые, несомненно, помогут навести порядок в этой области.

Однако при всех достоинствах этой статьи в ней есть серьёзный недостаток: автор, сильный в критической части, не решил некоторых, им же поднятых вопросов.

Так, бегло останавливаясь на характеристике советского народного творчества, Н. Леонтьев замечает:

«Дело в том, что никакого советского фольклора — за исключением, может быть (?), части (?) пословиц и частушек — как самостоятельной области советского искусства не существует... даже подвижная и гибкая частушка, — всё это большое хозяйство на глазах перестаёт быть устным и становится хозяйством литературным».

Из статьи Н. Леонтьева не ясно, что он понимает под советским фольклором: всё народное, массовое художественное творчество в целом, или ту его часть, которая подходит под те определения, которые были выработаны на основании старого фольклора. Противники Н. Леонтьева использовали его нечёткую формулировку по-своему, пытаясь поднять тревогу: Н. Леонтьев будто бы покушается на всё советское и дореволюционное народное творчество (хотя о последнем Н. Леонтьев в своей статье и не говорил), на всю науку о народном творчестве!

Весь этот шум прикрывает желание за-

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, стр. 648—649.

путавшихся фольклористов удержаться на своих эклектических позициях.

Дело не ограничилось шумом, вызванным опубликованием статьи Н. Леонтьева «Волхование и шаманство». Нашлись люди, которые, якобы присоединяясь к положениям этой статьи, ударились в другую крайность, тоже ей совершенно чуждую, и предложили тут же приступить к ликвидации фольклорных институтов и фольклорных секций при Академии наук, снять с издательских планов сборники народного творчества и исследовательские работы по народному творчеству, ликвидировать курсы в высших учебных заведениях. (Об этом очень много говорилось на конференции работников народного творчества, проходившей в Ленинграде 16—21 ноября 1953 года.)

Естественно, что решение серьёзнейших вопросов, вставших сейчас перед наукой о народном творчестве, — дело большого коллектива. Было бы несправедливо упрекать Н. Леонтьева в том, что он не выполнил всю эту работу один. Не возьмём на себя теоретическое разрешение всей задачи и мы. В рамках нашей небольшой статьи мы стараемся, однако, поставить на обсуждение и хотя бы отчасти осветить некоторые из вопросов народного словесного искусства, которые нам кажутся актуальными.

Правильной постановке научных вопросов серьёзно мешает отсутствие чёткого определения самого предмета данной науки, её специфики и метода исследования.

Неопределённость видна уже в названии науки. Определение «фольклор», установившееся в XIX веке, расплывчатое само по себе, обросло вдобавок теоретическими догмами, которые не выдерживают научной критики.

Во многих работах наших исследователей фольклор не мыслится без следующих, будто бы неизменных черт, постоянных для всех эпох: устное бытование, анонимность, коллективность творчества, традиционность поэтики, вариантность. Если в произведении отсутствует хотя бы одна из этих черт, значит это уже не народное произведение. Народность произведения в данном случае определяется не его идейным содержанием, а внешними, формальными, привходящими и притом древнейшими чертами.

Отстаивать такую точку зрения (если даже говорить лишь о явлениях прежних

эпох) нельзя было, не закрывая глаза на ряд известнейших литературных народных произведений, не имеющих всех перечисленных черт. Это антинаучное определение народности искусства, выработанное буржуазными «теоретиками», было направлено по существу против усилившегося в XIX веке сближения демократической литературы и других искусств с народным художественным творчеством. Выступая против этой формалистической точки зрения, Белинский писал: «Вопрос о народной поэзии... сливается с вопросом о народности поэзии». Белинский здесь выдвигает, во-первых, важнейший признак народности искусства: народность содержания, который формалистской фольклористикой сознательно игнорировался. Во-вторых, Белинский сближает здесь поэзию народа с произведениями прогрессивной литературы, стоявшей на высоте передовой идейности и защищавшей интересы народа, а не отъединяет старательно народное творчество от литературы, как это делали и делают формалисты и начётчики.

Но если слепое следование за указанными выше догмами ставило формалистическую фольклористику в противоречие с фактами прошлой истории, то при встрече с фактами народного искусства советской эпохи исследователь-формалист оказывается не только бессильным, но и смешным.

Для советского народного поэтического искусства уже явно нетипичны устность и анонимность: сочинения Джембула, Сулеймана Стальского и других сказителей, акынов, жирши уже бытуют не анонимно, не в устной форме, а записываются и печатаются, как их собственные, личные, именные литературные произведения; народные певцы более молодого поколения, дожившие до настоящего времени и овладевшие грамотой, сами создают свои произведения именно как литературу. Поэтому некоторые из фольклористов, цепляющихся за отжившую догму, но вынужденных делать уступки современности, решили, наконец, отказаться от признаков устности и анонимности. Но они всё ещё настаивают на том, что традиционность и коллективность творчества выдержали испытание истории и сохранились вплоть до наших дней как главные определяющие черты советского народного творчества. Особенно настаивают они на тезисе о коллективности творчества.

Это ошибочное, формалистическое, анти-историческое воззрение лежит в основе почти всей существующей учебной литературы, а также указанного выше труда ленинградских фольклористов и многих других работ с народным творчеством. Но такая «поправка на современность» не спасает от краха устаревшую концепцию фольклористов. Новое идейное содержание, новые художественные формы, новые способы сочинения и распространения творчества решительно опровергают не только устность, анонимность, но и коллективность, а также формально понятую фольклористами традиционность, как признаки советского народного искусства. Общеизвестно, что почти все современные песни являются личным литературным творчеством профессиональных и непрофессиональных поэтов и музыкантов.

Таким образом, если под современным «фольклором» Н. Леонтьев понимает устное, анонимное, коллективное, традиционное и т. д. творчество народа, то он прав: действительно, в наших условиях такого рода произведений создаётся сравнительно немного (небольшое количество новых пословиц, часть советских частушек, некоторые песни, остроты). Эти образцы коллективного творчества занимают очень небольшое место среди богатейшего индивидуального народного искусства, развивающегося в литературных формах. Но если называть «фольклором» всё современное художественное творчество непрофессионалов, включая сюда разнообразные формы художественной самодеятельности, то, отрицая большое значение этих явлений, пришлось бы сделать явно ошибочный вывод об узости у нас круга творческих людей, об ослаблении народного творчества в советских условиях. На самом деле народное творчество бессмертно, как бессмертен сам народ, и творчество советских народов не только не ослабевает, а, наоборот, непрерывно развивается и расцветает в своих новых формах.

Из сказанного видно, что устаревший термин «фольклор», не вполне пригодный и до революции, стал совершенно неприложимым к народному творчеству в советских условиях. Его надо ограничить или заменить более подходящим определением.

Термины «народное творчество», «народное искусство» также чересчур широки. Они охватывают такие его области, как поэ-

тическое творчество, музыка, танец, вышивка, резьба, керамика и прочие виды народного творчества, имеющие свои особенности, различную роль и различные пути развития в наши дни. Область, о которой говорится в настоящей статье, целесообразнее назвать народное поэтическое творчество, а науку о нём — наукой о народном поэтическом творчестве. И наука эта должна быть частью литературоведения (а не этнографии).

Почему мы останавливаем внимание читателя на этом вопросе? Потому, что допускающий любые толкования термин «фольклор» даёт простор для всякого рода искажений и реакционных попыток изъять из предмета исследования самое существенное в нём — народную идейность (см. об этом статью Л. Земляной «Реакционная англо-американская фольклористика», «Новый мир», 1953, № 11) или ведёт к тому, что народная поэзия отдаётся под опеку этнографии. Этнографов же в народной поэзии интересует преимущественно быт, обычаи народа; вне поля зрения этнографов часто остаётся даже идейное содержание народных произведений, не говоря уже об их эстетической стороне, которая почти никогда этнографами не учитывается. Данные этнографии очень важны для изучения истории народного искусства; немислима и этнография без исследования народного творчества. Но при всём этом этнография и художественное творчество — две совершенно разные области.

Изучение, скажем, любого из предметов русской литературы XIX века невозможно без знания гражданской истории каждого периода, без знания идеологической борьбы, характерной для него, без достаточного конкретного представления о движении других областей культуры того времени. Но это, однако, не заставляет нас сливать историю литературы с гражданской историей или растворять специальные задачи истории литературы в общих задачах истории культуры.

Изучение поэтических произведений народа может быть плодотворным лишь тогда, когда их рассматривают как основу и часть истории литературы. В наших древнейших литературных памятниках (которые, конечно, принадлежали перу наиболее образованных и передовых людей своего времени) выражались некоторые, по крайней мере, характерные черты исторического прогрес-

сивного мировоззрения, отражавшего стремления широких народных масс; в этих произведениях запечатлелись народные идеи, обычаи, верования, народные способы мышления. Нельзя не заметить и того, что в народном эпосе, отразившем события более позднего, скажем, XVII века, уже присутствует сложный и двойственный взгляд на историю, что возвеличение великой общенациональной роли героев не заглушает там показа тяжёлого положения эксплуатируемого народа (что, заметим, лишает всякого научного обоснования так называемую «аристократическую» теорию фольклора).

Всё это блестяще показано в ряде работ члена-корреспондента Академии наук СССР Д. С. Лихачёва.

В русской литературе XVII века (которую, по странному недоразумению, многие, даже по-настоящему учёные наши историки литературы, следуя устарелой периодизации, продолжают включать в курсы «древнерусской литературы») и ещё больше в литературе XVIII—XIX веков мы находим уже сознательное обращение передовых писателей к изучению и освоению непосредственно народного творчества. Эти писатели, осознавая подлинные нужды народа, вырабатывая идеи, которые помогли бы найти путь к изменению общественного строя в интересах народа, питали свою мысль изучением народной жизни, народного языка, народных обычаев. В произведениях таких писателей мы найдём также отражение народной критики тех противоречивых форм, в которых неизбежно осуществлялся прогресс в классовом обществе, и критику отсталых черт и антинародных тенденций в самом народе («не всё в народе народное», — писал Добролюбов).

Великие русские писатели всегда учились у народа; но они рассматривали себя не только как учеников, но и как учителей народа. Они собирали и творчески использовали устные художественные произведения народа и своим подлинно народным искусством обогащали, двигали вперёд всё дело развития народной культуры России. Вот почему нельзя глубоко изучить устное народное творчество, скажем, XIX века, не зная передовой, демократической литературы этой эпохи, и, наоборот, нельзя вполне познать передовую литературу XIX века, не изучая народной основы этой литературы.

Таким образом, история поэтического творчества народа, изучаемая как основа и органическая часть истории литературы, выдвигает множество сложных, но чрезвычайно важных и плодотворных теоретических и конкретно-исторических проблем. Некоторые из специалистов по народному творчеству этих проблем чуждаются, чем приносят большой вред изучению и научному преподаванию народного поэтического творчества и литературы.

Антиисторизм — коренной порок старой фольклористики — даёт себя сильно чувствовать в трудах многих современных специалистов данной области.

Из-за теоретической беспомощности фольклористов кажется трудно преодолимой коренная ошибка, внесшая столько путаницы в вопрос о «фольклоре советской эпохи». В самом деле, как можно в этом явлении разобраться, если, обращаясь к народному творчеству предыдущих эпох, исследователи вносят в понятие «народ» те черты, которые выработаны лишь в социалистическую эпоху, а обращаясь к творчеству советского народа, навязывают ему, как исконные и вечные, те исторически переходящие формы культуры, которые были неразрывно связаны с общественным строем прежних времён?

И. В. Сталин, подчёркивая исключительную важность исторического подхода к общественным явлениям, писал: «Всё зависит от условий, места и времени.

Понятно, что без такого исторического подхода к общественным явлениям невозможно существование и развитие науки об истории, ибо только такой подход избавляет историческую науку от превращения её в хаос случайностей и в груды нелепейших ошибок»¹.

Марксистский принцип исторического подхода к общественным явлениям целиком относится к науке о народном творчестве.

Антиисторический, по существу формалистический подход к материалу был одним из крупнейших недостатков в анализе и преподавании народного поэтического творчества до последних лет. Вузовские курсы, как правило, строились по жанровому принципу. Песни, сказки, былины изучались главным образом с их жанровой стороны, причём жанры толковались без должного учёта жизненного материала и идейного содержания.

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 105.

ния произведений, их исторической эволюции, общественного и художественного значения.

Изучение жанра делалось главной проблемой курса, а самый жанр рассматривался как нечто раз и навсегда установленное, неизменное. При таких условиях неизмеримо преувеличивалась роль так называемой «традиции» (тоже понимаемой антиисторически и формально) и недооценивались качественно новые черты в идейном содержании и поэтических средствах народного, в частности устнопоэтического, творчества. Жанры изучались не в пределах определённых исторических эпох, не в связи с историей народа, а в отрыве от истории, что неизбежно вело к затуханию обществено-политического и художественного значения народного поэтического творчества на разных ступенях исторического развития.

Только в 1949 году появилась вузовская программа Московского государственного университета по народному поэтическому творчеству, построенная по историческому принципу. С этого времени преподавание этой дисциплины начали строить по историческим эпохам с сохранением внутри эпох типичных для них жанров. Но ещё во многих случаях «исторический принцип» остаётся в наших вузах лишь чем-то вроде внешних хронологических рамок, внутри которых преподаватели продолжают излагать конкретный материал на старый формально-жанровый лад.

Жанровый принцип лежит также в основе многих исследовательских работ, в которых формальные проблемы жанра, роль традиции стоят в центре внимания, а идейные и художественные особенности, общественная роль народного творчества, его качественно новые для данной эпохи черты либо совсем обходятся, либо о них говорится вскользь, как о чём-то второстепенном.

Антиисторизм, слепое преклонение перед традиционными поэтическими формами неизбежно ведут некоторых исследователей и преподавателей народного творчества к воспеванию отсталости, о чём уже говорилось выше. Как это ни печально, приходится признать, что многие из наших современных фольклористов, всячески опровергая Ф. И. Буслаева, не разобрались в реакционной сущности его теорий и, не зная даже, откуда они сами черпают свои взгляды, до сих пор повторяют его предрассудки, модер-

низуют их, стараясь силой вогнать в узкие и окостенелые рамки необъятное живое творчество советских людей.

Ещё в условиях капитализма вместе с ростом промышленного пролетариата и изменением классовой структуры деревни, вместе с политическим и культурным ростом трудящихся народное творчество изменяло своё содержание, утрачивая старые формы и жанры. Нарождалась революционная песня, частушка, приобретала новое значение пословица, начинали отмирать заговоры и обрядовое искусство; всё больше и больше ограничиваются возможности для устного бытования эпоса, особенно былины¹, которые к концу XIX века уцелели лишь на севере России. С другой стороны, старые образцы народного поэтического творчества, всё более и более проникая в печать, получали более широкое распространение в народе уже в качестве чтения, литературы. Новые же, записываемые фольклористами тексты представляли собой в конце XIX — в начале XX века в значительной части либо индивидуальные варианты усвоенных на слух произведений устной («фольклорной») или письменной (профессиональной) литературы, либо индивидуальные оригинальные сочинения певцов, сказителей, в той или иной мере использовавших элементы и формы старинного народного творчества. Это искусство, производимое непрофессионалами, поэтами из народа, уже переставало быть в значительной своей части устным, анонимным, коллективным²; оно бытовало и развивалось в двух формах — в устной и в литературной, причём вторая имела ясно выраженную тенденцию к расширению, а первая — к сокращению.

Но в дореволюционное время устность, коллективность, традиционность и прочее были типичными (но лишь формальными) чертами народной (по существу крестьянской) поэзии.

В советских условиях произошли коренные изменения в классовом составе народа, в его общественном положении, в его политическом и культурном развитии. Советский

¹ Былины — жанр, типичный для эпохи раннего феодализма; не случайно в них не отражалось массовое крестьянское движение, не говоря уже о движении рабочего класса.

² Ярким примером этому служит творчество рабочих поэтов, создавших много широко популярных в конце XIX и начале XX века революционных песен.

народ состоит из рабочего класса, крестьянства и народной интеллигенции. Советские рабочие и крестьяне прошли школу трёх революций, школу социалистического строительства, ликвидировали свою отсталость и стали культурными людьми. Сама жизнь тесно сблизила литературу и массовое творчество трудящихся. Соответственно изменяются понятия «народного искусства» и «народности искусства».

Поэзия Маяковского, Исаковского, Твардовского, Суркова не менее, а во много раз более народна по содержанию и по популярности, чем любая коллективная частушка, песня, сказка.

В советских условиях народное искусство достигло огромного, ещё невиданного развития. Но народное искусство не стоит на месте, оно растёт вместе с народом. Вот почему отдельные жанры и формы народного творчества, игравшие прогрессивную роль в прошлом, теряют свою силу или становятся невозможными на более высокой ступени развития.

Общезвестно, что в советских условиях постоянно нарождаются и порой долго живут создаваемые непрофессионалами произведения песенных жанров (особенно частушки), поговорки, остроты, шутки, рассказы о трудовом и воинском героизме советских людей, встречаются злободневные пародии на литературные произведения и на старые песни, многочисленные переделки литературных произведений и др. Их идейная и эстетическая ценность, их общественное и эстетическое значение различны, но они существуют — это неоспоримый факт. Однако признание этого факта ставит целый ряд вопросов перед всяким, кто не останавливается на констатации, а хочет дать себе отчёт в сущности происходящего.

Запоздалые проповедники устности, коллективности и прочего ссылаются на существование «народных» обработок стихов, написанных А. Сурковым, М. Исаковским и другими поэтами. Но можно ли привести убедительные примеры, когда такие «варианты» носят не случайный и единичный характер, а имеют массовое распространение и выражают какую-то действительную потребность, которую первоначальный литературный текст не удовлетворил? Можно ли указать примеры анонимной, массовой, коллективной шлифовки этих произведений, повышающей их идейную и эстетическую ценность? Иногда (не часто) можно

говорить об улучшении отдельных выражений, эпитетов в песнях в процессе их распространения в массах; но часто мы встречаемся с обратным процессом — с искажением, ухудшением хороших литературных песен. Ясно, что это нельзя назвать коллективной шлифовкой. Самая нужда в массовом редактировании одного и того же произведения давно отпала.

Почти все материалы такого рода, в сущности, находятся за пределами искусства и могут лишь служить для теоретических упражнений людям, которые, рассудку вопреки, по старинке поклоняются «вечной вариантности», «святому завету предков» (Буслаев). Сплошь да рядом читатели «вариантности» попросту берут на учёт отдельные искажения, вкрадывающиеся в текст при исполнении или переписке из-за недостаточной грамотности или внимательности исполнителей. Они старательно разыскивают неграмотные пересказы хороших произведений и объявляют эти «варианты» (якобы созданные «коллективной шлифовкой») новаторством, вершиной советского народного искусства. Так, в книге «Русское народное поэтическое творчество» (издание Академии наук СССР, М.—Л., 1952) в разделе «Черты новаторства» в качестве удачного образца «вариантности» — как пример массовой шлифовки песни А. Майкова «Пахнет сеном над лугами» — приводится следующий новый рефрен к этой песне:

Косилка, молотилка,
Сортировка новая,
Ну-ка, ну-ка, подмигни-ка,
Моя чернобровая,
Ай да люли,
Ай да люли,
Красное знамя
У нас впереди.

И это издаётся под маркой Академии наук СССР!

Вот другой пример такой же халтуры, выдаваемой некоторыми фольклористами за классический образец «вариантности», «массовой шлифовки». На этот раз новоявленная сказительница советских рун Михеева попыталась создать новый вариант героя Калевалы — Илмаринена — создателя чудомельницы Сампо, дающей муку, соль и деньги. Советский инженер в образе Илмаринена создал новое Сампо — стального коня, то есть трактор, у которого

Из ноздрей огонь был виден,
А из пасти искры взвились.

Пора отбросить все эти несерьёзные попытки отстоять, хотя бы частично, «фольклорную» точку зрения на художественное творчество советских людей.

Пора перейти к добросовестному изучению реальных фактов. Тогда нельзя будет не признать, что самым мощным источником является не «устное бытование», не «устное распространение» песен, частушек, стихов в нашей стране, а радиовещание (причём по радио даются от времени до времени уроки разучивания новых песен, чтобы, по возможности, предохранить слушателей от невольной «доработки» недослышанного). Вторым источником, мало уступающим радио, являются кинофильмы, фестивали, концерты, выступления профессиональных и самодеятельных исполнителей, а также и творцов народного искусства.

Ясно, что «коллективность» творчества — это теперь сознательная и организованная работа художественных коллективов, что, пусть в таком коллективе участвуют триста человек (большой хор), всё равно здесь принципиально (да и количественно) нельзя найти ничего общего со стихийной коллективностью, в условиях которой шлифовались фольклорные произведения до революции.

И, заметим, все эти способы якобы «устного» и «коллективного» творчества служат, в основном, способом распространения, а не создания, исполнительской реализацией произведений, написанных на бумаге, отпечатанных в типографии и получающих первоначально распространение в этом литературном виде (а также в высокотехнической форме радио и кино).

Наиболее подвижной формой, допускающей быстрое обновление, в зависимости от злободневных событий (и иногда каких-нибудь замечательных явлений местного порядка), является частушка, импровизируемая во время народных увеселений. Этот жанр требует постоянного к себе интереса, его образцы следует собирать; но и здесь всё наиболее ценное, общезначимое отбирается не в течение десятилетий, а немедленно знатоками дела и распространяется обычным у нас путём. Конечно, массы иной раз не соглашаются со специалистами и не поют того, что им рекомендовано... Но разве не случается того же с романами и поэма-

ми, которые читаются массами с различным интересом?

Так обстоит дело теперь. Но всегда ли, начиная с Октября 1917 года, это было так?

К советскому народному художественному творчеству тоже надо подходить исторически. В период гражданской войны и в первые годы после неё трудящиеся нашей страны в своей массе были неграмотными или малограмотными, что мешало им пользоваться литературой и, тем более, активно участвовать в её создании. Естественно, что в то время пробуждённая революцией творческая энергия широчайших народных масс проявлялась в большей мере в устных формах. К сожалению, апологеты старины и путаники, гонявшиеся за «вариантами» плачей и былин, помешали как следует записать и опубликовать эту важнейшую часть творчества наших народов.

На том первом историческом этапе новое творчество шло различными путями: возникали стихи и рассказы, полностью проникнутые новым мировоззрением и выраженные языковыми средствами и образами своего времени; но одновременно использовались (главным образом в тех сельских районах, где наиболее сильны были пережитки патриархальности) также старые и даже архаические формы, новые идеи иной раз причудливо сочетались с пережитками старых воззрений. Произведения последнего рода имели познавательное значение как живое свидетельство о путях, которыми шла перестройка сознания во всех слоях населения, а подчас имели и известную живую художественную ценность; их нельзя ставить в один ряд с теми псевдоэпическими, архаизированными «новинами» и «сказками», которые искусственно «организовывались» или культивировались фольклористами в годы, когда в деревне победил колхозный строй и грамотность широко распространялась в народе.

Важную общественную литературную роль играли старые формы народного творчества в первые годы советской власти у тех народов СССР, которые лишь после Октября создали свою литературу. Но и у этих в прошлом отсталых народов с развитием социалистической культуры происходят те же процессы, которые мы наблюдаем в советском искусстве русского народа.

Творчество Джамбула, Сулеймана Стальского и других талантливых сказителей, связанных со своим народом, расцвело под влиянием нового общественного строя, новых идей, которые принесла социалистическая революция. Они не просто применили традиционную форму старой восточной поэзии к новому содержанию: они положили начало преобразованию в советском духе старых художественных традиций, начало созданию новой поэзии. Благодаря Эффенди Капиеву мы знаем, что Сулейман Стальский сознательно ставил себе такую задачу. Таким образом, эти народные певцы должны рассматриваться не только как последние представители старого народного искусства, но и как зачинатели, основоположники нового, советского искусства своих народов.

Всем известно, что в прошлом отсталые народы проходят, с помощью передовых братских народов и в первую очередь русского, ускоренный путь культурного развития. Могут ли ещё возникнуть там, в народной гуще, произведения, сложившиеся так же, как они обычно складывались в дореволюционное время? Такой вопрос не следует разрешать с предвзятой точки зрения. Быть может, у некоторых народов ещё сохранились кое-какие условия для создания нового народного творчества в его старых формах, хотя у них уже есть и с каждым годом крепнет вполне современная литература. Можно, однако, с уверенностью сказать, что фольклорист, который попытается у них искусственно «организовать» архаико-современные гибриды, сделает недоброе дело и не даст народу подлинных ценностей. Даже у наименее культурно развитых советских народов линия художественного роста давно определилась вполне отчётливо: она ведёт к овладению высшими формами современной художественной культуры.

Не значит ли это, что отныне художественное творчество должно полностью перейти в руки одних лишь специалистов, профессионалов?

На этот вопрос уже ответила сама жизнь.

Министр культуры РСФСР тов. Зуева в своей статье «Народные таланты» («Правда» от 12 января 1954 года) писала: «В сёлах Российской Федерации работают 120 тысяч драматических, хоровых, музыкальных, хореографических коллекти-

вов и агитбригад, объединяющих свыше полутора миллионов тружеников села. В профсоюзных клубах и домах культуры страны насчитывается 125 тысяч кружков художественной самодеятельности... Сотни тысяч певцов ежегодно участвуют в городских, районных, сельских праздниках песни».

Это только в РСФСР. Число кружков и их участников для всей страны будет, конечно, большим.

Но так как этот новый вид народного искусства шире задач и возможностей так называемой фольклористики, то ни научным исследованием, ни руководством этой областью специалисты по народному творчеству не занимаются. Эта поистине массовая форма художественной культуры нуждается в квалифицированных кадрах, подготовке которых пока что уделяется мало внимания в наших вузах. Повидимому, больше всего в этой области отстаёт литература.

Трудно себе представить музыканта, работающего в научно-исследовательском учреждении или в соответствующем кабинете консерватории, который, приехав в деревню для записи мелодий, не мог бы помочь в организации самодеятельного хора, оркестра, не дал бы полезных советов начинающему певцу или инструменталисту, не заинтересовался бы наиболее музыкально одарёнными людьми, которым надо указать пути к систематическому обучению — может быть, в конечном счёте, к профессионализации. Такую же работу, конечно, может выполнить и выполняет всякий работник хореографического искусства, изучающий народные танцы. Но лишь редкий фольклорист способен помочь участникам самодеятельности и начинающим писателям.

Мы не воспитываем у наших студентов, изучающих фольклор, интереса к живому народному искусству, мы не даём им достаточных знаний в этой области. Многие преподаватели народной поэзии не могут помочь своим молодым слушателям развить своё понимание живого искусства, сделать их полноценными массовыми литературными деятелями. На филологических факультетах и литературных отделениях, где изучается этот курс, зачастую заставляют молодёжь заучивать не имеющий никакой цены псевдофольклор, но не готовят её к участию в народной самодеятельности, в современном литературно-массовом процессе.

Студент, оканчивающий вуз, знает мифологическую, бенфеевскую, историческую и прочие школы, сюжеты сказок и былин, но не в состоянии возглавить даже школьный кружок, хотя и готовится быть работником средней школы. А ведь в самостоятельных кружках работа усложняется ещё тем, что там большое значение имеют синтетические формы, в которых слово сочетается с музыкой, сценическим действием, танцем.

У нас нет пособий, которые хотя бы отчасти помогали расти участникам самодеятельности и начинающим писателям.

На этом вопросе надо несколько остановиться.

Многие из наших выдающихся писателей создали свои первые произведения, читаемые всей страной, в то время, когда работали в других, нелитературных профессиях, и лишь позднее интенсивная творческая работа потребовала от них, чтобы они сосредоточили все свои силы на литературе. Не профессиональные писатели — это среда, из которой в наших условиях постоянно пополняются ряды мастеров литературы.

Но не только в этом общепризнанная роль «непрофессиональной литературы»: литературные кружки готовят в процессе коллективного изучения литературы и совместных обсуждений творческих опытов квалифицированных сотрудников местной печати, корреспондентов в центральную печать, инициативных и знающих читателей, широко пропагандирующих достижения нашей литературы, помогающих её развитию своей вдумчивой критикой. Это представители той массовой культурной среды, которая необходима для постоянного повышения уровня всей нашей литературы, вплоть до творчества её лучших мастеров.

Эта роль литературных кружков если и не всеми достаточно понята, то во всяком случае признана. Есть, однако, ещё одна важная сторона дела, на которую не обращено достаточно внимания. Множество талантливых людей, обладающих большим запасом жизненных наблюдений, имеющих интересные мысли, не владеют даром или умением создать цельное литературное произведение; быть может, работая в другой области, они намного большего умения и не приобретут. В рассказах, воспоминаниях, записках таких авторов бывают замечательные находки, которые пропадают бесследно, — нельзя ведь печатать слабую, неслаженную повесть только потому, что в ней

есть хотя бы даже очень интересный эпизод или глава!

Нам представляется возможной и полезной кропотливая работа по составлению от времени до времени сборников, где помещались бы такие отрывки, интересные эпизоды, если в них есть некоторая законченность и самостоятельный интерес. Может быть, в состав этих сборников могут входить обзорные статьи, обобщающие наблюдения квалифицированного писателя, критика над целым рядом таких частичных достижений непрофессиональных писателей и включающие наиболее яркие примеры (главы, эпизоды, лучшие рассказы, сказы, стихотворения, критические замечания читателей). Такие работы будут знакомить нашу общественность с массовой активностью в области литературы и окажут известную помощь литературным кружкам и самодеятельности.

Кто может выполнить эту работу? Дома народного творчества не имеют ни достаточно подготовленных работников, ни материальных ресурсов. У книжных и журнальных издательств есть свои задачи, и они могут лишь в окончательной стадии заняться подготовкой к печати предложенных им сборников. Организационные формы, в которых должен производиться отбор материала, надо ещё обсудить. Однако мы не сомневаемся, что здесь важную роль могут играть именно те люди, которые сейчас растрчивают напрасно свои силы и знания, разъезжая по сёлам, рабочим посёлкам, по МТС и заводам в тщетных поисках устных, коллективных, вариантов и прочих «фольклорных» образцов.

Разумеется, приготовление молодёжи к такой деятельности должно быть иным, чем оно было до сих пор. Они будут изучать прошлое именно так, как изучают историю, они научатся любить непреходящие ценности старого народного творчества, — но они будут знать современное рабочее и колхозное творчество масс, будут знать и современную литературу.

Этого требует сама жизнь, этого требует наша студенческая молодёжь, жаждущая полноценного участия в жизни.

В последнее время кафедрой народного творчества Московского государственного университета имени Ломоносова начата перестройка работы. Устранено много формалистических пережитков в построении программы, кое-что сделано для выработки

научного, исторического подхода к проблемам народного творчества. Многие сделано в этой области и другими вузами страны, а также академиями наук. Но, конечно, это лишь первые шаги к созданию подлинно научных основ изучения народного творчества. Дальнейшая борьба за внедрение

марксизма в науку о народном поэтическом творчестве, за более широкое и эффективное использование дореволюционного и современного художественного творчества народов СССР в целях коммунистического воспитания является нашей неотложной задачей.

★

От редакции

В напечатанных выше статьях выражены различные точки зрения на теорию и практику современного народного творчества.

В. Чичеров присоединяется к мыслям, высказанным в статье Н. Леонтьева о псевдофольклорных произведениях, выдаваемых некоторыми фольклористами за подлинное народное творчество. (Здесь важно уточнение, внесённое С. Василёнком: в творчестве тех народов Советского Союза, которые лишь после Октября создали свою литературу, ещё имеют живое значение элементы старых народнохудожественных форм.) В. Чичеров согласен не только с оценкой псевдофольклора; он также считает, что среди фольклористов ещё не преодолены пережитки либерально-буржуазных теорий. В. Чичеров чувствует настоятельную потребность изменить неудовлетворительное положение на этом участке науки.

Напомним, что сказано В. Чичеровым о крупнейших недостатках работы в этой области: «закономерности развития народного поэтического творчества в условиях социализма не вскрыты»; «утверждалось, будто на основе былин, исторических песен и причетей создаётся советский стихотворный народный эпос» и в этом «сказалось непонимание процессов, совершающихся в поэтическом творчестве трудящихся масс»; широко распространилось «антиисторическое стремление увидеть в творчестве народных масс Советского государства прежде всего черты дореволюционного фольклора. Такое стремление вело к противоестественному для нашего времени разрыву между литературой и народным творчеством. Вместо того, чтобы рассматривать их в связи и единстве, их противопоставляли»; «при таком перенесении (в современность. — *Ред.*) старых жанров и форм. совершенно не принимается во внимание их жизнеспособность, их соответствие уровню и характеру советской культуры». В. Чичеров убеждён, что «попытки создания произведений в жанре,

характерном для народного творчества прошлых эпох, но ставшем архаическим в современности и сохраняемом лишь как художественное наследие, обречены на провал»; «обращаясь к советской тематике, сказители вступали на путь индивидуального создания новых произведений, с т и л и з у е м ы х ими под традиционный эпос. Собственно, тут не было места для творчества; имела более или менее удачная, лучшая или худшая стилизация. А раз это была стилизация, искусственное воспроизведение давно выработанных форм, то коллективного творчества уже не могло быть».

Мы привели эти выписки из статьи В. Чичерова потому, что они полнее и систематичнее освещают неблагоприятное положение на участке «современного фольклора», чем статья Н. Леонтьева. Притом это говорит человек, знающий обширный материал, сам отдавший немало сил решению тех вопросов, многие из которых, по его признанию, остались нерешёнными или решены неправильно. Мнение такого авторитетного деятеля в области народного творчества заслуживает доверия.

Разумеется, мы не толкуем статью В. Чичерова (и статью Н. Леонтьева) как отрицание всего труда наших фольклористов по собиранию произведений современного народного творчества; конечно же, среди собранного материала есть подлинные художественные ценности — сказы, песни, частушки, пословицы, рассказы, в особенности автобиографические, талантливые, содержательные, отмеченные печатью времени. Однако и в опубликованном и в накопленном материале есть немало шлака, так как работа собирателей не всегда имела верное направление; изучение же и обобщение этого материала страдало ещё большими недостатками, чем собирание (хотя и здесь есть достижения и удачи), по причине, говоря словами В. Чичерова, «теоретических блужданий и шаткости в оценках».

В. Чичеров не ограничивается критикой ложных теорий. В напечатанной выше статье он предлагает своё определение предмета науки, которое, по его мнению, может служить опорой для преодоления «теоретических блужданий». Вот это определение:

«Основное понимание народного творчества, как коллективного творчества трудящихся масс, имеющего художественную ценность».

Что можно сказать об этом определении?

Критерий художественной ценности — важный критерий, который выдвигали ещё русские революционные демократы, когда писали об отборе из записанного собирателями того, что по праву можно считать народной поэзией. В. Чичеров очень своевременно напоминает об этом требовании (см. об этом весьма дельные замечания и в статье С. Василёнка).

Мысль В. Чичерова о коллективности народного творчества также верна, если её отнести к историческому прошлому: в старом, дореволюционном фольклоре художественная работа, создающая и совершенствующая произведение народного творчества, была коллективной и происходила посредством массовой передачи произведения из уст в уста.

Что же касается народного творчества советской эпохи, то здесь тезис В. Чичерова требует более глубокого теоретического и практического обоснования. Дело в том, что «коллективность шлифовки» совершенно очевидно связана с «устностью бытования» (на это указывают А. Нечаев и Н. Рыбакова): ведь не так же обстояло дело, что люди, взяв в руки книгу или рукопись, либо переправляли текст, либо читали (пели) не то, что там написано! Для нашего времени, в стране всеобщей грамотности, где сотни издательств, журналов и газет выпускают в миллионах экземпляров произведения, которые нужны народу, признак «устности бытования» явно устарел. С авторами ленинградского сборника 1952 года, утверждавшими, что будто бы существует потребность у «советских людей в таком именно, устном, способе создания и распространения поэтических произведений», В. Чичеров согласиться не может. Однако что же означает «коллективность творчества» в его собственном понимании? В. Чичеров отмечает: «К сожалению, конкретное изучение разновидностей коллектив-

ного творчества народных масс фольклористикой ещё не осуществлено».

Исследователь пробует подкрепить теорию несколькими примерами. К сожалению, они не всегда убедительны.

Он указывает на «новый и значительный для развития массового творчества народа вид коллективной поэтической деятельности — совместную работу народных масс и поэта над художественным образом. Эта форма коллективной работы получила развитие в годы Великой Отечественной войны...» Пример — имевшие хождение переделки песни М. Исаковского о Катюше и неизвестно кем сочинённые и также имевшие хождение стихи о Василии Тёркине, о его жизни после войны. Годятся ли эти примеры? Нет. Они не выдерживают проверки критерием художественной ценности, на котором справедливо настаивает сам В. Чичеров. Кроме того, образ Катюши и образ Василия Тёркина в одноимённых сочинениях очень существенно, часто до полного несходства, разнятся от образов, созданных поэтами; почему же это «совместная работа над образом»? Наконец, самый факт переделки популярных стихов и песен не представляет собой ничего нового, такие переделки встречались и задолго до Октябрьской революции.

Сам автор чувствует что-то неладное, когда приводит ещё один пример: совместное сочинение песни в самодеятельном хоре; в конце концов, не о таком ведь «коллективе» из двух-трёх десятков людей и не о такой «шлифовке» в течение одного, двух, пяти дней идёт речь в применении к фольклору! Почему бы тогда не увидеть «коллективного творчества», например, в коллективе авторов, написавших сборник статей о народнопоэтическом творчестве? И В. Чичеров сам пишет: «Песни народных хоров, принадлежащие, условно говоря, коллективному автору...»

Итак, в итоге мы вправе считать, что выдвинутый В. Чичеровым тезис о коллективности творчества как главном признаке советского народного искусства, ещё не получил ни сколько-нибудь достаточного теоретического обоснования, ни опоры в конкретном материале.

Думаем, читатели обратят внимание на то, что статья А. Нечаева и Н. Рыбаковой по своему содержанию и характеру отличается от статьи В. Чичерова.

Авторы разбираемой статьи пишут о Н. Леонтьеве: «Автор своевременно и во весь голос сказал о тех уродливых явлениях в современной науке о народной поэзии, которые уже давно вызывают протест многих читателей и части специалистов», «автор... от всего сердца переживает вопросы современного народного искусства и от всего сердца убеждённо и страстно о нём говорит...» Но все эти признания немедленно уступают место обвинениям. Оказывается, тот самый Н. Леонтьев, который «от всего сердца переживает» и т. д., на самом деле хочет «начисто отменить советское народнопоэтическое творчество»; оказывается, попытки Н. Леонтьева доказать, что устность как основа целого общественно-культурного явления невозможна в эпоху всеобщей грамотности, есть лишь «апломб», прикрывающий незнание дела, путаницу в мыслях. И в конце концов А. Нечаев и Н. Рыбакова, как будто согласившиеся, что явления, против которых выступил Н. Леонтьев,— это явления уродливые, уже давно вызывающие справедливый протест со стороны читательских масс, называют того же Н. Леонтьева за тот же протест «нигилистом», отрицающим народное творчество.

На последнем обвинении мы должны остановиться. Совсем не настаивая на безошибочности статьи Н. Леонтьева, мы всё же полагаем, что такое обвинение никак не может быть признано справедливым. Заключительная глава его статьи ясно и недвусмысленно говорит о колоссальном развитии подлинно народной художественной культуры в нашей стране, о небывалом по широте и плодотворности творческом участии масс в создании всех культурных ценностей. Главная задача Н. Леонтьева — доказать, что формы проявления творческой активности советского народа качественно отличны от архаических форм, пропаганда которых может лишь мешать развитию социалистического народного искусства.

Перейдём к основному тезису статьи А. Нечаева и Н. Рыбаковой. Теория, которую предлагают авторы, исчерпывается различием «устности распространения», характерной, по их мнению, только для прошлых эпох, и «устности исполнения произведений», которой якобы отмечено народное творчество всех эпох. За непони-

мание этого различия авторы и считают Н. Леонтьева «путаником».

Однако нет ли здесь путаницы у них самих? Разве «устность исполнения» песни, то есть попросту пенпе, или «устность исполнения» стихов, то есть попросту чтение вслух, случается лишь тогда, когда перед нами фольклорное произведение? Достаточно задать этот вопрос, чтобы отрицательный ответ получился сам собой. Не удивительно, что А. Нечаев и Н. Рыбакова включают в фольклор стихи Пушкина и Некрасова, Исаковского и Суркова, стирая всякие различия между народным творчеством и индивидуальным, творчеством непрофессиональным и профессиональным. Но кто же может согласиться с таким поистине путаным пониманием фольклора? И не может ли обвинение в нигилизме обернуться против самих А. Нечаева и Н. Рыбаковой ввиду того, что они сводят творчество народа к устному исполнению песен, созданных преимущественно профессиональными поэтами?

И это вся сердцевина теоретической мысли А. Нечаева и Н. Рыбаковой. Вслед за этим идёт «шлифовка» напечатанных произведений «в процессе устного исполнения» и, наконец, противопоставление «профессионального» искусства «народному», причём первое оказывается подозрительным по части уклонения в мир личных переживаний: «Необходимо, чтобы они (произведения народной поэзии. — *Рсд.*)... выражали общенародные идеи, представления и чувства, а не индивидуальные переживания (что возможно для профессиональной песни, для романса, стихотворения и т. д.)».

В подтверждение своих мнений А. Нечаев и Н. Рыбакова ссылаются на Радищева, Пушкина, Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Но, по нашему мнению, они слишком свободно распускаются великими авторитетами, не приводя не только цитат, но даже библиографических указаний. Между тем сделать это было необходимо. А. Нечаев и Н. Рыбакова пишут, например, что Чернышевский рассматривал народную поэзию как вечно творимое, живое искусство народа. Однако Чернышевский высказывал мысли, прямо противоположные тем, которые ему приписывают А. Нечаев и Н. Рыбакова.

Чернышевский писал: «...Итак, народная поэзия возникает при отсутствии резких

различий в умственной жизни народа и теснейшим образом связана с патриархальным бытом. При выходе из этого быта, при самом начале цивилизации, народ распадается на различные подразделения, из которых каждое отличается от остальных степенью образованности, образом жизни и т. д. Это — первое явление в истории народного развития. Им разрушаются все условия существования общенародной поэзии...»

Где же тут А. Нечаев и Н. Рыбакова нашли основание для того, чтобы приписать Чернышевскому мысль о «вечно творимом» фольклоре?

Очевидно, что теоретический уровень статьи А. Нечаева и Н. Рыбаковой никак нельзя признать достаточным.

Л. Першетская отстаивает актуальность былины как художественной формы. Мы видели, что С. Василёнок и В. Чичеров, исходя из теоретических предпосылок и из оценки практического опыта за последнее двадцатилетие, считают такую точку зрения ошибочной и разделяют суждения Н. Леонтьева о «современной былине». Действительно, убеждение Л. Першетской, будто все жанры, когда-либо существовавшие, могут быть с равным успехом использованы советским писателем — был бы талант! — не подтверждается ни современной практикой, ни уроками, извлечёнными из истории. Нельзя отрицать, что попытка Вольтера возродить «Илиаду» привела лишь к нежизнеспособным, давно забытым «Генриадам», — а у него ли не было таланта! Показательно и то, что великолепная «Песня про купца Калашникова» (значительный для нашей литературы, но единственный пример во всём творчестве Лермонтова прямого воспроизведения старинной фольклорной формы) посвящена событиям далёкого прошлого. Конечно, «Песня», как всякое ценное произведение исторического искусства, содержит идею, живую для современности; однако ни у Пушкина, ни у Лермонтова, ни у одного большого поэта нельзя найти сочинения, говорящего о событиях и людях их времени языком давно прошедшей эпохи. Утверждение Л. Першетской, будто бы

Пушкин и Лермонтов «писали во всех жанрах», неточно просто с фактической стороны. Кроме того, важно ведь ещё и сознательное отношение художника к жанрам, понимание их границ (не только «художественное чутьё»). Наши классики в своих статьях и письмах дали пример глубокого размышления о различных художественных формах в связи с общественным содержанием искусства. Они знали, что историческая судьба жанров различна. Это точка зрения, общая и всему советскому литературоведению.

Разумеется, Л. Першетская не имеет претензий на звание теоретика литературы; её статья является лишь последующим обоснованием собственной поэтической практики. Вполне понятно, что автору трудно усомниться в своей абсолютной правоте художника, потому что её «сказы» (об этом писал в своей статье и Н. Леонтьев), исполняемые ею самой, много раз находили благодарных слушателей. Однако этого ещё недостаточно, чтобы действительная художественная ценность «сказов» и, главное, всей тенденции к «осовремениванию» былины была доказана. Теоретические же доводы автора явно несостоятельны; они интересны лишь как ясно выраженная позиция — одна из наличествующих в дискуссии о фольклоре.

Нам остаётся кратко сказать о статье С. Василёнка. Мы не будем касаться того, что им сказано о замене термина «фольклор», о периодизации истории фольклора и о построении учебных планов, — это вопросы, требующие специального обсуждения. Скажем только, что его критика недостатков, имеющихся в теориях и практике многих фольклористов, нам представляется убедительной, а его призывы к организации постоянной, широкой и квалифицированной помощи самодеятельным кружкам, по нашему мнению, весьма своевременны, нужны и указывают на одну из действительных потребностей нашего общества, нашей народной культуры.

Редакция надеется, что обмен мнений по вопросу о советском народном творчестве принесёт известную пользу работе над этой важной проблемой.

КНИЖНО-ЖУРНАЛЬНОЕ ОБЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

И. Зайцев. Повесть о Прокофии Нектове. — **Е. Городецкая.** «Дорога в жизнь». — **Дм. Брудный.** Киргизский театр. — **А. Штейн.** Драматургия Пушкина. — **И. Липпай.** Венгерская художественная проза. — **Ю. Гаврилов.** «Избранное» Сватоплука Чеха.

ПОЛИТИКА И НАУКА

Кандидат исторических наук **Е. Черняк.** Исторические корни англо-американских противоречий. — Доктор географических наук **В. Покшишевский.** Невозможные спутники капитализма. — Кандидат экономических наук **А. Шарков.** Бедствия трудящихся Японии. — Кандидат исторических наук **М. Соловьёв.** К истории древней Руси. — **М. Дурденевская.** Первый русский геолог. — Кандидат исторических наук **С. Шмидт.** Интересное исследование.

Литература и искусство

Повесть о Прокофии Нектове

Имя Героя Социалистического Труда Прокофия Васильевича Нектова широко известно в нашей стране. Потерявший в результате тяжёлого ранения в годы Великой Отечественной войны обе ноги, он преодолел огромные трудности и снова стал в ряды славной армии советских механизаторов сельского хозяйства. Советские люди знают о Прокофии Нектове из газетных очерков, из его личных выступлений в печати, из посвящённых ему стихов. Но, конечно, всё новое, что говорится о Нектове, вызывает живой интерес.

Герои повести С. Кузменко «Снова в строю» — жители села Казанки с их подлинными фамилиями и именами: Прокофий Нектов, его жена Дуся, парторг колхоза Данилов, дед Капишников, комбайнеры, трактористки и многие другие односельчане Нектова. (Лишь три-четыре фамилии героев повести не знакомы жителям Казанки — это либо изменённые фамилии реальных людей, либо имена вымышленных героев.) Но, несмотря на те трудности, которые представляет для писателя изображение таких пер-

сонажей, С. Кузменко удалось художественно правдиво показать Прокофия Нектова и жителей села и, запечатлевая индивидуальные черты их характеров, в то же время раскрыть в них типические черты. Автор сумел также отобрать из множества событий в жизни села именно те, взаимная связь и развитие которых естественно объединяются в единый и интересный сюжет. Ради этого ему пришлось домысливать и обобщать события, то есть делать то же, что делает каждый писатель в каждом художественном произведении.

Повесть начинается сообщением о том, что «в холодный, сумеречный день декабря 1943 года из города Фрунзе уезжал тяжело раненный солдат Прокофий Нектов». Он долго не решался написать домой о случившемся и после длительных раздумий, накануне отъезда из Фрунзе, послал письмо в Казанку парторгу Данилову с просьбой подготовить семью и родных к тому, что он возвращается калекой. Если жена, писал он, откажется от него, он поселится у своей матери...

«Разве не бывает, — размышлял Нектов, — что солдата хоронят раньше времени? Разве не бывает такого, что жена, не дождавшись мужа, встречает нового друга?»

С. Кузменко. «Снова в строю». Повесть. Альманах «Степные огни», книга двенадцатая, г. Чкалов, 1953.

Но опасения эти были напрасны. Жена Нектова, прочитав письмо, полученное парт-оргом, разрыдалась.

«— Не от того плачу, — говорила она парторгу, — что муж возвращается с фронта калеккой. Даже не подумайте об этом. Я оттого плачу, что муж мой так плохо подумал обо мне...»

Нектова встречало всё село. Он не ожидал этого и был по-настоящему растроган.

Автор знакомит читателя с молодостью своего героя. Перед нами встаёт богатырского сложения русский человек, первый тракторист села, неутомимый работник и организатор молодёжи. И вот такой человек оказался без ног. Он видит, как все работают, каждый день идут вперёд; а он, беспомощный, вынужден проживать свои дни без цели. Жена создала ему уютный, спокойный быт, комсомольцы села приносят ему книги, журналы, газеты. Но в дружеском участии односельчан Нектов почувствовал оттенок жалости, как к человеку конечному. Это и удручало его и вызывало в нём резкий протест. Нет, он будет ещё полезен людям, он добьётся этого.

Но как этого добиться, что можно делать, если от кровати до стола он может добраться только с величайшим трудом?

В дни этих тягостных раздумий в Нектове поддерживал бодрость парторг Данилов. Получив от Нектова письмо из госпиталя, он ещё до его возвращения задумывался о его будущем. Данилов был уверен, что Нектов не сможет жить без работы. Если ему не помочь в этом, его страстная натура станет для него источником сильнейших мучений. В этом убедил парторга и разговор с Капишниковым, дедом Егорычем, как его зовут в селе.

На примере отношений Данилова с Нектовым С. Кузенко убедительно показывает умение парторга работать с людьми. Данилов не утешитель, он говорит правду, не преуменьшает трудностей. Он вовремя выскажет одобрение, не скроет своей досады или возмущения, он может и потребовать, настоять, заставить сделать так, как ему кажется наиболее правильным. При этом Данилов не резонёр, он человек точных и смелых поступков, действия.

Вот один из примеров. Данилов зашёл к Нектову. «Нектов не ждал в это время Данилова. Обычно он приходил к нему или поутру или же вечером, когда кончался рабочий день. А тут ни с того ни с сего явился

среди дня. Переступив порог, Константин Николаевич отпрянул. Трудно было поверить глазам: на ковре, разостланном на полу, одиноко сидел захмелевший хозяин дома и пил водку. Рядом с бутылкой, наполовину уже опорожненной, лежали письма, телеграммы. Чуть поодаль валялись костыли. Один из них был переломан».

«...— Вот когда узнал, — заговорил Нектов голосом, настоянным на горечи, — что оно такое — тоска по людям, по работе. Проснёшься, а тебе будто кто-то нашептывает: собирайся, спеши... А зачем собираться? Куда спешить? Баста! Отборонивался...»

Нектов помолчал, глядя в глаза парторга с каким-то неистовством.

— Мечусь тут из угла в угол. Третий костыль за неделю сломал. Всё куда-то рвусь. А убежать-то некуда...

Нектов как-то криво усмехнулся и искоса взглянул на Данилова.

— Что ж ты меня не ругаешь?

Данилов спокойно ответил:

— Заслужишь — не постесняемся и поругать. А теперь разговор другой, Прокофий, — парторг впервые назвал так Нектова, — вот послушай. Пришёл я к тебе с большой просьбой: помоги-ка колхозу.

Нектов поднял голову, сощурил глаза, прислушался.

— Трактора бригада отремонтировала. Но как? Вот в чём загвоздка. Ребята там, известно, молодые. Ни опыта, ни знаний настоящих. Так мы к тебе все с просьбой — и дирекция, и правление, и партийная организация: проверь-ка, пожалуйста, да доведи до кондиции самую уязвимую часть машины — магнето. Мы привезём их к тебе прямо домой. Тут ты и работай. Что на это скажешь?

Нектов даже рот приоткрыл. В глазах загорелись золотые искорки. Весь он подался к Данилову, крепко обнял его».

Данилов заботился о том, чтобы Нектову быстрее изготовили наиболее удобные протезы, чтобы он терпеливо учился передвигаться и преодолевать такие препятствия, как порог, ступеньки крыльца...

И вот уже Нектов ходит, он уже выехал в поле, поближе к тракторам. Он советует молодым трактористам, как устранить возникшую неисправность в одной, в другой машине.

Первые эти шаги Нектова Данилов сделал предметом обсуждения открытого пар-

тийного собрания, и собрание вынесло решение: «1. Партийное собрание благодарит товарища Нектова за его патристический поступок. 2. Партийное собрание призывает всех колхозников, возвращающихся с фронта, следовать его примеру».

Но в том, что Нектов поднялся на мостик комбайна, а затем стал Героем Социалистического Труда, заслуга не только Данилова, но прежде всего самого Нектова. Есть и ещё одно важнейшее обстоятельство, без которого вряд ли возможна была такая победа: силы Нектова могли проявиться во всей полноте потому, что его поддерживал, ему помогал народ.

Когда Прокофий Васильевич, не найдя в МТС исправного комбайна, привёз к своему дому старый, разбитый, списанный «СЗК» и решил его отремонтировать, к нему пришли на помощь многие односельчане.

Автор повести не сделал путь Нектова более гладким, чем этого требует верность жизненной правде. И в семейной жизни Нектова и его жены не всё идёт гладко, оттого что не всегда и не во всём им удавалось сразу понять друг друга. Но вследствие этого Нектов и Дуся предстают перед читателями живыми, человеческими, реальными художественными образами.

В повести есть и отрицательные персонажи. В конфликте с ними раскрываются лучшие черты положительных героев. Вот перед нами колхозник Кузьма Жмуркин. Это человек с повадками суслика, все его интересы ограничены стенами своего дома, заботами о собственном благополучии. Когда-то, до колхоза, он заботился о приумножении своего имущества и уже стал подумывать, что не худо бы нанять работника, а то и двух, — и вдруг в это самое время «объявились колхозы». Общей волной, силой течения прибило его к новому берегу. Сначала он присматривался, чего-то ждал, на что-то надеялся, а потом махнул рукой: неси, куда вынесет. Но душа мелкого собственника так и осталась в нём. Он работает только тогда, когда видит явную и немедленную выгоду для одного себя. Председатель колхоза Мирон Чепурных, прельстившийся его молчаливой услужливостью, назначил его бригадиром. И не успел Жмуркин получить бригадирскую лошадь, как присмотрел в укромном местечке хороший травостой, накопил сена и привёз один воз для своей личной скотин-

ки, а второй воз он свалил во дворе председателя колхоза.

Жмуркин навсегда запомнил, как Нектов на тракторе перепахал его межу, как сравнял его полосы в общем массиве, и с тех пор он ненавидит этого сильного и весёлого человека. Жмуркин обрадовался, что Нектов вернулся калекой.

«— Ну, что, отлетелась твоя Пронька?» — ехидно спросил он жену Нектова.

Теперь Нектов уже не в состоянии будет, как до ухода на фронт, просто всем своим существованием подчёркивать никчёмную жизнь Жмуркина!

И вдруг Нектов, казалось уже конченный человек, опять поднялся, а Жмуркина отстранили от бригадирства. Он случайно забрёл на полевой стан агрегата Нектова и «представил, как завтра здесь зашумит работа, пойдут по этим гонам машины. А за рулём будет сидеть Нектов!»

Злоба ослепила Жмуркина, он готов стать на путь преступления. Только страх перед возможным разоблачением остановил его.

В селе Казанке нет человека с фамилией Жмуркин. Но отдельные черты характера Жмуркина кое-кому и в Казанке присущи, о таких людях говорят ещё на бригадных и общих колхозных собраниях. Жмуркина в том или ином виде можно встретить и в других колхозах. Встречаются ещё и такие председатели колхозов, как Мирон Чепурных, которые отрываются от истинных колхозников и окружают себя отсталыми людьми.

Почему же такие люди ещё существуют?

Парторг Данилов, избранный секретарём райкома партии, перед отъездом из Казанки впервые побывал у Жмуркиных в доме. На него пахло убожеством мыслей, мелочностью интересов. Уходя, Данилов думал: «Оказывается, есть в селе семьи, в которые он ни разу не заглянул. И если за годы работы в Казанке он помог вырасти десятку людей, то до многих даже не дошёл. И ничего он не сделал, чтобы тот же Жмуркин, тот же Чепурных хоть на воробьиный шаг продвинулись вперёд».

Верная мысль! Но, пожалев о том, что он слишком поздно обнаружил ошибку в своей политической работе, Данилов, однако, посчитал нужным рассказать об этом только своей жене. Жена убедила Данилова, что по поводу Жмуркиных не стоит огорчаться, — вполне достаточно для Данилова и того, что он «помог Нектову подняться так высо-

ко». Уезжая из села, Данилов забыл уже и о разговоре с женой.

Эти последние строки, сказанные о Данилове, идут вразрез с тем представлением о парторге, которое на основании всей повести составил себе читатель. Ведь дело тут не в одном Жмуркине, а в односторонности всей работы Данилова, занимавшегося лишь хорошими людьми и оставявшего без внимания людей отсталых. Не в характере Данилова утешать себя своими заслугами и прощать себе серьёзные ошибки.

Есть в повести крупные недостатки и в характеристике действующих лиц, связанная с второстепенной сюжетной линией.

Находясь в госпитале, Нектов попросил шефствовавшую над палатой студентку Нину Махоткину приладить на стене две фотографии: его жены и его бывшего ученика — тракториста Сергея Сурнина. Нина Махоткина не раз рассматривала фотографии. Проводив Нектова до Чкалова, она затем добровольно ушла на фронт. Дважды была ранена. После войны, закончив институт, она ехала домой и по пути решила заехать к Нектову в Казанку. На станции она заметила капитана, показавшегося ей хорошо знакомым. Она улыбнулась и кивнула ему, а капитан лишь удивился этому — никогда он этой девушки не встречал. Но он тут же пожалел, что не воспользовался случаем с ней познакомиться, стал настойчиво её искать. Знакомство состоялось. Оказалось, что Нина Махоткина узнала Сурнина по фотографии, которую видела в госпитале у Нектова. Сурнин, возвращавшийся домой, тоже собирался заехать к Нектову. Общий друг быстро сблизил Нину и Сергея, читатель видит зарождение их любви.

Для того, чтобы эти два человека могли встретиться, автор уготовил Нине тернистый путь. Она дважды была ранена, причём последний раз — в День Победы и прямо в сердце. Болезнь, вызванная ранением, опасна для жизни Нины, но, не считаясь с тем, что у неё в сердце блуждающий осколок, она заканчивает институт, переносит боли втайне от подруг, матери, преподавателей. И всё это ради того, чтобы быстрее получить диплом. Только получив диплом, она пошла к врачам. Нине срочно сделали операцию и удалили осколок, «но к этому времени, — пишет С. Кузменко, — он уже успел

совершить разрушительную работу. Произошло то, что в медицине принято называть расплавлением тканей». Пришлось принимать дополнительные и серьёзные меры, чтобы в какой-то мере ликвидировать последствия разрушительной работы осколка.

Эта история рассказана С. Кузменко с единственной целью: показать, что мужественный пример Прокофия Нектова помог Нине Махоткиной преодолеть трудности. Она так и говорит:

«— Он научил меня, как надо жить... Мне было ясно, как надо действовать».

Но почему же, собственно, автор восхищается поступком Нины? В нём нет ни высокой цели, ни доблести, а много безрассудства, лжегероизма. Пример Нектова учит вовсе не этому. Кроме того, вся история Нины отдаёт некоторым мелодраматизмом, который никак не согласуется с общим тоном повести, определяющимся в первую очередь образами Нектова, Данилова, Дуси.

Повесть «Снова в строю» — первая крупная работа С. Кузменко. Она свидетельствует о том, что автор её обладает известными литературными способностями, умением изучать жизнь и художественно воссоздавать её. Но умение это ещё далеко от совершенства. Отдельные места повести остались тусклыми, не освещёнными светом таланта. В то же время С. Кузменко иногда не доверяет себе, своей способности дать реалистическое изображение и начинает огрублять своё повествование. Он пишет авторские разъяснения там, где и так всё понятно из слов и поступков действующих лиц, или заставляет героев (в особенности Данилова) выражать свои мысли такими словами, какие пишутся в плохих статьях.

Есть в повести длинноты (особенно в первой главе) и неудачные обороты речи. Однако достоинства повести позволяют надеяться, что молодой писатель преодолит недостатки, вызванные больше всего малоопытностью. В целом же повесть интересна уже тем, что она дала сведения о жизни замечательного нашего современника и помогла нам конкретнее представить и его и людей, которые идут вместе с ним по славному трудовому пути.

И. ЗАЙЦЕВ.

«Дорога в жизнь»

Повесть Ф. Вигдоровой ставит себе скромную задачу — пропагандировать педагогические идеи А. С. Макаренко, показать на конкретном примере их плодотворность. Главное действующее лицо повести — воспитанник Макаренко С. А. Карабанов. Решив посвятить себя делу воспитания подрастающего поколения, он, подобно своему учителю, останавливает свой выбор на трудном объекте — на детском доме, в котором царит развал. Он руководствуется при этом опытом коммуны, в которой сам вырос и стал полноценным советским человеком.

Книга Ф. Вигдоровой сознательно построена как продолжение педагогических повестей Макаренко. Сходна основная тема — создание здорового коллектива из детей, потерявших родителей; повторяются и некоторые ситуации. И тем не менее эта книга не только далека от подражания, но представляет собой интерес именно реализмом своих образов.

Недостатком некоторых произведений нашей детской литературы последних лет является книжность юных героев, кабинетное конструирование персонажей в соответствии с дидактической задачей. Ф. Вигдорова избежала схематизма. Источник её образов — реальные детские характеры и судьбы.

Руководящим принципом, общим и для системы воспитания Макаренко и для его литературно-художественных портретов, было внимание к индивидуальным особенностям ребёнка, к его человеческой личности. Именно этот принцип и восприняла Ф. Вигдорова. Повесть Ф. Вигдоровой — убедительная демонстрация актуальности идей Макаренко не только для дела воспитания, но и для детской литературы.

Бывший воспитанник коммуны Семён Карабанов, красочный облик которого нам знаком по «Педагогической поэме», предстаёт перед нами в книге Ф. Вигдоровой как зрелый советский деятель. Уже с первых страниц мы проникаемся доверием к нему. Я имею в виду не столько эффектное приключение, когда новому заведующему посчастливилось сразу поразить детей своим отважным поступком, сколько скромную

сцену первого ночного обхода, когда Карабанов при свете тусклой электрической лампы глядит на лица спящих детей. «Обычные детские лица, только на них и во сне лежала тень тревоги и усталости», — так записывает он своё впечатление от этого осмотра. Читаешь эти строки и говоришь себе: у этого человека зоркий глаз и любящее сердце, он видит детей и думает о них. Зоркость, сердечная дума о детях проявляются во всей деятельности Карабанова. Карабанов не морализирует, а действует. Он борец, возглавляющий боевой актив.

Последователь Макаренко, он верен духу, а не букве его учения. У него есть идеал, есть метод, но он твёрдо помнит, что для живого дела нет ничего губительнее штампа.

Педагогический процесс в повести Ф. Вигдоровой развёртывается, как напряжённое драматическое действие. Нравственное чувство, сознание, воля ребёнка то и дело стараются в такое положение, когда он должен сделать выбор, принять решение. Это обстоятельство используется писательницей для проявления характеров действующих лиц. Детей в книге Ф. Вигдоровой много, и у каждого из них своё лицо, свой путь роста.

Вот Королёв — «Король», как его называют ребята. И в нём действительно есть черты вожака. Он полон энергии, умён, властен, упорен в достижении намеченной цели, требователен к другим и к самому себе. Вместе с тем он горяч, способен и на нежность и на опрометчивый поступок. С первых дней он всем сердцем поддерживал Карабанова в его начинаниях, и он же из-за мелочной обиды ушёл из детского дома, а вернувшись, с великодушием сильного взял на себя вину за поступок, к которому не был причастен, только для того, чтобы оградить от незаслуженных подозрений товарища.

Более труден и сложен путь Андрея Репина, мальчика с «вывихнутой себялюбивой душой», по определению Карабанова, но тоже богато одарённого, способного занять место в рядах творцов новой жизни. Определённая индивидуальность есть и у самых покладистых из этих детей: у Сергея Стеклова, с его постоянной, почти материнской заботой о малышах, у Саньки Жукова, ра-

Ф. Вигдорова. «Дорога в жизнь». Повесть. Государственное издательство детской литературы, М. 1954.

зумного, деятельного, спокойно-весёлого (единственное его большое место — страх перед педологами). Почти в конце повести появляется хилый телом и неукротимый духом Анатолий Лира, маленький, быстрый и бурный, как пламя; прочитав книгу «Ташкент — город хлебный», он немедля отправляется в Ташкент... Его колоритный портрет тоже запомнится читателю. Ф. Вигдорова умеет заглянуть во внутренний заветный мир своих героев, разглядеть в детях живое зерно, способное к росту. Образы Колышкина, Панина, Нарышкина и других об этом красноречиво свидетельствуют.

Повесть «Дорога в жизнь», сохраняя видимость хроники, последовательно излагающей историю формирования коллектива детского дома в Берёзовой поляне, обладает довольно крепким сюжетом, в котором ведущую роль играют взаимоотношения Андрея Репина с Колышкиным, Королём и самим Карабановым. В лице Андрея Репина Карабанов встретил опасного противника. Их отношения развиваются напряжённо, между ними идёт борьба, изобилующая острыми моментами. Завоевать Репина было нелегко, но такая победа стоила усилий. В результате её был приобщён к здоровой созидательной жизни и Колышкин, слабый, безвольный, поработённый Репиным почти до полной потери своей личности. История Колышкина, освобождение его из-под гнетущей власти Андрея, возрождение к полноценной жизни этой, казалось бы, безнадежно раздавленной души — несомненно

одно из серьёзнейших достижений писательницы. Сломить антиобщественную гордыню Репина, заставив его самого осознать её несостоятельность, и пробудить чувство подлинной человеческой гордости в Колышкине — две стороны единого процесса, о котором Ф. Вигдорова предстояло рассказать в своей книге, и она это сделала с полной убедительностью.

Нужен ли финальный эпизод с убийством Костика? На первый взгляд он как будто выпадает из общего плана. Мне кажется всё же, что он нужен. Ведь не исключено, что и Панин, скажем, или Нарышкин, если бы им не посчастливилось попасть в советский детский дом, могли бы стать преступниками. Случай с убийством Костика лишь резче подчёркивает значительность того светлого дела, которое делают Карабанов и все передовые деятели советской системы воспитания.

Книга не свободна от недостатков. Ведя повествование от лица Карабанова, писательница не сумела сообщить его речи индивидуальную окраску. Щедро наделив учителя Владимира Михайловича множеством прекрасных черт, писательница не создала всё же того художественного единства, которое составляет живой образ. Местами чувствуется некоторая растянутость. Как ни существенны эти недочёты, они не помешают читателю прочесть с интересом и пользой эту прочувствованную, правдивую книгу.

Е. ГОРОДЕЦКАЯ.

Киргизский театр

До Октября Киргизия не имела театра. За годы советской власти в Киргизии появился театр, выросли кадры талантливых театральных деятелей. Певца Сайра Киизбаева — солистка Киргизского ордена Ленина театра оперы и балета, — гастролируя в Москве, поёт главную партию в опере «Чио-Чио-Сан». Салима Бекмуратова заняла первое место по национальным видам искусства на Всемирном фестивале молодёжи и студентов в Бухаресте. Такое признание — свидетельство высокой культуры, окрепшего мастерства киргизских артистов.

Н. Львов. «Киргизский театр». Издательство «Искусство», М. 1953.

Надо признать, что театроведение мало помогало росту киргизского театра. У нас ещё нет серьёзных работ о формах киргизского национального искусства, об освоении киргизским театром передовой русской культуры. Вот почему значительный интерес представляет работа Н. Львова «Киргизский театр». В этой книге сделана первая попытка систематизировать материал по истории киргизского театра, показать его становление, его творческие достижения, выявить его недостатки.

Книга открывается разделом «Путь к профессиональному театру». В первой главе этого раздела автор обращается к народному творчеству Киргизии. Традиции

песенного и инструментально-музыкального творчества Киргизии явились национально-художественной основой, на которой создавался профессиональный киргизский театр. Данные, приводимые автором, несомненно, интересны и нельзя не пожалеть о чрезмерной краткости этой главы. В ней не рассказано, например, о народных, так называемых песнях-состояниях (айтышуу), в которых уже имеются элементы народной драмы. Рассказ о таких явлениях помог бы полнее осветить вопрос об элементах театральности в киргизском народном творчестве.

Возникновению киргизского профессионального театра предшествовала театральная самодеятельность. По свидетельству известного киргизского драматурга Касымалы Джантошева, первый спектакль на киргизском языке был сыгран в феврале 1920 года в школе селения Чолпон. Ставились спектакли и в других школах, причём их авторами были местные учителя. Спектакли эти были, в сущности, лишь слегка театрализованным чтением. Исполнители рассаживались кружком на кошке и, произнося свои реплики, так и не меняли положения. Больше театральности было в студенческих спектаклях того времени в Караколе (ныне Пржевальск). Несколько позже возник театальный кружок при Киргизском педагогическом техникуме во Фрунзе. Конечно, и эти студенческие самодеятельные спектакли носили довольно примитивный характер, но именно они привлекли интерес к театру и подготовили почву для создания в конце 1926 года киргизской театральной студии, которая стала ядром первого профессионального театра в Киргизии.

Автор книги рассказывает о первых театральных деятелях. Это Аманкул Куттубаев, Касымалы Ешимбеков, Аширалы Боталиев, Абдугазыр Айбашев и другие. Некоторым из них, главным образом женщинам, требовался не только художественный талант, но и немалое мужество, так как их работа в театре противоречила ещё не изжитым старым обычаям. Примечательна в этом отношении жизнь Канымкул Айбашевой. Отданная ещё ребёнком замуж за богатого старика, она семь раз убежала от него, но каждый раз её силой возвращали обратно. Мужественной женщине всё же удалось вырваться. Попав в город и узнав об открытии театральной

школы, она пришла на экзамены. Сначала её попросили спеть, потом изобразить горе девушки, насильно отданной замуж. Канымкул сама испытала подобное горе в жизни! В числе первых женщин-киргизок Айбашева поступила в театральную студию и впоследствии стала одной из ведущих актрис киргизского театра. Она удостоена высокого звания заслуженной артистки республики.

С первых дней киргизская театральная студия ясно представляла себе свои задачи — пропаганду социалистического сознания, нового быта, борьбу с феодально-байской идеологией. Эти задачи определили репертуар; уже первые спектакли носили актуальный характер. Одной из самых волнующих в то время тем была тема бесправного положения женщины. Этой теме были посвящены спектакли «Кайгылу Какей» («Злосчастная Какей») М. Токобаева и «Карачач» К. Джантошева.

В рецензируемой книге особо отмечена роль русских театральных деятелей в становлении киргизского театра, а также значение для киргизского театра работы над произведениями русской драматургии. При этом автор делает правильный вывод: «Постепенное освоение русской театральной культуры... подняло в дальнейшем художественный уровень театра, отчётливо определило его путь к социалистическому реализму».

1930 год стал в истории киргизской культуры знаменательной датой: открылся Киргизский государственный театр. Он активно включился в общественно-политическую жизнь страны, помогая средствами искусства борьбе за коллективизацию сельского хозяйства.

Но на своём пути киргизский театр в тридцатые годы встретил немало препятствий. Некоторые появившиеся в это время режиссёры пытались увести театр на формалистические позиции; однако формализм не нашёл себе почвы в коллективе, основной состав которого ещё в студии воспитывался на реалистических традициях. Коллективу театра пришлось выдерживать борьбу и с националистами, которые пытались тормозить развитие киргизского театрального искусства, ограждая его от благотворного влияния культуры братских народов и в первую очередь — русского народа. Партия разоблачила и пресекла дея-

тельность буржуазных националистов — заклятых врагов киргизского народа.

Одним из достоинств книги Н. Львова является то, что автор не затушёвывает трудностей. Он указывает, что рецидивы враждебной идеологии случались и позже описываемого времени. Так, в период создания в Киргизии музыкального театра снова пришлось преодолевать, например, реакционную националистическую «теорию» о «вреде» русской вокальной школы для киргизских певцов. Но и на этот раз актёрский коллектив дал достойную отповедь махровым националистам, зная по опыту, что настойчивое учение на основе принципов русской вокальной школы способствует повышению киргизской певческой культуры.

Большое место уделено в книге описанию подготовки и проведения декады киргизского искусства в Москве в 1939 году — крупного события в жизни киргизского искусства.

Н. Львов подробно анализирует три спектакля, показанные на декаде, — драму Джомарта Боконбаева «Алтын-кыз» («Золотая девушка»), музыкальную драму Юсупа Турусбекова «Аджал ордуна» («Жизнь вместо смерти») и национальную оперу «Айчурек», написанную по мотивам народного эпоса «Манас» группой киргизских поэтов в содружестве с композиторами В. Власовым, А. Малдыбаевым и В. Фере. Но при анализе этих спектаклей автор не сказал об одном важном вопросе, имеющем существенное значение для киргизского искусства. Дело в том, что долгое время удерживалось мнение, будто киргизской музыке свойственно одноголосие. Уже при работе над оперой «Айчурек» особенно ярко сказалась потребность перейти к многоголосию. Авторы оперы сумели расширить диапазоны вокальных партий оперы, ввели женские, мужские и смешанные хоры. Это имело большое принципиальное значение, так как уже непосредственно после московской декады стал вплотную вопрос о создании в Киргизии оперного театра. Как указывает композитор А. Малдыбаев, развитие многоголосия является одним из крупнейших достижений современной музыкальной культуры Киргизии.

Одновременно с созданием киргизской оперы шла работа над созданием национального балета. Н. Львов говорит о тех

усилиях, которые были приложены для овладения хореографическим искусством, списывает отдельные постановки балетов. Но в вопросе о киргизском балете в книге есть некоторая неясность. На странице 78 автор прямолинейно утверждает, что «народное искусство Киргизии не знает танца». Далее, на странице 113, встречаем другое утверждение: «Танцевальное искусство Киргизии... развивалось на основе народного творчества». Эти утверждения противоречат друг другу, но лишь потому, что в данном случае автор некритически отнёсся к изучению истории киргизского танца, имеющей свои особенности. Автору, конечно, известно, что некогда танец играл значительную роль в народном искусстве киргизов и только необычайно тяжкие условия жизни заглушили эту отрасль художественной жизни народа. Буржуазные националисты, приверженцы феодальных обычаев пытались доказать, будто искусство танца чуждо природе киргизского народа. Но реакционность и ложность такого «взгляда», легко опровергаемого теоретическим путём, убедительней всего доказывается тем, что ныне киргизский театр гордится не только замечательными кадрами профессионалов-танцоров, но и своими национальными балетами. К числу их относятся первый национальный балет «Анар» и балет «Чолпон».

Особенно показательна работа над балетом «Чолпон» (музыка М. Раухвергера). Его первая постановка (в годы Великой Отечественной войны) страдала рядом недостатков, в нём отсутствовали ярко выраженные национальные черты, в музыке были элементы формализма. В дальнейшем это произведение было заново переработано и восстановлено в репертуаре (1953 год). Длительная работа над балетом «Чолпон» имела большое значение для развития хореографического искусства Киргизии.

В 1941 году из числа выпускников киргизской студии Московского государственного института театрального искусства был сформирован драматический театр Киргизии. Несмотря на то, что большинство труппы составляла молодёжь, уже первые спектакли показали и немалое мастерство актёров и общую правильную линию театра. Основное место в репертуаре военных лет заняли спектакли «Ант» («Клятва») А. Гоконбаева и «Полководец Суворов» И. Бехтерева и А. Разумовского. Героико-патри-

тическая линия была продолжена в спектаклях, созданных на фольклорном материале: это были пьесы «Курманбек» К. Джантошева и «Джаныл-мырза» А. Кутубаева и К. Маликова, которые отразили чувства советского патриотизма киргизского народа. Одновременно театр овладел классическим репертуаром, осуществив постановку переведённых на киргизский язык пьес «Бедность не порок», «Не всё коту масленица», «Ревизор», «Король Лир» и других.

После войны Киргизский драматический театр пережил большие трудности. В его репертуаре не было полноценных пьес на современные темы, и в то же время ряд исполняемых пьес давал искажённое представление о нашей советской действительности (например, комедия Р. Шукурбекова «Два друга»).

Постановление ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» помогло коллективу театра бороться с серьёзнейшими недостатками в своей работе и создать ряд хороших спектаклей. Значительными для творческого роста Киргизского драматического театра были спектакли «Любовь Яровая» К. Тренёва, «Русский вопрос» К. Симонова, «Калиновая роза» А. Корнейчука.

В последние два года Киргизский драматический театр достиг новых серьёзных успехов (к сожалению, книга Н. Львова не доведена до этого времени). Одним из них является спектакль «Егор Булычов и другие». Уже сама по себе постановка этой сложной и глубокой пьесы М. Горького на сцене Киргизского драматического театра стала выдающимся событием в культурной жизни республики. Отметим также большое значение перевода на киргизский язык многих классических и современных образцов русской драматургии.

Одновременно с театром драмы, преодолевая трудности роста, прошёл после войны сложный путь Киргизский театр оперы и балета. В последние годы были созданы значительные оперные произведения на современные темы — опера «На берегах Иссык-Куля» В. Власова, А. Малдыбаева, В. Фере, «Молодые сердца» М. Абдраева; заканчивается работа над оперой о великом киргизском акыне Токтогуле Сатылганове (композиторы А. Малдыбеков и М. Абдраев). Замечательной школой овла-

дения мастерством явилась постановка ряда классических опер на русском языке — «Евгения Онегина», «Пиковая дама», «Русалки», «Травиата» и «Кармен».

Последнюю главу своей книги Н. Львов посвящает областным театрам Киргизии. Эта часть его работы наименее интересна. Из кратких записей читатель почти ничего не узнаёт о творческой жизни Пржевальского и Узгенского театров. Всего одну страничку автор посвящает Киргизскому государственному театру кукол, который за пятнадцать лет работы выступал во всех областях республики, дал тысячи спектаклей, обслужив несколько миллионов юных и взрослых зрителей. За эти годы кукольный театр обогатился значительным репертуаром. Здесь с успехом идут «Бала-батыр» Адашева, «Охотник Таласа» К. Эшмамбетова и В. Швембергера, «Пленница Каныш» А. Кобегенова и Н. Медведовской, а также «Кот в сапогах» Г. Владычиной, «Краса Ненаглядная» Е. Сперанского и другие. И всей этой большой работе Н. Львов не уделил никакого внимания.

Нельзя понять, почему автор обошёл молчанием работающий в Киргизии почти двадцать лет русский драматический театр, существование которого, несомненно, благотворно влияет на развитие всех форм киргизского национального искусства.

Ни словом не обмолвился также автор о работе в Киргизии таких крупных национальных театров, как, например, Ошский узбекский театр имени С. М. Кирова, выросший за последние годы в серьёзный творческий коллектив.

Есть в книге Н. Львова ещё один важный пробел. Расцвет театрального искусства проявляется не только в профессиональном театре, но и в разнообразных формах художественной самодеятельности. Театральные коллективы работают при Токтогульском Доме культуры Джалал-Абадской области, Будённовском Доме культуры Таласской области, Токмакском Доме культуры Фрунзенской области и т. д. Плодотворная работа самодеятельных театральных коллективов способствовала созданию во Фрунзе Театра народного творчества.

Размаху самодеятельного искусства способствуют ежегодные смотры художественной самодеятельности, которые показывают, сколько талантов таит в себе народ. В мае

прошлого года по всей Киргизии прошёл Праздник песни, на котором выступали многочисленные хоры и танцевальные коллективы, а также отдельные вокалисты, инструменталисты, чтецы. К сожалению, Н. Львов ничего не сказал об этом в своей книге.

В книге Н. Львова, как мы показали, есть ряд пропусков и недостатков. Однако «Киргизский театр», впервые освещающий систематически историю творческого роста киргизского искусства, рождённого Великим Октябрем, имеет бесспорную ценность.

ДМ. БРУДНЫЙ.

★

Драматургия Пушкина

Книга о драматургии Пушкина настоятельно нужна нашей литературе. В буржуазной науке о Пушкине особенно не повезло его драматургии. «Маленькие трагедии» привлекали внимание преимущественно декадентской критики, навязывавшей читателю свои реакционные и безвкусные толкования. Именно в статьях о драматургии Пушкина с особой наглядностью проявилось и поразительное скудоумие буржуазного компаративизма, который изощрялся в поисках «источников» чуть ли не для каждого слова пушкинских трагедий. Объяснить подлинный смысл и великую оригинальность этих шедевров оказалось старой буржуазной науке не под силу.

Замечательный анализ «маленьких трагедий» и «Русалки», сделанный Белинским, ряд его драгоценных замечаний о «Борисе Годунове», отзыв Чернышевского о «Сценах из рыцарских времён» не были ни поняты, ни усвоены буржуазной критикой.

Перед нашей наукой стоит задача — продолжить дело Белинского и Чернышевского, раскрыть глубочайший смысл творчества Пушкина-драматурга.

Самая удачная часть книги Б. Городецкого — это глава, посвящённая «Борису Годунову». Известно, что, создавая свою трагедию, Пушкин опирался на «Историю государства Российского» Карамзина. Заслуживая консервативные политические взгляды Карамзина и не преуменьшая их отрицательное влияние на исторический метод, Б. Городецкий справедливо отмечает патристический характер предпринятого Карамзиным дела — познакомиться своих современников с прошлым отечества. Патристи-

ческая идея его книги шла вразрез со своекорыстным космополитизмом большей части светского общества.

Рассматривая содержание книги Карамзина, Б. Городецкий весьма уместно напоминает читателя слова Пушкина о ней: «...несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий...»

В то же время путём ряда сопоставлений Б. Городецкий показывает оригинальность пушкинской концепции исторического процесса, существенно отличающейся от монархической концепции Карамзина.

Правильно и точно раскрывает Б. Городецкий особенности пушкинского понимания истории, лежащего в основе «Бориса Годунова». Автор рецензируемой книги развивает весьма плодотворную мысль (правда, высказанную уже до него рядом историков литературы) о решающей роли народа в трагедии Пушкина. Разбирая трагедию, сцена за сценой, Б. Городецкий показывает, что успехи Лжедмитрия обусловлены отнюдь не его личными качествами, а тем, что широкое народное движение против Годунова видело одно время в самозванце своё знамя. Правильно и замечание Б. Городецкого о том, что в симпатии к самозванцу проявилась «царистская» идеология, свойственная народным движениям XVII—XVIII веков.

Представляют ценность и некоторые наблюдения Б. Городецкого над языком действующих лиц трагедии. Небезинтересны также приведённые им данные об истории напечатания трагедии и свод отзывов современников о ней.

Однако анализ трагедии и выяснение её значения в развитии мировой драматургии, по нашему мнению, не доведены до конца.

Дело не только в том, что проблема развития характеров — одна из основных проблем всякой трагедии — никак не затрону-

та в книге. Нет полной определённости в характеристике эстетических взглядов Пушкина: неясно, в конце концов, отношение Пушкина к различным драматическим системам.

Как известно, Пушкин противопоставлял трагедии Шекспира французскому классицизму. Сам автор книги приводит на странице 93 слова поэта: «...я твёрдо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы шекспировой — а не придворный обычай трагедии Расина».

На следующей, 94 странице Б. Городецкий разъясняет, в чём же особенности этой народной шекспировой драмы. И здесь читатель не без некоторого удивления узнаёт, что следование методу Шекспира «экономерно приводило к преувеличенному пониманию роли личности в историческом процессе и к снижению роли и значения в этом процессе широких народных масс».

В том, что эта фраза не является случайной обмолвкой, убеждает нас то, что эта же мысль выражена на странице 120 с ещё большей категоричностью. Трагедии Шекспира вместе с трагедиями классицизма объявляются произведениями, построенными на личной судьбе героя или героев, а не на судьбе народа, эпохи, нации.

Это утверждение по отношению к Шекспиру звучит очень странно. Оно противоречит не только недумсмысленно выраженному мнению самого Пушкина, но и мнению Маркса и Энгельса, изложенному в известных письмах к Лассалю. Самое любопытное, что на странице 95 Б. Городецкий приводит слова Энгельса, опровергающие его точку зрения:

«Согласно моему пониманию драмы, — писал Энгельс, — требующему, чтобы за идеальным не забывали реалистического, за Шиллером — Шекспира, привлечение тогдашней, поразительно пёстрой плебейской общественности дало бы совершенно иной материал для оживления драмы».

Из этой фразы, в которой особенности драматургии Шекспира связываются с «привлечением тогдашней, поразительно пёстрой плебейской общественности», конечно, никак нельзя сделать тот вывод, что Шекспир снижает роль и значение широких народных масс в истории. Если бы дело обстояло так, как излагает его Б. Городецкий, то непонятно, почему Пушкин противопоставлял драматические принципы Шекспира трагедии дворянского классициз-

ма. Именно народность Шекспира привлекала к нему Пушкина.

Там, где Б. Городецкий говорит, что Пушкин сделал шаг вперёд по сравнению с хрониками Шекспира, отчётливее, чем великий английский драматург, подчеркнул решающую роль народа в истории, — он, безусловно, прав. К этому можно было бы ещё добавить, что народ у Шекспира, отвергая «злых королей», подобных Ричарду III, поддерживает королей «добрых», — у Пушкина же народ более отчуждён от господствующих классов и, в конечном счёте, не приемлет ни боярской, ни дворянско-абсолютистской партии. Финал трагедии свидетельствует о том, что глубокая пропасть отделяет народ от господствующих классов.

Правильно также и замечание Б. Городецкого, что эта черта в творчестве Пушкина вытекает из опыта новой исторической эпохи. Напрасно только автор связывает возникновение пушкинского историзма лишь с событиями двадцатых годов XIX века. Пушкин размышлял над всем комплексом европейских событий конца XVIII — начала XIX века и прежде всего над событиями Отечественной войны 1812 года, в которых отчётливо проявилась решающая роль народных масс России.

Замечательно, что только Пушкин — единственный во всей мировой литературе — смог создать на основе этого опыта трагедию такой огромной реалистической глубины и художественного совершенства. Его трагедия — шаг в художественном развитии всего человечества. В книге Б. Городецкого эта мысль не раскрыта с полной ясностью. Автор не показал отличие пути, избранного Пушкиным, от пути, которым шли французские драматурги-романтики, в том числе и Гюго.

На странице 98 Б. Городецкий пишет, что Пушкин «далеко опережал своих современников в России и на Западе, которые и после окончания Пушкиным «Бориса Годунова» (1825) ещё долгие годы продолжали оставаться на позициях исторического романтизма («Лига» Л. Вите — 1826—1829; «Кромвель» В. Гюго — 1827; «Генрих III и его двор» А. Дюма — 1829, и пр.)».

Такая формулировка может создать представление, будто Пушкин лишь на время опередил своих французских современников. На самом деле они двигались в раз-

ных направлениях. Драматургия Пушкина принадлежит к числу величайших созданий мировой литературы,— пьесы Гюго, конечно, не занимают в ней такого места и не относятся к числу лучших достижений знаменитого французского писателя (можно напомнить критику драмы «Кромвель», которую даёт сам Пушкин). В дальнейшем трагедия на Западе не поднималась и до уровня пьес Гюго. Об этом свидетельствуют хотя бы пьесы Вите и Дюма— живое доказательство упадка французской драматургии.

Много возражений вызывает глава IV, посвящённая «маленьким трагедиям» и «Русалке». Б. Городецкий хочет опровергнуть декадентов, которые отрывали «маленькие трагедии» от реальной жизни и не видели в них социальных проблем. Опровергнуть эти выдумки можно и нужно. «Маленькие трагедии» принадлежат к вершинам мировой реалистической драмы, в них сконцентрировано общественное содержание огромного социального значения. Однако трактовка этих произведений Пушкина, данная Б. Городецким, порой представляется спорной. Это можно показать уже на анализе трагедии «Скупой рыцарь».

Исследователю казалось, что, признавая основой трагического пафоса пьесы скупость, он снижает социальную остроту трагедии и будет рассматривать её «в аспекте общечеловеческих страстей» (собственное выражение Б. Городецкого). Поэтому теме скупости он противопоставляет тему «могущества и силы золота, как общественного богатства».

Но ведь одно связано с другим! Скупость старого рыцаря, его стремление собрать сокровища связаны с тем, что он понимает мощь и силу золота, дающего ему власть над миром.

А между тем именно скупость становится основой драматического напряжения сюжета. Скупость отца не только душил сына; Альбер с ужасом замечает, что сам он заражается скупостью (так, его меткий удар на турнире порождён его скупостью— он мстил за приведённый в негодность шлем). Альбер восстаёт против отца именно из-за его скупости.

Скупость является главной темой трагедии, основой её трагического пафоса.

Но особенно спорна интерпретация «Каменного гостя», данная в книге. По мнению Б. Городецкого, смысл трагедии рас-

крывается через противопоставление легкомысленной страсти Дон Гуана к Лауре серьёзному чувству к Доне Анне, под влиянием которого герой перерождается.

В этом перерождении героя под влиянием охватившей его большой любви и состоит, по мнению Б. Городецкого, своеобразие трактовки образа Дон Гуана у Пушкина.

Справедлива ли эта мысль?

Ещё Белинский указывал, что контраст между двумя типами женщин— Лаурой и Доной Анной— играет важную роль в трагедии. Но на чём основано мнение, что Дон Гуан переродился под влиянием любви к Доне Анне? На том, что свои обольстительные речи он произносит с увлечением, с искренней страстью и поэтическим волнением. Но это свойственно не только его отношению к Доне Анне. Воспоминание о «бедной Инезе» также проникнуто искренним чувством. Пушкин изображает Дон Гуана как человека, способного облекать свои увлечения в поэтическую форму, превращаться в поэта любви. Поэтому сами по себе слова, обращённые к Доне Анне, ни о чём не свидетельствуют.

Но допустим на минуту, что Б. Городецкий прав и что любовь к Доне Анне действительно переродила Дон Гуана. Какой смысл имеет тогда финал трагедии, за что же карает Дон Гуана статуя Командора? Ведь Дон Гуан стал на путь исправления, и суровая кара эта ничем не оправдана.

По мнению Б. Городецкого, этот финал нужен «для того, чтобы наиболее ярко показать глубочайшее различие мира Лауры, от которого отходил Дон Гуан, и мира Доны Анны, к которому он подходил, в связи с исключительностью нового его чувства».

И далее: «...то, что было возможным в мире Лауры, оказывалось невозможным и приобретало совершенно иной смысл в мире Доны Анны...»

Здесь мы вынуждены заступиться за Лауру. Её взгляд на мир, свободный от предрассудков, её весёлое, естественное и искреннее отношение к Дон Гуану ставят Лауру в некоторых отношениях выше Доны Анны, этой, по выражению Белинского, «матроны, обязанной обществом быть лицемерной и приученной к лицемерству».

Не правильнее ли подчеркнуть то общее, что есть в поведении Дон Гуана по отношению к Лауре и к Доне Анне?

Дон Гуан всё время соприкасается со смертью. Его свидание с Лаурой происходит при мёртвом Дон Карлосе, его объяснение с Доной Анной — на кладбище, где похоронен её муж. Б. Городецкий правильно отмечает, что в этом совпадении есть глубокий смысл.

При всём обаянии и дерзости Дон Гуана, при всей его способности увлекаться самому и поэтизировать свою любовь, Дон Гуан во всех своих любовных похождениях стоит на грани аморализма; захваченный своей страстью, он кощунствует, выражаясь словами Белинского, оскорбляет «истинно-нравственную идею».

Личность Дон Гуана увлечает Пушкина, но он говорит ему «нет», ибо не приемлет его индивидуализма, не приемлет его безнравственности.

Эта сторона «Каменного гостя» ещё яснее выступает при сопоставлении его с «Пиром во время чумы».

Идею этой трагедии Б. Городецкий непосредственно выводит из песни Председателя, связывает её с тем, что Пушкин будто бы решительно оправдывает поведение Председателя и пирующих.

«Борьба с судьбой, презрение к её ударам и мужественная непреклонность, противопоставляемые опасности,— таков основной пафос пушкинского «Пира во время чумы»,— пишет автор книги.

В «Пире во время чумы» изображены люди дерзкие, всем своим поведением бросающие вызов смерти. Песнь Председателя — вызов чуме — перекликается с дерзостью Дон Гуана, также бросающего вызов смерти.

Но так же, как в «Каменном госте», где Пушкин показывает аморализм Дон Гуана, здесь он рисует аморализм людей, пирующих на фоне смерти.

В «маленьких трагедиях» изображается дерзкая личность, восстающая против освящённого веками авторитета. Борьба этих двух сил становится чрезвычайно острой и напряжённой. Конечно, Пушкин испытывает уважение к такой личности, выдвинутой прогрессивным общественным развитием в эпоху распада феодальных отношений.

Но в ходе борьбы и развития такая личность принимает злой и аморальный характер, а Пушкин такого эгоистического индивидуализма и аморализма принять не может.

Подобная позиция по отношению к индивидуализму типична для Пушкина, основоположника новой русской литературы, самой антибуржуазной литературы XIX века.

Не вызывает особых возражений анализ «Русалки» и «Сцен из рыцарских времён», данный в книге Б. Городецкого.

Нам хотелось бы остановиться только на одном моменте — на своеобразном предубеждении Б. Городецкого против фантастики.

Уже в начале книги он ставил в вину Шекспиру введение фантастического элемента.

Говоря о «Сценах из рыцарских времён», он, вопреки недвусмысленному заявлению Пушкина, пытается отрицать фантастический конец пьесы, намеченный поэтом в его плане.

Пушкин пишет: «Пьеса кончается размышлениями и появлением Фауста на хвосте дьявола».

Б. Городецкий комментирует: «Последние слова не следует понимать буквально и видеть в фигурах Фауста и Мефистофеля какой-то символический характер. Конечно, никакого дьявола в своей драме Пушкин показывать не собирался. Всё это входило в общую категорию «размышлений», которыми должна была завершиться драма, а эти размышления, повидимому, должны были быть развиты в системе более или менее обобщённых образов, всё же имеющих реалистический характер».

Б. Городецкий отвергает совершенно ясное замечание Пушкина, очевидно, только потому, что полагает, что фантастика снижает ценность пьесы.

Но вот в «Русалке» уже нельзя отрицать фантастический элемент. И Б. Городецкий пишет следующее, считая нужным реабилитировать Пушкина: «Показ русалок в соответствующей обстановке — на дне или берегу реки — не противоречит реалистичности изображения «земных» сцен с действующими в них живыми людьми, ибо к такому представлению о русалках наше сознание подготовлено народными сказками, воспринимающимися вне всяких ассоциаций с реальностью».

Эта фраза решительно неудачна. Дело не только в том, что она забавна, ибо применяет к таким эфемерным созданиям, как русалки, солидные канцелярские обороты. Она неверна и по существу. Ведь от того, что в народных сказках русалки много раз

изображались на дне или берегу реки, фантастика не перестаёт быть фантастикой.

Напрасно Б. Городецкий испытывает такое предубеждение против неё. Ведь фантастика, как художественное обобщение существенных тенденций жизни, входит в величайшие произведения мировой реалистической литературы. Достаточно вспомнить «Медного всадника» самого Пушкина, «Фауста» Гёте, «Шагреневую кожу» Бальзака и «Сказки» Салтыкова-Щедрина. Фантастическая форма выражения сопутствует реализму на всём пути его развития.

В заключение Б. Городецкий ставит важный вопрос о влиянии драматургии Пушкина на последующую русскую литерату-

ру. К сожалению, вопрос этот рассматривается лишь в формальном плане, в смысле влияния на русскую трагедию XIX века — на пьесы Мей, трилогию Алексея Толстого, исторические драмы А. Островского.

Сводить значение драматургии Пушкина к влиянию её на трагедию — значит чрезвычайно снижать это значение. А между тем она имела огромное влияние на развитие всей прогрессивной русской литературы XIX века, и это необходимо было показать. В качестве доказательства приведём только один пример. Постановка темы индивидуализма в «маленьких трагедиях» Пушкина наметила путь, по которому пошёл весь русский роман XIX века.

А. ШТЕЙН.

★

Венгерская художественная проза

Книга «Венгерские повести и рассказы» знакомит советского читателя с избранными прозаическими произведениями крупнейших венгерских писателей XIX и XX веков. Здесь помещены рассказы основоположника современной венгерской литературы Ш. Петефи, новелла венгерского романтика М. Вёрёшмарти, повесть М. Йокаи и рассказы таких выдающихся венгерских писателей, как К. Миксат, И. Тёмёркени, Ф. Мора, Ж. Мориц, З. Амбруш. Эти произведения (за исключением рассказов Ш. Петефи и Ж. Морица) впервые появляются на русском языке. Составитель А. Гидаш ставил себе задачу — представить русскому читателю демократическую линию венгерской литературы. Он отобрал произведения, отмеченные стремлением к передовым идеям своего времени, к реалистическому изображению жизни (даже у романтиков) и глубокой народностью. В своей совокупности эти повести и рассказы развёртывают перед читателем картины жизни Венгрии в XIX и XX веках с её национальными и социальными особенностями и рисуют быт и нравы простого народа.

Сборник открывается рассказами «Дед» и «Буланка и Гнедой» великого венгерского поэта-революционера Шандора Петефи. До недавнего времени русский читатель знал лишь стихи и поэмы Шандора Петефи — главное в его наследии. Помещённые в сборнике два рассказа — единственные про-

заические произведения великого поэта, сыгравшие важную роль в развитии венгерской реалистической повести.

Изображение подневольной жизни Петера Пергё и его возлюбленной, девушки Юлишки (рассказ «Дед»), проникнуто горячим сочувствием поэта к страданиям народа. Петер подвергается бесчеловечным пыткам, убегает от помещика со своей невестой, встречается с другими беглыми крестьянами. Пойманный отрядом солдат-вербовщиков, Пергё попадает в габсбургскую армию. Юлишка скрывается у крестьянина-хуторянина. Через четыре года раненого Пергё отчисляют из армии, и после долгих розысков он находит Юлишку на хуторе. Она живёт там одна, воспитывая маленького сына умершего хуторянина. Изображая дальнейшую совместную жизнь Пергё и Юлишки на ставшем их собственностью хуторе, Петефи пытается нарисовать идеал самостоятельного трудового крестьянского хозяйства. Это мечты о чистом и мирном труде, о достатке без всякой эксплуатации и притеснения — не более как утопия, характерная для крепостного крестьянина сороковых годов прошлого века. Но при всей своей несбыточности она производит сильное впечатление своим резким контрастом с действительной судьбой героев, составляющей главное содержание рассказа, с судьбой изображённых в нём беглых крестьян, которыми в то время Венгрия была буквально наводнена. Хороши в рассказе характеры героев из народа. Пергё — умный, трудолю-

бивый, честный парень, нежно любящий свою Юлишку и самоотверженно обороняющий её от барских покушений. Прекрасно показана и солидарность бедных людей, укрывших Пергё, а позже и Юлишку от преследований. Моральное превосходство народа над его угнетателями раскрыто Петефи в ярких жизненных картинах.

Народную жизнь рисует Петефи также и в другом входящем в рецензируемую книгу произведении — «Буланка и Гнедой». Он знакомит нас с бытом и нравами деревенских парней и девушек, с народными обычаями того времени. Впервые в венгерской литературе широко использована в этом рассказе живая разговорная речь народа.

Оба эти произведения показывают Петефи как одного из основоположников венгерской реалистической прозы.

М. Вёрёшмарти был крупнейшим представителем венгерского романтизма первой половины XIX века. Непосредственный участник революции 1848—1849 годов, литературный предшественник Петефи, он был вместе с ним одним из создателей венгерского литературного языка. В своих лучших стихах он выразил пробуждающееся самосознание венгерского народа и поднял вопросы социального переустройства своей родины.

Выбор рассказа «Лунная ночь» из прозаических произведений (немногочисленных, впрочем) этого крупного поэта объясняется, повидимому, очевидностью реализма его содержания. «Лунная ночь» воскрешает мотивы венгерских народных сказок и легенд. Странствующие по дорогам бедные, голодные студенты в лунную ночь приходят на поляну. Они рассказывают друг другу забавные, на первый взгляд, истории и сказки. Но это не весёлый, а скорей горький юмор, за которым таится горе измученных бедняков, их мечта хотя бы наесться досыта. Явь незаметно сменяется сном. Во сне нищие студенты видят себя героями прекрасных народных сказок. В конце рассказа они просыпаются такими же бедными и голодными, какими были.

Рассказ Вёрёшмарти овеян подлинной народной поэзией.

В сборнике помещена повесть «Жёлтая роза» романтика Мора Йокаи, романы которого ещё в прошлом веке переводились на русский язык и были известны значительному кругу читателей. Выбранная соста-

вителем рецензируемой книги повесть Мора Йокаи даёт реалистическое описание нравов и обычаев пастухов и других крестьян — тружеников венгерской степи.

Уже известный советскому читателю по роману «Станный брак» Кальман Миксат представлен в сборнике сатирическими произведениями — рассказом «Эскулап на Альфельде» и повестью «Кавалеры».

В «Кавалерах» автор сатирически изображает «роскошную» жизнь разорённых мелкопоместных венгерских дворян. На свадебном пиру они кичатся друг перед другом своими богатствами и нарядами. Но это лишь шутовской маскарад. Кончается пир, наступает утро, и мнимые богачи спешат возратить по принадлежности взятые ими для свадьбы напрокат кареты, дорогие костюмы, украшения и вußь превращаются в рабелепных мелких чиновников.

Сборник впервые знакомит советского читателя с произведениями таких крупных венгерских писателей, представителей критического реализма в венгерской литературе XX века, как И. Тёмёркени, Ф. Мора и Ж. Мориц. В феодально-капиталистической Венгрии, находившейся в полукOLONиальной зависимости от Австрии, эти писатели были продолжателями прогрессивных народно-демократических традиций передовой венгерской литературы. Реалистически изображая суровую, невыносимо тяжёлую жизнь венгерских крестьян и рабочих, они разоблачали хищнический характер капитализма. Эти прогрессивные художники развеяли распространявшиеся реакционными писателями того времени легенды о будто бы патриархальной взаимной любви между господами и бедняками, о любви венгров к их национальным угнетателям. Тёмёркени, Мора и Мориц рисовали тёмное царство габсбургской монархии и произвол капитала в Венгрии. Эти писатели — не спокойные наблюдатели жизни и не холодные иронисты, — они бурно протестуют против буржуазного гнёта, их сердца обливаются кровью при виде страданий народа.

В рассказе «Первый год женитьбы» Иштван Тёмёркени рисует горемычную жизнь молодой безземельной крестьянской пары, Михая и Клары Миндсенти, взявших на кабальных условиях за выкорчёвывание лесного участка. Они живут в сырой землянке, их ребёнок, едва успев родиться, умирает, и они ещё должны уплатить штраф за то, что не позвали врача. Сжатыми, ску-

пыми штрихами Тёмёркени с потрясающей силой изображает издевательское лицемерие местных властей, привлекающих этих бедняков к ответственности за смерть их ребёнка — жертвы ужасных жизненных условий.

Подлинно человеческие чувства Михая и Клары противопоставлены бездушию людей, поддерживающих капиталистическую систему порабощения, — чиновников и кулака, который скупает землю у разорённых крестьян, в безудержной жажде обогащения не останавливается даже перед убийством (рассказ «Земельные прирезки»).

Тёмёркени создаёт поэтические образы трудолюбивых и талантливых людей из народа. Эти люди — пастух Ферко, молодой паренёк с талантом художника, неутомимый труженик крестьянин Янош Пал, солдаты, тоскующие по своей родине и чувствующие себя в габсбургской армии невольниками на чужбине. Взрослые бородатые крестьяне в солдатских мундирах с трогательной нежностью выхаживают замёрзших ласточек, напоминающих им о родине. Но не сентиментальностью, а подлинным лиризмом проникнуты рассказы Тёмёркени об угнетённых людях Венгрии.

В некоторых произведениях («В штаб-квартире забастовщиков») Тёмёркени показывает также рост классового самосознания и пролетарского интернационализма в рядах рабочих; на его творчестве сказалось благотворное влияние могучего подъёма рабочего движения в Венгрии в начале девятисотых годов и первой русской революции 1905 года.

Особняком стоят в сборнике рассказы Э. Амбруша. Он пишет о жизни венгерской городской буржуазии и аристократии девятисотых годов, высмеивая карьеризм и моральное разложение крупных буржуазных адвокатов, преуспевающих врачей, тунеядство, спесь и невежество венгерских аристократов. Рассказы Амбруша отличаются тонкостью сатирического рисунка. В книге помещена серия рассказов «Горемычные Яноши» талантливого писателя Ференца Мора. В этих миниатюрах писатель-гуманист рисует жестокую эксплуатацию крестьян-бедняков, получивших землю в начале двадцатых годов по грабительской «земельной реформе» контрреволюционного правительства Хорти. Сильнейшим обвинительным актом против хортистского режима являются картины распродажи с молотка зем-

ли и домашнего скарба горемычного Яноши, поджога собственной хаты дошедшим до отчаяния хозяином, ужасной жизни бедной крестьянки, муж которой погиб на фронте первой империалистической войны. И Мора прямо отвечает на вопрос, кто же тут виноват. «Режим. Да, да, этот мистический, неувловимый, неодолимый режим, который всё ещё не удалось схватить за горло, похожий с виду на страшную каменную скалу, а на деле призрак, сотканный из туманов».

Драматизм повествования, острота конфликтов и скупой рисунок образов и характеров являются характерными чертами творчества Мора в период его зрелости.

Выдающийся представитель критического реализма в венгерской литературе XX века Жигмонд Мориц вскрывает в своих рассказах моральное опустошение людей, охваченных жаждой приобретательства. Для Морица характерно противопоставление внешне идиллической картины крестьянской жизни, где всё как будто тишь и гладь, подлинному мрачному содержанию этой жизни, полной острых конфликтов и борьбы. Так, например, в рассказе «Водопойная колода» перед нашими глазами со всё нарастающим драматизмом совершается делёжка сыновьями скудного наследства, оставшегося после смерти их отца-батрака. Раньше сыновья жили в мире и согласии. Теперь они оказываются отвратительными, жадными стяжателями и дочиста обирают даже свою мать. В рассказе «В шуршащей, шелестящей тафте» Мориц вновь показывает, как собственнические инстинкты извращают родственные чувства и отношения, как старик-крестьянин Петер Керек дерёт три шкуры даже с собственной дочери. С трагической силой раскрывается в рассказе Морица «Хоть однажды досыта наесться» картина непримиримых социальных противоречий между батраками и помещиками. Доведённый помещиком до отчаяния батрак убивает жандарма.

Десять рассказов Ж. Морица, включённых в сборник, дают читателю верное представление о творчестве этого писателя, являющегося наряду с крупным революционным венгерским поэтом Э. Ади глашатаем демократической революции в Венгрии. Кровная связь Морица с трудовым народом, глубокое знание жизни и огромный талант принесли ему немалую известность уже в его время. Но настоящую популярность приобрёл он теперь, в народно-демократической

Бенгрии, когда произведения Морица стали доступными для самых широких масс.

Рецензируемый сборник в целом даёт относительно полное представление о разнообразии и богатстве венгерской демократической повести и новеллы и об их развитии, начиная с первой половины XIX века, от первых основополагающих произведений Петефи до зрелого реалистического мастерства Жигмонда Морица. О каждом из писателей в книге даны краткие биографические справки.

Можно лишь пожалеть о том, что в книгу не вошли повести Лайоша Толнай, занимающие важное место в прогрессивной литературе Венгрии.

Советскому читателю, вероятно, бросится в глаза, что почти весь сборник посвящён крестьянской тематике. Это не случайность. Полуколониальная зависимость Венгрии от Австрии, тяжёлое бремя остатков феодальных отношений в венгерском сельском хозяйстве, его отсталость, эксплуатация труда

щегося крестьянства, доводящая его до разорения, — всё это делало аграрный вопрос центральной проблемой венгерской жизни вплоть до 1918 года. Рабочий класс стал ведущей силой в венгерском революционном движении лишь к началу XX века. Поэтому в течение долгого времени в центре внимания венгерской демократической литературы стоял угнетённый крестьянин.

За последние годы советский читатель получил возможность ознакомиться в переводах на русский язык с рядом крупнейших венгерских поэтов и прозаиков, их романами, поэмами и пьесами. Сборник «Венгерские повести и рассказы» расширяет круг имён и произведений венгерской литературы, вошедших в наш культурный обиход. В этом — значение рецензируемой книги. Остаётся пожелать, чтобы подобного рода сборники издавались и впредь, знакомя читателя с новыми переводами лучших образцов венгерской прозы.

И. ЛИППАЙ.

★

«Избранное» Сватоплука Чеха

Недавно изданный том избранных произведений Сватоплука Чеха впервые даёт русскому читателю возможность более или менее широко познакомиться с творчеством выдающегося чешского писателя последней четверти XIX века. До выхода этой книги Св. Чех был почти не знаком советскому читателю. Немногие его произведения, переведённые у нас, были разбросаны по отдельным изданиям, а то, что появлялось в русской печати ещё при жизни писателя, обычно переведено бывало далеко не лучшим образом и к тому же часто с оригиналов, искажённых цензурой. Многие его стихотворения, в которых писатель с наибольшей силой и резкостью высказывал свои взгляды, были запрещены и публиковались лишь после его смерти. «Избранное» Св. Чеха — результат большой работы, проделанной за последние годы советскими литераторами. Но и на шестистах страницах этого сборника представлено не всё лучшее из его творческого наследия, составляющего в полном чешском издании тридцать томов.

Книга включает как поэтические, так и

прозаические произведения писателя. В раздел поэзии входят ранние стихотворения (часть из них опубликована после смерти поэта), стихотворения, в разное время печатавшиеся в журналах, два сборника политической лирики и лучшие поэмы. Проза представлена несколькими очерками, рассказами и большим «Путешествием господина Броучека в пятнадцатое столетие». Сборник содержит важнейшие произведения писателя и вместе с тем даёт представление об эволюции его творчества.

В последнем из законченных произведений — поэме «Ко всему миру» (1908) — Св. Чех устами своего героя-рабочего говорит:

Только тот, кто держит гордо
Лиру нищих, — наш поэт.

Эти слова характеризуют самого Св. Чеха, выдающегося рабочего поэта конца прошлого века.

Его творчество мужает вместе с ростом чешского пролетариата. Его стихи быстро завоевывают себе признание, читаются на митингах и рабочих сходках. Они вызывают вражду идеологов буржуазии. Буржуазная критика при жизни Св. Чеха и после его смерти стремится умалить общественное воздействие политических, в том числе

Сватоплук Чех. «Избранное». Перевод с чешского. Государственное издательство художественной литературы, М. 1954.

сатирических, произведений поэта, утверждая, что они якобы не имеют художественной ценности; его называют «певцом родной земли» и хвалят только его ранние идиллически окрашенные стихотворения, стараясь представить их как лучшее, что он создал. Но виднейшие представители прогрессивной интеллигенции всегда выступали в защиту поэта. Выдающийся чешский писатель Ян Неруда приветствовал рождение нового таланта в рецензии на первый сборник стихов Св. Чеха ещё в 1874 году; и в последующих статьях он всегда высоко оценивал его произведения. В статье «Наши новые сочинения» (1880) Неруда писал: «Чех является любимцем чешского общества... Его популярность очень устойчива со времени первого выступления, и она постоянно растёт. Причины этого легко понять тому, кто знаком с последними сборниками его произведений». Рабочий журнал «Право лиду» в статье «Кому принадлежит Сватоплук Чех» (1895) писал о «Песнях раба»: «Они написаны от души для нас, рабочих, наследников мировой культуры. Действия, язык и страдания рабов — это наши действия, язык и страдания».

Литературно-общественная борьба, разгоревшаяся вокруг творчества писателя, свидетельствует об актуальности и ценности произведений Св. Чеха.

Сватоплук Чех родился 21 февраля 1846 года в небольшом местечке Остршедек, близ города Бенешов, в семье управляющего имением. Окончив гимназию, будущий поэт изучал юриспруденцию в Праге, где и началась его литературная деятельность. Шестидесятые годы, когда Св. Чех пришёл в литературу, были годами подъёма национально-освободительного движения в чешских землях Австрийской империи. С новой силой выдвинулся тогда вопрос о национальной независимости чехов, и вместе с этим начиналось заметное оживление литературной жизни. Организовались новые журналы и альманахи; некоторое ослабление цензуры дало возможность чешским писателям сильнее, чем прежде, выступать в защиту угнетаемого родного народа. В это время Св. Чех опубликовал свои первые произведения.

Ранние стихотворения поэта, включённые в сборник, в достаточной степени характеризуют первый период его творчества. Длительный до конца семидесятых годов.

В этих произведениях преобладают мотивы любви к родной природе, к простому народу; но уже и в них всё чаще звучит настойчивый призыв к борьбе. Ради счастья остаться свободной гибнет дочь от руки матери («Критянки»), за свободу умирает смелый барабанщик на поле боя («Барабан»), смелую песню о борьбе за свободу поёт «скрипка нищего певца» («Песни обездоленных»).

Стихотворения последующих лет, публиковавшиеся в издаваемом Св. Чехом журнале «Кветы», в журнале Неруды «Люмир» и других изданиях, родственны его ранним произведениям. В них появляется, однако, новая тема, которая впоследствии станет главной в творчестве поэта, — тема труда и рабочего человека. Зорким глазом большого художника Св. Чех подметил ростки того, что определило содержание всей новой исторической эпохи, — рост пролетариата, выход чешского пролетариата на арену политической борьбы. Эти стихотворения Св. Чеха оптимистичны, полны веры в человека труда: «Ты — будущих веков законный властелин».

Своё поэтическое кредо Чех выражает в четверостишии:

Я к тем иду, кто угнетён трудом,
Для них одних я буду другом;
Рабочий я, хотя служу пером,
А вы, о братья, — молотом и плугом.

Он пишет о пропасти, разделяющей рабочих и капиталистов, о неизбежности решительной борьбы между ними.

Лучшие поэтические произведения Св. Чеха были собраны им самим в двух сборниках политической лирики — «Утренние песни» и «Новые песни». Вышедшие в конце восьмидесятых годов, они знаменовали расцвет могучего таланта Св. Чеха. Поэт, которого Юлиус Фучик назвал «самым выдающимся из поэтов девяностых годов», стремится поднять народ на борьбу:

Песне разбудить всех спящих нужно,
Близкий день провозглашать и славить!

Он напоминает народу о замечательных страницах чешской истории — о гуситских войнах, и мы находим в его собственном творчестве отголоски той борьбы за сохранение и возрождение революционных традиций гуситов, которую вели представители передового чешского искусства с идеологами реакционной буржуазии. Но не эта

ярко демократическая черта составляет главное достоинство и новизну «Утренних песен» и «Новых песен»; они знаменательны тем, что в них ещё яснее, чем в стихотворениях семидесятых годов, слышен мощный голос пролетариата, приходящего к осознанию своей силы. Мы встречаем в этих сборниках образ надвигающейся бури, часто встречавшийся уже в ранних произведениях поэта. Но если в первых стихотворениях Св. Чеха «буря» была лишь мечтой поэта об обновлении жизни, то теперь она становится олицетворением реальных исторических сил. Очень ярко и сильно выражено это в стихотворении «Подземный ропот». Всюду, «в салон роскошный, в душный цех фабричный, в зал сейма и на постоялый двор», проникает гул, нарастающий под землёй. Этот гул, от которого никуда не укрыться, — предвестник неотвратимого крушения старого мира, как подземный гул и удары вулкана, грозящего извержением.

Всё рухнет в бездну: судьи и законы.
 Попов анафемы, певцов мольба и стон
 замрут от ужаса. Падёт, сметённый,
 как домик карточный, весь старый строй,
 и все препоны
 сметёт сей вихрь, рождённый под землёй!

Веря в неизбежность революции и приветствуя её, Св. Чех ясно видит того, кто её совершит, — рабочего. Ю. Фучик писал о сборниках «Утренние песни» и «Новые песни», что Св. Чех «слышит подземный рокот пролетарской революции и видит в рабочем единственного героя будущего».

Вопросы национально-освободительной борьбы чешского народа против австрийских угнетателей и социальная борьба чешского пролетариата против австрийских и чешских капиталистов теперь объединяются в мировоззрении и творчестве Св. Чеха. Теперь он — певец борьбы пролетариата за социальное и национальное освобождение всего народа.

Перу Св. Чеха принадлежит более десяти поэм (в «Избранное» включены из них шесть).

В 1883 году Св. Чех опубликовал поэму «Лешетинский кузнец». Она была конфискована сразу после выхода, но широко распространилась по Чехии в списках.

«Лешетинский кузнец» был непосредственным откликом поэта на те перемены,

которые принесло быстрое развитие капитализма в эти годы. Рост промышленных предприятий ухудшал положение деревни, всеми силами сопротивляющейся проникновению капитала. Один из эпизодов этой борьбы рассказан Чехом в поэме, завершающейся грозным восстанием рабочих.

Поэт показал действительного, конкретного врага пролетариата и крестьянства — класс капиталистов, призвал к революционной борьбе против него. Но поэма «Лешетинский кузнец» выявила также слабую сторону мировоззрения Св. Чеха — всё ещё не преодоленную идеализацию патриархальной деревни. В последующих произведениях Св. Чеха остатки этой идеализации исчезнут.

Поэма замечательна своим простым, выразительным языком, тонким лиризмом, особенно в песнях Вацлава и Лидушки; вскоре после выхода поэмы эти песни можно было услышать в любом уголке Чехии. Св. Чеха вообще отличает тщательность работы над языком; «щитом в борьбе» называл он родную речь.

Наибольший успех выпал на долю поэмы Св. Чеха «Песни раба» (1895). Ю. Фучик отмечал, что «Песни раба» «стали настольной книгой целого поколения рабочих и самой популярной чешской поэмой вообще». О необыкновенной популярности «Песен раба» говорит и число их изданий: за пять месяцев они были изданы двадцать три раза!

Действие поэмы перенесено в некую экзотическую страну, где мощь и красота природы контрастируют с бедственным положением рабов. Сюжетом послужила история бегства раба и молодой рабыни. Их счастье недолговечно: она погибает от руки надсмотрщика, а он снова попадает в рабство. Но не трагическая история этих молодых людей, не мирящихся с неволей, составляет основное содержание поэмы, а песни рабов, исполненные грозной силы, жажды мщения, уверенности в близкой победе. В неведомом угнетённом народе, изображённом в поэме, нетрудно было узнать родной народ Св. Чеха, тем более, что некоторые издания поэмы сопровождались рисунками, на которых были изображены чехи в национальных костюмах. С чувством глубокой боли за свою страну пишет поэт о национальном угнетении Чехии, об австрийских угнетателях,

вящих кругов, девиз которых: «Золото — бог нашего века»).

Писатель борется за чистоту чешской литературы, наводняемой романами, представлявшими собой «мешанину из крови и иезуитской грязи» («Prrrrбумбум»). Едко высмеивает Св. Чех либерально-буржуазных литераторов, сохранивших от былой прогрессивности только красивые фразы. Резко сатирически рисует он бывших «вольномумцев», которые превратились в ручных подхалимов и самые бездарные из которых оказались и самыми высокопоставленными лицами: бывший «Вольтер» стал ксендзом, бывший «Марат» прочно утвердился на должности полицейского комиссара («Буревестники»).

Рассказ «В отблеске гранатов» запоминается своим годлиным трагизмом. В отблеске гранатов, сверкающих на шее у весёлой светской девушки, писатель видит картины ужасающей нищеты, в которой живёт семья женщины, шлифующей эти гранаты.

В тех рассказах Св. Чеха, где он обращается к истории, видна гордость писателя героическим прошлым своего народа. Вспоминая о минувшем, он переносится мыслями к настоящему, воскрешает заветы погибших в борьбе. В колокольном звоне, плывущем над Прагой, писатель слышит один напев, звучащий, «как дружный громовой клич умерших поколений, обращённый к живым, как призыв к действию, к обороне, как набат, зовущий дать отпор врагу...» («Пражские колокола»).

Рассказы Св. Чеха глубоко реалистичны, писатель показал себя в них мастером, умеющим в тесных рамках уместить большие мысли, конкретные, жизненные образы.

Наибольший интерес в прозаическом разделе сборника представляет самое известное прозаическое произведение Св. Чеха «Путешествие господина Броучека в пятнадцатое столетие», впервые опубликованное в 1888 году. Двумя годами раньше писатель издал «Путешествие господина Броучека на луну» — пародию на расплодившиеся тогда фантастические романы. Герой Св. Чеха отправляется на луну прямо из своего любимого кабачка, куда благополучно и возвращается. Человеком, совершающим столь незаурядные путешествия, писатель делает пражского мещанина, домозладельца господина Броучека, в кото-

ром мы находим типичные черты чешского обывателя. Книга имела большой успех, и Св. Чех продолжил повествование о Броучеке; он описал его путешествие в прошлое.

Эта вторая книга направлена остриём своей сатиры против чешского обывателя, кичащегося своим патриотизмом и считающего себя единственным достойным представителем чешской нации. Атрибуты безудержного фантастико-приключенческого романа — таинственная шахта, в которую попадает господин Броучек, подземный ход под руслом Влтавы, сокровищница чешских королей — обрамляют повесть, усугубляя комизм положения господина Броучека, начитавшегося рыцарских романов и в злополучный день излишне доверившегося пивной кружке.

Броучек попадает в Прагу XV века, как раз перед сражением Жижки с крестоносцами на Витковой горе. В эти дни, когда вся Прага была объята огнём восстания, очень скоро обнаруживается моральное превосходство гуситов над их жалким потомком. Сталкывая Броучека с революционерами чешского средневековья, Св. Чех убеждает читателя, что чешский мещанин чужд настоящей национальной культуры, чужд высоких патриотических идеалов. Его моральное убожество особенно сильно выделяется на фоне воинственного настроения пражан, не жалеющих жизни в борьбе с немцами. Подобная «неуравновешенность» гуситов приводит Броучека в глубокое изумление: ведь гораздо удобнее выдавать себя попеременно то за немца, то за гусита, тем более, что за такие поступки пражанину XIX века грозил бы лишь «бумажный, газетный позорный столб, который из-за постоянного взаимного предательства политиков уже почти не производит впечатления». Господина Матея Броучека, ставшего «братом Матеем», Жижка приказывает за трусость в бою сжечь в бочке. Слова Жижки «...бог даст, у нас никогда не будет таких потомков» звучат приговором всей чешской буржуазии. Св. Чех в своей книге разоблачает современную ему чешскую буржуазию, изменившую делу национального освобождения народа, раболепствующую перед австрийским правительством, предавшую родину.

Имя Броучека вскоре стало нарицательным. Книгу о путешествии Броучека и до сего дня знают и любят читатели народно-демократической Чехословакии.

Том избранных сочинений Св. Чеха явился доказательством того большого уважения и интереса, которые питает советский народ к культуре братских славянских народов. Стихи и поэмы переведены опытными переводчиками, донесшими до советского читателя простоту и своеобразие творений чешского поэта; умело передана сатирическая манера письма Св. Чеха в «Путешествии господина Броучека». Книга обстоятельно, со знанием дела комментирована, снабжена добротной вступительной статьёй Л. Кишкина. Автора статьи и комментариев можно упрекнуть лишь в некоторых мелких недочётах. Так, например, стихотворение «Последнее» ошибочно включено в цикл «Новые песни» — на деле оно

входит в «Утренние песни». В сборнике «Новые песни» не 36 стихотворений, как говорится в комментариях, а только 32. Не следовало бы название одного и того же рассказа дважды переводить по-разному («Последний день мая» в предисловии, «Последний май» — в сборнике). В предисловии, в комментариях и под текстом поэмы «Косари» стоят три разные даты и т. п. Отмеченные частные недостатки отнюдь не определяют, однако, работу составительницы сборника, которая в целом должна быть оценена высоко.

Книга избранных произведений классика чешской литературы Сватоуплука Чеха будет с интересом прочитана советским читателем.

Ю. ГАВРИЛОВ.

★

Политика и наука

Исторические корни англо-американских противоречий

Обострение американско-английских отношений, являющееся одной из характерных черт современного международного положения, представляет собой определённый этап в развитии длительного антагонизма, разделяющего Англию и США. Менялись исторические условия, цели и объекты соперничества. За периодами вооружённых конфликтов следовали годы «союза» и даже «сотрудничества». Неизменным оставалось только постоянное усиление противоречий между «англо-саксонскими кузенами».

Буржуазная историография «отрицает» эти бесспорные факты. Пытаясь скрыть внутреннюю слабость агрессивного лагеря и растущие разногласия среди его главных участников, учёные прислужники империализма не останавливаются перед прямой фальсификацией истории.

«Почему народы Америки и Англии, с общими традициями и языком, столь часто не понимали друг друга?» — с деланной наивностью вопрошает Э. Джон, автор работы «Атлантическое столкновение 1861 года», вышедшей одновременно в Англии, Австралии и Канаде. По его мнению, при-

чиной подобного «непонимания» является не столкновение реальных интересов, а преходящее различие точек зрения. Ему вторят Г. Робертс и П. Вильсон, авторы официальной книги «Британия и Соединённые Штаты», изданной на средства «Фонда Рокфеллера» американским Советом по иностранным делам и английским Королевским институтом международных отношений. В этом «труде» говорится о прошлых англо-американских столкновениях лишь для того, чтобы подчеркнуть якобы существующую ныне «общность» политики обеих стран. Старые же противоречия объясняются здесь ссылками на особенность географического положения, будто бы потерявшего в настоящее время прежнее значение. Учёные авторы из английского и американского институтов не останавливаются и перед таким анекдотическим объяснением: общность языка заставляла-де США и Англию надеяться на полное взаимопонимание, поэтому малейшее расхождение взглядов порождало раздражение и разногласия.

Как же обстояли дела в действительности?

Среди населения английских колоний в Америке, освободившихся в конце XVIII века от угнетения метрополией и образовавших США, из поколения в поколение передавались традиции борьбы против исконного врага — Англии. Эти традиции усердно поддерживали господствующие классы США, для которых английская буржуазия

Е. John. „Atlantic impact 1861“, 1952. (Э. Джон. „Атлантическое столкновение 1861 года“, 1952). П. Roberts and P. Wilson. „Britain and the United States. Problems in cooperation“, 1953. (Г. Робертс и П. Вильсон. „Британия и Соединённые Штаты. Проблемы сотрудничества“, 1953).

долгое время была единственным реальным соперником в Западном полушарии. Уже в начале XIX века конгресс США открыто требовал захвата Канады, изгнания Англии «из Северной Америки и включения её владений в состав Соединённых Штатов». Один из конгрессменов — некто Грэнди — бросил тогда лозунг: «Мы должны вышвырнуть британцев с нашего континента».

В 1812—1814 годах происходила война между США и Англией, не принесшая лавров ни английскому, ни американскому оружию. Правда, в августе 1814 года небольшой английский десант, высадившийся неподалёку от Вашингтона, занял столицу США после того, как американские войска, возглавляемые президентом Медиссоном, без боя обратились в паническое бегство. Английские «кузены» отметили своё пребывание в Вашингтоне сожжением Белого дома и здания конгресса — Капитолия. Газета «Таймс» писала тогда: «Наши требования могут быть сведены к одному слову: капитуляция», а другая влиятельная лондонская газета, «Морнинг пост», обосновывая действия английских войск, утверждала, что правительство США «завоевало себе репутацию наиболее беспринципного и презренного правительства на земле».

Из десятилетия в десятилетие нарастала ожесточённая борьба США и Англии за влияние в странах Латинской Америки, в ходе которой правительства Лондона и Вашингтона организовывали восстания, перевороты, убийства государственных деятелей. Правящие круги США постоянно стремились использовать любой повод для наступления на английские позиции. Во время Крымской войны государственный секретарь Эверетт объявил, что «неотвратимая судьба» требует перехода к США всех владений европейских государств в Западном полушарии. Это было равнозначно требованию аннексии Канады, Ямайки, Тринидада и других английских колоний. В свою очередь английский министр иностранных дел Кларендон официально сообщил, что Англия не признаёт доктрины Монро, после чего английский морской министр писал: «Мы почти вовлечены в войну с США».

Весьма характерно, что Э. Джон, сумевший найти в своей книге место для описания семейных добродетелей второстепенных американских политиков, становится исключительно немногословным, когда дело доходит до англо-американских взаимоотноше-

ний первой половины XIX века. А ведь именно в этот период возникло и англо-американское соперничество на Дальнем Востоке. Наиболее рьяные экспансионисты, вроде адмирала Перри, командующего американским флотом на Дальнем Востоке, требовали захвата Сиам, Индо-Китая, Борнео, Суматры, чтобы «предвосхитить замыслы бесовского английского правительства, алчность которого ограничивается только способностью удовлетворять её».

В 1857 году, обсуждая возможность оккупации китайского острова Тайвань, американский посол в Китае Паркер в своих донесениях государственному секретарю выдвигал на первый план вытеснение Англии из бассейна Тихого океана. Узнав о беспокойстве, вызванном в Лондоне американскими намерениями в отношении Тайваня, Паркер направил английскому послу в Китае Боурингу письмо, в котором нагло обосновывал «приоритет притязания на него (Тайвань. — *Е. Ч.*) со стороны Соединённых Штатов».

Ничего подобного не находит читатель в книге Э. Джона, хотя, казалось бы, тема её предполагала серьёзное освещение этого вопроса. Автор ухитрился, однако, отделаться несколькими ничего не горящими фразами. Ещё более бесцеремонно ведёт себя Э. Джон, переходя к периоду гражданской войны в США, которому в основном посвящена его работа.

Английская дипломатия в эти годы стремилась увековечить распад США. Лондонский журнал «Спектейтор», отражая настроения, господствующие в правящих кругах, писал, что государства, на которые распадутся США, «будут удерживать друг друга от проявления честолюбия; они будут взаимно нейтрализовать свои силы, и, если возникнет когда-нибудь у Англии конфликт с одной из них или многими, простое соперничество заставит антагонистические группы прийти к нам на помощь».

8 ноября 1861 года произошёл известный в истории эпизод с английским кораблём «Трент», положенный Э. Джоном в основу его книжки. Рабовладельческие эмиссары Сладель и Мэзон, находившиеся на судне, были сняты с него по приказу капитана американского военного крейсера. Английская буржуазия стала бряцать оружием. «30 ноября, — отмечал Маркс, — все лондонские газеты, за исключением одной только «Morning Star», поставили альтернати-

ву — или вашингтонский кабинет дает удовлетворение, или в о й н а»¹.

Хотя правительство президента Линкольна и пошло на уступки, лишь решительные выступления английского пролетариата, а также позиция России, поддержавшей Север, побудили буржуазию Англии отказаться от вооружённого вмешательства в гражданскую войну в США на стороне рабовладельцев.

Вынужденный признать общеизвестные факты, Э. Джон, рассуждая главным образом по поводу мифического «англо-саксонского единства», неоднократно и многозначительно подчёркивает, что Англия уже в те времена была союзницей американской реакции — плантаторов Юга и северных банкиров и биржевиков. Похвалы рабовладельцам, размышления о «бессмысленности» борьбы за освобождение негров перемежаются у него с уверениями, что английский премьер-министр Пальмерстон и послушная ему лондонская печать в конечном счёте якобы стремились подавить настроения в пользу вооружённой интервенции. Автор усердно рекламирует своё «открытие», что Англия, поскольку она не вмешалась в гражданскую войну, спасла «единство США». Так, жонглируя нелепыми вымыслами, Э. Джон интерпретирует историю англо-американских противоречий.

Нечего и говорить, что, по его уверению, после гражданской войны наступил период полной англо-американской гармонии; возникавшие время от времени мелкие споры решались в порядке арбитража. Утверждения Э. Джона и здесь прямо противоположны исторической истине.

Сразу же после окончания гражданской войны в конгрессе США снова был поднят вопрос о Канаде, границу которой начали переходить американские вооружённые отряды. Правящие круги США устами Сомпера, председателя комиссии по иностранным делам, требовали от Англии или уплаты двух миллиардов долларов в качестве возмещения убытков, понесённых США из-за поддержки Англией Юга, или уступки Канады. Насколько северная соседка опасалась американской угрозы, видно из того, что даже железнодорожное строительство в Канаде велось тогда с расчётом предотвратить занятие её слабо заселённых западных территорий Соединёнными Штатами.

¹ К Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 210.

В последней трети XIX века американская буржуазия, используя свою растущую экономическую мощь, повела прямое наступление против Англии. По инициативе государственного департамента в 1889 году созывается первый панамериканский конгресс, на котором США предложили организовать таможенный союз, что привело бы к ликвидации позиций Англии в латиноамериканских странах. В проведение антианглийской кампании включились обе основные партии американской буржуазии — республиканская и демократическая. Журнал «Ревью оф политикс» писал в 1895 году: «Англичане должны готовиться к тому, чтобы убраться восвояси», имея в виду Западное полушарие.

Наиболее дальновидные представители английских правящих классов уже тогда указывали, что политика США угрожает основам Британской империи. «Весьма вероятно, что в недалёком будущем мы станем свидетелями краха Британской империи... — с горечью констатировал известный английский журнал «Контемпорери ревью». — Гегемония над рассеянными частями нашей расы естественно перейдёт к Соединённым Штатам, а Великобритания сойдёт на уровень третьестепенной державы».

Реакционная историография, распространяющая миф о «смягчении» англо-американских противоречий в XX веке, обычно прибегает к весьма несложным приёмам извращения истории. Вынужденные уступки Англии, занятой борьбой с другими империалистическими хищниками, она выдаёт за осознание «англо-сакской общности», всячески выпячивает «успехи» во временном улаживании частных споров и одновременно игнорирует всё обостряющуюся борьбу английских и американских империалистов за передел уже поделённого мира. Глашатаи исторической правды «забывают» указать вдобавок, что Англия теряла от «сотрудничества» с США значительно больше, чем от предшествующего ему столетия открытой вражды.

В ходе первой мировой войны США удалось не только резко изменить в свою пользу соотношение сил, но и сделать крупный шаг на пути ликвидации английских позиций в Западном полушарии и на Дальнем Востоке. Верный приказчик Уолл-стрита президент Вильсон не скрывал своего намерения заставить Англию принять амери-

канскую «концепцию мира». Недаром английский премьер-министр Ллойд-Джордж называл прибытие в Европу американских войск «крупнейшим поражением Англии».

После первой мировой войны противоречия между двумя странами превратились в главные противоречия внутри капитализма. Американские и английские монополии вели беспощадную борьбу за источники сырья, рынки сбыта, сферы приложения капитала. Из года в год обострялись «нефтяные», «каучуковые», «хлопковые» столкновения монополистов Сити и Уолл-стрита. Принятая в 1928 году программа военно-морского строительства США была, по выражению сенатора Уолша, «рассчитана в первую очередь на войну с Англией».

Англо-американские отношения во время второй мировой войны рисуются буржуазными историками как сплошная идиллия ничем не омрачаемого единства. Авторы книги «Британия и Соединённые Штаты» уверяют, что обе державы в военные годы «достигли такой степени сотрудничества, которая ранее была невозможной и никогда не достигалась двумя суверенными нациями». Но если отвлечься от писаний штатных империалистических пропагандистов, то картина выглядит совсем не такой идиллической, как её пытаются представить Совет по иностранным делам и Королевский институт международных отношений.

Влиятельные монополистические круги США и отражавшая их взгляды часть верхушки республиканской партии были готовы заключить соглашение с фашистской Германией и милитаристской Японией о разделе Британской империи. «Будет лучше», — писала в 1940 году американская газета «Таймс геральд», — если мир уже сейчас узнает, что мы желаем получить из английского наследства». Когда Англия пожинала горькие плоды мюнхенской политики, председатель сенатской комиссии по иностранным делам Питтмен предложил, чтобы правительство Черчилля «оставило английский остров Гитлеру» и перевело свой военный флот в гавани США.

Впрочем, большинство американских правящих кругов предпочитало достигнуть той же цели «поглощения» Британской империи иными средствами. Идеолог Уолл-стрита Мак-Кормик в книге «Америка и мировое господство» писал: «По мере того, как Англия будет ослабевать, Соединённые Штаты будут усиливаться. По мере того,

как власть Англии над миром будет сокращаться, будет расширяться владычество США; там, где кончается господство Англии, там должна начаться власть Америки». В полном соответствии с подобной тенденцией американская «помощь» Англии предоставлялась на таких ростовщических условиях, что в результате её, как писал английский премьер-министр Черчилль президенту США, «мы (то есть Англия. — Е. Ч.) должны стоять раздетыми догола».

С помощью экономического, политического и военного давления империалистам США удалось вторгнуться во многие районы, бывшие до войны заповедной сферой Англии, и в значительной мере вытеснить её из бассейна Тихого океана. Воротилы Уолл-стрита бесцеремонно использовали затруднения своих британских коллег для захвата источников сырья и рынков сбыта. Главной ареной «мировой дуэли за нефть», как назвал журнал «Юнайтед Стейтс ньюс» схватку американских и английских нефтяных трестов, стали страны Ближнего и Среднего Востока. Острая борьба, развёртывавшаяся в годы войны за кулисами американо-английского сотрудничества, находила отражение в ожесточённых спорах по валютным вопросам, в столкновениях между английским и американским военным командованием, в постоянной тайной войне разведок. В результате премьер-министр Англии во время одной из встреч с президентом США заявил: «Господин президент, мне кажется, Вы собираетесь покончить с Британской империей».

Авторы книги «Британия и Соединённые Штаты», подробно излагая вопрос об англо-американских отношениях в послевоенный период, не щадят усилий, доказывая, что никакого соперничества между США и Англией в Европе и Латинской Америке, на Ближнем и Дальнем Востоке, в британских колониях и доминионах не существует и что разногласия между двумя державами носят якобы характер расхождения в «оттенках» мнений. Порождаются же эти «оттенки» главным образом «непониманием» или традициями, которые давно пора сдать в архив. В своём апологетическом усердии авторы считают, что всё это является лишь «желанным свидетельством здоровой конкуренции в торговле идеями». Однако подобная конкуренция развёртывается отнюдь не в идеальной сфере, а в «торговле» вполне материальными ценностями.

Никогда ещё «американский союз» не обходился так дорого для английских интересов, как после второй мировой войны. Включение Англии в Северо-атлантический агрессивный блок позволило США не выпускать своего английского партнёра из тисков зависимости, усилить приток в страны Британской империи, постепенно низводить Великобританию до положения вассальной державы. Достаточно сказать, что в 1938 году заграничные капиталовложения США составляли половину английских инвестиций, а в 1949 году превысили их в четыре раза. Американские миллиардеры фактически захватили Канаду, прибирают к рукам Австралию, Новую Зеландию и другие английские доминионы и колонии, вытесняют Англию из зоны Суэцкого канала, завладевают нефтяными районами, которыми она владела.

Исторические свидетельства наглядно показывают, насколько союз с США ускорял и усиливал распад Британской империи. Факты послевоенных лет ещё более убе-

ждают, что все враги Англии, вместе взятые, не наносили ей таких тяжких ударов, как это делает под видом «сотрудничества» её американский «союзник».

Коллективный труд Г. Робертса и П. Вильсона был поднят на щит реакционной печатью, а книга Э. Джона рекомендована газетой «Таймс» как чрезвычайно актуальное исследование. Журнал «Спектейтор» советовал читать эту работу всем, кто обеспокоен развитием англо-американских отношений.

Но ни индивидуальные, ни «коллективные» усилия фальсификаторов не в состоянии скрыть того, что национальные интересы Англии требуют отказа от политики подчинения американскому диктату и от поддержки агрессивных планов империализма США. Это осознают всё более широкие круги английского народа, встающие на путь борьбы за укрепление мира и международной безопасности.

Кандидат исторических наук
Е. ЧЕРНЯК.

★

Неизбежные спутники капитализма

На фотоснимке запечатлён маленький домик. Вокруг него глубокие пески; они занесли надворные постройки, какие-то сооружения, и только верхушки чахлах растений торчат кое-где из этой песчаной пучины. Так выглядит после пыльных бурь покинутая хозяевами ферма в штате Оклахома (США). Трудно поверить, что ещё недавно здесь жили люди, зеленели поля, паслись на сочной траве домашние животные.

Пыльные ураганы — обычное явление во многих районах Соединённых Штатов Америки. Они выдувают и разносят ветром верхние горизонты почвы на огромные расстояния; на некоторых участках обнажается бесплодная подпочва, другие покрываются песчаными дюнами. Только в 1934 году, например, «чёрные бури» повредили почти треть часть всей обрабатываемой в стране площади. По числу засух, по распространению эрозии почв, по истреблению лесов, по количеству заброшенных земель Соединённые Штаты Америки занимают одно из первых мест в мире.

«Вопросы географии капиталистических стран. 1. Расхищение природных ресурсов». Издательство Академии наук СССР, М. 1953.

Исследованию этих и многих других фактов хищнического отношения капитализма к естественным богатствам посвящены статьи сборника «Расхищение природных ресурсов», выпущенного Институтом географии Академии наук СССР. Авторы поставили перед собой задачу — на конкретных материалах, относящихся к использованию почв, лесов, недр, а также на примерах эксплуатации ряда отсталых районов и стран Американского Севера, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии показать, «как империализм, разрушая материальную основу жизни общества, вместе с этим приводит к обнищанию широкие массы трудящегося населения».

Ухудшение экономико-географических условий, варварское разрушение источников плодородия, бессмысленное расточительство даров природы являются неизбежными спутниками капиталистического строя, как указывал Ф. Энгельс. Они обусловлены в конечном счёте основным экономическим законом современного капитализма — погоней за максимальной прибылью.

Особенно много ярких примеров уничтожения естественных ресурсов дают Соединённые Штаты Америки — страна, где не

только в производственных отношениях между людьми, но и во взаимоотношениях между обществом и природой закономерности капиталистического строя выражены наиболее открыто.

Истощение плодородия почв, как правильно подчёркивается в сборнике, приняло в США особенно катастрофические размеры в эпоху империализма и общего кризиса капитализма. Этого не могут скрыть и буржуазные учёные, называя эту эпоху «эпохой ограбления материка».

В книге приведены любопытные данные, сообщённые не кем другим, как руководителем службы охраны почв при министерстве земледелия США Беннетом. Из 762 миллионов гектаров земельной площади страны 423 миллиона гектаров, то есть более половины, в той или иной степени разрушено эрозией (1947 год). Как указывает американская печать, в стране уничтожена большая часть строевого леса, а многие районы совершенно обезлесены. По данным бюро цензов США, при общем годичном приросте древесины в 315 миллионов кубометров, в годы, предшествовавшие второй мировой войне, в Америке ежегодно вырубалось до 330 миллионов кубометров. На страницах зарубежной прессы мы читаем о разливах Миссисипи и Миссури, становящихся всё более разрушительными; ежегодные убытки от наводнений в США сами американцы оценивают в среднем в один миллиард долларов. Чрезвычайно велик материальный ущерб, который наносят американскому сельскому хозяйству опустошительные пыльные бури. На Великих Равнинах, например, только один такой ураган унёс до 300 миллионов тонн наиболее плодородных частиц почвы. А вот ещё одна поражающая воображение справка: в восточной половине Соединённых Штатов бывает до ста тысяч лесных пожаров в год!

В статьях сборника рассматриваются причины эрозии почв и особенности современного сельского хозяйства США, приводящие к разрушению и истощению почв; анализируются хищнические методы эксплуатации месторождений полезных ископаемых, использования лесов в капиталистических странах. Достоинством сборника является то, что авторы соответствующих статей, характеризующие состояние и расхищение природных ресурсов в условиях капитализма, показывают огромные преимущества, которые имеет и в этой области социалистиче-

ская система ведения народного хозяйства перед капиталистической системой хозяйствования.

Советские люди привыкли считать, что огромные богатства нашей страны, принадлежащие всему народу, надо не только бережно использовать, но и заботливо приумножать для будущих поколений. Как рачительный хозяин стремится сделать более удобным и красивым свой дом, так и каждый человек страны социализма беспрестанно трудится, чтобы краше и богаче стала наша земля. Коммунистическая партия и Советское правительство вдохновляют и организуют этот благородный труд.

Вошедшие уже в наш обиход слова «преобразование природы» заключают в себе глубокий смысл. Не надо думать, что этот лозунг осуществляется только там, где мы изменяем течение больших рек, прорываем крупные каналы, воздвигаем огромные плотины, ставим зелёные преграды суховеям или решаем другие подобного рода грандиозные задачи. Повышение плодородия земли, достигаемое день за днём на каждом колхозном поле, будничным трудом любого агронома, лесовода, зоотехника, мелиоратора — это тоже шаг вперёд по пути использования на благо народа тех резервов, которые таятся в географической среде, окружающей человека.

Большие задачи стоят и перед нашими учёными. Только глубокое познание всех связей, существующих между отдельными звеньями природы, позволяет управлять природными процессами, «поощряя» те из них, которые идут на пользу человеку, и сдерживая или предотвращая то, что может нанести вред интересам общества.

Перелистывая страницы сборника «Расхищение природных ресурсов», вдумываясь в данные, приведённые авторами, читатель невольно сравнивает неисчерпаемые возможности роста благосостояния народа, которые имеются в Советской стране, с той поистине страшной перспективой «оскудения» естественных ресурсов, которая нависла над народами в капиталистическом мире.

В то время как наиболее честные буржуазные учёные задумываются над проблемой лишь сохранения в своей стране плодородия почв, запасов древесины в лесах и т. п., советские люди выдвигают и успешно разрешают задачи активного улучшения природной среды путем её преобразования.

Одновременно с этим наша наука решительно расширяет самый круг используемых богатств и сил природы, по-хозяйски оценивая каждый раз, какие резервы могут быть дополнительно введены в действие и что они дадут советскому обществу. Примером может служить постановление партии и правительства об освоении целинных и залежных земель. Площадь вновь осваиваемой целины и залежей — 13 миллионов гектаров — составляет почти 10 процентов современной пашни СССР и примерно в полтора раза превышает всю посевную площадь такой страны, как Англия или даже целого континента Австралии.

Казалось, большая, наводящая на широкие размышления тема о расхищении современным капитализмом естественных ресурсов должна была бы давно уже вызвать многочисленные серьёзные исследования наших учёных. Однако рассматриваемый сборник является едва ли не первой работой такого порядка. До последнего времени вопросы эти затрагивались по большей части только попутно или в слишком общей форме, а специальные научные издания освещали (и то изредка) преимущественно частные природные процессы, естественный ход которых оказался грубо изменённым хищническим вмешательством капитализма (эрозия почв, нарушение гидрологического режима).

Между тем фактов такого порядка зарубежная литература сообщает достаточно много. На первый взгляд такая откровенность саморазоблачений капитализма может показаться неискущённому читателю удивительной. Делается же всё это с определённой целью. Сообщая фактический материал, буржуазные идеологи одновременно преподносят процесс разграбления природных богатств как нечто естественное и неизбежное. Расчёт здесь простой: раз сама природа всё более скупо отпускает свои дары, можно ли, мол, винить общественные отношения в падении урожайности, в росте цен, в обнищании населения?

Наиболее откровенные зарубежные авторы, например, воинствующий американский мракобес, неомальтузианец Фогт, спешат сделать дальнейший «логический» шаг: если неотвратно сокращается круг природных ресурсов и вследствие этого всё суживается «ёмкость территории» (как они любят выражаться), значит, выходом может явиться только сокращение численности населения.

Отсюда вывод: войны, эпидемии, снижение рождаемости вовсе не являются злом, а захват чужих земель можно представить даже делом похвальным.

Важность разоблачения лжи, сплетённой буржуазными идеологами вокруг проблемы естественных ресурсов, очевидна. Однако, к сожалению, некоторые наши видные экономисты и географы с какой-то непонятной и необоснованной, мы бы сказали, осторожностью проходят мимо или касаются лишь вскользь наиболее острых вопросов этой проблемы. А ведь её актуальность требует от учёных по-настоящему, глубоко и всесторонне заняться научной разработкой, а затем и популяризацией темы.

Конечно, отделить факты от той идеологии, в свете которой они собираются и преподносятся, дать им правильную трактовку — задача нелёгкая. Здесь надо быть хорошо вооружённым теоретически для убедительной и доказательной критики зарубежных источников. Уместно отметить, что у нас пока ещё является редкостью совмещение в лице одного исследователя достаточного знания конкретной экономики какой-либо определённой страны, с одной стороны, и с другой — глубокого понимания её физико-географической среды. Другими словами, нам нужно иметь значительно больше, чем сейчас, хорошо подготовленных страноведов-«комплексников».

Такие мысли возникают сами собой, когда мы знакомимся с содержанием рецензируемого сборника. Именно этот коллективный труд показывает, насколько благодарна взятая авторами тема, если удаётся поднять её на уровень серьёзного научного исследования.

Разумеется, не всё в этом сборнике равноценно, ряд положений представляется спорным. Обратимся к отдельным материалам.

Открывающая книгу статья М. Е. Половицкой об эрозии почв в США, на наш взгляд, лучшая в сборнике. Автор сумел хорошо показать (притом не только для страны в целом, но и по отдельным группам штатов, взятым применительно к известному ленинскому районированию США), как особенности производственных отношений шаг за шагом приводили к разрушению плодородия почв.

Насыщенная фактическим материалом статья содержит и ряд оригинальных теоретических мыслей. Так, в ней сделана попыт-

ка связать характер мер, предлагаемых американскими почвоведомы для борьбы с эрозией (главным образом, террасирование и другие инженерные приёмы), с уровнем и общим направлением почвоведения и геоморфологии в США. «Среди американских специалистов по эрозии почв, — указывает автор, — господствует механистический подход к изучению факторов эрозии, которые нередко изучаются в отрыве друг от друга, без глубокого анализа столь важных факторов, как структура почв и растительность, и уж, конечно, без анализа социальных причин, влияющих на усиление эрозии». Можно пожалеть, что М. Половицкая затронула этот вопрос слишком бегло. Сами американские методы борьбы с эрозией, сколь ни малый размах они получили, следовало бы охарактеризовать более подробно — под углом зрения связи их с воззрениями, господствующими ныне в почвоведении и геоморфологии в США. В этом случае автор мог бы и рельефно показать превосходство советских комплексных методов изучения процессов эрозии, которые позволили уже в значительной степени приостановить эти процессы в СССР.

Внимание читателя привлекают масштабы эрозийного бедствия, вызванного хищническими производственными отношениями в сельском хозяйстве Соединённых Штатов Америки. Приводимые автором цифры очень поучительны для тех физико-географов, которые всё ещё недооценивают роль хозяйства как «агента», воздействующего (положительно или отрицательно) на природные процессы.

Однако статья М. Половицкой всё же вызывает некоторые замечания. Недостаточно чётко изложен вопрос о динамике урожайности зерновых в США; несравнима сама база исчисления урожайности, поскольку часть разрушенных эрозией земель вообще вышла из сельскохозяйственного оборота и заменена другими. Было бы, пожалуй, более показательным привести порайонные данные об урожайности, специально выделив наиболее затронутые эрозией штаты. Истребление лесов целесообразнее проиллюстрировать не на примере штата Миссисипи, а Вашингтона и Орегона. Неточна датировка прибытия первых европейских колонистов на территорию США началом XVII века; наиболее ранние английские колонии-поселения были основаны ещё в восьмидесятых годах XVI века.

К недостаткам статьи К. Т. Сенчурава о расширении лесных ресурсов, интересной по приведённым в ней материалам, можно отнести то, что автор, выступая как экономист, хорошо знающий исследуемую им отрасль хозяйства, уделяет меньше, чем следовало бы, внимания географическим процессам лесопроизрастания. В частности, он ставит в один ряд леса тропических стран и умеренных широт, хотя природные условия «лесного оборота» здесь совершенно различны. Статья несколько засорена излишними историческими деталями об эксплуатации лесов в отдельных странах Европы в XVI—XVII веках, а во Франции — даже во времена Людовика XII.

Меньшее удовлетворение оставляет работа М. С. Розина «Хищническое использование минеральных ресурсов». Автор не сумел собранные им многочисленные факты организовать вокруг центральной темы, и поэтому статья получилась расплывчатой. Можно указать и на имеющиеся в статье отдельные противоречия. Так, например, М. Розин сперва провозглашает, что капитализму свойственна «практика разработки лишь наиболее богатых месторождений и участков», а затем, в том же абзаце, пишет: «Систематически снижается среднее процентное содержание полезных компонентов в эксплуатируемых месторождениях... руд». Этот достаточно сложный вопрос требовал более глубокого анализа.

Жаль, что в статье уделено недостаточно внимания самым приёмам горных работ, в которых как раз и проявляется расточение минеральных ресурсов; слабо освещён и вопрос о том, почему в капиталистическом мире обречены на провал попытки добиться наиболее полного использования этих ресурсов. Здесь можно было бы дать яркое противопоставление экономики горной промышленности в капиталистических странах и в СССР, где комплексное использование всех компонентов полезных ископаемых давно уже превратило в «рентабельные» многие руды, раньше считавшиеся непромышленными из-за незначительного содержания основного компонента. В капиталистических странах учёным, выполняющим «заказ» своих хозяев, даже не приходится ставить в подобных масштабах эту проблему.

Особое место в сборнике занимают три статьи о методах хозяйничанья капиталистических монополий в отсталых и зависи-

мых странах. Из них выделяется статья К. М. Попова о захвате в годы второй мировой войны японскими империалистами ресурсов стран Юго-Восточной Азии и подавлении ими национальной культуры этих стран. Даже специалисты-страноведы часто недостаточно осведомлены о конкретных фактах экономической истории оккупации японцами «стран южных морей», об истреблении ими здесь плантаций, о захвате рудников (особенно дающих стратегическое сырьё), о насильственной «японизации» (вплоть до языка), а факты эти очень колоритны. Автор приводит материал, который во многом поможет экономистам и географам.

В статье Г. А. Аграната убедительно показаны результаты хозяйничанья монополистов на Американском Севере.

Наименее удачной представляется нам статья о странах Латинской Америки. Автор её, М. М. Жирмунский, с удивительным для географа пренебрежением к географическим различиям отдельных стран хаотически перечисляет факты, относящиеся к совершенно разным природным процессам (например, по-разному протекающая в горах и на равнинной Пампе эрозия). Не вполне справился он и с задачей — дать на основании сомнительных материалов буржуазной прессы правильное представление о действительном положении баланса сельскохозяйственных земель и об их плодородии.

Автор неоднократно и без особой нужды цитирует пресловутого Фогта (хотя и старательно клеймит его). Непонятна цель такого обильного цитирования, как непонятны слова самого М. Жирмунского о «снижении производительной способности систематически истощаемой земли», чем он в сущности повторяет тезис Фогта. Такое же впечатление производят и приведённые им без чёткой критики данные обследования сельскохозяйственных органов ООН об истощении почв. Пытаясь противопоставить подсчётам

Фогта официальные сведения о количестве пригодных для обработки земель, автор тут же заявляет, что они «заведомо тенденциозны», чем окончательно запутывает читателей.

Напрасно М. Жирмунский не привлёк работы советских учёных, изучавших страны Латинской Америки, в том числе и побывавших за последние годы в этих странах.

Лучше удалось автору показ систематического «выкачивания» американскими монополиями минеральных ресурсов стран Латинской Америки, а также характеристика процесса обнищания трудящихся масс.

Жаль, что сборник не имеет вводной статьи, обобщающей всю проблему. Здесь следовало дать не только общую критическую оценку позиций, которые буржуазная наука заняла относительно проблемы истощения природных ресурсов, но и теоретически охарактеризовать механизм хищнического вмешательства капитализма в природные процессы.

Несмотря на указанные частные недостатки и то, что не до конца ещё выработан тип статей, соответствующий теме книги, сборник следует признать весьма полезным. Привлечённые авторами материалы свежи и поданы по большей части достаточно содержательно.

В предисловии к сборнику говорится, что Институт географии Академии наук СССР «предполагает дать дальнейшее освещение поставленной проблемы». Учитывая актуальность темы, хотелось бы, чтобы это обещание было выполнено скорее. При этом желательно участие в последующих работах не только экономико-географов, но и физико-географов, для которых вопросы влияния человека на географическую среду в условиях различного способа общественного производства представляют большой теоретический интерес.

Доктор географических наук
В. ПОКШИШЕВСКИЙ.

★

Бедствия трудящихся Японии

Грубо нарушая соглашения, заключённые между союзниками в военный период и в послевоенное время, Соединённые Штаты Америки проводят политику закабаления и милитаризации Японии, превра-

щения её в свой военный плацдарм на Дальнем Востоке.

Сепаратный, так называемый «мирный договор», «пакт взаимной безопасности» и другие «договоры» усилили зависимость Японии от американского капитала. Монополисты США захватывают японскую про-

мышленность, финансы, торговлю. Национальные интересы страны ущемляются всё больше, её экономика подрывается, обнищание народных масс усиливается из года в год.

Об агрессивной политике США в Японии, о тяжёлой жизни трудящихся и борьбе японского народа за национальную независимость, за демократические права, за мир рассказывается в книге А. Кожина «Япония сегодня».

Автору книги, советскому журналисту, довелось побывать в Японии в 1952 году. Очерки и путевые заметки, написанные А. Кожиным под впечатлением личных наблюдений и бесед с представителями различных кругов населения, посвящены главным образом описанию социальных сторон жизни японского народа, условий труда и быта рабочих и крестьян. И это хорошо, потому что из имеющейся у нас литературы советский читатель сравнительно мало знает о том, как живёт сейчас трудящийся человек на далёких Японских островах. Но наряду с этим в книге вскрываются и те факторы, под действием которых в сегодняшней Японии сложилась обстановка, угрожающая простым людям этой страны дальнейшими бедствиями.

С самого начала оккупации Японии американскими войсками, указывает автор, правящие реакционные круги США вместо демократизации и демилитаризации страны, как это предусматривалось согласованными решениями великих держав, стали проводить совершенно противоположную политику. Оккупационные власти стремятся возродить японский милитаризм, воссоздают японскую армию. Они всячески поддерживают реакционные силы Японии и, в первую очередь, финансовую клику — дзайбацу, монархию, военщину. Все прогрессивные организации и их деятели подвергаются репрессиям, жестокому преследованиям.

Одновременно с милитаризацией оккупанты принимают все меры к быстрейшему экономическому закабалению Японии. Американские капиталисты за бесценок скупают акции ведущих промышленных и торговых фирм, открывают филиалы своих банков и компаний. Внешняя торговля и финансы Японии находятся под контролем монополистов США.

Страна всё больше и больше превращается в военный лагерь. В настоящее время американские войска имеют в Японии

более 600 военных баз, 34 полигона, 29 морских учебных районов.

Территория вокруг американских военных объектов объявляется запретной зоной, близлежащие деревни сносятся, поля уничтожаются, и крестьянство лишается своих скудных земельных клочков. Около морских баз запрещается рыбная ловля. В результате этого свыше 200 тысяч рыбаков лишилось средств к существованию. В 1952 году американское командование установило между Корейским полуостровом и Японией «зону обороны». Только из-за этого убыток японской рыбной промышленности составляет до 800 миллионов иен в год.

Особое значение американская военщина придаёт милитаризации острова Хоккайдо, наиболее близко расположенного к Советскому Союзу. «Это,— пишет автор очерков,—самый большой после Хонсю японский остров, край огромных лесных массивов, больших и малых гор, разнообразных ценных ископаемых... На Хоккайдо воочию видишь, как деятельно осуществляется широкая программа возрождения вооружённых сил Японии, создания армии наёмников американских империалистов». Здесь восстановлены старые и построены новые военные базы, размещены значительные соединения американских войск и японские части из так называемого «национального корпуса безопасности», которые полностью моторизованы и оснащены современным вооружением.

Американские власти усиленно создают свою шпионскую сеть в Японии, используя её как для борьбы с демократическим движением внутри страны, так и для разведывательной, провокационной и диверсионной работы против демократических стран Азии и Дальнего Востока.

Милитаризация страны, огромные расходы на содержание американских оккупационных войск, усиливающееся проникновение американского капитала — всё это наносит ущерб экономике Японии, ложится тяжёлым бременем на трудящиеся массы. Расходы на военные цели составляют не менее 60 процентов расходной части бюджета. Приходящая же его часть образуется в основном из поступлений от различных поборов с населения. Достаточно сказать, что с помощью налогов у рабочих изымается половина их заработка.

В Японии непрерывно растут цены на предметы массового потребления, повышает-

ся квартирная плата, падает реальная заработная плата.

Основываясь на личных наблюдениях и выводах из бесед во время многочисленных встреч с простыми людьми Японии, автор обобщает конкретные данные, характеризующие бедственное положение трудового народа этой страны.

Со страниц очерков А. Кожина перед читателем встаёт правдивая картина жизни японских рабочих, крестьян, рыбаков, жизни безрадостной, полной горя и лишений.

Автор пишет, что заработной платы японского рабочего не хватает даже для того, чтобы его семья хоть как-нибудь сводила концы с концами. Продукты выдаются по карточкам; пайка недостаточно, приходится подкупать на чёрном рынке. «Хоккайдо — край продуктивного животноводства. Но люди забыли вкус сливочного масла. Вместо него, так же как и вместо мяса, по карточкам выдают рыбу хоккэ, да и то не чаще, чем через день. Один из наших собеседников назвал хоккэ бросовой рыбой, и, действительно, хоккэ похожа на головастика размером с человеческую ладонь». Животных жиров люди вовсе не видят. По карточкам только работающим выдаётся 0,18 литра растительного масла в месяц. Основная масса рядовых японцев ест один-два раза в день, причём мясо видит не более двух раз в месяц и в очень малом количестве.

В Японии царит жестокий жилищный кризис: 16 миллионов человек не имеют жилья. Большинство рабочих семей разместились в крохотных комнатках. Очень часто в одной и той же комнате живут по две и по три семьи.

В стране насчитывается свыше 10 миллионов безработных и полубезработных, жизнь которых поистине ужасна. Они живут в землянках за чертой городов. Автор очерков справедливо называет эти места «пристанищем отверженных». Питаются безработные отбросами, собранными из мусорных ящиков. В своей книге А. Кожин рассказывает о встречах с некоторыми из них. Вот Имаи Тахаси, строительный рабочий с тридцатилетним производственным стажем. «Но уже два года он не имеет работы и вынужден был переселиться сюда, за городской вал, на свалку. Рядом ютится Сака Мутто. Ему пятьдесят три года. Бывший шахтёр. Услышав наши голоса, он взглянул в отверстие своей конуры и посмотрел на нас тусклым, безжизненным взглядом. Сака Мутто болен

и двое суток не ел. Надо нагнуться, чтобы расслышать его голос. Выйти к нам он не может: не в чем».

Используя наличие огромной армии безработных, американские оккупанты и японские монополисты усиливают эксплуатацию занятых рабочих. Рабочий день длится двенадцать-четырнадцать часов. На заводах введена изнурительная, потогонная система. Усиление интенсификации труда при отсутствии элементарной техники безопасности ведёт к росту несчастных случаев на производстве. Только на одной шахте Синюбари, принадлежащей акционерному обществу «Хоккайдо танко кисен», от обвалов и оползней ежегодно гибнут или получают увечья до ста человек.

«Да разве только от обвалов гибнут наши шахтёры! — сказал один из рабочих этой шахты. — Каждый день под землёй людей подстерегает гибель. Мы работаем по колено в воде, но спецодежды нам не дают. Задыхаемся в пыли, но хозяева скупятся поставить новые вентиляторы. Под землёй мы не разгибаем спины по двенадцать-четырнадцать часов в сутки».

Люди надрывают последние силы, становятся калеками на всю жизнь. В особенно трудном положении находятся женщины; молодёжь и дети, которые за свой труд получают значительно меньше, чем мужчины. «Япония сегодня, — пишет А. Кожин, — это страна миллионов нищих и бездомных людей». На почве голода, безработицы растёт число самоубийств. Лёгочными заболеваниями в Японии страдает 30 процентов всех рабочих. Доведённые до последней степени обнищания, трудящиеся вынуждены продавать своих детей. За 1952 год вдвое по сравнению с предыдущим годом увеличилось количество проданных богатым людям крестьянских детей.

Отдельный очерк автор посвящает описанию японской деревни. Крестьянство Японии задавлено налогами, обязательными поставками зерна по низким ценам, опутано долгами. Треть всех крестьян является должниками помещиков и кулаков. Более четырёх миллионов крестьян не имеют земли или имеют настолько маленькие участки, что могут прокормиться урожаем только два-три месяца. За послевоенное время налоги на крестьян выросли в десять раз, цены на удобрения в 1952 году увеличились наполовину. Вместе с налоговым агентом,

говорится в книге, над душой крестьянина стоят ростовщик и перекупщик.

Автор рассказывает о беседе в деревне Хокота: «Разговор больше шёл о самом наболевшем — о поставках, о налогах. Начали перечислять налоги, и сами сблизь сосчёта. Поземельный, подоходный налог, налог за проживание в данной деревне, в уезде, в префектуре. Налог за собаку, телегу, мотыгу, налог на содержание местных чиновников... И впрямь всего не перечесть!» Один из собеседников сообщил: «Иные от нужды и горя на такое идут, что и сказать страшно... Дочерей продают. Тут и такса установлена — от трёх до десяти тысяч. Раз в шесть дешевле, чем лошадь». Тяжким бременем ложатся на плечи крестьян натуральные поставки. Нормы их непомерно велики: крестьянин обязан сдать властям почти весь рис, и лишь мизерное количество зерна он оставляет семье. В результате того, что большие земельные площади захвачены американскими оккупантами под военные объекты, сбор риса в Японии сократился более чем на три миллиона килограммов в год. «Нелегко японскому крестьянству прокормить свою и американскую армию», — справедливо замечает автор.

Японский народ испытывает не только экономическое и политическое порабощение. Заокеанские хозяева топчут и оскорбляют национальные, религиозные чувства японцев, насаждают «американский образ жизни» и душат японскую национальную культуру.

Во всех крупных городах созданы «культурные» центры, руководимые и финансируемые посольством США. В книге дано описание одного магазина в районе Канда — центра книжной торговли в Токио. На его полках — пять японских изданий и сорок американских, в числе последних — семь журналов мод, остальные — детективные романы, повести и «комиксы». На выставочных стендах другого книжного магазина лежат такие творения американской «культуры», как учебник спиритизма, «История сексуальных импульсов» и другие. И уж на особо видном месте красуются новенький двухтомник Мальтуса, год издания 1952, и «труды» его многочисленных американских последователей.

Автор приводит слова известного японского скульптора: «Наша культура никогда ещё не была в столь тяжёлом положении, как теперь. Артисты, художники, учёные становятся нищими. Их лишают возможно-

сти творить, если они хотят остаться честными людьми».

Демократически настроенная интеллигенция жестоко преследуется. Большой туберкулёзом поэт Мисе Хироми был брошен в тюрьму только за то, что он написал стихи о мире; артист Таймон Накамура был объявлен вне закона за то, что он выступил на состоявшихся в Пекине и Вене конгрессах в защиту мира.

Таковы плоды восьмилетней американской оккупации.

Широкие трудящиеся массы Японии всё решительнее и настойчивее поднимают свой голос против подготовки новой войны и военных авантюр на Дальнем Востоке, против закабаления страны американскими монополиями, за национальное возрождение родины, за миролюбивую, демократическую Японию, за мир во всём мире. Во главе прогрессивных сил страны выступает славная Коммунистическая партия Японии.

Достоинством очерков А. Кожина является то, что он сумел ярко показать советскому читателю всё возрастающее сопротивление японского народа агрессивной политике империалистов, борьбу народа за свои права.

Последние два года были богаты многими событиями, свидетельствующими об усилении этого движения. С большим подъёмом прошли Всеяпонская конференция сторонников мира, Всеяпонский съезд молодых борцов за мир. Упорная и нарастающая борьба ведётся против строительства американских военных баз и реквизиции земельных участков для этой цели, против введения воинской повинности. Всё чаще можно слышать выступления за установление торговых связей с Китайской Народной Республикой и Советским Союзом.

Несмотря на жестокий террор, в стране ширится стачечное и забастовочное движение, борьба за улучшение жизненных условий и демократические свободы. В 1952 году японские трудящиеся провели четыре всеобщие забастовки, в которых участвовало более 12 миллионов человек. Следующий год ознаменовался новыми стачками — металлургов, химиков, грузчиков, железнодорожников. В августе 1953 года в Японии прошла всеобщая забастовка рабочих американских военных баз. Начали бороться за повышение заработной платы работники связи, лесных предприятий, горнорудной промышленности. Рабочий класс поддерживает крестьянство, прогрессивная интелли-

генция, студенчество, все те, кто хочет видеть Японию независимой и свободной.

Крепнут международные связи японских трудящихся. Вопреки запретам, представители японского народа приняли участие в Пекинском конгрессе сторонников мира стран Азии и Тихого океана, в третьем Всемирном конгрессе профсоюзов.

Зарисовки А. Кожина рассказывают о мужественных, честных людях Японии, не дрогнувших перед террором. Лучшие люди Японии твердо стоят в колоннах борцов за свободу своей страны, за мир и дружбу между народами. Автор написал свои очер-

ки с глубокой симпатией к широким трудящимся массам Японии, попавшим в иностранную кабалу и влачащим нищенское существование.

Книга «Япония сегодня» имеет познавательную ценность, она знакомит нас с жизнью 85-миллионного японского народа. Несомненно, очерки будут с живым интересом прочитаны советскими людьми, которые хотят видеть Японию независимой и миролюбивой страной, а японский народ — свободным и счастливым.

*Кандидат экономических наук
А. ШАРКОВ.*

★

К истории древней Руси

Сборник «По следам древних культур», носящий подзаголовок «Древняя Русь», состоит из ряда популярных очерков, в которых изложены важнейшие достижения советской археологии в области изучения древнерусских памятников материальной культуры.

Авторы очерков, в большинстве своём руководители археологических экспедиций, приводят много новых фактов по истории славян и древнерусской народности. Опираясь на этот материал, они разрешают ряд сомнений и неясностей, вызванных недостаточностью сведений в дошедших до нас исторических источниках.

Трудно переоценить значение сборника. Он является, по существу первой работой, предназначенной для широкого круга читателей, в которой делаются попытки рассмотреть далёкое прошлое нашей страны с новых, подлинно научных позиций.

Книга открывается статьёй профессора П. Н. Третьякова «У истоков древней Руси», посвящённой важному вопросу происхождения и развития славян. К ней примыкает очерк Г. Б. Фёдорова «Славяне Поднестровья», рассказывающий о причерноморской ветви восточнославянских племён — уличах и тиверцах, долгое время именовавшихся «загадочными» племенами, об этнической принадлежности которых существовали самые фантастические предположения.

Каких только клеветнических, космополитических измышлений не создавала

буржуазная историография, стремясь принизить национальное достоинство русского народа, его огромную историческую роль в развитии цивилизации средневековой Европы! Особенно рьяно усердствовали в этом идеологи фашизма, распространяя в своё время различные «теории», ныне подхваченные прислужниками американско-английского империализма.

Усиленно пропагандировался, например, такой взгляд, что славяне, особенно восточные, являлись поздними пришельцами на всей территории их расселения, что они якобы были совершенными дикарями, вели бродячий образ жизни, не знали пашенного земледелия, ремесла и в силу своей природы были неспособны к самостоятельному историческому развитию. Блестящую культуру Киевской Руси X—XII веков рассматривали как заимствованную у соседей — византийцев, варягов, хазар, готов.

Исходя из антинаучных позиций Марра, некоторые советские историки утверждали, что восточных славян как этнической общности вообще не было до начала нашей эры. Они будто бы образовались гораздо позже других европейских народов путём скрещивания различных «яфетических», то есть крайне примитивных племён — скифов, сарматов и других.

Потребовался коренной пересмотр основных положений славянского этногенеза (происхождение народов), иной подход к оценке фактического материала, накопленного исторической наукой, чтобы преодолеть эти ошибки.

«В настоящее время, — пишет П. Третья-

ков, — на основании трудов советских, польских и чехословацких учёных — археологов и языковедов — можно считать установленным, что предки славян с глубокой древности обитали в Средней и Восточной Европе, входя в состав обширной группы неолитических (новый каменный век) племён IV—III тысячелетия до н. э., знакомых с земледелием и скотоводством... Древние славяне, творцы и носители славянского языка, произошли не от скифов, не от фракийцев, не от других каких-либо древних племён. С глубокой древности они представляли собой особое самостоятельное племя или племенную группу... Уже в начале II тысячелетия до н. э. они заселяли в основном те самые области, которые были славянскими в эпоху раннего средневековья, т. е. в конце I и начале II тысячелетия н. э.».

Так, наконец, решаются теперь важнейшие проблемы нашей отечественной истории, вокруг которых десятки лет велись ожесточённые споры.

Яснее стал и пресловутый вопрос о взаимоотношениях восточнославянских племён со скифами. Исследования показали, что древние славяне, входя, повидимому, в середине I тысячелетия до н. э. в союз скифских племён, полностью, однако, сохранили свою самобытность, а при распаде этого союза поглотили, ассимилировали часть скифского, а также и сарматского населения.

Используя богатейший материал, добытый советскими археологами, П. Третьяков показывает своеобразную и сравнительно высокую культуру восточных славян в IV—VII веках н. э., особенно южных племён, носивших название антов и обитавших по Днепру и Днестру. Он устанавливает также время распада у них родовых отношений, в результате чего «восточнославянские племена к VI—VII векам достигли порога классового общества и государственности...»

Автор справедливо характеризует первые политические объединения у южной части восточных славян как переходную ступень к образованию в VIII—IX веках феодальных древнерусских государств. Попутно в очерке делается попытка разрешить вопрос о термине «рос» или «рус», происхождение которого буржуазные историки связывали с варягами. П. Третьяков приводит новые данные, подтверждающие, что термин этот обозначал одно из южных восточнославян-

ских племён. Росы (или русы), входившие, повидимому, в племенной антский союз, переместились с верховьев Дона на Средний Днепр. Здесь под их руководством уже в конце VIII века возникает южное древнерусское государство с центром в городе Киеве, на что указывают также некоторые арабские и другие источники. Во главе этого государства стоят известные нам по летописи князья Аскольд и Дир.

У северных восточнославянских племён возникает в это время государственное образование с центром в городе Новгороде. Во второй половине IX века оба они сливаются в единое, самое большое и культурное государство тогдашней Европы — Киевскую Русь.

Последующие очерки сборника как бы дополняют и развивают отдельные стороны тех общетеоретических положений, которые изложены П. Третьяковым и Г. Фёдоровым.

Так, например, более глубоко изучена сейчас история древнего Киева, подлинный облик которого удалось восстановить путём раскопок. Работы, проведённые советскими археологами, позволяют отбросить утверждения о том, что Киев построен не древними русами, а вырос на месте мифической столицы столь же мифической «Готской державы». Более отчётливой стала теперь и картина сожжения города татаро-монголами.

Раскопки открыли богатую архитектуру Киева в X—XIII веках, в частности Десятинную церковь и другие каменные постройки, не считая мастерских и жилищ ремесленников, руками которых были возведены фундаментальные городские сооружения. «Киев в XI—XIII веках был одним из крупнейших городов Европы, молва о богатстве, красоте и яркой своеобразной культуре которого доходила до самых отдалённых стран и народов», — пишет М. К. Каргер, автор очерка «Древний Киев». Многие путешественники-иностранцы называли его соперником столицы Византии — Константинополя.

Однако архитектурным великолепием и высоким уровнем городской культуры блистал в то время не один Киев. Ему почти ни в чём не уступали такие города, как Чернигов, Смоленск, Владимир на Клязьме, Старая Рязань, Псков и особенно Новгород.

В Старой Рязани, например, как об этом рассказывает в своём очерке А. Л. Монгайт, в послевоенное время были завершены раскопки трёх больших каменных храмов и мощных оборонительных сооружений, свидетельствующих о высоком уровне строительной техники в далёком, окраинном для того времени населённом пункте. Там же ранее были найдены некоторые изделия, являвшиеся «верхом совершенства ювелирной техники». Долгое время их считали привозными. Теперь доказано, что они были сделаны руками местных, рязанских мастеров.

Буржуазный историк Соловьёв утверждал, что в отличие от Западной Европы «деревянная Русь» не знала каменных сооружений. Раскопки Боголюбова, находящегося в десяти километрах от Владимира на реке Нерли, показали полную несостоятельность подобных взглядов. Там открыты остатки мощных каменных укреплений, двухэтажного княжеского дворца, имевшего крышу из золочёной меди, и несколько больших церквей, в том числе блиставший великолепием внутренней и внешней отделки дворцовый храм богородицы, о котором в летописи говорится, что он весь был «окован золотом» — покрыт тонкими листами золочёной меди и отделан резьбой по камню.

Наиболее значительные открытия были сделаны при раскопках в Новгороде. Помимо остатков крупных каменных сооружений, здесь найдены деревянные и каменные настилы улиц, относящиеся к X—XI векам, которые систематически обновлялись. Следует отметить, что мостовые имелись не только в аристократических районах, но и на таких улицах, как Холопья, которая была заселена почти исключительно ремесленниками. В Новгороде же открыли совершенно не известную ни Византии, ни средневековым городам Западной Европы систему подземных водоотводов, служившую для удаления сточных и родниковых вод в заболоченных и сырых участках города. Подобные дренажные сооружения обнаружены также в Старой Ладого, Москве и в других городах.

Однако самым выдающимся достижением советских археологов является открытие в Новгороде большого числа хорошо сохранившихся берестяных грамот, относящихся к XI—XIV векам. Значение их состоит не только в том, что они впервые дают

представление о живой разговорной речи древних новгородцев, но, являясь документами частной хозяйственно-бытовой переписки жителей, свидетельствуют о распространении грамотности среди тогдашнего трудового населения. Всё это начисто опровергает наиболее долго державшийся предрассудок, что грамотность в древней Руси являлась привилегией высших кругов общества.

Весьма интересные данные, полученные в результате раскопок, производившихся в послевоенные годы в столице нашей Родины, приведены в очерке М. Г. Григорьева «Древняя Москва». До недавнего времени считалось, что Москва как город возникла сравнительно поздно. Теперь археологами установлено, что первые московские поселения уходят в глубокую, ещё неолитическую древность, а в X веке это был уже один из центров славянского племени вятичей, который к XI веку превратился в город с весьма обширным ремесленно-торговым посадом в районе современного Китай-города.

Археологические исследования советских учёных выявили высокое развитие ремесла и городского строительства не только в крупных городах, но и в городах мелких, удельных, о чём говорится в очерках Б. А. Рыбакова и Н. Н. Воронина. Так, при раскопках в городе Гродно на реке Неман были открыты образцы древнерусского зодчества, что окончательно разрушило утверждения о «варяжском» или «литовском» его происхождении. В городе Вщиже на Десне найдены остатки церкви весьма своеобразной архитектуры и, кроме того, обнаружены высокие кирпичные дымоходы от печей, в то время как обычно считали, что на Руси всегда топили только по-чёрному, без труб.

Большое место в сборнике отведено мастерству древнерусских кузнецов, о котором рассказывает Б. А. Колчин, хорошо изучивший технологию кузнечного дела в древней Руси.

Наряду с несомненными достоинствами книга имеет, на наш взгляд, и очень существенные пробелы. Прежде всего бросается в глаза крайняя фрагментарность сборника, преобладание в нём фактографического, чисто описательного материала.

За исключением очерка П. Н. Третьякова, все остальные напоминают собой краткие и мало связанные друг с другом пере-

ложения отчётов археологических экспедиций, без надлежащего глубокого обобщения с точки зрения основных проблем развития древнерусского общества. То обстоятельство, что очерки связаны общей темой, само по себе оказалось далеко не достаточным для того, чтобы сделать книгу цельным произведением. Вот почему обилие фактического материала, в огромном большинстве нового и весьма ценного, хотелось бы видеть приведённым в определённую систему. В связи с этим и самые факты в какой-то мере теряют свой глубокий исторический смысл. Каково, например, было значение городской культуры в процессе складывания и развития древнерусской народности? Какова была роль древнерусских городов в формировании

феодалных отношений и прежде всего в насаждении феодальной собственности на землю, а также в образовании древнерусского государства? Думается, что накопленный нашей исторической наукой конкретный материал уже позволяет в известной мере если не решить, то хотя бы поставить все эти проблемы.

Тем не менее и в таком виде сборник, ставящий целью «на примере отдельных больших и малых городов раскрыть то новое, что вносит археологическая наука в познание нашей Родины», имеет большое положительное значение. Он является ценным пособием по изучению древней истории нашего великого народа.

Кандидат исторических наук
М. СОЛОВЬЕВ.

★

Первый русский геолог

Прошло около двухсот лет со дня смерти нашего великого соотечественника, замечательного русского учёного М. В. Ломоносова. На протяжении двух веков его творческое новаторство в науке является темой всё новых и новых научных исследований — такова многогранность личности этого человека, основоположника ряда отраслей естествознания, который был, как говорил Пушкин, «первым нашим университетом».

В своей книге «М. В. Ломоносов — основоположник геологической науки» Д. И. Гордеев рассматривает деятельность Ломоносова-геолога с различных сторон: в области геохимии и зарождения геофизики, создания теории о строении кристаллов, учения о развитии Земли, о пороодообразовании и о рудных месторождениях.

Читатель найдёт в книге интересную характеристику науки в начале XVIII века и историю становления оригинальной ломоносовской школы русской геологии.

Научным подвигом Ломоносова было то, что в своих теоретических обобщениях накопившихся геологических и минералогических фактов он поднялся до такой научной высоты, до какой западноевропейские естествоиспытатели смогли подняться только спустя столетие. Важной задачей всякого исследования он полагал вскрытие взаимо-

связей различных явлений. Стержневой вопрос в его геологических сочинениях — это идея вечной изменчивости природы.

Эпиграфом к первой главе, посвящённой учению Ломоносова о развитии Земли, Д. Гордеев взял слова учёного: «И во первых твердо помнить должно, что видимыя телесныя на земли вещи и весь мир не в таком состоянии были с начала от создания, как ныне находим; но великия происходили в нем перемены... Такие перемены произошли на свете не за один раз, но случались в разныя времена несчетным множеством крат, и едва ли когда перестанут». Трудно выразить точнее характерное отличие молодой русской науки от западноевропейской, с её представлением об абсолютной неизменности природы.

В очерках о геологических представлениях Ломоносова подробно излагается его гипотеза о происхождении материков и гор от «трясения земли», то есть от тех изменений внутри Земли, которые вызывают землетрясения, и вывод учёного, что вместе с горами неизбежно образуются «долы» — низменности, понижения, которые стали дном морей и океанов.

Ломоносов считал, что наша планета «кругла и плосковата к полюсам», а её поверхность состоит из гор и долин. По мнению Ломоносова, наряду с быстрыми поднятиями земной поверхности, которые образуют горы, имеются ещё и более медленные, более длительные: «бывают ещё

Д. И. Гордеев. «М. В. Ломоносов — основоположник геологической науки». Издательство Московского университета, М. 1953.

гор унижения и повышения нечувствительны, течением времени», когда «опускалась земля с легка, как угарала под нею материя, выходя на воздух другим местом». Ветер, дождь, реки, морские волны непрерывно разрушают и изменяют лицо Земли. Очертания морей меняются, а горы разрушаются; из песка, глины вновь создаются «крепкие тела», «рождаются камни». Ломоносов знал, что торф и древесные остатки нередко покрываются песком и илом, опускаются в глубину Земли и там превращаются в каменный уголь, что из смолы образуется янтарь.

Всё это кажется нам теперь ясным и очевидным, но тогда..

Для того, чтобы представить себе состояние науки в то время, когда впервые создавались эти гипотезы, достаточно привести следующий отрывок из ломоносовского «Слова о рождении металлов от трясения земли» (1757 год), где он излагает своё оригинальное учение о химических процессах, происходящих в недрах Земли: «Исследуя довольную причину к произведению таковых действий, кажется мне безопаснее тот философствует, кто оную внутрь самой земли ищет, оставив мнение древних Вавилонян, которые думали, что все сие от планет происходит».

Но Ломоносов был не только прекрасным наблюдателем и собирателем фактов; он являлся и крупнейшим учёным-теоретиком. Его теоретическим работам по геологии и географии посвящена вторая глава книги Д. Гордеева. Автор начинает её таким высказыванием Ломоносова: «Велико есть дело достигать во глубину земную разумом, куда руками и оку досягнуть возбраняет натура; странствовать размышлениями в преисподней, проникать рассуждением сквозь тесные расщелины, и вечною ночью помраченные вещи и деяния выводить на солнечную ясность».

Это — тоже отличие русской науки от европейской в XVIII столетии. Ни на какие авторитеты не опирается Ломоносов, а сам «странствует размышлением». Наука была для него едина: работая над учением о Земле, он пользовался своими знаниями по химии и физике, гипотезами о том, что материя состоит из «корпускул» (молекул, атомов) и что механическое движение может перейти в теплоту, а теплота — в химические процессы. Таким образом, исходным положением Ломоносова в вопросах пони-

мания геологических процессов было его атомистическое представление о строении вещества.

Ломоносов считал, что внутренний жар Земли, вулканизм, землетрясения и горообразование зависят от одной причины — горения, как называли тогда всякие химические реакции с выделением тепла. «Горючие материи» — сера, каменный уголь и другие глубинные горючие минералы — «воспламеняются» от трения при «внутреннем движении нечувствительных частиц, составляющих тел» (теперь бы сказали: при движении молекул). Трение производит тепло, а тепло ведёт к «возгоранию». Замечательно то, что эти мысли во многом предвосхищали современные теории о радиоактивных процессах, происходящих в недрах Земли.

Ясное понимание основ химии и физики позволило Ломоносову заложить основы таких наук, как кристаллография, минералогия, геохимия, учение о природных растворах.

Особенно любопытно учение о рудных месторождениях. Ломоносов считал металлы не элементами, а веществами сложными, которые не являются первозданными: они возникли уже на поздней ступени развития Земли. Металлы, по его мнению, «и ныне рождаются» из соединения «серной летучей материи с земляными, или с каменными частицами», они превращаются друг в друга, мигрируют на Земле.

Одним из первых Ломоносов доказал, что рудные жилы «суть великия в каменных горах щели, наполненные рудами, и с ними находящимися жильными минералами». Рудные месторождения, как он считал, образуются не только с помощью «серной летучей материи» (теперь такое образование жильных минералов и руд из газообразных продуктов называют пневматолитом), но и посредством растворённых в воде минеральных веществ, отлагающихся в трещинах пород, в шахтах, штольнях, то есть, говоря современным языком, гидротермальным способом. Определив, как залегают руды, основоположник геологической науки дал и практические указания, как их следует искать.

Ломоносов объяснил происхождение не только коренных месторождений, но и россыпей. «Пески, золото или серебро содержащие, всегда указывают на золотые жилы, выше их по течению реки лежащие. Могут случиться и далече от рек; но думать

должно, что тут бывало прежде какой-нибудь реки течение».

Значение всех этих открытий огромно. Ведь надо иметь в виду, что во время Ломоносова в Западной Европе, о чём говорится и в книге, господствовали самые фантастические теории, и рудные жилы, например, считались ветвями огромных «деревьев», исходящих из недр Земли.

Правильно оценивал Ломоносов и роль организмов в жизни Земли. Он установил, что наличие окаменелостей и отпечатков позволяет определить, в каких условиях образовалась данная порода. Он же доказал, что «чернозем не первообразная и первоизданная материя, но произошел от согнития животных и растущих тел со временем». Ломоносов впервые ввёл в науку понятие о почве как продукте биохимических процессов и тем самым положил начало современному почвоведению.

Велики заслуги Ломоносова перед мировой наукой. Но главное достоинство его работ заключается в том, что наука в них тесно и неразрывно связана с практикой. Это положение было основным в научной деятельности Ломоносова, и он передал его своим ученикам, а через них и всей русской школе естествоиспытателей. Как правильно подчёркивает в своей книге Д. Гордеев, учёный всю свою жизнь боролся за демократизацию науки, считал, что она должна служить народу, и стремился возможно шире приобщить народные массы к научным знаниям.

В следующих главах автор даёт краткий очерк состояния горной промышленности в России в XVIII веке и подробно останавливается на работах Ломоносова в этой области.

Пользуясь сочинениями Ломоносова, можно было бы составить интереснейший для того времени справочник о разнообразных минеральных богатствах нашей страны. «Не должно сомневаться о довольстве всяких минералов в Российских областях», — говорил он, и как учёный делал всё для того, чтобы помочь людям их отыскать. Ломоносов предложил составить и издать «Всеобщую Российскую Минералогию», иначе говоря, полную геологическую карту России — в истории науки ломоносовского периода дело невиданное как по широте плана, так и по смелости замысла. Но для этого прежде всего необходимо было иметь надёжную географическую карту. И Ломо-

носов принимает горячее участие в исправлении изданного в 1745 году «Атласа Российской империи». Он просматривает «Географическую архиву», по его инициативе Сенат рассылает по городам 600 вопросников (анкет) для сбора географических сведений; он хлопочет об организации экспедиций для определения географических координат и для топографической съёмки и в значительной части сам обрабатывает полученные сведения.

Реально оценив значение родного ему Севера, Ломоносов обращает особое внимание на полярные страны, составляет первую географическую карту Ледовитого океана. Учёный исследует полярные льды, собирает данные о плавании в арктических морях, доказывает, что плавание в них вполне возможно и добывается организации экспедиций — П. К. Креницына к северо-западным берегам Америки в 1764—1771 и В. Я. Чижагова к Шпицбергену в 1765—1766 годах.

В то же время Ломоносов не оставляет и забот о «Всеобщей Минералогии», надеясь привлечь к этой работе всё население Российской империи, включая детей. Для обработки собранных из разных мест России образцов камней, глин, песков Ломоносов сам «обязуется обучить минералогии и пробирному делу в один год понятных молодых людей, арифметику и геометрию знающих, сколько ему Пр. Сенат поручит благоволит».

Этот грандиозный проект заглох в Академии наук, куда Сенат послал его для отзыва. Однако Ломоносов не опустил рук. Он напечатал «Известие о сочиняемой Российской Минералогии» и разослал представителям нарождающейся тогда промышленности — заводчикам, надеясь, что они, заинтересованные в находках полезных ископаемых, откликнутся на его просьбу о присылке образцов. Ломоносов не ошибся: материалы стали поступать в таком количестве, что он собирался начать печатать свою «Минералогию». Но смерть (апрель 1765 года) помешала этому, а рукописи, как и многие другие документы, отражающие научную и общественную деятельность Ломоносова, исчезли и до сих пор не найдены. Возможно, они были уничтожены не в меру усердным графом Орловым, который на другой день после смерти Ломоносова велел опечатать его кабинет, потому что «без сомнения в нем должны находиться бумаги, которые не желают выпустить в

чужие руки». Эти-то опечатанные бумаги как раз и пропали.

Немало поработал Ломоносов и как популяризатор науки: читал лекции в академии и академическом (Петербургском) университете, писал учебники по горному делу и металлургии и рассылал их в горные школы, основал Московский университет и гимназию при нём.

Духовные пастыри рассматривали произведения Ломоносова как «противные вере и нравственности», так как в них проводилась мысль, что Земля вовсе не центр мироздания и в звёздном небе множество миров, подобных Земле:

Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков...

Но самый сильный и надоедливый враг Ломоносова сидел в Академии наук. О нём говорится в пятой главе книги Д. Гордеева. Этот враг — те приглашённые в академию иностранные «учёные», для которых наука была лишь средством устроить свои материальные дела. Они стремились укрепить своё положение в России, занять руководящие посты в академии и, чтобы никто не смел их критиковать, всеми силами поддерживали рабское преклонение перед иностранной культурой.

Укрепляя своё служебное положение, эти «учёные», по словам Ломоносова, «давали повод рассуждать о нас в других государствах, яко бы не было надежды везде иметь своих природных Россиян в Профессорах». Они обворовывали архивы, сжигали документы, которые им были почему-либо неприятны, всячески старались затруднить работу русских учёных, затянуть издание научных трудов, недобросовестно раскритиковать их, а если это не удавалось, то приписать работу какому-нибудь иностранцу.

Так, обработка географических архивов и издание их после смерти Ломоносова было приписано Бакмейстеру, открытие «красной свинцовой руды» — минерала крокоита — немцу Леманну, а «Металлургия» названа переводом немецкого учебника Шлютера. Эта ложь повторялась до 1900 года, когда академик В. И. Вернадский доказал, что между «Металлургиями» Шлютера и Ломоносова нет ничего общего.

В последних двух главах книги Д. Гордеев реферировал работы о Ломоносове иностранных и русских учёных и даёт краткие биографии его учеников.

При жизни Ломоносова его труды были широко известны за границей. Однако гипотезы и идеи величайшего учёного столь противоречили общепризнанному тогда авторитету — библии — и представлению об абсолютной неизменности природы, что их постарались вскоре «забыть». Таким образом, западным учёным позднейшего времени пришлось заново «открывать» то, что давно было открыто и напечатано в России.

Влияние Ломоносова на русских учёных было исключительно велико. Оно основывалось не только на его знаниях и гениальном уме, но и его мужестве. По собственному выражению Ломоносова, он «положил твердое и непоколебимое намерение, чтобы за благополучие наук в России, ежели потребуют, не пожалеть всего моего временного благополучия». И ещё: «Что ж до меня надлежит, то я сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятельми наук Российских бороться».

Д. И. Гордеев написал содержательную и интересную книгу, в которой дан полный очерк одной из сторон деятельности М. В. Ломоносова — основоположника геологической науки.

М. ДУРДЕНЕВСКАЯ.

★

Интересное исследование

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова сыграл огромную роль в истории русской и мировой культуры. С первых лет своего существования он стал центром образования и

рассадником знаний в России. Сейчас, накануне двухсотлетия лучшего высшего учебного заведения страны, особенно интересно обратиться к истории его зарождения и становления. Начальный период создания университета до сих пор оставался мало изученным, и работа Н. А. Пенчко является серьёзным исследованием на эту тему.

Н. А. Пенчко. «Основание Московского университета». Издательство Московского университета, М. 1953.

Автору пришлось преодолеть большие трудности. Основные документы, относящиеся к основанию Московского университета, не сохранились: университетский архив погиб во время пожара 1812 года, большая часть «служебных бумаг» М. В. Ломоносова была уничтожена по распоряжению Екатерины II, не сохранился и архив первого куратора университета И. И. Шувалова; уцелевшие же материалы содержат сведения отрывочного характера. Заслугой автора является выявление источников, ранее недостаточно привлекавшихся исследователями,— документов архива Академии наук, отдельных данных, разбросанных в малоизвестных изданиях XVIII—XIX столетий, и особенно использование с большей полнотой, чем прежде, рукописных и печатных материалов, относящихся к университету. Среди них особый интерес представляют «Протоколы университетской конференции» (за 1756—1770 годы), написанные преимущественно на иностранных языках.

Многие историки преувеличивали участие правительственных и придворных деятелей в основании Московского университета, принимая в то же время выдающуюся роль М. В. Ломоносова. По мнению большинства авторов, Московский университет являлся лишь копией зарубежных, сколком с них, и развитием научной деятельности обязан был прежде всего приглашённым иностранным профессорам, заслуги которых безгранично восхвалялись. История Московского университета рассматривалась вне связи с историей Академии наук, без учёта возглавлявшейся Ломоносовым борьбы передовых русских мыслителей с «неприятельными науками Российских».

Путём анализа исторических документов, важнейшие из которых опубликованы в приложении к книге, Н. Пенчко убедительно опровергает эти измышления. Автор неопровержимо доказывает, что подлинным создателем Московского университета был М. В. Ломоносов, идеи которого о задачах и построении высшей и средней школы легли в основу «Проекта об Учреждении Московского Университета».

Великий учёный придавал первостепенное значение организации в России учебных заведений, в которых бы «всякого звания люди обучаться могли». Намного опередив современников, он придерживался демократического принципа «генерального

обучения разночинцев». Создание Московского университета и гимназии при нём — важнейшее звено в ломоносовской программе воспитания и обучения «национальных достойных людей в науках».

Тщательное изучение «Проекта» обнаружило его непосредственную связь с некоторыми из ломоносовских «служебных бумаг» и дало возможность точно установить, какие именно положения принадлежат Ломоносову и какие его предложения были заменены в окончательной редакции пунктами, отразившими взгляды крепостника Шувалова.

Веря в творческие силы своего народа, в «способности и остроту его в науках», Ломоносов считал, что, вместо того чтобы выписывать профессоров «из-за моря», следует прежде всего позаботиться «о научении собственных, природных и домашних, которые бы служили, назад не оглядываясь... а паче всего служили бы к чести отечества». Странник бессловесного образования, он настаивал на возможности обучения в университете крепостных, но эта попытка встретила резкий отпор Шувалова, опасавшегося, что крепостные, «чрез учение познав цену вольности, восчувствуют более свое униженное положение». Шувалов постарался чётко провести социальное различие между разночинцами и «благородными» дворянами в гимназии (разница в помещениях, одежде, наказаниях).

Университет был разделён на три факультета: медицинский, юридический и философский, состоявший из двух отделений: физико-математического и историко-филологического. По настоянию Ломоносова в нём не организовали теологического (богословского) факультета, что отличало Московский университет от зарубежных университетов того времени.

Н. Пенчко отмечает и другую важную черту, характерную для университета,— большую роль, которая отводилась отечественному языку и изучению России (чтение специального курса русской истории, учреждение кафедры русского права). Введение преподавания на родном языке ломало вековые традиции западноевропейских университетов и разбивало установившиеся представления, что языком высшей школы должен быть только латинский язык.

Заслугой Н. Пенчко является установление и подробное обоснование теснейшей

связи, возникшей между Московским университетом и Академией наук в Петербурге. Последняя поделилась с ним своими кадрами первых русских учёных и педагогов (Поповский, Барсов). Научная библиотека университета была создана первоначально на основе академической. Из Академии наук были получены оборудование и экспонаты для научных кабинетов. От неё же прибыла материальная часть для университетской типографии, которая, вопреки распространённому мнению, опровергнутому теперь Н. Пенчко, была основана целиком на базе академической, а не Синодальной типографии в Москве.

Таким образом, с основания Московского университета наметилось характерное для истории русской науки содружество двух крупнейших научных учреждений страны, содружество, нашедшее полное воплощение в наши дни.

Н. Пенчко выясняет причину задержки открытия университета, уточняет данные о подготовке для него первого здания, попутно исправляя ошибки прежних исследователей, полагавших, что открытие университета состоялось в зале, построенном будто бы на месте бывшей австерии (трактира, гостиницы). На самом деле для университета было выбрано здание аптеки на месте нынешнего Исторического музея, близ Кремля.

Автором установлено также, в какие учреждения был разослан указ об основании университета и о наборе слушателей. Первоначально ими были разночинцы, поступившие в основном из церковных учебных заведений (духовных семинарий и академий). В число первых студентов Московского университета был зачислен С. Г. Зыбелин, впоследствии известный врач и профессор университета.

Книга содержит много ценных сведений об организации научно-учебной части университета, о его вспомогательных институтах. Уже «Проект» Ломоносова, требовавший связи преподавания теории с практикой, предвещал создание лабораторий и научных кабинетов при некоторых кафедрах. Н. Пенчко доказывает, что это положение «Проекта» было сразу же проведено в жизнь, опрокидывая утверждения, будто инициаторами научной работы в университете явились приглашённые иностранные профессора.

Подробно описан в книге физический кабинет, по отзывам иностранцев, «знатнейший во всей Европе». Здесь находились приборы для демонстрации опытов по всем разделам физики, модели машин по горнозаводскому делу. Первые же лекции по физике сопровождалась опытами, собирая, помимо студентов, большую аудиторию «любителей наук», в числе которых были и «дамские персоны». С основанием университета была создана и химическая лаборатория, в которой производились опыты, послужившие материалом для выдающихся научных работ Сибирского, Литке и других учёных. Особую ценность представлял минералогический кабинет — «Собрание натуральных и курioзных вещей», где хранилась замечательная коллекция руд, драгоценных камней, окаменелостей, превосходившая коллекцию Академии наук. Всё это резко отличало Московский университет от современных ему учебных заведений Западной Европы, где научно-исследовательская работа, как правило, проводилась в частных лабораториях.

Много сделал для университета его первый директор, выдающийся деятель русского просвещения А. М. Аргамаков, оклеветанный впоследствии иностранными профессорами и несправедливо обойдённый историками. Именно он более других старался провести в жизнь передовые идеи Ломоносова в области организации высшей и средней школы. Среди учащихся были его бывшие крепостные, специально для этого отпущенные им на волю.

Одним из распространённых заблуждений было мнение, будто бы современники не сумели оценить великий вклад, внесённый Ломоносовым в науку, будто его научные теории были преданы забвению и Ломоносов остался лишь гениальным одиночкой. Такие представления искажали историю развития русской культуры. Работы Н. Пенчко, М. Белявского и других советских исследователей заставляют решительно отказаться от подобных взглядов.

Первыми профессорами университета и преподавателями гимназии, как выяснила Н. Пенчко, в большинстве своём явились непосредственные ученики Ломоносова, оказавшего огромное влияние на формирование их научных и общественно-политических идей.

Занятия в университете начались лекцией любимого ученика Ломоносова Н. Н. По-

повского. В ней содержалась похвала русскому языку, напоминающая известное вступление к «Российской грамматике». «Что касается до изобилия российского языка, в том перед нами римляне похвалиться не могут, — восклицал Поповский. — Нет такой мысли, кою бы россияне изъяснить было не возможно».

Если Поповский развивал передовые мысли своего учителя в области философии и языкознания, то другой учёный, профессор Д. С. Аничков, опровергал возможность библейских чудес ссылками на физические опыты Ломоносова и Рихмана. На ломоносовских научно-философских теориях основывалась оригинальная медицинская система профессора Зыбелина. Взгляды Ломоносова на происхождение плодородия почвы развивал профессор «натуральной истории и земледелия» Афонин, а профессор красноречия Барсов комментировал на лекциях сочинения Ломоносова в качестве образцов.

Таким образом, первые профессора Московского университета, творчески участвуя в великом «борении» учёного «с неприятельными наук Российских», являлись, так сказать, школой Ломоносова, продолжая его изыскания и развивая его идеи.

Подобно Ломоносову, они боролись против рутины и косности в науке, стремились связать теорию с практикой, в условиях крепостнической России поднимали свой голос за демократизацию науки, воспитывали в молодом поколении любовь к отчизне, заботясь о том, «чтобы выучились Россияне, чтоб показали свое достоинство».

Ломоносов и его ученики верили в то, что настанет «златой наукам век». И в наше, советское, время, когда доступ к знаниям открыт всем трудящимся, потомки с благодарностью вспоминают славную деятельность тех, кто положил начало распространению высшего образования в нашей стране. С такими мыслями закрывает советский читатель книгу Н. Пенчко.

К сожалению, работа не лишена и существенных, обидных недостатков. Она написана трудным, засорённым иностранными словами языком. Отсутствуют обобщения и заключительные выводы. Нет в книге именного и терминологического указателя. Встречаются в ней и неточные формулировки: о времени образования «всероссийского рынка» и другие. Эти недостатки уменьшают значение интересного научного исследования Н. А. Пенчко.

Кандидат исторических наук
С. ШМИДТ.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ

Г. Александров. Против идеологии агрессии и войны. 84 стр. Цена 1 р.

А. Арзуманян. Что такое империализм. 84 стр. Цена 80 к.

С. Беглов. «Европейское сосуществование» — угроза миру и безопасности народов. 64 стр. Цена 80 к.

И. А. Бенедяков. За дальнейшее улучшение работы машинно-тракторных станций. 88 стр. Цена 85 к.

Б. Берут. Отчётный доклад Центрального Комитета Польской объединённой рабочей партии II съезду партии. 128 стр. Цена 4 р. 50 к.

Э. Б. Генкина. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922). 504 стр. Цена 7 р. 50 к.

И. Глов. О материальной заинтересованности колхозов, колхозников и работников МТС. 88 стр. Цена 85 к.

Л. М. Каганович. Улучшить работу и организовать новый подъём железнодорожного транспорта. 104 стр. Цена 1 р.

С. Ковалёв. В чём состоит коммунистическое воспитание трудящихся. 96 стр. Цена 90 к.

М. Макарова. Советская торговля и народное потребление. 72 стр. Цена 65 к.

В. Марухин. Революционная бдительность — наше могучее оружие. 120 стр. Цена 1 р. 15 к.

С. Новиков. Газеты — могучее оружие партии. 36 стр. Цена 40 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Наталья Давыдова. Будни и праздники. Повесть. 200 стр. Цена 4 р.

В. Дудинцев. На своём месте. Повести и рассказы. 272 стр. Цена 4 р. 75 к.

Н. Емельянова. Повести и рассказы. 536 стр. Цена 8 р. 75 к.

Ольга Зив. Горячий час. Роман. 686 стр. Цена 11 р. 80 к.

И. А. Крылов. Басни и стихотворения. (Библиотека поэта. Малая серия). 560 стр. Цена 9 р.

Владимир Матов. Рассказы. 270 стр. Цена 4 р. 80 к.

Иван Овчаренко. Путь к свободе. Роман в двух книгах. Книга первая. 484 стр. Цена 7 р. 80 к.

Илья Северцев. Наши будни. Повести и рассказы. 220 стр. Цена 4 р. 5 к.

С. Трегуб. Николай Островский. Критико-биографический очерк. 184 стр. Цена 2 р. 70 к.

Николай Харджиев. Судьба художника. 210 стр. Цена 4 р. 30 к.

Т. Л. Щепкина-Куперник. Избранное. Воспоминания и портреты. Рассказы и очерки. Драматические переводы. 820 стр. Цена 16 р. 60 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

И. А. Арамилев. Рассказы охотника. 416 стр. Цена 8 р. 10 к.

В. А. Жуковский. Сочинения. 564 стр. Цена 19 р. 20 к.

Проспер Мэриме. Кармен. Перевод с французского. 64 стр. Цена 65 к.

Мартин Андерсен Нексе. Собрание сочинений в десяти томах. Перевод с датского. Том 8. Рассказы (1894—1907). 287 стр. Цена 11 р.

Л. В. Никулин. России верные сыны. Исторический роман. 544 стр. Цена 10 р. 45 к.

Эгнате Ниношвили. Сочинения. Перевод с грузинского. 488 стр. Цена 8 р.

Максим Рыльский. Великая дружба. Сборник статей. 256 стр. Цена 6 р. 65 к.

И. С. Тургенев. Собрание сочинений в 12 томах. Том 3. Накануне.— Отцы и дети. 414 стр. Цена 10 р.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Михаил Бубеннов. Бессмертие. 192 стр. Цена 3 р. 50 к.

Э. Войнич. Овод. 232 стр. Цена 8 р. 60 к.
С. Гегузин, А. Киреев. Наше комсомольское дело. 24 стр. Цена 40 к.

Павел Нилин. Поездка в Москву. 424 стр. Цена 7 р. 90 к.

Л. Платов. Страна Семи Трав. Роман. 440 стр. Цена 10 р.

Родная Украина. Очерки. 176 стр. Цена 5 р. 20 к.

ДЕТГИЗ

З. Александрова. Катя в яслях. Стихи. 14 стр. Цена 1 р. 45 к.

М. Бараташвили. Нанули. Стихи. Перевод с грузинского. 16 стр. Цена 90 к.

Х. Вахит. Весна идёт. Стихи о нашей деревне. Перевод с татарского. 64 стр. Цена 85 к.

К. Высоковский. Моим друзьям. Рассказы в стихах. 48 стр. Цена 40 к.

Н. Г. Гарин-Михайловский. Корейские сказки. 32 стр. Цена 60 к.

Д. Гринвуд. Маленький оборвыш. В пересказе Т. Богданович и К. Чуковского. 208 стр. Цена 3 р. 95 к.

В. Гнеушев. В дальних морях. Стихи. 48 стр. Цена 35 к.

Д. Дефо. Жизнь и удивительные приключения морехода Робинзона Крузо. Пересказал К. Чуковский. 272 стр. Цена 5 р. 75 к.

А. Дугинец. Золотая чаша Байтемира. Повесть. 256 стр. Цена 5 р. 15 к.

Н. Жданов. Новое море. Повесть. 88 стр. Цена 2 р. 40 к.

В. Коновалов. Великаны гор. Рассказы. 80 стр. Цена 2 р. 50 к.

В. Корюкин. Свистунишка. Рассказы. 32 стр. Цена 50 к.

В. Курбатов. Менделеев. 104 стр. Цена 2 р. 60 к.

Г. Леонидзе. Сталин. Детство и отрочество. Эпопея. Книга первая. Перевод с грузинского. 160 стр. Цена 4 р. 30 к.

Е. Мар. Точка на карте. 100 стр. Цена 4 р.

Г. Матвеев. Первая весна. Повесть. 272 стр. Цена 4 р. 85 к.

М. Матъе. День египетского мальчика. Историческая повесть. 128 стр. Цена 2 р. 95 к.

Е. Спангенберг. Записки натуралиста. 352 стр. Цена 6 р. 5 к.

И. Старцев. Детская литература. Библиография (1951—1952). 324 стр. Цена 10 р. 75 к.

Хуа Шань. Письмо с пегушиными перьями. Перевод с китайского. 48 стр. Цена 70 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Аграрная политика Советской власти (1917—1918). Документы и материалы. 550 стр. Цена 30 р. 50 к.

Английская буржуазная революция XVII века. Том II. 383 стр. Цена 23 р. 20 к.

П. Т. Арутюнян. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. 303 стр. Цена 13 р. 50 к.

В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Том IV. 673 стр. Цена 20 р.

А. Д. Егоров. Витамин С и каротин в растительности Якутии. 248 стр. Цена 12 р. 60 к.

История Москвы. Том III. 870 стр. Цена 50 р.

Очерк истории украинской советской литературы. 447 стр. Цена 13 р. 70 к.

Г. И. Успенский. Том XIV. Письма. 1869—1892.—Автобиография. 837 стр. Цена 30 р.

Л. А. Чугаев. Избранные труды. Том I. 638 стр. Цена 36 р. 80 к.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Н. А. Бадеев. Комиссар Флягин. (Моряки — герои гражданской войны). 40 стр. Цена 25 к.

Я. Бучилов. Советская Армия — армия массового героизма. 70 стр. Цена 90 к.

П. Корнюшин, Н. Корольков. Советские танкисты. Краткий очерк развития и боевого пути бронетанковых и механизированных войск Советской Армии. 127 стр. Цена 3 р. 20 к.

В. Коротеев. Сталинградские очерки. 176 стр. Цена 3 р. 70 к.

Л. Котенев. Лагерные встречи. 88 стр. Цена 1 р. 50 к.

М. И. Кутузов. Сборник документов. Том IV. Часть I. Июль — октябрь 1812 г. (Материалы по истории русской армии. Русские полководцы). 550 стр. Цена 28 р. 50 к.

А. Ляпин. Постепенный переход от социализма к коммунизму. 95 стр. Цена 1 р. 20 к.

Д. Мельников, Л. Чёрная. Гитлеровские генералы готовятся к реваншу. 159 стр. Цена 2 р. 5 к.

Б. Г. Островский. Адмирал Макаров. Издание 2-е, исправленное и дополненное. 340 стр. Цена 7 р. 75 к.

Ю. Пронякин. Курсанты. Повесть. 246 стр. Цена 5 р. 45 к.

Н. Салеев. Герой Советского Союза Николай Носуля. 48 стр. Цена 85 к.

В. И. Сифоров. Радиоприёмные устройства. Издание 5-е, переработанное. 804 стр. Цена 21 р. 60 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Гюнтер Галле. Иностранный легион. Перевод с немецкого. 248 стр. Цена 7 р. 30 к.

Жозуэ де Кастро. География голода. Со-
кращённый перевод с английского. 387 стр.
Цена 14 р. 75 к.

**Конституция и основные законодательные
акты Венгерской Народной Республџки.**
Перевод с венгерского. 482 стр. Цена 15 р.
30 к.

Йосеф Мацек. Гуситское революционное
движение. Перевод с чешского. 227 стр.
Цена 6 р. 70 к.

Г. Стейн. Мир, построенный на долларе.
Сокращённый перевод с английского.
349 стр. Цена 8 р. 55 к.

Теория и практика правых социалистов.
Сборник материалов. 331 стр. Цена 7 р.
85 к.

Угроза плана Шумана. Перевод с ита-
льянского. 198 стр. Цена 8 р. 35 к.

«ИСКУССТВО»

Т. Бачелис. Д. В. Зеркалова. 78 стр. Це-
на 2 р. 60 к.

Л. Беспалова. Л. Л. Каменев. 28 стр.
Цена 1 р. 10 к.

Е. Бочарникова, О. Мартынова. Москов-
ское хореографическое училище. 216 стр.
Цена 11 р. 75 к.

В. И. Качалов. Сборник статей, воспомин-
аний, писем. 726 стр. Цена 41 р. 70 к.

Р. Климов. Питер Брейгель старший.
51 стр. Цена 1 р. 90 к.

П. Мериме. Избранные драматические
произведения. 430 стр. Цена 13 р. 50 к.

С. Михалков. Скрытый талант. 63 стр.
Цена 1 р. 15 к.

Е. Некрасова. Г. И. Скородумов. 27 стр.
Цена 1 р.

Л. Никулин. Фёдор Шаляпин. 192 стр.
Цена 10 р. 45 к.

Ю. Русаков. И. С. Остроухов. 32 стр.
Цена 1 р. 20 к.

Украинская классическая комедия.
532 стр. Цена 15 р. 75 к.

И. Шмидт. Е. А. Лансере. 30 стр. Цена
1 р. 10 к.

ГОСКУЛЬТПРОСВЕТИЗДАТ

Н. Воловзов. Антон Павлович Чехов.
72 стр. Цена 1 р. 40 к.

В. Г. Лопаткин. Советская торговля —
один из важнейших участков социалистиче-
ской экономики. 52 стр. Цена 1 р. 20 к.

Н. Д. Смирнов. Роль удобрений в повы-
шении урожайности. 52 стр. Цена 90 к.

Танцы в клубе. 164 стр. Цена 3 р. 50 к.

М. В. Щепкина. Изображение русских
исторических лиц в шитье XV века. 28 стр.
Цена 1 р. 5 к.

А. П. Чехов. Жизнь и творческий путь.
(Серия из пяти плакатов). Цена 10 р.

МАШГИЗ

В. И. Александров. Туковые сеялки, рас-
тенипители и навозоразбрасыватели.
88 стр. Цена 1 р. 40 к.

А. Д. Асснов. Металлы и сплавы в
автостроении. 264 стр. Цена 11 р.

И. П. Бородачџв, З. Е. Гарбузов. Маши-
ны для сооружения оросительных систем.
316 стр. Цена 11 р. 60 к.

**Вопросы теории горячей обработки ме-
таллов.** Сборник статей. 68 стр. Цена 2 р.

А. И. Вошинин, И. Ф. Савин. Гидравли-
ческие и пневматические устройства на
строительных и дорожных машинах. 332 стр.
Цена 3 р. 15 к.

Я. С. Гинцбург. Испытания металлов при
повышенных температурах. 252 стр. Цена
8 р. 85 к.

А. М. Даниелян. Теплота и износ инстру-
ментов в процессе резания металлов. 276
стр. Цена 9 р. 90 к.

**Исследование рабочих органов сельскохо-
зяйственных машин.** 148 стр. Цена 4 р. 65 к.

И. В. Лезинский. Пневматический инстру-
мент и приспособления в машиностроении.
220 стр. Цена 8 р. 40 к.

Б. Г. Мальцев. Опыт планирования на
участке мастера. 84 стр. Цена 1 р. 85 к.

Н. И. Михайлов. Технология механиче-
ской обработки. 225 стр. Цена 9 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО МГУ

М. П. Баскин. Философия немецкого
просвещения. 46 стр. Цена 1 р. 70 к.

А. Г. Бокшанин. Социальный кризис
Римской империи. 236 стр. Цена 10 р. 30 к.

Н. В. Гоголь. Сборник статей. 225 стр.
Цена 7 р. 30 к.

В. В. Ивашџва. Творчество Диккенса.
470 стр. Цена 16 р. 30 к.

И. С. Нарский. Мироззрение Э. Дем-
бовского. 285 стр. Цена 11 р. 80 к.

**Устное поэтическое творчество русского
народа.** Хрестоматия. Составили С. И. Ва-
силџнок и В. М. Сидельников. 586 стр. Це-
на 15 р. 40 к.

МЕДГИЗ

С. Н. Астахов. Значение витаминов в
акушерстве. 184 стр. Цена 7 р. 80 к.

**Вопросы коммунальной гигиены в усло-
виях жаркого климата Средней Азии.**
168 стр. Цена 6 р. 35 к.

С. М. Городинский, Г. М. Пархоменко.
Гигиена труда при работе с радиоактивны-
ми изотопами. 40 стр. Цена 1 р.

А. П. Егоров. Морфологический анализ
крови. 52 стр. Цена 1 р. 90 к.

В. Л. Елян. Изменчивость микробов.
212 стр. Цена 6 р. 90 к.

С. Г. Зыбелин. Избранные произведения. 220 стр. Цена 7 р. 70 к.

Е. Г. Левин-Герниевская. Физическое воспитание детей дошкольного и младшего школьного возраста. 24 стр. Цена 25 к.

Б. В. Петровский. Переливание крови в хирургии. 304 стр. Цена 10 р. 20 к.

Н. Н. Плотицкий. О комаре и малярии. 32 стр. Цена 35 к.

А. М. Ногаллер. Как надо питаться при гипертонической болезни. 28 стр. Цена 30 к.

Н. А. Рожанский. Материалы к физиологии сна. 128 стр. Цена 5 р. 90 к.

А. А. Смородинцев. Нейровирусные инфекции. 340 стр. Цена 13 р. 70 к.

Дж. К. Максвелл. Избранные сочинения по теории электромагнитного поля. 687 стр. Цена 16 р. 10 к.

А. П. Мандрыка. Николай Владимирович Маиевский. 244 стр. Цена 5 р. 85 к.

О. Н. Писаржевский. Дмитрий Иванович Менделеев. 94 стр. Цена 1 р. 50 к.

Солнечные затмения и их наблюдения. 223 стр. Цена 2 р. 65 к.

В. Т. Тер-Оганезов. Солнечные затмения. 37 стр. Цена 60 к.

С. А. Чаплыгин. Избранные труды по механике и математике. 568 стр. Цена 14 р. 60 к.

Ф. И. Честнов. Загадка ионосферы. 56 стр. Цена 80 к.

МУЗГИЗ

А. Гезенпуд, Н. В. Лысенко и русская музыкальная культура. 154 стр. Цена 6 р. 60 к.

Н. Запорожец, А. К. Лядов. 214 стр. Цена 7 р. 70 к.

И. Ремизов, М. И. Глинка. 70 стр. Цена 1 р. 10 к.

И. Ремизов. «Иван Сусанин» М. И. Глинки. 144 стр. Цена 2 р. 95 к.

А. Серов. Тематизм увертюры «Леонора». Этюд о Бетховене. 34 стр. Цена 65 к.

В. Стасов. Митрофан Петрович Беляев. 58 стр. Цена 1 р. 60 к.

В. Стасов. Цезарь Антонович Кюи. Биографический очерк. 56 стр. Цена 1 р. 20 к.

СЕЛЬХОЗГИЗ

Борьба с вредителями и болезнями яровой пшеницы и преса на целинных и залежных землях. 48 стр. Цена 50 к.

С. Ф. Груздов. Прививка растений. 144 стр. Цена 1 р. 90 к.

Ф. Я. Гульчак. Северное оленеводство. 216 стр. Цена 6 р. 80 к.

М. И. Долгополов. Производственный опыт передовиков свеклосеяния. 238 стр. Цена 4 р. 70 к.

И. И. Китаев, С. И. Китаев. Овощеводство в теплицах. Издание 2-е. 286 стр. Цена 4 р. 85 к.

М. Н. Портнов. Зерновые комбайны. 264 стр. Цена 9 р. 40 к.

Р. А. Цюон, Л. Г. Панова. Болезни овец. 56 стр. Цена 70 к.

ГОСТЕХИЗДАТ

Б. С. Кузьмин. Основы астрономического метода измерения времени. 60 стр. Цена 95 к.

ГОСЭНЕРГОИЗДАТ

М. А. Дуэль, Г. А. Рабинович. Гидравлические авторегуляторы системы завода «Теплоавтомат». 103 стр. Цена 3 р. 25 к.

И. Я. Конфедератов. История теплоэнергетики. Начальный период. 315 стр. Цена 12 р. 50 к.

И. М. Капчинский. Методы теории колебаний в радиотехнике. 352 стр. Цена 11 р. 50 к.

С. Ф. Копьев. Вспомогательное оборудование машинных цехов электростанций. 296 стр. Цена 11 р. 95 к.

С. П. Красивский. Автоматика на сооружениях гидроэлектрических станций. 182 стр. Цена 5 р. 15 к.

Л. А. Мелентьев. Основные вопросы промышленной теплоэнергетики. 427 стр. Цена 17 р. 25 к.

М. И. Невельсон. Центробежные вентиляторы. 335 стр. Цена 12 р. 55 к.

ГОСЮРИЗДАТ

Государственный обвинитель в советском суде. 308 стр. Цена 9 р. 30 к.

И. Ф. Евсеев. Народные комитеты Закарпатской Украины — органы государственной власти (1944—1945 гг.). 148 стр. Цена 6 р. 65 к.

Д. И. Кудрявцев. Борьба СССР за разоружение. 52 стр. Цена 65 к.

В. А. Немцев. Сельский Совет депутатов трудящихся. 144 стр. Цена 1 р. 50 к.

Б. С. Никифоров. Организованная преступность в США на службе монополий. 112 стр. Цена 1 р. 35 к.

ВОРОНЕЖСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Н. П. Александров. Машины на полях. Очерк. 152 стр. Цена 2 р. 60 к.

КИРОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Алексей Мильчаков. Во имя жизни. Стихи. 64 стр. Цена 1 р. 15 к.

КОСТРОМСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. И. Никитин, Андрей Рокотов. Роман. 372 стр. Цена 6 р. 90 к.

КРЫМИЗДАТ

И. Ф. Стаднюк. Сердце солдата. Повести и рассказы. 284 стр. Цена 6 р.

МОЛОТОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. Шабрин. На берегу Кужима. Повесть. 104 стр. Цена 2 р. 80 к.

«РАДЯНСКИЙ ПИСЬМЕННИК»

Е. И. Кривенко. Путиловцы пришли. Поэма. 64 стр. Цена 1 р. 65 к.

ЧКАЛОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Л. Н. Большаков, М. П. Лукерченко. Повесть о герое. 112 стр. Цена 2 р. 25 к.

91

Главный редактор А. Т. Твардовский

Редакционная коллегия:

С. П. Антонов, А. Г. Дементьев (зам. главного редактора),
В. П. Катаев, С. С. Смирнов (зам. главного редактора),
С. Б. Сутоцкий, К. А. Федин.

Редакция: Москва-Центр, Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
Вход с улицы Чехова, 1. Тел. К 5-76-97.

Сдано в набор 25/VI-54 г. Подписано к печати 10/VII-54 г.
А 04684. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. 9 бум. л.—24,66 печ. л. Тираж 140.000. Заказ № 1644.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Смирнова-Стеланова, Москва, Пушкинская пл., 5.

Цена 7 руб.